

У 2010
4833к

ЛЕГЕНДАРНЫЙ БАТЫР

**Некоммерческая организация Фонд памяти павших советских воинов
в Восточной Пруссии «Память» Кор «Ескерткіш»**

Почтовый адрес: 111673, Москва, ул. Новокосинская, д. 8-1-231. Тел/факс 8(495)703-24-87. E-mail: vov1945@mail.ru

Президенту Республики Казахстан,

Председателю Ассамблеи народа Казахстана

Нурсултану Абишевичу Назарбаеву

в знак глубочайшей признательности и уважения!

От имени ветеранов, казахстанцев, проживающих в городе Москве.

Председатель НКО «Память»

с уважением,

Г. Смирнова.

ЛЕГЕНДАРНЫЙ БАТЫР

К столетию со дня рождения
Героя Советского Союза
Бауыржана Момышулы

Документы
Архивные материалы
Воспоминания

Издательство «Ленон»
Москва
2009

Редакционный совет:

Долгих В.И., Дважды Герой Социалистического труда, председатель Московского городского совета ветеранов войны и труда
Панфилова М.И., художник, поэт, академик, дочь генерала И.В. Панфилова
Байменше С.Е., первый секретарь Посольства Республики Казахстан в Российской Федерации, доктор филологических наук, член Союза журналистов Казахстана
Момышулы Бахытжан, писатель, сын Бауыржана Момышулы

Научные консультанты:

Мусаев К.М., доктор филологических наук
Канаянова Р.М., доктор политических наук
Кирабаев Н.С., доктор философских наук

Ответственный редактор:

Мырзахметулы Мекемтас – главный научный сотрудник научно-исследовательского центра «Бауыржантану», доктор филологических наук, профессор (г. Тараз, Республика Казахстан)

Авторы-составители:

ОРАЗБАЕВА Турсунай – поэт, журналист. Лауреат международных литературных премий им. А. Фадеева и «Алаш».
СМИРНОВА Гульзифа – президент Некоммерческой организации Фонд памяти павших советских воинов в Восточной Пруссии «Память» («Ескерткіш қоры»)
КАТИМХАН Мухамеджан – сотрудник научно-исследовательского центра «Бауыржантану» (г. Тараз, Республика Казахстан)

* * *

Книга издана при финансовой поддержке
ЕЛЕКБАЕВА Жаныбека Орынбасаровича,
президента Московского общества казахской культуры «Мурагер»

* * *

Легендарный батыр. – М. : «Леном», 2009. – 416 с.
ISBN 5-89711-018-2

Книга, посвященная столетию со дня рождения Героя Великой Отечественной войны, участника битвы за Москву Бауыржана Момышулы, подготовлена Научно-исследовательским центром «Бауыржантану» и НКО «Фонд памяти» («Ескерткіш» қоры).

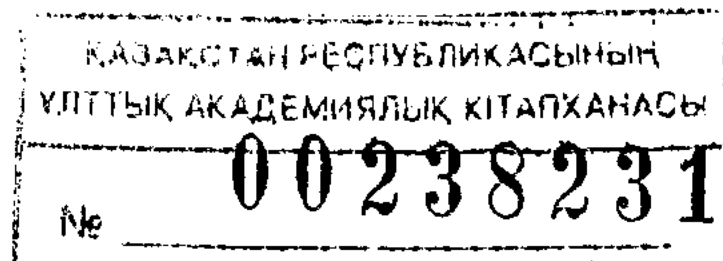
В книге собраны воспоминания, в том числе ранее не публиковавшиеся, а также дневниковые записи Бауыржана Момышулы, хранящиеся в московских архивах.

Для широкого круга читателей.

Воспроизведение (репродуцирование) материалов книги любым способом, полностью или частично, без письменного разрешения авторов, правообладателей и издательства запрещается.

© Научно-исследовательский центр «Бауыржантану», 2009
© НКО «Фонд памяти» («Ескерткіш» қоры), 2009
© Издательство «Леном», 2009

ISBN 5-89711-018-2

Мечтая о достойном будущем, давайте помнить о достойном прошлом.

Отдадим должное многим поколениям наших предков, которые, несмотря на все трудности, выпавшие на их долю, смогли обеспечить будущее своего народа, сохранить язык, культуру, традиции и свободолюбивые устремления. Всё это в конечном итоге и привело к возрождению казахской государственности.

Они научили беречь Отчизну – ведь это Родина, твоя родительница-земля.

...Сын казахской земли Бауыржан Момышулы для всех народов Содружества остается общим соотечественником. Солдат и народный писатель, он оставил всем нам главное – светлую веру в человека, в силу его духа.

Убежден, что имя Бауыржана Момышулы навсегда останется в памяти людей, как яркий пример общности наших народов и нашей исторической судьбы.

**Президент Республики Казахстан
Нурсултан НАЗАРБАЕВ**

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

«Счастливы тот, дела и слава
которого переживают его самого».

Славный боевой путь и творческая деятельность Героя Советского Союза, лауреата Государственной премии, писателя Бауыржана Момышулы (1910-1982 гг.) широко известны не только в Казахстане.

Горнило Великой Отечественной войны выковало незаурядную личность, человека чести и достоинства, открыто и смело выражавшего свою активную гражданскую позицию. Особое место в его фронтовой биографии занимает битва под Москвой. В суровые осенние дни 1941 года сформированная в Казахстане 316-я дивизия генерала И.В. Панфилова грудью встала на защиту Москвы на Волоколамском направлении. Бауыржан Момышулы в этих сражениях проявил беспримерный героизм, личную отвагу и беззаветную стойкость. Каким бы подразделением он ни командовал – взводом, батальоном, полком или дивизией – ему всегда удавалось блестяще выполнять все поставленные перед ним боевые задачи. За это его ценил и уважал легендарный генерал, командир дивизии Иван Васильевич Панфилов.

После войны Бауыржан Момышулы окончил Военную академию Генерального штаба, вел педагогическую и большую общественную работу. Он всегда всех убеждал, что военная наука является высоким искусством. Больших успехов он достиг и в литературе, став известным писателем. Среди его книг такие произведения, как «За нами Москва», «Генерал Панфилов», «Наша семья», а также сборники рассказов «Дневник офицера», «История одной ночи», «Кубинские встречи». Эти произведения отличаются пронзительной достоверностью и искренностью, в них ощущается реальная атмосфера военных лет, героизм солдат и офицеров, простые, но вечные ценности фронтовой дружбы, верности, доблести.

Книга «Наша семья», написанная Б. Момышулы в годы учебы в академии, стала настоящим событием для широкой читательской аудитории. В ней писатель с глубоким знанием дела рассказывает о своем народе, его истории, обычаях, традициях. В 1976 году за это произведение автор получил Государственную премию Казахской ССР имени Абая.

Жизнь и подвиги Бауыржана Момышулы легли в основу ряда художественных произведений, кинофильмов, пьес. Читатели знают его как главного героя повести А. Бека «Волоколамское шоссе». Образ нашего великого соотечественника полу-

Вступительное слово

чил достойное отражение в книгах А. Кривицкого «Вовеки не забуду», Д. Снегина «На дальних подступах», М. Габдуллина «Мои фронтовые друзья», А. Нуршаихова «Истина и легенда».

Первый раз судьба подарила мне встречу с Бауыржаном Момышулы в детстве. В далеком 1965 году я учился в 6-м классе и был председателем пионерской дружины школы №7 имени Героя Советского Союза Карсыбая Спатаева в городе Чимкенте. Прославленный командир дивизии Б.Момышулы приехал к нам вместе с другим знаменитым фронтовиком, Героем Советского Союза, писателем Маликом Габдуллиным. Помню, мы, школьники, как замороженные, искренне восхищались, слушая рассказы живых легенд о жестоких боях этой страшной войны, самоотверженности солдат и офицеров, тяжелых испытаниях и радостях побед.

Во время Великой Отечественной войны за героизм, проявленный в боях за Родину, Бауыржана Момышулы представляли к ордену Ленина и к званию Героя Советского Союза. Но, к сожалению, в силу субъективных причин это высокое звание тогда не было ему присвоено. В 1982 году Бауыржана Момышулы не стало. И только благодаря личной инициативе Президента Казахстана Нурсултана Абишевича Назарбаева историческая справедливость была восстановлена, и в 1990 году Бауыржану Момышулы посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза, а в 2005 году от благодарных потомков установлен бюст на Волоколамском шоссе под Москвой.

В 1990 году, когда я работал первым секретарем Тюлькубасского райкома партии Чимкентской области, мне выпала огромная честь принять участие в организации празднования 80-летнего юбилея Бауыржана Момышулы. В плане было провести ас на родине героя. Но популярность его в то время достигла такого пика, что мероприятие районного масштаба переросло во всенародное. К нам в район приехали его сын Бахытжан Момышулы и сноха Зейнеп Ахметова, видные общественные и государственные деятели Казахстана, представители интеллигенции страны и практически все жители близлежащих сел.

На живописных склонах Алатау раскинулись шестьдесят белоснежных юрт, был дан праздничный концерт мастеров искусств, прошли конно-спортивные состязания, конкурсы. Юбилейные торжества прошли, что называется, на одном дыхании. В них приняли живое участие все от мала до велика.

В эти же дни на горе Сас-Тобе был установлен билборд с мудрыми словами Бауыржана Момышулы: «Тәртіпке бас иген құл болмайды, тәртіпсіз ел болмайды» – изречением, наполненным большим философским смыслом. С тех пор прошло двадцать лет, сменилось поколение, многое в жизни изменилось, а билборд всё стоит на том же месте с теми же словами и остается столь же актуальным и в наше время. На память приходят слова Бауыржана Момышулы, оказавшиеся пророческими, о том, что пройдут годы, но потомки будут помнить его:

«Қадірін білмеппіз ғой тірі кезде»,
Деп жылар сорлы қазақ мен өлгенде.
Ұрпақ атар сексен мен жүздігімді,
Тарихтың тереңінен сөз келгенде.

В 2010 году мы будем праздновать 100-летний юбилей Бауыржана Момышулы – народного героя, человека, чье легендарное имя превратилось в символ мужества, храбрости, доблести и беззаветной любви к Родине.

*С искренним уважением
к почитателям личности Бауыржана Момышулы,*

**Заутбек ТУРИСБЕКОВ,
Чрезвычайный и Полномочный Посол
Республики Казахстан в Российской Федерации.**

К ЧИТАТЕЛЯМ!

Вторая мировая война пронеслась над землей, как смертельный смерч.

«Я в войну войной хочу войти, чтобы войну войной пресечь!» – так слагал стихи легендарный герой той страшной войны, неординарный, нестандартный полководец в звании полковника Красной Армии, самобытный писатель Бауыржан Момышулы. Слава о его полководческом даре давно облетела мир. Он стал кумиром миллионов людей – как в Советском Союзе, так и далеко за его пределами. Его признали наши недруги, с которыми он воевал, которых бил, которых победил. Но Героем Советского Союза он стал, как ни парадоксально, после своего великого освобождения – после смерти. Позднее, но признание. И то, слава Богу!

Он при жизни стал легендой, народным героем. Кто-то видел его, встречался с ним, кто-то слушал его лекции, публичные выступления, а кто-то был его другом – все, кто когда-либо видел и слышал его, пишут воспоминания о впечатлениях, пробужденных этим своенравным полковником. Многие слагали легенды, вкладывая в свои воспоминания такие черты характера, которые они хотели бы видеть в своем кумире! Так создавался образ свободного, непримиримого к отрицательным явлениям, не преклоняющегося перед несправедливостью высших чинов старшего лейтенанта, выросшего впоследствии в гвардии полковника Бауыржана Момышулы.

Он был героем войны, был литературным героем, сам стал писателем, а со временем стал героем устного народного творчества.

Он очень много писал. Вел дневники. Это мы теперь называем воспоминаниями. Но каждая запись в общей тетради чеканным размашистым почерком – это, по сути, отрезок его беспокойной жизни, мгновение... Он в эпистолярном жанре общался со многими видными учеными, писателями, поэтами, политическими и государственными деятелями. И письма эти – не просто «здравствуй, как дела?», это мысли о будущем казахской нации, смелая и жесткая правда о той действительности, в которой он родился и жил... Все, написанное им, для умеющего читать и думать – огромное духовное наследие. К сожалению, многое из написанного им не публиковалось: вездесущая, всемогущая цензура особо следила за такими непокорными личностями. Ему не давали свободно дышать. А он думал о своем народе. В одной из записей можно прочесть горькое признание: «...Я многократный кандидат на репрессии...»

Б. Момышулы лет с восемнадцати стал доверять свои мысли бумаге, записывать свои думы, которые не вмещались в рамки жестокого тоталитаризма. К своему великому освобождению он написал много. К его 100-летию со дня рождения в 2010 году готовится к изданию собрание сочинений в 30-ти томах. Из них 12 томов составляют романы, повести, поэмы, статьи на казахском и русском языках, посвященные выдающемуся национальному герою, писателю, славному полководцу. Это свидетельствует о безграничной любви народа к человеку, при жизни ставшему национальной гор-

достью. Наиболее показательными в этом плане являются повесть Александра Бека «Волоколамское шоссе», роман Азильхана Нуршаихова «Истина и легенда», книга-воспоминание снохи Бауке Зейнеп Ахметовой «Светлые дни»...

В этой книге, наряду с увидевшими ранее свет материалами, собраны прежде не публиковавшиеся воспоминания о нём, написанные уже после его смерти, архивные документы, письма, дневниковые записи Бауыржана Момышулы, а также редкие фотографии.

Бауыржан Момышулы – личность неординарная. О нём пишут его выдающиеся современники, вспоминая, что он говорил, как говорил, чего хотел, к чему стремился. Славы он хотел меньше всего. «Я полковник запаса, но не гражданин запаса! Я до последнего вздоха хочу служить своему народу» – пишет Бауке в своем дневнике...

Научно-исследовательский центр «Бауржантану» и НКО «Фонд памяти» («Ескерткіш» қоры») надеются, что это издание будет принято читательской общественностью благосклонно и найдет широкий отклик.

Пользуясь случаем, выражаем искреннюю признательность Посольству Республики Казахстан в Российской Федерации за оказанную всестороннюю поддержку и содействие в подготовке данного сборника.

**Мекемгас МЫРЗАХМЕТУЛЫ,
Главный научный сотрудник
научно-исследовательского
центра «Бауржантану»,
доктор филологических наук,
профессор**

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Настоящая книга, посвященная 100-летию со дня рождения народного героя Бауыржана Момышулы, является коллективным трудом, в котором воплотилось творчество многих авторов и впервые выходят в свет уникальные архивные материалы.

Среди авторов книги классики казахской литературы, современные поэты и писатели; журналисты, ученые, государственные и общественные деятели и, конечно, прославленные ветераны Великой Отечественной войны. Они принадлежат к различным историческим эпохам, представляют различные области деятельности. Но их всех объединило стремление рассказать о своих встречах, раздумьях, чувствах, связанных с Бауыржаном Момышулы.

Всех авторов книги объединяет глубокое уважение и восхищение перед необыкновенной личностью героя, его великими ратными подвигами, мощью интеллекта, твердостью нравственных устоев, силой негибаемого характера. Это придало их воспоминаниям и мыслям особую теплоту и искренность.

Иногда они повествуют об одних и тех же эпизодах жизненного пути Бауыржана Момышулы, анализируют одни и те же его мысли и наставления. Но при этом авторы не повторяются. Каждый из них ведет рассказ со своей собственной точки зрения, окрашивает в свои тона. В результате еще ярче высвечивается все богатство граней и смыслов происходившего и высказанного.

Все материалы публикуются в авторской редакции, с сохранением стилистики и орфографии, в том числе в написании имен и географических названий. Напомним, что в казахском и русском языке, как известно, имеется несколько вариантов написания имени и фамилии героя. Поэтому они приводятся так, как избрано автором или принято в документе.

Надеемся, что наш труд внесет свой посильный вклад в общее дело изучения духовно-нравственного, военно-теоретического и литературного наследия Бауыржана Момышулы, его значения для воспитания личности, развития общества и государства.

Позвольте выразить глубокую благодарность всем, кто принял участие в данном издании. Мы хотели бы особо поблагодарить следующие организации:

Московский городской совет ветеранов войны и труда; Международный союз «Содружество общественных организаций ветеранов (пенсионеров) независимых государств»; Центральный совет общественного объединения «Организация ветеранов Республики Казахстан»; Фонд Рошаль-Строевой, Центральный архив Министерства обороны РФ; Государственный архив РФ; Российский Государственный архив литературы и искусства; Посольство Республики Казахстан в Российской Федерации, Московское общество казахской культуры «Мурагер», Московское общество «Қазақ тілі», а также сотрудницу центра «Бауыржановедение» Сандугаш Жунисалиеву (г. Тараз) и директора издательства «Леном» Джамилю Канышевну Утегенову.

Первая часть
**Мы помним, чтим,
гордимся!**

Бірінші бөлім
**Біз ұмытпаймыз,
құрметтейміз,
мақтан етеміз!**

Личное дело К-39456

Колхоз «Урак-Балга», Джувалинский р-н, Южно-Казахстанской области

АВТОБИОГРАФИЯ

Гвардии полковник Баурджан Момыш-улы. Родился 24 декабря 1910 г. в Куюкской волости, Аулие-Атинского уезда, Сырдарьинской губернии в ауле Кольбастау, ныне Джувалинский р-н, колхоз «Урак-Балга» Южно-Казахстанской области, в семье кочевника-скотовода.

С 1921 по 1928 гг. учился и окончил 9-тилетнюю школу в г. Аулие-Ата.

Март 1928 г. Районным съездом Советов Джувалинского района был избран в состав Президиума Райисполкома, где по 1932 г. проработал на разных должностях: ответственным секретарем Президиума Райисполкома, начальником Райзу (Зам. пред. Райисполкома), Начальником РУМУР, помощником районного прокурора, затем районным прокурором, управляющим Райкоопхлебживмолполеводсоюза.

С января 1932 г. по ноябрь 1932 г. работал начальником сектора Госплана С-К Каз. ССР.

С 7 ноября 1932 г. призван на действительную военную службу на общих основаниях. Действительную военную службу проходил в команде одностаничников при 14-м ГКСП САВО.

В январе 1934 г. сдал зачет экстерном на командира взвода и уволился в запас. Поступил на краткосрочные курсы при Ленинградской финансовой Академии, по окончании которой в марте 1936 г. был вторично призван в ряды Красной Армии, службу проходил с марта 1936 года по январь 1937 года – командиром взвода полковой батареи 315 СП, 105 СД Дальневосточной Армии¹.

Январь 1937 года по январь 1938 г. – помощник командира батареи того же полка. Январь 1938 по февраль 1940 г. – командир батареи того же полка. В феврале 1940 г. получил назначение на должность командира 202 Отдельного Противотанкового дивизиона в г. Житомир, но ввиду занятости этой должности, фактически не командовал этим дивизионом и был назначен на должность ПНШ-1 Стрелкового полка 24 Стрелковой дивизии КОВО в г. Житомир, где проработал до 1 января 1941 г. С февраля 1941 г. по июнь 1941 г. работал старшим инструктором вневойсковой подготовки Казахского Республиканского Военного Комиссариата.

С июня 1941 г. по 26 ноября 1941 г. командовал стрелковым батальоном 1073 СП 316 СД Западного фронта под Москвой.

С 26 ноября 1941 г. по август 1942 г. командовал 19 (1073) Гвардейским Стрелковым полком 8 (316) Гвардейской Стрелковой дивизии, сначала на Западном фронте под Москвой, Калининском фронте под Старой Руссой и под Холмом.

¹ СП — стрелковый полк; СД - стрелковая дивизия; ПНШ-1- помощник начштаба, 1 отдел

Мы помним, чтим, гордимся!

В предвоенные годы

В плену на территории временно оккупированной немцами не был. Сам и родственники за границей не были, под следствием и судом не был.

Мать умерла в 1911 г., отец в 1939 г. Братьев не имею. Женат, имею двух детей, семья проживает в г. Алма-Ата, ул. Фурманова, дом 94, кв. 22.

В августе 1942 г. был назначен заместителем командира 8 Гвардейской Стрелковой дивизии по строевой части, но фактически в этой должности не состоял, продолжал командовать 19 Гвардейским полком до 27 ноября 1943 г.

Военное звание от старшего лейтенанта до полковника получил, командуя 19 Гвардейским полком. С декабря 1943 по март 1944 находился на излечении в госпитале по болезни.

Март 1944 г. по декабрь 1944 г. – слушатель курсов усовершенствования при Академии Генерального штаба, г. Москва.

Январь 1945 г. по настоящее время – командир 9 Гвардейской Стрелковой Краснознаменной дивизии.

Вступил в партию в апреле 1942 г. п. б. № 4445000.

Приказом Войскам Калининского фронта № 0196 от 6 июня 1942 г. награжден орденом «КРАСНОЕ ЗНАМЯ».

6 июня 1945 г.

Біз ұмытпаймыз, құрметтейміз, мақтан етеміз!

УЧЕТНО-ПОСЛУЖНАЯ КАРТА (УПК)**Момыш-улы Баурджан**

Призван в Вооруженные Силы 7 ноября 1932 г. Южно-Казахстанским обл. военкоматом, Каз. ССР г. Чимкент.

№№	Наименование	Приказ	№ приказа	Дата
1	Курсант: одногодичные курсы 14 горно-стрелковый полк			7.11.1932
2	Ком. взв. 14 горно-стр. полк САВО			1.9.1933
3	Уволен в запас			13.1.1934
4	Ком. взв. 315 стр. полк САВО	САВО	044	13.04.1936
5	Ком. пульроты ПТБ 315 сп 105 сд ОКДВА	ОКДВА	03	4.1.1937
6	Ком. взв. 267 сп 105 сд	НКО	0762	21.2.1940
7	Пом. нач-ка штаба полка 406 сп 24 сд			5.4.1940
8	Инструктор вневойсковой подготовки Военкомат Каз. ССР	Военкомат		19.2.1941
9	Ком. стр. б-на 1073 сп 316 сд	САВО	00143	12.7.1941
10	Ком. полка 19 Гв. Сп 8 Гв. Краснознам. Сд			15.11.1941
11	Зам. ком. полка 1075 сп 8 Гв. сд	Калининск фронт		10.12.1942
12	Ком. полка 19 Гв. сп 8 Гв сд 3 Ударная Армия	Калинин. фронт	0142	10.5.1942
13	Зам.ком. дивизии 8 Гв. сд Калинин. фронт	3 Уд. Армия	0592	16.8.1942
14	Ком. полка 19 Гв. сп 8 Гв.сд.	Калинин. фронт	0472	26.11.1942
15	На излечение в госпиталь по болезни	2 Уд Армия	0487	15.11.1943
16	В распоряжен. Ставки ВГК с прикомандир. на курсы «Выстрел»			3.5.1944
17	Зам.комдив. 9 Гв. стр. Краснознамен. Дивизии	Прибалт. Фронт	0127	3.2.1945
18	В распоряжен. ГУК г. Москва	НКО	0439	28.9.1945
19	Слушатель Высшая ордена Суворова 1 ст Военная Академия им. К Е Воршилова			
20	Зачислен в распоряжение Главнокоман-го Сухопутными войсками ВС	МВС	01874	28.9. 1948
21	Зам.ком. бриг. 49 отд. стр.бриг. Вост. СибВо	ГКСВ	03276	4.11.1948
22	Старший препод. Кафедры общей тактики и оперативного снабжения	ВМ.СССР	02982	25.11.1950
23	Уволен из кадров Сов. Армии в запас по ст. 59 п. (б) по болезни			

Сталинский райвоенкомат гор. Алма-Аты
Подполковник /Луценко/
Начальник 3 части
Майор /Косоногов/

Карта составлена в Сталинском РВК г. Алма-Аты со слов т. Момыш У.Б.

Мы помним, чтим, гордимся!**БОЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА**

На командира 1073 Гвардейского Стрелкового полка 8 Гвардейской Ордена Ленина и Красного Знамени Стрелковой дивизии имени Героя Советского Союза, генерал-майора И.В. Панфилова – майора **МОМЫШ УЛЫ** Баурджана.

1910 г. рождения, члена ВКП (б) с 1942 года, по национальности – казах, по соцположению – служащего, образование – общее среднее, военное – одногодичник, в Красной Армии с 1932 по 1934 гг. и с 1936 года, в действующей Армии с сентября 1941 года.

Тов. **МОМЫШ УЛЫ** в 8 Гвардейской дивизии – со дня ее формирования. Вместе с дивизией он прошел славный боевой путь.

В боях за нашу Советскую Родину т. **МОМЫШ УЛЫ** проявил себя как исключительно мужественный и отважный командир, преданный Великому делу партии **ЛЕНИНА-СТАЛИНА**.

Тов. **МОМЫШ УЛЫ** тактически подготовлен хорошо, в ожесточенных боях с немецко-фашистскими оккупантами, на практической командной работе повысил свои военные знания и умело применяет их в бою.

В период с июля по сентябрь 1941 г., будучи командиром стрелкового батальона, капитан (ныне майор) **МОМЫШ УЛЫ** воспитал в бойцах и командирах беспредельную преданность своей Родине, добился хорошей боевой подготовки личного состава своего батальона.

В октябре 1941 года в боях за Москву батальон под командованием т. **МОМЫШ УЛЫ** храбро сражался с врагом и нанес ему чувствительные удары.

С ноября 1941 г. т. **МОМЫШ УЛЫ** – командир 1073 полка, личный состав которого воевал на Западном фронте, сдерживая натиск противника, уничтожая его живую силу и технику.

Вместе с другими частями дивизии полк **МОМЫШ УЛЫ** положил начало разгрому немецких оккупантов под Москвой (на Волоколамском направлении).

Зимой и весной 1942 года на Калининском фронте в условиях: сначала многоснежной зимы, сильных морозов и бездорожья, а затем весенней распутицы и болотистой местности 1073 Гвардейский стрелковый полк, ведя наступательные бои, истребил тысячи немецких солдат и офицеров, уничтожил много танков, автомашин и другой боевой техники противника, освободил десятки сел и деревень.

Общеизвестные заслуги дивизии перед страной, преобразование ее в Гвардейскую, награждение ее Орденом Красного Знамени и Орденом Ленина связаны с боевыми успехами 1073 стрелкового полка, командует которым майор **МОМЫШ УЛЫ**.

Майор **МОМЫШ УЛЫ** – верный сын казахского народа, с оружием в руках отстаивающий честь и независимость своей Советской страны, один из лучших представителей этого народа – представлен к правительственной награде.

КОМАНДИР ДИВИЗИИ ВОЕНКОМ ДИВИЗИИ
ПОЛКОВНИК СЕРЕБРЯКОВ ПОЛКОВОЙ КОМИССАР ЛОБОВ

НАЧАЛЬНИК ШТАБА ДИВИЗИИ
ПОДПОЛКОВНИК ГОФМАН

«12» июня 1942 года

Архив МО СССР, Ф. 8 ГВ. СД.

Опись: 64722 с.д.1 л.56.

ПРЕЗИДЕНТУ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК ТОВ. ГОРБАЧЕВУ М.С.

О ПРИСВОЕНИИ ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА МОМЫШУЛЫ БАУРДЖАНУ

В последние годы трудящиеся и широкая общественность республики, многие знатные люди, ветераны войны и труда, деятели науки и культуры, народные депутаты упорно ставят вопрос о восстановлении исторической справедливости – присвоении звания Героя Советского Союза участнику Великой Отечественной войны, легендарному панфиловцу, гвардии полковнику Баурджану Момышулы (посмертно). В поддержку общественного мнения и с учетом новых сведений о подвигах Б. Момышулы в годы войны Военный Комиссариат Казахской ССР и ветераны панфиловской дивизии вошли с ходатайством о присвоении ему высокого звания.

Действительно, Баурджан Момышулы – легендарная личность, широко известная и популярная в республике, истинный народный герой, пользующийся непререкаемым авторитетом. Родился он в 1910 году, с 1932 года служил в рядах Советской Армии, прошел всю Отечественную войну, командовал взводом, батальоном и дивизией. После войны окончил Военную Академию Генштаба Советской Армии, занимался военно-педагогической деятельностью.

Баурджан Момышулы особенно прославился в оборонительных боях под Москвой на Волоколамском направлении в осенне-зимних операциях 1941-1942 годов. В должности командира батальона провел 27 успешных боев, имеющих исключительно важное тактическое значение. В боях у деревни Горюны и железнодорожной станции Матренино его батальоном уничтожено до 600 немецких солдат и офицеров, 6 танков, захвачено 18 станковых и ручных пулеметов, 2 орудия, 3 радиостанции, 2 штабных автомашины с секретными документами. При ночном налете с полувзводом бойцов и легкими орудиями в расположение противника в районе деревни Лопатино-Десятидворка уничтожено до 200 немецких захватчиков. В боях в населенном пункте Крюково стрелковым полком Б. Момышулы уничтожено до полка пехоты противника, 18 танков и много другой боевой техники. В этой и во многих других боевых операциях Баурджан Момышулы проявлял завидную личную храбрость, мужество и отвагу, личным примером воодушевлял на смелые действия бойцов, тактически верно и умело управлял подчиненными подразделениями.

За все эти и другие подвиги Б. Момышулы командиром 316 стрелковой дивизии И.В. Панфиловым 7 ноября 1941 года был представлен к награждению орденом Ленина, а в августе 1942 года командиром 8 гвардейской стрелковой дивизии Серебряковым был представлен к присвоению звания Героя Советского Союза. Но оба эти представления, по неизвестным причинам, остались без внимания.

Мы помним, чтим, гордимся!

В дальнейшем Баурджан Момышулы в должности командира полков и дивизии активно участвовал в наступательных операциях 1942-1943 годов на Калининском фронте и в разгроме весной 1945 года немецких войск в Курляндии. Только в операции в районе села Приекуле в феврале-марте 1945 года 9 гвардейская стрелковая дивизия под командованием Баурджана Момышулы прорвала три полосы сильно укрепленных оборонительных сооружений противника, продвинулась вперед на 8 километров, освободила 15 населенных пунктов, уничтожила 950 немецких солдат и офицеров, 25 орудий, 50 пулеметов и минометов, 35 танков.

Жизнь и подвиги Баурджана Момышулы легли в основу многих художественных произведений: повести А. Бека «Волоколамское шоссе», книг А. Кривицкого «Вовеки не забуду», Дм. Снегина «На дальних подступах» и «В наступлении», М. Габдуллина «Мои фронтовые друзья», А. Нуршаихова «Истина и легенда», художественного фильма «За нами Москва», пьесы В. Шацкого «Волоколамское шоссе», поставленной во МХАТе, и ряда других.

Недавно, в результате активных поисков в архивах Министерства обороны СССР, нами обнаружено письмо-записка бывшего командира 8 гвардейской (Панфиловской) стрелковой дивизии Серебрякова в Президиум Верховного Совета СССР от 17 июля 1944 года, где детально и подробно описываются подвиги Б. Момышулы в сражениях под Москвой и подтверждается факт представления его к Орденом Ленина, затем к высокому званию Героя Советского Союза (прилагается. Арх. МО СССР, Ф.1063, оп.д.4, л.л.96-98).

Присвоение звания Героя Советского Союза легендарному герою казахского народа Баурджану Момышулы стало бы историческим актом торжества справедливости.

Н.А. НАЗАРБАЕВ

Приложения:

АППАРАТ ПРЕЗИДЕНТА
КАЗАХСКОЙ ССР

ЗАВЕДУЮЩЕМУ ОТДЕЛА НАГРАД
Тов. БЕРДЮГИНУ Г.Л.
г. Алма-Ата

«21» октября 1990 г.
№ 3Ъ2519

В связи с Вашим запросом, сообщая сведения о прохождении военной службы полковника **МОМЫШ-УЛЫ** Баурджана:

- 07.11.1932 г. – 09.1933 г. – курсант, 14 горнострелковый полк;
- 09.1933 г. – 01.1934 г. – командир взвода, 14 горнострелковый полк;
- 13.01.1934 г. – уволен в запас;
- 25.03.1936 г. – 01.1937 г. – командир взвода, 315 СП САВО;
- 01.1937 г. – 04.1940 г. – командир полуроты, 315 СП 105 СД САВО;
- 04.1940 г. – 01.1941 г. – помощник начальника штаба, 406 СП 24 СД САВО;
- 01.1941 г. – 06.1941 г. – старший инструктор вневойсковой подготовки Военкомата Казахской ССР САВО;
- 06.1941 г. – 11.1941 г. – командир батальона, 1073 СП 316 СД (переименована в 8 гв. СД);
- 11.1941 г. – 12.1941 г. – командир 19 гв. стрелкового полка 8 гв. СД Западный фронт;
- 12.1941 г. – 02.1942 г. – заместитель командира 1075 СП, 8 гв. СД Калининский фронт;
- 02.1942 г. – 08.1942 г. – командир 19 гв. СП, 8 гв. СД, 3 ударная армия Калининский фронт;
- 08.1942 г. – 11.1942 г. – заместитель командира 8 гв. СД, 3 ударная армия Калининский фронт;
- 11.1942 г. – 11.1943 г. – командир 19 гв. СП, 8 гв. СД Калининский фронт;
- 11.1943 г. – 01.1944 г. – на излечении в военном госпитале по болезни;
- 01.1944 г. – 02.1944 г. – отпуск по болезни в город Алма-Ату;
- 02.1944 г. – 03.1944 г. – в госпитале города Алма-Аты по болезни;
- 03.1944 г. – 05.1944 г. – в распоряжении Главного управления кадров НКО;
- 05.1944 г. – 01.1945 г. – в распоряжении Ставки Верховного Главнокомандующего и военсовета 2 Прибалтийского фронта
- 01.1945 г. – 09.1945 г. – заместитель командира 9 гв. СД 6 гв. армии I Прибалтийского фронта и Ленинградского фронта с исполнением обязанностей командира дивизии;
- 09.1945 г. – 01.1946 г. – в распоряжении начальника ГУК НКО;

Мы помним, чтим, гордимся!

- 01.1946 г. – 05.1948 г. – слушатель Военной академии имени Ворошилова;
- 05.1948 г. – 11.1948 г. – в распоряжении Главкома Сухопутных войск;
- 11.1948 г. – 11.1950 г. – заместитель командира 49 стрелковой бригады;
- 11.1950 г. – 12.1955 г. – старший преподаватель кафедры общей тактики и оперативного искусства Военной академии тыла и снабжения Советской Армии;
- 21.12.1955 г. – уволен из рядов ВС СССР в запас по статье 59 пункту «б» – По болезни, с правом ношения военной формы одежды.

ВРИО ВОЕННОГО КОМИССАРА КАЗАХСКОЙ ССР
Полковник В. ХАРАКТЕРОВ

Верно:
ВРИО НАЧАЛЬНИКА 3 ОТДЕЛА ВК КАЗ ССР
Подполковник Е. ПАНОВ

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество **МОМЫШ-УЛЫ Баурджан**
2. Военное звание, личный номер (для офицера) гвардии полковник (18.06.1943 г.)
3. Должность Командир 9 Гвардейской стрелковой дивизии 2 Гвардейского стрелкового корпуса 6 Гвардейской армии с 21.01.1945 года по 28.09.1945 года
4. Год и место рождения 1910 года рождения, Чимкентская область, Джувалинский район, колхоз Урак-Балга
5. Национальность казах
6. Партийность член КПСС с 1942 года
7. Участие в боевых действиях по защите СССР (когда, где)
Принимал активное участие в Великой Отечественной войне в составе 1073 сп 316 сд с 06.1941 г. по 11.1941 г., 19 гв. сп 3 гв. сд с 11.1941 г. по 03.1944 г., управления 9 гв. сд с 01.1945 г. по 05.1945 г.
8. Ранения, контузии Ранен 05.12.1941 года в районе деревни Крюково
9. В Вооруженных Силах СССР с 7 ноября 1932 года по 13 января 1934 года и с 25 марта 1936 года по 21 декабря 1955 года, призван Джувалинским РВК Чимкентской области
10. Какими государственными наградами награжден ранее Двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени, орденом Красной Звезды, 30.12.1956 года
11. Домашний адрес представляемого к награждению или его семьи:
480002, город Алма-Ата, улица Гоголя, дом 15, квартира 106,
Проживает его сын – **МОМЫШ-УЛЫ Бахытжан**
12. Заслуги, за которые представлялся к награждению:
В годы Великой Отечественной войны **МОМЫШ-УЛЫ Баурджан** проходил службу в должностях командира стрелкового батальона 1073 сп 316 сд (переименована в 8 гв. сд), заместителя командира 8 гв. сд, заместителя командира 9 гв. сд 6 гв. армии с исполнением обязанностей командира дивизии.

Документы Центрального архива МО СССР свидетельствуют о совершении героических подвигов в период войны полковника **МОМЫШ-УЛЫ Б.**, о его самоотверженной борьбе против врага.

Так, будучи командиром батальона 1073 сп., он провел 27 боев в условиях маневренной обороны под Москвой в 1941 году. Отрываясь от дивизии, с целью выполнения задач в тылу противника, он 5 раз успешно выполнял поставленные задачи в условиях окружения и умело выводил свой батальон и приданное ему подразделение на соединение с основными частями, сохранив людей и технику.

26 октября 1941 года товарищ **МОМЫШ-УЛЫ Б.** вывел в город Волоколамск, после упорных боев на первом рубеже, из окружения 690 человек, 18 артупряжей и 30 повозок. При этом он организованно вел бой по выводу батальона из окружения на промежуточных рубежах на протяжении 35 км.

Мы помним, чтим, гордимся!

В этих боях особое значение имели для дивизии бои, данные им в районе Сафатово, Милованы, Рюховское и Спас-Рюховское, когда батальон врезался в хвост немецких колонн, наступающих на Волоколамск, что способствовало выигрышу времени и отрыву основной силы дивизии от преследования противника и задержке на двое суток главных сил противника на Волоколамском направлении. В боях за город Волоколамск с 27.10.1941 года по 15.11.1941 года батальон МОМЫШ-УЛЫ неоднократно отличался своими действиями по разгрому немецких захватчиков.

За эти подвиги командиром дивизии 7 ноября 1941 года он был представлен к награждению орденом Ленина. Но судьба наградного листа неизвестна, и заслуженные подвиги остались неотмеченными.

С 16.11.1941 года по 20.11.1941 года батальон под его командованием ведет бой в условиях окружения в районе деревни Горюны на Волоколамском шоссе, станции Матренино, перерезав основные пути движения главных сил противника, наступающего на Москву. В это время основные части дивизии отходили на промежуточный рубеж и действия батальона обеспечили отрыв сил дивизии от наступающего противника. В этих боях батальоном уничтожено до 600 гитлеровцев, 6 танков и захвачены трофеи: 6 станковых пулеметов, 12 ручных пулеметов, 2 орудия, 8 радиостанций, 2 штабных автомашины с документами, в числе которых много секретных документов, расшифровывающих главные силы Волоколамской группировки.

С 20 ноября 1941 года, прорвав кольцо окружения, ведя постоянные бои в тылу противника в течение 3-х суток, 23 ноября 1941 года присоединился к своему полку. Вывел с собой 350 человек, 2 орудия, 16 повозок, 4 станковых пулемета.

В районе деревни Лопастино-Десятидворка МОМЫШ-УЛЫ Б. с одним ПТО, двумя минометами, двумя станковыми пулеметами и полувзводом бойцов совершил ночной налет на расположение противника, где было уничтожено до 200 вражеских солдат. Этот подвиг не был отмечен государственной наградой.

С 26 по 30 ноября 1941 года, в период командования полком, вел упорные бои в районе деревни Соколово, в течение четырех суток отбивал атаки противника, несмотря на интенсивную бомбардировку авиации.

В боях за станцию и населенный пункт Крюково полк находился в центре боевого порядка дивизии и вел упорные оборонительные бои с 30 ноября по 7 декабря 1941 года.

5 декабря в этих боях МОМЫШ-УЛЫ Б. получил ранение, но поля боя не покинул и продолжал руководить подчиненными до 7 декабря 1941 года.

В боях в районе Крюково было уничтожено до полка пехоты противника, 18 танков и много другой техники.

В период зимнего наступления под Москвой МОМЫШ-УЛЫ Б. с полутора батальонами стрелков смелым ночным налетом разгромил резервы дивизии СС «Мертвая голова» и захватил узел шести дорог с населенными пунктами Бородино, Барклавица, Трашково, Трохово, Конюшено, Ващково и тем самым 6 февраля 1942 года обеспечил выполнение задачи дивизии, лишив противника путей и возможностей по перебро-

Біз ұмытпаймыз, құрметтейміз, мақтан етеміз!

ске резервов Соколовской группе, которая упорно обороняла деревню Соколово в течение трех суток.

9 февраля 1942 года в районе Бол. Желудьково со взводом разведчиков полка наткнулся на отходящие части противника в количестве до 600 человек и 8 танков. Внезапным огневым налетом рассеял противника, при этом было уничтожено до 200 вражеских солдат и захвачены важные оперативные документы.

С 27 февраля по 13 мая 1942 года полк, занимая оборону в невыгодных условиях в лесисто-болотистой местности на широком фронте в районе деревень Дубровка-Кобляки, находясь в «огневом мешке» трех авиаполов противника, отбил до сотни атак, не уступив ни одного метра земли и нанося противнику большие потери.

Учитывая все перечисленные выше подвиги **МОМЫШ-УЛЫ Б.**, в августе 1942 года командиром 8 гв. стрелковой дивизии полковником **СЕРЕБРЯКОВЫМ** на него был оформлен наградной лист к присвоению звания «Герой Советского Союза», судьба которого до настоящего времени не известна.

Наградной лист составлен на основании Справки командира 8 гвардейской стрелковой дивизии гвардии полковника **СЕРЕБРЯКОВА**, направленной в адрес Президиума Верховного Совета СССР 17 июля 1944 года (№ 420) и, в копии, Верховному Совету Казахской ССР.

ВЫВОД: Учитывая совершенные подвиги полковником **МОМЫШ-УЛЫ Баурджаном** в годы Великой Отечественной войны, ходатайствую о присвоении ему звания «Герой Советского Союза» – посмертно.

ВОЕННЫЙ КОМИССАР КАЗАХСКОЙ ССР

Генерал-майор **Б. Ярмухамедов**

«29» октября 1990 года

Рассмотрено и одобрено на военном Совете округа
Протокол № 065 от «30» октября 1990 г.

Ходатайствую о присвоении высшей степени отличия –
звания «Герой Советского Союза» (посмертно)
Гвардии полковнику **МОМЫШ-УЛЫ Баурджану**

**КОМАНДУЮЩИЙ ВОЙСКАМИ КРАСНОЗНАМЕННОГО
ТУРКЕСТАНСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА**

Генерал-полковник **И. Фуженко**

«31» октября 1990 года

Мы помним, чтим, гордимся!

Біз ұмытпаймыз, құрметтейміз, мақтан етеміз!

У К А З

ПРЕЗИДЕНТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

**о присвоении звания Героя Советского Союза
активным участникам Великой Отечественной
войны 1941–1945 годов**

За мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов, присвоить звание ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА (посмертно):

МОМЫШУЛЫ Баурджану – полковнику

ХАБЕКОВУ Умару Хамидовичу – капитану

**Президент
Союза Советских Социалистических Республик**

М. ГОРБАЧЕВ

**Москва, Кремль
11 декабря 1990 г.**

№ VII-1156

Мы помним, чтим, гордимся!

В.И. ДОЛГИХ

Дважды Герой Социалистического Труда,
Председатель Московского городского
совета ветеранов войны и труда

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ УЧАСТНИКА БИТВЫ ЗА МОСКВУ, ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА БАУРДЖАНА МОМЫШ-УЛЫ

Чем дальше от нас уходят дни военной поры, тем величественней и весомей становится подвиг советского народа, отстоявшего в жестоких схватках с коварным врагом свободу, честь и независимость своей Родины, освободившего народы Европы от ига коричневой чумы. Вооруженная до зубов фашистская армада наступала так мощно и стремительно, что, казалось, нет такой силы, которая могла бы противостоять ей. Через три месяца войны враг уже стоял у ворот столицы Страны Советов. Весь мир затаил дыхание. В этот момент не только наши недруги, но и многие друзья не сомневались, что судьба Москвы предрешена. Но, вопреки всем прогнозам, советские войска, уступая врагу по численности, артиллерии и танкам, имея сложное оперативно-стратегическое положение, внезапно в ночь с 5 на 6 декабря 1941 года перешли в контрнаступление, а затем и в общее наступление, отбросив фашистские полчища на 100-250 километром на запад. Так была отведена угроза захвата столицы, а ее защитники покрыли себя неувядаемой славой, стали примером силы духа, героизма и храбрости. И среди тех, кто на подмосковных заснеженных полях с оружием в руках совершал это чудо, был майор Баурджан Момыш-улы, командир 1073-го гвардейского стрелкового полка 8-й гвардейской ордена Ленина и Боевого Красного Знамени стрелковой дивизии имени Героя Советского Союза И.В. Панфилова. Заслуги Панфиловской дивизии в битве за Москву общеизвестны, и они напрямую связаны с боевыми успехами 1073-го стрелкового полка, которым командовал майор Момыш-улы. Вместе с дивизией он прошел славный боевой путь со дня ее формирования. Ранее, в ходе боевой подготовки и боевого слаживания частей и подразделений дивизии Момыш-улы, будучи командиром стрелкового батальона, добился высоких результатов в обучении и воспитании подчиненных. В оборонительных боях за Москву в октябре 1941 года батальон под командованием Момыш-улы наносил существенные удары.

В ходе наступательных боев зимой и весной 1942 года полк Момыш-улы истребил тысячи фашистских солдат и офицеров, уничтожил много танков, автомашин и другой боевой техники противника, освободил десятки сел и деревень. Ратный подвиг верного сына казахского народа был отмечен присвоением ему звания Героя Советского Союза (посмертно).

В последовавшие годы полковник Баурджан Момыш-улы готовил высококвалифицированные кадры для Вооруженных Сил в Военной Академии Тыла и Транспорта.

Біз ұмытпаймыз, құрметтейміз, мақтан етеміз!

К сожалению, с каждым годом редет строй фронтовиков, все меньше остается участников, очевидцев той кровопролитной и бесчеловечной войны, свидетелей того грозowego лихолетья. Нет сегодня среди нас и Героя Советского Союза полковника Баурджана Момыш-улы. Но подвиг защитников Отечества навсегда, на веки вечные останется в памяти поколений. Тому свидетельство и эта книга. Сохраняя память об ушедших, заботясь о ныне живущих участниках войны, воздавая им должное за самоотверженность и героизм, мы должны всегда помнить, что это не только святая наша обязанность, но и счастливая возможность быть причастными к высоким дням истории.

Мы помним, чтим, гордимся!

Сабит МУКАНОВ
Народный писатель Казахстана,
Лауреат Государственной Премии
Республики Казахстан имени Абая

СЛАВНОМУ БРАТУ БАУРДЖАНУ

Вы слышите, слава гремит,
Как горный поток по весне.
И девушкам снится бесстрашный джигит,
Летящий на белом коне.

Я много прошел и тропинок, и трасс,
Немало увидел я стран,
И вместо приветствия слышал не раз:
Москва, Казахстан, Баурджан!

Тогда, восхищенье читая в глазах
Гаванцев, пражан, парижан,
Был горд, что герой этот славный – казах,
Земляк мой – стальной Баурджан.

Панфиловский сокол, питомец степей,
Команда – и в стремя нога.
Как залпом «катюши», отвагой своей
Умел накрывать он врага.

Умел отступить, не умел отступать.
Умел заманить, обойти.
И только поэтому мог побеждать
На огненном нашем пути.

Искусство его постигает солдат,
Стихи о нем пишет поэт.
Я знаю, что мужество – тоже талант,
Героя без мужества нет.

И сказочник мудрый, наш древний Восток,
Любви к земляку не тая,
В сказаньях о нем и прибавит чуток –
Ведь кровь-то родная, своя.

Біз ұмытпаймыз, құрметтейміз, мақтан етеміз!

Прибавит чуток, приукрасит молвой –
И он великаном слывет,
Таким, что поднимется грозной горой
И горы любые свернет.

Мне лестно услышать, что он великан,
Что темную силу поверг.
Но перед глазами всегда Баурджан –
Простой, дорогой человек.

Глаза его зорки и руки сильны,
И стать не согнется в поклон.
В армейском горниле Советской страны
Был этот клинок закален.

Не долго он в ножнах покоился. В бой,
В атаку – железный приказ.
Он был занесен над врагом под Москвой
В труднейший для Родины час.

Взлетала земля и трещала броня,
Орудия били во мгле.
Держал Баурджан боевого коня
И с честью держался в седле.

Врезался он дерзко во вражеский стан,
И подвиг его не забыт.
С Маресьевым, Зоей, джигит Баурджан
В шеренге героев стоит.

Мы той юбилейный справляем ему,
Батыру уже шестьдесят.
О годах прошедших вздохать ни к чему,
Так дайте я крепко его обниму,
Спасибо, достойнейший брат!

Перевод Игоря Ляпина

Мы помним, чтим, гордимся!

А.И. СОРОКИН

Адмирал флота,

Председатель Координационного совета
Международного союза «Содружество
Общественных организаций ветеранов
(пенсионеров) независимых государств»

ДРУЖБА НАРОДОВ – ЗАЛОГ ПОБЕДЫ

Мы, ветераны, гордимся такими героями, как Баурджан Момыш-улы. Командуя батальоном в битве под Москвой, он проявил высочайшую стойкость и мужество. Участвовал в 27 боях. Раненый, не покинул поле боя. В труднейшие дни сражения под Крюково приказал своему адъютанту сжечь карту местности, ведущей к Москве, и сказал: «Карта нам не понадобится. Мы отбросим врага или умрем под Крюково». Эти слова вошли в историю как образец священной клятвы воина. И Баурджан Момыш-улы сдержал эту клятву.

В начале 1945 года он командовал 9-й гвардейской стрелковой дивизией, которая в Прибалтике прорвала три полосы сильно укрепленной обороны противника, нанеся гитлеровцам значительный урон в живой силе и боевой технике.

Баурджан Момыш-улы – один из 500 казахстанцев, удостоенных звания Героя Советского Союза. Среди них – казахи, русские, украинцы, киргизы... Мы гордимся многонациональной Красной Армией, защитившей нашу общую Родину от фашистских захватчиков. Дружба народов была одним из залогов Великой Победы. Хорошо сказал ветеран Панфиловской дивизии Муташ Кожабергенов, участвовавший в праздновании 65-й годовщины битвы под Москвой: «Мы не интересовались национальностью однополчан. У нас была одна национальность – советский солдат».

Имя славного сына казахского народа Баурджана Момыш-улы навечно останется в памяти потомков.

Суюнбай ЕРАЛИЕВ
Народный поэт Киргизии

КОМАНДИР НА БЕЛОМ КОНЕ

Контрольный пост в деревне Княжий Клин,
И фронтовой рубеж неподалеку.

Здесь сто дорог впадают в путь один,
Путь, выбранный по совести и долгу.

Здесь бдительность командует сама,
Штаб корпуса сверяет донесенья.
Рассвет встает, сгущается ли тьма,
Исполнен будь вниманья и терпенья.

Вдруг вижу, белым облаком вдали
Возникший, всадник прямо к нам несётся,
Летит, да так, что, кажется, земли
Ни разу конь копытом не коснется.

Я говорю напарнику: – Гляди,
Ведь это Баурджан, его приметы, –
И думаю: «Герой, не осуди,
Что мы твои проверим документы».

Момыш-улы – во вражьем горле кость,
Наслышан я о подвигах джигита,
А встретиться ни разу не пришлось.
И вот он сам – под буркой знаменитой.

Заметив знак мой, повод подобрал:
Не погарцуешь, мол, перед уставом.
Конь перешел на шаг и тут же стал,
Послушно стал он, твердо, не устало.

Герой, как подобает, молодой,
Я старше представлял его, однако.
Как бы в раздумье гладит он рукой
Ухоженную гриву аргамака.

Узнав во мне киргиза, говорит:
– Случалось мне бывать в аилах ваших.
Достойным будь отечества, джигит,
Достойным будь своих собратьев павших.

Мы помним, чтим, гордимся!

Пожал мне руку: – Мы с тобой родня,
Не подведи, да будет путь твой светел. –
И тронул напряженного коня.
И тот пошел, понес его, как ветер.

Да, конь по-настоящему хорош!
В какие он ещё помчится дали!
Вот он опять на облако похож,
Как будто в молоке его купали.

Ах, этот Лебедь – ладен и умен!
Он, как и всадник, дьявольски отважен,
Опять навстречу бою рвется он –
Путь под ноги, и враг ему не страшен.

Достойный всадник, конь ему под стать,
Они настолько слиты воедино,
Глядишь им вслед, и глаз не оторвать –
Суровых дней прекрасная картина.

Перевод Игоря Ляпина

**Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев и губернатор
Московской области Б.В. Громов на церемонии открытия памятников
генералу И.В. Панфилову и Б. Момьшуды в поселке Нелидово
под Волоколамском в 2005 году**

Н.А. Назарбаев и Б.В. Громов с ветеранами Великой Отечественной войны
в поселке Нелидово под Москвой

С продолжателями славных боевых традиций

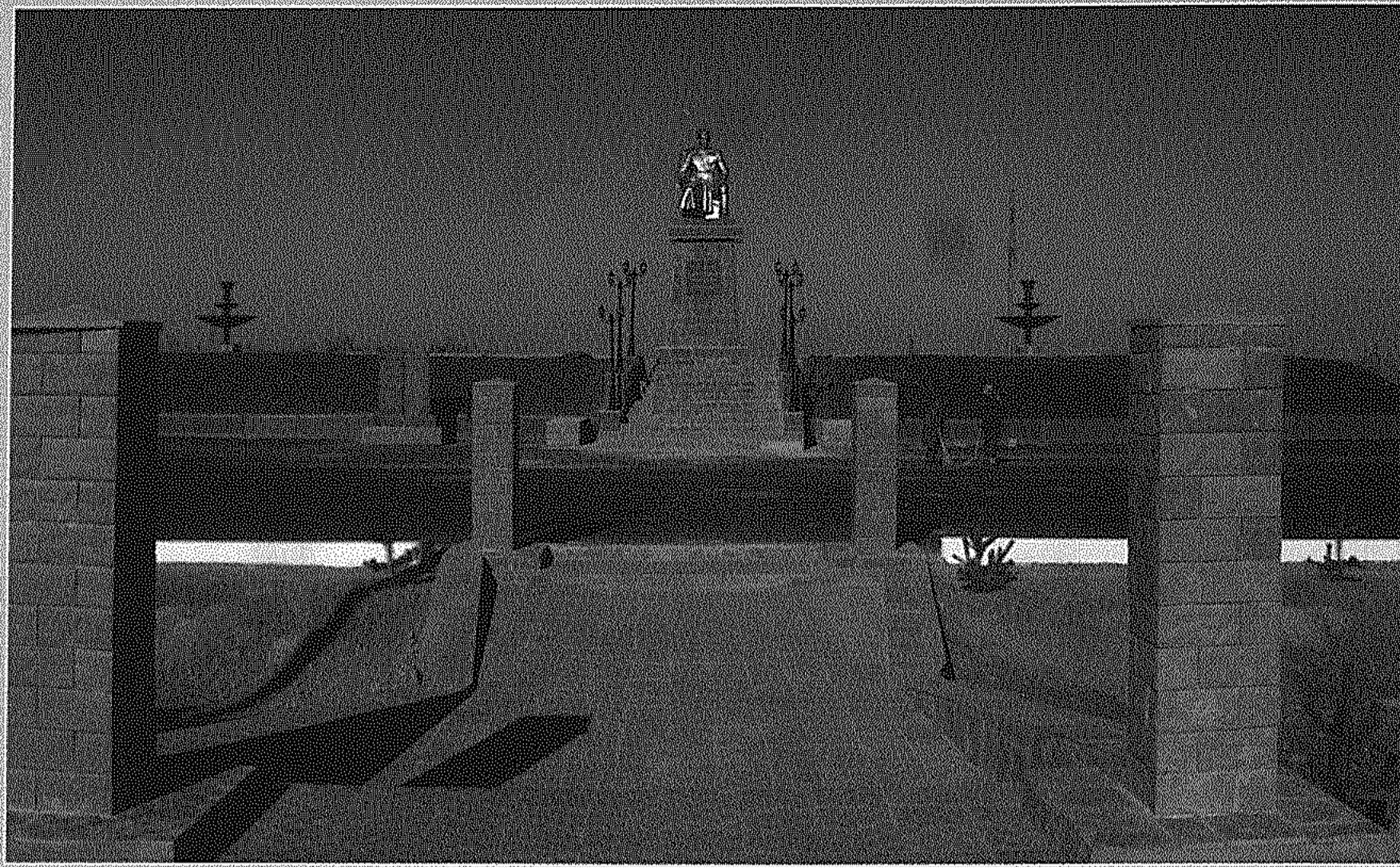

Памятник Бауыржану Момышулы
в Таразе

Почетный караул у памятника Герою Советского Союза Бауыржану Момышулы
на родине – в Жуалынском районе Жамбылской области

Памятник на родине Героя

Средняя школа в Шымкенте, в которой учился Бауыржан Момышулы

Школа имени Бауыржана Момышулы

Вид музея Бауыржана Момышулы в Таразе

Рабочий стол Бауыржана Момышулы – экспонат музея

В музее

Экспонаты музея

Экспозиция музея

Памятник Бауыржану Момышулы перед зданием школы
Министерства Внутренних Дел Республики Казахстан в Шымкенте

Юбилейный вечер в Москве, посвященный 90-летию со дня рождения
Бауыржана Момышулы

ВЫСШАЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА

УЧАСТНИКАМ ЮБИЛЕЙНОГО ВЕЧЕРА, ПОСВЯЩЁННОГО 90-ЛЕТИЮ БАУЫРЖАНА МОМЫШ-УЛЫ

СЕРДЕЧНО ПРИЗНАТЕЛЕН ВСЕМ УЧАСТНИКАМ ЮБИЛЕЙНОГО ВЕЧЕРА ЗА БЛАГОДАРНУЮ ПАМЯТЬ К НАШЕМУ СООТЕЧЕСТВЕННИКУ, БАУЫРЖАНУ МОМЫШ-УЛЫ, 90-ЛЕТИЕ КОТОРОГО ВЫ ОТМЕЧАЕТЕ В ЭТИ ДНИ.

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ОФИЦЕР ПРОШЕЛ ТЯЖЕЛЫЕ ДОРОГИ ВОЙНЫ С ПЕРВОГО ДНЯ ДО ПОСЛЕДНЕГО. В СОСТАВЕ ЗНАМЕНИТОЙ ПАНФИЛОВСКОЙ ДИВИЗИИ ОН ВПИСАЛ СВОЁ ИМЯ В ИСТОРИЮ ГЕРОИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ МОСКВЫ. ВЫСОКОЕ ЗВАНИЕ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА НЕ СРАЗУ НАШЛО ЕГО, НО СПРАВЕДЛИВОСТЬ ВОСТОРЖЕСТВОВАЛА, ХОТЯ И ПОСЛЕ СМЕРТИ СЛАВНОГО ВОИНА.

В МИРНЫЕ ГОДЫ БАУЫРЖАН МОМЫШ-УЛЫ СОВЕРШИЛ НОВЫЙ ПОДВИГ. СВОИМ ТВОРЧЕСТВОМ — ОН УВЕКОВЕЧИЛ ГЕРОИЧЕСКИЕ ДЕЛА СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ, ОТСТОЯВШЕГО НЕЗАВИСИМОСТЬ РОДИНЫ В СТРАШНОЙ ВОЙНЕ.

СЫН КАЗАХСКОЙ ЗЕМЛИ БАУЫРЖАН МОМЫШ-УЛЫ ДЛЯ ВСЕХ НАРОДОВ СОДРУЖЕСТВА ОСТАЕТСЯ ОБЩИМ СООТЕЧЕСТВЕННИКОМ. СОЛДАТ И НАРОДНЫЙ ПИСАТЕЛЬ, ОН ОСТАВИЛ ВСЕМ НАМ ГЛАВНОЕ — СВЕТЛУЮ ВЕРУ В ЧЕЛОВЕКА, В СИЛУ ЕГО ДУХА.

УБЕЖДЕН, ЧТО ИМЯ БАУЫРЖАНА МОМЫШ-УЛЫ НАВСЕГДА ОСТАНЕТСЯ В ПАМЯТИ ЛЮДЕЙ, КАК ЯРКИЙ ПРИМЕР ОБЩНОСТИ НАШИХ НАРОДОВ И НАШЕЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ СУДЬБЫ.

**ПРЕЗИДЕНТ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
НУРСУЛТАН НАЗАРБАЕВ**

Телеграмма президента Казахстана
Н.А.Назарбаева участникам Юбилейного
вечера, посвященного 90-летию со дня
рождения Бауыржана Момышулы

ФЕДЕРАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА

КОМИТЕТ ПО ДЕЛАМ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

103265, Москва, Георгиевский пер., д. 2 Тел. 292 53 45, тел./факс 292 44 29

«19» 12 200/г.

№ 3.18-1096

Международному сообществу
писательских союзов
Участникам юбилейного
вечера памяти
Момыш-улы Бауыржана

Комитет Государственной Думы по делам национальностей сердечно благодарит организаторов юбилейного вечера, посвященного 90-ю одного из легендарных защитников Москвы, героя Советского Союза, народного писателя Казахстана Бауыржана Момыш-улы за бережное отношение к памяти наших отцов, за воспитание великого чувства благодарности участникам Великой Отечественной войны.

Имя героя войны Бауыржана Момыш-улы, воинов гвардейцев-панфиловцев, защищавших Москву, живут в людской памяти, в песнях, увековечены в монументах.

О двадцати восьми героев - панфиловцев поется в главной песне - гимне о Москве.

Сама личность - Момыш-улы - это гордость казахского народа, всех защитников Москвы.

Его неординарность, аналитический ум и писательская жилка были также отточены, как весь его облик, поступки и действия. Он всегда имел свое мнение, не любил льстецов и очень любил солдат. После войны к нему шли как к справедливому честному другу, защитнику.

Его по праву можно назвать легендой советского народа.

Председатель Комитета,
Координатор группы
По связям с Парламентом Казахстана

В.И. Никитин

Поздравление от Государственной думы РФ

Біз ұмытпаймыз, құрметтейміз, мақтан етеміз!

М.И. ПАНФИЛОВА

художник, поэт,
член Союза писателей,
член Союза журналистов,
лауреат премии Г.К. Жукова,
лауреат премии Н. Островского,
почетный ветеран Панфиловской дивизии,
академик,
младшая дочь генерал-майора
Панфилова И.В.

БАУРДЖАН МОМЫШ-УЛЫ

Не уверена, имею ли я право писать о таком человеке, как Момыш-улы, зная его амбициозность и то, как он не любил давать интервью журналистам и даже маститым писателям, потому что предпочитал писать сам.

Я только выполняю просьбу обратившихся ко мне людей, друзей из Казахстана, которые решили выпустить книгу воспоминаний о Баурджане Момыш-улы к его юбилею. Наверное, это сделала бы гораздо лучше Валентина, моя сестра, которая воевала вместе с ним в 8-й Гвардейской дивизии имени И.В. Панфилова – моего отца. Но, к сожалению, её уже нет в живых. Увы! Уходят наши ветераны. Лично мне довелось повстречаться с ним дважды, в 1951 г., когда вышла книга Александра Бека «Волоколамское шоссе», и второй раз в 1962 г., после выхода в Казахстане книги самого Баурджана «За нами Москва»

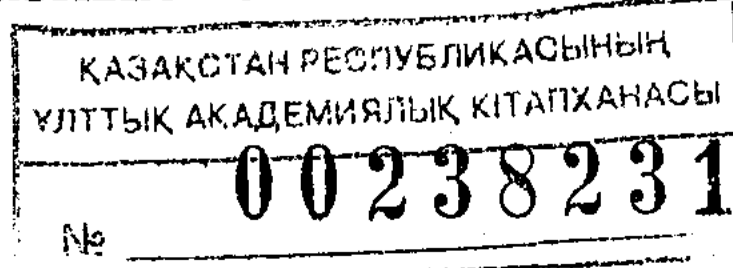
Но запомнилась мне встреча с ним именно первая – это было в Москве. Жили мы тогда на улице Фурманова в районе метро «Кропоткинская», в Доме писателей. Я была ещё совсем ребенком, так что воспоминания самые детские. Дело было днем, – в дверь позвонили, побежала открывать. Кроме меня, дома была ещё Галина, которая всего на год старше меня. Маму вызвали по каким-то срочным делам в Собес.

Не знаю, договаривался ли Момыш-улы с мамой о встрече, но то, что её не оказалось дома, его очень расстроило и вызвало соответствующую реакцию. Вот мои впечатления, девочки-подростка:

Вошел высокий мужчина – очень интересный, лицо мужественное, в военной офицерской форме с погонами, в высокой серой каракулевой папахе. Наверное, была зима. Когда он узнал, что мамы нет, он представился нам с сестрой:

– Баурджан Момыш-улы.

В то время мы о нём ничего не знали. Пригласив его в комнату и предложив ему стул у стола, сами сели, прижавшись, на диван. Не скрою, мы были несколько напуганы его официальностью. Может, это было оттого, что он был полная противоположность Ивану Васильевичу Панфилову – нашему отцу. В руках у него был большой портфель. Он подошел к столу и, стоя, высыпал из него книги. Это были издания книги «Волоколамское шоссе» на разных языках. Момыш-улы сказал нам, что он герой этой книги.

Мы помним, чтим, гордимся!

Мы молча смотрели на него и в душе жалели, что нет мамы. Он нам рассказывал, какой успех имела эта книга на Кубе и в других социалистических странах. Приходу мамы мы очень обрадовались, так как сразу была разрушена стена нашей неловкости от встречи с этим удивительным, незнакомым нам человеком.

Когда мы встретимся с Момыш-улы вновь в 1962 году в Казахстане у Валентины Ивановны – моей старшей сестры, как старые знакомые, то с юмором будем вспоминать нашу первую встречу. Тогда мы уже будем знать об этом человеке много интересного, в том числе, и о его заслугах как писателя.

Думаю, что мне нет смысла рассказывать о его воинских высотах, так как я не воевала и даже не историк, хотя жизнь меня свела с удивительными людьми – ветеранами Битвы за Москву, от которых я узнала много интересных и подробных историй и фактов этой кровавой и великой битвы. Это и маршалы К.К. Рокоссовский, В.И. Казаков, командиры и комиссары дивизии И.В. Капров, А.Л. Мухамедьяров, П.В. Логвиненко, И.М. Чистяков, Малик Габдуллин, С.И. Усанов, оставшиеся в живых из 28-ми героев Васильев, Шадрин, Шемякин и многие-многие другие, с которыми мы встретились в 1966 году в г. Таллине на праздновании 25-летия дивизии. И впоследствии не раз встречались.

Но это уже другая история. Уверена, что о Момыш-улы достаточно расскажут ветераны, которые знали его и помнят. А я бы хотела рассказать о его отношении к своему комдиву И.В. Панфилову – ведь генерал Панфилов не сразу понравился Баурджану. Он считал, что Иван Васильевич слишком мягок для командира – это рассказывал сам Момыш-улы в своих первых воспоминаниях. Тогда Баурджан не совсем понимал, почему командир советуется со своими подчиненными, слишком с ними уважителен и даже прислушивается к их советам. Потом он поймет, как важна такая тактика, и будет учиться у своего комдива Панфилова, ставя его в пример. Завоевать любовь и уважение дивизии, в которой сражаются воины 33 национальностей, очень не просто. Для этого нужен был огромный опыт, и он был у Панфилова.

После гибели И.В. Панфилова очень важно было подобрать нового комдива. Иван Васильевич был для них отцом, аксакалом, батей, другом и любимым командиром. Может быть, именно поэтому первая кандидатура была крайне неудачна и не выдержала испытаний.

Момыш-улы потом очень много напишет о достоинствах своего первого комдива – генерала Панфилова.

– Иван Васильевич Панфилов – мой военный отец, – убежденно и твердо говорил Момыш-улы. – С ним, мертвым, я и сейчас советуюсь перед боем, думаю, как бы он поступил на моём месте.

Несомненно, Момыш-улы является достойным воином и гражданином своего народа. Ему были присущи стойкость, мужество, отвага, гордость за свой народ. И его объединила со своим командиром беззаветная любовь к Родине.

И, конечно же, он внёс неоценимый вклад, как писатель, в военную художественно-документальную литературу, до конца своих дней описывал события Великой битвы 8-ой гвардейской дивизии.

Біз ұмытпаймыз, құрметтейміз, мақтан етеміз!

Абдильда ТАЖИБАЕВ
Народный поэт Казахстана,
Лауреат Государственной Премии
Республики Казахстан имени Абая

ВЕЛИКАН

Гвардии капитану
Баурджану Момыш-улы

Мы вспоминаем, Баурджан,
Родной ковыльный Казахстан,
Где я и ты
До темноты

Носились вихрем по траве
И пели песни.
Я и ты –
Два жаворонка в синеве.

Мы вспоминаем, как стрелой
Ворон мы били на лету,
Когда они в полдневный зной
Взлетали сонно в высоту.

Встречала ранняя заря
Обоих нас в степи родной,
Мы были два богатыря
Одной орды, семьи одной.

Жила недалеко от нас
Старушка. Сидя на ковре,
Она ткала чудесный сказ
О воине-богатыре.

Любил он смельчаков-детей.
Он их спасал из вод речных,
Он вырывал их из когтей
Лохматых коршунов степных.

Мы помним, чтим, гордимся!

Мы жадно слушали рассказ
О великане дальних стран.
Его искали мы не раз
И звали: «Где ты, великан?»

На запад ехал я весной
Через болото, через лес,
И коршун, яростный, стальной,
Спустился на меня с небес.

Не испугались мы его, –
Нам с детства был неведом страх.
К землянке друга моего
Пришел я с песней на устах.

С тебя мы не сводили глаз:
Ты возмужал, да и подрос.
Теперь стоял ты среди нас,
Как рослый дуб среди берёз.

С тобой мы крепко обнялись
Перед землянкой, старый друг.
Снаряды подле нас рвались,
И пули щелкали вокруг...

Мы детство вспомнили с тобой,
Ковыльную степную ширь,
И, попрощавшись, в грозный бой
Ты вновь уходишь, богатырь.

Перевод Самуила Яковлевича Маршака

М. Р. САГДИЕВПредседатель Центрального совета
общественного объединения
«Организация ветеранов
Республики Казахстан»

НАВЕЧНО В ГВАРДЕЙСКОМ СТРОЮ

У каждой нации есть выдающиеся сыновья и дочери, оставившие в истории заметный след, которыми по праву гордится народ. Немало блистательных имен, возвеличивших родное Отечество на протяжении веков, окружено благоговейной памятью поколений и в летописи казахского этноса. Что касается современной истории, то в славной когорте видных деятелей недавнего прошлого, олицетворяющих лучшие черты и качества казахского народа, видное место по достоинству принадлежит Бауыржану Момышулы.

Мужественный защитник Родины в годы Великой Отечественной войны, активный участник самых кровопролитных сражений, начиная от беспримерной битвы под Москвой, на знаменитом Волоколамском направлении, он стал наряду с другими подлинными героями символом доблести, отваги, стойкости, храбрости, беззаветной преданности Отчизне.

Но и в последующей мирной жизни после Великой Победы над германским фашизмом во всех делах и поступках Бауыржан Момышулы, имя которого знал и любил, без преувеличения, весь Советский Союз, оставался до последнего дыхания настоящим батыром, благородным и принципиальным человеком чести, прямым как штык, неподкупным, смелым, решительным, волевым, по сути, являлся воплощением совести нации. И закономерно, что еще при жизни он был не только прославлен в родном Казахстане, но и стал личностью поистине легендарной. Простой народ его глубоко уважал и безмерно почитал, каждое его меткое слово, афористичное выражение, произнесенное на людях, во всеуслышание, тут же, подобно эху, передавалось из уст в уста, становилось известным во всех уголках республики, в самых отдаленных селах и аулах. Красноречивым свидетельством всенародной любви к герою войны и писателю-фронтовику являлся тот факт, что одним из самых распространенных в казахских семьях имен стало имя Бауыржан – это в честь Момышулы по установившейся доброй традиции родители нарекают своих сыновей вот уже на протяжении многих десятилетий, возлагая сокровенные надежды, что они будут такими же горячими патриотами твоего Отечества, честными, отважными, самоотверженными, как и их великий тезка.

Об этой удивительно яркой, многогранной, неординарной и неповторимой личности казахстанскими литераторами написано немало интересных и поучительных книг, бесценные воспоминания оставили о Бауыржане Момышулы известные ветераны Великой Отечественной войны, его фронтовые друзья, коллеги по писательскому

Мы помним, чтим, гордимся!

цеху, многие другие люди, которым посчастливилось встречаться, общаться, беседовать с поистине народным героем.

И если все эти публикации, начиная от «Волоколамского шоссе» московского писателя Александра Бека, впервые прославившего на всю огромную державу Бауыржана Момышулы, собрать воедино, то эти книги составят внушительную библиотеку подвига, героизма и любви к Родине.

Я был лично знаком с Бауке, нередко встречался с ним на различных мероприятиях, а также много знал об этом замечательном человеке – и по его книгам, и по произведениям о нем, и по рассказам тех, кто входил в круг его близких знакомых и друзей. В общем, его зримый и такой характерный образ постоянно возникал перед моими глазами.

Бауыржан Момышулы и ныне вместе со своим народом, говорит с ним строками своих книг «За нами Москва», «Тулеген Тохтаров», «История одной ночи», «Я помню их», «Генерал Панфилов», «Фронтовые встречи», «Боевые будни», «Кубинские впечатления», «Наша семья» и т.д. Но в его творческом наследии совершенно особое место занимает невзрачно изданная в 1996 году книжка «Психология войны», в которую вошли стенограммы лекций, прочитанных в январе 1944 года гвардии полковником Бауыржаном Момышулы группе казахстанских интеллигентов. В 2008 году я совершенно случайно прочитал воспоминания народного писателя республики Казахстан, лауреата Президентской премии мира и духовного согласия Герольда Карловича Бельгера о том, какое впечатление произвела на него «Психология войны», по его выражению, «Книга-огонь. Книга-набат. Книга-колокол. Исповедь воина. Дух борца. Пафос гражданина».

И я не могу не процитировать выдержки из воспоминаний Герольда Бельгера:

...Представьте: Бауке 43 года, он легендарный воин, у всех на устах. В свойственной ему манере – резко, лаконично, образно, нестандартно и абсолютно правдиво – он рассказывает о том, что видел, пережил, почувствовал, осмыслил в кровавой бойне под Москвой. И внимают ему Каныш Сатпаев, Мухтар Ауэзов, Габит Мусрепов, Ахмет Жубанов, Бек Сулейменов, Алькей Маргулан, Григорий Рошаль и другие знаменитости Казахстана.

Мне же, пишущему эти строки, шел тогда десятый год от роду, и я только пошел во второй класс аульной казахской школы.

Как давно это было! И какие уникальные личности, какие титаны духа жили, боролись, творили на земле Казахии, где волей судьбы очутился и я.

Вот об этом мне и подумалось, прежде всего, когда я начал читать «Психологию войны» славного казаха, с которым, годы спустя, мне посчастливилось встречаться, слушать его, накоротке общаться, восхищаться и даже писать о нем.

Дар судьбы. Иначе не скажешь.

О Бауке написаны горы книг и воспоминаний. Он обладал неотразимой харизмой, был во всем оригинален, ни на кого не похож, непривычен, многим неудобен, непредсказуем, порой непонятен, непостижим, загадочен. Его любили, обожали, нередко

Біз ұмытпаймыз, құрметтейміз, мақтан етеміз!

побаивались его взрывного характера, темперамента и натиска; высокие чинуши от него шарахались, ибо он мог сказать в глаза публично, при всех такое, о чем простой смертный и в мыслях допустить не посмел. Целился не в бровь, а в глаз. Выражался круто, сыпал стихами, поговорками, пословицами, образными речениями и адекватно переводил на русский или на казахский языки.

В доказательство можно привести уйму примеров из тех давних лекций. Я ограничусь здесь лишь несколькими его фразами – упреками, которые он обрушил в том 1944 году на головы казахстанских писателей. В этих фразах весь подлинный Бауке.

«1. Кто из вас из какой части и к какому роду оружия (поэзия, проза, драматургия и т.д.) литературного фронта принадлежит? И что эта часть и вы, как солдат, делаете для военного и трудового фронта?»

2. Кто из вас подарил солдату хотя бы подснежник, лепесток, дикорастущий тюльпан, не говоря о культурной розе и целом букете из цветов, которые предоставили бы бойцу радость, и вдыхал бы он приятный аромат поэзии?»

3. Кто из вас рассказал солдату юмористический рассказ, вызывающий хотя бы улыбку на его суровом лице, не говоря о смехе, хохоте, столь же необходимом для солдатской души и для победы, как пуля, штык и прочее оружие?»

4. Кто из вас написал полный горечи, народного горя, гнева, ненависти к врагу очерк (или как там у вас называется в литературе), разжигающий душу бойца пламенем ненависти, призывающий его к беспощадной мести, мщению злом за зло, смертью за смерть и кровью за кровь?»

5. Кто из вас отшлифованным, сжатым, простым, понятным, полным художественной силы, доходчивым до бойца языком написал о жизни, счастье, любви, о семье, о совести, о человеческом достоинстве, гордости и чести, способствующих перебороть чувство страха, ограждая себя от чувства стыда, низости и позора?».

И таких резких, как удар хлыста, суровых, обличительных вопросов: «Кто из вас?...» Бауыржан Момышулы приводит шестнадцать, и сам тон, сама формулировка этих вопросов звучат по-граждански мужественно и актуально по сей день. Такова планка требований Воина, Защитника народа к литераторам, забывающим о своем главном назначении, о своей творческой миссии.

И в этих заветах урок незабвенного гвардии полковника.

Читая «Психологию войны», я нет-нет, да и ловлю себя на мысли: как бы нужен был Бауке сейчас, в наше время! Какие бы он ставил вопросы и задачи перед своими погрязшими в тенетах равнодушия и самодовольства соотечественниками!

Какие бы честные и прямые ответы дал он на «проклятые» вопросы нашего бытия!

Что и говорить, такие люди, как Бауке, украшают, облагораживают, наполняют смыслом жизнь в любую эпоху. Дефицит подобных личностей мы ныне в Казахстане ощущаем повседневно особенно остро. Так и стоит перед глазами пожилой, неукротимый, своенравный Бауке. Вот он нацелился орлиным взглядом на трепача-демагога на трибуне, встрепенулся, встопорщил усы, грозно выставил на него свою трость и,

Мы помним, чтим, гордимся!

выждав паузу, завладев вниманием огромного зала, зычным, как рык, голосом пригвозждает его к месту: «Эй! Не юли! Не выкручивайся!».

Это он умел, как никто. Я тому свидетель. И жалею, что ныне на такой поступок никто не отваживается.

Вот одно признание Бауке:

«Если ты на пути к цели, то даже неудачи будут превращаться в удачи. Главное – достойную цель поставил перед собой человек».

Таков аманат-завет Бауке. К его незаурядной личности, к его могучей фигуре, надеюсь, потомки будут обращаться ещё долго. Во имя поддержки спасительного нравственного начала.

Я полностью согласен с характеристикой уважаемого Герольда Карловича, которую он дал незабвенному Бауке, с его суждениями о книге «Психология войны» и её авторе.

Действительно, таких необыкновенных личностей, как Бауыржан Момышулы, много не бывает. Это, как говорится, штучное производство, редчайшее народное достояние. Что и подтверждает продолжающаяся после смерти жизнь Бауке в народном сознании, в народной памяти, в летописи независимого Казахстана, куда золотыми буквами вписано светлое имя Героя Советского Союза Бауыржана Момышулы.

О том, что легендарный казахский батыр XX столетия обрёл в своей стране подлинное бессмертие, свидетельствует наша действительность. Его священная память увековечена в названиях улиц во многих областных центрах, крупных городах и других населенных пунктах Республики и, прежде всего в Жамбылской и Южно-Казахстанской областях, жители которых считают Момышулы своим земляком, поскольку Жувалинский район, в котором родился будущий герой, вначале входил в состав Южно-Казахстанской области, а впоследствии был передан Жамбылской. Все больше становится и памятников Бауыржану Момышулы. Отрадно, что в подмосковном Волоколамске в 2005 году был сооружен замечательный монумент в честь генерала Панфилова и его боевого соратника Бауыржана Момышулы.

Пример в увековечении памяти легендарного казахского героя подает наша молодая столица Астана, широко отметившая в начале июля 2008 года своё десятилетие. Здесь именем Момышулы названы военная кадетская школа, новый проспект, возле которого в новом же парке в дни юбилея столицы в торжественной обстановке был открыт величественный памятник выдающемуся сыну Отечества. Этот замечательный монумент – дар Жамбылской области главному городу суверенного Казахстана. Авторы памятника – тоже жамбылцы: скульптор Темирхан Колжигит и архитектор Бахытжан Сыздыков. Фигура высотой 4,2 метра выполнена из бронзы и установлена на облицованный гранитом четырехметровый постамент. Символично, что в праздничной церемонии открытия монумента Герою Советского Союза Бауыржану Момышулы наряду с высокими официальными лицами участвовали юные воспитанники военной школы, носящей имя народного батыра, и маленькие тезки великого человека: мальчишки в ярких футболках с символикой Астаны, возложившие цветы

к подножию монумента. Можно не сомневаться, что они с гордостью и достойно будут носить имя Бауыржан. Безусловно, этот памятник будет играть важную роль в патриотическом воспитании подрастающего поколения.

Оказывается, не только в Казахстане и братской России почитается Бауыржан Момышулы. Недавно я с удивлением узнал, что в далеком Израиле есть военная школа, названная в честь казахского героя, и что курсанты военных училищ сдают зачеты и экзамены по военному искусству Б. Момышулы. Об этом рассказал первый посол Государства Израиль в Республике Казахстан господин Бенцион Кармель.

А кубинцы говорили, что на Острове Свободы книги Момышулы часто выходят огромными тиражами и небольшого формата, чтобы их удобно было носить в карманах гимнастерки – эти книги являются обязательными для чтения каждым солдатом и милисиано, поскольку их рекомендовали Фидель Кастро и его брат Рауль. Кстати, в одном из журналов была помещена фотография Фиделя, читающего книгу «За нами Москва».

Факты потрясающие! Свидетельствующие о том, что у нашего Бауке поистине мировая слава, чем нельзя не гордиться.

Впрочем, не только гордиться, но и всемерно использовать замечательное творческое наследие Бауыржана Момышулы в повседневной работе по военно-патриотическому и духовно-нравственному воспитанию молодежи.

И этому ветеранские организации Республики Казахстан, объединяющие в своих рядах свыше полутора миллионов представителей старшего поколения, уделяют в своей многогранной деятельности особое внимание. А в первых рядах, в авангарде этой целенаправленной работы наш актив, насчитывающий свыше 30 тысяч энтузиастов, неутомимых и энергичных общественников. И прежде всего это доблестные участники Великой Отечественной войны, труженики тыла военных лет, сохранившие ещё, как говорится, порох в пороховницах, несмотря на свой преклонный возраст. К сожалению, этих замечательных людей с каждым днем становится всё меньше, но их духовный потенциал, используемый нами в кропотливой работе по увековечению памяти защитников Родины, патриотическому, интернациональному и нравственному воспитанию подрастающих поколений, по-прежнему велик и значителен.

Эта благородная деятельность получает возрастающий размах в связи с подготовкой к празднованию 65-летия Великой Победы над германским фашизмом. Символично, что эта знаменательная дата совпадает со столетним юбилеем Бауыржана Момышулы. Наша пресса постоянно сообщает о различных мероприятиях, проводимых в университетах, институтах, академиях, лицеях, колледжах, школах и других учебных заведениях, посвященных жизни, боевой и творческой деятельности выдающегося писателя-фронтовика. Активное участие в этих встречах в молодежной среде принимают ветераны Великой Отечественной, боевые побратимы и фронтовые друзья Бауке. И неподдельный интерес молодых поколений к личности Бауыржана Момышулы всё более крепнет.

Мы помним, чтим, гордимся!

Впрочем, как и к другим прославленным фронтовикам, чьи имена запечатлены на скрижалях Великой Отечественной войны. Напомню, что 500 воинов-казахстанцев увенчаны Золотыми Звездами Героев Советского Союза, причем четверо из них удостоены этого высокого звания дважды, около ста бойцов стали полными кавалерами солдатского ордена Славы. Никогда не померкнет память о мужественных дочерях казахского народа Героях Советского Союза Маншук Маметовой и Алие Молдагуловой. Многонациональный народ нашей республики глубоко почитает бесстрашного летчика-штурмовика, дважды Героя Советского Союза, генерал-майора Талгата Бегельдинова и первого министра обороны независимого Казахстана, Героя Советского Союза и «Халык Кахарманы» (Народного Героя), генерала армии Сагадата Нурмагамбетова. Эти легендарные личности – наша национальная гордость. И в этом славном ряду – Бауыржан Момышулы.

Современ Великой Отечественной войны замечательной традицией в Вооруженных Силах СССР стало навечное зачисление погибших в боях Героев Советского Союза в состав соединений и частей, в которых они воевали. И каждый раз на вечерних поверках первыми назывались их имена. А правофланговый чеканно произносил взволнованным голосом: «Герой Советского Союза (звучала его фамилия) пал смертью храбрых в боях за свободу и независимость нашей Родины».

Точно так же и Герой Советского Союза полковник Бауыржан Момышулы навечно остается в гвардейском строю нашей Родины – Республики Казахстан.

Мартай АЮБАЕВ
Писатель, эссеист

ЕР-БАУКЕ

В казахском языке существуют особые слова-отличия, удостоиться которых в качестве приставки к своему имени – большая слава и редкая удача. Такие, как «Аз» – мудрый из мудрых – их всего два: Аз Жанибек хан (XV век) и Аз Тауке хан (XVII век) и «Ер» – герой из героев. За тысячелетнюю историю народ возвел в ранг национальных героев лишь считанные единицы батыров – Ер-Едиге (XIV в.), Енсей бойли Ер-Есим хан – Великан, Ер-Карасай (XVII в.), Ер-Кабанбай (XVIII в.) и вот отныне наш современник – Ер-Бауке. Это не официальный титул, а дань всенародной любви и восхищения Личностью. И как подтверждение истины: большое видится на расстоянии, спустя годы после его смерти высокий рейтинг героя войны и писателя и в интеллектуальной среде, назвавшей Ер-Бауке по итогам уходящего столетия в числе десяти знаменитых лиц, удостоенных звания «Человек века» в Казахстане.

Он – истина и легенда, ироничный и своевольный. Он – феномен казахского народа, – так пишут о нем Ч. Айтматов и М. Шаханов в книге «Плач охотника над пропастью. Исповедь на исходе века». Он – общепризнанный национальный герой-легенда, олицетворяющий дух нации. Не удивительно, что в наш век письменности Бауке, изведавши с молодости популярность литературного и киногероя, стал еще и колоритной фигурой фольклора. Каждое его меткое слово, каждый высоконравственный поступок гражданина-патриота, как и подвиги батыра на войне, живут в народной памяти, обрастая легендами и преданиями.

Если собрать воедино все написанное, сыгранное в кино и на сцене, рассказанное о Б. Момышулы, то можно говорить о целом историко-литературном направлении – «бауыржаниаде».

Кстати, честь возвести первый камень великолепного здания-памятника бауыржаниады принадлежит поэту, академику А. Тажибаеву. Его стихи в переводе мастера переводческого жанра Самуила Маршака под прозорливо-пророческим названием «Великан» появились в январе 1942 года в газете «Известия». А дальше – публикации в «Правде» и «Красной Звезде», очерки Александра Кривицкого и знаменитая книга Александра Бека «Волоколамское шоссе», знаменитые 40 пословиц, ставшие лозунгом чести воина, увидевшие свет еще в 1942 году, собственные произведения – «За нами Москва», «Наша семья», «Кубинские впечатления», «Книга, написанная кровью», «Психология войны».

Особое место в бауыржаниаде занимают воспоминания близких к нему людей: снохи З. Ахметовой («Светлые дни»), сына Бахытжана («Восхождение к отцу»), жены Жамили Егембердиевой («И жизнь его – легенда»). Однако нельзя сказать, что на сегодня полный портрет народного героя создан. О нем есть, что сказать многим.

Мы помним, чтим, гордимся!

Свою лепту в огромный совместный труд по воссозданию правдивого и многогранного образа народного героя хочу внести и я, его племянник. Я являюсь сыном его старшей сестры Убиян – Музей-апы. В студенческие годы жил у дяди в Алматы. В течение более четверти века до его кончины и после близко общался с ним, его друзьями и родственниками.

Накануне любимого праздника Бауке – 9 Мая, предлагая читателям «Заметки племянника о бауыржаниаде», уверен, что даже много читавшим и знающим о жизни Бауке землякам будет приятно обновить в памяти отдельные эпизоды и вспомнить своего кумира.

Хочу привести несколько легенд и фактов – как уже опубликованных в многочисленных книгах, статьях и воспоминаниях, так и услышанных мною из уст известных деятелей литературы и искусства, а заодно и те события, участником которых сам являюсь.

1. Встреча с Жамбылом: село Узун-Агач, ауд Жамбыла, 1943 г.

В книге Азильхана Нуршаихова «Истина и легенда» рассказывается о встрече с Жамбылом. В четком и лаконичном языке военного, находчивости и решительности ответов офицера уже проглядывается афористический стиль будущего писателя.

«Тате (почтительное обращение казахов к старшим по возрасту), это и есть Бауыржан, который, словно Азрет Али (полководец, которому за особую храбрость пророк Мухаммед подарил личный меч) уничтожает врага на фронте, – прокричал Сабит (Муканов) прямо в ухо Жамбылу. – Это настоящий герой».

Жамбыл, прищурившись, смотрел мне в лицо. Под его испытывающим взором я развернул плечи и нахмурил брови.

«Ну и ну! – покрутил головой Жамбыл. – У него такой суровый вид. Может, он и вправду батыр?»

Сабит раскатисто захохотал. А я молчу. Жамбыл снова пристально посмотрел на меня. «Скажи, если ты батыр, то, значит, ты сильнее Утегена или Сураншы (народные герои)?»

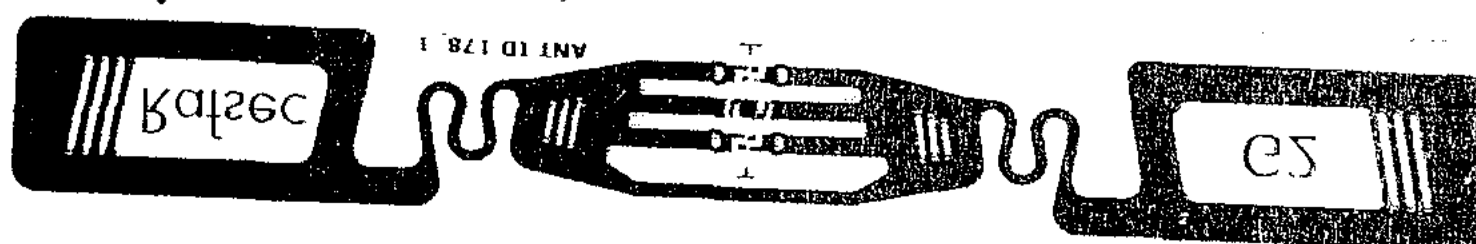
Я не задумываясь, ответил: «Утеген был подобен бушующему лесному пожару, а Сураншы – горному потоку. На свете нет ничего сильнее огня и воды. Я не могу сравнивать себя ни с тем, ни с другим. Я всего лишь капля этого потока и искра этого огня, Жаке».

Острая белая борода Жамбыла запрыгала, глаза заискрились смехом.

«Эй, Сабит, у твоего джигита, оказывается, не только в облике, но и на языке кое-что есть. Молодец! Оставайтесь, заночуйте у меня», – пригласил он».

2. Подарок Бауке Наде Лушниковой. Чимкент. 1964 г.

«Полковника армии и литературы» Бауке отличало уважительное отношение к молодым писателям и поэтам, он спешил оказать щедрую поддержку таланту. И подчас делал это в оригинальной, присущей только ему манере.

На республиканском айтысе Кзыл-Ординскую область представляла девушка-акын – Надежда Лушникова.

При подведении итогов в числе последних судья назвал фамилию девушки и поднял ее приз – мужские часы «Маяк». Но решительно вмешался Бауке.

– Нет, Надя не возьмет эти часы! – прогремел его голос. Зал притих. – Эта хрупкая девчушка, – протянул он руку в сторону Лушниковой, – растревожила сердца всех. Знающих твой разговорный язык – русских, немцев, узбеков, киргизов, чеченцев – не счесть, но видел ли ты человека, кроме Нади, который так знает твой язык искусства, скажи, пожалуйста! – строго обратился он к судье. – Я считаю, что главный приз сегодняшнего дня должен был достаться этой маленькой девушке, которая, как соловей, пела на нашем языке!

Зал разразился одобрительными аплодисментами...»

Бауке же с женой повели Надю в ювелирный магазин и купили ей изящные золотые часики.

– Считаю, этот подарок не от Бауыржана, а от всего казахского народа за твое прекрасное искусство. Носи на счастье, милая...»

3. «Мать солдата – это мать России»

Немало легенд ходит о неподкупном характере Бауке, его обостренном чувстве справедливости, нетерпимости к проявлению подхалимства, заискивания и хамства.

В горсовете решили удовлетворить заявление Бауке об улучшении квартирных условий. Ему выдали ордер на пятикомнатную квартиру. Однако, встретив плачущую немолодую женщину, которой отказали в получении двухкомнатной квартиры, Бауке яростно заступает за ущемленные права матери погибшего солдата.

– Я не просил дать мне квартиру, предназначенную другим, – гневно сказал он работнику, звонившему ему. – Порвите сейчас же мой ордер и выдайте его тем, кому было обещано!

– Да ведь мы хотели сделать лучше для вас...

– Лучше? – закричал Бауыржан. – Это же мать солдата! Вы понимаете значение этих слов?! Мать солдата – это мать России! Теперь понятно вам?..

– Радости этой женщины не было конца, – с подъемом сказал он (чиновник, который звонил). – А уж когда я открыл ей, что Вы – Бауыржан Момышулы и что Вы сказали: «Мать солдата – это мать России», она заплакала. Говорит: «Читала его книги и именно таким вот представляла себе... Значит, не ошиблась». («Истина и легенда»).

4. «Земля казахов – твоя родина, твой стан...»

Бауке был искренним и всемирно признанным патриотом-интернационалистом. В годы войны он писал в «Красной Звезде»: «Кто не уважает и не любит свой народ, тот изменник и подлец». Бауке был уверен: «Уважать другие народы могут только те, кто ценит свой народ. Путь к братству народов лежит только через чувства к своему народу». И эти чувства, по его образному выражению, он прививал не на руки, как врачи – оспу, а в сердце солдат.

Мы помним, чтим, гордимся!

Бауке на горьком своем опыте узнал справедливость мудрости «Нет пророков в своем Отечестве». И если в далекой Кубе, в уютной Чехии, благополучной Франции знали и изучали его военное наследие, то на Родине он становился порой жертвой недоброжелательной молвы, пересудов вокруг его личной жизни.

В конце декабря 1990 года, накануне 80-летия Бауке, когда только что был опубликован Указ Президента СССР М.С. Горбачева о присвоении ему (посмертно) звания

Славное имя казахского героя было известно во всем мире. Его часто приглашали в разные страны, с особым уважением относились к Бауыржану Момышулы на Кубе.

Біз ұмытпаймыз, құрметтейміз, мақтан етеміз!

Героя Советского Союза, я находился среди участников юбилейного торжества и стал свидетелем рассказа-легенды о нем видного деятеля искусств Казахстана, профессора Аскара Токпанова. Он был одним из немногих общественных деятелей, вставших открыто на защиту казахской молодежи и чести нации в те трагические декабрьские дни 1986 года в Алма-Ате. Во избежание репрессий он вынужден был выехать из Казахстана. Это обстоятельство сблизило его с Д.А. Конаевым, который тоже находился в эти годы под домашним арестом.

...1968 год. В Москве во Дворце съездов проходит партийный форум. Сидевший в президиуме Д.А. Конаев вдруг вздрогнул – в речи Генерального секретаря Компартии Уругвая Роднея Арисменди он услышал имя Бауке. Позже узнал о том, что оратор привел слова-афоризмы Бауке об интернациональном воспитании молодежи. Такой популярности можно только позавидовать! Вернувшись в Алма-Ату, Конаев проявил интерес к всемирно известной личности. Оказалось, что он впал в очередную немилость властей якобы за аморальное поведение – многоженство!

На одной из встреч с участием узкого круга аксакалов от литературы и искусства, услышав нелестные отзывы от них и некоторых членов Бюро ЦК, он вступился за честь Бауке.

Земля казахов –
 твоя родина, твой стан!
 Эй, сородичи!
 Знаете ли вы, кто такой
 БАУЫРЖАН?
 Наследник гордых предков
 ратной славы,
 Защитник в грозный час
 войны державы,
 Известный миру
 тактики – титан,
 Среди писателей, поэтов –
 великан!
 Родных небес – орел,
 степеней ковыльных – арыстан,
 Вся жизнь его –
 пленительный дастан!

– Не мелите пустое! Я сам поговорю с Бауке. В том, что умная и талантливая жена уходит от хорошего, намного моложе Бауке, мужа, к тому же известного артиста, с тремя взрослыми детьми, скрыта неизвестная нам сторона человеческих взаимоотношений. А что касается Бауке, то его женитьба – это неповторимый, присущий только Бауке поступок мужчины с высокой моралью и внутренним долгом!

Возможно, в будущем бауыржаниада пополнится прекрасными произведениями о Большой Любви, о талантливейших и красивейших женщинах, самые яркие стра-

Мы помним, чтим, гордимся!

ницы жизни которых озарены сильным и всепобеждающим чувством любви к Бауке. Время, которое расставляет все по местам, воздаст каждому по делам его, исчезнет все второстепенное и пустое, но останутся незамутненно чистыми и прозрачными глубокие воды светлых чувств.

5. Гражданин Момышулы

Издревле у казахов существовала степная демократия. Жырау-акыны имели священное право критиковать всех, невзирая на происхождение, знатность и богатство. Такие смелые и одаренные мастера поэтического слова пользовались всеобщей любовью и защитой простого народа. Конечно, власти стремились накинуть узду на вольных поэтов, но в то же время сильно побаивались их острого, как лезвие, языка, уничтожающих сравнений. В Бауке народ видел выразителя своих сокровенных чаяний.

Он постоянно находился в оппозиции к власти. Я сказал бы, конструктивной. С присущей ему прямоотой и остроумием, метко да едко высказывал свое мнение по острым вопросам общественно-политической жизни.

О таких эпизодах рассказывается в воспоминаниях о Бауке известного журналиста-писателя и общественного деятеля Какимжана Казыбаева «Сверкая, как молния».

В середине 60-х годов на одной из встреч в Алма-Атинской высшей партийной школе Бауке высказал не совпадающие с официальным мнением свои мысли о роли исторических личностей, в том числе только что «избранном» Генсеке и т.д. Л.И. Брежнев. Нет, запомнювал, «и т.д.» к нему пришло позже

Если бы политическая элита прислушивалась к таким своеобразным интеллектуальным санитарам общества, как А. Сахаров, Д. Лихачев, Бауке и другие, она сама не стала бы посмешищем для потомков.

В одном из выступлений он дословно говорил следующее:

«Прочитав доклад Л.И. Брежнева на мартовском Пленуме, не знал, смеяться или плакать?!» Далее и до этого обосновывает свое мнение. Данное его выступление и где! – сделало много шума... Стали переиначивать и искажать. Тогда он вызвал домой руководителя КазТАГ К. Казыбаева и продиктовал свое выступление, не отказавшись ни от одной позиции. Подписался: «Гражданин СССР Момышулы, Алма-Ата. 19 апреля 1965 года». («Сверкая, как молния»).

Понятно, что независимый, самостоятельный характер, острая критика и нежелание подстраиваться принесли «молнии» немало неприятных моментов.

6. Мемориал 28 гвардейцам-панфиловцам. Алма-Ата. 1975 г.

К 30-летию Победы приурочили в Алма-Ате торжественное открытие мемориала, посвященного подвигу бессмертной Панфиловской дивизии. «Открытие памятника проходило как всенародное торжество. Войска застыли в почетном карауле, на трибуне «отцы» республики, гости, делегации, пионеры. По существу, памятник был воздвигнут одному из уцелевших героев битвы под Москвой – Бауыржану Момышулы. Но как раз его-то и не сочли нужным пригласить на открытие мемориала!

Старый полковник явился сам. В лицо его знают все, поэтому ни у кого из многочисленной охраны не поднялась рука остановить заслуженного воина. Он беспрепятственно прошел к мемориалу, отдал честь павшим боевым товарищам, запечатленным на барельефе в мраморе и бронзе. Затем поднялся на центральную трибуну. Конаев стоял рядом с кем-то из приближенных. Вдруг между ними высунулся костыль Бауыржана, полковник раздвинул их и встал на самом виду у собравшегося народа...

Сейчас это происшествие стало одной из легенд в Казахстане (Н. Кузьмин. «От войны до войны. Ночные беседы»).

Н. Кузьмин дает авторскую оценку этому эпизоду: «Последнее унижение, которое довелось пережить герою-панфиловцу, оказалось роковым. Бауыржан же после открытия мемориала прожил совсем недолго – не выдержало сердце. Да и мудрено ли выдержать такие перегрузки».

Если бы он знал о «чествовании» Ер-Бауке в связи с 70-летним юбилеем при его жизни на родной земле – в Жамбылской области! В феврале 1982 года, за четыре месяца до его смерти...

7. «Я памятник воздвиг себе нерукотворный...»

Накануне 80-летия Бауке в 1989 году, получив задание как руководитель областной проектной организации на проектирование музея Бауыржана Момышулы на его родине – в селе Бурное, я внес руководству тогдашнего обкома партии предложение о целесообразности переименования улицы Украинской в улицу Бауыржана (без Момышулы, так как, мотивировал я, Бауке широко известен народу). В то время еще не было повального переименования улиц именами героев прошлого со словами «батыр». Здравомыслящему горожанину такое предложение напрашивалось само по себе. Это одна из главных улиц города, начинается как раз от здания горвоенкомата, где предлагал поставить памятник-бюст, дословно: «как дважды Герою Советского Союза Сергею Луганскому в г. Алма-Ате, что перед зданием горисполкома».

Решили «увековечить» память уже официального Героя Советского Союза Бауыржана Момышулы удостоив его именем улицу между девятым и седьмым микрорайонами областного центра.

Сегодня г. Тараз готовится отметить свое 2000-летие, имеется генеральный план реконструкции города. В будущем жемчужина между двумя горами – Алатау и Каратау – может стать одним из культурных центров Центральной Азии, туристической Меккой на Великом Шелковом пути. И памятник герою решающего сражения второй мировой войны, в котором народ видит олицетворение воинской доблести многих поколений батыров, органично вошел бы в комплекс архитектурно-исторических мемориалов древнего города.

Заканчивая свои знаменитые лекции в Академии наук Казахстана 33-летний Бауке сказал: «Если хотя бы 10 процентов оставленного мною материала пойдет на пользу народу – я буду этим доволен». Сегодня известно, что военно-патриотическое наследие гвардии полковника Б. Момышулы используется в Израиле, Никарагуа, Венгрии,

Мы помним, чтим, гордимся!

на Кубе как учебное пособие по ведению ближнего боя, в качестве воспитательного оружия в работе с молодыми солдатами.

Да, сам Бауке своей жизнью, беспримерным героизмом в годы войны, писательским даром создал себе «нерукотворный памятник». Но ведь помимо всего существует и долг народа перед героем. И как признание заслуг Ер-Бауке перед Родиной можно рассматривать создание памятника на его родине.

Позже на эту тему я выступил со статьей в газете «Акжол». Она вышла 7 января 2000 года под названием «Какой памятник достоин «Человека века?»». Анализируя и выбирая лучшее, пришел к выводу, что скульптурный образ Ер-Бауке необходимо воплотить на горячем и стремительном богатырском коне.

Там писал: «Пусть Ер-Бауке, живший в стандартное время нестандартным образом, и строптивый норовистый богатырский конь органично дополнят друг друга, сольются в гармоничном образе народного батыра и его верного друга».

Тем, кому это сравнение покажется надуманным, хотел бы напомнить о малоизвестном эпизоде из армейской довоенной службы Бауке на Дальнем Востоке. За победу в конноспортивном состязании и за хорошую подготовку команды полка его спортивный командир – лейтенант Момышулы получил в подарок от командарма – Маршала Советского Союза В. К. Блюхера – часы. А ведь сам Блюхер был лихим кавалеристом и уж точно знал толк в лошадях и джигитовке!

Я благодарен судьбе, что мне довелось близко знать Бауке, быть знакомым через него со многими интереснейшими людьми. Одним из них является Мекемтас Мырзахметов, ныне крупный ученый, академик. Вместе с Мекемтас-ага мы были поочередно «адъютантами» у Бауке – я и «Синченко» – в мирное время. Мекемтас-ага, будучи аспирантом и преподавателем вуза, выполнял и более серьезные интеллектуальные поручения писателя Бауыржана Момышулы. Бауке доверял только Мекемтас-ага, его порядочности, скромности, простоте и практичности в хорошем смысле этого слова. Он полностью оправдал доверие Ер-Бауке. К 80-летнему юбилею и после сумел выпустить пять книг самого Бауке и о нем. Назову некоторые: «Книга, написанная кровью», «Психология войны», «Халық сыйы» («Память народа»). «Психология войны» вышла в свет в двух вариантах: это и книга-хроника, и просто стенограмма выступлений Бауке, организованных Мухтаром Ауэзовым и первым президентом Академии наук Казахстана Канышем Сатпаевым в стенах Академии. «Халық сыйы» – это сборник избранных стихов, идущих от всего сердца творений более 100 поэтов Казахстана, Киргизии, посвященных своему кумиру Бауыржану-батыру. Сегодня целесообразно переиздание той книги, чтобы выразить любовь батыру. Ведь, как говорится, «устаами акынов говорит народ». Напомню, что еще 30 лет тому назад А. Нуршаихов, завершая свою книгу «Истина и легенда», отмечал, что не менее ста акынов посвятили и до сих пор посвящают Бауке стихи. Надо помочь, чтобы поэтическое слово пробило дорогу к сердцам читателей, не затерялось бы из-за дороговизны издательских услуг.

Из истории мы знаем, что бывают личности, которые и при жизни, и после смерти возбуждают общественную мысль, не дают утихать страстям. Их единицы. Таков и

В неформальной обстановке с коллегами-писателями

Ер-Бауке. Не зря в 37-летнем возрасте, будучи на воинской службе в Хабаровске, он написал горькие, напоминающие пушкинские, стихи:

*Узнав о смерти моей, заплачет горемычный казах.
«Не знали цены мы тебе», – скажет в сердцах.
По зову истории, как в бой под Москвой,
Вернусь я с победой в отмеченный срок вековой.*

Мне кажется, что среда и время, в которых жили эти два великана, а также судьба их, в какой-то мере схожи. Они опережали свое время на столетия.

Изучая и анализируя творчество самого Бауке, написанные о нем научные статьи, воспоминания и литературные произведения бауыржаниады, я твердо убежден, что он оставил глубокий след не только в истории Казахстана, но и бывшего Советского Союза, и далеко за его пределами. В памяти современников и благодарных потомков навечно сохранится его образ как выдающегося воина, философа и писателя.

*«Знамя труда»,
9 мая, 2000 г. №38,
13 мая, №,
17 мая, №40.*

Мы помним, чтим, гордимся!

Какимбек САЛЫКОВ
поэт, государственный и
общественный деятель
Республики Казахстан

ПОЮТСЯ ПЕСНИ О БАТЫРЕ

Кто гордо жил, кто суетливо –
Всех, отмеряя жизни пласт,
Расставит Время справедливо,
Всем по достоинству воздаст.

И без вниманья не оставит,
В чем прав ты был, а в чем не прав.
Предаст забвенью иль восславит,
Потомкам имя передав.

Но, на любовь сердца настроив,
Тот роковой не ждите час.
Давайте чествовать героев,
Пока они живут среди нас.

Я счастлив тем, что в этом мире,
Где зори не всегда светлы,
Поются песни о батыре,
Достойнейшем Момыш-улы.

Я восхищаться не устану
И молодым им, и седым.
Пускай подобных Бауыржану
Всё больше будет рядом с ним.

И каждый час его восславит
Сейчас, сегодня, не потом.
Нас время петь ещё заставит
В прошедшем времени о нем.

Алмат АМАНБАЕВ
доцент Евразийского университета
имени Л. Гумилева,
кандидат исторических наук

ПЯТЬ ЭПИЗОДОВ ИЗ ЖИЗНИ ГЕРОЯ: к 100-летию Бауыржана Момышулы

В начале 40-х военная доктрина СССР ориентировалась в основном на наступательные бои. Проблемы обороны в ней недооценивались. В 1941-м за это пришлось заплатить дорогую цену – сокрушая сопротивление Красной Армии, немцы продвинулись далеко в глубь страны. К 16 октября межа, разделявшая стороны, пролегла на ближних подступах к Москве. И отход от нее мог иметь для страны катастрофические последствия. Во что бы то ни стало измотать врага в обороне, а затем отбросить и разгромить – так предельно «упростилась» стратегическая задача советского командования. Решение ее требовало коренной ломки прежних представлений о боях в обороне и титанического напряжения усилий всех, кто участвовал в операции, – от командующих до рядовых воинов.

Здесь в самый критический момент войны и взошла высоко полководческая звезда Бауыржана Момышулы.

Серединский налет

Необстрелянный батальон старшего лейтенанта Момышулы, прибыв в начале октября под Волоколамск, получил задание подготовиться к обороне на участке в восемь километров, что в три-четыре раза превышало нормы боевого устава. Отделения располагались в 200-300 метрах друг от друга, что придавало позициям еще большую уязвимость. Положенных резервов и второго эшелона не предвиделось. Проходившие через расположение части поодиночке и толпами выходцы из окружения своим видом и рассказами невольно вселяли страх перед противником. В батальоне даже произошел случай самострела и членовредительства. Так что у командира было немало оснований тревожиться за исход предстоящего боя.

– Нужно было рассеять заразу боязни немцев, – рассказывал позже Бауыржан. – Требовалось где-нибудь побить немца, и побить обязательно.

Комбат до основного боя задумал операцию силами малой группы из представителей всех отделений – важно было в каждом из них занять обстрелянного бойца. Скрытно выдвинувшись на 30 километров, отряд в 2 часа ночи 18 октября с трех сторон атаковал деревню Середа. В молниеносном бою было уничтожено много немцев, взят пленный, захвачены штабные документы, взорвано пять машин. Собственные потери – минимальные. А самое главное – накануне введения в бой основных сил батальона среди его воинов была создана морально-психологическая установка на победу.

В боях под Москвой

Мы помним, чтим, гордимся!

– Я никогда не забываю Серединский налет, – признавался Бауыржан. – Несмотря на то, что он не оказал никакого влияния на ход дальнейших событий на этом участке, ему мы многим обязаны. Самое главное – он повлиял на душу и психологию солдат.

Мастер арьергардного боя

Многokратный перевес в живой силе и огневой мощи давал врагу исключительные преимущества. Без резервов и второго эшелона сдержать его на растянутом по фронту рубеже обороны представлялось генералу Панфилову проблематичным.

Созрел замысел – замедлить его подход к основной линии обороны, сбить темпы и ослабить инерционную силу вклинивания в расположение наших войск. Добиться этого можно было, лишь вынудив противника развернуться в боевой порядок задолго до позиций дивизии. Традиционная линейная тактика должна была уступить место «стереометрической». Освоить ее в числе первых предстояло Момышулы, которого, по воспоминаниям ветерана части И. И. Чистякова, комдив ценил «за особую отвагу и смекалку».

Серединский успех натолкнул комбата на идею «боев из засады». Уже на третий-четвертый день после боевого крещения метод был опробован силами мобильных отрядов с предварительным выдвижением навстречу противнику и немедленным откатом после развертывания его в боевые порядки.

Часто немцев намеренно уводили в сторону, в глубь леса, а сами затем рывком устремлялись на главную дорогу и повторяли маневр. Этот способ изматывания врага на подходах к основному рубежу обороны будет назван в трудах по военному искусству и публицистике панфиловской и «баурджановской спиралью».

На промежуточных рубежах комбат по обстановке применял и нестандартный маневр огнем. Когда под Новолянским 22 октября после беспрецедентной восьмичасовой артподготовки враг перешел в атаку в расчете смять остатки сопротивления, бывший артиллерист Бауыржан мгновенно ответил точным огнем из всех стволов по двадцать снарядов из каждого. Немцы в смятении отошли. Ранее в практике огонь таким числом снарядов из всех орудий одновременно не производился. Иного же способа переломить ход событий уже не оставалось. Выполнив боевую задачу, удалось сохранить и, казалось бы, обреченное подразделение.

Однако это был не последний довоенный стереотип, который рушил в подмосковных схватках неутомный комбат. Об одном из них он позже писал так: «В 1941 году и мы, и немцы не умели воевать ночью. Так называемые «ночные действия» разрабатывались в штабах, докладывались по команде начальству, а в войсках толком не проводились».

Уже для боевого крещения первой группы воинов Бауыржан не случайно выбрал ночное время. Отныне такие налеты в рамках арьергардных действий будут нередки. Вывод из боя и отвод подразделений комбат по преимуществу проводил также в темное время. Издержки в топографической подготовке ряда офицеров, сбивавшихся в сумерках и мраке с азимута, Бауыржан компенсировал поначалу тем, что лично руководил головной походной заставой. Зато ночью исчезало дневное преимущество немцев в маневренности за счет боеготовности моторесурсов, усиливалось действие непри- вычного для них «морозного» фактора и полнее проявлялся «синдром чужой земли».

Так, обладавший уникальным оперативно-тактическим мышлением, Бауыржан тонко воплощал замысел И. В. Панфилова, дополняя деталями и обогащая содержание понятий «арьергардный бой» и «маневренная оборона».

Искусство выхода из окружения

22 октября, на пятый день боев, 1-й батальон 1073-го полка оказался в окружении. Усилив боевое охранение, распорядившись об экономии припасов и ведении огня из орудий картечью, комбат предупредил подчиненных: «За всякое нарушение дисциплины и порядка, за неповиновение – расстрел. Никаких выговоров и взысканий не существует».

Завышенная жесткость в тоне должна была внушить воинам: батальон остается боевой единицей. Дело в том, что боевые уставы предписывали в условиях окружения распустить части на мелкие группы, действующие самостоятельно. Бауыржан же с этим положением устава не согласился.

Через два дня, едва вырвавшись из кольца, батальон в районе Иваново ввязывается в новый бой. Плотным огнем орудий и пулеметов уничтожается скопление немцев. Стопорится их движение по шоссе. Это вынуждает врага отвлечь немалые силы для подавления подразделений Момышулы. В итоге путь к своим для них вновь оказался отрезанным.

Углубившись в болотистую местность, батальон оторвался от преследователей и устремился к линии фронта. В районе Миловани воины Бауыржана ускоренным шагом перешли протяженную открытую местность на виду у большой группы противника, ошеломив его внезапностью появления и залповым огнем из винтовок в упор. Было уничтожено до батальона немцев, подбито два танка. Как скоро выяснится, эти действия вызвали переполох в стане врага, принявшего их за спланированный маневр по окружению. Крупные силы немцев, наступавшие здесь против одного из полков 316-й дивизии и близкие к его вытеснению с занимаемых рубежей, прервали атаку и спешно ретировались. Отважный же батальон после краткого привала с песнями воскрес перед взором товарищей по оружию в районе Волоколамска.

Придавая особое значение высокой степени подвижности и огневой мощи батальона, он с артиллерией и обозом предпочитал двигаться по тылам противника не по бездорожью, а по просекам и тропинкам. Но однажды просека уперлась в главную дорогу, по которой двигались пешие колонны врага. По карте следующая просека по противоположную сторону пролегла лишь через 3-4 километра пути по трассе. Тогда, используя темноту, Бауыржан пошел на риск: пристроив батальон в тыл немецкой колонны через 70 метров, преодолел этот участок шоссе и затем ушел в сторону.

Пять раз выводил Бауыржан батальон из окружения в период подмосковных боев. А вскоре в качестве командира полка пришлось ему вызволять из полукольца не только свою часть, но еще и отрезанные от своих несколько частей и разрозненных групп, возглавляемых тремя полковниками, тремя майорами, капитанами. Общее руководство, по единодушному согласию, принял на себя старший лейтенант Момышулы, как самый опытный в использовании тактики вывода войск из окружения.

Мы помним, чтим, гордимся!

Турсунай ОРАЗБАЕВА
поэт, журналист.
Лауреат международных
литературных премий
имени А.Фадеева и «Алаш».
Заслуженный работник культуры
Республики Саха-Якутия

ОБЩЕНИЕ С ДУХОМ ГЕРОЯ

*Посвящается Герою Советского Союза
Бауыржану Момышулы*

Вы явились, как будто из сказки-легенды.
Дух орла и красивая стать.
Ради чести Отчизны, Вы сквозь муки и беды
Шли на подвиг, чтобы Родине славу воздать.
И поэты напишут бессмертные строки.
Ваше светлое имя – не умрет никогда.
Может, целому миру – тот подвиг высокий –
Как пример и завет – на века и года.
Но и в жизни бывают – фронт и беда...
Вы ведь знали, что многие сбились с пути.
Сад цветущий поник, истошилась вода.
Ну а Вы бы сумели былое спасти...
Защищали Вы преданных граждан страны.
А сегодня – иные из них – как враги...
Растащили, разграбили, всё, что могли.
А ведь Вы завещали: – «Страну береги!»
От народного счастья урвали куски
И тропею невежества шествуют вдаль –
Это те, чьи сердца от людей – далеки.
А погибших за правду – им нисколько не жаль.
Мы – народ. Мы и радость, и горе храним,
Ищем правду. И злу объявляем войну.
Пусть же грешники знают, что мы – победим.
Подвиг Ваш – нам поможет очистить страну.
Снова мир под угрозой, опасность над ним.
Но Ваш образ святой – нам надеждою дан.
Укрепляй наши души – геройством своим,
Брат, товарищ, родной наш БАУЫРЖАН!

Перевод Людмилы Щипахиной

Хайырлы МУХАНБЕТКАЛИЕВ

кандидат военных наук, доцент, главный научный сотрудник
научного центра Национального университета обороны,
полковник запаса

ВОСПИТАНИЕ ЧЕСТИ

«Не уважающий себя – не способен уважать других»: данная психологическая трактовка Бауыржана Момышулы, показывает такие качества человека, как чувство собственного достоинства, самооценка, уровни притязания и др.

Для того чтобы стать настоящей личностью, человек должен, прежде всего, уважать самого себя. Уважение к самому себе, чувство чести, гордости, достоинства – это камень, на котором оттачивается тонкость чувства [1].

Бахытжан Момышулы вспоминает, что отец редко ошибался в людях, умея проникать в самую суть характера, зорко различая малейшие потемнения души собеседника и видя гниль даже за самыми толстыми покровами [2].

Понятие чести – обостренное чувство для казахов. Честь превыше жизни. Желание ценою даже жизни сохранить достоинство, высоко моральный дух называется честью. Никакое время не может заставить забыть эти понятия разумному человеку.

«Тот, кто не уважает свою нацию и не гордится ею, тот безусловный подлец и бродяга», может быть, из его уст звучит категорично, но каждый народ отличается своим менталитетом, национальной традицией, без которых не может быть чувства гордости за свою нацию. Национальный дух, что передан нам нашими дедами, заложил основу нашему нравственному началу и дает новому поколению ориентир на будущее.

Традиции и обычаи предков являются осью нравственности. С этих позиций анализируется становление и развитие основных этико-нравственных категорий казахов, традиции и обычаи как нормы поведения. Нужно иметь свой берег и свои корни.

Правильное усвоение знаний, обучение родному языку будет только способствовать развитию национального духа, *«чувства сына нации»*.

В 1943 г. в своих рукописях Бауыржан Момышулы писал: *«...Всем сердцем хочу гордиться своим народом, чтобы он достиг равенства, сохранив свои обычаи и традиции, свой язык, свои песни, свои корни, свое лицо и свою психологию»* [3].

Сейчас, когда мы получили независимость и сбылись его мечты о свободе своего народа, его высказывания, например: *«Национальная гордость – святыня и нерушимый закон для личности в нации»*, как никогда, приобретают новый смысл и особую актуальность и призывают каждого патриота Отечества к активным действиям по укреплению нашей государственности.

Но вместе с тем, стоит обратить внимание и сделать выводы из следующих строк: *«Я встретил ряд людей, слишком мелких, которые не смогли подняться выше своих корыстных целей, озабоченных шкурными интересами. Они вовсе забыли об интересах всего народа, родины, общества, будущего»*. Эти мысли дают информацию к размышлению.

Мы помним, чтим, гордимся!

Писатели с восторгом слушают выступление Бауыржана Момышулы на съезде писателей Казахстана.

Ведь поступки человека по отношению к другим людям являются основными критериями для оценки не только его характера, но и нравственных его качеств, уровня его культуры» [4].

На сегодняшний день, когда изменились взгляды людей, наверное, устойчивость нашей жизненной позиции определяют те ценности, о которых говорил он ещё во время войны, но они особенно значимы и сейчас.

«Ты человек! Ты гражданин! У тебя есть чувство стыда, позора, низости – у тебя есть благородная личная гордость твоей семьи, гордость твоей нации – чувство долга. Ты не один, не тебе одному эта участь, рядом с тобой твои соотечественники, твои товарищи по оружию, и они не хуже тебя, и они тоже хотят жить, как и ты. Неужели из-за одного тебя твою семью, твоих родителей, твой народ будут другие считать трусливыми душонками! Не накладывай на себя, на семью, на народ клеймо позора, чтобы другие не говорили, что у них слово Родина только на языке, а не в сердце. Не делай, чтобы они стеснялись произносить твое имя и проклинали тебя навеки.

Подумай! Если побежишь, то покроешь себя и свое поколение позором и проклятием – все и всё отрекутся от тебя: отрекутся от тебя отец и мать, как от изменника и будут стыдиться смотреть в глаза соседям. Отречется жена и с горечью будет вспоминать тот несчастный день, когда решила стать твоей женой. Отрекуются дети – милые дети твои – и будут они самыми несчастными из всех несчастных. Они будут стесняться носить твое имя и будут скрывать, кто был их отец. Отрекуются товарищи, земляки,

Біз ұмытпаймыз, құрметтейміз, мақтан етеміз!

с которыми ты не хочешь поделить горечь, трудности, опасность. Если тебя поймают, то расстреляют как предателя, изменника, предадут справедливому позору, твоей кровью смоют позор коллектива. Расстрелянный будешь валяться без чести, без совести, как падаль-дохлятина. Подумай, бегство – не спасение, это страшнее смерти [3].

Тебе никто жизнь дарить не будет, иди, завоевывай сам. Имей честь. Набирайся мужества: хочешь – убей тех, кто пришел убить тебя и твоих товарищей, тогда будешь жив. Товарища спасешь – слава и честь тебе. Героем назовут тебя – все гордиться будут тобою. Быть может, станешь калекой – это лучше, чем быть калекой совести, презренным всеми. Быть может, погибнешь, выполняя свой долг – вечная память и слава, скажут тебе, с гордостью вспоминать будут. «Мужайся! Вперед!» – приказывает чувство долга, благородство».

Хотя с тех пор прошло 60 лет, и сегодня мы живем в суверенном Казахстане, имеем свои Вооруженные Силы, которые участвуют и в миротворческих операциях, эти высказывания могут служить девизом для каждого воина-патриота.

По мнению командира Момышулы: «Боец – живой человек. Он грустит о жизни, о любви, он жаждет ласки и нежности любимой, чудного лепета маленького, забавного карапузика-сына или кудрявой малюсенькой дочки – он муж, он отец!

Он трепещет от радости любви, радости отцовского чувства, восхищается красотой природы, нежно любит вдыхать приятный аромат цветов. Приятно ощущает тепло яркого, солнечного, сияющего дня. Он с любовью смотрит в безоблачное голубое или звездное небо ночью. Это жизнь, он – живой человек...».

Личность каждого человека уникальна, и, соответственно, уникален мир каждого, его восприятие, мироощущение. Из этих чувств складываются высшие чувства патриотизма, любовь к Родине, к земле, родным и близким тебе людям, именно эти непреходящие ценности составляют сущность человека.

Умудренный опытом, он считает, что проблема воинского воспитания есть проблема воспитания от пеленок до штыковой атаки. Родительское воспитание – самая главная стадия дошкольного воспитания. Школьное воспитание, общественно-молодежное воспитание – *самая* важная стадия в становлении человека.

Он с горечью говорит о том, что часто мамы портят человека еще с пеленок: «Попадает к нам такой испорченный человек, неужели я могу его исправить в течение двух лет, ведь его портили 22 года. Не секрет, что у нас часть молодежи разболтанная: старших не уважают, грубят. Казахская пословица гласит: «ұяда не көрсе, ұшқанда соны ілер» (каким тебя воспитывают, таким и вырастешь). Если ребенок с пеленок с матерью не ладит, в пять лет спорит с отцом, не слушается, растет хулиганом, то он неизбежно становится плохим гражданином и солдатом».

Ребенок должен с молоком матери впитать все благородные качества человека, гражданина, тогда из него выйдет и хороший воин. Нам кажется, что к советам по проблемам воспитания в свете требований нашего Героя мы должны прислушаться. К сожалению, вопросы, поднятые им, имеют место в нашем обществе.

Бауыржан Момышулы подчеркивает, что на собственном опыте убедился, что в воспитании боевых качеств бойца колоссальное значение имеет военное прошлое

Мы помним, чтим, гордимся!

народов и национальные традиции, что отражено в рукописи «Благородные традиции казахского народа, воспитывающие боевые качества в джигите».

В этой работе он приводит следующие афоризмы о чести, совести:

1. «Ұлың өссе ұлы жақсымен, қызың өссе қызы жақсымен ауылдас болғын». – Сын растет - ищи соседа с хорошим сыном, дочь растет – ищи соседа с хорошей дочкой (речь идет о взаимовлиянии и взаимоотношениях).

2. «Арсыздан аю артық». – Бессовестный человек хуже зверя (комментарий не требуется).

3. «Жаным арымнан садақа». – Лучше умереть, чем потерять совесть.

4. «Өлімнен ұят күшті». – Совесть сильнее смерти. Автор считает, что понятие совести в понимании Бауыржана Момышулы – это самый верный спутник жизни, который сопровождает человека и определяет его как личность. Сознание долга называется совестью.

Совесть – нравственное понятие, как справедливость и прочее. Это чувство душевного равновесия, регулирующее деятельность человека в зависимости от его представления об истине, правде и справедливости, определяющее, насколько выполнен или не выполнен долг (отсюда рождается то бодрость, то угнетение), указывающее от чего следует воздержаться, что надобно делать. Совесть – контролер долга, регулятор человеческой деятельности. Гордость есть сознание личного достоинства.

Почему в настоящее время потеряны эти главные ценности и как можно без этого жить? Именно совесть определяет наши нравственные устои по отношению друг к другу.

Совесть человека, как независимый внутренний судья, критически анализирует и обобщает деятельность во благо и зло, подсказывает путь очищения и совершенства. Поступать по совести – это значит подчиняться внутреннему голосу, независимо от внешних факторов, конъюнктуры, необходимости. Выше суда совести и чести для человека инстанции не существует. Это относится к целой нации, народу.

5. «Қоянды қамыс – ерді намыс өлтіреді». Заяц умирает от страха, а мужчина из-за чувства чести (перевод смысловой по тексту). Данная пословица несет в себе глубокое содержание, которое определяет сущность, предназначение мужского пола, к сожалению, сейчас утратившееся современными мужчинами. Хочется немного остановиться на этой мысли.

В условиях официального обретения Республикой независимости понятие «казахстанский намыс» обязательно должно было бы войти в научный оборот как возрожденное, долгожданное, родное, историческое национальное достояние... Слово «намыс» (совесть или честь) для современного поколения – новое понятие. Данное понятие индивидуально функционирует в деятельности каждого госчиновника в службе каждого солдата, офицера, генерала, а также в Ер-намысе, Ел-намысе, в намысе предков, неся в себе ауру типично национального характера.

Казахи рождены с самобытным намысом, они – дети намыса. Представить образ казаха, все его эмоции, мысли и поступки невозможно без национального намыса во всех его нюансах.

Н.А. Назарбаев отмечал:

«Наши предки думали о безопасности своего Отечества, и это помогало им на протяжении многих веков, в условиях постоянных нашествий агрессоров, успешно отстаивать необъятную территорию Казахстана... Много раз казахи стояли на грани гибели. Но воля к жизни, воля к свободе вновь и вновь поднимала народ с колен...» [5].

По данным академика Ж. Абдильдина к примеру, казахская нация в своей драматической и трагической истории тридцать два раза была на грани гибели и полного исчезновения, при этом всегда находила в себе силы, чтобы сохранить свою независимость и свободу. Неужели в этих исторических процессах момент казахстанского (казахского) намыса как душевно-духовного фактора не сыграл свою позитивную роль?

Более того, мы считаем, что именно намыс влияет на формирование патриотических чувств. К сожалению, отсутствие намыса ведет не только к замене духовности на бездуховность, но и, как чудовищный и зловещий результат, – к угасанию в самосознании граждан лучших чувств и духа патриотизма.

Казахстанский намыс и его менталитет – это постоянно готовый к функционированию фактор, цензор эмоционально-чувственной, душевно-духовной, рациональной, мгновенной реакции с соответствующими мотивами поступков человека на источники возбуждения добра и зла, правды и лжи, любви и ненависти, преступления, обиды, горя, справедливости и т.д.

Казахстанский намыс и его менталитет в системе истории языковой культуры прошел тысячелетний путь в своем развитии и сверен с социально-историческим опытом, пространством и временем.

В этом смысле объединенная энергия менталитетного намыса равна по силе и мощи «инстинкту жизни», «жизненному соку», национальному духу, национальной гордости, межнациональному доверию и согласию. Данному понятию полностью соответствовал наш Герой.

Он считал, что через обычаи, традиции и народные ритуалы в человека впитывается чувство сопричастности к своему народу, зарождается, развивается и крепнет национальная психология, национальный характер. По его словам, многие недоумки думают о наших обычаях и традициях, как о чем-то архаическом, отжившем, как о рудименте эволюции, при этом стараются выглядеть цивилизованными, европеизированными, а выглядят нелепо, но – если не можешь быть полезным, то хотя бы не нанеси ущерба.

Сам Бауыржан Момышулы считает, что воспитанность (әдеп) должна быть внедрена в сознание и привита в привычку (әдет) вместе с молоком матери. Уважение к старшим, сознание долга и чести как святыни, безукоризненное соблюдение общественного порядка, безмолвная покорность законам человека, стоящие превыше всего, – все это воспитывает положительные качества, которые носят название благородства, любви к Родине, народу, семье, человеку, жизни.

Человек, получивший благородное воспитание, владеет основой боевых качеств – преданностью, честностью, дисциплинированностью.

Мы помним, чтим, гордимся!

6. Игра в асык, жилик, жасырынбак, жарыс, курес, ак-суйек воспитывает в юноше сноровку, ловкость, увертливость, меткость, быстроту, упорство и прочие военные (боевые) качества, необходимые солдату в бою, как воздух.

Опыт убедил его, что *адепсіздік – елсіздік, адептілік – ерлік* (невоспитанность – слабость, вежливость – мужество).

7. «Сөз тапқанға қолқа жоқ». Мастеру слова почет и уважение, или кто находчив в словах, к тому нет претензии (перевод смысловой). Велика роль родного языка в жизни любого человека. *Родной язык – это язык семьи и родины.*

Слова хранят тот первоначальный отпечаток, который придало им народное мышление. Поколения сменяются, и каждое из них получает от предыдущих устную традицию выражений, мыслей и образов, которые, в свою очередь, передают следующим поколениям. Следы национального образа мышления, сугубо казахских понятий и представлений заметны в оборотах речи, сравнениях, метафорах казахской поэзии о любви к Родине, к женщине, к окружающей природе, добродетелях и пороках человеческих.

У казахов, возводивших в культ меткое слово, стало традицией особое почитание биев, шешенов (ораторов, обладавших редким даром красноречия, златоустов), которые двумя словами могли решить участь человека («*ердің құнын екі ауыз сөзбен шешкен*» – букв: «могли оценить голову мужчины (воина) двумя словами»).

Дело в том, что «*ердің құны*» – цена убийств мужчины (воина) – было тяжелейшим событием, втягивавшим людей в междоусобные войны, многолетнюю вражду. Способность остановить словом последствия тяжких преступлений может показаться в наше время неправдоподобной, так как не совсем укладывается в сознании современных людей. Но это только на первый взгляд.

Подобное восприятие – следствие незнания истории духовного развития казахского народа. Казахи в древности испытывали священный трепет перед словом, что связано с некоторыми архаическими представлениями: верой в магическую силу слова, в то, что словом можно излечить болезнь, избавить от надвигающейся напасти и всевозможных бед.

Той, айтыс – есть состязание быстрого мышления и остроумия. Нигде так, как в айтысах, не застает человека врасплох многогранная неожиданность. Айтыс, той вырабатывали у юношей и девушек импровизаторские способности, любовь к устной литературе и музыке, расширяли их кругозор, они приобретали остроумие и смекалку.

Сила победит одного, а ум, ловкость – тысячи.

8. Кокпар, байге, аударыспак – традиционные национальные спортивные игры, вырабатывающие смелость к риску с расчетом, даже способность к самопожертвованию ради чести и славы своей. В благородстве этих игр не может быть никаких сомнений. Эти игры воспитывают благороднейшие рыцарские качества в джигите.

Бауыржан Момышулы огорчен тем, что нашими полуказахами «шоқынған» (выражаясь его языком) пренебрегались эти благородные традиции в воспитании боевых качеств, как «отжившие». Они даже преследовались до недавних пор людьми

негосударственного ума. Это было, безусловно, неумно. Здесь он упоминает даже старую казахскую поговорку «шала молда дін бұзар» (неученый мулла веру портит).

Вследствие такой оплошности в воспитании, некоторая часть молодежи растет неузнаваемо развязной, легкомысленной, хилой, мешковатой, попадаются даже трусишки малодушные, шкурники.

Подвиги славных казахских батыров Едиге, Кобланды, Наурызбая, Исатая, Махамбета, Амангельды, Алпамыса и других должны стать традицией для современных джигитов.

Некоторые не умеют ездить верхом, боятся лошади – просто стыдно называть таких казахами; лепечут какую-то ерунду по-казахски, похожую на неотработанный язык какого-то иностранца.

Таким образом, перечисляя, по его видению, недостатки, он считает, что все хорошее в прошлом казахского народа должно восторжествовать в настоящее время. И золотая казна народной мудрости должна стать нашим достоянием, обогатить наши знания и опыт, оказать услугу делам нашим [4].

Если у казаха с пеленок воспитывали боевые качества, можем ли мы сказать, что этот народ не боеспособен. Резюмирует – нельзя лишать народ его традиций, воспитывающих благородные боевые качества.

Как-то он выразил свое недоумение по поводу нового пополнения: смотришь, говорит, на некоторых из них – лицо наше, а душа у него черт знает что, как с неба свалился. Думаешь – в чем дело? Говоришь ему по-русски – он не понимает, говоришь по-казахски – тоже не понимает. В нем нет ни казахского, ни русского.

И вот я пришел к выводу, что этот бедный малый не унаследовал ничего толкового от своих предков. Если это делалось сознательно, – это вредительство. Традиция является одним из основных источников воспитания и имеет очень большое значение. Настоящее воспитание передается отцом и матерью, а остальное подшлифует обучение и общение.

Однажды он в беседе с сестрой Шамшиёй, с сожалением говорил: «Меня очень тревожит то, что все меньше становится матерей, которые бы внукам рассказывали мудрые сказки, которые младенцам пели бы светлые колыбельные песни. Ты, дочка, об этом не забывай, потому что в этом плодородная почва народного духа, в которой пускают корни ростки будущего, а без духовных откровений народа ни корни нельзя пустить глубоко, ни колосу невозможно зерном налиться. А без корней человек превратится в перекасти-поле и будет скитаться по степи и пескам, забыв и о Родине и о народе».

Для матерей, которые слишком оберегают своих детей, не думая об их будущем, хочу привести следующие строки нашего героя, посвященные своему сыну: «... Сколько людей на земле, столько и убеждений. Даже в рамках одной религии у каждого человека своя вера, а это значит, что у каждого свой путь. Ну, ничего! Расшибет себе лоб, набьет шишек, поползает на карачках, обдирая руки, а там, глядишь, и встанет на ноги и пойдет дальше уверенней, различая путеводные знаки. А если так и не осмелится открыть глаза на жизнь и расшибется насмерть, значит, такова его судьба,

Мы помним, чтим, гордимся!

таково данное ему предопределение. Я по нему притворно слезы лить не стану... но оплакивать его несвершившуюся судьбу буду до конца своих дней». Это и есть великая любовь к своему ребенку, но все ли дети понимают эти старания родителей.

Давайте послушаем, какой ответ дает сам Бахытжан Момышулы: «Самолюбие мое все же было задето, хотя в глубине души я не очень-то любил сам себя. А потом я подумал о правоте отца, который всякий раз изводил меня своими резкими оценками, словно резал клинком по живому, не из садистских же побуждений. Видно, он все-таки старался разбудить меня от долгой спячки и заставить начать поиски своего места в жизни, имея в виду не внешнее существование, а какую-то глубинную внутреннюю жизнь, вовсе не похожую на мои бесплодные мечтания, которые я считал богатой внутренней жизнью. Я никак не мог понять, что, *если нет внутреннего света, то не осветит и мир внешний* (курсив Б.Б.).

Было горько и стыдно, и я решил начать отслеживать себя, умерщвляя собственные недостатки, которых было выше головы, но с которыми я до этого мирился. Но разница между «захотеть» и «сделать» оказалось длиной в тридцать три страдания, в триста три мечтания, в шестьдесят шесть ушибов, в девяносто девять потерь, в несметное число поражений, в считанное число удач, в полное отсутствие побед и в несколько десятилетий». (Автор не преследует мысли подражать именно такому воздействию на психику воспитанника, надо учитывать время и особенности ребенка).

Иногда мы так скупы на доброе слово, имеющее исцеляющее свойство, когда разговор заходит не просто о близких, но о людях, родственных и душой. А ведь человеку, сколько бы он ни прожил на этой земле, всегда не хватает слова ласки и участия.

Бауыржан Момышулы основным методом воспитания считает убеждение. Гораздо приятнее человека убедить, чем принуждать. По его мнению, убежденный свои обязанности выполняет не только сознательно, но и творчески.

Что такое мужество? Основа мужества – гордость. Опрятность, чистота тела и души порождают личную гордость и самодисциплину, требовательность к себе и окружающим. Внешняя расхлябанность – признак внутреннего убожества человека. Грязь разлагает человека. Неряшливый в быту – неряшлив и в службе, и в работе. Если работник внешне расхлябан, он такой же и в работе; если человек аккуратен, он таков и в работе. Внешняя опрятность – признак внутренней собранности, самодисциплины, требовательности к себе и к окружающим.

Что такое гордость?

Гордость порождает отвагу. Негордый отважным быть не может. Что такое национальная гордость? Национальная гордость – нерушимый закон для каждого человека, это уважение своей нации, гордость за нее.

Уважая других, имеешь право уважать себя: являясь полноценной личностью данной нации и гордясь своей нацией, ты можешь достойно относиться и к другим народам. Есть два понятия: национальный дух – это благородная черта, и национализм – это порок личности нации.

Біз ұмытпаймыз, құрметтейміз, мақтан етеміз!

Национальный дух имеет прекрасные свойства, познание своей нации, и нам надо развивать эти благородные черты, такой человек глубоко и возвышенно понимает свой долг перед Отечеством, перед своим народом и братством народов. Все народы способны на великое и прекрасное.

Внуки должны гордиться своими предками, которые были полезными, добропорядочными людьми своего времени, по-своему прогрессивными. И не надо топить память о них в несправедливой клевете.

Бауыржан Момышулы задает вопрос – кто мы есть? Кем мы будем? И дает ответ: неплохие люди есть, а будут еще лучше. И большую роль в этом должны сыграть обучение и воспитание. Воспитание прививает человеку благородный нрав. В воспитании первое – сознательность, это главное, а принуждение – подсобное средство. Воспитание тупой покорности означает, по существу, полную моральную подавленность человека.

Нужно склонность к послушанию превратить в мощное и гибкое средство пробуждения и развития человеческого достоинства. Тупая покорность – враг благородной покорности гордого человека.

С психологической точки зрения интересна следующая мысль: простота бывает двойкой; простота в одном случае – глубина, в другом – пустота; иначе: прост, да умен, или прост, да глуп. Как хочется, чтобы каждый из нас задумался и понял смысл этих слов.

Его суждения дают возможность делать выводы совершенно, казалось бы, из известных понятий, например, правда и ложь сосуществуют испокон веков. Правду нужно уметь говорить, не подсовывая ложь. В истории ложь никогда не выступала в своем наряде. Она выступала в костюме правды. Ложь торжествует и кричит не только пять, десять минут, один час, пять, десять лет. Есть ложь, живущая веками. Но все равно эту ложь разоблачат.

Абсолютная правда не ужас, ее только надо уметь преподнести, и она принесет большую пользу. Правда должна являться медом, а ложь, как ты ее не отшлифовывай, все-таки остается ядом. Конечно, если правду преподнести грубо, топорно, от этого пользы не будет, а только вред.

Особенно хочется обратить внимание на следующую мысль: что самая большая недобросовестность – это недобросовестность перед своей профессией. Лучше иметь дело с честным и скромным ремесленником, чем с мастером с испорченным вкусом, с развращенными чувствами, ложным высоким самомнением.

Баурджан Момыш-улы с внуком Ержаном

Беседа с односельчанами

Мы помним, чтим, гордимся!

В своих воспоминаниях об отце Бахытжан Момышулы пишет, что «отец мог быть светом беспощадным, жгучим и испепеляющим; он был беспощаден к человеческой подлости, к людским порокам, жгучим к сорнякам жизни, испепеляющим равнодушные, слабость, зависть, спесь, малодушие» [4].

Фигура Бауыржана Момышулы производит тройственное впечатление. Хотя на самом деле является монолитно-цельной, и эти три плана направлены на три слоя воспитания в меру развитости тех сущностей, с которыми ему приходится общаться.

Иначе говоря, три уровня: физическое, рациональное и эмоциональное. А четвертое – духовное в истинном его значении в наше время, к сожалению, считается плохим тоном.

Однажды в гостях он сказал: «Дети, вы красивы внешне, будьте же прекрасными и внутренне. Это достигается не сразу, иногда для этого требуется вся жизнь. Но если вы сумеете подняться до этого уровня, то старость ваша будет озаренной. У бездуховного поколения – безрадостное будущее. Не просто безрадостное, а безнадежное. Жестокость, насилие, бесстыдство губят неокрепшие души, гасят для них свет, не давая увидеть идеалы, мешая росту и развитию правильных убеждений».

Может быть, некоторым образом оправдывая себя, он о воспитании сына говорил, желая закалить его душу: «Я бывал с ним излишне резок и груб. Его воспитали женщины, а я хотел сделать из него мужчину. Он всегда страдал и говорил, что нельзя отчуждать от себя те сущности, которые получили жизнь через тебя». Но это исходило именно от большой любви к своему ребенку.

А Бахытжан Момышулы с тоской отмечает, как сейчас ему не хватает его бранящего, гремящего голоса, за которым он по глупости не видел его любви! От того, что так поздно понял отца, перед памятью которого он постоянно испытывает безграничную и неизбывную вину, от сожаления едва не разрывается сердце... хочется надеяться, что такое сожаление не случится испытать нам.

...Звезды освещают Путь и наполняют осмысленностью жизнь на земле. Звезды всегда высоко над нами... Сам Бауыржан Момышулы писал: «Мои звезды – не на погонах, а на небесах. Жаль, что другие будут вспоминать только мою грубость и дикие выходки, не видя за ними ни Смысла, ни Боли».

В народе говорят: «Әке асқар тау...» Неоплатность сыновнего долга всегда в наших сердцах, преемственность поколений сохраняется и хранит в своей памяти все самое ценное, помогает становлению личности. Отец является мерилем ценностей, внутренней совестью каждого из нас.

Бахытжан Момышулы вспоминает: «...Когда я пишу, мне всегда кажется, что отец стоит за моей спиной, чтобы уберечь меня от недостойного слова и низкого поступка. И я знаю, какими бы объективными причинами, ссылками на время, на новые жестокие взаимоотношения в социуме не старался я оправдаться, он бы не простил меня, не принял бы моих объяснений [4].

Біз ұмытпаймыз, құрметтейміз, мақтан етеміз!

Омут рынка затягивает в себя все новые и новые души, опустошая духовность земли. В каждом деле остались люди, и я верю, что благодаря ним, больная нравственность получит исцеление... Обидное слово и недостойное дело станут неприемлемыми актами в правилах человеческого общежития. А батыры из символов станут знаменем».

В жизни вообще следует держаться ближе к мудрым, заимствуя их неисчерпаемый свет, можно вырасти душой. А насколько сможет человек очиститься, наполнится светом и поумнеть, зависит только от него самого...

Жизнь Баурджана Момышулы может заменить целый университет. Вся его жизнь посвящена внутреннему обновлению человека и личностному росту.

Литература:

1. Момышулы Б. Психология войны. Алматы, 1996.
2. Момышулы Б.Б. Сыновья Великого Волка. Алматы, 2004.
3. Момышулы Б.Б. Восхождение к отцу. Алматы, 1986.
4. Серикбаев К.С. Баурджан Момышулы в моей жизни. Алматы, 1995.
5. Назарбаев Н.А. В потоке истории. Алматы, 1999. –С.58.

Мы помним, чтим, гордимся!

Гульзифа СМИРНОВА

Президент Некоммерческой организации
Фонд памяти павших советских воинов
в Восточной Пруссии «Память»
(Қор Ескерткіш)

ПАНФИЛОВСКАЯ ДИВИЗИЯ

**8-я Гвардейская ордена Ленина, Краснознаменная, ордена Суворова
Режицкая имени И.В. Панфилова стрелковая дивизия**

1. История Панфиловской дивизии

История героической Панфиловской дивизии начинается с Алматы. Это один из красивейших городов Казахстана. Огромный, постоянно обновляющийся современной и своеобразной архитектурой, город впечатляет захватывающей красотой своей панорамы. Алматы отсчитывает свой возраст с 1854 года. Для большого города это не возраст, но он богат многими памятными событиями. Одна из светлых страниц истории Алматы написана героическими подвигами панфиловцев и других славных защитников на полях Великой Отечественной войны.

Алматы по праву считается родиной прославленной Панфиловской дивизии. Здесь начиналось и завершалось ее формирование. Здесь боевому соединению вручено воинское знамя и принесена клятва ее отважных бойцов на верность Родине.

12 июля 1941 года по приказу правительства началось формирование 316-й стрелковой дивизии. Почти месяц каждый день прибывали в дивизию команды призывников из Талды-Кургана, Джамбула, Чимкента, из далекого Кустаная и Петропавловска, также, через Курдайский перевал, ехала на место дислокации 316-й дивизии колонна грузовиков с призывниками из Киргизии.

С должности инструктора ЦК Компартии Казахстана ушел на фронт Алексей Васильевич Кириллов и стал политруком роты, в другой роте политруком был Манап Мусин, в прошлом председатель обкома профсоюзов. И.М. Канипов, Саушев, Малик Габдуллин, И.Е. Сяйлов, Сеит Екибаев, Карибай Жаркимбетов, А.Л. Мухамедьяров, Жумажан Булышев и многие, многие другие наши соотечественники сражались в ее рядах.

В дивизию вошли три стрелковых полка, артполк, батальон связи, отдельный саперный батальон, отдельная авторота, медсанбат, отдельная разведывательная мотострелковая рота, гурт скота, полевой хлебозавод, полевая почтовая станция. Командиром 316-й дивизии был назначен военный комиссар Киргизии генерал-майор И. В. Панфилов.

Он родился 1 января 1893 года в городе Петровске Саратовской области. С 12 лет работал по найму. В 1915 году призван в армию и был направлен на русско-германский фронт. В Красную Армию вступил добровольно в 1918 году. Был зачислен в 1-й Саратовский пехотный полк 25-й Чапаевской дивизии. В ее рядах сражался

Біз ұмытпаймыз, құрметтейміз, мақтан етеміз!

против Дутова, Колчака, Деникина и белополяков. После войны окончил двухгодичную Киевскую объединенную пехотную школу и получил назначение в Среднеазиатский военный округ. Принимал участие в борьбе с басмачами. Награжден двумя орденами Красного Знамени (1921, 1929) и медалью «XX лет РККА». Великая Отечественная война застала генерал-майора Панфилова на посту военного комиссара Киргизской республики. Сформировав 316-ю стрелковую дивизию, выехал с нею на фронт и в октябре-ноябре 1941 года сражался под Москвой. Погиб в бою 18 ноября 1941 года под Волоколамском. Похоронен с воинскими почестями на Новодевичьем кладбище в Москве. 12 апреля 1942 года удостоен звания Героя Советского Союза (посмертно).

Генерал-майор
Иван Васильевич Панфилов

В суровой выучке, в тяжелых солдатских буднях, спланивались, цементировались боевые порядки панфиловцев. Овладевая основами военного дела, панфиловцы совершали многокилометровые марш-броски под палящим солнцем, учились окапываться, метать гранаты, преодолевать заграждения, проходить минные поля. Бойцы старательно овладевали оружием, боевой техникой, тренировались метко стрелять, умело владеть штыком, прикладом и гранатой.

18 августа был получен долгожданный приказ об отправке на фронт. У 316-й стрелковой дивизии началась боевая биография.

Обращаясь с напутственным словом к панфиловцам, Джамбул сказал генералу Панфилову: «С русским народом навеки связана судьба казахов. Без русского народа степь сирота. Да будет святой кровью батыров скреплена эта дружба в сече с фашистами. Веди молодых джигитов, учи их, сделай из них героев, чтобы Родина была довольна нашими сыновьями.

*Зову я думой и напевом страны
Вперед, на фашистов, родные сыны,
Чем больше в походе, тем больше нога,
Смелее сыны, не щадите врага!*

К 30 августа форсированным маршем дивизия прибыла и заняла оборону Боровичи-Крестцы во втором эшелоне 52-й армии.

В начале второй недели октября 316-я стрелковая дивизия по приказу ставки сдает оборудованный рубеж и меняет дислокацию, прибывает и занимает оборону фронтом 45-50 км на Волоколамском направлении. Дивизия вошла в состав 16-й армии генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского. История дивизии – это массовые героические подвиги, а начались они 14 октября 1941 года в селе Болычево. Бои шли в районе деревень Федосьино, Игнатково, Осташево. Четыре дня, с 15 по 18 октября, у села Осташево героически сражался 1-й батальон капитана М. А. Лысенко. За четверо суток все бойцы батальона погибли, выполнив свой долг.

23-24 октября противник встретил упорное сопротивление на участке обороны 1075-го, 1073-го стрелковых полков: Спас-Рюховское, Чертаново, Козлово, Красная Горка.

28 октября немцы захватили город Волоколамск. Дивизия, не успев закрепиться, отходит и занимает рубеж: Ремягино, Авдотьино, Ченцы, Большое Никольское,

Мы помним, чтим, гордимся!

Дубосеково, Ширяево. Гитлеровцы безудержно рвались к Москве. Генерал Панфилов говорил, обращаясь к своим бойцам: «Всем нам – русским, казахам, украинцам и киргизам, сынам всех народов – одинаково дорога наша земля, находится ли она под Ленинградом или в Белоруссии, Казахстане или Киргизии. Мы на земле Подмосковья. За свою родную землю мы должны драться так, чтобы не стыдно было нам перед своим народом».

16-17 ноября противник возобновил активное наступление по всему фронту, ввел в бои свежие части. Всему миру известен бессмертный подвиг истребителей танков – бойцов 4-й роты, задержавших 16 ноября у разъезда Дубосеково большую колонну вражеских танков. В этот же день храбро сражались бойцы 6-й роты у деревни Петелино.

В те дни героизм бойцов 316-й дивизии был поистине массовым. Это подвиг бойцов-саперов 1077-го стрелкового полка у деревни Строково. У деревни Мыканино совершил подвиг взвод истребителей танков под командованием лейтенанта В.Г. Угрюмого, политрука А.Н.Георгиева, он войдет в историю как подвиг 17-ти талгарцев.

В октябрьских боях 1941 года панфиловцы покрыли себя неувядаемой славой. Приказом наркома обороны за № 399 от 18 ноября 1941 года дивизия была преобразована в 8-ю гвардейскую стрелковую дивизию и награждена орденом Красного Знамени.

Центральный комитет Компартии Казахстана обратился к панфиловцам с открытым письмом:

«Дорогие друзья!

Трудящиеся Казахстана услышали вчера по радио сообщение о том, что дивизия, которой командует генерал-майор Панфилов, на дальних подступах к Москве героически сражается с врагом, отражая его бешеный натиск. И мы сказали с гордостью: «Это наши храбрые земляки, наши славные боевые товарищи! Да, это они!»

... Привет вам, мужественные красные воины! Вечная слава павшим смертью храбрых на полях сражений! Казахстан сохранит в веках светлую память о лучших своих сынах, отдавших жизнь за великое, правое дело.

...Храбрые наши друзья! На подступах к сердцу нашей Родины решаются судьбы советского народа. Помните об этом. Ни шагу назад! До последнего вздоха, до последней капли крови защищайте родную Москву!

...В эти грозные дни решающих боев далекий Казахстан – вместе с вами. Балхаш, Лениногорск, Чимкент, Гурьев, Караганда шлют на фронт столько меди, свинца, угля, нефти, сколько надо, чтобы разгромить врага. Никогда еще промышленность нашей республики не давала столько продукции, сколько дает в эти дни. Колхозники Казахстана, рабочие МТС и совхозов, не жалея сил, работают над тем, чтобы сытно накормить, тепло одеть и обуть бойцов... Трудящиеся Казахстана дают вам слово работать еще лучше, сделать для фронта все, что потребуется...

Боевой привет вам, товарищи! Будьте смелыми, бесстрашными и беспощадными к врагу».

Біз ұмытпаймыз, құрметтейміз, мақтан етеміз!

18 ноября 1941 года погиб командир 8-й гвардейской дивизии И.В. Панфилов в деревне Гусенево, где находился штаб дивизии.

В тот день в штаб дивизии к Панфилову приехал военный корреспондент «Правды» М. Калашников. Он поздравил генерала с переименованием дивизии в гвардейскую и сделал снимок на память. Морозную тишину воздуха разорвал грохот снарядов. Разорвавшийся снаряд смертельно ранил генерала. Похоронен И.В. Панфилов в Москве на Новодевичьем кладбище. В декабре месяце 1941 в дивизии было собрано 600 000 рублей на строительство танка им. Панфилова.

До 15 декабря дивизия вела оборонительные бои на линии Истра-Крюково-Истра. А 15 декабря по приказу №030 дивизия выходит из состава 16-й армии и переходит в резерв Ставки.

19 января 1942 года дивизия по заданию Ставки по железной дороге была перебросена до станции Болотное, где вошла в состав 2-го стрелкового корпуса. Основной задачей дивизии было выйти по глубокому снегу, лесным тропам и просекам к главной линии обороны врага, прорвать ее, а затем совершить рейд по глубоким тылам немецко-фашистских войск. В ряде боевых действий во время снежного рейда отличились мужеством и самоотверженностью политрук роты автоматчиков 1075-го полка Малик Габдуллин и автоматчик 4-й роты Тулеген Тохтаров. Они были удостоены звания Героя Советского Союза.

Указом Правительства от 16 марта 1942 года за образцовое выполнение боевых заданий на фронте борьбы с гитлеровскими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество, 8-я гвардейская дивизия награждена орденом Ленина.

В дальнейшем дивизия вела бои за овладение большаком Сопки-Холм. Части дивизии работали по укреплению обороны и строительству путей подвода через болота. Дивизия принимала участие в освобождении Великих Лук, территории Калининской области. Началось освобождение Латвии.

В апреле 1944 года дивизия была передана в состав 10-й гвардейской армии. 23 июля 1944 года, развивая наступление, дивизия овладела крупным уездным центром Латвии – городом Резекне. В итоге боев были разгромлены 16-й латышский корпус СС и 23-я немецкая пехотная дивизия. 27 июля 1944 года приказом Верховного Главнокомандующего дивизии было присвоено почетное наименование «Режицкая».

Продолжая наступление, дивизия освободила город Мадонна, форсировала реки Пустеке и Огре. Содействуя войскам 10-й армии, дивизия к 14 октябрю перерезала железную дорогу севернее станции Баложь, заняв Салдус, один из крупнейших оборонительных участков врага. В районе Салдуса, вблизи населенного пункта Маипилс, в 1963 году были обнаружены останки 28-ми неизвестных бойцов Панфиловской дивизии, сражавшихся здесь в 1944 году. Из них фамилии трех установлены: Федоров, Горнов, Сантибеков Вали.

После упорных боев противник был выбит из столицы Латвии – города Риги. Указом Правительства Верховного Совета СССР от 3 ноября 1944 года за образцовое

Мы помним, чтим, гордимся!

выполнение боевых заданий командования при освобождении Прибалтики и города Риги, дивизия была награждена орденом Суворова 2-й степени.

С января по май 1945 года 8-ая гвардейская стрелковая дивизия совместно с другими частями 2-го Прибалтийского фронта вела бои с Курляндской группировкой противника в районе Либава–Клайпеда. После упорных боев 8 мая 1945 года прижатая к Балтийскому морю группировка гитлеровцев капитулировала. Встретили победу воины-панфиловцы на территории Литвы.

2. Памятные даты дивизии:

1941 год

12 июля – Приказ командования Среднеазиатского военного округа о формировании и начало формирования 316-й стрелковой дивизии.

12-15 июля – Прибытие в дивизию и вступление в должность командира дивизии генерал-майора И.В.Панфилова; комиссара дивизии – старшего батальонного комиссара С.А.Егорова; начальника артиллерии – майора В.И. Маркова; начальника штаба дивизии – полковника И.И.Серебрякова; начальника политотдела дивизии – батальонного комиссара А.Ф.Галушко; командира 1073-го (19-го гвардейского) стрелкового полка майора Г.Е.Елина; командира 1075-го (23-го гвардейского) стрелкового полка – полковника И.В. Капрора, командира 1077-го (30-го гвардейского) стрелкового полка – майора З.С. Шехтмана; командира 857-го (27-го гвардейского) артиллерийского полка – подполковника Г.Ф. Курганова.

22 июля – Выход первого номера дивизионной газеты «За Родину!»

25 июля – 1 августа – Принятие личным составом военной присяги.

29 июля – Назначение на должность командира 1075-го стрелкового полка полковника М.В. Капрора.

8 августа – Приезд в дивизию начальника штаба САВО генерал-майора Казакова.

18-20 августа – Выезд дивизии со станции Алма-Ата-1 на фронт.

25-27 августа – Прибытие и разгрузка эшелонов дивизии на станции Боровичи Октябрьской железной дороги и вхождение дивизии в состав 52-й армии Северо-Западного фронта. Оборудование рубежа обороны в пунктах: Селище–Парны–Усть-Вольма–Крестцы–Мокрый Остров.

21 сентября – Первый бой с противником разведчиков под командованием лейтенанта Королева у хутора Захарово Новгородской области.

7-10 октября – Сдача оборонительного рубежа и следование в распоряжение 16-й армии Западного фронта, которой командовал генерал К.К. Рокоссовский.

10-11 октября – Занятие обороны на Волоколамском направлении.

14 октября – Начало упорных боев с противником. Бой взвода 4-й стрелковой роты 1075-го стрелкового полка под командованием лейтенанта Н.М. Штанева.

15-17 октября – Бои за совхоз Болычево и деревню Федосьино-Князево.

16 октября – Подвиг начальника штаба 1075-го стрелкового полка капитана И.М. Манаенко. Подвиг командира батареи 875-го артиллерийского полка младшего лейтенанта Г.О. Бабаяна. Подвиг командира орудия 875-го артиллерийского полка сержанта А.В. Банина. Подвиг начальника штаба 875-го артиллерийского полка майора В.Л. Аутсбурга. Подвиг командира пулеметного взвода 1075-го стрелкового полка лейтенанта А.С. Какулия.

17 октября – Подвиг красноармейца 8-й стрелковой роты 1075-го стрелкового полка Глеутабылова.

18 октября – Подвиг разведчика 1073-го стрелкового полка сержанта Е.П. Мосеяша.

19 октября – Постановление Государственного комитета обороны об обороне города Москвы.

17-19 октября – Героический бой в окружении 1-го стрелкового батальона 1075-го стрелкового полка капитана М.А. Лысенко на берегу реки Рузы, в деревне Осташево. Там погибли 594 воина этого батальона.

23-25 октября – Бои на участке Чертаново – Спас-Рюховское, Ивановское – Новлянское – Красная Гора – Козлово, Высокое.

Біз ұмытпаймыз, құрметтейміз, мақтан етеміз!

- 25 октября** – Подвиг командира дивизиона 875-го артполка лейтенанта А.Г. Петрашко.
- 27-28 октября** – бои за город Волоколамск, ст. Вязьминская.
- 28 октября** – Подвиг командира взвода 4-й роты 1075-го стрелкового полка младшего лейтенанта Джуры Ширматова.
- 2 ноября** – Первый подвиг политрука 4-й стрелковой роты 1075-го стрелкового полка политрука В.Г. Клочкова.
- 7 ноября** – Приказ войскам Западного фронта №285 о награждении личного состава дивизии. Приезд в дивизию гостей из Москвы с подарками.
- 16 ноября** – Возобновление наступления немцев на Москву. День массового героизма воинов дивизии: подвиг героев-панфиловцев 4-й роты 1075-го стрелкового полка во главе с политруком В.Г. Клочковым; подвиг 11 саперов 1077-го стрелкового полка во главе с младшим лейтенантом П.И. Фирстовым и политруком А.М. Павловым у деревни Строково; подвиг 17 бесстрашных героев – истребителей танков 1073-го стрелкового полка во главе с политруком А.Н. Георгиевым у деревни Мыканино; подвиг политрука 6-й роты 1075-го стрелкового полка П.Б. Вихрева у деревни Петелино.
- 17 ноября** – Приказ народного комиссара обороны № 339 о преобразовании 316-й стрелковой дивизии в 8-ую гвардейскую стрелковую дивизию. Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении дивизии орденом Красного Знамени за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с фашистскими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество.
- 18 ноября** – Ранение и смерть командира дивизии генерал-майора И.В. Панфилова в деревне Гусенево.
- 22 ноября** – Вручение дивизии ордена Красного Знамени.
- 23 ноября** – Постановление Государственного Комитета Обороны № 950 о присвоении дивизии имени генерал-майора Ивана Васильевича Панфилова. Вручение дивизии Гвардейского Знамени и вручение первых орденов и медалей награжденным за боевые заслуги.
- 1 декабря** – Вступление в должность командира дивизии генерал-майора В.А. Ревякина.
- 4 декабря** – Переход дивизии в контрнаступление под станцией Крюково.
- 8 декабря** – Освобождение Крюково.
- 12 декабря** – Освобождение города Истра.
- 15 декабря–18 января** – Выход дивизии из состава 16-й армии в резерв Ставки Верховного Главнокомандования. Отдых и доукомплектование в пунктах Желябино – Нахабино – Новоникольское – Горекосово – Чернево Московской области.
- 19 декабря** – Приезд делегации трудящихся из Казахстана, передавшей дивизии несколько вагонов с подарками.
- 31 декабря** – Вхождение дивизии в состав 2-го гвардейского стрелкового корпуса.

1942 год

- 5 января** – Прибытие пополнения из Казахстана.
- 14 января** – Поездка группы командиров, политработников и бойцов на разъезд Дубосеково, освобожденный от немцев, для организации похорон погибших героев-панфиловцев.
- 15 января** – Отзыв с должности командира дивизии генерал-майора В.А. Ревякина.
- 18 января** – Вступление в должность командира дивизии генерал-майора И.М. Чистякова.
- 17-19 января** – Выезд дивизии после месячного отдыха и пополнения на Северо-Западный фронт.
- 22-26 января** – Разгрузка эшелонов дивизии на станции Бологое Октябрьской железной дороги и станциях Любницы, Болотное, Дворец Калининской железной дороги. Вхождение дивизии в состав 2-го гвардейского стрелкового корпуса под командованием Героя Советского Союза генерал-лейтенанта А.И. Лизюкова 3-й ударной армии (командующий генерал-лейтенант К.Н. Галицкий).
- 2 февраля** – Ранение командира 875-го гвардейского артиллерийского полка полковника Г.Ф. Курганова.
- 3 февраля** – Назначение на должность командира 875-го гвардейского артиллерийского полка капитана А.Н. Тихомирова. Переход дивизии в наступление по большаку Старая Русса – Холм в район Соколово-Трохово.

Мы помним, чтим, гордимся!

- 6-11 февраля – Бои за Соколово.
- 7 февраля – Подвиг писаря 1075-го гвардейского стрелкового полка старшего сержанта А.Е. Смирнова и красноармейца Елфимова.
- 9 февраля – Подвиг красноармейца роты автоматчиков 1075-го гвардейского стрелкового полка Тулегена Тохтарова.
- 14 февраля – Соединение с войсками Калининского фронта, в результате чего в пунктах Рамушево – Демянск оказалась в котле 70-тысячная группировка противника.
- 18 февраля – Подвиг комсорга 1073-го гвардейского стрелкового полка политрука В.Я. Белова.
- 19 февраля – Подвиг 16 панфиловцев 2-й роты 1073-го гвардейского стрелкового полка во главе с младшим политруком Р.Ш. Джангожиным в бою за деревню Сутоки.
- 14 марта – Выбытие по болезни капитана Тихомирова Анатолия Николаевича с должности командира 875-го гвардейского артиллерийского полка.
- 16 марта – Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении дивизии орденом Ленина – за образцовое выполнение боевых заданий на фронте борьбы с гитлеровскими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество.
- 26 марта – Прибытие пополнения из Казахстана (4 маршевые роты)
- 2 апреля – Назначение на должность командира 875-го гвардейского артиллерийского полка майора Н.И. Анохина.
- 3 апреля – Вступление начальника штаба дивизии полковника И.И. Серебрякова в должность командира дивизии. На должность начальника штаба дивизии назначен подполковник К.Н. Гофман.
- 12 апреля – Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза генерал-майору И.В. Панфилову.
- 15 апреля – Отзыв с должности военного комиссара дивизии полкового комиссара С.А. Егорова.
- 27 апреля – Назначение на должность военного комиссара дивизии полкового комиссара П.Ф. Лобова.
- 28 апреля – Прибытие пополнения из Казахстана.
- 3 мая – Ранение командира 1077-го гвардейского стрелкового полка полковника З.С. Шехтмана.
- 4 мая – Назначение на должность командира 1077-го гвардейского стрелкового полка подполковника С.И. Дунаева.
- 10 мая – Приезд делегации трудящихся Казахстана.
- 14 мая – Вручение снайперской винтовки ТВ № 2916 старшему сержанту 1077-го стрелкового полка Тулеугали Абдыбекову.
- 4 июня – Приезд делегации трудящихся Киргизии, возглавляемой Наркомом Просвещения Киргизской ССР Дж. Шукуровым.
- 10 июня – Отзыв с должности командира 1075-го гвардейского стрелкового полка гвардии полковника И.В. Капрова и назначение на эту должность подполковника Е.В. Воронова.
- 10-17 июня – Отход дивизии для обороны за реку Ловать, на ее восточный берег.
- 27 июня – Отзыв с должности командира 1077-го гвардейского стрелкового полка гвардии подполковника С.И. Дунаева и назначение на эту должность майора Н.М. Уральского.
- 6 июля – Прибытие пополнения – 1002 человек, из них 99 коммунистов и 268 комсомольцев.
- 12 июля – Празднование годовщины со дня формирования Панфиловской дивизии.
- 16 июля – Постановление Государственного Комитета Обороны о введении отличительных знаков для военнослужащих, раненных на фронтах Отечественной войны.
- 21 июля – Указ Президиума Верховного Советов СССР о присвоении звания Героя Советского Союза панфиловцам – героям разезда Дубосеково
- 19 августа – Указ Президиума Верховного Совета СССР об утверждении нагрудных знаков «Отличный минер» и «Отличный сапер».
- 23 сентября – Приказ командования 3-й ударной армии № 240 о присвоении новой гвардейской нумерации частям дивизии: 1073-й полк – 19-й гвардейский стрелковый полк, 1075-й полк – 23-й, 1077-й – 30-й, 875-й артполк – 27-й гвардейский артиллерийский полк.

Біз ұмытпаймыз, құрметтейміз, мақтан етеміз!

3 октября – Отзыв с должности командира 30-го гвардейского стрелкового полка гвардии майора Н.М. Уральского.

18 октября – Отзыв с должности командира 30-го гвардейского стрелкового полка гвардии полковника И.И. Серебрякова и вступление в эту должность генерал-майора С.С. Чернюгова.

19 октября – Назначение на должность командира 30-го гвардейского стрелкового полка гвардии майора Н.Г. Якубенко.

2 ноября – Отзыв с должности заместителя командира дивизии по политчасти гвардии полковника П.Ф. Лобова.

7 ноября – Приезд в дивизию Героев Советского Союза Иллариона Романовича Васильева и Григория Мелентьевича Шемякина и вручение им наград.

Ноябрь-декабрь – Приезд делегации трудящихся Монгольской Народной Республики, вручение 19-му гвардейскому стрелковому полку ордена МНР и орденов и медалей республики личному составу полка.

26 декабря – Отзыв с должности командира 23-го гвардейского стрелкового полка гвардии полковника Е.В. Воронова.

30 декабря – Вручение дивизии ордена Ленина.

1943 год

30 января – Выход Указа Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза политруку роты автоматчиков 23-го гвардейского стрелкового полка Малику Габдуллину и красноармейцу этой же роты Тулегену Тохтарову.

15 февраля, 6 марта – Приезд делегации трудящихся Казахстана и Киргизии.

25-28 февраля – Бои по прорыву обороны противника на участке Новечки-Чикунново.

11 марта – Выход дивизии в составе 2-го гвардейского стрелкового корпуса из 3-й ударной армии в 25-ю армию (командующий генерал-лейтенант Г.П. Коротков).

31 марта – Выход Указа Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза политруку 6-й стрелковой роты 23-го гвардейского стрелкового полка П.Б. Вихреву.

20 апреля – Выход дивизии из состава 2-го гвардейского стрелкового корпуса.

26-27 мая – Прибытие пополнения из 114-го запасного полка.

Конец мая – Приезд делегации трудящихся из Киргизской ССР.

25 июля – Парад и празднование по случаю второй годовщины формирования дивизии.

12 августа – Прибытие пополнения.

12 октября – Подвиг разведчика – сапера 2-го отдельного гвардейского саперного батальона гвардии старшего сержанта Николая Морозова

13-17 октября – Дивизия совершила походный марш, преодолев расстояние в 260 километров в район города Великие Луки. Здесь было завершено освобождение Калининской области и началось освобождение Латвии.

30 октября – Гвардейский митинг в освобожденном городе Великие Луки на площади имени Ленина.

6 ноября – Активная оборона в районе Новосокольников.

23 ноября, 3 декабря – Приезд представителей трудящихся Киргизской и Казахской ССР.

30 декабря – Назначение на должность командира 27-го гвардейского стрелкового полка гвардии майора В.А. Головая. Подвиг сапера 2-го отдельного саперного батальона гвардии рядового Мухамеда Нурбаева.

1944 год

5-8 января – Сдача обороны в районе Новосокольники другим частям и вхождение в состав 97-го стрелкового корпуса 2-го Прибалтийского фронта.

8-10 января – Марш из района Новосокольники в район пунктов Горватка, Лопатники, Новый завод.

Мы помним, чтим, гордимся!

- 15 января** – Бой за Манакowo – сильно укрепленный опорный пункт противника – и захват его. Подвиг санинструктора 19-го гвардейского стрелкового полка гвардии старшины А. Масловой. Занятие обороны в районе ст. Насва.
- 23 января** – Подвиг гвардии рядового 15-й отдельной разведроты Григория Постольникова, повторившего бессмертный подвиг Александра Матросова.
- 2-5 февраля** – Наступательные бои в районе пунктов Сурино, Доманкино, Свиново, Слободка, Иванцово, высота 165,6.
- 6 февраля** – приказ Военного Совета Армии с объявлением благодарности личному составу дивизии за отражение многократных яростных контратак немцев.
- 22 февраля** – Ранение и смерть знатного снайпера 30-го гвардейского стрелкового полка старшего сержанта Тлеугали Абдыбекова, истребившего 397 гитлеровцев.
- 24 февраля** – Подвиг старшего адъютанта 3-го стрелкового батальона 23-го гвардейского полка гвардии капитана Шурекова.
- 24 февраля-7 марта** – Преследование с боями отходящего противника в направлении пунктов Гальцево, Максимиха, Захарино, Аксеново. Бои за деревню Андриюшино и освобождение её. Марш в район Лопанево, Жар, Заход, Бышево, Коростовец, Юренцово.
- 7 марта** – Выход дивизии из 97-го стрелкового корпуса и вхождение её в состав 44-го стрелкового корпуса.
- 9 марта** – Ранение и эвакуация в госпиталь командира дивизии гвардии генерал-майора С.С. Чернюгова.
- 12 марта** – Вступление в должность командира дивизии гвардии полковника Д.А. Дулова.
- 12-15 марта** – Марш в район Кадкино, Большое Елисеево, Семенкино, Глухово.
- 20 марта** – Приезд делегации трудящихся из Казахстана.
- 26 марта-13 апреля** – Бои дивизии на плацдарме за рекой Великой в районе Пушкинских гор.
- 5 апреля** – Контузия командира 30-го гвардейского стрелкового полка полковника Ф.И. Решетникова и назначение на эту должность гвардии майора В.П. Шевчука.
- 13 апреля-25 апреля** – Марш в район Маслово, Вече, Кузовиха. Марш в район Новая, Бондари. Марш в район озера Приветское, Приветок, Лопанево.
- 20 апреля** – Вхождение дивизии в состав 10-й гвардейской армии под командованием героя Советского Союза генерала армии М.И. Казакова (2-й Прибалтийский фронт, командующий маршал А.Т. Еременко)
- 2 мая** – Марш в район Васьково, Варенькино, озера Загорное, Горковец.
- 23 мая** – Отзыв с должности командира дивизии гвардии полковника Д.А. Дулова и вступление в должность командира дивизии генерал-майора Э.Ж. Седулина.
- 9 июня** – Отзыв с должности командира дивизии генерал-майора Э.Ж. Седулина и вступление в должность командира дивизии гвардии генерал-майора А.Д. Кулешова.
- 13 июня** – Вручение гвардейского боевого Знамени 19-му гвардейскому стрелковому полку.
- 8-9 июля** – Марш в район Афанасьевичи, Горка, Веретье.
- 10 июля** – Прорыв обороны противника в районе Синюхово.
- 12 июля** – Приказ Верховного Главнокомандующего № 70 с объявлением благодарности за боевые действия по прорыву обороны противника и его преследованию.
- 13 июля** – Форсирование реки Великой в районе Пысково.
- 15 июля** – бои за Мозули и их освобождение.
- 16 июля** – Вступление на территорию Латвийской ССР.
- 17-22 июля** – Бои на подступах к городу Лудза.
- 23 июля** – Освобождение города Резекне (Режица). Приказ Верховного Главнокомандующего с объявлением благодарности за освобождение города Резекне. Отзыв с должности командира 27-го гвардейского артиллерийского полка гвардии майора В.А. Головая и назначение на эту должность гвардии майора Д.Ф. Поцелуева.
- 3 августа** – Освобождение М. Варны.

Біз ұмытпаймыз, құрметтейміз, мақтан етеміз!

5 августа – Форсирование реки Айвиэкстэ в районе Сталыдзены. Гибель командира 19-го гвардейского стрелкового полка гвардии подполковника И.Д. Курганского.

6-14 августа – Бои на подступах к городу Мадонна.

8 августа – Приказ Верховного Главнокомандующего о присвоении дивизии наименования «Режицкая». Назначение на должность командира 19-го полка майора И.Л. Шапшаева.

13 августа – Отзыв с должности командира дивизии гвардии генерал-майора А.Д. Кулешова и вступление в должность командира дивизии гвардии полковника Г.И. Панишева.

26 августа – Ранение и эвакуация в госпиталь командира 27-го гвардейского артиллерийского полка гвардии майора Д.Ф. Поцелуева.

27 августа – Назначение на должность командира 27-го гвардейского артиллерийского полка гвардии майора В.И. Сорокопуда.

1 сентября – Приезд из города Алма-Аты бригады артистов.

2 сентября – Вручение гвардейского боевого Знамени 30-му гвардейскому стрелковому полку.

7-8 сентября – Ранение и смерть командира дивизии гвардии полковника Г.И. Панишева. Гибель командира 27-го гвардейского артиллерийского полка гвардии майора В.И. Сорокопуда. Вступление в должность командира дивизии полковника Г.И. Ломова с должности командира 23-го гвардейского стрелкового полка.

10 сентября – Назначение на должность командира 23-го гвардейского стрелкового полка гвардии подполковника А.Я. Попова.

21 сентября – Форсирование реки Огре в районе Янземи.

28 сентября-1 октября – Ожесточенные бои в районе Тиборес, Леясглазпискс, Аувукрегс.

3 октября – Назначение на должность командира 27-го гвардейского артиллерийского полка гвардии майора И.Д. Лепехина.

4-5 октября – Марш в район Жейбаны, Саливяс.

8 октября – Освобождение города Огре.

12 октября – Форсирование реки Тенава в районе Циниши.

16 октября – Вручение гвардейского боевого Знамени 23-му гвардейскому стрелковому полку.

24 октября – Торжественное вручение второй минометной роте 23-го гвардейского стрелкового полка трех 82-мм минометов, приобретенных на свои личные сбережения инженером завода Наркомата минометного вооружения Г.Г. Беляевым.

2 ноября – Указом Президиума Верховного Совета СССР за образцовое выполнение боевых заданий командования при освобождении Прибалтики и столицы Латвийской ССР Риги дивизия награждена орденом Суворова II степени.

3-8 ноября – Бои в районе Юлиши, Терплини, Намдари, Пумпури, Анитес.

23 ноября-2 декабря – Бои в районе Ратениски.

21 декабря – Вручение гвардейских боевых Знамен 27-му гвардейскому артиллерийскому полку, 2-му отдельному гвардейскому саперному батальону, 5-му отдельному гвардейскому истребительному противотанковому дивизиону.

23-25 декабря – Бои в районе Браммани, Лаугали.

26-30 декабря – Бои в районе Гергали, Юлиши.

1945 год

1 января – Командир корпуса генерал-майор Кулешов прибыл в легендарную 4-ю стрелковую роту 23-го гвардейского стрелкового полка и вручил 38-ми отличившимся гвардейцам ордена и медали.

1 марта – В дивизию пришло приветствие Президиума Верховного Совета, Совета Народных Комиссаров и ЦК Компартии Казахстана.

4 марта – Вручение дивизии ордена Суворова II степени.

17-28 марта – Героические бои 19-го и 30-го гвардейских стрелковых полков в тылу у врага. Подвиг командира 19-го полка подполковника И.Л. Шапшаева. Ему присвоено звание Героя Советского Союза.

Мы помним, чтим, гордимся!

8 мая – Капитуляция курляндской группировки противника. Акт о капитуляции подписан в доме бывшей таможни на границе Латвии с Литвой. При подписании акта присутствовали представители Ставки Верховного Главнокомандования маршалы А.М. Василевский, Л.А. Говоров, командующий 2-м Прибалтийским фронтом маршал А.И. Еременко.

3. Битва под Москвой

В двадцатых числах октября 1941 года в краткой заметке с фронта газета «Правда» сообщала: «Героически сражаются с немецко-фашистскими захватчиками бойцы подразделений командира Панфилова...».

Так заявила о себе прибывшая на защиту Москвы 316-я стрелковая дивизия под командованием генерала И.В. Панфилова. Известно, что в первых числах октября 1941 года, окружив наши четыре армии в районе Смоленска, немецко-фашистские войска стремительно продвигались к Москве.

Для того чтобы остановить врага, советское Верховное Главнокомандование бросало свои части во встречные бои, но переломить обстановку не удавалось. Фашистский «Тайфун» надвигался на столицу. Уже на шестой день наступления враг был в районе Ржева, Сычевки. Москва была объявлена на осадном положении. Необходимо было в первую очередь остановить врага.

Такой силой на волоколамском направлении явилась 316-я стрелковая дивизия. Последний эшелон из района Крестцы – Боровичи прибыл на станцию Волоколамск 11 октября 1941 года. Подготовленной обороны здесь не было, как не было и других войск. «Мы сели на колышки», – говорил генерал Панфилов.

Дивизия заняла оборону на фронте – 41 километр от Рузы до Лотошино, срочно создавая узлы сопротивления на вероятных направлениях удара врага. Панфилов хорошо понимал тактику врага, его ставку на танки как главную ударную силу и учил своих подчиненных бороться с ними, говоря, что «смелому и умелому танк не страшен».

Слева направо: командир дивизии И.В. Панфилов, начальник штаба И.И. Серебряков, комиссар С.А. Егоров

14 октября дивизия вступила в бой, не только отражая яростные удары четырех фашистских дивизий – из них двух танковых, но и сама переходила в контратаки, нанося урон врагу.

В течение пяти суток на острие танковых атак в районе Осташово сражался батальон капитана М. Лысенко. Горела земля, брызгая огнем и металлом, казалось, что здесь нет ничего живого, но бойцы стояли, отражая удары врага. Оставшиеся в живых влились во второй батальон, продолжая сражаться с

фашистами. Когда наблюдательный пункт был окружен танками и пехотой, командир батареи младший лейтенант Г. Бабаян вызвал огонь на себя.

Фашисты пытались взять в плен капитана Ивана Манаенко, кричали ему: «Рус! Сдавайся!» Он вышел навстречу врагам и с возгласом «Русские не сдаются!» взорвал противотанковую гранату и погиб сам, уничтожив более десятка врагов...

Из-за необыкновенной стойкости и упорства гитлеровцы называли дивизию «дикой», «коммунистической», «дивизией фанатиков», но это было обыкновенное соединение, сформированное в первый месяц войны в Алма-Ате (как тогда назывался город), насчитывавшее в своих рядах воинов 33 народностей.

25 октября немецко-фашистское командование предприняло отчаянную попытку овладеть Волоколамском как трамплином для броска на Москву. На левом фланге против полка И. Капрова на узком участке фронта враг бросил 2-ю танковую, 110-ю пехотную дивизии, 29-ю моторизованную бригаду, авиачасть с 30 пикирующими бомбардировщиками, но успеха не добился, потеряв 40 танков и 5 бомбардировщиков, прекратил атаки.

Важную роль в этом бою сыграла противотанковая артиллерия 289-го артполка под командованием майора Ефременко и Чапаевский дивизион (так его любовно называли бойцы, которым до этого командовал сын В.И. Чапаева – Александр Васильевич Чапаев), поставленные генералом Панфиловым в районе Спас-Рюховское в количестве 28 стволов как противотанковый щит. Они преградили путь фашистским танкам.

«Врагу Москвы не сдадим, – писал И.В. Панфилов жене Марии Ивановне, – уничтожаем гада тысячами, сотни его танков. Дивизия бьется хорошо...» Только с 20 по 27 октября, как доносил командарм К.К. Рокоссовский фронту, 316-й стрелковой дивизией было подбито и сожжено 80 танков, уничтожено более 9 тысяч солдат и офицеров врага.

В кровопролитных октябрьских боях мужал личный состав дивизии, проявляя стойкость и массовый героизм. Сотни ее воинов вступали в Коммунистическую партию, шли в бой коммунистами. Генерал Панфилов любил и гордился своими солдатами и командирами, и они платили ему сыновней любовью.

В эти тяжелые дни боев дивизионная газета «За Родину» от лица своих воинов писала:

«Родная Москва, в эти грозные дни, клянемся: победу добудем. Мы все до последнего вздоха твои простые советские люди».

В конце октября враг выдохся и прекратил свои танковые атаки. Он заменял части, готовясь к новому наступлению, чтобы овладеть Москвой до начала зимы и тем самым закончить войну.

В условиях местных изнуряющих боев встречали воины 316-й стрелковой дивизии 24-ю годовщину Великого Октября.

Фронт дивизии теперь составлял 20 километров – от разъезда Дубосеково до населенного пункта Теряево. Подтянув новые силы, заменив потрепанные дивизии свежими, сосредоточив против армии генерала Рокоссовского 700 танков, из которых

Мы помним, чтим, гордимся!

более половины – против дивизии Панфилова, противник готовился к генеральному наступлению. Захваченные немецкие пленные показывали, что им зачитали приказ о начале наступления, а офицеры говорили, что «завтракать будут в Волоколамске, а ужинать в Москве». Такова была самоуверенность фашистского командования.

16 ноября 1941 года наступление началось. И вновь на острие танковых ударов врага, как и в октябрьские бои, стояла дивизия Панфилова, обученная им и теперь проверенная в боях по борьбе с танками.

Вместе с воинами-панфиловцами, хотя и потрепанные в боях, но под стать их опыту и мужеству, сражались конники Доватора и танкисты Катукова, их было не много, но это была большая помощь дивизии как основной боевой силе.

Всему миру известен подвиг 28 героев-панфиловцев, совершенный 16 ноября у разъезда Дубосеково, во главе с политруком В.Г. Клочковым, не пропустивших 50 фашистских танков. Василий Георгиевич рано остался сиротой, пережил лишения и невзгоды: батрачил у кулаков, зарабатывая себе на кусок хлеба. Пройдя суровую школу жизни, Клочков научился понимать людей, быстро сближался с ними, разделяя тяготы боя, жизни и смерти. Он не был кадровым военным, и когда грянула война, эта лихая година, он встал насмерть, защищая Отечество. В этом весь Клочков, шагнувший легендой в бессмертие.

Под стать Клочкову были его боевые друзья-побратимы: Яша Бондаренко – украинец, работал на железной дороге и строил восточное кольцо; Натсубай Есыбулатов – казах, потомственный чабан, гонял отары овец по бескрайним просторам Казахстана; Дуйшенкул Шопоков – киргиз, работал в колхозе свекловодом, умножая богатство Родины; Петя Дутов – русский, вихрастый парнишка, был

секретарем комсомольской ячейки колхоза.

Биографии героев разные и вместе с тем похожи друга на друга – все они являются сынами Отечества.

Сказочная молва на крыльях разнесла по всему свету величие их подвига, советские солдаты оказались сильнее фашистской брони. И народ увековечил их память, воздвигнув обелиск у разъезда Дубосеково, назвав их именами школы, улицы, поселки и корабли.

Умением, стойкостью и массовым героизмом встретил личный состав дивизии ноябрьское наступление фашистов.

Подвиг 17 истребителей танков во главе с политруком Андреем Георгиевым в районе деревни Рождествено и подвиг 11 саперов под командованием младшего лей-

Герой Советского Союза
Василий Георгиевич Клочков
навечно зачислен в списки 4-й
роты одной из частей дивизии

тенанта Фирстова и младшего политрука Павлова у деревни Строково – это вершина героической славы.

Пытаясь сломить героическое сопротивление 316-й стрелковой дивизии, противник вводил свежие силы. Ожесточенный характер носили бои за Чисмены, Деньково, Новопетровское, где враг старался захватить шоссе. Фашистам казалось, что с панфиловцами уже покончено, о чем они объявили по радио, но каждое утро нового дня они снова встречали стойкость и мужество ее воинов.

Трое суток сражался батальон Бауыржана Момышулы в окружении, удерживая Волоколамское шоссе в районе деревень Горюны, Аннино, уничтожая живую силу и технику врага. На четвертый день вышел из окружения и соединился со своим полком.

17 ноября 1941 года 316-я стрелковая дивизия переименовывается в 8-ю гвардейскую стрелковую дивизию, награждается орденом Красного Знамени. Сотни ее воинов были награждены орденами и медалями.

18 ноября дивизия потеряла своего славного командира: он погиб от осколка снаряда, когда выходил со своего КП, чтобы быть в войсках.

36 суток сражалась под командованием генерала И.В. Панфилова 316-я стрелковая дивизия, защищая столицу на главном направлении. Еще при его жизни воины дивизии в ожесточенных боях уничтожили свыше 30 тысяч фашистских солдат и офицеров и более 150 танков.

Не добившись решающих успехов на волоколамском направлении, фашистское командование в районе города Истра повернуло свои главные силы на Солнечногорск и под прикрытием Истринского водохранилища намеревалось прорваться сначала на Ленинградское, потом на Дмитровское шоссе и с северо-запада войти в Москву.

Панфиловцы срочно передали свои позиции 78-й стрелковой дивизии полковника Белобородова и с ходу начали отражать наступление противника на Ленинградском шоссе. Фашисты недоумевали, почему подразделения 8-й гвардейской оказались здесь?

Об этом хорошо сказано в поэме Н. Тихонова «Слово о гвардейцах»:

*Она, гвардейская восьмая,
Врага уловки понимая,
Стоит, откуда б он ни лез.
На всех путях, наперерез.
И не возьмешь ее охватом,
Не обойдешь ее тайком,
Как будто место то заклято,
Огнем, уменьем и штыком...*

Мы помним, чтим, гордимся!

Контрударом подразделений 1077-го стрелкового полка, трех пушечных батарей 857-го артполка и танкистов подразделения Лавриненко из бригады генерала Катуква противник был остановлен на рубеже Поворово, Березки, Пешки, и начались тяжелые бои на Ленинградском шоссе.

Бой в подмосковном лесу

К концу ноября станция Крюково с ее дачными местами, кирпичным заводом превратилась в арену ожесточенных боев. В течение 8 дней бои шли за каждый дом, за каждый этаж. Железнодорожная станция Крюково несколько раз переходила из рук в руки.

Вступив в командование 1073-м стрелковым полком, Бауыржан Момышулы оторвал топографическую карту по Крюково, заявив своим подчиненным, что «дальше дороги нет, только вперед...»

Противник находился на втором этаже управления кирпичного завода, наши занимали первый этаж, нужно было выкурить врага.

Бесстрашный разведчик казах М. Исманкулов по межэтажному карнизу подобрался к окну второго этажа и забросал фашистов гранатами. Оставшиеся в живых сдались в плен.

Вражеский офицер корректировал огонь своей артиллерии с трубы кирпичного завода. Необходимо было уничтожить наблюдателя. С этой целью командир орудия узбек сержант Анвар Турсунходжаев выкатил свое орудие на прямую наводку и вторым снарядом он снес верх трубы вместе с наблюдателем, наша пехота поднялась в атаку и овладела кирпичным заводом.

Москва направляла на передовую своих добровольцев, которые вступали с ходу в бой, подчас не внесенные в книгу учета личного состава части. Так появились неизвестные солдаты, один из которых ныне покоится у Кремлевской стены.

Характеризуя бои за Крюково, К.К. Рокоссовский отмечал: «Пожалуй, по ожесточенности схваток это было второе Бородино».

5 декабря на огневые позиции артиллеристов дивизии артснабжения завезли по два боекомплект боеприпасов – это без слов говорило о подготовке к наступлению. И оно началось 6 декабря, вошедшее в историю как начало разгрома немцев под Москвой.

После мощной артиллерийской и авиационной подготовки в атаку пошла пехота с танками. Противник начал отходить.

14 декабря панфиловская дивизия была выведена в резерв Верховного Главнокомандования в район Красногорск, Нахабино. Здесь она получала пополнение и готовилась к новым сражениям.

Біз ұмытпаймыз, құрметтейміз, мақтан етеміз!

Два месяца вели героические оборонительные и наступательные бои панфиловцы на земле Подмосковья. Оценивая боевые действия дивизии, маршал Г.К. Жуков говорил: «Дивизия Панфилова сделала все, что только возможно».

19 января 1942 года, после месячного пребывания в резерве Ставки Верховного Главнокомандования, части дивизии по железной дороге были переброшены в район станции Бологое, где вошли в состав вновь формируемого 2-го гвардейского стрелкового корпуса.

По глубокому снегу, в невероятную стужу, при тридцатиградусном морозе, дивизия совершила переход от станции Бологое до Старой Руссы. Уничтожая по пути передовые подразделения врага, выдвинутые для захвата железнодорожного узла, прорвала основную оборону противника в полосе нашей 54-й армии и 3 февраля начала героический рейд по тылам 16-й фашистской армии в направлении Старая Русса – Холм.

Ломая яростное сопротивление противника, части дивизии без танковой и авиационной поддержки 6 февраля подошли к Соколово узлу шоссейных дорог Старая Русса – Холм и Демянск – Дно. Здесь противником более чем за полгода были сооружены дзоты, поставлены в капониры танки и штурмовые орудия, заминированы все подходы, и все это поддерживалось с воздуха авиацией.

Попытки стрелковых подразделений взять этот рубеж с ходу успеха не имели. Пехота несла потери. Видя такое положение, командир дивизии генерал И.М. Чистяков поставил перед артиллеристами дивизии, в частности, перед артполком, задачу выдвинуть на прямую наводку пушечные и гаубичные батареи, прямой наводкой уничтожить и подавить огневые точки, расчистить путь пехотинцам.

Рекогносцировка переднего края и засечка целей была произведена вечером. Каждый расчет получил цели на уничтожение. В метельную ночь, невероятную стужу орудийные расчеты с прикрепленными к ним стрелковыми подразделениями из 5-6 человек на расчет, вручную выдвинули в указанные районы орудия, замаскировали их, обеспечили необходимыми боеприпасами. Проводная и радиосвязь были запрещены.

В утренней мгле, по сигналу ракеты с командного пункта, орудийные расчеты открыли уничтожающий шквальный огонь по целям. Враг не предвидел таких дерзких действий, все кругом горело и рушилось. Бросая технику, раненых и убитых, противник начал паническое отступление из этого, как позднее говорили пленные, «ада».

Лыжники-панфиловцы направляются в тыл врага

Мы помним, чтим, гордимся!

Соколовский укрепленный узел был повержен, путь для продвижения пехоты открыт. Противник оставил более 20 подбитых и сожженных танков и много пулеметов и боеприпасов, другой разбитой техники, а также тылы горной дивизии: сотни повозок, машин, горючего и продуктов.

Преследуя противника, уничтожая живую силу, отличился политрук роты автоматчиков Малик Габдуллин. Первым ворвавшись в деревню Ожедово, он огнем автомата и гранатами уничтожил более 20 фашистов, засевших в каменной постройке. Разведчик рядовой Тулеген Тохтаров в районе деревни Бородино отбивался от окруживших его вражеских автоматчиков, уничтожил огнем автомата более 20 солдат и офицеров врага. Иссякли патроны, нет больше гранат. Тяжело раненный, он нашел в себе силы прикладом автомата раздробить голову фашистскому офицеру, пытавшемуся взять его в плен. Так нашли его подоспевшие товарищи. Тулегену Тохтарову присвоено звание Героя Советского Союза посмертно.

19 февраля 1942 года в боях за деревню Сутоки разведгруппа под командованием младшего лейтенанта Дмитрия Валганкина и младшего политрука Рашида Джангожина в течение четырех часов вела неравный бой с фашистским подразделением, пытавшимся прорваться в город Холм. Разведчики заняли сарай и вели из него бой. Джангожин был ранен. Прикрывая отход группы, он вел огонь из автомата по наступающему противнику. Немцы подожгли сарай, но Рашид вел огонь до тех пор, пока не обрушилась крыша. В огне Джангожин погиб.

В артиллерийском музее Ленинграда хранится 76-миллиметровая пушка Ивана Цыганка, которая имеет 37 осколочных и пулевых пробоин. 23 февраля 1942 года расчет занял боевую позицию на переднем крае обороны. Расчет, выкатив орудие из укрытия, делал несколько выстрелов и вкатывал обратно. Орудие Цыганка было грозой для фашистов, мешало продвижению их войск и техники в Холм, в котором находился главный узел сопротивления. Все попытки врага уничтожить орудие не давали результатов.

Более двух месяцев пушка разила врага, вплоть до выхода на восточный берег Ловати. За 20 дней героических боев дивизия освободила десятки населенных пунктов и вышла в район Холм, Локня – самый северо-западный участок сражения за Москву. Враг был отброшен более чем на 350 километров от столицы.

Опасность для Москвы была снята, Демянская группировка была зажата в болотах, и теперь для доставки продовольствия и боеприпасов противник пользовался только авиацией. Долго так продолжаться не могло, и она вырывалась теперь, неся большие потери, на новый рубеж «Пантера», который проходил в основном по реке Великой.

Біз ұмытпаймыз, құрметтейміз, мақтан етеміз!

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 марта 1942 года за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленную при этом доблесть и мужество 8-я гвардейская стрелковая дивизия награждена орденом Ленина. Это второй орден на гвардейском знамени дивизии за битву под Москвой. Из 120 Героев Советского Союза за оборону Москвы 32 Героя Советского Союза – панфиловцы.

Бои с превосходящими силами врага в районе Холм, Локня зимой 1941/42 года показали возросшее боевое мастерство панфиловцев. Начавшись еще на полях Подмосковья осенью 1941 года, здесь получило широкую популярность снайперское движение «охоты на фрица», особенно на фронтовой дороге Локнянский большак, единственном пути в болотистой местности. Знатные снайперы Тулеугали Абдыбеков, Абиль Нусупбаев, Мамадали Мадаминов и другие имели именной счет истребления врага, составляющий не один десяток уничтоженных фашистов. Они были грозой для врага.

Несмотря на трудности со снабжением, когда личный состав получал по 200 граммов сухарей и суп-баланду, медработники готовили отвар из веток ели, который приходилось выпивать по 200 граммов перед едой, чтобы не ослепнуть. Это был своеобразный «витамин».

В начале июня 1942 года дивизия получила приказ занять оборону по восточному берегу реки Ловать на широком фронте. В течение двух суток части дивизии, не вскрывая свой передний край, не вызывая подозрения у противника, поэтапно на паромной переправе и на подручных средствах преодолели водную преграду и заняли новый рубеж активной обороны, выйдя из болотной топи.

Дивизия наносила удары по врагу по всей занимаемой полосе, уничтожая врага с целью не дать ему перебрасывать свои силы на другие направления, особенно под Сталинград, где гитлеровцами планировался реванш за поражение под Москвой.

Разведка и засылка диверсионных групп в направлении Локни, Сущево и Дно, подрыв железнодорожного полотна и эшелонов, связь с партизанами Псковщины и Ленинградской области, действующими на этих направлениях, доставка «языков» и штабных документов – все это было для дивизии повседневными делами. Бои местного значения, тяжелые, изнурительные, иногда продолжающиеся несколько суток подряд. Таков этот период боевых действий частей панфиловской дивизии, так необходимых для нашей армии в условиях лета и осени 1942 года.

Пленные и их оружие

Мы помним, чтим, гордимся!

К первой годовщине дивизии, которая отмечалась 14 июля 1942 года, в дивизию прибыла делегация трудящихся Казахстана, которая доставила 14 вагонов с продуктами, фруктами, овощами. Прибыли посланцы Москвы и области. На празднование прибыл и командующий Калининским фронтом, куда входила теперь дивизия, генерал Пуркаев. Все это укрепляло моральный дух солдат и офицеров, сражавшихся за Родину.

К этому времени в штабы частей поступили разработанные и вводимые в действие новые Полевой и Боевой уставы, которые требовали от командиров и штабов умело управлять войсками как в оборонительных, так и в наступательных боях. Учеба проходила днем и ночью в тылу дивизии: наступление за огненным валом, прорыв обороны противника и бой на оперативном пространстве; учились в блиндажах, окопах, в непосредственном соприкосновении с противником. Из Казахстана и Киргизии прибыло в дивизию новое пополнение, которое необходимо было вводить в боевой строй – учить воевать!

Героический рейд и Холмская оборона в битве за Москву показали, что панфиловцы высоко несли звание гвардейцев и гордились присвоенным дивизии именем ее первого командира И.В. Панфилова.

Таков вклад личного состава дивизии в тяжелую, но победоносную Московскую битву в первый год Великой Отечественной войны.

В последующем 8-я гвардейская стрелковая дивизия принимала участие в освобождении десятков городов, в том числе Калинина, Пскова, Риги, получила наименование Режицкой.

34 бойца и командира дивизии были удостоены в годы Великой Отечественной войны и позже звания Героя Советского Союза. Среди них: генерал-майор И.В. Панфилов, подполковник И.Д. Курганский, майоры И.Л. Шапшаев и Б. Момышулы, политруки П.Б. Вихров, М. Габдуллин и В.Г. Клочков, старший сержант Г.С. Митин, красноармейцы Я.А. Бондаренко, П.Д. Дутов, П.К. Емцов, Г. Петренко, Н. Митченко, Кожебергенов, А.И. Крючков, Н.И. Трофимов, И.Д. Шадрин, Н.Г. Максимов, И.А. Шепетков, И.Р. Васильев, Н. Есыбулатов, А. Касаев, Н.Н. Белашов, Г.М. Безродный, И.В. Москаленко, Д. Шопоков, Д.Ф. Тимофеев, Г.М. Шемякин, Н.М. Ананьев, Г.Е. Конкин, И.М. Натаров, М. Сенгирбаев, Д.М. Келейников, Т. Тохтаров. Многие воины соединения награждены орденами и медалями.

Р.И. ФЕДЧЕНКОЗаведующая филиалом
музея Героев-панфиловцев

МУЗЕЙ ГЕРОЕВ-ПАНФИЛОВЦЕВ

Музей Героев-панфиловцев был открыт в 1968 году. Экспозиция музея посвящена героям панфиловцам, боевому пути Панфиловской дивизии. 316-я стрелковая дивизия формировалась в г. Алма-Ате, из состава жителей двух республик: Казахстана и Киргизии. Мы рассказываем нашим посетителям о начале Великой Отечественной войны, о планах германского вермахта и о тех мероприятиях, которые предпринимала наша страна в первые месяцы войны, о Московской битве.

Октябрьские и ноябрьские дни 1941 года были днями массового героизма бойцов-панфиловцев на нашей Волоколамской земле. За бой на рубеже у разъезда Дубосеково 28 бойцам 4-й роты было присвоено звание Героя Советского Союза. И среди них 21 герой – это жители и уроженцы Казахстана. Казахстанцы свято чтят память погибших в Великой Отечественной войне. Жители Казахстана, каждый казах, приезжая в Москву, ставит себе целью посетить священные места в истории наших народов: музей Героев-панфиловцев, побывать у разъезда Дубосеково. Так, проводя сверхмарафон «Алматы – Санкт-Петербург», посвященный Году Казахстана в России в 2003 году, его участники посетили мемориальный комплекс, место захоронения Героев-панфиловцев, преклонили головы перед павшими героями.

На протяжении 40 лет музей ведет большую работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи, по пропаганде героического наследия Панфиловской дивизии.

Наш музей ведет плановую работу с посетителями и общественными организациями. Сотрудники музея проводят экскурсии по музею, на мемориальном комплексе. Предлагается разнообразная тематика лекций и бесед. Проводятся массовые мероприятия, уроки-экскурсии.

Музей поддерживает тесную связь с ветеранами Великой Отечественной войны, с Московской группой ветеранов-панфиловцев, с их родственниками.

Сотрудниками музея проводятся мероприятия по укреплению дружбы и сотрудничества в военно-патриотическом воспитании молодежи двух стран: России и Казахстана, на примере героических подвигов бойцов прославленной Панфиловской дивизии. Активное участие при проведении этих мероприятий принимают сотрудники посольства Республики Казахстан в Российской Федерации, представители казахской диаспоры в Москве, руководитель НО Фонда памяти павших советских воинов в Восточной Пруссии «Память» Смирнова Г.К.

Они ведут большую работу по увековечению памяти Героев-панфиловцев: организуют поездки, экскурсии на нашу священную землю, чтобы их дети, внуки знали о героизме, беззаветном служении Родине бойцов Панфиловской дивизии, в едином строю которой сражались русские, казахи, представители других народов Советского Союза. Так же они постоянные участники массовых мероприятий, проводимых музеем Героев-панфиловцев.

В музее представлены документы, воспоминания, рассказывающие о подвигах бойцов 316-й (8-й гвардейской) стрелковой дивизии. Среди экспонатов личные вещи генерала Панфилова И.В., начальника оперативного отдела Гофмана К.Н., начальника штаба артиллерии Зимина Ф.М., командира 1073-го стрелкового полка Баурджана Момыш-улы, и др.

Мы помним, чтим, гордимся!

Национальный казахский герой Баурджан Момыш-улы в 316-й стрелковой дивизии с первого дня формирования, командир батальона, затем командир полка. Он является главным героем книги А. Бека «Волоколамское шоссе».

Его отличало глубокое и оригинальное военное мышление. Оттого он всегда умело, талантливо руководил военными действиями. Он умел увлекать людей на славные боевые дела. Он говорил: «Никто не переживает такие тяжкие испытания и лишения, как солдат на фронте. Но никто так же не переживает столь глубокой радости, как солдат на фронте. Радости боевого подвига, радости победы над врагом. Впереди у нас победа. Родина зовет нас на подвиг»

Двум героям Панфиловской дивизии: командиру 316-й стрелковой дивизии Панфилову И.В. и командиру 1073-го стрелкового полка Баурджану Момыш-улы к 60-летию победы в г. Волоколамске были открыты бюсты.

Республика Казахстан во главе с президентом Н.А. Назарбаевым с глубоким вниманием, почтением относится к ветеранам войны, так в ноябре 2006 года музей посетили ветераны-панфиловцы, проживающие в Республике Казахстан.

9 мая 2005 года состоялось торжественное открытие музея после капитального ремонта, средства на проведение которого выделило руководство Республики Казахстан. На нем присутствовали президент Казахстана Нурсултан Абишевич Назарбаев и губернатор Московской области Борис Вячеславович Громов.

Выступая на церемонии, Нурсултан Абишевич отметил, что сражение, происшедшее здесь — в районе разъезда Дубосеково, — одна из самых ярких страниц в летописи Великой Отечественной войны. Отступать солдатам было просто некуда. Позади — Москва. И они — всего 28 бойцов — остановили лавину танков и бронетехники. Два отважных командира руководили дивизией, которую фашисты в ужасе окрестили «бешеной», — Иван Панфилов и Баурджан Момышулы.

Вспоминая о Б. Момышулы, Президент выделил не только его высокий дар военачальника, но и замечательные человеческие качества. Он ярко, образно, сочно говорил и писал на казахском и русском языках, проповедуя принцип: «Знающий один язык — один человек, знающий два языка достоин двух людей», заметил Нурсултан Назарбаев. Да и вообще, то время было особенным: солдаты Великой Отечественной никогда не задумывались о том, какой у кого разрез глаз, какого цвета кожа. Они воевали плечом к плечу, прикрывали собой друг друга, делились последним куском хлеба, последними патронами. Они победили врага и завещали нам крепить дружбу, подчеркнул Нурсултан Назарбаев.

В дальнейшем музей видит свою задачу в сохранении и увековечении памяти погибших бойцов прославленной Панфиловской дивизии, в военно-патриотическом воспитании молодежи двух стран на примере героических подвигов бойцов, защитников Отечества. Так же, как и прежде, мы надеемся на дальнейшее сотрудничество с представителями посольства РК в РФ, с представителями общественных организаций.

Біз ұмытпаймыз, құрметтейміз, мақтан етеміз!

Борис ШЕРЕМЕТЬЕВ

Заместитель председателя Международного
Сообщества Писательских Союзов

Глан ОНАНЯН

Лауреат Международной литературной
премии имени А.Фадеева

ВЕЧЕР БАУРДЖАНА МОМЫШ-УЛЫ В МОСКВЕ

Прошедшие годы доказали, что при всех издержках партийного официоза крылатое выражение «дружба народов» не было сугубо формальным, так как отвечало народному духу, менталитету, идеалам соборности, взаимовыручки, солидарности и консолидации. Лишний раз это положение подтвердил получивший широкий общественный резонанс юбилейный вечер, посвященный девяностолетию одного из легендарных защитников Москвы, Героя Советского Союза, народного писателя Казахстана Баурджана Момыш-улы.

Встреча в Центральном Доме журналистов была насыщенной. Достаточно сказать, что в сценарии юбилейного вечера насчитывалось 25 различных выступлений, врезок из кадров кинохроники прошедших лет, танцевальных номеров, хоровых и сольных произведений, художественного чтения. С затемненной сцены звучит незабываемый голос Левитана, переносящий нас в годы подлинного душевного патриотического подъема народов, которые на своих плечах вынесли всю тяжесть долгожданной победы в Великой Отечественной войне. Зал со священным трепетом внимает словам: «Говорит Москва. Работают все радиостанции Советского Союза!», а дальше – такая до боли знакомая музыка бессмертной патриотической песни «Священная война». Затем демонстрируется фрагмент из кинофильма «За нами Москва», запечатлевший образ легендарного батыра, которому нынче исполнилось бы девяносто лет.

Организован юбилейный вечер по инициативе консультанта по казахской литературе Международного Сообщества Писательских Союзов Турсунай Оразбаевой, которую горячо поддержали представители казахской диаспоры в Москве: общество «Мурагер», общество «Казах-тили», Комитет по делам национальностей Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации, Комитет по общественным и межрегиональным связям Правительства Москвы, непосредственно президент Республики Казахстан Н.А.Назарбаев, Комитет ветеранов ВОВ и военной службы, работники дипломатического корпуса Посольства Казахстана в России, другие организации и патриотически настроенные граждане.

В адрес участников вечера поступила телеграмма от президента РК Нурсултана Назарбаева. В ней, в частности, говорится: «Сын казахской земли Баурджан Момыш-улы для всех народов Содружества остается общим соотечественником. Солдат и народный писатель, он оставил всем нам главное – светлую веру в человека, в силу его духа. Убежден, что имя Баурджана Момыш-улы навсегда останется в памяти людей как яркий пример общности наших народов и нашей исторической судьбы».

Вечер вела большой друг казахского народа, прекрасная поэтесса, лауреат Международной литературной премии им. М.Шолохова, лауреат Всероссийского конкурса им. А.Твардовского Людмила Щипахина. Со своими воспоминаниями выступили Секретарь Союза Писателей Казахстана, известный писатель Калаубек Турсункулов, заместитель председателя Комитета

Мы помним, чтим, гордимся!

ветеранов ВОВ, генерал-лейтенант авиации Леонид Фотинов, генерал Ертай Бахытжан, дочь близкого друга и соратника Бауыржана Майя Панфилова и дочь самого Момыш-улы Елена Бауыржанова, которая продемонстрировала залу фотографию молодого отца в форме.

Песни и танцы перемежались выступлениями официальных лиц. Так, всеобщее внимание привлекла речь акима Джувалинского района, Джамбульской области Ермака Усенбаева. Сестры Балжан и Маржан Оразбаевы и сестры Светлана и Вероника Айнагуловы вдохновенно исполнили произведения Шуберта и Брамса. Песни Абая прозвучали в исполнении Амантая Рахметова. Лауреат Международных конкурсов молодых исполнителей Абылайхан Оспанов порадовал собравшихся в зале своим искусством. Активное участие в организации и проведении вечера приняли также главный редактор «Дала» Атабай Кылышбай, писатели Махамбет Дуйсебаев, Амангелди Ормантай и предприниматели из Казахстана Айбек Елекбаев и Ермек Сейдалиев. С чувством благодарности присутствующие говорили о военном подвиге национального героя, легендарного Бауыржана, его незаурядных волевых качествах, литературной одаренности.

В послевоенное время, взяв в руки перо, Бауыржан поставил перед собой большую цель и выполнил ее. Его книги – самые честные и ценные страницы летописи войны не только в казахской литературе, но и в русской. И это не случайно. В казахском народе издавна существовала традиция, когда акын был непременно батыром, а батыр – акыном. Бауыржан даровал нам немало добрых заветов. Один из них звучит так: «С достоинством нести чувство национальной гордости, не уронить, не унизить честь нации».

Вторая часть
**Воспоминания друзей-
однополчан**

Екінші бөлім
**Қарулас достардың
естеліктері**

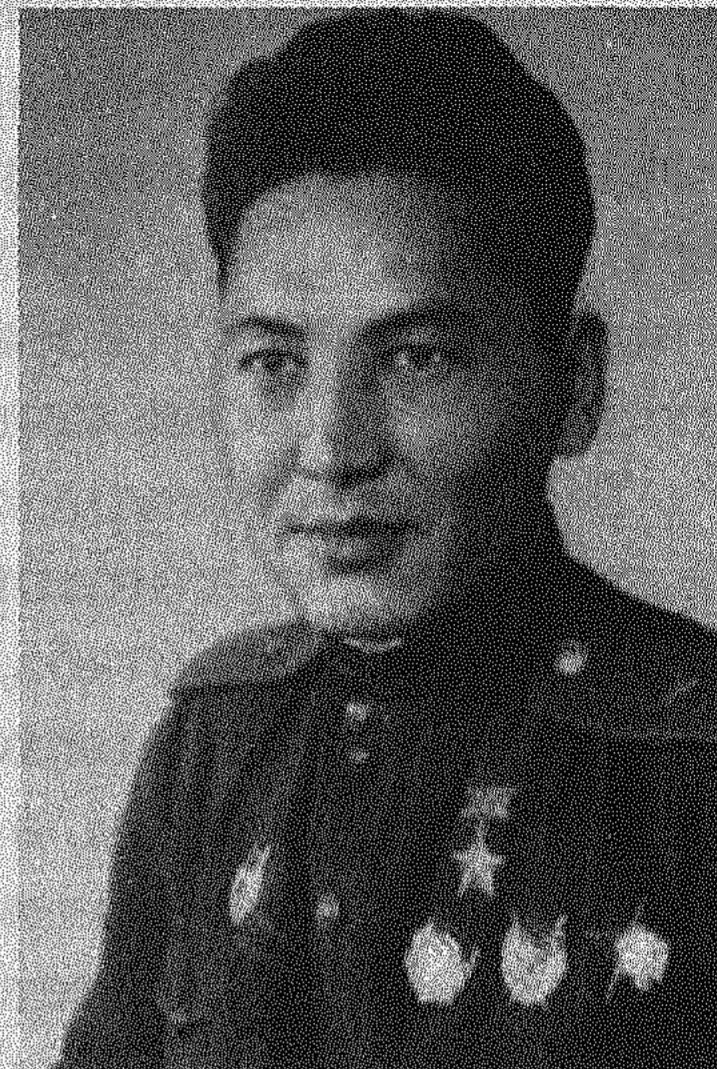
Малик ГАБДУЛЛИН

Малик Габдуллин – военный комиссар батальона 23-го гвардейского стрелкового полка 8-й гвардейской ордена Ленина Краснознамённой стрелковой дивизии имени генерал-майора Панфилова И.В., 3-й ударной армии Калининского фронта.

Гвардии старший политрук Габдуллин М. в январе – марте 1942 года в боях под городом Холм Новгородской области возглавлял группу воинов, которая успешно выполнила боевую задачу. В неравном бою воины его группы гранатами подбили 2 танка, уничтожили большое число фашистов и 12 взяли в плен. Мужественный комиссар был ранен, но поле боя не покинул, до конца выполнив боевую задачу. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 января 1943 года за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом отвагу и героизм гвардии старшему политруку Габдуллину Малику присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 1035).

Награждён орденом Ленина, орденами Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, 2 орденами Красной Звезды, медалями.

С 1946 года подполковник Габдуллин М. находился в запасе. Жил и работал в городе Алма-Ате. В 1959 году ему присуждена учёная степень доктора филологических наук. Скончался 2 января 1973 года.

БАУРДЖАН МОМЫШ-УЛЫ**I**

По приказу командира дивизии генерал-майора Панфилова бывший артиллерист, старший лейтенант Баурджан Момыш-улы был назначен командиром 1го батальона Н-ского полка. Это произошло в период формирования дивизии.

Когда Баурджан прибыл в батальон и принял командование, сразу же заметил некоторый беспорядок, не совместимый с требованиями военной дисциплины. Нужно было устранить тарарам, а для этого необходимо показать твердость характера. Иначе завтра, на фронте, батальон не сможет справиться с поставленными перед ним задачами, выполнить приказания командования.

Баурджан начал работу с искоренения этих недостатков, предъявив к своим подчиненным суровые требования.

Такое начало не понравилась некоторым младшим командирам батальона. «Что он делает? Оказывается, в службе пехоты он ничего не понимает!» – говорили они и посмеивались над ним. Баурджан видел все это и счел нужным призвать командиров к порядку и поговорить с ними.

С этой целью он приказал начальнику штаба батальона собрать всех ротных и взводных командиров. Когда Баурджан пошел к строю, начальник штаба ходил около офицеров, сам не встав в строй.

– Иди, встань в строй, – приказал ему Баурджан.

Воспоминания друзей-однополчан

Он оглядел командиров и стал говорить:

– По приказанию командования я назначен командиром этого батальона. Меня зовут Баурджан Момыш-улы. Я – казах. Мне совершенно не интересно, кем вы были до призвания в ряды армии. Вы – подчиненные, я – командир. Я приказываю, заставляю исполнять мои приказания, и что бы я ни приказал, вы все обязаны беспрекословно исполнять. Точно и немедленно. Кто будет ослушиваться, хныкать, думать лишь о себе – я говорю открыто – пусть свои душевные скорби изольет в письме и отправит их своей жене.

Так говорил Баурджан. Командиры стояли по стойке «смирно», он не подал команды «вольно», а, поговорив еще немного, сел на табуретку и закурил папироску.

– Начальник штаба, принесите мне стакан воды! – приказал он.

Начальник штаба хотел послать за водой подвернувшегося красноармейца.

– Я приказал вам, а не ему. Сходите и принесите сами! – процедил Баурджан.

Начальник штаба принес стакан воды. Баурджан отпил глоток, а остальное вылил. Потом, встав с табуретки, снова стал говорить.

– Кто такой командир? Он – приказывающий. Вы это должны запомнить. Он ставит требование. Поэтому он должен быть человеком требовательным, жестким. Ты командир: кому ты приказываешь, тот лично сам должен выполнить твоё приказание. Когда я приказал начальнику штаба принести мне воды, я этим не хотел показать своё чванство, я хотел проверить вашу исполнительность. – Баурджан говорил жестко. – Пока не будет железной дисциплины в армии – не будет воинского духа. Командир, которого не слушаются, – несчастный человек. Между солдатом и офицером имеется большая разница. Ты офицер, ты приказывающий и одновременно ты его защита и покровитель. Если так, то каждое твоё приказание должно быть справедливым!

Поговорив так, он повернул строй влево и провел строевое занятие. Несмотря на нестерпимую жару, он заставил их долго маршировать и пробежаться. Потом, оставив строй, подал команду «закурить».

Когда командиры только стали закуривать, он вдруг отменил перекур, скомандовав «отставить». Один из командиров, притворившись, будто не услышал, попироску не бросил. Баурджан заметил его.

– Это еще что за недисциплинированность! – вспыхнул он. После этого Баурджан рассказал, какой порядок должен быть в казармах.

Строевые занятия кончились. Командиры разошлись по своим подразделениям. Когда все разошлись, подошел награжденный медалью «За боевые заслуги» политрук Жалмухамет Бозжанов.

– Где-то я видел вас! – сказал Баурджан.

– Наверное, здесь же, в Алма-Ате, – ответил Бозжанов и, улыбнувшись, посмотрел на Баурджана.

– Аксакал, оказывается, вы чересчур жестки.

– А на что я пригожусь мягкий!

Жалмухамет покраснел от смущения и не нашел, что ответить.

– Без жесткости нельзя. За один-два месяца мы должны пройти курс двухгодичной службы. Поставлена задача: за это короткое время изучить воинское искусство. А это требует железной дисциплины и подготовки, – сказал Баурджан.

На этом закончился первый урок дисциплины Баурджана.

– Товарищ майор! Я хочу с батальоном совершить марш! Разрешите, – обратился Баурджан через два-три дня к командиру полка майору Елину.

– Что с Вами? Разве в такую жару, да еще с совершенно необученными, незакаленными бойцами, можно совершить пятидесятикилометровый марш? – удивился Елин.

– Пусть с самого начала привыкают. Я хочу, чтобы они теперь же закалялись и привыкали, – ответил Баурджан.

– Хорошо, Ваша просьба будет удовлетворена, но подготовьтесь как следует! – согласился командир полка.

Батальон вышел на марш. Был жаркий день. Баурджан собрал своих командиров и разъяснил им особенности марша, предупредил о порядке во время марша и о недопустимости отставания.

Батальон идет на марше. Во главе идет первая рота, за ней хозяйственный взвод. Колонна растянулась. Баурджан то впереди батальона, то позади и строго следит за точным исполнением установленного им походного порядка. Изредка посылает начальника штаба или адъютанта и постоянно осведомляется о ходе марша.

Батальон продолжает марш. Прошло немало времени. Несколько километров пути уже остались позади. Некоторые, непривычные к такой долгой ходьбе, к жаре, шли, в сердцах недовольно и тихо ругаясь.

Адъютант, вернувшись с хвоста колонны, доложил:

– Товарищ командир батальона! Третья рота самовольно вышла из строя и отстала.

– Пришлите ко мне командира третьей роты младшего лейтенанта Попова. И бегом.

Еле дыша и отдуваясь, обливаясь потом, младший лейтенант Попов, наконец, догнал идущего впереди батальона Баурджана.

– Что это ты выдумал? Почему твоя рота нарушает порядок марша? Мой адъютант требует от тебя соблюдения порядка, а ты ему возражаешь... Ты сказал ему, что «мы морочим всем голову!». Что это значит? Быстро вернись к своей роте и немедленно наведи положенный порядок. Если я еще раз увижу такое нарушение дисциплины, на меня не обижайся, взыщу! Иди!

Попов побежал. Другие командиры, зная причину его вызова к командиру батальона, подтянулись сами и подтянули свои подразделения: если командир роты шел впереди роты, то политрук замыкал ее.

Пройдя сорок километров, батальон остановился на отдых. Баурджан вызвал командира хозяйственного взвода.

– Сегодня обед не готовить. Продукты раздать бойцам в сыром виде. Командирам выдать то же, что и бойцам. Пусть каждый приготовит себе в своем котелке...

Воспоминания друзей-однополчан

– Товарищ комбат, кормить командиров по норме пайка бойца, мне кажется, незаконно... – попробовал возразить командир хозяйственного взвода.

– Иди! За это не ты отвечаешь, а я! Ты знай выполнять приказание!

Бойцы начали готовить пищу в своих котелках. Ранее не сталкивавшиеся с такими трудностями, не умеющие готовить себе пищу бойцы в душе ругали Баурджана; в особенности недовольны командиры.

На следующее утро батальон, пройдя еще десять километров, остановился на берегу речки. Баурджан опять распорядился раздать продукты на руки и приготовить каждому для себя завтрак.

После завтрака батальон прошел еще пятнадцать километров и остановился на обед. Командир батальона приказал готовить обеды в котелках. Некоторые бойцы от жары захотели выкупаться, но Баурджан не разрешил. Многие, кто раньше не испытывали трудностей и лишений, были весьма недовольны этими суровыми мерами Баурджана, даже возненавидели его. Баурджан все это знал и отдавал себе отчет. Он считал необходимым поговорить с бойцами.

После обеда Баурджан отдал приказ выстроить батальон. Через несколько минут батальон стоял, выстроившись. Баурджан подошел к батальону, оглядел его и увидел уставших от жары и похода людей.

– В один-два месяца мы должны освоить военное искусство, знать, как драться и побеждать врага, – начал Баурджан. – На фронте нам предстоит преодолеть многие трудности и лишения. Чтобы не болтались, нужно с самого начала привыкать к трудностям боевой жизни и закаляться. Чем больше мы устанем в учениях и прольем больше пота на мирных маршах, тем меньше потерь будет у нас на фронте, тем меньше прольется наша кровь. Поэтому, хотя и имелась кухня, я распорядился приготовить еду в котелках. Имейте в виду, что на фронте не всегда и не везде кухня будет сопровождать нас. Во время жестоких боев, когда дождем польются пули, будет не до кухни. Каждому из нас придется самому позаботиться о себе и самому готовить для себя еду. Поэтому нужно учиться и этому искусству. Вчера вечером многие из вас не смогли приготовить себе еду. Огонь в кострах был вял и долго не разгорался. А сегодня обед приготовили все, и костры горели весело и ярко. Это значит, что вы начинаете привыкать к походной жизни, к боевой обстановке...

– Я не зверь, а человек, – тихо промолвил он. – Я желаю всем вам благополучно возвратиться после войны к своим родным очагам, к своим семьям, чтобы вы работали один за тысячу, а тысячи за одного. Тут некоторые товарищи изъявили недовольство, что «командиры кормятся за счет красноармейского пайка». Но это неправильно. Во время боя из уважения к командирам не придут магазины военторга или специальная кухня. Поэтому командиры пусть едят из одного котла с бойцами, сами научатся варить обед в своих котелках...

– Командир хозяйственного взвода! Принеси мне из аптеки весы! – приказал он. Тот принес, и Баурджан на глазах всего батальона показал на весах, что отпущено

командиру: – Вот, смотрите: каждый командир из красноармейского пайка получил 0,6 килограмма хлеба, 0,05 грамма мяса, 0,025 грамма сахара, 0,02 грамма масла.

Весь батальон весело захохотал.

– Из-за таких пустяков обижаться не следует, – поучительно сказал Баурджан. – Мы на этом марше научились многому.

По дороге батальону пришлось пройти через табачное поле. Было жарко и душно. При проходе через плантацию больше половины бойцов батальона стало тошнить. Некоторые даже свалились. Люди посерели.

Быстро организовали спасение отравленных. Все подводы были использованы для вывоза их из ядовитого места. Некоторых обрызгали водой. В деле выручки людей отличился политрук Бозжанов. Баурджан был очень доволен им, но вида не показал.

После табачного поля многие бойцы, очевидно, устав, стали отставать, несколько человек натерли ноги настолько, что больше не могли шагать.

– Аксакал, в моей роте два бойца совершенно не могут идти. Разрешите посадить их на телегу? – спросил Бозжанов.

– Нет, нельзя.

– Они не могут идти...

– Ты пойми. И другим нелегко, и они почти в таком же состоянии. Если посадить тех двух, найдутся и другие желающие прокатиться.

– Нет, я посажу их скрытно от других.

– Пусть будет по-твоему. Но сделай это осторожно и незаметно, чтобы другие не видели. Пусть идут до последней возможности. Ты молчи. Посадишь их лишь тогда, когда они совершенно не смогут сделать ни шага...

– Слушаюсь!

Двое усталых, за которых просил Бозжанов, шагают из последних сил. Вдруг показалось село, в котором дислоцировался батальон. И все до одного дошли до села на собственных ногах.

На следующий день все отдыхали.

II

Изменнику нет места на родине!
(Баурджан)

По распоряжению Ставки Верховного Главнокомандования 316^а дивизия генерал-майора Панфилова прибыла на Северо-Западный фронт. Она остановилась у местечка Крестки и стала вторым эшелоном. Полки дивизии, используя предоставленную возможность, совершенствовали военную выучку.

Батальон Баурджана очутился около села Старая Рахня и дни и ночи проводил в тактических и стрелковых занятиях. Отсюда до передовой линии фронта было недалеко. Издали слышались артиллерийская пальба и разрывы снарядов. Однажды один-два вражеских самолета пролетели над батальоном и сбросили пять бомб, не причинив никакого ущерба.

Воспоминания друзей-однополчан

Доносившийся издали грохот артиллерии и разрывы этих пяти бомб до смерти напугали некоторых трусов. «У страха глаза велики», и они увидели то, чего нет: их объял ужас. Одним из таких трусов оказался командир отделения Беляев.

Беляев позабыл наказ своих родных и друзей быть верным родине, не бояться врага, храбро бороться, до последней капли крови защищать родную землю, свой народ. Он думал лишь о своей шкуре, думал, как избежать войны и скорее избавиться от ужасов войны, возвратиться к себе домой. И с этой целью он прострелил свою руку и закричал, что ранен.

Бозжанов, видевший все это, подбежал к раненному Беляеву и, осмотрев его рану, торопливо пошел доложить командиру батальона.

– Аксакал, командир отделения Беляев ранен...

– Как? Когда? – вскочив с места, закричал Баурджан: его лицо сразу посерело.

– Только что прострелил левую руку...

– Быстро приведи его ко мне!

Баурджан тщательно осмотрел рану Беляева и, вызвав командира санитарного взвода, показал ему. Так было установлено, что Беляев сам прострелил свою руку.

– Что это значит? Ты сам прострелил свою руку? Вот пороховые ожоги...

– Что Вы? Разве человек может сам в себя стрелять? Случайно винтовка сама выстрелила, – стал оправдываться Беляев.

– Все понятно. Хочешь обмануть нас, но тут дураков нет. Лучше сознайся! – прижал его Баурджан и в упор посмотрел на него.

Беляев молча опустил глаза. Так постояв несколько минут, он промямлил:

– Ошибка вышла, боялся боя...

– Адъютант! Быстро соберите батальон. Хоть и далеко, пусть придет и третья рота. А этого изменника уведи и поставь перед батальоном, – приказал Баурджан.

Баурджан выйдя во двор, мучительно думал, как поступить ему в данном случае. «Беляев – настоящий трус. Если не применить к нему строгость, то трусость может заразить других. Такой трус, шкурник, человек, готовый предать родину, свой народ, завтра, в бою, может подвести батальон. Нет. Его нужно расстрелять перед строем. Эта мера послужит для других незабываемым уроком!» – наконец, пришел к окончательному решению Баурджан.

Батальон стоит в строю. Перед строем, не смея смотреть в глаза товарищей, с которыми лишь несколько часов тому назад говорил, шутил и смеялся, стоял уничтоженный позором Беляев. Он стоит, согнувшись, низко опустив голову.

Баурджан пламенно говорил перед батальоном:

– Девяносто девять процентов бойцов нашего батальона – честные, преданные своему народу и родине люди, которые пришли сюда, чтобы защищать свою отчизну, свою семью – родителей, жен и детей – от немецких фашистов. Но семья – не без уroda. Сегодня выяснилось, что среди нас имеется подлый трус, дрожащий за свою шкуру, готовый ради спасения себя предать родину, родного отца и мать, свою семью. Вот перед вами изменник – самострел, который, прострелив руку, хотел избавиться

от войны. Он этим опозорил весь наш батальон. Он, думая сохранить свою шкуру, предал вас и весь батальон...

Он испугался отдаленного грохота пушек. От страха прострелил руку и этим хотел избавиться от смерти. Он не захотел связать свою судьбу с судьбою всех нас: «Пусть они себе воюют и проливают кровь за меня, а я полежу дома!» – думал он. Что ожидает таких гадов? Позор и вечное проклятье всего народа! Народ позабудет и голод, и холод, и все пережитые трудности и лишения, но изменника и предателя никогда не позабудет. Нет. Это не забывается.

– Ты, подлый изменник, обесчестил не себя, в тебе нет и не было чувства долга и честности, – продолжал Баурджан, обращаясь к Беляеву. – Ты обесчестил своих старых отца и мать, свою жену и детей. Что теперь они скажут людям: что сын был изменником, предал народ и родину – скажут твои родители? «Мой муж умер собачьей смертью!» – скажет жена? «Мы дети предателя!» – скажут твои дети? Нет. Они так не скажут, ибо это труднее смерти. Ты обесчестил своих родных. Тебя проклянет родная мать, отвернется от тебя отец, отвергнут жена и дети.

– Мы тебя, предателя, расстреляем. Твое поганое тело не будет предано земле. Над твоей могилой не прорастут даже камыши, ты не заслужил этого.

Чем умереть таким бесчестным и уничтоженным – лучше героическая смерть в честном бою! За народ, за родину, за своих близких и любимых людей, за честь – никакая смерть не страшна! – сказал Баурджан батальону. Батальон слушал молча и напряженно. – Честных героев и своих защитников народ и история не позабудут. Ими будут гордиться: «Я – вдова героя!» – скажет гордо его жена. «Я – сын героя!» – похвалится его сын. «Мой сын выполнил свой долг, оправдал доверие народа, погиб, защищая святую родную землю, свой народ и нас!» – скажут его родители.

– А тебя, – снова обращаясь к Беляеву, продолжал Баурджан, – никто не вспомнит, никто не возгордится тобой. Народная мудрость гласит: «Герой умирает один раз, а трус – тысячу раз!» Этот твой позор тебя убил тысячу раз. Ты умрешь тысячи раз, а в тысячу первый раз получишь смерть от пули. Ты – собака, и тебе собачья смерть.

Баурджан говорил долго и вдохновенно, батальон понял его и накрепко запомнил его сердечные, огненные слова. И каждый боец в своем сердце вынес свой приговор Беляеву: «Расстрелять подлого изменника!»

По приказу Баурджана, два бойца вышли из шеренги.

– Заряжай! – приказал он. Те повиновались. – По предателю родины и народа пли! – отдал он команду.

Предатель получил по достоинству. Он был расстрелян. Его тело бросили в яму и закопали кое-как. Весь батальон с должным пониманием воспринял справедливый приговор. И это послужило кое-кому хорошим уроком.

* * *

Этот случай, имевший место в батальоне, дошел до сведения командования полка. Комиссар полка Логвиненко вызвал Баурджана и повел его к Панфилову. Когда

Воспоминания друзей-однополчан

пришли к нему, Панфилов сидел у окна. Комиссар дивизии Егоров посмотрел на Баурджана неодобрительно и зло.

– Зря расстрелял. Это ошибка! – закричал он.

– Возможно, я и ошибся. В следующий раз приму к сведению, но заразу на теле нужно вырезать! – сказал Баурджан.

Егоров промолчал. Посидев молча некоторое время, он встал со стула и сказал:

– Зря поторопился. Нужно было предать его суду.

– А чего с предателем церемониться, – возразил Баурджан. – Лучше поговорить с ним на языке пуль. Приказ командира – приказ родины и всего народа.

Баурджан, уходя от Панфилова, сказал:

– Изменнику нет места на родине.

Он повторил это три раза и пришпорил коня.

III

Честь народа – честь героев.

(Народная поговорка)

Не продай честь за хлеб.

(Баурджан)

Немецкие фашисты, собрав все свои силы на одном узком участке фронта с целью в течение одной недели захватить столицу советской страны – Москву, двинулись в наступление. Свои бронированные танки, самолеты, десятки тысяч солдат они направили на Москву. Над родиной, над ее сердцем – Москвой нависла очередная угроза. В этот ответственный момент Ставка Верховного Главнокомандования направила стоявшую на Северо-Западном фронте во втором эшелоне 316 дивизию на Западный фронт. Это было в начале октября 1941 года.

Дивизия выгрузилась на станции Волоколамск, согласно полученному приказу полки дивизии стали рассредоточиваться.

Роты и батальоны полка укрепились в отведенном им оборонительном районе. После этого командир полка майор товарищ Елин созвал всех командиров частей полка и провел с ними совещание. Он рассказал им об общем положении, сказал о предстоящих задачах и поставил ряд задач. На это совещание прибыли 20 командиров и политруков.

По окончании собрания у командира полка, командиры и политруки – казахи собрались вокруг Баурджана. Он курил папироску, глубоко затягиваясь и пуская вокруг себя густые клубы синеватого табачного дыма. Вот он глубоким, внимательным взглядом оглядел всех стоящих вокруг него командиров.

– Ребята! – сказал он. – С тех пор, как казахи стали казахами, немало тяжелых испытаний знает история. Немало битв и жестоких нашествий вытерпел на себе наш народ и, преодолев трудности и лишения, достигал своей цели. Наши герои – как мужественный Едиге, Исатай, Наурызбай, Махамбет, Шокан и другие – своим самоотверженным трудом на благо народа оставили свои громкие имена в сердце народа. Если в грозные дни, нависшие над народом, не окажется у него храбрых, мужествен-

ных сыновей, способных сразить врага, отвести от народа беду, отразить смертельный удар, – что же случится с народом? Народ послал нас не в гости.

Война есть война. Может быть, некоторые из нас будут ранены или погибнут, но, ребята, будьте честны своему долгу. Если умрем – умрем со славой, за дело народа. Но если хоть один из нас совершит измену или предательство, или трусость – мы перед народом потеряем честь, оскверним память славных предков, опозорим несмываемым пятном честь и славу, доброе имя нашего народа. Будьте далеки от такого позора! Не забудьте: «Честь народа – честь героя!»

– Баурджан, ты сказал правильно. Кто мы, зачем мы очутились здесь, каков наш долг – все это известно. Сломим хребет, сломим руки врагу, рвущемуся к нашей столице. Не осрамим честь нашего народа, отчизны, славного имени казаха! – ответил Махамбеткул.

– Ты сказал слова, достойные славного батыра. Не забудьте одно мудрое слово: «Мужчину убивает честь, зайца – камыш». Пусть народ гордится нами. Пусть не проклянет и не отвернется от нас.

Бозжанов внимательно слушал эти горячие слова Баурджана и задумчиво сказал:

– Аксакал, Вы сказали совершенно верно: «Честь народа – честь героя». Мы мужчины, и Вы не сомневайтесь в нас. Ведите смело в бой, мы за Вами....

Так поговорив, все разошлись, как бы договорившись оправдать мудрое изречение отцов: «Сын казаха – человек чести и долга».

IV

*Свою смелость увяжи с умом,
а ум – с тактикой.
(Баурджан)*

Первый батальон, во главе которого стоит Баурджан, непрерывно проводит укрепительные работы и тщательно готовится к обороне. Бойцы роют окопы, создают дзоты. Еще до начала этих работ Баурджан, собрав всех ротных командиров и политруков, провел с ними занятие о форме обороны, о задачах батальона, о круговой обороне, об огневой взаимопомощи рот во время боя. Он также приказал, чтобы дзоты имели не менее трех накатов.

Чтобы проверить точность исполнения своих приказаний, Баурджан вышел из штаба. Сперва он осмотрел оборонительные работы, сделанные третьей ротой, и сделал ряд деловых замечаний. Он приказал перерыть некоторые окопы и переделать отдельные дзоты. Потом он пошел к пулеметчикам и уже издали заметил, что они .. те закончили рытье окопов и создание дзотов. Несколько пулеметчиков, среди них политрук Бозжанов, о чем-то горячо спорили. Их лица сияли горделивой улыбкой. Когда Баурджан приблизился к ним, Бозжанов командовал своим пулеметчикам: «Смирно!» – и, подойдя к нему, отрапортовал:

– Товарищ командир батальона, Ваше приказание исполнено. Пулеметчики закончили оборонительные работы!

Воспоминания друзей-однополчан

Баурджан поздоровался с пулеметчиками и направился к пулеметному дзоту, осмотрел его: как будто все правильно, сделаны в три наката, как было приказано.

– Аксакал, посмотрите, ребята очень постарались. В батальоне первенство наверняка за нами, – сказал было Бозжанов, но в это время Баурджан вынул из кабуры свой наган и выстрелил несколько раз по «образцовому» дзоту.

– Аксакал, что Вы делаете? – недоуменно вскричал Бозжанов.

– Иди, смотри! Прострелила его пуля или нет?

Бозжанов понял сразу. «Ах, мы допустили ошибку, в накат положили тонкое бревно!» – подумал он и покраснел. Все же пошел и осмотрел дзот: оказалось, пуля прошла через все три наката.

– Ну, как? – спросил Баурджан Бозжанова.

– Прошла, проклятая, – еле слышно ответил Бозжанов виноватым голосом.

Баурджан вызвал к себе командира роты Краева и, выстроив пулеметный расчет, крепко выругал его.

– Приказ выполнен формально. Занимаетесь очковтирательством. Через ваши накаты прошла пуля даже нагана, так неужели вы думаете, что его не пробьют бомбы, снаряды и мины противника. Этот дзот строили не для меня, а для вас самих, для сохранения вашей же жизни, для защиты от снарядов, пуль. Находясь в надежном укрытии, вы должны успешно истреблять, причем без потерь со своей стороны. Почему не подумали об этом? Нужно делать все с умом, обдуманно. Кому нужен никчемный дзот? Это же не дзот, а могила. Больше я ничего не скажу. – Баурджан сел на своего коня и отъехал.

Прошло три–четыре дня. Бозжанов неожиданно встретил Баурджана и спросил:

– Аксакал, в первую роту не поедете?

Вопрос Бозжанова к Баурджану преследовал определенную цель. Пулеметчики после предыдущего посещения и упреков Баурджана заново переделали дзот и вместо трех сделали пять накатов, исправили окопы и секторы обстрела. Бозжанов хотел сказать ему об этом, показать, услышать его одобрение.

Баурджан пришел к пулеметчикам, осмотрел дзот пулеметчиков и сказал:

– Вот теперь любуйтесь, сделали настоящий дзот, показали на деле, что вы серьезно приготовились к защите родины. Правду говоря, каждый умирает в разных условиях. Умирает и умный, и дурак. Если ты защищен крепко – враг тебя не сможет захватить, а в ваших дрянных дзотах немцы перебили бы вас палкой.

V

*Зоркий и сам смел, и глаза его смелые.
(Баурджан)*

Северо-восточный берег реки Рузы. Батальон, укрепившись в этих местах, залег в траншеях, окопах и дзотах и стал дожидаться врага.

Кругом непрерывный грохот разрывающихся снарядов и мин.

Баурджан осмотрел линию обороны батальона и подумал, что здесь можно не только остановить врага, но и нанести ему сокрушительный удар, и не разрешил снести мост через Рузу.

Некоторые советовали Баурджану снести мост, так как, мол, враг может воспользоваться им и переправиться на этот берег. Но Баурджан их не слушался.

Впереди батальона, в нескольких километрах, сражаются части Красной Армии. В неимоверно трудных условиях они уничтожают живую силу и технику немцев, нанося им ощутимый урон. Нужно пропустить наши части через мост и только после этого его снести. И, таким образом, нужно встретить противника на Юго-западной стороне реки, навязать ему бой и нанести ему сокрушительный удар. Если батальон потерпит большой урон и ему придется тяжело, согласно приказу можно и отойти. В таком случае пропущенные по мосту армейские части должны прикрыть тыл батальона, задержать врага у оборонительных позиций. А в это время батальон Баурджана должен успеть создать новые оборонительные укрепления, закрепиться и вступить в бой.

Так думал Баурджан. Но на деле оказалось все не так, как он полагал.

Баурджан счел необходимым послать разведку, узнать, что делается у него впереди. Но перед этим он долго и неотрывно смотрел в сторону, откуда шел враг, и вдруг на расстоянии видимости увидел десяток людей. Все внимательно начали всматриваться. Некоторые бойцы зарядили свои винтовки и приготовились к бою.

– Не стрелять! Пусть подойдут. Если враг – десять человек ничего не сделают батальону: подпустим и захватим в плен. А возможно, что это наши легко раненные красноармейцы, бредут в госпиталь, – сказал Баурджан стоящим в наблюдательном пункте бойцам.

Эти десять человек приблизились к передовой оборонительной линии батальона. Они были одеты в красноармейскую форму и безоружны; навстречу им выскочили несколько бойцов и, окружив, привели их к наблюдательному пункту, где стоял Баурджан.

– Кто вы? – спросил Баурджан.

– Красноармейцы...

– Откуда идете? Раненые?

– Нет, не раненые. Идем с передовых позиций.

– С передовых позиций!? А где же ваш полк, войска, командиры?

– Мы не знаем, где они. Мы были в окружении и вот только пробираемся. Очень трудно определить, где кто...

– Где находятся враги? Много ли их?

– Не дай бог, много. Не счесть... идут полчища, много танков и самолетов.

Баурджан задал еще несколько вопросов, но кроме услышанного ничего путного добиться не смог. Он отправил их в штаб полка.

Вскоре после них снова пришла такая же группа «выбравшихся из окружения». И они подтвердили показания первых и твердили, что немцев очень много. «Эти

Воспоминания друзей-однополчан

трусы своими наводящими страх рассказами могут посеять среди бойцов батальона панику, – обеспокоился Баурджан и решил: если снова покажутся дезертиры, нужно их разоружить и без всякого допроса отправлять в штаб полка».

Баурджан все же решил послать разведку и принялся за ее подготовку. Он послал группу разведчиков на десять километров вперед, и те, возвратившись, заявили, что «там немцев нет». Потом была послана разведка на пятнадцать километров. Та тоже возвратилась, не увидев немцев.

Впереди батальона, в двадцати пяти верстах, находилось село Середа. «Нужно послать разведку туда», – решил Баурджан.

Сходившая туда разведка сообщила, что в «Середе находятся немцы, много машин и танков».

Выслушав донесение разведчиков, Баурджан принял решение: «Нужно послать в Середу сотню бойцов, ночью совершить внезапный налет и во что бы то ни стало достать «языка», а дорогу от Середы к нам заминировать, мост, что там имеется, разрушить». Для выполнения этой задачи он вызвал к себе начальника штаба батальона Хабибуллу Рахимова (только что назначенного на эту должность) и Жалмухамета Бозжанова и рассказал им свой план. Оба его одобрили.

– Рахимов, ты командир, а ты, Бозжанов, будешь комиссаром этого отряда, – заявил им Баурджан.

После этого был организован отряд из ста человек, куда были взяты с каждого отделения по два-три человека. При отправке их на это дело Баурджан выступил перед ними с речью и разъяснил возложенную на них задачу.

– Достать «языка» – основная задача. Вчера пробравшиеся из «окружения» бойцы-трусы считают немцев какими-то бессмертными, непобедимыми чудовищами. Вы докажите обратное. Докажите, что и немцев можно побеждать и убивать. Если кто из вас будет ранен или убит, его не оставляйте у врага...

Отряд приблизился к Середе. На северо-западной окраине Середы был лес. На опушке этого леса отряд остановился. Рахимов разделил отряд на три группы. Первую группу возглавил он сам, вторую Бозжанов, а третью – командир отделения Мясахи. Составили план одновременного нападения на село с трех сторон и условились броситься в атаку после двух сигналов красной ракетой.

Разработов план и условившись о времени нападения, группы стали тщательно наблюдать за поведением противника, в результате чего было выяснено, что вражьи войска группируются в Середе и затем на автомашинах, танках направляются на юго-восток и на северо-запад. А в сторону расположения батальона Баурджана враг не идет. Это значило, что враг намеренно обходит батальон с двух сторон и оставляет его в окружении.

Уже перевалило за полночь. Крутом тихо. Только что доносились голоса хлопчущих немцев, гул заводимых моторов, а теперь, кажется, все замерло. Командир отряда лейтенант Рахимов, собрав бойцов, указал всем трем группам их места, откуда они должны были броситься в атаку, и условленное место сбора после операции. Потом

посмотрел на минеров, которые должны были минировать дорогу, и на саперов, которые должны взорвать мост, и сказал:

– Вы минируйте дорогу, а мост пока оставьте, но на всякий случай подготовьте к взрыву. После окончания операции дам знать собраться одной ракетой. В это время взрывается мост, и все собираетесь в условленном месте сбора.

Группы ушли в трех направлениях. Перевалило за два часа ночи. (Это была ночь на 18-ое октября 1941 года). Вдруг темное небо осветилось двумя красными ракетами, призывая отряд к действию. В тот же миг с трех сторон села одновременно загремели выстрелы из пулеметов, из автоматов. Некоторые бойцы подбежали к окнам хат и стали забрасывать гранатами. Ночная тишина прервалась криками и трескотней выстрелов. А как зловеще и грозно в ночной тиши звучат выстрелы!

Немцы, не ожидавшие ночной атаки, стали выбегать из хат на улицу. Но большинство их тут же падали замертво от метких пуль советских бойцов. Бозжанов гранатой взорвал одну автомашину. Бойцы гранатами разбили еще несколько машин и два танка. В разгаре боя Рахимов вместе с двумя-тремя бойцами ворвался в хату, где размещался немецкий штаб. Немцы, не ожидавшие этого, растерялись. Один из бойцов стал собирать штабные документы, как кто-то из немцев истошно закричал:

– Русь!..

– Ах, ты... На тебе Русь! – ответил ему боец и, сбив с ног, застрелил на месте. Когда они, захватив штабные документы, один мотоцикл и одного немецкого ефрейтора, выбежали на улицу, то услышали приближавшийся шум мотора. Рахимов, подумав, что это немецкий танк спешит на помощь гарнизону Середы, дал сигнал красной ракетой для возвращения.

Отряд собрался в условленном месте. Немецкие танки, автомашины, боеприпасы, убитые тела горели.

Отряд в сборе. Оказалось, что с нашей стороны двое раненых, храбрый командир отделения Мясачи погиб смертью героя, но бойцы захватили его тело с собой. Рахимов, подводя итоги операции, выяснил, что нами уничтожены два немецких танка, пять автомашин, 50 солдат и офицеров, захвачены все документы немецкого штаба, один мотоцикл и один немецкий ефрейтор. Взорван мост и в нескольких местах заминирована дорога. Операция была выполнена блестяще, и отряд благополучно вернулся в батальон. Их вышел встретить сам Баурджан. Рахимов отрапортовал ему: «Товарищ командир батальона! Ваше приказание выполнено!» Баурджан выразил свое удовлетворение и через связных приказал всем ротным командирам собрать батальон.

По его приказу, весь батальон выстроился. Напротив батальона выстроился и отряд, возвратившийся с ночной операции. Баурджан, встав в середине, выступил с горячей, пламенной речью:

– Вчера вы все видели трусов, бежавших якобы из «окружения»: чего только они не наговорили о немцах. «Они и неуязвимы, и непобедимы, и пуля их не берет». А вот, посмотрите, небольшой отряд ваших товарищей разгромил немецкий гарнизон, уничтожил 50 фашистских солдат и офицеров, танки, автомашины, захватил ценные

Воспоминания друзей-однополчан

штабные документы. С нашей стороны ранены двое и один погиб смертью героя. Но важное задание выполнено. За это объявляю благодарность всем участникам операции! – сказал он и посмотрел в сторону отряда. Весь батальон, приветствуя отряд, дружно зааплодировал.

– Вот, полюбуйтесь на «бессмертного» немца, ворвавшегося в нашу страну поработить нас с вами. Да это же ничтожный овод, которого можно раздавить.

Стоявший тут же пленный немец, очевидно, поняв, что речь идет о нем, забормотал:

– Я, я... Их бин арбайтер...

Наши бойцы весело захохотали.

– Нет, это неправда, что немцы сильны и непобедимы. Их можно и убить, и уничтожить. Их боятся только трусы. Если бояться немца – он и будет лезть. Нужно не бояться их, а храбро биться с ними, уничтожить их. Мы сейчас увидели результаты первой стычки нашего батальона с немцами. Мы победим, товарищи! – закончил Баурджан.

Когда он закончил, из строя выдвинулся вперед красноармеец Драве и поднес Баурджану ручные золотые часы.

– Что это значит?

– А я ночью убил немецкого офицера и на память захватил его часы. Так что дарю их Вам...

– Большое тебе спасибо, друг мой Драве, за то, что ты даришь мне эти часы. Теперь я эти же часы обратно дарю тебе. Храни их на память, когда-нибудь пригодятся, по ним будешь считать, сколько немцев за час уничтожал...

Баурджан собственноручно надел часы на руку Драве и похлопал его по плечу.

Пленного немецкого ефрейтора, штабные документы, трофейные автоматы, винтовки и мотоцикл Баурджан отправил в штаб полка.

К этому времени уже была вырыта могила для Мясачи. Положив его тело в гроб, принесли к могиле. Баурджан снова обратился к батальону с речью: «Война не бывает без урона. Командир товарищ Мясачи погиб героической смертью за родину, за народ. Он во главе одной из трех групп ворвался в село Середка и участвовал в разгроме вражеского гарнизона. Он пал смертью храбрых, мстя врагу за поруганную честь родины. Теперь мы отомстим немцам за его смерть!»

– Наш смелый, дорогой товарищ Мясачи! Я, твой комбат Баурджан Момыш-улы, стою перед твоей могилой. Ты погиб славною смертью героя за родину, за народ. Народ и история не забудут твоего славного имени. Ты не умер. Умерло лишь твое тело, но дело, за которое ты погиб, будет жить вечно. Твое честное имя заняло почетное место в истории. За твою смерть мы жестоко отомстим врагу. В этом клянусь перед твоей могилой, – прощался Баурджан с младшим командиром Мясачи. Прогремело три залпа. Звуки залпа прокатились эхом по степному простору.

Весь вечер этого дня бойцы батальона только и говорили о ночной операции группы Рахимова и Бозжанова. Ведь в этой операции участвовали по два-три бойца от каждого отделения. Каждый из них рассказывал своему отделению мельчайшие

подробности операции: как ходили, как атаковали и разгромили немецкий гарнизон. Их рассказы рассеяли сомнения некоторых маловеров и заставили поверить в «уязвимость» немцев, что можно их и уничтожить, и победить. При отборе из каждого отделения по два-три бойца Баурджан преследовал именно эту цель. Он хотел, чтобы сами участники рассказали своим товарищам правду о немцах, пусть они сами рассеют имеющиеся сомнения и явятся агитаторами. Он добился и этой цели. На деле так и получилось.

VI

Место расположения батальона, его укреплений находилось на северо-востоке реки Рузы. Вторая рота размещалась на северо-западе села Новлянское – со стороны реки, а третья рота возводила свои укрепления со стороны реки же, у деревень Васильево и Лазарево. Первая рота размещалась между второй и третьей ротами. Вся оборонительная линия батальона в длину достигала шести-семи километров.

К юго-западу имеется новоселенская дорога. Эта дорога, пересекая реку Рузу мостом, идет к деревне Житаха. Дорога от Васильева тоже переходит через мост и, направляясь на юго-запад, ведет к деревням Черное и Кусакино. Эти две дороги, выйдя за реку, проходят по густому лесу.

По приказу Баурджана, командир второй роты поставил между деревней Житахой и рекой охранение. Боевое охранение роты находилось в деревне Кусакино.

Баурджан, предопределяя места будущих боев, нашел нужным поставить боевое охранение второй роты спереди и оставить в Житахах только шесть человек наблюдателей.

Дорога от Житахи в Новлянское была удобна для продвижения вражеских автомашин, танков и войсковых колонн.

Это предположение Баурджана впоследствии оказалось правильным. 21-го октября 1941 года враг подошел к Житахам. И несмотря на многочисленность противника – шесть человек наблюдателей, находившиеся там, приняли бой. Они три часа отражали напор врага. Озадаченные этим упорным сопротивлением, немцы создали боевой порядок, развернули наступление и, сломив сопротивление шести, направились к месту расположения первой роты. Но бойцы первой роты встретили их сокрушительным оружейным огнем и нанесли им ощутимый урон. Враг, увидев сильное сопротивление и поняв невозможность преодолеть реку, прекратил наступление и отступил назад.

23-го октября против батальона Баурджана вышел немецкий полк. Увидя это, Баурджан попросил помочь его батальону артиллерийским огнем, но просьба осталась не уваженной. Положение батальона стало ухудшаться. Баурджан снова обратился к помощи артиллерии. Наши артиллеристы начали стрельбу по вражеским скоплениям, но последние не ответили.

На следующий день, около восьми часов утра, враг огнем всей своей артиллерии и минометов начал атаковать батальон Баурджана. Наблюдая за стрельбой артиллерии, над батальоном летал вражеский самолет-корректировщик. К боевому охра-

Воспоминания друзей-однополчан

нению, поставленному между рекой Рузой и Житахой, вплотную приблизился враг. Но боевое охранение встретило его сильным ружейным огнем. Бой стал разгораться, но охранение упорно отбрасывало назад атаки неистовствующих немцев. Их бой продолжался два-три часа. Боевое охранение в этом бою уничтожило около роты немецких солдат и офицеров. Сами потеряли шесть человек убитыми и семеро оказались ранеными. В этой схватке боец Донских получил девять ранений, а младший командир Волков – семь ранений. Несмотря на это, они не покинули своих мест и продолжали выполнять приказание. Немцы, отчаявшись взять их боем, снова начали обстреливать артиллерией.

В этот же день приняло бой охранение и в Кусакино. Враг через Кусакино пробирався к Васильево. Но самые схватки с немцами происходили на Новлянском направлении. Поэтому Баурджан, недолго побыв в третьей роте, ушел в самую горячую точку боя – к второй роте.

Когда Баурджан прибыл в Новлянское, там шел ожесточенный бой. Вдоль улицы со свистом лил дождь пуль. Несмотря на это, Баурджан торопливо шел к своим бойцам, зарывшимся в окопах первой линии. (В такие моменты человек вовсе не думает о смерти и не обращает внимания на летящие вокруг него пули). Пробираясь бегом к окопам, Баурджан по дороге встретил командира артдивизиона Кухаренко.

– Ну как, помогаете нашим молодцам? – спросил Баурджан.

– Да, постреливаем, – нехотя ответил Кухаренко. Баурджан сразу понял, в чем дело, и, приказав ему следовать за ним, привел его к возвышавшейся посередине села церкви. Оба бегом поднялись на колокольню. Баурджан в бинокль увидел жесточайший бой второй роты с врагом и непрерывную пальбу его артиллерии. Наша артиллерия хотя тоже обстреливает, но снаряды ложатся далеко позади врага и не причиняют ему никакого вреда. Баурджан крепко рассердился на это и показал Кухаренко:

– Кухаренко, видишь? Разве так стреляют? – и гневно посмотрел на него.

– Откуда я знаю! Наши артиллерийские данные были иные, по ним и стреляют. А враг придвинулся ближе. Нужно приготовить новые данные... – начал было оправдываться Кухаренко, но Баурджан перебил его:

– Иди, быстро спустись, всем своим батареям сообщи по радио. Сам буду командовать, вы знайте повиноваться! Понял?

Кухаренко поспешно ушел. И Баурджан показал свое искусство, как старый артиллерист. Чтобы подготовить на бумаге артиллерийские данные, нужно было потратить несколько часов. Но на это не было времени. Баурджан поступил иначе: он, подняв к глазам бинокль, стал командовать:

– Левее 4.00, прицел.

Наши артиллеристы выстрелили по этой команде и попали в самую гущу немцев.

– Отличное попадание. По тому же прицелу выпустить еще 20 снарядов, – приказал он, спустился вниз и направился к второй роте.

С уходом Баурджана враг, уловив наше радио и подметив, что командуют с колокольни, начал обстреливать церковь. Она была сразу же разрушена, вместе с ней и радиоустановка. Но артиллеристы не прекратили пальбу и продолжали бить врага.

Баурджан идет по улице. Дошел до командного пункта второй роты, но никого там не нашел. Вражеские пули сыпались вокруг него ливнем.

«Куда же ушел командир роты Щербаков? Нет, мне нужно как-нибудь добраться до правого фланга!» – подумал он и побежал.

Добежав до крайнего окопа правого фланга, увидел прижавшихся бойцов.

– Как у вас дела? – спросил он.

– Неплохо. Отстреливаемся. Давеча здорово стреляли, теперь начинают степениться, – ответили бойцы.

Узнав их положение, он хотел побежать к другому окопу, но встать с места не смог. Как будто кто-то тянул его за полу шинели и не отпускал.

«Что же со мной случилось?» – недоуменно подумал он и снова попытался встать, но и на этот раз это ему не удалось: его охватил инстинкт самосохранения.

Баурджан вскрикнул и, вскочив, стремительно побежал к следующему окопу, расположенному в метрах ста от первого окопа. Поговорил с бойцами и объяснил им общее положение.

– Бейте немцев беспощадно! – наказал он. Потом побежал к другим окопам. К этому времени чувство страха, овладевшее им в первом окопе, рассеялось окончательно.

Побывав в нескольких окопах, он возвращался. К нему навстречу выскочил Бозжанов.

– Аксакал, что Вы тут делаете? – закричал он.

– А ты? – спросил его Баурджан в свою очередь.

– Я пришел к своему пулеметному расчету. Только что ранили командира второго взвода Серебрякова. Теперь я остался за него...

– А, это правильно! Ну, держи оборону крепко! – сказал ему Баурджан и направился к следующей роте.

В этот день все бойцы батальона, сидя в своих окопах, говорили про него: «Наш комбат – замечательный человек: строг, но справедлив и смелый. Видите, невзирая на ураган пуль, побывал во всех окопах и проведал нас. Разве это не геройство?»

Враг несколько раз бросался атаковать оборону Баурджана, но всякий раз откатывался с большим уроном. После этого противник начал применять тактику окружения батальона. Баурджан направился ко второй роте, расположенной на правом фланге батальона. К этому времени немцы, не встречая особого сопротивления, вышли в тыл батальона и, раскрыв свои крылья, стали наносить удары с тыла. Это было уже под вечер.

Баурджан, увидев сложность создавшегося положения, призвал к себе ротных командиров. На собрании командиров Баурджан рассказал им о создавшейся опасности и призвал всех к особой бдительности. На левом фланге батальона находились четыре 75-миллиметровых и две 45-миллиметровых пушки. Вывести их из опасной зоны, чтобы не оставить врагу, было поручено Бозжанову. Ему дали 25 бойцов. Бозжанов ночью с 25-ью бойцами пробрался к пушкам и вывез их вместе с 400 снарядами.

Воспоминания друзей-однополчан

Рано на заре следующего утра из штаба полка был получен пакет на имя Баурджана. Там был приказ: отступить. Баурджан немедленно собрал своих командиров и зачитал им приказ штаба полка, а потом сделал распоряжение:

– Мы готовимся к отступлению. В боях ни одного немца в плен не брать, ни одному красноармейцу в плен не сдаваться. Экономить боеприпасы. Создающих панику расстрелять на месте. Последний патрон берегите для себя. Без приказа никто не должен отступать!

Батальон начал готовиться к отступлению. Для прикрытия отхода батальона было решено оставить Божанова с взводом бойцов и пятью пушками. Посчитали нужным отходить ночью, а был только полдень. Как долго тянется время в таком положении! Кругом разрываются снаряды. Одна рота немцев бросилась в атаку, но наши молодцы отбили ее. В этом бою были захвачены два ручных пулемета, несколько автоматов.

Солнце клонилась к вечеру, стало темнеть. Баурджан собрал батальон, проверил все вооружение, боеприпасы, транспорт, оглядел бойцов. Когда стемнело, он, став во главе батальона, начал отходить по одной ложбине. Группа Божанова следовала сзади, прикрывая отступление батальона.

Батальон приблизился к одной большой дороге. По ней шли немецкие войска и танки.

Вдруг перед батальоном появилось около роты немецких солдат. Батальон оружейным огнем расправился с ними и, быстро перейдя дорогу, скрылся в противоположном лесу.

Баурджан остановил батальон в гуще лесной чащи: в каком направлении нужно идти? Место, куда назначил отступление штаб полка, находится в руках немцев. Идти туда бесполезно. Кроме того нет связи со штабом полка, следовательно, остается единственный выход – пробираться в город Волоколамск.

Так батальон взял направление на Волоколамск и через два дня, 26-го октября, дошел до города.

Здесь Баурджан встретился с генерал-майором Панфиловым. Генерал принял его с распростертыми объятиями:

– Вот молодцы! Благополучно? Живы? А говорили, что твой батальон остался в окружении и истреблен... Это хорошо, что добрались живы и здоровы.

– Живы-то живы. По мере своих сил и с врагами бились, и старались выполнить Ваше приказание! – ответил Баурджан.

– Хороши самые сильные бои, но достойная борьба еще впереди. Готовься к этому!

– Слушаюсь! Мы готовы! – ответил Баурджан.

VII

Генерал-майор Панфилов вызвал к себе Баурджана и сказал ему:

– Твой батальон будет моим резервом, оперативной группой. С сегодняшнего дня ты уходишь из состава твоего полка и переходишь в мое личное распоряжение.

После этого генерал Панфилов поставил перед Баурджаном важную боевую задачу. Взяв в руки карту, стал показывать: «Вот этот участок обороняет наш 1077-й полк.

На его правом фланге сражается шестьсот девяностый стрелковый полк. Между этими двумя полками имеется некоторое незащищенное пространство. Нужно, чтобы твой батальон организовал на этом месте оборону. Понятно?» – спросил он.

– Понял, вполне.

Баурджан, взяв свой батальон, пошел на указанный генералом участок и стал укрепляться. Немцы пошли в наступление. Положение с каждым часом становилось тяжелее. В распоряжении Баурджана не было артиллерии. Имевшиеся ранее пушки остались в полку.

Немцы начали жестокую атаку обоих полков, стоявших на флангах батальона. Каково их положение? Что будет дальше? Баурджан этого не знает. Никакой связи с ними нет. Чтобы выяснить положение, Баурджан вздумал съездить в один из этих полков. Направился было в соседний 1077-й полк, но попал под обстрел немецкого снайпера. Идти дальше было невозможно. Баурджан залег. При каждой попытке шевельнуться или чуть приподнять голову, над ним со свистом пролетала целая куча пуль. В таком положении Баурджан пролежал полчаса. Потом он стал с трудом ползти вперед. На месте, где должен был стоять полк, его не оказалось. Никому ничего не сказав, он отступил. В это время, после многодневных, ожесточенных боев, немцам удалось захватить город Волоколамск. Отсюда они полагали организовать наступление на Москву. Немцы уже приступили к выполнению этого плана. Поэтому они и заставили отступить 1077-й полк.

Баурджан направился в другой, 690-й, соседний полк и увидел, что и они начали отступать. Несколько красноармейцев, бросив зенитную пушку, бежали. Баурджан, увидев это, закричал:

– Нельзя оставлять пушку! – и приказал ее захватить.

Когда Баурджан возвратился к себе, кругом уже был противник. И вот немцы, желая зажать батальон в кольцо, со всех сторон бросились в атаку. Но из этой затеи у них ничего не вышло. Все атаки врага нашими бойцами были отбиты. Во время этих боев зенитная пушка, о которой шла речь выше, сослужила немалую службу. Но впоследствии эта пушка немцами была уничтожена. Кольцо немцев, зажавших батальон Баурджана, с каждым часом сужалось. Вокруг батальона и в Волоколамске были немцы. Остался только узкий коридор.

Баурджан видел все это и понимал серьезность положения. Он негодовал на своих соседей, отступивших без предупреждения. Теперь его батальон остался один, без соседей, без связи с штабом. Что нужно было предпринять в этих условиях? Поразмыслив, Баурджан пришел к следующему выводу: «Нужно отступить!» Он сообщил о своем решении командирам рот и приказал им готовиться к отходу этой же ночью.

Уже вечером Баурджан поднялся на вершину одного небольшого холмика и оглядел уже начавший отступать свой батальон. Бойцы проходили мимо него молча, сосредоточенно, сохраняя полный боевой порядок. Так он пропустил мимо себя

Воспоминания друзей-однополчан

весь батальон и последовал позади него. К нему подошел шедший позади строя Бозжанов.

– Аксакал, почему идете сзади и один? Может случиться несчастье, – сказал он.

– Ну что же? Если меня убьют, вы-то живы останетесь, разве вы не справитесь с батальоном?

– Ой-бой! Где Вы – там и наш батальон. Без Вас какой же батальон!.. Что с ним станет?

Баурджана рассердил такой ответ: «Чем одному быть батыром – лучше всей тысяче быть им!» – вскричал он.

Батальон продолжал идти. Среди бойцов имеются и раненые. Некоторых бойцов несут на палатках по четверо товарищей. Так они дошли до села Калистово. Оказалось, 1077 полк расположился здесь. Баурджан пошел в штаб полка, где ему вручили приказ штаба дивизии – его батальону укрепиться у деревни Горький и там организовать оборону.

Баурджан вместе со своим батальоном дошел до указанной деревни и стал укрепляться. Усталые, уже несколько дней не знавшие отдыха и четыре дня ничего не евшие бойцы молча выполняли приказ и рыли окопы. Создавали линию обороны.

На обоих флангах батальона находятся другие воинские части. Баурджан об этом знал, но с ними не имел связи. Немцы стали наступать на соседей Баурджана; дело было в полдень. Наблюдавшим со стороны казалось, что батальон Баурджана остался в полукольце. Через некоторое время немецкие автоматчики взяли под огонь правый фланг батальона. В действительности же они били по его соседу с правого фланга. Командир пулеметной роты Краев с двумя станковыми пулеметами должен был обеспечить оборону левого фланга батальона. Так ему было приказано Баурджаном. Но он испугался немецких автоматчиков, внезапно появившихся с левого боку батальона, и, взяв оба пулемета с их расчетами, повернул назад. При отдаче приказа Краеву около Баурджана находился его ординарец красноармеец Синченко и слышал этот приказ.

Синченко, увидев, как струсил Краев и побежал назад, быстро сел на серого коня Баурджана и поскакал за ним. Его дело было догнать Краева, вернуть его, заставить выполнить приказ комбата и потом обо всем доложить Баурджану.

Баурджан, занятый внимательным изучением хода боя и обеспокоенный ухудшением положения, не заметил отступления Краева и скачущего за ним Синченко. Он повернулся влево и увидел спешно отступающих с левого фланга красноармейцев и скачущего на его коне Синченко.

Баурджан не понял, в чем дело и гневно закричал во весь голос:

– Куда бежите? Стой!

Бойцы, услышав голос Баурджана, остановились и побежали к нему. Баурджан увидел бойцов третьей роты с их старшиной во главе.

– Куда вы побежали? Кто вам дал приказ к отступлению? Весь советский народ, вся наша Красная Армия борется с немцами, а вы, отступая, бежите. Все остальные роты стоят на месте и ведут бой, а вы – тридцать человек – своей трусостью дезорганизовы-

ваете их. Всех вас перестреляю! – гневно закричал Баурджан. – Бозжанов, где ты? Дай сюда ручной пулемет... Заряжай быстрее!

Бозжанов быстро зарядил ручной пулемет и залег против скучившихся бойцов. Увидев это, бойцы заговорили, перебивая друг друга:

– Мы ошиблись. Увидев скачущего вашего Серко, мы подумали, что вы уже отдали приказ к отступлению. Где Вы – там и мы. Простите нас, – начали они умолять Баурджана.

На фронте, в особенности в разгар ожесточенного боя, отступление, побег одного человека может пагубно отразиться на всем ходе событий. За одним побежавшим могут припуститься и остальные. Баурджан, хорошо понимая это, подумал немного и сказал:

– Кто хочет сражаться с немцами? Кто хочет биться с ними не на жизнь, а на смерть, кто хочет последовать за мной, тот пусть становится в строй!

Все тридцать бойцов выстроились, и Баурджан послал их на оставленное ими место. Так был восстановлен порядок в батальоне.

Уже переваливало за полдень. Атаки немцев становятся все злее и ожесточеннее. Деревню Калистово заняли немцы. Соседи Баурджана, не выдержав натиска врага, были вынуждены отступить, но Баурджан об этом еще не знал. Горький находился перед Калистово, со стороны врага. В результате занятия Калистово немцами и отступления соседей батальон Баурджана очутился в замкнутом кольце. Враг уже сражался в тылу Баурджана, преследуя отступающую часть Красной Армии, и потому не сильно беспокоил его. Против его батальона сражались лишь автоматчики и пехота. Они жали батальон с боков, спереди и с тыла, все сужая кольцо.

Положение Баурджана было не из завидных. Батальон стоял в открытом поле, не имея никакого прикрытия. Бойцы казались рассыпанными, как зернышки пшеницы. Баурджан понимал серьезность своего положения. Два станковых пулемета, с которыми еще можно было сопротивляться против окруживших его автоматчиков и вражеской пехоты, унес с собой Краев. Если бы были эти два пулемета, Баурджан не горевал и не мучился бы так. Отсутствие пулеметов угнетало его. Но об отступлении он вовсе не думал. А пробиваться через кольцо окружения днем значило погубить весь батальон. Баурджан знал и это. Поэтому он решил продержаться до захода солнца. В такое время и солнце медлит! Уже под вечер группа немцев атаковала правый бок батальона. Баурджан дал хороший отпор – почти целый взвод немецких солдат был уничтожен, захвачены шесть автоматов, один ручной пулемет и еще кое-какое снаряжение.

Наконец-то солнце село! Баурджан подвел итоги боевого дня и решил отступить. Через связных он собрал весь батальон. Командирам рот и политрукам рассказал о положении и о своем решении. Батальон стал отступать. Отходя, они уже успели довольно далеко отойти от своей линии обороны. В это время немцы начали обстреливать из артиллерии и минометов только что покинутое батальоном место. Недалеко от линии обороны стоял стог сена. Немцы подожгли его, кругом стало светло. Бойцы легли на землю и стали спешно отходить ползком. Батальон шел, не

Воспоминания друзей-однополчан

зная, куда, не ведая, где находятся части Красной Армии. Они шли с запада на восток, полагая встретить своих в этом направлении, но там их не было. Везде и всюду были немцы. Тогда батальон свернул на северо-восток. Многие устали. Уже шестой день бойцы не ели ничего. Имеются раненые. Некоторые даже советовали оставить их, но Баурджан не разрешил. Раненных товарищей голодные бойцы несли на себе. «Раненых нельзя оставлять, – думал Баурджан. – Во-первых, оставить в беде раненного товарища негуманно и противоречит человеческой морали. Они тоже советские люди, уважаемые люди одной семьи. Во-вторых, я сам могу оказаться раненым и в таком же трудном положении. Каково мне будет, если мои товарищи бросят меня раненого, беспомощного? Нет, так поступать нельзя!»

Так они шли по степи, по лесу, без дороги. Сколько же могут пройти за день голодные, утомленные люди? Порой за пять-шесть часов они проходили один-два километра. В таком положении голодный человек может отдать все за кусочек хлеба. Баурджан все это видел, чувствовал и переживал. Но что мог он сделать? По дороге они видели два села. Но разведка донесла, что они заняты немцами.

Чтобы забыть голод, надо хоть на время не думать о куске хлеба, за хлеб нужно биться с немцами. Нужно хлеб вырвать у немцев. Во время боя человек забывает о голоде. Баурджан долго думал над этим и, наконец, решил – нужно встретиться с немцами. Батальон остановился у одной дороги и увидел приближающуюся колонну немцев, подпустил поближе и атаковал ее. Разбил несколько машин, уничтожил немало фрицев. Но среди добычи продовольствия не оказалось. Было захвачено оружие и боеприпасы. Так батальон по дороге три раза встретился с немцами, три раза навязал им бой, и все оказалось бесполезным – хлеба не было.

Батальон продолжал двигаться вперед. На восьмой день дошел до одной деревни, но там никого не оказалось. Бойцы расположились на отдых. Где находятся хозяйственный взвод и кухня – никто не знает.

В избу, где расположился Баурджан, вошел один красноармеец. Он был оборван и оброс бородой. Лицо, кажется, тоже опухло. Он хотел что-то сказать комбату, но Баурджан опередил его:

– Иди, сначала приведи себя в надлежащий вид! – закричал на него Баурджан. Красноармеец повернулся и вышел. Вскоре он возвратился, приняв более опрятный вид и соблюдая дисциплину, спросил позволения говорить.

– Говорите!

– Я голоден! – только и сказал он.

– Если можно кушать мое мясо, режьте меня и скушайте! – гневно ответил Баурджан.

Красноармеец покраснел от смущения и, повесив голову, тихо вышел.

Порядок в батальоне был нарушен. Настроение у бойцов испортилось. Восемь дней без куска хлеба – это нелегко. Некоторые злобно бурчали: «Чем очутиться в таком положении, лучше сдать немцам в плен». Сами командиры развинулись. Короче, положение батальона было тяжелое. Собрались командиры. Баурджан, обращаясь к ним, говорит:

– Когда догоним Красную Армию – я не знаю. Положение очень тяжелое. Переживаем невероятные трудности. Уже восемь дней никто ничего не ел, это положение пагубно влияет на весь батальон. Вы все это видите. И вы, офицеры, вместо того чтобы показать бойцам пример стойкости и мужества, сами начинаете хныкать. Это безобразие. Это недопустимо. Военный фельдшер Красненко бросил по дороге трех раненых. Лейтенант Белин, вместо того чтобы показать бойцам пример, сам занимается разложением, дезорганизацией батальона. Я не могу с этим мириться. Вы, – сказал Баурджан, обращаясь к Белину и Красненко, – вы не офицеры. Я смещаю вас с ваших должностей. Сейчас же снимите командирские ремни и знаки отличия!

Баурджан тут же отстранил их с должностей и, отобрав отличительные знаки, отправил их в свои части рядовыми. Красненко начал возражать:

– Вы не имеете права меня снимать. Я окончил Алма-Атинский мединститут. Я человек с высшим образованием. Я специалист... Я...

Но Баурджан гневно прервал его и, вскочив с места, начал кричать:

– Я – председатель Президиума Верховного Совета! Я – председатель Совнаркома! Я – Народный комиссар обороны! Я – председатель Государственного комитета обороны! Я – Главнокомандующий всеми вооруженными силами! Я – председатель Верховного Суда! Я – Генеральный Прокурор Советского Союза!.. Если так, кто тебе сказал, что такой человек не имеет права снять тебя с должности? (Командиры сидели ошеломленные, не веря своим ушам. Многие про себя думали, что Баурджан сошел с ума). Кругом нас немцы. Они оккупируют наши земли! В захваченных немцами местах Советской власти нет. Вот здесь, где мы находимся сейчас, советская земля. Мы занимаем здесь 350 квадратных метров. На этой площади существуем мы, следовательно, здесь существует Советская власть. Она здесь властвует. Я хозяин этой земли. Она и все на ней подчиняются мне. Я имею право не только снять с должности недостойного, но и расстрелять предателя. Если кто-нибудь из вас заскулит и скажет: «Я голоден, чем жить так, лучше сдаться в плен немцам», – я буду к таким беспощаден. Я не позволю им предать родину! Я буду всеми силами оказывать сопротивление этому от имени Советской власти. Я представляю здесь Советскую власть. И никому не позволю сдаться в плен врагу. Если весь батальон пожелает сдаться в плен, то я расстреляю собственными руками весь батальон, сам его уничтожу, но голодных людей в плен не отдам. Чем предать голодных советских бойцов в позорный плен, я предаю их смерти. Пусть все товарищи командиры хорошо поймут это. Поймите это и сообщите и разъясните вашим бойцам. Скажите им, что если кто-нибудь еще раз заикнется о сдаче в плен, тот будет расстрелян на месте. За это советский народ лишь поблагодарит меня. Он скажет: «Молодец, поступил правильно, не опозорил моей чести!». Будьте настоящими патриотами, достойными высокого звания советского офицера! Не будьте хрупкими «маменькими сынками!»

Так говорил Баурджан. Потом он повел речь о самых важнейших задачах на ближайшее время и отпустил командиров.

Во время этого гневного выступления присутствовали Рахимов и Бозжанов. Они оба после ухода других командиров подошли к Баурджану.

Воспоминания друзей-однополчан

– Ох, аксакал, как Вы гневно и раздраженно говорили с ними! – сказал Бозжанов.

– Хуже этого положения едва ли что-нибудь можно придумать! – добавил Рахимов.

Эти замечания Бозжанова и Рахимова огорчили и рассердили Баурджана. Как будто его израненное сердце было брошено в огонь. Он презрительно посмотрел на своих друзей и без стеснения и жалости обругал их.

– Плаксы! Что это? Ваша поддержка? Или отвагу смешиваете с говном? Вы сыплете соль на мой гнев? Идите оба и сейчас же принесите сюда два заряженных ручных пулемета. Будете со мной.

Оба ушли исполнять приказание Баурджана. Такая предосторожность была принята им из-за возможности мятежа недовольных.

Батальон снова двинулся в путь. Бойцы идут. На руках у Бозжанова ручной пулемет. Он идет то впереди батальона, то позади его и зорко наблюдает: нет ли отстающих.

Пройдя пять-шесть километров, они подошли к какой-то деревне: из предосторожности послали вперед разведку. Там немцев не оказалось. Баурджан вызвал к себе председателя местного колхоза.

– Есть ли в колхозе какой-либо скот?

– Есть одна-две коровы...

– Сейчас же приведи обе коровы и режь. И найди для нас немного муки.

– Хорошо. Для вас все найдется, – ответил председатель и ушел. Коров зарезали. В каждой избе затопили печь. Колхозницы замесили тесто, чистили картошку. Они по осунувшимся и утомленным лицам бойцов, не спрашивая ни о чем, поняли о наступившем их бедствии. Поэтому они стараются всячески угодить солдатам. Хотят угостить всем, чем могут.

Баурджан вызвал к себе командиров рот.

– Вокруг деревни создайте линию обороны. До обеда нужно вырыть окопы, – коротко приказал он и указал, где и что должно быть сделано.

– Вы же сами знаете, народ устал. Пусть сначала хоть пообедают, – начали было возражать командиры, но Баурджан их резко прервал:

– Пока не будут вырыты окопы – обеда не будет. Так и сообщите бойцам!

Бойцы, несмотря на усталость и голод, приступили к рытью окопов и быстро закончили его. Для каждого отделения отвели избу. На девятый день бойцы принялись кушать.

Батальон должен был провести в этой деревне не больше суток. Но в тот же день среди бойцов появились больные животом. У многих начался понос. В таком положении продолжать путь было невозможно. Баурджан сам неотлучно находился при санитарном пункте и лечил заболевших животами. Батальон находился в этой деревне трое суток и на четвертый снова вышел в путь.

Батальон воссоединился с частями Красной Армии. В одном из сел он встретил командира 1077-го полка Шехтмана и поругался с ним.

– Вы оставили нас одних, на произвол судьбы. Отступил, не предупредив нас! – кричал он гневно.

Шехтман, считая Баурджана и его батальон погибшими, приписал себе весь хозяйственный взвод и две пушки батальона. Баурджан потребовал немедленно их вернуть.

– Пушки останутся у меня, вы все равно их у себя не удержите! – ответил ему Шехтман.

Баурджан, рассердившись, вышел от него и приказал одному из своих командиров немедленно доставить в батальон эти две пушки. Этот его приказ тотчас же был выполнен.

В самый разгар этих событий в избу, где расположился Баурджан, вошел командир его хозяйственного взвода Пономарев.

– Ты где пропадал, проклятый! Из-за тебя люди голодали! Где ты был? Где твое хозяйство? – взорвался Баурджан.

Пономарев рассказал ему все подробно:

– Когда вы вели бой, мой взвод находился около 1077-го полка. Они отступили. Помощник командира полка по хозяйственной части и Красноперов забрали нас к себе. Он сказал, что «батальон остался в окружении и едва ли вырвется», и меня не выпустил из своего полка. Тридцать наших лошадей используются этим полком.

Баурджан дал в помощь Пономареву Бозжанова и приказал им немедленно забрать все свое хозяйство из 1077-го полка.

Бозжанов нашел Красноперова и сказал ему, что им нужно, но Красноперов ничего определенного не ответил, даже не выслушав, вошел к себе в избу. Бозжанов не отстал от него.

– Вы не имеете права забирать хозяйство чужого батальона. Прошу все вернуть. Наш батальон сидит голодным. Наш батальон не подчинен вашему полку! – говорил Бозжанов.

– Я не приказывал вам бросить ваше хозяйство, а теперь возвращено не будет! – резко ответил Красноперов.

Бозжанов стал ругаться с Красноперовым. Он подбежал к телефону и хотел поговорить с Баурджаном, но Красноперов понял его намерение и сам начал говорить с Баурджаном.

– Твой человек устраивает здесь скандал и ругается. Даже лезет драться... Что это за безобразие! – стал он жаловаться по телефону.

– Конечно, это нехорошо. Дайте ему трубку. Я сам поговорю с ним, отчитаю его! – ответил ему Баурджан. Красноперов передал трубку Бозжанову. Он рассказал Баурджану о своем положении.

– Умри, но все возврати! – коротко ответил Баурджан.

В это время Красноперову принесли вкусный обед. На стол поставили бутылку водки. Бозжанов сел за стол и, не ожидая приглашения, начал пожирать обед Красноперова. Стоявшего тут же Пономарева усадил рядом с собой и стал угощать

Воспоминания друзей-однополчан

его. Опрокинули по паре рюмок водки. Красноперов стоял, ошеломленный, не зная, что делать.

– Ты возвратишь нам наше хозяйство или нет, мать твою? – закричал Бозжанов и, схватив бутылку, кинулся на Красноперова. Красноперов струсил.

– Хозяйство возвратим, но несколько ваших лошадей и две кухни ушли вперед. Как только возвратятся – отдам! – начал Красноперов, желая быстрее отвязаться от Бозжанова. Вызвал одного своего бойца и велел ему возвратить хозяйство батальона.

Бозжанов и Пономарев вышли на улицу. Бозжанов вошел в склад полка. Там он увидел ящик водки. Ничего не говоря, он поднял ящик и положил его в свою телегу. Заведующий складом побежал к Красноперову с жалобой. Красноперов закричал, чтобы возвратили водку.

– В нашем хозяйственном взводе было несколько ящичков водки. Вы ее всю выпили, так что этот ящик я вам не верну! – ответил ему Бозжанов.

Красноперов хотел показать силу, но Бозжанов дал ему понять, что он ни перед чем не остановится и на все ему наплевать. Красноперов, поняв, что из его угроз ничего не выйдет, стоял, беспомощно озираясь и не зная, что делать. Бозжанов и Пономарев, забрав 15 лошадей и кухню, возвратились в свой батальон. За ними потянулись и другие люди приписанного к полку батальона: повара и прочие.

В этот же день с двумя станковыми пулеметами и с их расчетами пришел к Баурджану Краев.

Как только он вошел в избу, Баурджан посмотрел на него гневно и заявил:

– С сегодняшнего дня ты – не командир. Скидывай с себя портупею и отличительные знаки!

Краев молча исполнил это приказание.

– Что сейчас делает пулеметная рота? – спросил Баурджан Рахимова.

– Обедает.

– После обеда приведи ко мне пулеметную роту. Этого изменника я расстреляю перед всей ротой! – сказал Баурджан, глядя на Краева.

Из глаз Краева брызнули слезы.

– Товарищ комбат!.. – начал он.

– Прекрати разговоры! Какой же я тебе товарищ? Нет, я тебе не товарищ! – обрвал его Баурджан.

– Я искуплю свою вину делом! – заплакал Краев.

– Молчать! Не жалоби меня своими слезами. Из-за твоих слез мы проливали кровь.

– Не предавайте меня позорной смерти. У меня жена, дети... чем принять смерть от советской пули, пусть меня убьет немец. Испытайте меня. Пошлите на самое опасное дело.

Весь этот разговор происходил в присутствии Бозжанова и Рахимова, которые по-дружески сочувствовали ему. Бозжанов незаметно подмигнул ему. Баурджан заметил это.

– Ты что ему подмигиваешь? – крикнул он на Бозжанова.

Рахимов и Бозжанов так и не привели пулеметную роту. Они находили всяческие причины и оттягивали это дело. Они оба в действительности любили Краева. Бозжанов не хотел расстрела командира своей роты. Они были хорошими друзьями. Баурджан, видя это, задумался.

«Нет, расстреливать его не буду. Лучше отдам под суд. Ведь за расстрел Беляева чуть не попало. Генерал сказал, что лучше было бы отдать его под суд», – думал он и, тут же решив отдать под суд, вызвал двух автоматчиков. Написал направление в суд. Пришли два автоматчика.

– Отведите его в деревню Строково, там имеется суд. Сдайте его туда. Если по дороге попытается бежать, расстреляйте на месте! – приказал он и лично выпроводил их из деревни.

– Аксақал, какой Вы безжалостный, – сказал ему Бозжанов.

– Чего ты мелешь! Ты забыл, как он в самую трудную минуту удрал, бросив нас, да еще оставил без пулеметов!.. Уйди, не учи меня!

На следующий день, следуя в штаб дивизии, Баурджан заехал к судебному следователю справиться о деле Краева. Следователь допросил его и все записал на бумаге. Баурджан подписал свое показание.

– Быстрее закончите следствие и в два дня вынесите приговор. Его нужно расстрелять перед батальоном! – сказал ему Баурджан.

– В сколько дней? – переспросил следователь.

– В два дня!

– Вы уж больно скоро...

– А сколько же дней для этого нужно?

– Недели через две.

Этот ответ взорвал Баурджана. Он сгреб со стола свое показание, и все «Дело» на Краева и тут же разорвал в клочья.

– Что Вы делаете? Это хулиганство! Беззаконие! Это неуважение к закону!..

– Ах, твою мать!.. Бумагомаратели! Вы только и знаете, что марать бумагу! – закричал Баурджан и, хлопнув дверью, вышел. Он увидел Краева, глядевшего из окна соседней избы. Лицо Краева было осунувшим и жалостливым.

– Иди сюда! – крикнул ему Баурджан. Краев спрыгнул с окна и подбежал к нему. – Я тебя прощаю! Иди в село Ефрейтово. Будешь командиром второй роты!

Краев не знал, что сказать. Он, как ребенок, не помня себя от радости, побежал к батальону. В штабе батальона Рахимов и Бозжанов встретили Краева с распростертыми объятиями.

Баурджан, прибыв в штаб дивизии, доложил генералу Панфилову о своих делах.

– Добро пожаловать! – радостно встретил его генерал. – Молодец! Три раза хоронили тебя с твоим батальоном, но я надеялся на твой ум, смелость и находчивость, и я не поверил этому. Сейчас я еду к Шехтману. Поедем со мной!

Они сели на коней и прибыли в штаб полка Шехтмана. Встретил их сам Шехтман.

– Кого Вам нужно? – неодобрительно глядя на Баурджана, спросил его Шехтман.

Воспоминания друзей-однополчан

– Я приехал к генералу!

– Товарищ Шехтман! Момыш-улы приехал ко мне и поэтому не обязан просить у вас разрешения. Причем Момыш-улы имеет такие же права, как и Вы! – сказал генерал, раздеваясь. – Проходите, садитесь! – предложил он Баурджану, показывая место около себя. Сам повалился на диван.

– Ну-с, Момыш-улы, продолжайте Ваш рассказ, как Вы вырвались из окружения?

– Длинная история. Всего за пять-десять минут не расскажешь...

– А Вы рассказывайте. Я – командир дивизии и выслушать обязан.

Баурджан подробно рассказал о всех последних событиях. Когда он рассказал о снятии им с должностей Белина и Красненко, Панфилов одобрительно кивнул головой:

– Правильно поступили. Подайте рапорт, утвердим! – сказал он.

Генерал Панфилов с большим вниманием слушал Баурджана. Некоторые сцены он просил повторить, задавал вопросы, а когда слушал рассказ, как Баурджан на собрании командиров кричал: «Я – советское правительство! Я – председатель Президиума Верховного Совета!» и т.д., он хохотал до упаду.

Баурджан окончил свой рассказ. Генерал посмотрел на Шехтмана и сделал ему выговор: «Ты не дрался с врагом, не показал отвагу и смелость. А вот, посмотри на Момыш-улы, он – командир батальона, но выполнил задачу лучше твоего полка, справился лучше тебя. Они боролись, как нужно. Они – молодцы!»

Шехтман, не зная, что ответить, краснел от смущения. Генерал снова обратился к Баурджану:

– Передай всему батальону мое спасибо за их мужество, поздравь их от моего имени и передай мое пожелание им боевых успехов. Сегодня же вышли мне список твоих людей для представления к награде. С тобой поедет мой адъютант. Через него и передашь! Если имеются достойные для представления к званию Героя – напиши и о них. Нужно ценить отвагу смелых. Кстати, твой рассказ очень интересен и поучителен. Напиши его для меня в письменной форме...

– Слушаюсь!

– Сколько дней потребуется на это?

– Три дня!

– Нет, этого мало. Я дам тебе семь дней сроку. Пиши!

Генерал снова повернулся к Шехтману:

– Ты слышал, что говорил Момыш-улы? Почему не возвращаешь его коней и хозяйство? Завтра же верни ему все до нитки! – приказал он.

Шехтман медлил с выполнением этого приказа генерала, и Момыш-улы был вынужден послать Бозжанова и силой отобрать свое имущество.

Баурджан попрощался с генералом и, захватив с собой его адъютанта, возвратился в батальон и сразу же приступил к составлению списка подлежащих к награждению. Он написал 35 блестящих характеристик показавшим мужество и героизм людям своего батальона и представил их к правительственным наградам. Адъютант генерала увез список в штаб дивизии.

6 ноября 1941 года. В этот день дивизия получила подарки от рабочих Турксиба, из Алма-Аты. Генерал сам распределял подарки. На двух пароконных бричках отправил и долю батальона. Баурджан получил яблоки, рис, мясо, сахар, чай, водку и другие продукты. Завтра великий праздник. Был составлен план проведения этого праздника. Он распорядился приготовить ужин на 20 человек и позвал к себе в гости лучших бойцов и командиров батальона.

Панфилов вызвал к телефону Баурджана.

– Поблагодарите всех бойцов батальона за их отвагу и мужество. Передайте это всему батальону. Поздравляю вас всех с великим праздником.

– Спасибо. Поздравляем и Вас...

– Благодарю! Поздравляю и желаю успехов! Знаете, что? Мы Вас представим к ордену Ленина. Поздравляю с наградой.

– Спасибо! Оправдаю Ваше доверие. Прошу этому верить!

Баурджан на славу угостил своих гостей. В разгар веселья вошел дежурный по батальону:

– Товарищ комбат! Немцы начали обстреливать из минометов...

– Сколько мин сбросили?

– Около тридцати.

– В ответ пошлите 90 мин. Это наше праздничное поздравление немцам! – приказал Баурджан.

Четыре миномета выпустили девяносто мин. Немцы не ответили. Кажется, они этим успокоились.

VIII

*На грозного врага бросайся сам.
(Кенжетай)*

15 ноября генерал Панфилов вызвал к себе Баурджана. Генерал хорошо знал цену отважному, исполнительному батальону и его бесстрашному командиру. Вызвав Баурджана, он и в этот раз дал ему трудное, ответственное задание. Генерал сказал ему:

– Создайте оборону в деревне Горюны. Одна рота будет оборонять железную дорогу около станции Матренино. Другая рота, чтобы оборонять шоссе к Волоколамску, будет стоять в Горюнах. Третью роту укрепи на высоте 231,5, ее задача – охранять шоссе и поляну, по которой должны продвигаться немцы. Понятно?

– Понял. Но площадь обороны большая.

– Да. Я сам знаю это, но верю тебе, ты обязан продержаться на этой линии обороны до 20-го числа этого месяца. Понял?

– Понял! – ответил Баурджан и повернулся уходить, но генерал остановил его и внимательно посмотрел на него.

– Я хочу пожертвовать твоим батальоном. Вот вам задание: до 20-го числа ты должен приостановить наступление немцев. Понял? – еще раз повторил генерал.

Воспоминания друзей-однополчан

– Вполне понятно!

– В таком случае, можете идти!

От генерала Баурджан направился в батальон. Он думал о новом приказе. «Да, – говорил он себе, – это ответственное поручение, трудное задание генерала показывает, что он верит мне и моему батальону. Он считается со мной и уважает меня, иначе его выбор пал бы на другого. Он выделил меня и мой батальон... Приказ генерала – приказ народа. Нужно выполнить».

Приказ генерала был ответственным и очень важным. Один батальон должен оборонять площадь в 12 километров! Такую оборону редко выдержит даже полк!

Баурджан созвал командиров рот. Он рассказал им общее положение и сообщил приказ генерала. Объяснил задачу. Первая рота под командованием лейтенанта Филимонова была назначена на станцию Матренино, вторая рота лейтенанта Краева – на высоту 231,5, третья рота лейтенанта Танкова – на оборону Горюнов. Командиры рот, получив задание, разошлись.

Роты приступили к исполнению приказа. Но не было необходимых материалов и орудий труда для создания обороны. Земля глубоко промерзла. Но бойцы, невзирая на трудности и не ропща, маленькими лопатками рыли землю, создавали линии обороны.

16 ноября три группы немецких разведчиков появились с трех флангов батальона. Но батальон обстрелял их и отогнал назад. В тот же день немцы начали бомбить расположение рот. Самолеты сбросили бомбы. Издали обстреливали артиллерией.

17 ноября враг взял под жестокий артиллерийский обстрел станцию Матренино и высоту 231,5. После артиллерийской подготовки вражеская пехота под прикрытием танков начала наступление на этих двух направлениях. Против роты, стоявшей в Матренино, немцы выступили одним батальоном пехоты; против роты на высоте 231,5 выступило около 400 немцев, восемь танков. Пять танков из восьми были укрыты в лесу, а три, подойдя к мосту, остановились. Очевидно, они полагали, что мост заминирован. Бойцы, обороняющие высоту 231,5, лежали молча.

Рота на станции Матренино была жестоко обстреляна артиллерией и танками. Несколько человек были убиты. Раненые отползали назад. Через каждые пять-десять минут Филимонов звонил по телефону Баурджану и докладывал о трудности своего положения.

Баурджан, зная тяжелое положение роты Филимонова, приказал ему оставить Матренино и отступить метров на 500, но отходить в полном порядке, а не бежать. Такое приказание имело большое тактическое значение. Об этом расскажем ниже.

По приказу Баурджана, рота Филимонова оставила Матренино и отошла на 500 метров к лесу. Немцы, увидев отступавших, не ломая свой строй, бойцов, вошли в Матренино. Они рассыпались по домам и, позабыв страх и бдительность, жадно приступили к грабежу.

– Как ваше положение? – спросил по телефону генерал Баурджана.

– Пока неплохо. Деремся как можем! – ответил Баурджан, но об отступлении от Матренино ничего не сказал.

Баурджан вызвал к телефону Филимонова и приказал:

– Раздели роту на три группы по 40 бойцов в каждой и с трех сторон атакуй Матренино и выбей из нее немцев!

Положение второй роты Краева тоже ухудшилось. Вражеская пехота при поддержке танков стала брать верх. Краев по телефону известил об этом Баурджана.

– Бросайся в атаку против атакующих, разожми кольцо. Дерись беспощадно! – кратко приказал Баурджан. Через несколько минут Филимонов и Краев сообщили по телефону:

– Выходим в атаку!

Первая рота Филимонова, разбившись на три группы, с криком «ура!» с трех сторон бросилась на Матренино. Не ожидавшие этого и занятые грабежом населения, немцы побежали, оставив станцию. Наши бойцы начали преследовать их. Как хорошо гнаться за убегающим в панике, на бегу бросающим оружие врагом! Командир немецкого батальона бежал, бросив свой штаб.

Один немецкий офицер побежал по полотну железной дороги. Его догнал боец Курбатов и схватил за ворот. Оба, не употребляя оружие, мерялись силами. Немецкий офицер был рослый и, как бык, тучный, а Курбатов – небольшого роста и щуплый. Оба дерутся. Немецкий офицер бьет Курбатова по лицу и, вдруг повалив его наземь, зажал под себя. Но Курбатов отчаянно сопротивлялся: он кусал офицера и царапал его глаза. Так они, схватившись, свалились с железнодорожной насыпи, и во время этой свалки Курбатову удалось поджать под себя немецкого офицера. Он несколько раз кулаком наотмашь ударил по лицу офицера. Из носа последнего брызнула кровь, он потерял память. Курбатов, воспользовавшись этим, проколол немца штыком и убил.

Курбатов направился дальше и по пути встретил одного легко раненного красноармейца. Раненый нарочито застонал и заплакал...

– Куда прешь? Чуть царапнуло и уже бежишь. Как тебе не стыдно! Идем со мной, иди вперед! – вдруг скомандовал ему Курбатов и повел его с собой и присоединился к бойцам первой линии.

Рота Филимонова, выгнав немцев из Матренино, преследовала их километра полтора и остановилась. В этом бою она уничтожила до 300 немецких солдат и офицеров.

Генерал каждые полчаса звонил по телефону Баурджану и справлялся о положении батальона. На вопрос генерала:

– Как обстановка?

– Тяжело, – ответил Баурджан, – оставили Матренино. Немцы жмут, но мы отстреливаемся!

Такое положение в батальоне было полчаса тому назад. Потом ситуация улучшилась, но Баурджан об этом ему не сказал, а сообщил о уже минувших делах.

После этого генерал забеспокоился и стал звонить через каждые пять-десять минут.

Воспоминания друзей-однополчан

– Телефонная связь с ротами прервалась. Скоро восстановим и тогда доложу подробно, – сказал ему Баурджан. Через некоторое время генерал снова по телефону справился о положении батальона. На этот раз Баурджану пришлось сказать правду. Он доложил, как по тактическим соображениям покинул Матренино, а потом прогнал оттуда немцев, и как немцы понесли большой урон. Генерал остался очень доволен этим и несколько раз поблагодарил.

Вторую роту Краева жали вражья пехота и танки. Бойцы лежали и молча отстреливались. Но когда Баурджан дал распоряжение внезапно броситься в контратаку на атакующих немцев, рота Краева неожиданно поднялась и с криком «ура!» бросилась на немцев. Немцы побежали назад. Наши бойцы уничтожили около 150 немецких солдат и офицеров, четыре станковых пулемета, одну пушку, один трактор и три вражеских танка.

Первая рота Филимонова захватила штаб немецкого батальона, легковую машину, все штабные документы, две радиостанции, три станковых пулемета и еще много оружия и боеприпасов. В этом бою Бозжанов лично вел один взвод в атаку и показал геройство.

Все захваченные трофеи, пленных солдат и одного офицера Баурджан немедленно отправил в штаб дивизии. Увидев их, генерал вызвал Баурджана к телефону и сказал:

– Объявляю всем вам мою благодарность за вашу работу. Бейте немцев беспощадно!

Как выяснилось впоследствии, убитый Курбатовым немецкий офицер был командиром атакующей станции Матренино батальона. Его штаб был захвачен целиком. В штабной машине был обнаружен чемодан убитого Курбатовым командира немецкого батальона. Там между всякими награбленными вещами были нижнее дамское белье, детская обувь и прочее. Это еще раз продемонстрировало бандитскую сущность немецкого офицера.

Таково было положение батальона, которым командовал Баурджан. Вот в такой момент к командному пункту Баурджана подъехал во главе отряда в 20 бойцов Сламкулов Мухаметкул. Он был заместителем командира 2-го батальона.

– Ты как попал сюда? – спросил Баурджан.

– Ой-бай, Бауке-ай! Разве теперь можно удивляться такому случаю? Наш командный пункт был окружен немцами. Куда делся мой комбат Бехов – не знаю... Наши побежали назад. Тогда я собрал вокруг себя около 20 бойцов, адъютанта Огулова и бросился в контратаку. Начали бить их из пулемета, и немцы побежали назад. Так мы вышли из окружения. Трудно сказать, где сейчас наш батальон, так что пришли к тебе...

Немцы в который раз начали давить на батальон Баурджана. Бой снова усилился. В этом бою рота Филимонова отличилась еще раз. Она захватила много трофеев, взяла в плен немецких солдат и одного офицера. Овладела четырьмя мешками разных документов. Все эти трофеи, пленных и документы Баурджан отправил в штаб дивизии.

– Все присланное Вами получили. Большое спасибо за ваши труды, – по телефону поблагодарил генерал.

Немцы несколько раз бросались в атаку, но батальон опять и опять отбивал их с большим уроном для немцев. Убедившись в бесполезности атак, немцы начали бить из артиллерии, но от этого батальон ничуть не пострадал.

Зашло солнце. Стало темнеть. Баурджан только сел ужинать, как к нему вошли командир 1075-го полка полковник Капров и командир своего полка майор Елин. Оба выглядели утомленными, на лицах была усталость и недосыпание. Их полки целый день провели в боях и, не выдержав натиска врага, были вынуждены отступить. Оказалось, что оба командира полков точно не знают, где находятся их штабы и куда отступили их полки. Баурджан подал им кушать. В это время генерал вызвал Баурджана к телефону и стал расспрашивать о его ситуации. Баурджан рассказал.

– Вы задержите всех бойцов и командиров, которые придут к Вам, и никуда их не отпускайте. Они будут в Вашем подчинении, – сказал генерал. При этом разговоре присутствовал Бозжанов, и он хорошо слышал это приказание генерала. Но Баурджан постеснялся прямо сообщить об этом распоряжении генерала старшим командирам.

– Товарищ полковник! – обратился он к Капрову. – Сюда начинают стекаться люди из разных частей. Вы среди нас старше всех чином, так что берите командование над всеми нами.

Бозжанов, услышав это, вскочил с места и сказал:

– Аксакал, командуйте сами. Никому не давайте нас!

Это заявление Бозжанова, как кнутом, хлестнуло по самолюбию Баурджана, и он объявил:

– Согласно приказанию генерала, я назначен командиром этой группы, и вы переходите в мое подчинение...

Майору Елину это не понравилось, но он промолчал, а Капров повторил несколько раз «хорошо, хорошо» и этим ограничился. Баурджан дал необходимые распоряжения.

– Вы примите меры и разыщите ваши штабы и полки, – сказал он Капрову и Елину. В ту же ночь генерал вызвал к себе обоих командиров полков.

На следующее утро немцы возобновили наступление, но все их попытки были отбиты батальоном.

Баурджан по телефону сообщил генералу о затруднении с продовольствием.

– По дороге задерживайте все машины с продовольствием и заберите все себе. Распоряжайтесь от моего имени! – сказал генерал.

Согласно этому распоряжению генерала, Баурджан стал задерживать проезжающие по дороге машины и отбирать для батальона продовольствие. В одной машине ехал начальник снабжения дивизии и не захотел подчиниться приказу Баурджана...

– Вот Вам телефон, сами поговорите с генералом, но я не могу пропустить машину с продовольствием. Мне нужны продукты! – заявил Баурджан.

Воспоминания друзей-однополчан

Услышав это, начальник снабжения ничего не сказал и подчинился.

В этот же день пришел к Баурджану чернобородый капитан.

– Я командир минометного дивизиона, – представился он. – Что прикажете?

Баурджан обрадовался его приходу и дал ему свои заявки. По скоплениям врага стали колошматить «катюши». Это была работа чернобородого капитана.

Уже вечерело. Полки, расположившиеся по соседству с батальоном Баурджана, не отступали, но и Баурджан не думал трогаться со своего места. Вечером из штаба дивизии ему привезли пакет. Там было написано: «Мы все очень довольны Вашими действиями, желаем успеха!»

19 ноября 1941 года. На правом фланге батальона Баурджана усиливается стрельба, но об этом Баурджан еще не знает. Нет связи и со штабом дивизии. В такой обстановке кажется, все соседние части уже отступили. Баурджан хоть и догадывался об этом, но считал для себя невозможным отступить без приказа штаба дивизии и продолжал отстреливаться. В 11 часов дня несколько вражеских танков подошли к шоссе. Один танк вплотную приблизился к командному пункту Баурджана. Немецкий танкист вышел из своего танка и кричит: «Рус, здавайсь!» Увидев это, Баурджан закричал ему в ответ: «На тебе, «рус, здавайсь!» – и выстрелил в него. Немецкий танкист перевернулся и упал навзничь.

Шоссейная дорога, проходящая по селу, пересекает и железную дорогу на восточной окраине села. Еще за несколько часов до этого Баурджан перенес свой командный пункт из деревни в будку, стоявшую на месте пересечения этих дорог. По мнению Баурджана, немцам нужны и шоссейная дорога, и железнодорожный путь. За них немцы будут драться. Если так, нужно встретить их именно здесь и дать бой. Поэтому он стянул вторую и третью роты сюда поближе и тут же установил две пушки. А первая рота осталась на прежнем месте, и от нее не было никаких вестей. Но со стороны первой роты идут немцы. Судя по этому, она осталась в окружении.

С тыла нового командного пункта Баурджана вдруг появилась группа немцев. Это резко ухудшило ситуацию. Завязалась ожесточенная перестрелка. Этот бой продолжался шесть часов непрерывно. За эти шесть часов враг продвинулся только на двести шагов. В бою отличились Бозжанов и пулеметчик Блоха. Они засели за пулемет и беспощадно истребляли появляющихся на улице и на дороге немцев.

Вечерело. Продолжавшаяся несколько часов подряд ожесточенная стрельба чуть утихомирилась. Оценив создавшуюся обстановку и сделав соответствующие выводы, Баурджан созвал свои две роты и осмотрел их. В ротах были и раненые, и убитые. От первой роты никаких вестей. Она осталась в окружении. Баурджан выделил несколько смелых молодцов и, назначив Бозжанова командиром этой группы, приказал им найти первую роту и привести сюда. Группа Бозжанова, идя по густому лесу, добралась до места стоянки первой роты, но ее там не застала. Бойцы пошли по ее следам и обнаружили роту в чаще густого леса. Бозжанов привел их в батальон.

Около десяти часов дня Баурджан вывел батальон с занимаемой линии обороны и повел по бережку какой-то речки. По дороге шли немецкие части, автомашины и танки. Батальон долго стоял, выжидая удобного случая. Вот показалась легковая машина.

Баурджан заметил, что пехота следует на довольно отдаленном расстоянии от машины, и решил уничтожить эту машину. Он укрыл у самой дороги несколько бойцов. Когда машина поравнялась с ними, они забросали ее гранатами и уничтожили. В машине сидели три немецких офицера, и все они были убиты. Забрав все документы, Баурджан провел батальон через дорогу. Они перенесли свои две пушки на руках. Впоследствии выяснилась, что один из убитых был офицером связи немецкого корпуса. У него были обнаружены очень ценные документы: карты, сведения о численности войск, номера полков и дивизий, фамилии их командиров и другие данные.

Остановились в гуще леса. Рахимов, взяв с собой пару бойцов, пошел по направлению деревни Покровка, на разведку. Крутом шныряли немцы. Батальон снова оторвался от частей Красной Армии. По следам батальона, в погоню за ним, в лес ворвалась одна немецкая бронемашина и около двадцати автоматчиков. Бойцы батальона отчего-то испугались и побежали. Баурджан не тронулся со своего места и остался стоять.

Бозжанов и Толстунов (заместитель полкового комиссара, инструктор по агитации и пропаганде), заметив оставшегося Баурджана, закричали бежавшим бойцам:

– Комбат остался один, куда побежали? Назад!

Услышав этот призыв, батальон повернул обратно и побежал к Баурджану. Тут же встретили бронемашину и немецких автоматчиков ружейным огнем. Бронемашина была разгромлена, из 20 автоматчиков 12 были убиты, остальные побежали назад.

Баурджан стоял молча. Он был в негодовании, что батальон, оставив его, своего командира, одного, посмел бежать. От Рахимова не было вестей. Что делать?

Они двинулись по густому лесу на восток, но никто из них не знает, как держаться правильного направления по бездорожью в лесу. Поэтому Баурджан вел их по компасу. Пройдя несколько километров, они вышли на поляну. Осмотрелись: слева от них горела деревня Гусеново.

Батальон остановился на опушке леса. Баурджан послал двух-трех бойцов на розыски Рахимова и двух бойцов в Гусеново узнать, кто там находится. Крутом расставил боевую охрану.

Разведчики, возвратившись через некоторое время, доложили:

– Товарищ комбат, Гусеново подожжено немцами.

Услышав это, Баурджан повел батальон вперед. К вечеру они подошли к шоссе. По ней непрерывно двигались немецкие части: артиллерия, танки, автомашины. Они шли на Москву... Проскочить между ними было невысказано. Батальон Баурджана смотрел на это парадное шествие врага...

Когда стемнело, по шоссе пошла, громко разговаривая, одна рота немцев. В 400-500 метрах позади их следовали танки.

«Как-нибудь нужно вклиниться между ними и следовать по шоссе», – решил Баурджан и бесшумно повел свой батальон за немецкой ротой. Между ними было не более 75-100 метров. Так они прошли четыре – пять километров. Немцы остановились на отдых. Баурджан, воспользовавшись этим, свернул батальон влево от дороги, к лесу. Немцы заметили и выпустили ракету, осветили всю окрестность, пустили в погоню разведчиков. Они по-русски стали кричать:

Воспоминания друзей-однополчан

– Товарищи, куда идете? Возвращайтесь назад!

Но батальон ответил им ружейным огнем и ушел вперед.

На следующее утро батальон Баурджана вышел из окружения. Впереди них показалось село. Приблизившись к нему, Баурджан укрыл батальон в лесу и сам с двумя-тремя бойцами пошел в село. К этому времени их догнала и группа Рахимова.

В селе Баурджан обнаружил штаб дивизии. Встреча была радостной. Начальник штаба дивизии полковник Серебряков сообщил Баурджану, что их дивизия указом Верховного Главнокомандующего переименована в 8-ую гвардейскую дивизию и награждена орденом Красного Знамени, и поздравил его. Потом он сообщил о героической гибели генерал-майора Панфилова. Новый командир дивизии, поговорив с Баурджаном, приказал ему «соединиться со своим полком».

Баурджан возвратился к своему батальону, стоявшему на опушке леса, и, выстроив его, выступил с пламенной речью. Он сообщил им о переименовании дивизии в гвардейскую, о ее награждении, хвалил героизм и мужество генерала Панфилова и бойцов своего батальона. В этот день Рахимову и Филимонову были присвоены звания старшего лейтенанта. Баурджан поздравил их.

Перед выстроившимся батальоном товарищ Филимонов от имени бойцов первой роты поднес Баурджану немецкий пистолет, а бойцы третьей роты подарили бинокль. Баурджан поблагодарил их за оказанную честь. Раненых отправили в медсанбат. Батальон согласно приказу командира дивизии отправился на соединение со своим полком.

Батальон шагал по дороге. Во главе его шел командир Баурджан Момыш-улы...

IX

25 ноября 1941 года. В этот день батальон Баурджана соединился со своим полком. По предложению Баурджана Бозжанов был освобожден от должности политрука и назначен заместителем командира батальона. Это повышение из политруков в заместители командира батальона, на строевую командную должность, тогда было первым случаем в дивизии.

Второй батальон полка создал укрепление в селе Лопатово у Истры. Батальон Баурджана расположился на западе этого села. В это время в батальоне имелось не более 250 бойцов. Второй батальон, не выдержав натиска немцев, был вынужден оставить Лопатово и отступил. Враг намеревался окружить батальон Баурджана, который заранее предугадал намерение противника и предпринял все возможные необходимые меры.

Противник занял село Лопатово. Баурджан составил план атаки села с юго-западной стороны, с тыла. Взяв с собой несколько бойцов и две пушки, он приблизился к селу. Ночь. Не видно ни зги. Баурджан дал команду и из двух пушек начал обстрел села. Артиллеристы палили зажигательными снарядами. Это имело целью нагнать на немцев панику и ночью выгнать их в поле. Когда артиллеристы выбросили около 400 снарядов, Баурджан дал команду минометчикам и пулеметчикам: они засыпали село минами и накрыли пулеметным огнем.

Но сколько бы их ни обстреливали, даже когда с разных сторон загорелись дома, немцы не подавали признаков жизни, молчали, не пускали даже ракет. В том, что в селе находились немцы, не было сомнений. Баурджан снова начал обстреливать село из пушек и минометов, а потом отошел на место расположения своего батальона. Сразу же по возвращении к себе он вызвал своих разведчиков:

– Вы дали мне ложные сведения, что в этом селе находятся немцы. Поверив вашему донесению, мы обстреляли деревню. Но там немцев нет. В селе было несколько жителей, и их мы убили ни за что... – с упреком сказал им Баурджан. Он снова направил тех же разведчиков в село Лопатово. В это время немцы стали обстреливать из пушек и минометов то место, откуда обстрелял их Баурджан, и откуда он только что возвратился.

В эту ночь командир дивизии вызвал к себе Баурджана и объявил ему о его назначении командиром полка.

* * *

(Майор Елин, как не справившийся в тяжелых военных условиях с должностью командира полка, был снят комдивом, и на его место командиром полка временно был назначен Баурджан Момыш-улы). В тот же день Баурджан принял командование полком, в состав которого входил и его батальон. Ночью, возвращаясь из штаба дивизии к себе в батальон, он встретил посланных в Лопатово своих разведчиков.

– Наш ночной концерт прошел с большим успехом, – заявили ему разведчики. – Более ста немцев уничтожено. Вот, захватили оружие и документы.

Штаб полка находился в селе Соколово.

Баурджан был назначен в очень тяжелый и ответственный момент. Сколько имеется в наличии людей в полку, кто командиры, каковы они в деле, кто чем отличается и на что способен – всего этого Баурджан не знал. Шли жаркие бои.

Баурджан обратил особое внимание на оборону села Соколово. Он считал необходимым нанести здесь немцам сокрушительный удар.

В этот день (26 ноября) в полк прибыло новое пополнение из 400 человек: все они были распределены по ротам. Роты полка стали воздвигать оборонительные укрепления у села Соколово. Некоторые не знали о назначении Баурджана командиром полка и не хотели признать. Он шел по улице. Навстречу ему попался какой-то лейтенант. Баурджан, остановив его, приказал:

– Возьми этих ребят и сооружай вон там оборону!

Лейтенант, ничего не говоря, продолжал отступать со своим подразделением назад. Баурджана это взорвало. Он выхватил свой наган и закричал на него, сказав, что он командир полка. Лейтенант молча подчинился, пошел на указанное место устраивать оборону.

Спешно, в беспорядке отступающие люди. Немцы взяли под артиллерийский огонь Соколово. Кто, откуда, куда идет – непонятно. Много потерь. Вновь прибывшие, но еще не побывавшие в боях бойцы, трусят.

Воспоминания друзей-однополчан

Баурджан, видя все это, принял самые жесткие меры и добился-таки организации работы по созданию обороны вокруг Соколово. Когда работы вошли в кое-какое русло, он возвратился в свой штаб. По дороге он захватил из взвода связи своего батальона шесть бойцов и послал их в тыл.

– Вы – заградотряд. Всех отступающих, кто бы он ни был, силой оружия гоните назад!

В штабе Баурджан никого не нашел. Все разбежались от страха. Только в 12 часов ночи появились сотрудники штаба. Баурджан поставил их в строй и дал строгий нагоняй.

В этот день Баурджан вызвал из 2-го батальона Сламкулова.

– Тебя назначаю командиром первого батальона! Иди и принимай батальон...

Сламкулов удивлен. Он не понимает Баурджана. «Шутит или всерьез?» – думает он.

– А ты куда? – спросил некоторое время спустя Сламкулов.

Баурджан рассказал о сложившемся положении и о своем новом назначении.

– Хорошо! Твой батальон был знаменит боевой отвагой. Ты доверяешь мне командование им. Я готов оправдать твое доверие! – ответил Сламкулов.

Два друга обменялись крепким рукопожатием.

Баурджан задумал против врага провокацию. Для этого нужно несколько пулеметов и минометов установить в лесу. С этого места надо выпустить по направлению врага красные и зеленые ракеты, а пулеметы и минометы должны накрыть противника огнем. Так обстреляв один участок врага, а потом, быстро перебежав на другое место, повторял тот же самый маневр. Немцы отвечали, обстреливая уже оставленное ими место. Бой, навязанный Баурджаном по такому методу, продолжался несколько часов и держал немцев под постоянной угрозой.

На второй день утром немцы предприняли против полка Баурджана разведку боем. Всякий раз немецких разведчиков поддерживали танки и артиллерия. Они ощупывали мощь полка. Такие вылазки немцев продолжались четыре дня подряд. Но всякий раз, встречая жестокий отпор, они откатывались назад без всякого результата.

Через четыре дня немцы послали против полка и в село Соколово тридцать самолетов, которые в пять заходов бомбили Соколово. После этого немцы двумя полками пехоты при поддержке 28 танков начали операцию по окружению Соколово. Штаб полка все еще находился в селе. Сламкулов, увидев трудное положение, в котором очутился штаб полка, взял с собой 15 бойцов и вывел штаб из окружения. В этой операции он показал пример героизма.

Полк стал отступать. Отход прикрывался одним станковым пулеметом Бозжанова; он шел позади полка и обстреливал преследующих врагов, не допуская их на близкое расстояние.

Полк отступал по направлению совхоза Дедешово. Строй был сломан. Люди шли как попало, беспорядочно. Некоторые командиры воспринимали приказания Баурджана презрительно и с усмешкой. Положение усугублялось и тем, что командиры и политруки не только не старались восстановить порядок и дисциплину в своих подразделениях, а наоборот, сами создавали и усиливали беспорядок. Командир

Бычков, политрук Ютишев бросили своих раненых. Их подобрали наши же части, следующие позади их. Все это нервировало Баурджана. Остановившись на какой-то поляне в лесу, Баурджан собрал всех командиров, выстроил полк и выступил с требованием восстановить порядок и дисциплину, жестко распинал дезорганизаторов и отдельных командиров, требуя от них руководства своими подразделениями. Тут же он приговорил к расстрелу Бычкова и Ютишева. «Командир, оставляющий врагу своих раненых, – наш враг, он клятвоотступник и совершает измену. Кто вызволяет раненного товарища – тому слава!» – сказал Баурджан.

* * *

Станция Крюково расположена вблизи Москвы и находится в руках немцев. Панфиловцы начали создавать оборону невдалеке. Пропустить немцев дальше, на Москву, нельзя. Никто не имеет на это право. Нужно здесь или умереть, или, разгромив врага, заставить его отступить.

Прибыв в окрестности Крюкова, командир дивизии вызвал к себе Баурджана и спросил, где его полк.

– Возле Крюкова, заняли оборону, – ответил Баурджан. В действительности же там находился лишь первый батальон Сламкулова, остальные были далеко от Крюкова, они отступали. Баурджан знал об этом.

Возвратившись от командира дивизии, Баурджан вызвал к себе своего помощника по хозяйственной части Кравчука, врача Грипичкина и других и приказал им:

– До шести часов утра следующего дня чтобы были доставлены бойцам передовой линии все необходимые боеприпасы, теплая одежда, хорошее питание и водка.

Распределил задачи каждого. Сам Баурджан был ранен. Он ходил с перевязкой. Предложение врачей ехать в тыл на лечение игнорировал и оставался на своем посту. Он сидит на кровати. Возле него телефон. Видит все собственными глазами, но у него нет мочи встать, и он вынужден распорядиться только по телефону.

Баурджан у командиров второго и третьего батальонов Бехова и Жукова спросил об обстановке.

– Ой, плохо. Находимся в самом отчаянном положении. Дальше не можем держаться. Потерь много, – расплакались оба.

– Если так, – ответил им Баурджан, – оба оставьте вместо себя заместителей и немедленно приезжайте ко мне!

Вскоре они явились. Баурджан встретил их гневно и с упреком: «Оба заберите ваши батальоны и присоединитесь к батальону Сламкулова. Жуков, ты пойдешь рядовым. Бехов, ты – отделенным командиром. Идите!»

Этот свой приказ он по телефону передал Сламкулову при них же. Бехов и Жуков, ничего не говоря, вышли и, явившись к Сламкулову, стали его подстрекать: «Ты в хороших отношениях с Момыш-улы, скажи ему, ради бога, ведь мы бессильны отражать эти удары немцев. Не нужно зря губить людей, пусть разрешит отступить!» Их поддержал и секретарь бюро комсомола полка Белов (Белов был заодно с ними).

Воспоминания друзей-однополчан

К этому времени в батальоне Сламкулова имелось около 45 бойцов. Зная серьезность положения, Сламкулов поддавался увещеваниям Бехова, Жукова и Белова и стал докладывать о безвыходности положения Баурджану. Тот выслушал его внимательно и до конца.

– Эй, Мухаметкул! – воскликнул он затем. – Ты слышал нашу казахскую поговорку: «Мужчину убивает честь, а зайца камыш»?

– Конечно, слышал.

– Ну, так вот тебе мой приказ: нечего меня агитировать и жаловаться на обстановку. Как хочешь, так и поступай.

– Ой, Баукеш, милый! Не двинусь с места. Выполню твой приказ! – ответил Мухаметкул.

Белов, Жуков и Бехов, увидев такое положение, снова захныкали. Они стали звонить по телефону комиссару полка: «Сламкулов портит дело. Его нужно снять с должности», – жаловались они.

Тем временем бойцы батальона получили боеприпасы, теплую одежду, горячую сытную пищу. Они начали готовиться к атаке.

Сламкулов взял трубку и попросил Баурджана к телефону.

– Баукеш, выхожу в атаку. Дам я им жару. Или их уничтожу, или сам погибну. Значит ты даешь мне право поступать так, как я посчитаю правильным? Да? Ты все поручил моей совести, моему долгу? Ты доверил мне, да? – говорил он. Баурджан отвечает ему только утвердительно. В это время к телефону Сламкулова подошли Бозжанов и Краев.

– Мы выполним приказ Мухаметкула. Если погибнем – умрем, уничтожая врага! – прокричал Бозжанов.

– Выполним приказ комбата, никогда не подведем первый батальон! – сказал Краев.

Под вечер батальон пошел в атаку и захватил кирпичный завод на станции Крюково. Немцы побежали. Об этом Сламкулов сообщил Баурджану по телефону:

– Баукеш, твой приказ выполнен. Выбили проклятых немцев. Гоним их к чертям на кулички...

Когда зашло солнце, Сламкулов явился в штаб полка. Его вызвал комиссар полка. Мухаметкул, едва войдя, начал говорить:

– В чем я виноват? Чем провинился? Приказали пойти в атаку – я пошел. Я не только отразил атаки немцев, но и выгнал их из Крюково. Завтра еще буду гнать... – тут он увидел стоявшего в углу Белова и закричал: – А вот стоит трус... Я люблю людей смелых, мужественных. Признаю таких людей и приветствую их. А других я не признаю. Вот Краев и Бозжанов – молодцы! Настоящие батыры! Они не знают страха, трусости. И их бойцы тоже такие же смелые. При смелом командире бойцы не чувствуют страха и не боятся смерти. Они не бегут от врага, а враг бежит от них. Я знаю, Бозжанов и Краев не знают страха. Вот это командиры! Если командир герой – бойцы следуют за ним. Что вы хотите сказать мне? Если снимете меня с должности, я обижаться не стану. Буду драться простым солдатом...

Комиссар полка хотел пожуричь Мухаметкула – для этого и вызвал его – но передумал и ничего не сказал. Мухаметкул продолжал кричать. Раненный Баурджан наблюдал за этой сценой со своей постели. Наконец, не вытерпел:

– Эй, Мукан, оставь! Не дури!

– О, Баукеш! И ты со мной так говоришь?! Где же правда, справедливость, честность?.. Скажи, скажи мне в глаза!

– Ну, оставь! Ложись и отдохни. – Баурджан уложил Мухаметкула в постель и приказал ему отдохнуть до утра. Рано на заре Мухаметкул проснулся и ушел в свой батальон. Наутро начался известный, исторический штурм станции Крюково. Мухаметкул повел в атаку все три батальона, он практически командовал всем полком. Крюково было взято, враг побежал. В ожесточенном бою за Крюково героической смертью погибли товарищи Краев и Бозжанов. Это произошло так.

Бозжанов во главе взвода бойцов стал атаковать группу немцев, укрепившихся в одном кирпичном здании. Немцы встретили их ожесточенным огнем. Бозжанов, несмотря на это, продолжал идти вперед. До дома осталось немного. Бозжанов бросил в окно дома противотанковую гранату. Часть немцев побежала, а часть была убита. В это время немцы начали обстреливать это место из артиллерии. Один снаряд разорвался рядом с Бозжановым. Он погиб мужественной смертью героя. Враг побежал от Крюково. Красная Армия гнала его следом. За эту операцию Баурджан представил многих бойцов к наградам. По приказу Верховного Главнокомандующего Сламкулов, Бозжанов и Краев были награждены орденом Красного Знамени.

Панфиловцы гнали немцев от Крюково до города Истры. Здесь их сменили другие части Красной Армии. Панфиловцы вышли на отдых. Это было 15-го декабря 1941 года.

Баурджан ушел в медсанбат лечить рану. Сламкулов во главе батальона стал на отдых.

Баурджан пробыл в медсанбате не более двух-трех дней и приказом командования дивизии был назначен помощником командира полка. Он был в своем полку только его временным командиром.

* * *

В двадцатых числах декабря в дивизию прибыла делегация из Алма-Аты, доставившая большое количество подарков. Самое главное, они привезли в дивизию новых людей: они еще не были распределены по подразделениям. Делегаты ходили по полкам в гости и проводили беседы с бойцами, командирами и политруками.

В это же время около Москвы выгрузилась новая дивизия, сформированная в Алма-Ате же. Эта братская дивизия пригласила панфиловцев к себе в гости. 22 представителя панфиловцев собрались ехать. Среди них были Кенжетай и Баурджан Момыш-улы. Баурджану было поручено выступить в Москве по радио Коминтерна с обращением к казахскому народу.

Гости прибыли в Москву 31-го декабря, после полудня. В тот же день, в пять часов вечера, Баурджан собрался выступить по радио и оставил Кенжетая при себе. Остальные делегаты поехали в дивизию. Адрес дивизии Баурджан запомнил.

Воспоминания друзей-однополчан

Баурджан и Кенжетай шли по одному из больших проспектов Москвы.

– Чем идти пешком, не лучше ли сесть в один из этих трамваев? – предложил Кенжетай.

– Еще только четыре, а идти уже не так далеко. Поглядим на Москву. Немцы не раз бомбили ее и хвастались этим. Давай, своими глазами посмотрим на их бахвальство, – ответил Баурджан.

Они шли, оглядываясь по сторонам. Громадные, многоэтажные дома стояли по-прежнему на своих местах, без единого повреждения. Никаких следов разрушений нигде не было видно.

– Бауке, как вы будете выступать? Будете говорить или читать по писанному? – спросил Кенжетай.

– Свое выступление я записал, но чтобы прочесть – надо быть специалистом, привыкшим к радиовыступлениям. По-моему, не каждый человек сумеет это сделать. Но говорить куда проще, чем читать по писанному. Это и для слушателя создает хорошее впечатление. Кажется, так будет правильно...

Они получили пропуск и вошли в радиостанцию. Там уже ожидают Баурджана.

– Ты побудь в этой комнате и послушай, как я буду говорить, – сказав так Кенжетая, Баурджан скрылся.

В комнате, где остался Кенжетай, стояла какая-то аппаратура и еще что-то, похожее на рояль. За ним сидел молодой человек. Перед ним – огромное окно. Через него видны выступающие по радио и дикторы.

Кенжетай глядел через окно на Баурджана. Баурджан взял в руки свою запись и подошел к микрофону.

– Внимание, говорит Москва. Слово предоставляется отважному сыну казахского народа Баурджану Момыш-улы. У микрофона Момыш-улы, – сказал диктор.

Баурджан говорил по-казахски. В своей речи он говорил о мужестве, о героизме, приводил цитаты из «Песни батыров», пословицы и поговорки, афоризмы казахского народа, читал отрывки из стихотворений Абая, Махамбета и Джамбула. Он рассказал о мужественной борьбе и героических подвигах казахской молодежи на фронте, в боях с немецкими захватчиками. Заканчивая выступление он сказал:

– Родная страна, мой народ, отец и мать, братья и сестры, любимая подруга, друзья и товарищи! Мы клянемся нашей совестью и честью, кровью, героическими делами оправдать славное имя нашего народа! В этом заверяю вас...

Эти пламенные слова и клятву Баурджана слушали миллионы людей его народа и одним из них был Кенжетай.

«Бауке сказал правильно. Сказал то, что у всех у нас на сердце. Это большая задача», – думал он.

Они вышли из здания радиостанции и направились в деревню Н. в дивизию. Хотя Баурджан и не спросил, как он выступал, Кенжетай не выдержал и восхищенно сказал:

– Очень хорошо говорили, прямо замечательно. Вас слушала вся наша страна, весь народ. Сейчас у нас на родине около девяти часов вечера. Народ, стосковавшийся по Вашему голосу, благодарен Вам...

Когда они прибыли на командный пункт дивизии, панфиловцы собирались сесть ужинать. На другой день они посетили полки, рассказывали бойцам о боях и о своем боевом опыте, призывали их драться, как панфиловцы. Второго января вечером представители панфиловцев расходились по своим частям.

Третьего января штаб полка переехал из деревни Нахабино в деревню Ново-Никольское. Вместе со штабом туда же прибыли и автоматчики. Для них были выделены четыре избы. Их оборудовали как нужно и стали готовиться к встрече пополнения.

Защитники Москвы

ИЗ ДНЕВНИКА КЕНЖЕТАЯ

Пятое января 1942 года.

Получив вызов явиться, я отправился к комиссару полка товарищу Мухамедьярову, но не застал его дома.

– Ну, ну, иди сюда, добро пожаловать! – крикнул кто-то. Оглянувшись на голос, увидел заместителя командира полка Баурджана Момыш-улы.

Я сказал ему о цели моего прихода.

– Садись, подожди. Мадьяр сейчас придет! – сказал он. (Ахмеджана Мухамедьярова мы все звали Мадьяром).

– Ты не слишком увлекайся отдыхом и не очень переутомляй себя! – сказал Баурджан.

– Что это значит?

– Я имею в виду твоего плешивого. Если его не подковать, как бы он не проснулся и не осрамил тебя. Смотри, мальчик, в оба...

Кенжетай понял намек Баурджана и улыбнулся.

– Э, Бауке, Вы начинаете говорить образно...

– Что ты болтаешь? Образ разве не есть общее достояние всех людей? Где сказано, чтобы им пользовались одни литераторы?..

Кенжетай смутился.

– Это, конечно, правильно. Кажется, плешивый превратился в то... Так что лежит беспечно, – сказал он, улыбаясь.

Вскоре вернулся и Мадьяр. Кенжетай вскочил с места и отрапортовал:

– Товарищ комиссар, явился по вашему вызову.

Воспоминания друзей-однополчан

– Хорошо. Вот зачем я позвал тебя: завтра к нам прибывают новые ребята. Для их распределения создали комиссию. Баурджан – председатель, члены – ты и еще несколько товарищей. Ты не забудь посмотреть подходящих в автоматчики людей, – сказал Мадьяр.

– Понятно. Разрешите идти!

– Ты что, спешишь, есть дело?

– Нет.

– Тогда садись. Сейчас пообедаем.

В этот день Капров был в отъезде, он поехал в штаб дивизии. Поэтому его возвращения не стали ждать, решили обедать без него. Кстати, нужно сказать, что руководство полка было между собой очень дружным, друг друга хорошо понимающим, крепко спаянным коллективом. Если Мадьяр отсутствовал, Капров и другие без него не садились обедать, дожидались его возвращения. Если отсутствовал Капров, другие делали то же самое. Эта традиция говорила о многом и была замечательным примером для многих. Капров, уезжая, предупредил, что сегодня запоздает и чтобы не ждали его к обеду.

– Казахстан – молодец! Прислал много подарков, – сказал Мадьяр. – А самое главное – хороших ребят. Я сегодня встречался с ними около дивизии и остался очень довольным. В будущих боях покажут себя с лучшей стороны и не осрамят наш Казахстан. Но лучше скорее втянуть их в свою работу и учить...

Покончив с обедом, закурили.

– Ну, как, Соловьев нравится?

– Да, еще как нравится! Хороший, работоспособный, инициативный. Кажется, вкладывает всю душу в свою работу. И в боях, думаю, не подкачает, – ответил Кенжетай.

– Он – хороший человек. Мы представили его к награде. Старайтесь понимать друг друга, ребята, и рота станет образцовой. Если командир дельный и отважный – бойцы берут с него пример. Кстати, Баурджан, ты слышал, как Кенжетай поругался со своим старым командиром? – спросил Мадьяр.

– Слышал. Мамонов рассказывал, и мы хохотали до упаду. Кенжетай поступил правильно, – ответил Баурджан.

Кенжетай, посидев еще немного, попросил разрешения возвратиться домой. Обо всем, что услышал у Мухамедьярова, он рассказал Соловьеву.

– Завтра я буду работать в комиссии. Ты заглядывай ко мне почаще, а Гадько пусть находится при мне. Отбери себе ребят получше, хорошо?

Шестого января комиссия по распределению вновь прибывших засела за работу с семи часов утра в клубе фабрики в Новоникольском.

В одной из больших комнат работала комиссия, в других комнатах находились прибывшие новобранцы. Они группами входили в комнату комиссии и, получив распоряжение, в какой батальон идти – уходили, освободив место для других. В комнате комиссии находились и представители рот и батальонов, пришедшие за получением пополнения. Среди них сидели Соловьев и Гадько.

– Сюда приехали лениногорские рабочие. Выбери из них автоматчиков для своей роты. Смотри, не прозевай, – предупредил Баурджан Кенжетая.

Через некоторое время в комнату вошла новая группа ребят. Все – крепкие казахские парни. Они и оказались рабочими из Лениногорска, о которых говорил Баурджан.

– У всех одинаковый рост и телосложение, да еще все одноклассники. Все бойкие, как раз в автоматчики. Забери их себе, я советую! – еще раз сказал Баурджан.

Кенжетай встал из-за стола и подозвал к себе Соловьева. Они вместе стали вносить в список стоявших в строю ребят. Соловьев подошел к двум невысокого роста, коренастым, полнощеким новобранцам, стоявшим по левую сторону комнаты. Один из них был светловолосый и, когда Соловьев приблизился к нему, громко выпалил:

– Батталов Жумажан!

– Тохтаров Толеген! – сказал другой.

Его смелые, острые, черные глаза, зрелый голос заставили подумать Кенжетая: «Должно быть, смелые, боевые ребята, в трудную минуту не подкачают!»

Записав стоявших в строю, Кенжетай обратился к ним:

– Вы пойдете в роту автоматчиков. Будете автоматчиками. Вот этот старший лейтенант – командир роты товарищ Соловьев, а я – политрук той же роты Айбатов!

– А что значит автоматчики? – спросил Тохтаров.

– Об этом узнаете в роте.

– Все равно. Лишь бы дали возможность пострелять...

– Вот автоматчики и есть первосортные стрелки.

Новых автоматчиков увел Соловьев. Кенжетай был рад, что, наконец, ему удалось отобрать в свою роту достойных ребят.

– Кенжетай! – вдруг окликнул его кто-то. Он оглянулся. В строю новобранцев стоял молодой казахский композитор, его старый приятель Елебаев Рамазан.

– Рамазан! – приветственно крикнул Кенжетай и, подойдя к нему, поздоровался с ним за руку. – Эй, и ты здесь очутился!.. Хорошо! Пусть немцы послушают твою чудесную музыку под грохот орудийных залпов. Это хорошо.

– Да, так.

– Какое у тебя воинское звание?

– Я не обладаю таким богатством, рядовой красноармеец.

– Если так, иди сюда! – сказал Кенжетай, вывел его из строя и посадил на один из стульев, стоявших в углу. – Куда бы тебя послать?

Кенжетай хотел об этом посоветоваться с Баурджаном и Мадьяром. Но Баурджан в это время спал, и он не стал его будить. «Утром и поговорим», – решил Кенжетай.

Баурджан скоро проснулся и спросил:

– Ну, как идут дела?

– Дела идут неплохо. К нам прибыл замечательный молодой композитор, – сказал Кенжетай и познакомил Рамазана с Баурджаном. – Куда прикажете его послать? – спросил Кенжетай.

Воспоминания друзей-однополчан

– Пока подожди, место для него найдется. Сначала развяжемся с работой комиссии, и пусть немного уляжется эта суета...

К 10 часам утра работа комиссии приблизилась к завершению. К этому времени подъехал и Мадьяр. Расспросил, как идет работа. Кенжетай рассказал ему о Рамазане.

– В партии состоишь? – спросил Мадьяр Рамазана.

– Состою в комсомоле. Скоро вступлю в ряды партии.

– Хорошо, хорошо. Оказывается, ты окончил Московскую консерваторию! Это неплохо. Пошлите товарища Елебаева ко мне – секретарем! – распорядился он.

С этого дня Рамазан приступил к должности секретаря полкового комиссара и стал работать.

* * *

«Скоро – отправка на фронт. Не позднее чем через два-три дня», – услышал Кенжетай от Баурджана и стал усиленно готовить автоматчиков к поездке. Об этом кроме командиров никто не знал.

10 января в штабе полка было короткое собрание командиров батальонов, специальных рот и их политруков. Его проводили Мадьяр и Баурджан. Баурджан говорил коротко:

– Едем сегодня вечером. Наш полк назначен головным, первым эшелоном дивизии. Первый эшелон полка – второй батальон капитана Гундиловича и первая рота автоматчиков. Сейчас же подготовьтесь к отъезду. Первый эшелон должен прибыть на вокзал в 22 часа. Я еду с первым эшелоном.

Командиры разошлись. «Это хорошо. Познакомились с капитаном Гундиловичем – командиром роты прославленных на весь мир 28-и героев. Я позову его в свою роту и попрошу его рассказать нашим бойцам об их подвиге. Хорошо, что Баурджан тоже едет с нами. До самого фронта будем беседовать», – подумал Кенжетай.

В 22 часа ночи первый эшелон разместился в вагонах. Три взвода автоматчиков заняли три вагона. Соловьев и Кенжетай, посоветовавшись, решили сесть в вагон второго взвода. Тимофеев сел с третьим взводом, помощник политрука Аймагамбетов устроился с первым взводом. Был составлен план непрерывных занятий в пути, до самого фронта. Было уделено большое внимание изучению устройства винтовки и автомата. Посередине стояла железная печка, и в вагоне было тепло. Но не хватало освещения, занятия можно было проводить только днем. В роте имелись гармонь, гитара, балалайка, шахматы и домино. Их распределили по взводам.

– Как жаль, что я не захватил домбру, я думал, что на фронте она не понадобится. Оказывается, сделал ошибку! – сказал Толеген.

Толеген очень любил играть в домино.

На одной из остановок Кенжетай пошел в штаб второго батальона. Его встретил капитан Гундилович.

– Товарищ капитан, я вот по какому делу к Вам, – сказал ему Кенжетай. – Вы были командиром четвертой роты. Вы командир прославленных 28 героев. Мы очень просим Вас провести об этом беседу с нашими автоматчиками...

– Очень хорошо. Это можно. Доедем до следующей станции. Помню, что твоя рота будет постоянно со мной, будем вместе драться. Ну, как, хорошие у тебя бойцы?

– Увидите сами и дадите Вашу оценку. Я не могу сделать этого.

На следующей же станции капитан Гундилович навестил автоматчиков. Он пришел провести беседы по всем трем взводам в отдельности. Вначале пришел в первый взвод. Кенжетай познакомил Гундиловича с бойцами и предоставил ему слово.

Гундилович говорил долго. Он подробно рассказал о 28-ми героях. Его выступление произвело на бойцов огромное впечатление.

– Если не боишься смерти, не дашь пощады врагу, будешь драться честно – то ты победишь, ты – герой. На войне самое главное – организованность и сплоченность. Готовность принести себя в жертву за своего близкого, за товарища. Нужно добиться этого! – закончил он.

Услышав это, Толеген, как бы подтверждая слова Гундиловича о дружбе, посмотрел на Жумажана, и тот, поняв значение его взгляда, улыбнулся и согласно кивнул ему головой.

* * *

22 января. Ночь. Поезд остановился на станции Дворцы. Эшелон, возглавляемый Баурджаном, выгрузился на этой станции. Автоматчики, вскинув на плечи лыжи, вышли на дорогу. Они шли во главе эшелона. За ними растянулся в строе весь батальон.

Стояли перехватывающие дыхание зимние морозы. Но бойцы были одеты тепло.

Баурджан отошел в сторону и, вызвав к себе командира батальона Гундиловича и комиссара Трофимова, Соловьева и Кенжетая, показал им по карте маршрут следования отряда.

– Автоматчики, вы являетесь головным отрядом не только полка, но и всей дивизии. Вы пойдете передовыми. Полк последует за вами, – сказал он.

Маршрут известен. Автоматчики впереди далеко растянувшегося строя отправились на запад. Шли по лесу, без дороги. Они шли два дня без отдыха и на третий день, достигнув населенных мест, остановились на трехдневный отдых. Вся дивизия собралась здесь. Все готовились к большому маршу. Пока отдыхают. Эти дни автоматчики провели в лыжных прогулках, в тренировке.

27-го января полк отправился дальше. И на этот раз в штабе полка было собрание командиров. «Линия обороны близка. Будьте бдительны!» – предупредили нас.

Рота автоматчиков, возглавляемая Соловьевым и Кенжетаем, отважно шла во главе всей колонны. Они ведут свой отряд без дороги, по глубокому снегу, в темном лесу, по карте и компасу. Таков приказ. Идти по дороге нельзя. Могут обнаружить самолеты-разведчики противника. Чтобы скрыть движение большого количества войск, крайне необходимо тщательно сохранить маскировку.

Воспоминания друзей-однополчан

Несмотря на тяжесть похода, автоматчики идут впереди, прокладывая дорогу всей дивизии. Бойцы, кажется, устали, но не подают вид. Они идут уже несколько дней без сна, без отдыха, без горячей пищи, не наедаясь досыта, преодолевая стихию немой природы – метели, бураны, стужу, упорно держа путь на запад. Разве они не достойны звания батыра?

Выйдя из леса, они увидели перед собой чернеющую вдаль какую-то деревню. Соловьев и Кенжетай, посоветавшись, решили послать туда разведку. Назначили командира отделения Тимошина и Толегена. Они ушли, остальные расположились отдыхать. Выкопали в снегу ямочки и тут же, свалившись, уснули. Чтобы уберечь их от простуды, командиры следили за ними, некоторых будили. Через некоторое время возвратился Тимошин.

– В деревне немцев нет. Они иногда приходят туда и, награбив продовольствия, одежду и прочее, исчезают, – сообщил он.

Автоматчики, решив немного отдохнуть в этой деревне и подождать там следующий за ними полк, отправились туда. На окраине деревни их встретил Толеген.

– Я уже приготовил помещения для каждого взвода. Хозяева готовят чай и покушать. Они очень обрадовались нашему приходу! – сказал он.

Автоматчики вошли в деревню и заняли указанные Толегином дома. Соловьев и Кенжетай остались при первом взводе. Кенжетай вышел осмотреть, как расположились другие взводы и, возвратившись, увидел, что бойцы первого взвода спят, бодрствует лишь один Толеген.

– А ты что не спишь?

– А вы старшину не видели? – был ответ Толегена.

Толеген куда-то ушел. «Что он собирается делать?» – подумал Кенжетай и вышел вслед за ним во двор. Еще раз обошел другие взводы и снова возвратился. Ребята были утомлены, спали где и как попало.

Возвращаясь, Кенжетай встретил старшину Шурилько и Толегена.

– Товарищ политрук, принес для роты пищу, как делить?

– Какая пища? Горячая, холодная?

– Холодная. Взял продуктами.

– Передай помощникам взводных командиров. А для первого взвода отдай Толегины, он и распределит.

Вскоре Толеген принес консервы, концентрат, сахар и масло. Он разделил все, каждому поровну и, разбудив товарищей, раздал. Приготовив и поев, солдаты поблагодарили Толегена «за заботу о них» и снова заснули.

Толеген – человек ответственный. Он заботился о других, прежде всего. В походе он брал у усталых товарищей поклажу.

– Ты устал. Дай мне твой автомат, лыжи, мешок, я понесу, а ты неси уже себя, только не отставай от строя! – говорил он товарищам.

На привалах он также проявлял заботу о товарищах. Помогал командирам. За это его любили все бойцы и командиры. «Ты хороший товарищ, с тобой не пропадешь!» – говорили все.

Первое февраля. Уже подошли к линии фронта. В этот день самолеты-разведчики противника, очевидно, заметили нашу колонну. На небе внезапно появились пятнадцать немецких стервятников. Автоматчики быстро нырнули в лес. Но несмотря на это, стервятники начали сбрасывать бомбы и обстреливать лес из пулеметов, но никакого урона не причинили. Не уничтожить им своими бомбами наши бескрайние леса, не сжечь им в огне все наши деревья. Даже леса и деревья России – против немцев, а для нас они – укрытие и защита!

Автоматчики все еще шагали впереди всей дивизии. Кенжетай идет то впереди, то позади своей роты, помогая уставшим, подбадрывая отставших. Беседует с ними. Вот и сейчас, на привале, он говорил с бойцами о только что появившихся немецких стервятниках.

– Вы сегодня получили вести с фронта. Своими глазами видели, как бомбят с самолетов. Они не принесли нам никакого ущерба. Если сам не трус – они не страшны. При появлении этих самолетов, если запаникуешь и побежишь куда глаза глядят, конечно, беды не оберешься. Но мы так не поступили. Спрятались, и это спасло нас! – говорил он.

К автоматчикам приходили Гундилович, Трофимов и также проводили беседы.

– Автоматчики, вы уже доказали вашу выносливость, шли впереди, прокладывая для всей дивизии дорогу. Вы теперь далеко не отрывайтесь, враг уже близок! – предупредил Гундилович.

Отправились дальше. Густой лес, глубокий снег. Одно отделение во главе с Тимофеевым, опережая роту, ушла в разведку. Вскоре они вернулись. Тимофеев был ранен в ногу.

– Как это случилось?

– Очевидно, мы наскочили на минное поле, и я невзначай наступил на мину, – ответил Тимофеев.

Его отправили в тыл, в госпиталь. Донесения о случившемся были отправлены в штабы батальона и полка. Вскоре с группой саперов и разведчиков приехали Мадьяр и Баурджан. Автоматчики и батальон в это время находились на большом привале.

Баурджан, поставив перед саперами и разведчиками полка задачу «произвести тщательную разведку, если обнаружатся заминированные неприятелем участки, снять их на карту и доставить исчерпывающие сведения», отправил вперед.

Баурджан и Мадьяр побеседовали с автоматчиками. Осмотрели состояние их вооружения и боеприпасов.

– Автоматчики – народ веселый, чего же не поете? – спросил Мадьяр. Автоматчики на это ответили дружной песней и пляской. Толеген спел казахские и русские песни, станцевал.

– Хорошо поешь, но как бы немцы не услышали! – сказал кто-то.

– Пусть слышат. Они, наверное, еще не слышали казахских песен. Так вот я спою им под аккомпанемент моего автомата, пусть от страха разрываются их сердца. Я не зять немцам, чтобы стыдиться петь перед ними, а их муж! – ответил Толеген.

– Молодец, Тохтаров! – одобрил его Мадьяр.

Воспоминания друзей-однополчан

Баурджан Момыш-улы с разведчиками на фронте

– Бауке, вот мы идем. Но я все еще точно не знаю, какая перед нами поставлена задача, – сказал Кенжетай.

– Задача вот какова: Красная Армия должна окружить 16-ую немецкую армию. Для этого нужно отрезать друг от друга две большие войсковые группы Германии, расположенные в Старой Руссе и Демьянске. Нам, возможно, придется прорывать линию неприятельской обороны между этими городами. Если мы выполним эту задачу – проложим прямую дорогу между Северным и Калининским фронтами и создадим условия для взятия в окружение больших вражеских группировок.

– Да, огромная, ответственная задача, – сказал Кенжетай и задумался.

– Совершенно правильно, задача большая. Требуется напряжения всех сил и умения. Как бы нам не осрамиться. Командование надеется на нас. Не забывай этого! – сказал Баурджан.

– Слушаюсь, доверие оправдаем нашими делами...

* * *

Третье февраля 1942 года. Перед самым рассветом в передовой отряд автоматчиков приехали командир дивизии генерал-майор Иван Михайлович Чистяков и комиссар товарищ Егоров. Они поговорили с автоматчиками.

– Враг близок, остерегайтесь. По имеющимся сведениям, в селе Новосвиногово стоит немецкий гарнизон. Когда приблизитесь к нему, постарайтесь внезапно окружить и уничтожить. Полк догонит вас, – сказали они, дали советы, указания, еще раз разъяснили задачи.

– Все понятно. Но патронов маловато. На каждого автоматчика имеется лишь по три заряженных диска. Хорошо было бы, если поможете в этом, – сказал Кенжетай.

– Хорошо. Сейчас же с одним верховым пришло патронов! – обещал генерал Чистяков.

Ночь под четвертое февраля. Морозно, поблескивает луна. Бойцы находятся в лесу, и поэтому холод не так ощутим. Автоматчики вышли из густого леса. Впереди темнеет какая-то деревня. Соловьев и Кенжетай посмотрели на свои карты. Оказалось, село Новосвиногово, про которое вчера говорил генерал. Чтобы узнать положение, Соловьев послал туда разведку, которую повел командир третьего взвода младший лейтенант Михайлин.

Разведчики вернулись быстро.

– В деревне немцы. Мы видели много автомашин и их солдат, стоящих на постах, – сообщили они.

Получив эти сведения, Соловьев сказал Кенжетаю:

– Ну, что будем делать? Будем дожидаться прихода батальона или сами предпримем что-нибудь?

– Силы и средства этого гарнизона нам точно не известны, поэтому нужно было бы подождать подхода батальона. Но он отстал далеко позади и пока дойдет, пройдет один-два часа. Нет, терять время не годится. Сейчас рано. Еще не занялась заря, и немцы наверняка спят себе беспечно. Давай, рискнем, попытаем счастье. Или мы выиграем, или до подхода наших навяжем им бой! – ответил Кенжетай.

Соловьев согласился с ним. Вызвали командиров взводов и сообщили им свое решение.

– Хватит ли у нас сил выполнить задачу? – проявил осторожность Михайлин.

– Да, сил у нас маловато. Но до прихода батальона пройдет много времени. Ждать его и стоять здесь и мерзнуть не годится. Нужно понять это. А мы с марша еще горячи – не успели остыть. Недаром говорят: «Куй железо – пока горячо» – вот и начнем ковать! – возразил ему Кенжетай.

Составили план окружения Новосвиногово. Роту разделили на три группы. Первый взвод сделает налет с юга, третий взвод – с северо-запада. Второй взвод – с востока. Соловьев поведет третий взвод, а Кенжетай – первый.

Автоматчики по приказу командира сдали старшине свои лыжи, переоделись в снежно-белые халаты. На санках старшины имелись захваченные в дорогу продукты: водка, колбаса, хлеб и еще кое-что. С завтраком покончили в 10 минут.

По команде Соловьева, рота молча, бесшумно двинулась в деревню. Приблизившись к ней, второй взвод остался на месте, а первый и третий, разделившись, ушли в ранее назначенные им направления.

Воспоминания друзей-однополчан

Когда все были на месте и незаметно вплотную приблизились к деревне, Соловьев одной красной ракетой дал сигнал к атаке. И в тот же миг, осыпая ураганным огнем, автоматчики бросились в деревню. Стоявшие на постах немцы свалились замертво, не успев и пикнуть.

Немцы, не ожидавшие такого внезапного нападения, растерялись и побежали в разные стороны. Спавшие в домах выбегали на улицу в одном белье, полуголыми. Но меткие пули автоматчиков тут же поражали их насмерть.

Часть немцев или от растерянности, или от бессильной злобы бросилась поджигать свои автомашины и деревню, но автоматчики не дали им сделать этого.

Бой продолжался не более 20 минут. Деревня была захвачена автоматчиками. Большинство немцев, подняв руки, сдались в плен. Соловьев и Кенжетай написали донесение о случившемся и послали в штаб полка. В это же время из лесу показался и батальон.

Кенжетай и Соловьев, собрав своих бойцов, сделали переключку. Оказалось несколько раненых. Один из них был Гадько. Он был ранен в голову, но несмотря на это, продолжал бить немцев. Раненым оказали помощь и отправили в тыл.

Стало светать. Подъехали Мадьяр и Баурджан. Они горячо поздравили автоматчиков с первым боевым успехом, поблагодарили их и приказали Саше и Кенжетаю дать им список отличившихся для представления к награде.

Наступление началось. Батальоны и артиллерия – все были в сборе. Они двинулись вперед.

С рассветом выяснились интересные подробности. В темноте автоматчики и не посчитали, что захватили 74 вражеских автомашины, два склада (один с продовольствием и обмундированием, другой с боеприпасами) и две пушки. Было уничтожено более 300 фрицев. В одной избе были убиты 53 немца, и таких изб было много. Автоматчики стали собираться, но Толегена среди них не оказалось.

– Где же Толеген? – спросил Кенжетай Жумажана.

– Не знаю. Во время первой атаки он побежал на западную сторону деревни. Я успел заметить только это, – ответил он.

Вскоре, подгоняя перед собой семь немцев, появился и Толеген: «Эти собаки попрятались в одном сарае», – сказал он и, сдав их Баурджану, побежал снова. Через некоторое время он привел еще одного немецкого офицера.

– Когда я вел первых семерых, заметил, как этот побежал и спрятался в блиндаже, – сказал Толеген.

Баурджан и начальник штаба полка допросили офицера и получили у него нужные сведения.

Когда они закончили допрос, Толеген подошел к ним и спросил:

– Агай, вы кончили разговор с этим немцем?

– А что?

– Я тоже хотел поговорить с ним...

– Разве ты умеешь говорить по-немецки?

– Еще как! Я хорошо могу говорить...

– А, тогда поговори!

Толеген отвел офицера подальше и, впившись в его лицо своими острыми глазами, сказал ему:

– Ну, сволочь проклятая... Кто звал вас, собак, сюда? Нарушать мирный покой свободного народа, разрушать наши деревни, города?.. У, у!.. Свинья... На, получай свою долю! – и тут же застрелил его из автомата.

Он пришел к Баурджану.

– Агай, я уже закончил говорить с офицером. Оказывается, он не знает по-казахски, так я его научил! – сказал он, улыбаясь.

– Не застрелил ли ты его случайно? Жаль. Нужно было добиться от него еще кое-каких сведений... Ну, ладно... Молодец! – похвалил Баурджан и похлопал его по плечу.

* * *

Во вчерашнем бою, после полудня, все стали свидетелями отваги Жумажана. Дело было так. Автоматчики стояли на краю лесочка, батальон вел бой.

– Айбатов! – крикнул кто-то. Кенжетай быстро оглянулся. Неподалеку от него стояли Мадьяр и Баурджан. Кенжетай подбежал к ним.

...Около сарая стоит немецкий танк. Жумажан захватил несколько противотанковых гранат и отправился к нему. Все молча следили за ним. Но он шел медленно. Шел навстречу пулям. Кому охота умирать?

Потом Жумажан побежал вперед, но вдруг почему-то развернулся и пошел назад, не выполнив приказание. Баурджан, внимательно следивший за ним, гневно сказал:

– Этот трусишка устрасился и идет назад. Нужно наказать его.

Жумажан подбежал к Баурджану и Мадьяру:

– Там идет группа немцев. Как по-немецки «Стой!», за этим возвратился...

– Ну, за этим! Струсил! «Стой!» по-немецки – «Хальт!». Иди!

Жумажан побежал снова. Он шел, низко пригибаясь к земле, прячась. Вскоре он достиг сарая. Немцы стреляли по нему... Вдруг что-то грохнуло. Над сараем поднялся густой, черный дым.

– Оказывается, он молодец. Ведь уничтожил же! – быстро и обрадованно воскликнул Баурджан.

Они стали ждать возвращения Жумажана. Прошло еще некоторое время, и со стороны сарая донеслось громкое «Ура!». Это шел в атаку третий батальон, обходя уничтоженный Жумажаном танк.

Подгоняя трех немцев, возвратился и Жумажан.

– Агай, ваше приказание исполнено! – доложил он Баурджану.

– Хорошо, молодец! – похвалили его Баурджан и Мадьяр и, похлопав по плечу, пожали ему руку.

– Я уничтожил немецкий танк, и на меня кинулись семь немцев. Четверых положил на месте, а этих троих привел к вам. «Хальт!» здорово пригодился! – сказал Жумажан.

Воспоминания друзей-однополчан

Во вчерашнем бою первый взвод автоматчиков участвовал вместе с третьим батальоном. Во время атаки отличился и Толеген. Как он вел себя, какое мужество проявил, – этого Кенжетай лично не видел, но по рассказам товарищей, Толеген вел себя смело, геройски. «Вдруг перед ним появился один немец. Толеген, вскинув автомат, бросился на него. Немец закричал: «Я – рабочий!..» «Ах, ты, твою мать... Какой ты рабочий, ты – фашист!» – ответил ему Толеген и ударом приклада автомата раскроил ему череп», – рассказывал видевший эту сцену солдат.

Комиссар третьего батальона товарищ Чумов так охарактеризовал Толегена: «Тохтаров оказался замечательным автоматчиком. Он ворвался в село первым и, взобравшись на крышу одной избы, стал уничтожать бежавших по улице немцев. Ни один немец не ушел от его меткой пули. Только на одной улице он истребил 23 немца. Мы написали рапорт командованию полка о представлении Тохтарова к награде за эту отвагу».

* * *

Шестое февраля. Сегодня гансы не очень беспокоят нас. «Непобедимые» немцы бегут. На этот раз наши войска захватили сотни автомашин, вооружение, продовольствие, танки, пушки, пулеметы и много разных других трофеев, а самое главное, они освобождают из-под ядовитых когтей фашистов тысячи советских граждан. Освобожденный народ ликует от радости, проклинает фашистов и славит Красную Армию.

В этот день, около восьми часов вечера, Баурджан вызвал Соловьева и Кенжетая в штаб полка. Поговорив с ними, он сказал:

– Мы, прорвав линию обороны немцев, оставили в окружении в двух городах два больших немецких войсковых соединения. Хотя немцы и отступают, при этом они оказывают ожесточенное сопротивление. Одновременно с этим войска неприятеля в Демьянске, пропустив нас вперед, несомненно, будут стремиться к соединению со своими в Старой Руссе, чтобы окружить и ударить нас. Это любимая тактика немцев. Конечно, наше Верховное Главнокомандование знает это и принимает необходимые меры. А наша задача – не останавливаясь, продолжать наступление по направлению в город Холм. Но на этом пути нас подстерегает большая опасность. Дело вот в чем: на западе, на правом нашем фланге, верстах в семи-восьми отсюда (показывая по карте) находится сильное укрепление немцев. Оно – в селе Бородино. По имеющимся у нас сведениям, там стоят два гарнизона СС «Мертвая голова». Я принял решение уничтожить эти два гарнизона. Если мы их не одолеем, они будут для нас кинжалом в спину. Это одно. Во-вторых, силами этих гарнизонов немцы могут попытаться спасти окруженную нами Демьянскую группировку. Так оно и есть.

Через Бородино, по направлению в Старую Руссу, проходит несколько хороших шоссе дорог. Уничтожив вражеские гарнизоны в Бородино, мы захватываем эти дороги. Тогда враг не сможет использовать их. Он не сможет по этим дорогам достав-

лять своим окруженным группировкам продовольствие, боеприпасы и подкрепление. Вот таково вкратце создавшееся положение. Уничтожение двух гарнизонов в Бородино я поручаю второму батальону и вам. Сегодня в два часа ночи село должно быть в наших руках. Понятно?

– Все понятно!

– Теперь возвращайтесь к себе. Покормите бойцов, дайте им отдых. Запаситесь боеприпасами. Свяжитесь с Гундиловичем! – приказал Баурджан.

Выйдя из штаба полка, Соловьев и Кенжетай решили зайти по пути к Гундиловичу и свернули в штаб второго батальона. В это время весь полк (кроме хозяйственных частей) находился в лесу.

– Ну, как, Саша? Кажется, сегодня предстоит довольно занимательная ночь. И задача очень ответственная, а? – спросил Кенжетай.

– Да, так. Конечно, и в этой атаке наши бедные автоматчики будут идти впереди всех... Это бесспорно. Эх, и людей осталось немного...

– «Мужайся, решайся и проглоти камень!» – есть у нас, у казахов, и такая поговорка. Что же, и это увидим. Но нужно действовать молниеносно, быстро и напасть на них совершенно неожиданно, врасплох. Если действовать вот так, небольшими силами можно одолеть и многочисленного врага. Разве не так?

– Это, конечно, правильно. Так и будем действовать. Как бы там ни было, начнем сами. Ну, и хулиган ты, Кенжетай! – сказав так, Смирнов как-то особенно ласково и с любовью похлопал его по спине.

Они пришли к Гундиловичу. Он встретил их очень тепло.

– Ну, как у вас? Были у Момыш-улы? – спросил капитан Гундилович.

– Были у Момыш-улы и получили от него задание. Кажется, и Вы были у него. Кажется, все ясно.

– Да, об этом мне известно все. Нужно разгромить их неожиданно. По сведениям разведки, вот эти дома, находящиеся на восточной окраине села, являются дзотами неприятеля, поэтому лучше будет напасть на них с северо-запада. Вот, приблизительно отсюда... – рассказывал Гундилович, склонившись над картой.

– Это верно. Атакуем под Вашим руководством. Где будет удобнее, оттуда и нагрянем. Мы – автоматчики – переданы Вашему батальону только для подмоги, так что значительная доля задачи лежит на вас. Нам дадите более легкую часть этой операции... – сказал Кенжетай.

– Это тоже верно. Но одно отделение автоматчиков равно одному моему взводу. Не забывайте этого. Поэтому как бы не на тебя пала основная часть выполнения поставленной задачи... Но это покажут условия местности, расположение вражеских укреплений, – ответил Гундилович.

– Хорошо. Будет ли артиллерия? Будет ли артиллерийская подготовка? – спросил Саша.

– Артподготовки не будет. Вся операция основана на внезапности нападения. Кроме того, имейте в виду, захвату Бородина и трех дорог уделяет особое внимание высшее командование армии. Кажется, командир корпуса генерал-майор Лезгоков

Воспоминания друзей-однополчан

уже прибыл в штаб дивизии. Возможно, он будет и здесь. Но даже если Лезгоков не придет, то командир дивизии генерал-майор Чистяков будет обязательно. Все это указывает на особое значение и важность нашей операции, так что помните это! – еще раз повторил Гундилович.

– Ага, значит начинают скапливаться генералы! Пусть приезжают. Мы отправляемся в свою роту. На месте, указанном командиром полка, собираемся ровно в 24 часа, – сказал Кенжетай.

– Да, так. Давайте, за успех предстоящей операции выпьемте по стопке!.. – предложил Гундилович.

Саша и Кенжетай возвратились в роту. Все бойцы, лежа в снежных ямах, спали. Усталые люди не замечали даже зимнего мороза.

Кенжетай нашел спящего Толегена, и разбудив его, спросил:

– Что ели на ужин?

– Был горячий суп и хлеб.

– А знаешь, куда ушел старшина?

– Нет, наверное, в транспортную роту.

– Ну, ты уже проснулся, я сейчас напишу записку, а ты отнеси ее Баурджану.

Кенжетай написал Баурджану короткую записку: «Бауке! Наш лентяй старшина уложил спать наших молодцов голодными. Через час мы отправляемся. Пришлите нам водки, колбасы, масло и хлеба. Вы сами знаете, это нам необходимо. Кенжетай. 6/II-42 г».

– Передай ему эту записку. Все, что он тебе передаст, принесешь мне. А сумеешь ли один донести все?

– Э, не верблюжью же поклажу он мне даст. Конечно, донесу! – ответил Толеген и ушел.

Толеген дошел до штаба полка и, даже не спросив разрешения у стоявшего у дверей часового, вошел туда, вручил Баурджану записку. Баурджан, прочитав, спросил.

– Ты один?

– Один.

– Синченко, вставай. Садитесь вот с этим молодцом на сани и быстро поезжайте в транспортную роту. Передай эту бумагу Исакову (помощнику командира полка по хозяйственной части). Быстро! – приказал Баурджан и послал Синченко – своего ординарца – вместе с Толегином.

– Саша и Кенжетай, освещая лица спящих карманным фонариком, разбудили коммунистов, комсомольцев и командиров и, собрав их, пояснили им предстоящую задачу. В это же время возвратились Толеген, Синченко и старшина роты Шупилько.

Уже был 23-й час. Саша разбудил роту.

– Ты будешь около меня. Приведи сюда же и Жумажана, – сказал Кенжетай Толегиному.

Толеген и Жумажан были рядом с Кенжетаем. Саша собрал роту. В это время в роте было всего 64 автоматчика. Кенжетай подробно объяснил им предстоящую задачу:

– Мы – казахи, «с острыми мечами на поясах, вынуждавшие врага бежать». Мы – казахи, «просившие у бога послать врага, плакавшие, не видя врага!» Настал час, засучив рукава, схлестнуться с врагом, показать нашу верность гражданскому долгу, беззаветную любовь и преданность великой родине. Мы не должны и не можем запятнать прославленное, светлое имя Казахстана! – сказал он и призвал всех к мужеству и отваге.

Ровно в 24 часа рота автоматчиков уже стояла в условленном месте. Батальона еще не было. Было очень холодно и ветренно.

«Где же застрял батальон?» – думал Кенжетай. Он вызвал Тимошина и приказал:

– Быстрее беги к Гундиловичу и узнай, в чем дело. Вернись немедленно.

Через полчаса Тимошин вернулся. Он был замечательный лыжник.

– Батальон собирается ужинать. Капитана Гундиловича вызвал в штаб полка генерал-майор Чистяков, и он сказал, что «батальон скоро придет», – доложил Тимошин.

Выслушав это сообщение, Саша и Кенжетай приступили к составлению плана предстоящей операции.

– Батальон приступает к ужину. На это потребуется полчаса. На сборы в дорогу – 10 минут, мы опередили батальон на четыре-пять километров. Пока они дойдут до нас, утопая в этом рыхлом и глубоком снегу, пройдет больше часа. Следовательно, пройдет не менее двух часов. Это слишком много. Заставить наших молодцов мерзнуть на этом холоде два часа – невыносимо. А не лучше ли нам самим взяться за дело, – сказал Кенжетай.

– Это неплохая идея. Но не забудь, что у нас мало сил. Для того, чтобы уничтожить вражеский гарнизон, требуются значительные силы, поэтому нужно ждать батальон! – ответил Саша.

– Нет, Саша, я против. Твой предок Суворов говорил: «Воюют не телом, а умением». Ведь так! Совершим внезапное нападение. К этому времени подойдет и батальон. А если ждать его – наши автоматчики замерзнут, а замерзший боец равен раненому, никакой пользы от него нет. Поэтому я считаю необходимым, не дожидаясь батальона, напасть самим. «Мужайся, решайся и глотай камень», – гласит народная мудрость...

– Да, знаю.

– И Момыш-улы за это не поругает, в этом я тебе ручаюсь. Он любит все, что делается умом.

– Хорошо. А какой у тебя план?

– Вот мой план. Ты бери с собой отделение Ненахова и нападай с восточной стороны Бородино: пусть немцы, находящиеся в деревне Выставка, не смогут оказать помощь этим. С другими ребятами я нападаю с тыла. Сначала все делаю тихо, бесшумно, но если враг заметит нас и начнется стрельба, приступай к делу и ты. Сделай так, чтобы немцы подумали – с востока идет большая сила. Нагоним им страху. Пусть они подумают, что деревня Выставка уже занята красными. Вот и все, – сказал Кенжетай.

Воспоминания друзей-однополчан

Саша и Кенжетай подозвали командиров, изложили им свой план, все разъяснили подробно:

– Каждый должен быть на своем месте. Действуйте быстро. В трудную минуту оказывайте друг другу взаимопомощь. Внезапностью ошеломят врага, возьмем его хитростью. Помните это! – снова повторил Кенжетай.

Командиры разошлись по своим местам. Соловьев взял с собой отделение Ненахова и отправился в путь. С остальными бойцами ушел Кенжетай. Группа Кенжетая шла по оврагу, с западной стороны Бородино. Здесь, по его приказу, бойцы сбросили свои мешки и при себе оставили лишь боеприпасы. Из мешков были вынуты белые халаты и одеты на бойцов. Кенжетай лично осмотрел у всех состояние оружия. Автоматчикам были розданы штыки и кинжалы.

– Сначала будем драться ножами, не смейте вспугнуть неприятеля выстрелом. Колите ножом и кончайте бесшумно. Не дайте им даже пикнуть! – предупредил он.

– Как это, убивать человека ножом? – спросил Жумажан.

– Человека? Ты не немца ли подразумеваешь? Разве немец – человек? Он же зверь! А зверя убивают ножом, – сказал ему Кенжетай.

Группа Кенжетая пробиралась по оврагу к Бородино с запада. Вскоре они дошли до цели, зорко осмотрелись. И заметили, что оборона немцев сосредоточена на восточной и южной окраинах деревни, а тыл укреплен не очень сильно. «Это неплохо!» – подумал Кенжетай.

Они вошли в Бородино и определили, что немецкие солдаты расположились в деревянных избах и землянках. Перед каждым домом, ежась от холода, стояли часовые. Они не заметили подкрадывающихся в белых халатах автоматчиков. Вооружившись ножами, автоматчики приступили к делу. Фрицы, находившиеся на улице, были мигом ликвидированы. На западной стороне Бородино стояла вражеская артиллерийская батарея. Автоматчики захватили ее. Ни один фриц, охраняющий батарею, не остался в живых.

После этого Кенжетай разделил своих бойцов на четыре группы и послал их по домам и блиндажам. Группы ушли выполнять приказание.

Так они молча продолжали эту борьбу, но она продолжалась недолго – не более 10 минут. Враг был встревожен. Это случилось так. Среди автоматчиков был Мадиянов, молодой 20-летний парень. Он воткнул свой нож в горло одного из спящих немцев, огромного, как бык, и не дорезал. Немец проснулся и, обливаясь бьющей фонтаном из подрезанного горла кровью, завопил на всю деревню и разбудил гарнизон.

С этой минуты и автоматчики, и немцы взялись за оружие.

Но к этому времени наши автоматчики уже успели захватить несколько дзотов, блиндажей и деревянных домов. Бой усиливался. С востока подошло и отделение Соловьева.

Кенжетай, взяв с собой Толегена, Жумажана и Инкарбалу, выбежал на северный край деревни и увидел перед собой четыре немецких танка. Они были зарыты в снег и замаскированы. Кенжетай сказал:

– Толеген, Жумажан! Вы помогите нам. Мы с Инкарбалой попробуем уничтожить эти танки. Если покажутся их экипажи, немедленно ликвидируйте их.

Кенжетай и Инкарбала, взяв в руки противотанковые гранаты и бутылки с зажигательной смесью, поползли к танкам. «Что это значит? Почему они только на одной стороне деревни поставили сразу четыре танка? Здесь что-то не так. А что если это не настоящие танки, а лишь макеты?» – подумал Кенжетай. Подползя к танкам вплотную, они осмотрели их. И в самом деле только два из них оказались средними танками, и были они не так заметны, глубоко зарыты в снег и замаскированы, а два были сделаны из фанеры.

Вдруг один вражеский танк, нарушив ночную тишину, начал стрелять по Бородино: очевидно, танкисты поняли, что в деревне появились автоматчики.

– Инкарбала! Уничтожь его!.. А я беру этот! – крикнул Кенжетай.

В один миг оба танка были уничтожены. Их экипажи расстреляны в них же.

Кенжетай с товарищами побежал на юго-восточную сторону деревни, к другим автоматчикам, и увидел Соловьева, руководившего остальными бойцами.

– Ну, как, здоров? Это ты, наверное, уничтожил те танки? Хорошо. Теперь осталось схватить врага за горло и задушить. Немцы сидят только в двух-трех дзотах, с остальными справились. Видишь, вон в том сарае захваченные нами пленные? – сказал Соловьев.

– Давай будем действовать быстрее. Время не ждет, – предложил Кенжетай, и они бросились вперед.

Пули сыпались, как снег. Враг использовал все пулеметы, автоматы, винтовки, имеющиеся в его распоряжении. Но наши ребята подползали к дзотам с тыльной стороны, били гранатами сзади. В это время подошел и батальон. На его долю остались всего два дзота. Бронебойщики мигом уничтожили их.

Кенжетай и Саша вошли в огромную землянку, в которой находился штаб немецкого гарнизона. Штаб был обставлен комфортабельно награбленной у советского населения мебелью и разным имуществом. Имелись радио, телефон, столы, стулья. В одной комнате стол был заставлен винами, водкой. Тут же лежали опорожненные бутылки. Кенжетай взял в руки одну бутылку. На ярлыке стояла надпись «Париж»; следовательно, вино из несчастного Парижа. Так подумал Кенжетай.

– Посмотрите вот на эти два ящика. Очень тяжелые! – сказал Толеген, показывая на два огромных ящика.

– А можно открыть?

– Нет, не можем найти ключи.

– Позови Маданова, ведь он слесарь...

Маданов явился.

– Ты должен открыть эти два ящика! – сказал ему Кенжетай.

– Ну и что ж, подумаешь, велика трудность открыть два ящика! Мы не только ящики, а целый гарнизон открыли.

– Так действуй быстрее, только смотри, не поднимай шума...

Воспоминания друзей-однополчан

– Нет, эти шуметь не будут! – сказал Мадьянов и открыл оба ящика.

В одном из них оказались «железные кресты» – медали «мертвых голов», а во втором – немецкие и советские деньги. Кенжетай на все составил опись.

С того времени, как они послали донесение в штаб полка, прошло не так много времени, но они все же стали дожидаться вестей из полка.

Кенжетай вышел из блиндажа. Сходил к раненым, справился о их состоянии. Все раненные были отправлены в тыл. Саша пошел к Гундиловичу. Эти два командира начали принимать меры к обороне Бородино.

В бою за Бородино немцы лишились двух танков, 25 автомашин, нескольких пушек и другого вооружения, трех складов (продовольствия, обмундирования, боеприпасов, велосипедов и мотоциклов). Были уничтожены более 600 солдат и офицеров противника. Главными «виновниками» этой победы были, конечно, автоматчики.

Когда стало светать, в Бородино приехали Мадьяр и Баурджан. Они явились прямо в штаб роты автоматчиков. В это время Саша и Гундилович располагали батальон и автоматчиков для обороны. В штабе оставались только Кенжетай и Толеген. Жумажан из трофейной муки и мяса пек баурсаки и варил обед. Кенжетай, очевидно, устал, или сон на ранней заре очень уж сладок, но он незаметно для себя задремал и не заметил появления Баурджана и Мадьяра.

– Вот настоящий герой! Видишь, как он храпит, – сказал кто-то над его ухом. Он мигом проснулся. Перед ним стоял Баурджан. Кенжетай вскочил со своего места и отрапортовал:

– Товарищ командир полка, Ваше задание выполнено!

– Большое вам спасибо. Не осрамили прославленное имя нашего народа, подняли его авторитет еще выше, мой батыр, слава тебе! И генерал, и я очень надеялись на твоих автоматчиков. Вы оправдали наше доверие. Молодцы. Пока не закончим эту операцию, генерал Чистяков будет у нас, – сказал Баурджан.

– А где комбат и Соловьев? – спросил Мадьяр.

– Они ушли создавать оборону и расставлять бойцов. Сейчас придут.

– А! Это хорошо. Немцы за эту деревню еще не раз пойдут в атаку, это бесспорно. Хорошо быть бдительным и всегда быть наготове...

Кенжетай рассказал Баурджану и Мадьяру, как началась и закончилась операция.

– Оказывается, все дело в организованности, в боевом взаимодействии и внезапно, умело продуманном нападении на врага. У нас, у автоматчиков, все эти условия налицо. Каждый автоматчик хорошо знал свое место и обязанности, и это они показали на деле, – сказал он.

– Много у вас потерь?

– Семнадцать раненых и девять убитыми. Погибших собираемся похоронить с почестями.

– Отличившихся в этой операции представьте к правительственным наградам. За успехи в Новосвиныхово несколько человек представлены к наградам. В их числе ты, Толеген и Соловьев, – сообщил Баурджан.

– Большое спасибо, агай! Наверное, здесь находились особые части: у всех черные кресты и по много медалей, – сказал Толеген.

– В дивизии «Мертвая голова» немцы отбирают самых надежных и преданных Гитлеру фашистов. Посмотри на эти значки. Это для них! – ответил Баурджан.

Вскоре появились Гундилович и Соловьев. Капитан Гундилович доложил Баурджану о положении, о создании ими обороны и о мерах по закреплению сегодняшнего успеха. Баурджан одобрил.

– Поступили совершенно правильно. Задание командования выполнено, но немцы за эту деревню будут крепко биться, не один раз пойдут в атаку. Им очень важен этот узел трех дорог. Для поддержания вас выделяем полковую артиллерию и минометы. Умело пользуйтесь ими. Нужно еще лучше укрепить оборону. Обеспечьте себя запасом боеприпасов, – сказал он и дал еще некоторые указания.

В это время Жумажан внес в комнату дымящееся паром огромное блюдо с вареным мясом.

– Пожалуйте к обеду! – пригласил он. Гости вымыли руки и сели обедать. В это время, светясь в алых лучах, показалось и солнце.

– Бауке, у нас имеется и заграничное вино, и своя русская водка, что будете пить?

– Наливай свое, заграничным еще отравимся!..

Затем Баурджан внимательно осмотрел оборону деревни Бородино.

– Кстати, Бауке, я забыл вам доложить: в этом сарае заперты более 150 пленных гитлеровцев. Что с ними делать? – спросил Кенжетай.

– Отправь в штаб полка.

– Слушаюсь!

Собираясь уезжать, Баурджан подозвал Соловьева и сказал ему:

– Берите один взвод автоматчиков и идите на поддержку третьего батальона. С остальными автоматчиками Айбатов остается в этом батальоне.

– Слушаюсь! – ответил Соловьев.

Соловьев собрал бойцов третьего взвода и, быстро накормив их, отправился выполнять приказание Баурджана. Командир этого взвода младший лейтенант Михайлин был ранен во вчерашней операции и отправлен в тыл.

Гундилович предложил Кенжетаю разместить оба штаба в одном помещении, но Кенжетай на это не согласился.

– Товарищ комбат! Вы – комбат, а я человек, исполняющий Ваши приказания. Поэтому я буду находиться вместе с моими автоматчиками. Мой штаб – мои ребята. Больше я ничего не знаю. При Вас в качестве связного оставляю бойца Козлова.

Гундилович согласился. Кенжетай ушел в блиндаж, к своим автоматчикам.

* * *

Седьмое февраля. Немцы не смирились с потерей Бородина. Рано утром они взяли деревню под артиллерийский обстрел. Они всеми доступными мерами старались уничтожить гвардейцев, захвативших Бородино. Но надежно укрепленные дзоты

Воспоминания друзей-однополчан

выдержали артиллерийские залпы, сделанные без точного прицела, наугад. Снаряды разрывались где попало.

Наши артиллеристы и минометчики не оставляли немецкую артиллерию без ответа. По выражению бойцов, они посылали «гостевые угощения». Враг, обстреливая Бородино из артиллерии, наконец, поджег деревню. Горели все дома.

Артиллерийский обстрел усилился. Наши командиры хорошо понимали, что этот обстрел является подготовкой к наступлению. Поэтому приготовились к отражению атаки. Так оно и случилось. В этот день немцы предприняли пять атак. Они особенно напирали с северо-востока и запада, но ни одна из пяти их атак не увенчалась успехом. Защитники Бородино, подпустив фашистов на близкую дистанцию, топили их в крови и, беспощадно уничтожая, отбрасывали назад. После первых трех атак немцы подкрепили последние две атаки шестью танками. Но эти танки не смогли оказать действенную помощь своей пехоте. Чтобы подойти к Бородино, нужно было пройти поле, где они становились для наших артиллеристов хорошей мишенью. Поэтому наши артиллеристы подбили четыре танка из шести.

Во время отражения всех пяти атак особенно отличились Толеген и Жумажан. Толеген уничтожил 23 немцев, а Жумажан – 18. Кенжетай и сам не отставал, из его рук получили должное возмездие более 20 немцев.

Автоматчики, отбив две атаки, ждали третью. В это время подошли Кенжетай и заместитель начальника политотдела дивизии старший политрук товарищ Гусев. Он сидел, беседуя с Кенжетаем и его ребятами. Кенжетай рассказал ему об обстановке. И в это время немцы снова начали обстрел из артиллерии.

– Вот, товарищ старший политрук, сейчас немцы снова пойдут в атаку. Вы оставайтесь здесь и отсюда наблюдайте за нашей работой. Мы пойдем навстречу врагу, – сказал ему Кенжетай, но Гусев запротестовал:

– Я от вас не отстану. Пойду с вами вместе. Мертвыми или живыми, будем вместе!

И эта, третья по счету, атака немцев была отбита. Гусев собственными глазами увидел ожесточенную схватку и после боя похвалил автоматчиков.

– Товарищ старший батальонный комиссар! Вы показали личный пример отваги и ходили с нами отбивать вражью атаку. Но если бы с Вами случилось какое-либо несчастье, мне пришлось бы отвечать за Вас, – сказал Кенжетай.

– Чепуха. Война без потерь не бывает. Моя жизнь не дороже вашей...

– Нет, я этого не говорил. Но Вы – руководитель, старший батальонный комиссар, и таких людей, как Вы, у нас не так уж и много. Прошу Вас, возвращайтесь к себе...

– Товарищ политрук, ты хочешь читать мне лекции? Я сам за себя отвечаю!

– Ах, так! За оборону отвечаю я, а не Вы. Так что приказываю Вам немедленно уйти отсюда!

– Я не подчиняюсь таким приказаниям!

– Вы не бог, чтобы не подчиняться приказаниям. Посмотрим, как Вы не будете подчиняться! – гневно закричал Кенжетай и, схватив свой автомат, посмотрел на Гусева.

– Постоите, товарищ Айбатов, ты, кажется, начинаешь серьезно... Не нужно горячиться, – Гусев начал увещевать Кенжетая.

В это время в пяти-шести шагах от них разорвалась немецкая мина. Они прижались к земле.

– Ох, я ранен. Помогите! – вдруг послышался голос Гусева. Все его лицо было окровавлено. Его быстро внесли в блиндаж. У него были выбиты четыре передних зуба, была ранена голова и в левой части груди застрял осколок. Ему немедленно оказали помощь. Кенжетай, ничего не говоря, положил его в сани и отправил в тыл.

– Вот ведь не послушался же доброго совета, а так остался бы целехонек. «Посетил тебя один раз комиссар, а ты не сумел обеспечить его безопасность как следует! Так начнут теперь упрекать», – огорченно подумал Кенжетай.

Но Гусев, следуя в санчасть полка, встретился с Капровым, Мухамедьяровым и Баурджаном и рассказал им положение.

– Молодцы автоматчики. Все до одного храбры и герои. Всех их нужно представить к орденам. Я сам лично видел их в деле, а особенно хорош и отважен их политрук! – расхвалил их Гусев.

В боях в этот день и у автоматчиков были небольшие потери: было и несколько раненых и четверо убитых. Есть потери и среди младших и средних командиров. Вместо них Кенжетай назначил командиров из рядовых бойцов, об этом написал Баурджану: «Я занялся выдвижением кадров. За мои некоторые организационные работы прошу не ругать, а наоборот, прошу всех утвердить. Если у вас имеются лишние командиры – пришлите!»

Баурджан принял эти просьбы Кенжетая. «Поступил правильно!» – одобрил он.

Восьмое февраля 1942 года. С рассветом немцы снова пошли в атаку. Первая атака была отбита. В полдень капитан Гундилович через связного приказал Кенжетая: «Около 40 немецких автоматчиков спускаются с высоты, что на северной стороне села, и идут в наступление. Пошлите одно отделение Ваших автоматчиков и отбейте их атаку!»

При получении этого приказания около Кенжетая стоял Толеген. Услышав приказ, он куда-то побежал.

Кенжетай взял одно отделение автоматчиков и сам повел их к северному краю Бородина. На краю села оказался единственный уцелевший сарай. Когда они подошли к нему, из него послышалась стрельба из советского автомата.

– Посмотрите туда, смотрите же! – крикнул Жумажан, и Кенжетай, оглянувшись в указанную им сторону, увидел трупы немцев. Некоторые из уцелевших, подпрыгивая как лягушки, спешно отступали назад. (Бежать по рыхлому и глубокому снегу было нелегко). Отделение Кенжетая тоже дало несколько очередей из автоматов, но на их долю оставалось немного немцев. Оказалось, что Толеген, услышав приказ, один побежал против 40 немцев и до прихода отделения успел уничтожить 34 из них.

Они захватили все оружие, документы убитых ими немцев и пошли обратно. По дороге Кенжетай сказал Толегену:

Воспоминания друзей-однополчан

– Ты, Такеш, очень уж жаден убивать немцев. Верно, нужно уничтожать врага. С врагом нужно быть беспощадным. Но некоторых нужно брать живыми, чтобы получить у них необходимые сведения...

– Вы хотите сказать, чтобы я оставлял в живых пару немцев на гостинец?

– Да, именно это я хотел сказать.

– Сейчас моя профессия – уничтожение немцев. Кроме этого у меня нет другой цели. Возможно, что один из этих немцев завтра же ранит меня или убьет. Тогда кто же за меня отомстит?

– Мы отомстим!

– Нет, мертвым этого я не увижу. Поэтому я сам должен за себя мстить, тогда я буду доволен и спокоен. Месть других за меня не очень меня удовлетворяет...

Навстречу им вышли Гундилович и Трофимов. Оказывается, они наблюдали за работой автоматчиков.

– Товарищ комбат, Ваше приказание исполнено! 34 немца уничтожены лично Тохтаровым! – доложил Кенжетай.

Гундилович и Трофимов поблагодарили их. Пожали руку Тохтарову. «Ты молодец, настоящий герой!» – сказали они ему.

Уже под вечер в Бородино приехали генерал Чистяков и полковник Капров. Увидев их, Гундилович вышел навстречу и сделал доклад генералу о положении.

– Где автоматчики? Ведите меня туда! – сказал генерал Чистяков.

Кенжетай, увидев подходившего к ним генерала, смутился: «Как я отдам ему рапорт?» – подумал он.

Генерал и Капров приблизились.

– Товарищ генерал, все Ваши приказания выполняем! – сказал Кенжетай.

– Э-э... Выполняем? Почему не говорите, что уже выполнили?

– Так говорить еще рано. Пока враг не будет изгнан с нашей земли, я не осмеливаюсь доложить Вам так...

– Это ничего, товарищ Айбатов. Я осведомлен о вашей работе и очень доволен. Сегодня отдал приказ о выпуске номера дивизионной газеты, посвященной подвигам ваших автоматчиков. Действуете хорошо, отважно, мужественно. Ваши подвиги будут оценены полностью. Хорошо. Тохтаров, где ты?

– Я – Тохтаров.

– А ты, оказывается, вот какой, маленький! А я воображал тебя великаном.

– Товарищ генерал, все наши автоматчики одинакового небольшого роста люди. Таких выбрал сам Айбатов, – сказал Капров.

Генерал направился в батальон. Кенжетай проводил их. По дороге он спросил Капрора:

– Товарищ полковник, как Ваше здоровье? Уже поправились? Приступили к работе?

– Со вчерашнего дня чувствую себя лучше. Очевидно, простудился. Ведь я уже старик. А вы, молодые, и холод для вас ни о чем... Да, к работе приступил, – ответил он.

Уезжая, генерал приказал Гундиловичу:

– Не разбрасывайся автоматчиками, держи их в куче. Они твоя основная сила!

Зашло и солнце. Избы Бородина сгорели, лишь кое-где еще тлеют не догоревшие головешки бревен. На самой окраине деревни стояла небольшая избушка. Одну ей стену снесло снарядом. Вечером автоматчики собрались здесь, поужинали. Бойцы по очереди уходили на посты. Кенжетай решил устроиться в ней. (Так приказал ему капитан Гундилович, и их было всего 18 человек). Выбитую стену пробовали закрыть щитами из соломы, палатками, но от этого теплее не сделалось. Но все же это была какая-никакая защита от ветра.

Бойцы, которым предстояло идти на пост, уснули. Один из них Жумажан. Он, очевидно, очень устал, спал, похрапывая. Кенжетай зажег сальную свечу и стал писать характеристики на особо отличившихся в боях своих автоматчиков. Не позднее завтрашнего дня он должен сдать эти документы.

От Саши нет никаких вестей. Он ушел на подмогу в третий батальон, и Кенжетай не знает, что с ним. Но когда он недавно разговаривал по телефону с Мадьяром, последний сообщил ему: «Третий батальон действует успешно. Приказания выполняются полностью. Особо отличаются ваши ребята».

Уже глубокой ночью Толеген вернулся с поста и, разогрев оставленную для него еду, поужинал. До блеска прочистил свой автомат.

– Вот это оружие, я понимаю! Никогда не подведет тебя, и оно всегда наготове! – говорит он сам себе. Потом стал негромко напевать.

– Оставь пока свои песни, мешаешь...

– Простите, агай, я помешал Вашей работе.

Толеген посидел немного, нахмурившись, потом вдруг спросил:

– Агай, что Вы пишете? Не домой ли письмецо? Неплохо было бы и мне написать старушке-матери.

– Я пишу характеристики бойцам для представления к наградам. Садись и ты, пиши письмо матери. На тебе бумагу, конверт.

– Э, вот это хорошо! Написать старой матери о себе и утешить ее, как это замечательно, – проговорил он и подвинулся ближе к Кенжетаю. – Кстати, представьте к награде и Гришу... Баходдина. Крепкий парень. Показывает замечательное геройство. Молодой Иманбеков тоже показал, что отважен. Пишите и его. А вот про нашего дрянненького Жумажана – сами знаете...

– А если представим и тебя?

– Нет. На фронте, в боях, я только четвертый день и пока ничем не отличился. Меня пока оставьте...

– Хорошо. Садись и пиши матери письмо.

Толеген написал матери коротенькое письмо и прочитал его Кенжетаю. В письме значилось: «Апа! Я жив и здоров. Нахожусь на фронте. Все у меня благополучно, на сердце весело и спокойно, дела идут хорошо. Если я был на заводе стахановцем и перевыполнял нормы, то и здесь стараюсь быть таким же. Напишу еще. От моих товарищей вам горячий привет. Прощайте и будьте здоровы. Ваш сын Толеген. 8/II-42 г.»

Воспоминания друзей-однополчан

– И все? – удивленно спросил Кенжетай.

– Чего же больше?

– Почему ты не написал, как воюешь, сколько уничтожил немцев, и о том, что ты уже слывешь среди своих товарищей отважным батыром? Почему не написал о представлении тебя к ордену?

– Чего же обо всем этом ей писать, останусь жив – сам расскажу.

– Если ты так будешь скромничать, я сам напишу ей письмо.

– Пишите!

Они посидели молча.

– Агай, я хочу вступить в партию. Как, по-вашему?

– Хорошее желание. Напиши заявление, а остальные документы я сам оформлю.

Толеген очень обрадовался и тут же написал заявление. В нем было написано: «Я сам рабочий. Происхожу из бедной крестьянской семьи. Хочу бить немцев, как коммунист. Поэтому прошу принять меня в партию».

Кенжетай прочитал заявление и сказал: «Хорошо».

– Вот, пусть и будет хорошо! Ведь теперь я стал партийным?

Кенжетай чуть помедлил с ответом, не зная, что сказать. Сказать ему, что ты кандидат в члены партии, трудно, ибо нет необходимых документов, анкеты, рекомендаций, характеристики. К тому же заявление не прошло через партбюро и через парткомиссию дивизии. Но Кенжетай, хорошо зная характер Толегена и не желая его огорчить, ответил:

– С сегодняшнего дня ты кандидат в члены партии. Ты теперь коммунист, Токтаров. Старайся оправдать делами это почетное звание!

– Во мне не сомневайтесь! Если завтра будет бой, сами увидите, как я буду уничтожать немцев. Я покажу, как дерутся по-коммунистически.

– Хорошо. Теперь ложись и отдохни, пользуйся возможностью.

– Не хочу спать. Как я замечаю, и вы небольшой охотник до сна.

– Чего обо мне говорить, ты брось болтать, ложись и отдыхай.

Толеген лег и уснул.

Девятое февраля 1942 года. Уже перевалило за 23 часа ночи. В маленькой избушке среди боевых товарищей сидят Кенжетай и Саша. На их лицах написана глубокая печаль. Тесно окружив двух командиров, понуро сидят 35 автоматчиков.

– Эх, а какой был герой! – сказал Инкарбала. – Точно девушка – скромный, чисто-сердечный, уважительный...

– Чего уж говорить, точно огонь горел...

– Э-эх, таких людей мало...

– Усталости не знал. Всегда был готов помочь другому, поддерживал, вселяя бодрость другим... Э-эх...

– Был неустрашимым, как лев. Вот кого нужно называть настоящим воином...

– Даже легендарные батыры в старину не могли быть мужественнее и отважнее, каким был он...

Все это говорилось о Толегене. Лучший друг и фронтовой брат автоматчиков Толеген погиб. Он погиб героически. Его смерть глубоко огорчила всех его товарищей, некоторые даже плачут. Чуть раньше прослезился и Кенжетай. «Но это нехорошо. Мертвый не нуждается в слезах. Ему нужна месть врагу за погубленную его молодую жизнь, нужно, собрав всю отвагу, идти на врага и уничтожить его нещадно», – подумал он и быстро отер слезы. А Саша был чувствительнее его, и из его глаз, все еще не переставая, капали крупные мужские слезы. Возможно, этими слезами он омывал и другую горечь своего сердца...

Гибель Толегена произошла следующим образом: с раннего утра немцы пошли в атаку. Атаке предшествовала ожесточенная артиллерийская стрельба, и только после нее выступила пехота. Но и эта атака желаемых результатов не дала. Вражья пехота была вынуждена отступить. В это время немцы послали три самолета. Эти три стервятника стали кружиться над Бородино, но Кенжетай обманул их. Он выпустил одну синюю ракету. «Ага, оказывается, тут свои», – видимо подумали они и, не сбросив ни одной бомбы, скрылись. Когда они прилетели во второй раз, Кенжетай выпустил две белые и одну синюю ракету. Стервятники как будто ждали этого сигнала: они взяли в сторону и стали бомбить свои же войска. Наши бойцы обрадовались: мы перехитрили немцев! Озлобленные своими неудачами, немцы снова бросились в атаку. В это время Саша и взвод, с которым он ушел на подмогу третьему батальону, возвратились. Все были живы и здоровы, и автоматчики радостно здоровались друг с другом.

Одна группа автоматчиков находилась в блиндаже. Кенжетай и Толеген были там же. Блиндаж был замечен издали, и немцы стали его обстреливать. Изба, в которой ночевали Кенжетай и его бойцы, находилась у самого блиндажа; она загорелась, и густой черный дым пожара пробирался в блиндаж. Немцы, пользуясь этим, стали приближаться, намереваясь окружить. Кенжетай, заметив этот маневр немцев, сказал:

– Толеген, выходи и сообщи товарищам, что немцы пошли окружить нас. А я буду здесь.

– Нет, агай, так не пойдет. Здесь останусь я, а вы идите...

Кенжетай, взяв с собой трех-четыре джигитов, вышел на воздух. Толеген, имея при себе автомат и ручной пулемет, остался в блиндаже. Он, несмотря на удушливый дым, окутавший его, продолжал стрелять. В это время на подмогу автоматчикам подошел присланный взвод стрелков при двух станковых пулеметах. Враг, понеся огромный урон, снова был вынужден отступить. И в этом бою Толеген уничтожил немало фашистов.

В полдень немцы опять пошли в атаку. Завязался ожесточенный, кровопролитный бой. Слева от Кенжетая лежит Жумажан, чуть дальше от него Толеген. Они, вырыв в снегу окопы, беспрестанно стреляли по врагу. Немцы находились в 250-300 метрах от них. Пули с обеих сторон сыпались, как снег.

У Толегена были свои особенные повадки. Если другие автоматчики брали с собой «про запас» два-три заряженных диска, то у Толегена их бывало не менее пяти-шести. В сегодняшней ураганной перестрелке диски Толегена опорожнялись один за другим.

Воспоминания друзей-однополчан

Немцы наступали упорно, сильно. Они стараются разорвать оборону батальона. Внезапно передняя цепь немцев оказалась поблизости.

...Толеген, охваченный горячкой стрельбы, заметил по левую сторону от себя, в 20 метрах, ползущего прямо на него немецкого офицера, выстрелил в него. Это был его последний патрон. Раненный им офицер быстро повернулся и стал ползти назад.

– Жумажан, у меня патроны кончились, дай сюда твои! – крикнул он. Но и у Жумажана не было лишних. Он сам стрелял из последнего диска. Тогда Толеген взял в руки лежавшую под рукой гранату и стал подниматься. В этот момент разрывная пуля, пущенная из крупнокалиберного пулемета, попала ему в живот. Жумажан быстро подбежал к нему и хотел сделать перевязку, но...

– Патроны дай. Я ранил его, а он уходит. Нужно добить его! – закричал Толеген.

– Ты же ранен. Отойди назад...

Герой Советского Союза
Толеген Тохтаров

Толеген, не удостоив его ответам, громко крикнул: «Гоп!» – и, подбежав к отползающему немецкому офицеру, ударил его по голове прикладом автомата. Приклад раскололся пополам. Толеген зашагал назад. Но вторая пуля из пулемета попала ему в грудь. Так погиб смертью героя незабвенный, мужественный Толеген...

Кенжетай даже не помнит, как у него злобно вырвалось:

– За Толегена, товарищи!

И в тот же миг все автоматчики, весь батальон вскочили на ноги и обложили немцев градом пуль из автоматов и пулеметов. Раздалось громкое «Ура!». Артиллеристы и минометчики поддерживали их. Враг не выдержал и быстро побежал назад. Еще несколько десятков немцев своими жизнями отплатили за гибель нашего Толегена.

Похоронили Толегена на холме на восточной окраине Бородино. На его похоронах присутствовали и Капров, и Баурджан, и Мадьяр. Все они выступили с гневными, полными призыва к беспощадной мести к немцам, речами.

– Горный орел, молодой беркут Толеген! Мой величавый лев, отважный батыр, нещадно бивший своими крыльями врага, мой храбрый брат, смявший сопротивляющегося врага своим автоматом, мой родной Толеген! В бою за Родину, за свой народ ты оправдал священное молоко матери, и ты благословенен народом! Ты был молодым батыром. За тебя мы еще не раз сторицею отомстим проклятым врагам! – сказал Баурджан.

Кенжетай был краток: «Будем же готовы отомстить врагам за нашего товарища Толегена!»

Вот почему так угрюмо сидели в этой маленькой избе опечаленные гибелью своего любимого товарища автоматчики. Они, похоронив Толегена, сразу же пришли сюда.

Крутом было тихо, как будто ничего и не произошло... Лишь изредка доносился гул неутомонной артиллерии.

10 февраля. В этот день немцы были менее активными, в атаку не вышли. К нам на подмогу прибыли другие воинские части корпуса, и у нас прибавились силы. И мы стали гнать противника, который с большими потерями начал спешно отступать на запад.

В этот день получили приказ о предоставлении защитникам Бородина отдыха до вечера. Соседние с Бородино деревни тоже были освобождены, и поэтому предстоящий отдых не был сопряжен с большой опасностью. Все уже отдыхали, лишь часовые бдительно стояли на своих постах, а Саша и Кенжетай целый день писали на своих автоматчиков боевые характеристики для представления их к правительственным наградам.

Перебрав в памяти все бои с начала последнего наступления немцев, они представили к награждению орденами 73 бойцов своей роты.

– Не слишком ли много? – засомневался Соловьев.

– Мы поработали немало и неплохо. Мы уничтожили много немцев, захватили кучу пленных и горы трофеев. Освободили сотни сел и деревень, вызволили из немецкого рабства тысячи советских граждан. Все это сделали не десяток отборных героев, а вся наша рота. А если так, мы не имеем права игнорировать их заслуги, это не делает нам чести! – ответил Кенжетай.

Они представили Жумажана, Инкарбалу, Нанахова и Тимошина к ордену Красного Знамени. А для остальных награды не указали, полагая, что в полку сумеют подвиги каждого оценить по заслугам. О подвигах Толегена Тохтарова написали подробнее и указали, что сообразно его героизму ему полагается более высокая награда.

В этот же день Кенжетай написал письмо старой матери Толегена и его малолетним сестрам. Он подробно описал подвиги Толегена и его героическую смерть и поклялся его старой матери нещадно отомстить немцам за смерть ее сына и своего друга.

По приказу штаба полка, после девяти часов вечера полк снова пошел в наступление. И на этот раз во главе всей колонны шли батальон Гундиловича и автоматчики. Последних было всего 37 человек.

На этот раз наступление шло без особенных трудностей и заминок. Враг продолжал отступать на запад, навязывая короткие, но кровопролитные бои за отдельные населенные пункты. И во всех этих случаях они, не выдержав натиска отважных гвардейцев, терпели поражение за поражением, а оставшиеся в живых бежали, не останавливаясь. Эти бои требовали молниеносных перемещений, быстрой ходьбы, форсированного движения вперед. И когда появлялась возможность взять врагов в окружение и уничтожить их, автоматчики воевали с особым напряжением сил.

В одном из боев ранили комиссара второго батальона Трофимова, и он был отправлен в тыл. Это было 20-го февраля. Кого назначить на его место? Капитан Гундилович просил комиссара полка Мухамедьярова дать ему комиссаром Айбатова.

Воспоминания друзей-однополчан

– Хорошо, пусть будет по-твоему! – ответил ему Мухамедьяров и в тот вечер, вызвав к себе Кенжетая, сказал ему, что он пойдет на новую работу.

– Тебя назначаем комиссаром второго батальона, а на твое место пришьем другого политрука, и ты немедленно сдай ему свои дела, – сказал он.

– Пошлите комиссаром другого человека. Я в партийной работе не имею достаточного опыта, мне будет очень трудно, и я не хочу слышать от вас укоры за плохую работу и краснеть перед вами. И еще – я не хочу оставлять свою роту. Оставьте меня на моей прежней работе. Ведь имеются и другие политработники с большим, чем у меня, воинским званием! – ответил Кенжетай.

– Эй, что ты тут мелеешь несуразицу! – вдруг вмешался Баурджан, лежавший на кровати. Он приподнял голову: – Что ты? И даже не пытайся отказываться. Гундилович сам тебя просит, а мы оказываем тебе доверие и поддерживаем его просьбу...

Кенжетай не нашел что сказать.

– Ну, хорошо, пусть будет по-вашему. Но прошу помочь мне в работе.

Мадьяр, посадив Кенжетая рядом с собой, долго беседовал с ним. Помог составить ему рабочий план. Тут же присутствовал секретарь партбюро полка Александр Васильевич Астахов (старший политрук). Он тоже дал много дельных советов.

К этому времени полк приблизился к городу Холм с северо-западной стороны и здесь, по приказу Ставки Верховного Главнокомандования, начал создавать крепкую оборону.

Непонятно почему, но зима 1942 года была очень теплой. Уже в феврале выглянуло солнце, и снег начал подтаивать. В теплые зимы в этих местах болота не успевали замерзнуть, и поэтому рыть земляные окопы было очень трудно, в них все время появлялась вода. Укрепления пришлось делать из бревен и снега.

23-е февраля. Сегодня двадцать четвертая годовщина формирования Красной Армии. Специальным приказом командования полка были отмечены отличившиеся в боях воинские части и подразделения, и в их числе удостоились особой похвалы рота автоматчиков и батальон Гундиловича. Многие бойцы и командиры были представлены к правительственным наградам.

Баурджана представили к самой высшей награде. Толегена Тохтарова и Кенжетая Айбатову представили к звезде Героя Советского Союза.

Этот приказ сильно взволновал Кенжетая. Его скромный труд был оценен слишком высоко, но это радовало его. «Как же это? Ведь я не так уж много сделал. Убивать немцев – гражданский долг каждого из нас. Я же только выполнял свой долг», – думал он. В связи с этим он много думал о том, что такое героизм. «Казахская поговорка гласит, что «одно дерево не будет домом, одинокий джигит не будет бием» (судьей). Как бы ты ни был силен, какими бы лучшими человеческими качествами ни обладал, не имея поддержки широких масс, без надежных товарищей и друзей – ты ничего не стоишь, ты – ничто. Тогда весь твой героизм похож на перекасти-поле, не имеющее своего пристанца. Масса создает героя. Если она не оценивает, то ты – не герой и никакого почета не заслуживаешь...

«Герой – не герой, а герой – их вождь», – замечательно сказал Баурджан. Это правильно. Бесценные слова. Мой маленький труд высоко оценен Баурджаном, Мадьяром, автоматчиками. Я должен и в будущем оправдывать их доверие».

В тот же день, 23-го февраля, Баурджан был назначен командиром полка, в котором раньше служил командиром батальона. «Правильно решили. Баурджан очень талантливый полководец, который может с успехом командовать не только полком, но и дивизией», – написал в своем дневнике Кенжетай.

* * *

Я – солдат Великой Отечественной войны. В этих очерках я написал о ратных делах нескольких сынов казахского народа, воюющих с ненавистным врагом за свою любимую родину, за свободу, честь и за счастье своего народа. Эти записи производились в блиндажах, в темных или совершенно разрушенных избах, на полу, под гул артиллерийских канонад и свист дождем сыплющихся пуль. Эти условия мешали автору сосредоточить свое внимание, мешали думать и многому тому, что необходимо для того, чтобы написать хороший очерк. Это понятно каждому.

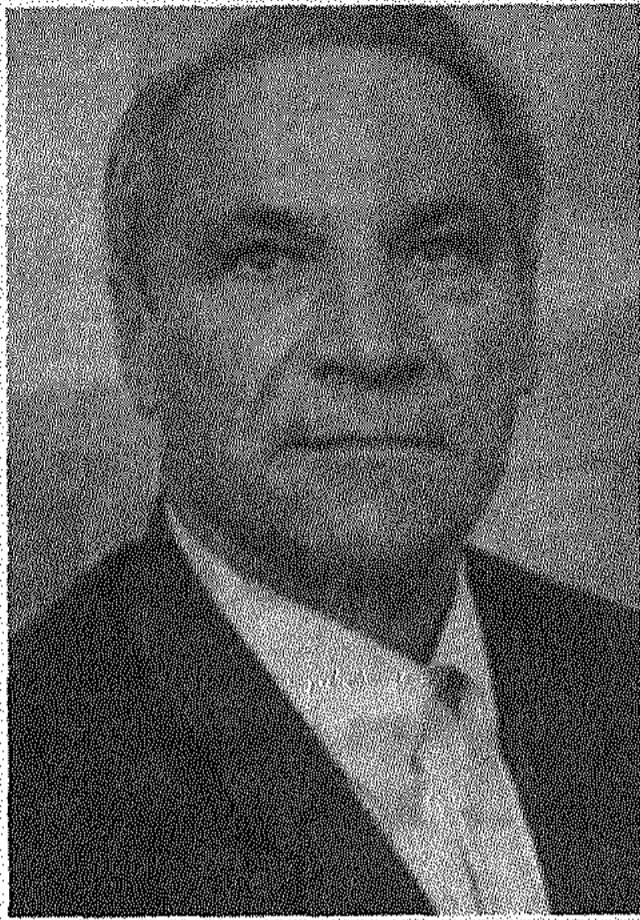
Здесь лишь несколько эпизодов из боевой жизни воинов-казахов. И это лишь маленькая толика их мужественных дел и подвигов. Писать о них более подробно будем уже после окончания войны. Пока довольствуюсь этим.

Мы – казахи. Мы – племя батыров, прославленных в веках. Внуки этих батыров творят на фронтах Отечественной войны героические подвиги, удивляя весь мир своей отвагой, мужеством. Пока имеются эти батыры, казахский народ не потерпит ни оскорбительного унижения, ни срама позорного бесчестия. Наоборот, еще выше и ярче взвьется его слава.

Великая Отечественная война – яркое доказательство этому.

Воспоминания друзей-однополчан

Дмитрий СНЕГИН

Дмитрий Федорович Снегин, настоящая фамилия Поцелуев (1912-2001) – народный писатель Казахстана, участник Великой Отечественной войны. Родился в Алма-Ате.

Во время Великой Отечественной войны в составе 316-й стрелковой дивизии (впоследствии 8-я гвардейская дивизия имени И.В. Панфилова) прошел боевой путь, последовательно занимая должности: командира дивизиона, начальника штаба артиллерийского полка, начальника штаба командующего артиллерией дивизии, командира гвардейского артиллерийского полка. Участник битвы за Москву.

После войны Д.Ф. Снегин посвятил себя литературной деятельности. О военных годах написал повести «На дальних подступах» (о боях под Москвой), «В те дни и всегда» (о защитниках Брестской крепости), «Парламентер выходит из Рейхстага», «Ожидание».

Работал главным редактором журнала «Простор», корреспондентом «Литературной газеты» и журнала «Огонек» по Казахстану и Киргизии, был секретарем Союза писателей Казахстана. Среди его наиболее известных произведений – «В городе Верном», «Осеннее равноденствие», «Утро и два шага в полдень».

ОТКРЫТЫЙ ВСЕМ. БЕСЕДЫ С БАУРДЖАНОМ МОМЫШ-УЛЫ

*Передо мной географический атлас. Просматриваю... Северный и Южный полюса.
Я микро, микросущество. До сих пор не знаю – где мой Север и где мой Юг.
Как это печально...*

*Ехали в купированном вагоне. Нашим соседом был майор НКВД.
Я попросил поднять мой чемодан наверх.
– Уф, какой тяжелый... золото, что ли?
– Не золото, а горе.
– ?!*

*– Самое тяжелое в человеческой судьбе – это горе, сынок.
(Из дневников Баурджана Момыш-улы)*

На исходе март – теплый, просветленный день. Сидим в его пустынном кабинете, трезво чаевничаем. Предбеседа затянулась: долго искали карандаш, его любимый, нестандартного размера. Такие карандаши в старину называли столярными. Не нашли. Баурджан посуровел, но настроение не испортилось. Умиротворенно раскурил сигарету, умиротворенно принялся плести венок беседы.

– Я буду говорить через твое перо с потомками, когда уйду в прекрасный из миров. Подсознательно (интуитивно) ты и сам придешь к этому – совесть поведит! И это станет твоим щитом: так называемая мирная жизнь не менее опасна, чем жизнь в окопе, на войне.

Мой разговор с тобой носит завещательный характер. Как поэт и офицер ты должен отнестись к этому серьезно и уважительно. – Пауза, не таящая в себе взрыва. – Я – природа, и со мной надо считаться. Природа скупа: животному, растению и человеку она дает жизнь один... один... один раз!

В голове зудит: друг мой, Баурджан, ты – частица природы... пусть – материк. Неужели тебе этого мало? «Я – природа». Но он умел мыслить вслух, я учился слушать.

– Когда говорят, что кто-то на кого-то похож, я смеюсь: ложь. Природа не знает повторений, она великий художник и не признает копии. Все сущее на земле один раз рождается, один раз живет, один раз умирает. Природа вечна потому, что она никому не сулила бессмертия.

– А любовь?

– Любовь, как и ненависть, дана свыше. – Пауза. – Прошу тебя, не перебивай течение моей мысли.

– Прости, но ты не боишься умереть?

– Я не боюсь смерти: это естественное явление в круговороте жизнетворчества... можно так сказать по-русски? Рождение – торжественный, радостный акт. Но только глупые люди считают смерть печальным актом. Я буду умирать торжественно, вечную разлуку перенесу мужественно.

Он принялся разыгрывать вариации на тему Жизни и Смерти ...Надо иметь моральное право умереть торжественно. Если ты жил дурно (плохо), умрешь, как свинья, – пышность похорон не скроет язвенных пятен.

...Появившись на свет, разве человек понимает, что он родился? Но в свой последний судный час он понимает, что умирает.

...Когда я умру, я стану хорошим Баурджаном – для всех, потому что буду молчать, а теперь болтаю.

...Я – баловень судьбы: я – международный хулиган. Тяжело это переносить другим. Мне еще тяжелее. Смерть уравнивает чашу весов.

Баурджан шумно втягивает в себя степной воздух, настоящий на горькой целебной полыни. А шепчет, чудится мне, шепотом несравненной Гаухар:

– Я вышел из хорошего гнезда и уйду в хорошее гнездо. Я не боюсь смерти и умру торжественно. Имаш - имя моего благородного деда. Когда я появился на свет, ему было девяносто два с плюсом. Сейчас мне 58. Сегодня нам обоим столетие плюс полстолетия. В прошлом году я похоронил самую младшую дочь деда тетушку Пиаш. Ей исполнилось всего восемьдесят восемь. Через нее благородный Имаш наставлял и поддерживал меня. Спустя два месяца ушла к праотцам старшая сестра Убианна, известная тебе и читающим мои рассказы людям под именем Музей-апа. Она преставилась молодой – в шестьдесят восемь лет. Потом я похоронил свою старшую жену Бибижамал. Я величаю ее Первоженой. Она покинула свет совсем юной. Нынче ей исполнилось бы пятьдесят три. Мы развелись (не расстались!) четверть века назад. Ей надо было умереть, чтобы я здраво понял и с болью в душе почувствовал – люблю ее одну, уважаю ее одну, не хватаю ее одной. Я плачу. Я слышу голоса: «Лицемер!». Но пусть преследователи поймают своими расторопными ладонями хоть одну слезинку прозрения и раскаяния, и она прожжет им сердца, как расплавленный свинец.

Он плакал беззвучно и горько. Ясноликий день померк. На пост у окна заступила влажная мартовская ночь, чем-то похожая на Гаухар в юности. Баурджан немного успокоился, но мысль его продолжала поиск вариантов.

Воспоминания друзей-однополчан

...Казахская народная пословица свидетельствует: смерть раскидывает богатство баев.

...Казахи говорят: смерть в семье бедняка обнажает ему задницу.

И – с удовлетворением, утвердительно-благодушно:

– Я не бедняк. Я богатый человек. Я очень много зарабатываю (получаю!) денег. Я – поэт, я – художник... Я нахал: я отбираю, когда мне не дают!

– И это от благородного деда Имаша?

– Да, это наша фамильная черта. Брать – не грабить, не разбойничать. Разве я похож на грабителя с большой дороги? Я – гвардии полковник, гражданин СССР. Я брат Дмитрию Снегину, у меня есть гражданская совесть. Я творческий человек и имею право на самостоятельное мышление. Я углубленно изучаю марксизм, чтобы совершенствовать мысль. На все учение не хватит жизни. Я военный профессионал и изучаю положения о войне и мире. Я очень неграмотный марксист, но я учусь.

– Помнится, ты упоминал и о других учителях.

– Панфиловцы. Все. Я не забыл о них и никогда не забуду! Если бы не они, не было бы Баурджана Момыш-улы. Я обнимаю живых, я преклоняюсь перед памятью павших.

Он оглядывается по сторонам грустно, отчаянно, как бы прощаясь.

– Я ухожу. – И мне. – Ты уйдешь. Мы уйдем. Завтра жить молодым. Я обращаюсь к вам, молодые. Я очень прошу вас: уважайте наши седые усы, лысые головы, наши пораненные души и сердца! Уважайте наши родительские чувства! Будьте достойными гражданами. Амен.

Баурджан подходит к окну, грузно опирается на подоконник. Уткнувшись лбом о стекло.

– Так я скажу молодым и уйду, но завещание останется с ними – через твоё перо!

* * *

В бою есть один закон, который я знаю: убивать или быть убитым.

Оборвав двустигшие на трагической ноте, Баурджан вдруг переменялся: ни хриплой ярости, ни разящего нетерпеливого жеста. В глазах – восторг и умиление.

– Оказывается, у нас, у казахов, до невозможности звучный, живописный и выразительный язык! И какой я бездарный переводчик.

В душе я обрадовался: друг переболел. Не тут-то было.

– Третий приказ моей Родины: гвардии полковника Баурджана Момыш-улы выбросить за борт из рядов Советской Армии! Генштабиста, ординарного профессора Военной академии – за борт! Не народ, не партия выбросили, а чиновники-преследователи во главе с душкой Гречко! Я образованный военный, мог бы командовать еще лет пятнадцать. Мне дали хорошую пенсию – 200 рублей, и самым глупым образом приказали: не рыпайся, лежи на койке и плюй в потолок. Как ты думаешь, на плевательское дело хватит двухсот рублей?

Прекрасное занятие для образованного офицера! Как гражданин и честный офицер СССР, был этим глубоко оскорблен и унижен, мое самолюбие уязвлено.

Возвращаюсь к третьему приказу. Я ему не подчинился. Ты знаешь, я офицер дисциплинированный, и мне стоило адских мучений послушаться. Словом, я послал всех своих начальников к такой-то матери – и начал писать. Я стал писателем от обреченности. Казахи-дураки (не народ, руководители казахи) издевались надо мной, а я решил издеваться над ними, решил наказать их. Через кого? Через моих русских друзей Иванов я начал писать по-русски, и Ивановы меня поняли и приняли от Балтийского до Японского морей. Что оставалось делать моим казахским недоброжелателям для спасения своего престижа во главе с твоим любимчиком Габитом? Хотя бы не отворачиваться от меня принародно. Так и заставил твоих уйсуней признать меня как писателя.

Я прихожу к тебе с большим доверием, потому что ты понимаешь меня.

Ты – семиреченский казак, и у тебя в руках была плетка, ты сменил ее на перо. У меня в руках оказалась более магическая вещь: понимание. Я – националист на марксистско-ленинской позиции. Многие мои сородичи втайне причисляют себя к националистам, и понятия не имея, что такое национализм. И наушничают: остерегайтесь, Баурджан – националист. Но от иных Иванов мне больше достается, чем от своих Мыркимбаев. У меня хватает мужества и разума не обижаться ни на тех, ни на других. Как не могу обижаться на казахский и русский языки, на которых они говорят. Язык каждого народа от Бога! В этом – интернационализм. Я – интернационалист на марксистско-ленинской позиции, потому непримиримо борюсь с лицемерами и растлителями моего народа, моего многострадального родного языка, не даю им спуска. «Екі аяғын бір етікке тықтым!» – Обе их ноги затолкал (обул) в один сапог, пусть попробуют походить, так их мать!

Он уже не ярился, а искал выход, спасение в беспшабашном юморе, в притворной грубости, брани. Он страдал оттого, что не мог скрыть своих страданий...

* * *

– Наберись терпения и слушай. Иначе мы не докопаемся до корней. Корни – в уравниловке. Как она утвердилась в нашем обществе, когда? Предмет для научного исследования – в будущем. Я считаю отцом уравниловки (не пугайся!) был Ленин. Сталин – это Ленин сегодня. Не обвинение – факт. Жить стало лучше, жить стало веселее. Существование в том – как понимать... точнее...

– На словах, а на деле?

– ...с чем кушать эти самые «лучше» и «веселее». Что у человека на плечах – Бас¹ или кочан капусты?

На языке пропаганды и коллективная масса, и общество – личности. Любая проворотливая кухарка сможет управлять государством. В цивилизованном обществе так не бывает. По двум причинам. Первая: цивилизованное общество состоит из хороших нормальных людей и потому способно генерировать из себя (готовить, воспитывать) лидеров. В силу выдающихся способностей они самовозвышаются над соотече-

¹ Бас – голова по-казахски.

Воспоминания друзей-однополчан

ственниками и ведут их, окрыляемые духом верящей им нации. К таким я отношу (не пугайся!) великобританца Черчилля. Вторая причина: нормальному обществу благоволят Боги, посылая ему вождей-пророков. К таким я отношу святого Ганди. – Произнося имя Черчилля, Баурджан воспроизвел грохотание стального локомотива; в имени Ганди – едва уловимый шелест лепестков расцветающего лотоса.

– А Сталин? – спрашиваю я.

Он продолжает развивать свою мысль.

– Восток-Запад. Мы болтаемся между. Нахлебавшись дерьма, придумали уравниловку. Стрижем под одну гребенку и головы, и души... Что касается Сталина... время его не прошло, судить его будут другие. Сегодня уместнее вспомнить об Иване Васильевиче Панфилове.

– Он – личность, это общепризнано. И все же, что ты думаешь о нашем генерале?

– Он не принадлежал к выводку стригунов.

Я знаю: к числу злокачественных (его слово) и лично ему особенно неприятных стригунов он причислял маршала Советского Союза Гречко. Об этом он говорит неохотно – тщеславие (благородное!) не позволяет. Гордыня поправа, и он молчаливо страдает. Иногда его прорывает: по вине душки Гречко ему не присвоено звание Героя Советского Союза, не присуждено звание генерала. Расскажу об этом подробнее.

Мы, трое однополчан Баурджана – Алексей Кузнецов, Балтабек Джетпыспаев и я – составили бумагу на имя члена Политбюро ЦК КПСС, Первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Димаша Ахмедовича Кунаева, прося его походатайствовать перед Политбюро и Президиумом Верховного Совета страны о присвоении нашему боевому другу вполне заслуженного им в сражениях против немецко-фашистских захватчиков высшего отличия – Героя Советского Союза. Разумеется, втайне от Баурджана... Но этот вездесущий узун-кулак!

Кунаев не заставил ждать. При встрече я попытался прояснить кое-что из того, что могло, на мой взгляд, способствовать успеху. Он поддержал, но без обвиняков предупредил:

– Как понимаешь, Дмитрий, в таком деле время не подтолкнешь. Претерпите вместе с Баурджаном. Подаю знак.

Мелькали дни, бежали недели, шагали месяцы. Знака не было. Я страдал, избегая встреч с Баурджаном. Избегал и он, не меньше меня страдая. Наконец, долгожданный звонок из ЦК КПК. И вот я снова в кабинете Первого. Обычно Димаш Ахмедович бывает, приветлив, по-домашнему радушен, независимо от того – предстоит ли сообщить собеседнику приятную новость или огорчительную.

Приветлив он и сегодня, но, судя по тому, как он увлеченно и подробно принялся говорить о повседневных делах республики и о любимой (им и мной!) Алма-Ате, я сразу догадался – Баурджана будет нечем порадовать. Так и случилось. Посчитав, что настроил меня на нужный лад, Димаш Ахмедович озабоченно спросил:

– Скажи, Дмитрий, чем мог разгневать министра обороны твой фронтовой друг?

Я молчал. Не мог же я открыть, что мой фронтовой друг величает министра обороны то душкой, то маркизом, а то и сладкой ехидной. «Выскачка» звучало в его инто-

нации высшей похвалой. О высказываниях Баурджана по поводу талантов маршала Гречко, о его боевых подвигах, к которым прибегал ординарный профессор в своих лекциях с кафедры Военной академии тыла и в личных перепалках, ходили легенды... Не дождавшись моего ответа, Д. Кунаев продолжал:

– Гречко слышать о нем не хочет, всех членов Политбюро настроил против, склонил на свою сторону Леонида Ильича. Рассчитывать на положительное решение в ближайшем обозримом не приходится...

Ближайшее обозримое – величина бесконечно неопределенная, покрытая мраком непредсказуемости. Огорчился, потерял ли надежду Баурджан, узнав правду? Внешне нет. А в глубине души?

– Я верю в порядочность (проснется!) даже стригуна номер один. Меня угнетает другое, Димаш не особо благоволит мне, но и не против Моей Звезды. Он видит, какое ничтожество, обожаемое Леонидом Ильичем, занимает ответственный пост министра обороны. И безмолвствует. Я не упрекаю, не осуждаю: наши мысли и чувства подавлены ложно понятым призванием служить высшим интересам. Но есть же такое понятие – интеллигентность.

– Ты осуждаешь Димаша Ахмедовича или все Политбюро?

– Политбюро, как орган, само по себе серьезно. Но когда и там начинают главенствовать личные и родственные связи, об интеллигентности... – Запнулся и спросил:

– Что означает слово сиречь? Совпадает... об интеллигентности, сиречь порядочности личной и государственной, речи быть не может.

– А мы интеллигентны? Ты... я?

– Есть интеллигентность природная, неграмотная, но по здоровью равная материнскому молоку. Им этого не понять!

* * *

В его нетерпимости была и другая подоплека. Он не терпел третьего, когда на него накатывала волна размышлять. В такие часы ему нужен был собеседник, а не компания собутыльников. Потребность в таких беседах – вдвоем – с глазу на глаз с годами возрастала и теснила шумные дружеские застолья. Собеседником (аккумулятором) мог оказаться любой из смертных – в соответствии с настроением и течением мысли, его полонившей в данный момент. Выкладывался до изнеможения, досуха вылизывая доньшко души. И повторялся, не в силах владеть страстью к вариациям темы.

Предмет исследования мог оставаться прежним, но палитра красок и звуков менялась. Помнится, как возликовал он в разгар культа Брежнева, а через него культа Малой земли:

– Бог есть, он уберег меня от позорного Золотого Знака.

– ?!

– По твоему ходатайству я мог получить Звезду Героя из рук лже-маршала Малой земли, пожелай того высокопоставленная министерская душка.

– Ты завидуешь, что не хорошо... Твои слова?

Воспоминания друзей-однополчан

Воспоминания, размышления...

цию?! – Он задохнулся в сигаретном дыму, закашлялся. – Так нас развращают, кого кнутом, кого пряником. Я развращен больше других! О, времена, о нравы... Подвинь карандаш вспять и зачеркни «О, времена», «Нравы» оставь.

Раскручивает тему – авантюрист. Всплывают имена: Казанова, Калиостро, Чокан Валиханов, Распутин Григорий. Из литературных героев пристегнул к племени «уголовно ненаказуемых» авантюристов Евгения Онегина, Алдара Косе, Печорина, Григория Мелехова. Особенно близок ему Чокан: свой брат – военная косточка. Подробно, увлеченно, сказал бы, со вкусом живописал портрет этого авантюриста (разумеется, в благородном понимании). От таинственной неподвижности глаз до мундира. Ах, этот мундир – от лучшего военного портного Санкт-Петербурга! Как он подогнан по фигуре; любая выточка, галун, отворот отмечены печатью смысла; как он застегнут – каждая пуговица безупречно исполняет свою служебную функцию. Об аксельбантах и эполетах надо слагать баллады.

Интересно.

– Почему не элегии?

Баурджан удивлен.

– Гвардейский артиллерийский офицер и не слышишь: баллада... баталия... битва. Между ними стоит знак равенства.

Успокоился и вернулся к описанию обладателя мундира. Чокан в нем горделиво-изящный. Плечи развернуты ненасильственно, а по кадетскому духу; живота как бы нет вовсе, вся фигура сухощава, стройна, динамична. Лицо теплое, но непроницаемое. В спокойном взгляде – энергия и способность к мгновенному маневру. Он знал, что его сжирает (можно так по-русски – «сжирает?») чахотка, но физический распад отступал перед силой духа. Решиться на такое: побрить голову, с грустной готовностью расстаться с мундиром, облачиться в бесформенные восточные одежды – правда, в них покойно сидеть, сложив ноги калачиком... Обрати внимание: со сменой одежды (цели) переменилось обличье Чокана Валиханова. Из лощеного штаб-ротмистра

– Мои! – И зловеще помолчал. – Ты оби-
делся за Брежнева. Не горюй – завтра он
присвоит себе высочайшее воинское зва-
ние – Генералиссимуса Советского Союза.
Ура! Ура!!! Ура!!! Почему молчишь?

Он перекалился, глаза вращались, как
пушечные ядра, лицо почернело.

– Допустим – ура. А если серьезно?

– Малоземельцы ликуют, лобызают-
ся с ним, а я страдаю за них. Они –
истинные герои, как и миллионы других
фронтовиков. Но Малая земля – не пуп
земли в Великой Отечественной. Битва
под Москвой и Сталинградская битва,
Орловско-Курская дуга чуешь дистан-

он преобразился в преуспевающего мусульманского торгаша: само достоинство (не чванливость) и предупредительность, готовность внимать старшему. В глазах – сметливость и скрытая любознательность джигита, воспитанного в уважении нравов и обычаев чужеземья. Он пустился в далекое путешествие во всеоружии разведчика и авантюриста.

Его не могли не заметить в благословенном Аллахом Кашгаре – такие города прозорливы. Прозорливы духовные и гражданские власти, обыватели, разноязыковое купечество и международные явные и тайные разведчики, сиречь – авантюристы. Сам Чокан был первоклассным разведчиком, преданным Престолу и Отечеству («пиши с большой буквы»). Бесстрашный и быстрый, как сункар. Хитрый, находчивый, умный.

Честный. Превыше всего – честь мундира. Сегодня при слове «мундир» у иных пустомель с языка срывается безобразный лай. Но караван идет. Мундир и честь – едино... Я никому не позволю плевать на мой мундир, на меня! Плевать на Его Светлость принца крови штаб-ротмистра Чокана Чингизовича Валиханова! Молчать!!!

– Помолчать будет к месту. Но позволь спросить: чапан и шалбары преобразили Чокана не потому ли, что стали для него новым мундиром?

Баурджан споткнулся.

– Компромисса не вижу. Но в одеждах купчишки он выглядел молодым оболстительным повесой, по крайней мере, в глазах местных красавиц, тайно на него взиравших. Одна из них влюбилась в него, как вляпалась в бочку меда – ни обнять, ни положить в постель. Готовясь к венцу, он знал, на что идет. В Кашгаре это было его делом – делом авантюриста, долга и чести. Все, что касалось юной красавицы, было предусмотрено пропозицией операции. Но это был обман женщины, и Чокан страдал. И дрогнул. И открылся женщине. Она не в силах была ни разлюбить, ни простить, не хотела безропотно покориться судьбе.

Должен тебе заметить – полигамность мусульманской семьи – не всегда порок, а токал (вторая-пятая жена) – не всегда падшая женщина. Юная дева умоляла возлюбленного взять ее в свой гарем, видя в этом счастье. Она же не знала, что дни пребывания Чокана на грешной земле сочтены: он был повенчан с самой преданной шлюхой – чахоткой.

– И в этом ты видишь авантюризм Чокана?

– Перестань подкусывать! Еще надо выяснить – в нем истинная природа его таланта: быть военным, ученым или авантюристом, сиречь (далось ему это слово) – разведчиком.

Во всяком случае, искусством притворяться (перевоплощаться) он обладал сполна.

– В надписи на мраморной плите, положенной на могилу Чокана, о талантах принца крови сказано более определенно.

– Напомни.

Я беру лист бумаги, карандаш, стараюсь воспроизвести славянскую и арабскую вязь, высеченную на мраморе золотом:

Воспоминания друзей-однополчан

«Здесь покоится прахъ штаб-ротмистра Чокана Чингисовича Валиханова скончавшегося в 1865 г.

По желанию Туркестанского Генераль-Губернатора Адъютанта Фон Кауфмана I-го во внимание ученыхъ заслугъ Валиханова положенъ сей памятникъ Генераль-лейтенантомъ Колпаковскимъ...».

– Слышишь: во внимание ученыхъ заслугъ.

Баурджана поразило другое.

– Вот классический пример дружбы народов. Кауфман – Чокан – Колпаковский. – И счастливо улыбнулся: – Их соединил благородный дух авантюризма. Сильнее и естественнее он выражен у Валиханова.

Натура его триедина: ДОЛГ, ЧЕСТЬ, ПОРЯДОЧНОСТЬ. Он вынужден был бежать от своей нареченной.

– Все это интересно и звучит правдоподобно... Но ты – авантюрист?

Баурджан отпрянул, растерялся, незащищенная детская улыбка смягчила суровость лица. Стало понятно: халат авантюриста на себя он не примерял.

– Ты спрашиваешь или утверждаешь? – Это был верный ход.

– В благородном...

– Хотел бы быть им. Увы, возраст Христа позади. Авантюристом надо родиться. Редкое счастье, оно выпало Чокану.

– Он – личность?

– Да. И даже понимаю, куда ты клонишь: личность ли я?

– От рождения?

– Да... да! Но я незавершенная личность. – Горькую пилюлю признания он запил вермутом. – Завершенные личности не пьют, даже попав в большую беду, чем моя.

– Я догадываюсь о причине твоей беды: капустоголовые.

– Ты ошибаешься причина – во мне. Мы привыкли во всех бедах винить других. Это свойственно и простым смертным, и представителям высших эшелонов власти, технократам, культуртрегерам, партайгеноссам. Человек легко поддается развращению. Даже не обернутые в золотые облатки пороки мы глотаем пригоршнями, и никто еще не подавился. Не так страшно несварение желудка, как несварение души. Мы глухи к призыву: «Загляните в собственные души». Мы разрушили нравственные устои. Мужество заключается в том (я назвал бы его очистительным), чтобы найти силы заглянуть и не отвернуться, обнаружив в собственной душе клоаку.

– Между верой и мистикой ты ставишь знак равенства?

– Они разнятся, как правда и искренность. – Помолчал. – Между прочим, мистика не всегда мракобесие, она – успокоение.

– А совесть?

– Позволь закончить мысль...

Правда – Ложь, Добро – Зло – имена существительные, земные. Искренность – Лицемерие, Бесстрашие – Страх – космические свойства. Что касается совести, она вечна и неизменна. Ее нельзя ни найти, ни потерять – в отличие от Зависти. Ее либо содержат в чистоте, либо оскверняют.

Даже убивают, но она живет. – Усталое молчание обозначило паузу. – Меня беспокоит другое, Страх.

– Ты имеешь в виду трусость?

– Я имею в виду то, что имею. На войне страх благороден. Страх потерять Родину, друга, свою жизнь. С потерей личной жизни будут потеряны мать, отец, братья, сестры, дети – навсегда.

Он долго и упорно распахивает поле военного благородного страха. Как правило, подвиги – малые и большие – солдат совершает подсознательно («если угодно – сверхсознательно») с подсказки страха. Редкие комиссары понимают это. Вообще главный недостаток политруков и комиссаров заключается в том, что они не умеют молчать и слушать. Утаивать и молчать – разница. Молчание – не только дар Божий. Его можно, в отличие от совести, сделать усилием ума и сердца. Признанный нами всемогущим пламенный агитационный лозунгизм толкает нас на преступление под видом исполнения патриотического долга. Под воздействием духовно-благородного страха, мы, фронтовики – мертвые и живые – из огня вышли очищенными от скверны трусливости. Быть убитым – очищение. Стать изменником – скверна, позор.

Он крепко трет лоб ребром ладони – до красноты, до синевы. В глазах – безнадежность на лучшее.

– Спустя сравнительно короткий срок нас начала разъедать скверна послепобедного страха. И опять (и прежде всего) – страха за судьбу Родины. Приверженцы волюнтаризма, теоретики экономной экономики превратили страну в подопытного кролика?! Позорrrr!

Он мучился, страдал, искал выход и не находил; теме страха отдал много нравственных и физических сил, бессонных ночей, если не сказать – болезненных раздумий. Его что-то преследовало – значительное и неотвратимое, как рок. Казалось, нашел выход из тупика: написал рассказ «Спина». Помните?

«Говорят, лицо – зеркало души... Гораздо более, на мой взгляд, выразительны руки: произвольная дрожь или едва заметные движения выдают расслабление нервов, но особенно – многим это покажется странным – до чего же выразительна бывает спина человека... Вскоре представился случай испытать характер капитана. Надо было послать небольшую группу в тыл противника с задачей – внезапно напасть ночью на штаб полка и, если удастся, захватить документы и двух-трех пленных...

Я вызвал капитана, поставил перед ним задачу, рекомендовал ряд вариантов плана действий группы. Капитан выслушал приказ, по всем правилам ответил, артистически, как всегда, откозырнул и с обычной лихостью щелкнул каблуками. Но когда он шагнул к двери, я увидел его спину. У него чуть опустились плечи, и спина сделалась какой-то круглой, выпуклой. Вот уж никак не ожидал, что увижу стан этого человека в такой степени бесформенным! «Грудью брал – спиной выдал. Трусит. Может погубить людей и сорвать задание»...

Наступила разрядка? Нет, испытание страхом продолжалось. Он перестал произносить это слово, не чертил на бумаге. Заболел. Не может дотянуться до сигареты.

Воспоминания друзей-однополчан

– Дай помощи.

Он милостиво разрешает. Густо дымит и сквозь дым густо сипит:

– Перед тобой распростерта старческая немощь.

Литера «Щ» зловеще шипит, свистит, шуршит, конвульсивно извивается. Баурджан лежит в неудобной позе – неподвижный и расчлененный, но как бы торжествующий в своем расчленении. Открытие в себе наличия старческой немощи придало ему силы и надолго завладело сознанием, направив размышления в свежее русло.

– Я миг! Я вечность!

Стихотворной интонацией он пытается утвердить себя в новой ипостаси. Не удастся. И возвращается на ухабистое поле прозы.

– Старость – преддверие вечности. Миг – печать сиюминутности. У вечности нет настоящего: одна сторона медали – прошлое, другая сторона – будущее. Медленное, мощное и непрерывное течение. Миг по своей природе статичен. Он еще не прошлое, но и еще не будущее. Миг, молниеносно пронизывающий пространство и время, это как движение, нами неощутимое. Живя в миге, именуемом настоящим, мы, подобно маятнику, перелетаем из прошлого в будущее. И наоборот.

Я слушал и смотрел на него со страхом и надеждой. Баурджан искал что-то важное, изнемогал от напряжения и не мог нащупать. Пугала его поза. Он лежал не только неподвижно, а каменел на глазах, как сгусток извергнутой вулканом магмы. «Ему поможет глоток коньяка», подумал я и опрометчиво сказал:

– Мигов и вечности у нас большой запас, давай лучше выпьем.

В другое время он бы одернул меня: «Не дерзи!.. Молчать!.. Не кричи на меня!». Я ждал, что так произойдет и теперь. И обрадовался бы, услышав окрик. Но Баурджан не шелохнулся. И продолжал исповедоваться.

– Многие считают меня самодуром... Не дергайся и не торопись опровергнуть неопровержимое. Я не хотел бы пробудить в тебе лжеца. Этим я хочу сказать: мне было бы больно потерять друга. Ты терпишь меня, потому что не можешь лгать, я терплю тебя потому, что не самодур!

На душе стало легче: мой друг, похоже, приходил в себя, хотя и не намеревался расставаться с позой старческой немощи. И оттенки самоунижения давали о себе знать.

– Да, да, в глазах многих – я невежда и самодур. Прошу тебя, Митюля, зафиксируй (для потомства) на нестерпаемой бумаге перечень моих крупных самодурств.

Я вынимаю из нагрудного кармана блокнот, пытаюсь «расписать затвердевшую шариковую ручку. Он терпеливо ждет. Наконец принимается диктовать – протяжно и заунывно, как аульный мугалим дореволюционного поколения. Вот так выглядит одно из «самодурств».

Первое. Возомнил себя военным министром в национальном правительстве Казахской Советской Социалистической Республики – в надежде, что моему примеру последуют другие так называемые братские республики.

Второе. Заявил во всеуслышание: у многих первостепенных партийных, советских, хозяйственных, культурных, научных руководителей республики вместо нормальных

голов на плечах красуются капустные кочаны. Привычнее было бы сказать – органчики, но тогда меня обвинили бы в плагиаторстве. Впрочем, теперь обвиняют в национализме – капуста русский овощ, мог бы сказать – бараньи башки. Но справедлива поговорка: на воре шапка горит.

Третье. Современную казахскую интеллигенцию раздирают межродовые распри. От невежества. Исключение – Каныш, Мухтар, Ильяс Омаров, в недавнем прошлом – Байтурсунов, в давнем прошлом – Чокан, Абай, Алтынсарин. Открыв на это глаза сородичам, я совершил непростительную ошибку. Мне многое сходило с рук. Этого не простят. Особенно бесцеремонно будут мстить лидеры из научно-творческой элиты.

Четвертое. После драки принялся махать кулаками: в День Победы всенародно заявил – мы войну проиграли. Проиграли не тогда, когда отступали, а когда развернули сверхмасштабные наступательные операции, в грош не ставя жизнь солдата. Под пропагандистский барабанный грохот освобождения народов. Европы от фашистского ига, мы осваивали территории. Под грохот орудий и стоноподобное солдатское «ура» мы взяли Берлин – и позволили поделить его между робкими союзниками, нанеся незаживляемую рану и себе, и тем, кто верил нам. Сталин струсил при внезапном нападении на нас вымуштрованной гитлеровской армады. Отпраздновал труса и в День Победы! Он испугался не союзников, он испугался маршала Жукова.

Пятое. Утверждал и утверждаю: в Министерстве обороны страны главенствуют попки и мыльные пузыри. То, что они держатся на плаву, не вызывает удивления. Их держат, но то, что великий полководец Георгий Константинович Жуков оказался бессильным перед мыльно-пузырной ратью видеть нестерпимо больно. Терпим историческую несправедливость, посыпая фронтовым пеплом полысевшие головы.

Остальные самодурства относятся к разряду анекдотов и легенд. Я – правоверный мусульманин и не могу сказать: я отрекаюсь от них. Или не отрекаюсь. Я говорю – не отрекаюсь от них!

В больнице познакомился с интересным человеком, назову его Х. Сидим в кулпалате, на приглушенных тонах что-то вещает телевизор. Спрашиваю:

– Вы знали Баурджана?

– Да, как всякий казах.

– Прошли годы после его смерти, поулеглись страсти. Каким вы видите его сегодня?

Х. отвечает без дипломатии, не опасаясь быть понятым неправильно.

– Неглубокий человек. Не один я так думаю, почти весь наш народ так относится к Момыш-улы.

Ссылка на весь народ угнетает. Но я уже научился слушать. И все же...

– Хорошо. Но прежде – ваше личное мнение.

– Не заботился о чувстве собственного достоинства. Что ни поступок – себе во вред.

– Например?

Воспоминания друзей-однополчан

– Ну, хотя бы скандал, учиненный им на похоронах ветерана колхозного движения, дважды Героя Социалистического Труда товарища Алдабергенова. Примчался в Талды-Курган и с ходу принялся поносить, на чем свет стоит, местные власти, родичей усопшего, попрекая их в невежестве и бескультурье.

– Была же причина расстроиться?

– Была. Родные отвергли ультиматум Баурджана – похоронить Героя Земли (так он величал товарища Алдабергенова), как личность республиканского масштаба, в столице, а не в провинциальной глухомани, на обочине богом забытого пыльного проселка. Получив достойный отпор всех односельчан, поспешил в Алма-Ату и здесь устроил бум-тарарам: руководство республики идет на поводу погрязших в болоте политического невежества родичей Героя Земли и их прихлебателей.

– Чем вы объясните такую нетерпимость Баурджана?

– Попрекая других в политическом невежестве, он сам был малокультурным во всех отношениях.

– А военный деятель...

– Я не был на фронте, человек сугубо штатский, но чувствую: Баурджан – способный военачальник.

– А писатель?

– Такого писателя не знаю. Знаю писателей Сабита Муканова, Габита Мусрепова, Мухтара Ауэзова, Абдильду Тажибаева. С детства воспитывался на произведениях Сакена Сейфуллина, Ильяса Джансугурова, Беимбета Майлина.

Баурджана Момыш-улы – такого писателя Х. не знал. Придет срок – узнает. И – полюбит.

* * *

Сложными были у него отношения с Габитом Мусреповым. Почему? Этой тайны Баурджан не приоткрыл до конца даже мне. Можно только гадать: сколько людей, столько и догадок. Незаемные они и у меня.

Баурджан одновременно мог любить и ненавидеть. Часто повторял строку из одного моего военного стихотворения: «Любовь есть ненависти мера». Любить – это честно; ненавидеть – это честно. Насмешничать – это неблагородно. Габит же, насколько я знал его, считал потерянным день, если ему не выпадал случай над кем-нибудь понасмешничать. Диапазон его насмешек не признавал рамок – ни по горизонтали, ни по вертикали. При имени «этого ирониста» у Баурджана раздувались ноздри, из глаз вылетали громы-молнии. Но вот что благородно: быть может, никого из деятелей казахской культуры он не ставил так высоко, как Габита Мусрепова. Свойство его натуры – свойство его таланта. В письме из Красноярска он радостно восклицал: «Габит – наш общий друг и старший товарищ. Написал я ему на туркменском языке письмо – оно адресовано и тебе».

ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ, 14 августа 1968 г.

Вбегают в дом Баурджан – светлоликий, радостный, как ребенок, обласканный и одаренный матерью любимым лакомством. И с порога:

– Габит создал непревзойденную поэму в прозе. Он страдает не только над каждым словом (упоенно страдает!), но и над тем – где поставить запятую. Жаль, этого не чувствуют бездарные переводчики.

– Ты это сказал Габиту?

Баурджан пристально и счастливо смотрит на меня.

– Благодарю за догадливость. Да, я только что от него. Габит остался Габитом. На мою искреннюю похвалу его гениальному таланту услышал в ответ: «Разные казахи выходят из одного народа».

– Вижу, ты не остался в долгу.

– Я вежливо согласился с великим иронистом. Я сказал ему: «Да, разные: ходжи и туркмены».

– Габит промолчал?

– Мне жалко было на него смотреть. Но и Баурджан остался Баурджаном. Я утешил его: «Как писатель ты выше многих, даже выше меня. Ты останешься в веках, и я останусь в веках. Один как гений пера, другой как гений клинка!».

Да, мой друг Баурджан оставался самим собой. И не прощал, как убедится читатель, обид. Эхо клинка отозвалось громко (об этом речь ниже)... Выпал случай, и я спросил Габита – как он расценивает поступок Баурджана? И услышал в ответ: «А что остается делать твоему закадычному дружку: другого ему не дано», чем и обозначил масштабы своей личности, не отведя рядом с собой местечка для Баурджана.

– КВРНый, – рычал сквозь стиснутые зубы Баурджан, радуясь что, живет рядом с таким пересмешником.

Больно... очень больно уколол его в самое сердце иронист-пересмешник на одном званом избранном обеде, данном в честь моего фронтового побратима Мухтаром Омархановичем Ауэзовым. Памятна и мне та встреча: на ней-то и сверкнул клинок раздора. Внезапно и грозно. И – не к месту...

Жизнь, независимо от нас, причудливо плетет сюжет своего романа. Мы порой дивимся круговороту событий, нас вовлекшему, порой принимаем спокойно. Вечной загадкой остается одно: по какой-то неведомой нам причине происходит отбор событий и персонажей. Со мной приключилось подобное в разгар боев под Новосокольниками: командованием фронта я срочно был командирован в Алматы по делам службы. Представьте себе – в это же самое время здесь проводил свой кратковременный отпуск Баурджан Момыш-улы, (он был слушателем на курсах при Академии Генерального Штаба).

В один из прекрасных дней (не метафористически прекрасных) супружеская пара Снегиных была приглашена Валентиной Николаевной и Мухтаром Омархановичем на обед в честь Баурджана. Жили тогда Ауэзовы в самом престижном доме, фасадом выходявшем на Театральный сквер, обрамлявший театр оперы и балета имени Абая. Там мы и встретились с Баурджаном и его первой женой Бибижамал – матерью их любимого сына Бахытжана. (До этого успели лишь перезвониться раза два-три по телефону).

Воспоминания друзей-однополчан

Квартира классика была, если не изменяет память, на третьем этаже, лицом на юг; низкое зимнее солнце ломилось в окна снопами посеребренных лучей. Как они были «к месту свет и серебряная, с морозца, чистота: мы, фронтовики, это особенно почувствовали, и в душу пролилось тепло. Не верь, читатель, пророчеству: человек ко всему привыкает. К окопной жизни, где можно возвыситься духом или потерять свой облик за понюшку табаку, привыкнуть нельзя; на передовой линии огня – все сложно, трудно, непредсказуемо. Но об этом как-нибудь в другой раз.

Столовая, по нашим жилищным стандартам довольно просторная, на глазах уменьшалась по мере заполнения ее гостями, приглашенными хлебосольными хозяевами. За обеденным дастарханом расселись впритык, но не там, где кому вздумалось, а как повелевает обычай, соблюдаемый под любым казахским шаныраком. Позволю себе напомнить: при распределении мест за столом принимались в расчет аксакальство и авторитет гостя, положение в обществе и должностная степень. Переплетались иерархия высокой этики, зависимости и интереса. Иерархия личности хозяина: его право и желание подчеркнуть свое расположение к тому или иному гостю. Благородство. Предусмотрительность. Нравственность. Но – сложно и опасно: пустяшная оплошность чревата неприятностями. Одни неприятности сходят за шутку, скоро забываются, последствия других простираются в будущее.

Иерархический ряд за большим дастарханом Ауэзовых, сколько помню, выглядел так: сам хозяин утвердился на красном месте, заняв южную торцовую часть стола; по правую руку от него сидели Сабит Муканов и его недреманная охранительница Мариам. К ним примыкала супружеская пара Барлыбаевых. Далее... Но тут я могу перепутать, а потому, во избежание пересудов, прибегну к спасительному многоточию. Скорее всего, рядом с общительным доктором Барлыбаевым сидели наши милые давние друзья Сара и Абдильда Тажибаевы. По левую руку от Мухтара – независимо, но, не выпячивая это, – развалился в кресле Габит (не помню, была ли с ним Хусни). Рядом с ним, по хотению хозяина, утвердился Баурджан, предупредительно усадивший на стул свою первосупругу Бибижамал. Мы, Снегины, рядом. Заняли свои места супруги Ормановы. Гали сыпал шутками-прибаутками, не скупился на стихи.

Грустно говорить, но за столом с первых минут возникло напряжение. Умолчать бы об этом. Не могу: совесть Баурджана не велит... Мариам убеждена: причина всех напряжений – в Баурджане. Он – замедленная бомба. Не словами, а глазами, неуловимыми жестами Мариам предупреждала всех, почтивших большой дастархан, хозяев дастархана: будьте осторожны, на сей раз бомба может взорваться.

Понимал этот взгляд и я... ох, как хорошо понимал! Мой милый Баурджан сидел на покойном стуле, как на пне с косым срезом; торчащие колени крепко зажали драгунский клинок – тускло поблескивает старинной военной медью эфес, не приласканный преданной дланью всадника; сиротливо повис кожаный, потемневший от времени темляк. На бронзоватом лице Баурджана – «отсутствие всякого присутствия» (укол Габита). Зачем их посадили рядом? – беспокоюсь я, понимая, что ничем не помогу.

Но этот обаятельный хозяин, этот мощный и нежный интеллект писателя и мыслителя, этот простой человек по имени Мухтар! (Из характеристики, данной

Баурджаном после памятного дастархана). Магия его личности была неотразимой. Он знал, кого с кем рядом посадить, когда и кому дать слово, что принять, а что с мудрой улыбкой проводить мимо. После ритуальных тостов он попросил сказать первым свое слово Баурджана.

Баурджан встал – нет, не со стремительной готовностью, присущей офицеру для поручений при высоком генерале или вельможено-важно, подобно родовому бию. Встал величаво, державно. И воцарилось (именно – воцарилось!) молчание, подчеркываемое чистым позвякиванием шпор, чутких к неощутимому подрагиванию ног.

Ласка Мухтара и рюмка коньяка сделали свое дело. К тому же мой друг, будучи вспыльчивым, как порох, был вспыльчиво отходчив и широкодушен.

Молчали все, и молчало все: бокал в коричневой руке Баурджана, дастархан с яствами, воздух, пронзенный солнечными лучами. Строго молчал клинок. Тонко позванивали шпоры. О, эти шпоры – искусные произведения окопных чеканщиков и золотых дел мастера! Рассказать бы об этом поподробнее. Но пауза работала столько, сколько понадобилось Баурджану, чтобы ввести гостей в предшоковое состояние. Опасливо наклонив голову, Габит пытался разглядеть медную оправу, украшавшую ножны драгунской шашки. Не выдержал напряжения и Сабит: непроизвольно и тихо застонал, прикрыв глаза ладонью. Прикипевший к обугленной руке Баурджана бокал не дрогнул. В эту минуту, по его признанию, он увидел лицо Мухтара – умное, доброе; увидел глаза – широко открытые, по-детски доверчивые. И сам проникся доверием. Надежда успокоила, дрожь в ногах унялась, затих нежный перезвон шпор.

И Баурджан сказал.

Мне стоило большого труда, чтобы реконструировать то СЛОВО. Но и сегодня я не решаюсь доверить его бумаге. По многим причинам, о которых умолчу. Еще не умолкли в голове его предупреждения-наставления. Между устным и печатным словом – дистанция огромного размера. Напечатать – значит поставить печать. Припечатать. Но вот что удивительно: его чуткая натура была равнодушна к красотам весенней степи, к горным вершинам, к букету гвоздик на столе, оплошно подаренных ему юными поклонниками. Порой могло показаться, что для него не существует времен года. Ни разу не слышал от него: «Какое ясное... слякотное утро... какой метельный день, ах, какое звездное небо!»... Он знал и признавал только астрономическое время. Взглянув на часы, говорил: «07.07... 12.15... 23.49». Четко и понятно. Перемены в собеседнике улавливал мгновенно. Придя без предупреждения, сразу распознавал – в духе я или не в духе. И обезоруживал признанием:

– Жақсы адам – жат болмайды. Хороший человек чужой не бывает.

Произнося застольное слово, он не хотел быть чужим. Я обещал не пересказывать его и удержусь. Приоткрою лишь, и то чуть-чуть, вариацию темы, что прищлась на нейтральную, ничейную полосу и никого не может сегодня затронуть. Речь Баурджан повел об автоматизме и выучке – применительно к армии. У наших воинов эти качества не доведены до совершенства; у немцев достигнута такая степень совершенства, когда она из категории положительной переходит в отрицательную. Если наша армия поставит себе целью достигнуть столь изощренного совершенства, она утратит

Воспоминания друзей-однополчан

способность побеждать. Нам это чуждо. Вот в чем одна из составляющих того, что мы разгромили гитлеровскую армию.

При этих словах Баурджан сжал правой рукой эфес драгунского клинка. Еще мгновение – и он, выхваченный из ножен, со свистом засверкает над невинными головушками. Кое у кого из присутствовавших за дастарханом они вжались в плечи. Мариам бесстрашно возвысила голос:

– Эй, койсаншы... неразумный.

Тишина. Рука разжалась и приняла обычное положение. И вдруг глуховатый, независимый, иронический смешок Габита:

– Чего испугались, у этой Гвардии алга деревянные сабельки... пол-России профукали.

Вот тогда-то и взорвалась бомба замедленного действия, о которой предупреждала прозорливая Мариам.

Что произошло потом – догадаться не трудно. Железные желваки вздулись на скулах обладателя деревянной сабельки. Собрав волю в железный кулак, Баурджан отрешенно сказал:

– По-чешски определение «писатель» произносится как «списыватель». На наш слух – иронично, двусмысленно. Так вот, честь гвардейского офицера не позволяет мне сидеть за одним столом со столь выдающимся списывателем инсинуаций, приобретаемых им по дешевке на обывательском базаре... Я приношу извинение и благодарность Валентине Николаевне, Вам, благородный Мухтар-ага. – И резко повернулся корпусом ко мне: – Гвардии полковник инфантерии уходит. А Вы, товарищ майор артиллерии, остаетесь?!

Оскорбление было нанесено моему лучшему другу, всем фронтовикам. В такой ситуации не остаются, а вызывают на дуэль! Не пропустив вперед жен, мы ушли. Глотнув свежего морозного воздуха, молча козырнули друг другу и разошлись в разные стороны: у каждого возникла щемящая потребность побыть наедине с собой...

Пройдет год с месяцами после того дастарханского события Фронтная судьба по-разному распорядится нами. После ранения, в госпитале, я получу от Баурджана письмо, помеченное первым мая 1945 года. Беру его в руки с неизъяснимым волнением в надежде, что это волнение тронет и тебя, дорогой читатель, всколыхнет не только грусть воспоминаний – у старших, надежду на лучшее – у молодых, а и согреет теплым улыбочивым чувством: ведь письмо праздничное.

«Быть может, русский коньяк Веры Павловны перевернет мой внутренний мир – Мы, Баурджан I, пьем за Вас стограммовый бокал и благодарим Бога, что есть пить за кого – истинных друзей... иногда я вспоминаю и всякую шваль под маркой «друзей» – за них не только не пью алкоголь, а, наоборот, отплевываю разжеванное.

Я вспоминаю свою резкость на вечере Мухтара, свидетелем которой был ты с Александрой Яковлевной. «Мир полон людьми, погрязшими в засасывающей тине личных интересов... Народ старше Вас – потрудитесь достойно представлять его везде и всегда»... Я был груб, но прав. Скажи, Митенька, – не правда ли? I

Я предпочел фронт всему и всем. К людям, к людям! – кричало мое сердце, с болью сжавшись в окружении людишек. – Я на фронте и не жалею».

Не помню, когда и по какому случаю, я напомнил ему об этом первомайском письме. Сказал:

– Твои слова «Я на фронте и не жалею» я воспринимал и воспринимаю (слышу) чуть измененными: «Я на фронте и счастлив».

– Я счастлив тем, что на том дастархане у меня не сорвалась с языка площадная брань... вроде отправляйтесь теперь вы на фронт, помащите там своими белоручками, а мы поживем в тылу – за такими вот дастарханами. Я не швырнул этих безобразных несправедливых слов в лицо хозяину и его гостям, и поэтому ты видишь меня не с простреленным виском. Мне стыдно перед Мухтаром. Мне стыдно перед Габитом, мне стыдно перед Муқановым – они художники, значит, полубоги. Сказанное ими слово, каким бы оно ни показалось обидным, всегда благо. Объективно – благо. Мое (твое) слово, мой (твой) поступок подчас воспринимаются как самодурство, потому что мы не полубоги. Не забудь это объяснить людям в своих воспоминаниях «О моем друге Баурджане». – Здесь он надолго ушел в себя. Думал. Курил. Вздыхал. – В чем-то я превосхожу Габита, даже Мухтара, не говоря о Сабите. В чем – и для меня тайна. Ты попытаешься разгадать эту тайну, но свернешь шею... тебе свернут шею.

– Все твои тайны и превосходства – поза! – огрызнулся я.

Он присмирел, устало вздохнул.

– Я говорю: в чем-то превосхожу. В остальном каждый из них – вершина. – И вновь пауза – трудная, бездонная. – Я часто задаю себе вопрос: кем бы я стал, родился принцем крови и получи княжеское воспитание. Чоканом? Чаадаевым? Чаплиным? Черчиллем? Чанкайши? Чучелом? – Он с большим усилием отцепился от литеры «Ч» – Или бледной тенью Печорина? Ходжи Насреддина? Того хлеще – милейшего Павла Ивановича?

Слушая Баурджана, я давно перестал удивляться парадоксальности его мысли. Можно соглашаться, не соглашаться, но пленяет, завораживает. И все же, услышав такое...

– При чем тут Чичиков?

– Он скупал мертвые души реально живых людей. Моя голова пуста, как пчелами улей, населена душами лишь мне ведомых людей.

– Тех, кто будет жить после нас?

Он милостиво кивнул головой :

– И в этом мое превосходство над Габитом.

– Дался тебе Габит... Это ты так думаешь.

– Нет, когда я сказал ему об этом, он согласился: «Вполне возможно». И причислил меня к племени бахсы, шаманов, колдунов.

– Почему?

– Габит объяснил так: из них никогда не выходили ни порядочные полководцы, ни мало-мало сносные писатели. Узнаешь почерк ирониста? Эти кликуши, говорил он,

Воспоминания друзей-однополчан

никогда не обращаются к здравому смыслу. Порядочный военный, тем более – писатель без здравого смысла не состоится.

– Ты согласился с ним?

Баурджан молитвенно скрестил на груди руки, будто просил прощения.

– И да, и нет. Что касается писателей – тебе видне. Что касается военных – мне виднее. Помолчал и уточнил. Любой шаман – божок.

Я, Баурджан Момыш-улы, хожу под Богом.

* * *

При добром отношении к напиткам, он не терпел шумных застолий, лобызаний, пьяных песнопений. Под домбру, под рояль ли. В такие минуты погружался в себя, превращаясь в частицу первозданной природы.

Сколок гранита... поросший горьким полыном степной курган. Замыкался и тогда, когда за столом вспыхивали подогретые вином сумбурные распри.

Все это надолго выводило его из равновесия. Жаловался:

– Дастарханные интеллигенты пожирают слова так же жадно, как бесбармак.

Сам он ел бесбармак малыми дозами, с разбором. На застолье смотрел, как на место, где он мог предаться неторопливому и длительному диалогу (лучше – монологу). В аппетитном пожирании слов превосходил других. Похвалялся:

– Я не остался бы за чертой беседы, окажись в кругу афинских мудрецов.

– Ты мудрец?

Он засмеялся:

– Куда мне, годы молодые. – И по укоренившейся привычке долго молчал в поисках достойного ответа. И нашел, – не годы делают мудреца, а мудрец годы.

Ему полюбились слова Демокрита: «Те, которым доставляют удовольствие несчастья ближних, не понимают, что перемены судьбы могут коснуться всех». Его потянуло на греческий язык. Что-то помешало занятиям, и он остыл к нему. Возможно, повальное послевоенное увлечение в нашей стране английским. Баурджан не избежал этого поветрия: в его речи появились выражения – ол райт... сэнкью вери мач... уан ботл... ай лав ю.

Он мог бы преуспеть как теоретик и как историк Великой Отечественной. По своей природе его мысль была бесстрашна и оригинальна. Еще недавно он писал мне из Красноярска:

...Теория. Да, теория!!! Ах, как жаль, что нас с тобой отделяют 5000 километров. В вашей «сиротской зиме» по-дружески я объяснил бы тебе всю суровость и обаяние этой теории.

Я как-то написал ему, что единоборство рассказчика – очевидца боев с холодным теоретиком военного искусства мешает ему, как художнику. Он резко возразил...

Не согласен. Как военный теоретик, я и в могиле буду «пылать» жаром. Я умру, но моя страсть к военной теории переживет меня!

Как только он оказался за чертой строевой военной службы, начал угасать интерес не только к военным наукам; появилась апатия к жизни.

Поползли догадки. Одни сочувственно вздыхали: «Последствия войны»; другие не сомневались: «Много пьет»; третьи не без зависти утверждали: «Перехвалили».

Допустим: что-то было. И все же главная причина в другом. Его натура, сформированная в военной атмосфере долга и чести, требовала активного деяния, нуждалась в самовыражении. Он не вдруг почувствовал присутствие беды. Оправдывался.

– Что вы хотите от меня? Мне трудно, но я перековываю свою военную натуру на писательский лад... пишу, пусть с перебоями. Паузы – не показатель безделья, а продолжение творческого процесса. Твой любимчик Габит не прикасается к перу годами, предпочитая просиживать зад в адмкресле, а не за письменным столом. Это не случайно, это для него – продолжение творческого процесса.

Помогало выстоять и то, что он не цеплялся за жизнь; он продолжал жить в непривычных условиях. «Я не позволю погаснуть во мне интересу к общественным проявлениям жизни».

Выудив из газет куцые переложения фултоновской речи Уинстона Черчилля, сказал с ласковой хрипотой в низком голосе:

– Черчилль – великий вождь англосаксов. Враг № 1 Советского Союза. Гитлер не годится ему в подметки. Уинстон видит пагубные пороки нашего общества, Адольф видел в нас лишь представителей низшей расы. Мы в глазах Черчилля – великий народ, достойный лучшей судьбы. Он пошел на военный союз с нами, «...чтобы вышибить дух из злодеев», а потом, – избавить нас от тоталитарного (в его понимании!) режима. С разгромом гитлеризма во взаимоотношениях противоборствующих миров наступила не победа, а историческая пауза под вывеской «Холодная война». Генералиссимус Сталин не понимает этого или не принимает в расчет и создает в союзных республиках министерства иностранных дел, вместо того чтобы форсировать создание министерств обороны. Куют железо пока горячо. Война помогла нашим народам выдвинуть своих национальных полководцев. Жуков, Баграмян, Ковпак, Пономаренко...

– Ты...

– Казахский народ выдвинул меня. Я готов был возглавить военное министерство (пусть – обороны) с гражданской и профессиональной ответственностью. Я готов был вдохнуть в мои вооруженные силы нравственную воинственность, накопленную и растерянную моим народом на дорогах кочевий и особенно в эпоху оседлой жизни.

– Ты имеешь в виду кочанокапустных?

– И бараноголовых. Они подменили ДЕЛО НИЧЕГОНЕДЕЛАНИЕМ, то есть видимостью дела. Это их устраивает. Меня – нет! Они это знают и потому никогда не доверят мне ни маршальского жезла, ни министерского кресла.

Со стороны могло показаться, что Баурджан Момыш-улы забавляется пустоপরোজনными военными играми. Судите сами.

– У обывателей, нетрудно догадаться – по чьей вине, сложилось о военнослужащих превратное мнение: нахлебники и разрушители чужих ценностей. Доля правды тут присутствует. Я создам армию созидателей не только духа нравственности, но и материальных ценностей. Она поможет развенчать ничегонеделателей и расчистит доро-

Воспоминания друзей-однополчан

гу истинным творцам духовного и материального богатства, чем и завоеует доверие народа. – Он незаметно от предложений перешел к утверждениям.

– А как же быть с Черчиллем?

– Черчилль и Аденауэр поняли бы меня (а я их) скорее, чем маршал Гречко или полковник милицейской службы Ш.

– Помилуй, все это несерьезно!

– Несерьезно?

– Он отворачивается от меня и выдыхает в сторону ядовитый клубок сигаретного дыма. – Со скрипом соглашусь. Но все ли серьезное – истина, а несерьезное бесполезно?

– Момент истины в том, что ты, попав в отставники, продолжаешь считать себя кадровым строевым офицером.

– Не в отставники, а в опалу, – мягко поправляет он, положив мне на плечо горячую ладонь – Ты мой биограф. Я передаю тебе свои бумаги. На некоторых стоит табу: не для печати. Но я тебе дам знать – даже оттуда – час пробил, обнародуй все... даже то, что я повелевал забыть!

Забывать и помнить он повелевал о многом...

По Казахстану поползли слухи: в Ленинграде люди вышли на улицы и площади, требуя конституционных свобод для России в рамках сложившейся Федерации. Полетели головы. Баурджан бушевал.

– Позор! Мне позор – казаху! Я, как и большинство инородцев Союза, втайне отношусь к сары-орысам как к представителям имперской нации. Тебе, сыну Федора, гордость (ложная гордость!) не позволяет требовать равноправия. Я, сын Момыша, не дорос до сознания сказать за тебя товарищу Сталину: «Вы часто говорите о роли великого русского народа в жизни нашего многонационального Отечества, даже тост подняли в его честь. Но почему не даете России своей столицы, своего ЦК РКП(б), своего правительства, своей академии наук? Мой Казахстан имеет... Украина имеет... наша Грузия имеет... все имеют – даже последний из Удэге. Я – азиат, Вы – азиат; мы знаем безмерие и приемы азиатского лицемерия, Но мы же – советские люди, живем в самой свободной и равноправной стране в мире!»

Лицо Баурджана изменилось, оно походило на размалеванную коричневой тушью непрерывно подрагивающую маску; голос сел; погасла сигарета. Я попытался перевести разговор в более спокойное русло, предложил выпить чаю.

– Помнишь, у Всеволода Рождественского стихи: «Ах, какая у меня пиала». Или ты не все сказал?

– Не все. И не мешай мне беседовать с генералиссимусом. «Я люблю Россию, но странную любовью, скажу я И. В. Вы позволили самодержавно господствовать в стране русскому языку, сами на нем говорите с типичным кавказским акцентом. Это принесет горькие плоды и смертельно отравит нашу ленинско-сталинскую дружбу народов. Пока не поздно – верните Северной Пальмире статус столицы Российской Федерации».

Современный читатель, перенасыщенный плюрализмом мнений, скажет: наивно... грустно... неинтересно. Но все это говорилось тысячу лет тому назад. Вместе с обществом Баурджан жил противоречиво, сознание беспомощности саднило больнее огнестрельной раны. Страдая, искал.

– Предположим, я сижу в Колонном зале Дома союзов или в зале Чайковского на концерте литовской (бурятской, итальянской, цыганской) музыки. Все понятно. Прилив радости, нравственной энергии. Я стал богаче... Через день-другой я попадаю в литературную моносреду, ну, скажем, в армянскую. Великий народ, древняя великая культура! Речь идет о той же музыке, искусстве вообще, нравах и истории, о непреходящих человеческих ценностях. Не прошло и часа, а я уже устал от языковой глухоты, и тоска по русской, всем понятной речи овладевает мной, по страсти равной первой любви. Парадокс.

– Что касается русско-казахского... не перебивай... Я в совершенстве владею гармонией двуязычия. Ты лишил себя этого счастья. Сам. – И смягчился. – Проглотил?

– Проглотил. Но где же выход?

– Я знаю. Нашему многонациональному государству не обойтись без общего государственного языка – для всех! Поскольку инородцы устали от диктата русской речи, я предлагаю в законодательном порядке принять в качестве общего государственного языка язык любой нации – в согласии с всенародным референдумом. Украинский... Удмуртский.. Эстонский... Манси... Якутский. Язык всякого народа нашей страны велик и равноправен. Допустить развала могучей державы на языковых распрях я не позволю, буду бороться до конца, даже приду с того света. Клянусь в этом над книгами Абая, Пушкина, Шевченко, Шота Руставели, Манаса, Янки Купала... – перечень длился долго. – Клянусь над книгами Юрия Рытхэу. Но и он пусть поклянется!

Сказать, что мой друг часто оказывался в плену крайностей – значит подтвердить истину. Это было его второй натурой. Одно время он допускал, что общегосударственным языком у нас может быть английский или испанский. «Это приобщит нас к мировому сообществу».

– Многоязычная Индия нашествие английского приняла, как благо! О США я не говорю.

– Вчера ты носился с испанским.

– Я предчувствовал, что побываю на Кубе. Мистическое суеверие – это от тебя.

– Твое непостоянство – не суеверие, не мистика, а способ выжить в гражданке.

Он одаривает меня одобрительным взглядом.

– Ты помог мне увидеть себя со стороны. Благодарю. Что касается испанского... Не перестану восхищаться испанским, арабским, китайским. Греческим. Каждый язык – знак нации. Первознак. Но, как все живое, язык расцветает, стареет и умирает. Из символа жизни народа он превращается в предмет археологической находки, в язык Богов. – И неожиданно переметнулся на Кубу. – Не догадываешься, о чем мы говорили с Фиделем Кастро?

Воспоминания друзей-однополчан

– О традициях и обычаях казахов и кубинцев. Ну и международные проблемы. – На лучшую догадку меня не хватило.

– Нет, мы говорили о Юрие Гагарине. Я не был подготовлен к такой беседе и струхнул: Фидель начнет расспрашивать о деталях взлета, о семье первокосмонавта, его супруге, увлечениях и достоинствах характера. Но он был философом, мелочи быта его не занимали. Мы как бы оказались в одном корабле с Гагариным. Кастро сказал: «Не случайно, что именно в вашей стране победоносного социализма взмыл в космос Первый Землянин, что первым он увидел – Земля одинока и беззащитна, ее надо беречь, она – наш общий дом. К сожалению, не все осознали истину: социализм и интернационализм – созидание, капитализм и империализм – разрушение».

Баурджан ювелирно отточенными приемами вставляет в мундштук свежую сигарету, раскуривает от подаренной кем-то зажигалки.

– Я напомнил вождю кубинской революции: «У вас и у меня на плечах погоны. Мы – люди военные. Но во имя сохранения хрупкой и беззащитной планеты по имени Земля, во имя мира и созидания вложим в ножны меч, зачехлим жерла ракетно-ядерных установок.

– Фидель сильно переживал, когда пришлось демонтировать эти самые установки на острове Свободы?

– Боль и обида были глубоки. Но Фидель Кастро Рус – мужественный человек.

– Почему ты не напишешь о таком событии?

– Ты не знаешь... Кто позволит публично обсуждать такую щекотливую проблему?! – сигарета потухла, он тянется к зажигалке, по очертаниям напоминающей нагую танцовщицу. – К тому же это принесет тебе кусок черствого хлеба на старости лет.

Не первый раз он намекал на черствый кусок хлеба. Я оскорбился.

– Надоело слушать чепуху. Ты мне не господин, я тебе не раб. И не собираюсь быть твоим биографом. – Хлопнул дверью, как помнит читатель, не первый раз.

Мы терпели разлуку день-другой (и это заметил читатель). Я томился, он томился. И вдруг под окном – виноватый голос Баурджана:

– Митюля, родной, мы, кажется, не dospорили... гм, гм... Сегодня я предпочел бы коньяк другим напиткам из твоей винной библиотеки.

Библиотека состояла из трех томов – «Сучка» (свекольная водка Джамбульского завода), таджикского розового портвейна №2 (позднее – бормотуха) и бутылки приличного грузинского коньяка. Периодически у него пропадала охота пить водку.

– На фронте от нее схватил цирроз печени.

Прилипшее к языку слово «цирроз» звучало, и он забавлялся им, как забавляется ребенок заводной игрушкой. Забавы ради запуская усы, бороду, погружался в неряшливость с ощущением, будто принимал нарзанную ванну. Наблюдать за ним в минуты меланхолии было интересно и приятно.

Погожим сентябрьским днем, точнее – 21 сентября 1976 года, сидим с ним в длинной, как казарме, столовой – из кухни доносятся запахи стоялого бесбармака и тараканьи шорохи. Он много курит, много молчит, мало пьет. Грозно шевелит уса-

ми и грозно «зыркает» круглыми, тронутыми замутнением беспокойными глазами. Оглаживает коричневой сухой ладонью заросшие бурьяном впалые щеки; грызет пропитанными никотином зубами длинный, изящно выточенный мундштук из третьего сорта янтаря. Этот длинный, лимонного цвета, мундштук и длинные, сухие пальцы с твердыми, будто отлитыми из темного янтаря ногтями, смотрелись отдельно – как деталь скульптурного мужского портрета, высеченного из куса горного гранита художником-модернистом. И – дых. Его, Баурджановский дых – густой, спрессованный, тяжелый, на амбарных весах не взвесишь. Накат, откат. И снова накат.

– Ццррззз.

Я успокаиваю:

– Врачи уверяют, никакого цирроза. Ты просто устал.

Он соглашается:

– Возможно, устал. Последнее время я вглядываюсь в себя, в тебя, в отцов наших, братьев и сестер, денно и ночью пытаюсь понять – какие мы, куда идем.

Трудная работа, по себе знаю. Но он любил такую работу, увиденное воспринимал и выражал по-своему, выходя из общепринятых рамок. У многих это вызывало протест, удивление, неприятие самого Баурджана.

Лично с Баурджаном Момыш-улы знаком не был. Видел его на расстоянии – на литературных вечерах, на лекциях. Смотрел о нем фильмы, перечитывал книги, ловил рассказы – полярно противоположного свойства. Но даже когда преобладала агрессивная хула, я внутренне был с теми, кто видел в нем Национального Героя. Считал и считаю: своими «выходками» он выражал протест против лицемерия, лжи, притворства, тотальной несправедливости, господствовавших в нашем обществе.

Мы, я имею в виду руководящие партийные кадры разных степеней, тоже многое видели, о многом догадывались, но лозунгово прославляли коммунизм, до которого рукой подать, и строителей коммунизма, обманывая и их, и себя. Баурджан протестовал. Но как! У одних вызывал оторопь, другим давал повод утверждать: самодур, деспот, псих.

Прошу:

– Приведите хотя бы один из поводов.

– Пожалуйста. Республика отмечала его, Баурджана, юбилей. Поздравить прославленного воина-панфиловца, писателя и общественного деятеля в Алма-Ату приехали представители всех областей с обязательными приветственными адресами в руках. Опоздали прибыть к торжественному акту восточноказахстанцы. На другой день они робко переступили порог квартиры юбиляра. Второй секретарь обкома партии взял из рук доверенного лица облисполкома папку, прочитал: «По случаю Вашего славного юбилея...» и т. д.

Баурджан благоговейно внимал размноженным под копирку казенным пожеланиям, благодарно пожал руки представителям трудовых масс области, а потом ласково-ласково сказал: «Вы – ответственные, серьезные люди, а ведете себя, как базарные бабы. Если вы кристально чистые партийцы и честные люди, вы обязаны были честно мне сказать: «Желаем Вам, известному пьянице и скандалисту, поскорее вознестись

Воспоминания друзей-однополчан

на небо, поскольку своими безобразными выходками мешаете нам строить светлое будущее и вообще нормально жить, культурно проводить досуг и размножаться».

Согласись, читатель, протест и неприятие вызывала сама форма поведения, а не содержание. Происходило это, быть может, оттого, что была видна надводная часть айсберга, а сокровенная суть скрывалась в глубине его мятущейся, непознанной души. Случается и так, что свою неспособность воспринимать мы выдаем за неспособность собеседника ясно выражать свою мысль и нормально себя вести. Злобимся, с ходу отвергаем. Нет сомнения, косноязычие для иных – отрада, хмель и оружие. Бес изворотлив, соблазн велик, попробуй, удержишься. Но в часы духовного подъема речь Баурджана расцветивалась афоризмами, игрой светотеней, глубиной мысли, обнаженной открытостью. А сколько было скрыто и за семью печатями! Помнишь, читатель, мое утверждение: Баурджан был глух к картинам природы. И вдруг, роясь в хаосе его дневниковых записок, натываюсь на взволнованные строки: «Ночь. Я – угрюмый, усатый старик. Боже мой, как прекрасно смотрятся ночью деревья – удивительные произведения природы... Я сам тоже неплохое произведение природы... Слава Аллаху!».

Вообще он любил посмеяться над собой – то добродушно, то с беспощадным сарказмом. «Я не так уж глуп, как обо мне думают некоторые. Я – поэт, я – мыслитель! Попробуйте сразиться со мной. Я – признанный воин!». Или (вариация): «С глупцами мне некогда глупить. Я – писатель, я – историк, я – ученый. Я – многоженец, мне Бог не отказал в свойстве влюблять в себя красавиц! Завидуйте! Я – баловень судьбы. Я до сих пор отражающийся Баурджан Момыш-улы. Я – человек совести и чести». Или: «Я – не завистливый человек. Зависть – удел обреченных. Мухтар Омарханович умел радоваться творческим успехам других». Умел быть благодарным, признательным и сам Баурджан. «Оказывается, в суматохе жизни мы перестали понимать – КТО МЫ И КТО ОНИ. Мне об этом шепотом ночью сказал Шаляпин. Благодарю великого певца».

Вот другие извлечения из дневника – штрихи к портрету.

Мое местожительство уподоблено зоопарку. Редчайший зверь в нем – Баурджан Момыш-улы. Пришла в зоосад старуха – красивая, кусачая, посмотреть на льва. Спросила: «Где лев?». «Он перед Вами», – ответил я. «Не вижу». «Он – бывший лев». «Ох-ха, Вы правы, батыр: ведь и я из бывших».

Я хотел бы прытко сказать, подобно Тулпару, но свинцом налиты мои ноги. Я хотел бы с легким сердцем слагать стихи, но оно придавлено печатью. Аллах не дал мне мудрости, а глупости отвалил – хоть отбавляй.

...Я – достойный сын моллы Момыша. Слушая заграничное радио, поймал себя на том, что знаю (понимаю) арабский язык.

...Слушал ночью радио – оказывается, я знаю английский.

...Был в родном ауле, встретил хорошего осла. Он оказался парторгом. Узун-кулак донес до его длинных ушей мое впечатление. За вечерним дастарханом парторг не дал нам открыть рта. Веселый у него получился тост: «Я знаю, чем занят директор совхоза и агроном, знаю, что делают зоотехник и учитель. А что делает в совхозе парторг – убейте меня, не знаю...».

...Я люблю русскую поэзию. Я казах – русак.

...Я вижу мир своими глазами. Я понимаю людей – по их взглядам. Я готов дать по морде кулаком тому, кто считает меня самодуром!

...Нахожусь в доме отдыха. Приехали какие-то министры. Чванливо разгуливают вокруг моей дачи, вполголоса перебивают мои косточки: «Кому легко живется в Казахстане? Баурджану Момыш-улы, потому что он бездельник». Я завтракаю под открытым небом, на министров – ноль внимания.

...У меня чуткий слух: оказывается, и деревья поют.

...Птица не только певчиха, она – санитарка.

...Скучаю по России, по своим русским женам. Бедный русский народ, кто только не обижал твоих дочерей.

... Я не умею отдыхать. Мне очень грустно. Кто не умеет по-настоящему печалиться – недоумок.

...Чингисхан приказал убить своего сына Джучи-хана. Как жаль, что на этом свете нет моего отца, если бы он был жив, наверное, приказал бы убить меня...

...Самое ужасное – это неоправданное доверие.

Закроем на время дневниковую тетрадь: мы прикоснулись к подводному монолиту айсберга. Это не безопасно для жизни. Движение айсберга непредсказуемо, коварны его повороты и отклонения – так велика его масса. Баурджан сродни такому айсбергу – по силе и мощи своей мысли и интеллекта. К тому же, он неужиточный. Прибавьте сюда были и небыли, и поймете – почему этот человек у одних воспламеняет любовь и уважение, другим становится не по себе от его присутствия, третьи пускаются в самый доходный промысел – с усердием, достойным иного применения, плетут-переплетают интриги, канонизируют сплетни. И ничего, сходит с рук. Повод-то для усердия дан самим НЕУЖИТОЧНЫМ.

Но прежде заглянем, мой терпеливый читатель, в словари, без их помощи нам трудно будет понять беспокойную натуру моего окопного друга.

У С. Ожегова читаем «РОДСТВО»:

1. Связь между людьми, основанная на происхождении одного лица от другого или разных лиц от общего прежде... 3. Близость по общности происхождения и непосредственному сходству». Теперь откроем страницу этого же словаря на букву «У» Итак: «УРОДСТВО: 1. Прирожденный физический недостаток. 2. Очень некрасивая внешность. 3. Нечто отрицательное, ненормальное. У (родство) воспитания».

Вы спросите: причем тут это родство-уродство? Не будем спешить, наберемся терпения и заглянем, с большей надеждой на успех, в словарь В. Даля. Увы, тоже негусто. «РОДСТВО. Родня, родственная связь, кровные отношения». Понятие УРОДСТВО вообще не значит. Есть УРОД. «Уродец, уродник, уродище, уродина, выродок, рожденный калекою или не по образу себе подобных, природный каженик, телесно искаженный, каженик – выродок нравственный, безумный, юродивый; безнравственный, человек дурных правил или наклонностей, своеобразный, упорный, неужиточный».

Неужиточный... Упорный... Своеобычный... От прикосновения к истине у меня забилось сердце. Теперь мы снова можем перенестись в золотистый сентябрьский

Воспоминания друзей-однополчан

день и продолжить беседу за дастарханом. Он – Баурджан – все еще утробно вздыхает, но уже изящным жестом прислонил к пепельнице недокуренную сигарету, по слогам спросил:

– Что такое родство?

Я молчу, потому что знаю, мой ответ его не устроит, он просто ему не нужен. К тому же – шелохнулась лишь видимая часть айсберга. Правильнее будет подождать, когда шелохнется глубинная.

– А что такое уродство?

Молчу. В такие минуты даже слово поддержки (участия) может ранить и возмутить душу Баурджана. Душа у него бездонная, не приведи Бог, всколыхнуть зыбкое равновесие. Пауза достигает критической отметки. Кто найдет выход? Похоже, первым находит он.

– У меня с тобой родство, уродство

И обнимает. Нам хорошо, тепло. Мы – одно.

* * *

Зыбь всколыхнулась, раскачалась – внезапно, бурно, широко.

– Я подавал тебе знак: душа моя уязвлена, унижена гордость, но не тобой, а ими. Ты не почувствовал, как неровно колотилось мое сердце.

Нет, я это почувствовал, когда он меня обнимал. И упрекнул обидчиво:

– Ты несправедлив. Прошу тебя, успокойся.

Но было не до покоя.

– Они меня в клочья, я их – в клочья! И Снегина – в клочья! Ты в душе с ними заодно.

– Кто они? – рассердился я.

– Я ненавижу твоих казахских киргизов вместе с тобой. Они выжгли у меня на лбу тамгу националиста! Истинные казахи, истинные киргизы – интернационалисты.

Под «моими киргизами» он подразумевал тех, кто преследовал и притеснял его исподтишка и открыто. Или докучал своим вниманием. Вот что, например, писал он мне из Джамбула 22 июня 1974 года:

«Побывал и продолжаю бывать у своих родственников, как по отцовской, так и по материнской линии, изучаю «наследственных... моих предков»... Хороший материал для продолжения «Нашей семьи». По чести признаться, кое-что получил, но устал от твоих киргизов»...

В этих строчках (и во многих других) угадывается признательное сыновье чувство, окрашенное добрым юмором. Случалось и по-другому. Сегодня фугаски разрывались над моей непутевой головой. Баурджан и в мыслях не держал – сокрушить меня, но добром это не могло кончиться. Он намеревался, чем-то больно уязвленный, раздосадованный, вызвать огонь на себя.

Мой, ответный, огонь. Я был достаточно грамотным артиллеристом и без труда разгадал его коварный замысел («Мы могли серьезно поссориться», – позднее признается он. Seriously... Мы могли навсегда разойтись друг с другом). Оставалось загад-

кой – что (кто) возмутило его незащищенную душу? Зачем, с какой целью? Не было времени разобратся – айсберг медленно и неотвратно наплывал на меня, попутно сокрушая правых и неправых. Безликими неразличимыми оставались «мои киргизы», а значит – и причины расстройств. Баурджана штормило, волна накатывалась на волну, захлестывая проблески здравого смысла.

– В моей голове режут сто тысяч голосов: «Комедиант»... «Дутая величина»... «Придумывает сложности, чтобы покривляться».

Сорвался с тормозов и я.

– В этом реве голосов тебе слышится и мой голос?! Легко же ты расстался с фронтовым побратимством.

Он присмирел, как бы сжался весь, смотрел чужими глазами и, похоже, ничего вокруг себя не замечал.

– Я решил удалиться... от всех... от родства и уродства, если удастся. Почему не уточнишь: «Значит, и от Снегина?»

– Не вижу смысла, поступай, как задумал.

– Попробуй понять: я не выигрываю, а проигрываю. Делаю этот шаг сознательно. Уродство и родство – в нас. Таков закон природы. Они (опять безымянно) считают: в них – только родство, во мне – только уродство... У нас с тобой было родство.

– Было?

– Они спешат перекрыть краны нашего фронтового побратимства, разве ты этого не видишь? Уродство главенствует, безрассудной рукопашной такую беду не одолеть. Требуется скрытная длительная подготовка, разведка, накопление сил. У меня не осталось здоровья, но и немощного старика они не оставляют в покое. И я решил удалиться.

Баурджан вынимает сигарету из мундштука так осторожно, что она, обращенная в пепел, не рассыпается. Заряжает новой; чиркает зажигалкой и раскуривает, прислонив трепещущий лепесток огня к краю сигареты. И – думает... думает. Минуту назад суровое лицо становится нежным, красивым. Облизнул кончик мундштука, медленно-медленно вдохнул ароматный дымок. Можно расслабиться, предаться усталости. И голос усталый, низкий, бархатный:

– Я принял решение удалиться...

Что-то принуждает меня глянуть ему прямо в глаза. Нет в его навязчивом «решил удалиться» сегодня нет намека на «уход в мир иной». Он смотрит на меня снисходительно и печально, как на несмышлениша.

– Не тревожься: на склоне лет я возвращаюсь в родное гнездо. И не только для того, чтобы возродить физические силы для борьбы с преследователями.

Камень с груди. Не первый раз мой друг Баурджан принимает твердое решение удалиться на лоно природы, не раз удалялся. И поспешно возвращался под ненавистный ему городской шанырак.

– Ты тоскуешь по бивуачной жизни. Но лоно природы уже не родовое кочевье и не цыганский костер. И ты стал другим, вряд ли найдешь, что ищешь.

Воспоминания друзей-однополчан

– Согласен с тобой относительно тоски по бивуаку. В остальном – я хочу разобраться с самим собой. С нашей семьей (я имею в виду не только книгу «Наша семья») Это трудно. Политика коллективизма нивелировала и разобщила нас. Не только я – все мы стали чувствовать себя одинокими. У каждого в груди своя боль, своя тайна.

– Ты намереваешься ее разгадать на лоне природы?

– Пока не поздно, надо обратиться к себе, в себя, попытаться заглянуть в душу.

– Ты веришь, что в ауле не найдутся такие, кого ты именуешь преследователями, и помешают тебе?

– Трудно сказать. Я постараюсь мирволить им. – Ему понравилось это круглое словечко – мирволить, и он с удовольствием катается на нем с горки на горку. – В городе все так перепуталось, и жизнь напоминает бессмысленное, безграмотное сражение. Я устал от бессмыслиц.

Еще недавно он повторял: «Я провел сотни боев и никогда не уставал. Наоборот». Теперь обессилен от мирной жизни».

– Милый Баурджан, ты был и остался военным.

Похвалу он принял с благодарностью, сдобренной горечью неизбывной грусти.

– Я грамотный воин. Мой долг и призвание – безупречно подготовить операцию и успешно ее провести. С окончанием военных действий между враждующими сторонами эта работа не прекращается. Такие, как я, обязаны подготовить достойную смену защитников Отечества. Верхоголовые умники посчитали, что обойдутся без нас, и выдворили в отставку. Сегодня мы опасны и не нужны собственной державе. Вот почему я навсегда покидаю исторический треугольник Алма-Ата – Москва – Берлин. На земле предков вверюсь воле Всевышнего. Он поможет мне переложить на бумагу думы одинокого, много испытавшего на своем веку и мало что сделавшего грешника. Без обиды на уродство, без надежды на родство. Буду работать, как каторжник. В труде – очищение духа и здоровье тела.

Он бодрился и верил в успех задуманного. Он давно вынашивал в голове нравственно-философский роман (его определение), делился планами, делал записи.

Уверен: в этом романе я скажу свое слово.

Верил и я – скажет.

В родном гнезде он ежедневно, если не сказать – ежечасно, вел подробные дневниковые заметки своим твердым размашистым почерком, ставя на них гриф – «В личный архив Дм. Снегина». Эти заметки – само откровение: перед собой, перед современниками, перед Богом. Откровение и крик души. Но час их еще не пробил. В одной из заметок – две строчки о задуманном романе. Трудное горькое признание: «Жизнь не погасла» – у меня почему-то не получается».

Почему-то не получается... Я встревожился. Пусть не покажется странным, я мог довериться одному человеку – Габиту Мусрепову. Он, Габит, посчитал я, объективнее других мог осмыслить глубину трагедии и, не рубя по живому, разобрать нити родства и уродства, завязанные в тугой узел Баурджаном. К моему огорчению, Габит сказал то, что я слышал много раз.

– Все видно, как на ладони. Баурджан раздвоился: военный по призванию, он, в силу сложившихся обстоятельств, принужден был сменить саблю на перо и возомнил себя писателем. Мнить не значит быть.

Мне обидно слышать несправедливые слова от такого человека, как Г. Мусрепов. Баурджан не мнит. Он есть!

– А отзывы Вершигоры, Ставского? Мнение Всеволода Вишневского?

«Вс. Вишневский. 16.X.49 г. Москва. Баурджану Момыш-улы. Сибирь.

Благодарю Вас за письмо и за присланную рукопись. Засел за нее в первый же выходной день. Читаю и по мере чтения – пишу Вам. Первые страницы. Буран дан сильно, физически ощутимо... Лес и сон даны широко, живописно. Советую убрать «Растроганный лес». Условимся, что природа равнодушна даже к операциям Отечественной войны. Вспомним философского Пушкина и «равнодушную природу».

Движение лыжников по залитой солнцем снежной равнине – отлично... Суматоха боя дана. С появлением генерала определяется сюжет, повышается напряжение, и Ваш язык становится более точным. Сильнее, свободнее входит тема военного искусства. Диалог развивается свободно. Узнаешь – где развертывается действие... Задание генерала дано весьма точно.. Верно о полевых картах. Сюжет таким образом приобретает новые изгибы, новое напряжение... Ночные страхи – забавны, верны. Может быть, можно чуть юмористичнее? Описание начала боя хорошо. Очень верны «глухие выстрелы». Вообще тактическая сторона дается Вами анатомически точно. Вот этого и не хватает многим военным авторам.

Описание спальни немецкого офицера – точное, острое. Остро дана и женщина (я нечто подобное пережил при штурме Шлиссельбурга, прорыве блокады Ленинграда)...

Хорошо дан мороз. Хороша беседа с товарищами после боя. Верен переход к мыслям об обороне. Отлично донесение. Корректное, со скрытым упреком. Победное...

Верно описано ощущение молодых бойцов... Хороша контратака. Любопытен проезд генерала... Напряжение продолжается: что еще устроят немцы?.. Хорошо описана шестая атака немцев. Новая опасность: «буран»...

Приключение с земляницей написано живо с юмором. До слез даны ночные похороны Тулегена. Анализ обстановки создает новое напряжение. Хороша семья учительницы. Рассказ льется свободно, органично. Языковых погрешностей не ощущаю.

Отрезвленность, ночь, буран – все это очень точно, верно дает ощущение тягот войны, нервного напряжения. Звук одинокого пулемета еще обостряет все это.

Сильно описана гибель Алешина, неожиданная, внезапная...

Считаю, что вещь удачна. Нужны небольшие поправки. Рекомендуем Вам предложить вещь в «Новый мир». Опыт, по-моему, удачен. Надо продолжать».

Габит едва ли внял голосу маститого русского драматурга. Он сказал с усмешкой:

– Никто так не горазд льстить и лицемерить, как наш брат литератор.

– Ты просто не военный. Но повесть «Моя семья»... Как ты к ней относишься?

– Никак.

Воспоминания друзей-однополчан

– Не читал?!

Он – обидчиво, непримиримо:

– Ну почему не читал. Читал. Повести пока нет.

– Этим «пока» ты оставляешь надежду на «потом»?

Губы его дрогнули – иронично, как любил повторять мой друг Баурджан.

– Не в моей власти учредить национальное министерство обороны и вручить ему портфель военного министра.

Я обиделся за фронтового побратима и показал из-под полы его обидчику ударистую камчу.

– Ты и сам не прочь покрасоваться перед народом с портфелем министра культуры под мышкой.

Он не полез на рожон, обезоруживающе засмеялся.

– Моя адмкарьера началась с должности аульного милиционера – любил власть, а больше того форму, любил помахать сабелькой. Так что этот вид оружия и мне знаком. Но путь свой в литературу уже искал тогда. Нас, казахских грамотеев, строителей новой жизни, в те дни можно было пересчитать по пальцам. Обстоятельства складывались так, что надо было быть просвещенцем и издателем. Твой Баурджан – не ищет; присматривается к моде, то примеряет бант циркового клоуна, то чалму аульного муллы. Но главная его мечта, назвал бы ее главной бедой – маршальский жезл. По ночам он вынимает из шкафа свой полковничий мундир, зубным порошком чистит на нем медные пуговицы – в убеждении, что не сказал последнего слова офицера, не отдал последнего приказа. Он не в силах примириться с тем, что то время прошло безвозвратно.

Я понял Габита: то время – это время Баурджана. Мое. Всех фронтовиков. И расстроился. Неужели, думал я, кануло в Лету время полка Игорева, Манаса, Джангира, Куликовской битвы, Витязя в тигровой шкуре, время Бородинского сражения и недавно отшумевшей Великой Отечественной? Крушение военной мечты не сломало Баурджана: в нем открывался талант литератора. Неужели Габит не понимает, не видит этого?

В земном понимании он не нуждается.

– Баурджан перемещается лишь в пространстве: город – село, оставаясь во фронтовом времени. Меняет жен, съезжает с одной квартиры на другую. Не находит, а теряет.

– Все мы теряем. И ты в том числе.

– Я иду... иду во времени и пространстве. В пути что-то отмирает, что-то нарождается. Меняются и мои представления. Скажем, Жибек и Джульетта – у них даже имена созвучны! Сегодня я вижу их не такими, какими видел вчера. Эти ослепительно прекрасные юные создания умирают с неразгаданной нами тайной, чтобы воскреснуть с приходом новых поколений. Если бы я не осознавал этого, моя Улжан умерла бы, не родившись. Поднимая глаза к ночному небу, я вижу не одни и те же звезды, не одну и ту же луну.

Рассуждения классика, понимал, касались не одного Баурджана. Но незримые нити, связавшие меня с фронтовым другом, были прочны, вечны и святы.

* * *

Он покинул землю отцов и возвратился в Алма-Ату, встретились.

– Я устал от бесконечных пересудов: «Я латыш», «Я казах», «Я белорус», – он сопит, курит, урчит. Он борется за себя и против себя. – Справедливость – понятие общечеловеческое.

– Ты хочешь сказать: прав не сильный, а справедливый?

– Я – ЧЕЛОВЕК. Вот первоистина.

– Ты казах?

Сегодня он терпелив и милостив.

– Да, я казах, Этим я хочу сказать – ты русский. Но я приглашал тебя обратиться к проблеме «Я – Человек». И, – уточнил, – это общегражданская, планетарная проблема.

– Помнится, ты утверждал: в понятие Человек входит МНОГОдушие и МАЛОдушие.

– То вторично.

– А что первично?

Он не ответил, он спросил:

– Ты слышал, что отвечает разноликий, разноязыкий, разнополитичный, разнорелигиозный и разнобогатый житель США на вопрос о гражданстве?

Признаться, я смутно представлял, как там у них с этим делом.

– Должно быть, гражданин США.

– И мы к этому придем, если не развалимся по пути к светлой цели.

– А как же быть с казахским чимом (шимом), из которого был изваян твой благородный отец Момыш?

Поясню в скобках. Однажды Баурджан поведал легенду – откуда у города Чимкента такое название.

Смакуя слово «чим» (шим), что значит дерн, он живописал картину разлива реки Каркары и людей, добывающих на ее берегах вязкий, надежный, даровой строительный материал и строящих из него жилища. Возник город – чимовый, дерновый; город Чимкент. Из чимового сырца в свой срок сложил хижину и Момыш старший «Отец чем-то походил на неудобный, пластичный казахский шим». Об этом я и напомнил моему другу.

Баурджан изменился в лице.

– Я отступник. Есть... есть глубокий смысл в том, что Господь Бог создал людей – одних турками, других китайцами, третьих поляками. Он видел в этом гармонию, недоступную нам. Я замахнулся на тайну тайн. Бог не простит мне такого греха. Я загнан в тупик. Человек не может жить в тупике. Я еще человек. Как жить мне дальше, подскажи.

Воспоминания друзей-однополчан

Бахытжан МОМЫШУЛЫ

Родился 3 октября 1941 года в городе Алма-Ате. Окончил Алма-атинский институт иностранных языков. Свою творческую деятельность начал с переводов с казахского на русский язык. Писатель и журналист, является автором многих рассказов, повестей, романов, в том числе трех книг об отце (все они изданы в Казахстане) — «Когда ты рядом», роман-эссе «Восхождение к отцу», а также повести «Свет волчьей тропы».

В настоящее время проживает в Алматы.

Елена КОРКИНА

Елена Баурджановна Коркина родилась 16 сентября 1947 года в Москве.

Окончила Литературный институт им. А.М. Горького при Союзе писателей СССР и аспирантуру в Институте русской литературы АН СССР (Пушкинский дом).

Кандидат филологических наук. Текстолог, архивист, историк русской литературы XX века. Автор более пятидесяти статей, исследований, публикаций архивных материалов, часть из которых собрана в книгу «Архивный монастырь» (М., 2007).

Лауреат литературной премии им. Александра Блока (2004 г.) и литературной премии им. Марины Цветаевой (2007 г.). Удостоена званий «Почетный архивист» (2002 г.) и «Почетный работник культуры города Москвы» (2006).

Я не мог помочь другу — сам не знал, как жить дальше. Подсознательно ухватился за соломинку.

— Ты же сам говоришь: в человеке живут и многодушие, и малодушие.

— О-ха! — застонал он и закрыл глаза. — Прости, я занемог, и мне надо побыть одному...

Случилось так, что мы не виделись месяца три. В этом промежутке произошло ужасное событие. Для нас, фронтовиков, ужасное. Друг предал друга.

— Уму непостижимо, — ужасается Баурджан чисто по-русски.

Он болен, лежит в постели — от лба до пят как бы обугленный. Намереваясь навестить друга, я не собирался его волновать сообщением о газетном залпе одного маршала в другого. Баурджан упредил меня, преодолевая немоту тела и души, достал из-под подушки помятый номер «Правды». Слова вылетали из его воспаленной гортани, подобно подкалиберным снарядам.

— Я офицер чести и обязан быть дуэлянтом. Я должен бросить вызов маршалу Коневу — к барьеру! Вызов всем, кто попирает воинскую честь и нравственность. — Грозная пауза — прозрачный намек на придуманную нарочно командировку Г. К Жукова в Югославию и снятие его с поста министра обороны. — Хрущев — политик. Для политика все средства хороши. Но для война... Кровь от раны, нанесенной маршалу Жукову его фронтовым соратником маршалом Коневым, несмываема. Она — на мне, на тебе, на всех фронтовиках.

Баурджан лежит в постели неподвижно, расчлененно — его обычная поза. Прислонив к его лбу ладонь, чувствовал — он в жару. Попытался вызвать неотложку. Он приказал — не дури!

Ночь мы провели вместе...

Стой ночи пролетели годы. Имя и дело Жукова зарастало травой забвения. Предательский удар, нанесенный ему боевым соратником, я переживал не меньше Баурджана. Душа затвердела в

ожидании часа справедливости (не возмездия). И он наступил – для всех нас, ветеранов Великой Отечественной. В стране торжественно, на подъеме отмечалась очередная круглая дата в истории наших Вооруженных Сил. Не помню, как случилось, но я в те памятные дни жил в Первопрестольной и через комитет ветеранов-панфиловцев получил приглашение в Кремлевский Дворец съездов. Зал гудел, все были возбуждены – будет Жуков! Возбуждился и я. Навсегда врезалось в память увиденное, услышанное. Пережитое. Но – по порядку.

Вот пробежала по пустой сцене последняя секунда ожидания. Гул в зале оборвался; от наступившей тишины стало как-то не по себе.

Вот показались и традиционно потянулись к столу президиума руководители партии и правительства. Впереди, поражая бравой выправкой и четкостью шага, шествует фельдмаршал (насмешка Баурджана) необъятной Советской державы Леонид Ильич Брежнев, с заветной, нет ей цены, папочкой в левой руке. Ему в затылок поспешают, строго соблюдая черед, остальные.

Вот показались военачальники, мы знаем их поименно. Но я вижу одного (все фронтовики видят одного!) – Георгия Константиновича Жукова. Не гром рукоплесканий, а гром артиллерийского салюта из тысячи орудий перекачивается, нарастая и нарастая под сводами просторного Дворца съездов.

*«Вечерняя Алма-Ата»,
10-21 декабря 1990 год,
№ 283-292*

Третья часть
Истины из архива

Үшінші бөлім
Мұрағат ақиқаттары

Полководец бессилён без войск, войска немощны без предводителя.
Спасение не в бегстве, а в защите и нападении.
Кто не защищается, тот погибает.
Самое грозное оружие в бою – душа человека,
боеприпасы к нему – духовная пища.

Баурджан МОМЫШ-УЛЫ

О ВОИНСКОМ ВОСПИТАНИИ

I

Сущность воинского воспитания заключается в выработке качеств в бойце, способности преодолевать тяжести, лишения, страх.

В войне у человека-бойца резкое выражение проявляют два чувства: чувство сознания долга и чувство страха. Чувство самосохранения у наших бойцов в подавляющем большинстве относится скорее к первому, чем ко второму.

Перед боем и во время боя происходят ожесточенные бои – внутренняя борьба у бойца между этими двумя чувствами. Эти два чувства так же непримиримы, как непримиримы Красная Армия и фашистская грабь-армия.

Если в этой жестокой внутренней борьбе победит чувство сознания долга, чувство внутренней ненависти к врагу – такой боец способен совершить чудеса, драться мужественно, отважно, умело проявляя на каждом шагу находчивость, военную хитрость, железную стойкость в самый критический момент боя. У такого бойца развито сознательное чувство самосохранения, но он не злоупотребляет им, у него не менее развито чувство способности к самопожертвованию, если этого потребует обстановка боя. Он знает цену своей жизни – не спекулирует лихостью, мнимой храбростью, безумием, он не играет со смертью, а действует продуманно, умело, хитро и наверняка, у него свой план действия, своя тактика, свой маневр.

Умереть вообще и даже умереть красиво – немудрено: умереть может каждый, что-что, а такая возможность в бою предоставляется почти на каждом шагу. Жить, и жить с победой гораздо сложнее и труднее, чем умереть. Тот, кто умеет жить с победой, того смерть не застанет врасплох: он умирает достойно, исчерпав все возможности и способности жить до последнего дыхания, выполнив свой долг – поставленную перед ним боевую задачу.

У кого в результате внутренней борьбы побеждает чувство страха, тот, как правило, погибает первым, и, обиднее всего, без толка и без пользы для дела, т.к. с целью «самосохранения», вытаращив глаза, дрожа от страха, он или суетится на одном месте или безрассудно, как заяц, мечется из стороны в сторону, не ориентируется и теряется в обстановке, и, наконец, теряет голову и жизнь свою без пользы для себя и других.

Не так легко перебороть чувство страха. В этом вопросе командир обязан помочь бойцу с первого же дня, как он прибыл в его распоряжение, и воспитать в нем все положительные качества, нужные благороднейшему солдату – бойцу Красной Армии,

Истины из архива

всеми средствами своей кропотливой, грамотной работы – задача, безусловно, нелегкая. В разрешении этого сложного, всеобъемлющего вопроса воспитания боевых качеств основную роль играют: воспитание в бойце боевых качеств на боевых традициях своей части (если часть молодая и у нее нет хорошей боевой традиции, то весь начальствующий состав обязан работать, не покладая рук, и обязательно создать ее); личный пример (разумеется, не дурной) и авторитет командира (завоеванный умом, грамотностью, боевыми подвигами, военной культурой в работе), который способен рассеять страх, зажечь душу солдата, укрепить постоянную боеготовность и боеспособность, внушать веру в победу – соединить воедино боевую выучку с высоким стремлением истребить врага. Это значит, прежде всего, уметь действовать на чувства, на психику бойца и управлять ими. Такое воздействие на бойца – целое искусство, к обладанию которым должен стремиться каждый разумный, здравомыслящий командир. Для этого необходимо, чтобы боец всегда находился в центре внимания и забот командира (знать душу и нужды солдата), он должен хорошо знать все качества, моральные и физические, помогать расти, совершенствоваться, прививать положительные передовые черты, боевую дружбу, любовь к своей части, как к родной боевой семье.

Одним лишь военным знанием, полученным в нормальном военном училище (к сожалению, они очень часто выпускают не нормальных командиров – в смысле знаний), не справиться со столь ответственной работой. Командир должен быть всесторонне развитым и грамотным, в этом состоит суть офицерского достоинства, чести, гордости и личного справедливого роста, прежде всего ума, а потом – роста в звании и должности.

Грамотно командовать – это не значит громко и властно подавать команду (направо или налево), а знать и познать, учиться и учить на опыте, действовать умом, дисциплинированно, настойчиво, последовательно и целеустремленно (жить, а не существовать), бороться, преодолевать, искать и находить, радоваться, испытывать удовлетворение результатами своего труда. Жадно овладевать искусством, умело и доходчиво преподносить подчиненным свое желание (свою волю) не вообще, абстрактно, а конкретно, по-деловому, строго придерживаясь правила: «Сложное – упрощай, простое – не усложняй».

II

Военная служба есть отбывание воинской повинности, установленной законом.

Воинский порядок есть норма принуждений для отбывания этой повинности, честного выполнения общеустановленного возвышенного и благородного долга перед Родиной – обязанности каждого гражданина.

«Вольный» – свободный гражданин (хотя свобода – понятие относительное) пока в данный период, не подверженный принуждению отбытия воинской повинности, по тем или другим причинам находится на «воле», чувствует себя свободным в демократическом смысле этого слова, личных действий, поведения, жизни, быта и т.д. в пределах нормы гражданского общественного порядка, вне всякого воздействия норм военного общественного порядка.

Военный (значит, не «вольный») лишен чувства свободы действий, ограничен в правах и находится под постоянным воздействием воинского общественного порядка и повиновения воле старшего военачальника, строгой дисциплины, исключающей всякую возможность самоволия и самовластия над собой, своей личной жизнью и поведением.

Бесстрашия как такового вообще не существует в природе. Бесстрашных людей нет на свете (по крайней мере, за год войны, участвуя и руководя более чем ста боями, мне не приходилось их видеть).

Сознавая опасность смерти, ни одно животное не идет в бой без страха, а если иногда случается идти в самое пекло, откуда брызжет смертью – значит, идти незнательно – что не есть бесстрашие.

Страх преодолевается принуждением вообще: внутренним и общественным воздействием (внешним), в частности.

Героизм – не дар природы, а результат военного воспитания, сознательного принуждения себя идти на опасность для выполнения возвышенного чувства человека, выполнения долга, ограждая прежде всего собственную честь и благородное достоинство человека от чувства стыда, низости и позора, соревнуясь с подобными себе в благородстве, равенстве поделить не только благо целого коллектива, но и опасность; стремление обезопасить себя и соотечественников путем наибольшего истребления врага, беспощадного лишения за зло злом, за смерть смертью, кровью за кровь.

Смелость есть сочетание расчета действия с риском. Риск оправдывает расчет. Без расчета риск не благороден.

Лихость есть сочетание ловкости со смелостью. Лихость без ума – самодурство.

Ловкость – результат строгого последовательного воспитания (тренировки) ума, быстрого мышления и дисциплинированного послушания наших мускулов для молниеносного действия.

III

Войной и боевыми действиями управляют два генерала: войсковой генерал и генерал Страх. Второй вездесущий секретный генерал, невидимка, фигуры не имеет. Первый ведет постоянную, непримиримую борьбу и завязывает крепкую дружбу со вторым с точки зрения выгоды для себя.

Генерал Страх – генерал стихии. Он боится смелого солдата, а трусливого маршала за ворот берет. Действия его молниеносны, история наших дней знает немало фактов, когда генералу Страху неоднократно удавалось разрешать операции даже крупного стратегического масштаба.

Страх испытывает каждый, и многие – множество раз: страх казарменной жизни, страх военного похода, страх перед боем и страх во время боя и т.д.

Постараемся разобрать каждый из них.

Первый страх, испытываемый каждым, – это страх потери относительной свободы гражданской жизни, личной воли и прав над собой – неприятные ощущения неволи, если можно так назвать. Страх перед казарменным солдатским существованием.

Истины из архива

Командир обязан прежде всего сам глубоко продумать, прочувствовать душой, сердцем и делом до отдельных мелочей все мероприятия воспитания молодняка, памятуя, что казарменный период воспитания есть фундамент дальнейшего развития и формирования настоящего воина, своей серьезностью дать максимальную нагрузку умственным и физическим способностям. Чувствовать, постоянно чувствовать голод к работе, ни в коем случае не запаздывать в развертывании умственных и физических сил именно в данный момент, а не после (перед боем или во время боя), без шума и ура-парадности.

Действительно, «привычка – вторая натура». Строгий воинский казарменный порядок, безукоризненная внутренняя служба, опрятный внешний вид, строевая выправка (помни, что внешняя расхлябанность есть признак внутреннего убожества и наоборот – внешняя подтянутость есть признак внутренней собранности и дисциплины ума), железная дисциплина, безоговорочное повиновение воле старшего, почти рабская послушность, автоматизм в действиях, стремление лучше и в срок выполнять все повеления командира, с первого же дня пребывания бойца должны быть внедрены в его сознание, привиты в его привычки, введены в его быт строгим, последовательным, целеустремленным и справедливым требованием к новобранцу, не упуская ни одной мелочи установленных требований, ибо мелочей в воинском порядке нет, и все они нужны для боя в одинаковой мере, как меткая стрельба и т.п. элементы для победы. Не может быть никакой пощады к разбалованным вольной жизнью чувствам, характеру, нравам, поведению и даже мышлению (не думай о том, о чем не полагается думать) – их нужно выбивать из мозговой коробки.

Либерализм, жалость к самолюбию бывших «вольных», демократизм, конституционное равноправие, ложная пропагандистская дипломатия и прочие вредные отношения к подчиненным не должны иметь места нигде и ни при каких обстоятельствах.

Солдат должен немедленно очутиться перед всеми фактами казарменной жизни и службы, пугающими его, преодолеть этот страх, понять безнадежность мечты «как-нибудь отслужу» и быть поставлен в строгие рамки «солдат – повинующийся, офицер – повелевающий». Все демократические равноправия для него должны исчезнуть.

Прямо нужно говорить и убедить его: я, офицер, – повелитель, а ты, солдат, – исполнитель. Делай то, что я приказываю. Равенства между нами по всем вопросам нет (мы с тобой равны только как избиратели). Я диктую, ты пиши, делай. Не сделаешь – все равно заставлю делать, как я хочу. Сопrotивление бесполезно.

Так лучше и понятнее, чем агитация окольным путем – не забивать голову солдата пустыми словами.

Солдат должен в первый же день вкусить горькую, но правдивую действительность своего положения, твердо усвоив слова Некрасова: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан»

Сопrotивление, безусловно, будет встречаться на каждом шагу и проявляться в различных формах действий обучаемого; их может усмирить полновластный офицер, один намек которого заставил бы заметаться солдата.

Офицера солдат должен бояться – без боязни не может быть уважения, беспрекословного повиновения и любви к нему.

Строгость и требовательность к подчиненным должны быть исключительно справедливыми: вот этого качества командира солдат должен бояться, его уважать, любить и до сырой земли ему преклоняться.

Отношения командира к подчиненным ни в коем случае не должны превышать норм человеческого поведения и воинского такта: крикунство, пришибеевщина – опасная язва для самого же командира, унижающая его офицерское достоинство. Он разумно обязан соблюдать правило:

«Учи не гневом, а умом».

Страх наказания. Казарменный период воспитания является первым этапом в формировании в сознании солдата кротости, послушания, примирения вольности с принуждением, началом привычки выполнять властную волю начальников, уважения первого параграфа правил общественного военного порядка, что является началом солдатской отваги.

Воинский общественный интерес так же, как и гражданский, складывается из множества личных военных интересов членов (солдат) боевого коллектива.

Как и простой гражданин, солдат долго и упорно не сознает свой личный военный интерес, не понимает необходимости его для личного его благосостояния, всё думает абстрактно и отвлеченно (правда, в этом здорово помогают наши политработники и командиры, которые чешут языки в разглагольствованиях перед бойцами о мировых проблемах или высокой материи, зачастую сами глубоко не понимая, о чем говорят пошлым газетным языком.). Он не сознает его как вопрос, лично его касающийся, и все требования командира о порядке рассматривает как «чисто хозяйский» интерес – все для начальства, а не для него самого и, как следствие этого, в службе проявляет рабскую неискренность – не вкладывает ум и душу в работу, стараясь создавать лицемерный внешний блеск аккуратности, исполнительности, преданности, повиновения и т.д.; излишнюю угодливость вместо настоящего честного солдатского воинского такта – начинается в действиях солдата сплошное царство серии очковтирательства.

Военный поход есть средство разоблачения этих пороков, первая стадия воспитания солдата, где ему при хорошо организованном походе и дисциплинированном марше все это вводится в сознание не только убеждением, а потом и физическим страданием. Только в походе начинает проясняться ум солдата, и марш является первым начальным периодом внедрения в сознание понимания личного военного интереса и необходимости некоторых элементов военного общественного порядка.

Что же страшного в походе?

Солдата пугает:

а) марш в строю, не позволяющий вольно и свободно вразвалку идти темпом скорости движения и отдыха по своему усмотрению – и здесь неволие, ограниченность в свободе действий и власти над собой;

б) тяжесть солдатской ноши, которая скует ему все тело, давит, душит, режет до крови тело, угнетает душу, оказывает на каждом шагу физическое воздействие

Истины из архива

на его сознание, на тело и требует напряженной траты энергии, почти, как правило, всегда без немедленного возмещения питанием и отдыхом на восстановление потраченного;

в) сознание и предчувствие тягостного испытания и лишений похода, полевой бродячей жизни под открытым небом;

г) предвидение соприкосновения с противником и воображаемое поле сражения, поле истребления, эпидемия неестественной смерти и чувство беспокойства и опасения за свою собственную судьбу и т.д. и т.п.

Беда заключается и в том, что боец все это представляет смутно, инстинктивно, нечленораздельно, неконкретно, поэтому не принимает толково осознанной контрмеры, а предается самотеку, доверяется на произвол судьбы, сваливает все на плечи командира, ударяясь в другую крайность, прикрывает свою лень и безразличие к себе и окружающим гнусным «не было приказано».

Командир должен помочь разъяснением, принуждением, умом, властью, и своим авторитетом бойцу увидеть, осознать, прочувствовать и преодолеть страх похода. Хорошо организованным и продуманным маршем немедленно предоставить «удовольствие» бойцу пережить все тягостные испытания и лишения походной жизни, пугающие бойца в первом же марше всей полнотой сложности, трудности и тяжести, какая только возможна, разумеется, в пределах возможной максимальной нагрузки, не загоняя горячего «коня» до упада, не подорвав физическую силу, помня, что поход – суровая, более организованная, практическая, реальная школа эффективного воспитания боевых качеств в бойце, дающая ему физическую, моральную и интеллектуальную закалку.

Страх перед боем.

Враг страшен до первой встречи, пока не испробуешь вкус его крови.

Воображение человека беспредельно. Враг представляется ему в виде чешуйчатого дракона, хвостатого черта, лешего и в тому подобном мифическом образе, которого пуля не берет и штык не проколет. В этом медвежью услугу оказывают и наши неумные художники-карикатуристы, малюя немца богатырем-шимпанзе в каске с оскаленными зубами, волосатого, с жуткими глазами, звериной мордой, кровавыми когтями, с жадным удовольствием хищника терзающим свою жертву – обессиленную, бледную, уже мертвую женщину с ребенком. Страшно видеть, не то, что бороться с таким чудовищем. Такая выставка «творчества» возбуждает инстинкт самосохранения и авансом нагоняет страх. Или в образе свирепого бандита – кто не боится бандита или хищника африканских джунглей? Слов нет – неумный плакат, больше вреда, чем пользы. У этих художников отобрать кисть и дать винтовку – было бы гораздо больше пользы.

Бой не так страшен, как его представляют и как он снится многим. Враг не дракон, не дьявол, не хищный зверь, как его рисуют, как о нем убеждают и внушают, а обыкновенный человек с такой же кожей, телом и чувствами, как и наши (только с разбойничьей развращенной натурой), его и пуля берет и штыком можно проколоть.

Из его жил течет такая же кровь, как и наша. Он также будет вопить, стонать в предсмертных судорогах, как и любое живое существо. Он не меньше испытывает страх и боится нас. У него такое же чувство самосохранения и боязнь опасности, как и у нас. Он не меньше волнуется, чем мы, у него колени дрожат от страха встречи с нами. Он не тень в образе человека, не неодушевленный предмет, а человек со множеством слабостей и малодушием.

Но он идет на риск (вернее, его заставляют), стремясь убить нас, а самому остаться в живых. У него от страха за свою личную судьбу напускная решительность, чтобы нагнать страх на нас, «взять на пушку», чтобы ему легче было убить, действуя на психологию.

Бой – воображаемое поле эпидемии, неестественной, насильственной смерти, страшная катастрофа многих личностей, молодых и сильных, река и море человеческой крови и сильных моральных и физических страданий и испытаний.

04.04.42 г.

ПОСЛЕ СМЕРТИ БАБУШКИ

После смерти бабушки наш дом долго хранил траур по ней. Все грустили, всем чего-то не хватало. Хмурые домочадцы говорили между собой почти официально по самым неотложным домашним делам. Все были кратки и немногословны. Казалось, бабушка унесла с собой веселье, споры, драки и галдеж детворы, семейную суету, праздность обеда, вечеров за ужином. Женщины безмолвно варили пищу, разливали, подавали на дастархан, а мы молча ели каждый свою порцию. Старшие перекидывались отдельными словами...

Особенно чувствительный дядя ежеминутно наполнял саклю своими тяжелыми вздохами и заражал всех остальных их тяжестью.

Отец из-под лба неодобрительно посматривал на брата. Тот ложился прямо на пол и, упершись взглядом в потолок, продолжал лежать долго, изредка издавая глубокие вздохи. Мы все сиживали, глядя на него в гнетущем грустном молчании.

– Момынтай! – Обратился отец к своему брату, – Встань! Иди за скотом присмотреть, пора.

Дядя молча вставал и, как избитый, медленными шагами выходил из дома.

На дворе он молча отвязывал лошадей и коров, выпускал баранов и коз. Те стремились к ручейку напиться воды. В это время он со стога в охапку брал сено и разбрасывал его за изгородью, скот стремился к корму, а он на корточках сидел и молча смотрел на скот, торопливо уплетающий свой ужин. В такой позе он просиживал очень долго – до самого вечера.

– Пойдем домой, наверное, угли почернели, – приглашал отец его. Он, молча встав, шел покорно за ним....

Нам всем не хватало бабушкиной власти, её внушительного крика, повелительных жестов, одобрительного смеха, доброй ласки, строгости, распорядительной команды, добрых минут в морщинах вокруг глаз, прятанных легкие и хитрые усмешки.

Как в бою внезапная потеря вожака-командира вносит в рядах растерянность, так и в обыденном очаге, где родились, росли, воспитывались в строго установленном бабушкой распорядке и привычках, произошла заминка, растерянность, и никто из старших пока не осмеливался брать в нашем быту бабушкину роль и заменить её. Как будто мы все ждали её обратно, и казалось, вот-вот она вернется, распорядится, снова завертит нашим бытом, заведет заглухший мотор, разбудит семью от тяжелого летаргического сна, толкнет живительным толчком. Но, увы, с каждым днем мы убеждались, что она ушла от нас навсегда.

Дедовская, почерневшая от времени кровать из массивного дерева с вырезанными орнаментами, облезшая, с изъеденными красками, стояла на старом месте по левой стороне комнаты с заправленными скромными постельными принадлежностями бабушки. Она выполнила свой последний долг перед своей хозяйкой, служа ей смертным одром.

По обычаю, занимать ее кровать никому не полагалось. По ночам на этой кровати мы больше не слышали ни старческого кряхтения, ни глубокого кашля, ни

сопения мирного сна бабушки, и нас, малышей, никто туда больше ласково не заманивал.

Через две недели после смерти бабушки были зарезаны два жирных барана, наварены баурсаки, бесбармак, приглашен весь наш аул.

Старухи, обмывшие бабушку, сидели на почетном месте, а остальные в порядке старшинства. Был прочитан Коран по бабушке, все сидящие, пожелав ей «царства небесного», приступили к еде. За едой все молчали, когда подали чай, отец встал со своего места, подошел к середине полукруга сидящих, дядя встал рядом с ним. Сложив руки на животе, отец обратился к черной, всей в морщинах, старушке в белом жаулыке, наверхенном огромным воздушным пирогом на маленькой головке.

– Почтенная Апа, – сказал отец, – Вы со своими товарками почтенными (он уважительно перечислил имена сидевших рядом с нею старух) оказали нашей любимой матери и нам всем, вскормленным её священным молоком, услугу, которую в состоянии оценить только один Бог...

– Все мы смертны, сын мой, мы выполнили лишь только свой долг, – прочмокала старуха дрожащим голосом. Ей поддакивали такие же древние подруги, как и сама старейшая.

– Мы в неоплатном долгу перед Вами, Апа, – продолжал отец, а дядя, почему-то сутулясь, кивал головой, как бы этим жестом повторяя слова своего брата, присоединяясь к ним, – примите, почтенная Апа, нашу благодарность от всей души, – тут отец и дядя глубоко трижды поклонились старухам.

– Принимаем, – прочмокала председательница, – уважаем, что Вы выполняете перед матерью свой сыновний долг...

– Вы в неоплатном долгу не перед нами, а перед матерью, Момыш и Момынкум, – зычным голосом перебила другая бойкая старуха.

– Спасибо вам, дети, вы хорошо устроили ее похороны, – в свою очередь перебила третья старуха, – дай Бог и нам так кончить свою грешную жизнь, как Ваша мать...

– Нет, они не все сделали, – прокричала бойкая старуха, – дети не оправдывают и сотую долю материнского труда: вынашивать под сердцем, выхаживать, разделяя каждую ночь сон на четыре (она, видимо, продолжала свою прерванную мысль). Вы такими не родились, она поставила вас на ноги, – прокричала она.

– Ну, да, ну да. Вы правы, Апа, – отвечал отец; дядя, расчувствовавшись, стоял рядом и всхлипывал.

Люди принесли бабушкины вещи и горой положили перед председательницей.

Председательница, шепча беззубым ртом что-то, начала раздавать вещи старухам. Когда вещи были розданы и остались украшения, она сделала паузу, осмотрелась и, сказав несколько слов, более молодым женщинам раздала, кому серьги, кому кольца, кому браслеты, кому коралловые бусы, говоря «Носи на память!»

Люди разошлись. Двое мужчин вынесли из дома бабушкину кровать и поставили на крышу сакли, где ее долго прожигало солнце, сушил ветер.

И так, в доме не осталось ничего из вещей, близко напоминавших нам бабушку.

04.03.49 г.
(будет продолжено)

Истины из архива

«Вы в неоплатном долгу перед матерью» – эти слова бойкой старухи глубоко врезались в моей памяти. Я видел, что мы все считали себя обязанными бабушке многим и многим. Жизнью и существованием своим. Особенно мне внушало это неутешное горе дяди, который больше всех нас переживал смерть бабушки: весь преобразился в печали.

Так как я знал, что бабушка при жизни больше покрикивала на своего младшего сына, мне стало стыдно за себя, что её смерть я меньше переживаю, чем дядя, и я стал ходить по следам дяди, подражая ему с детской искренностью, тем самым желая исправить ошибки и несправедливость, допущенную мной в отношении памяти бабушки.

Я знал несколько молитв наизусть, которым научил меня отец, ложась спать я произносил их про себя, посвящая их душе бабушки.

Через несколько дней отец, видимо, освободился от хлопот и дел. Всё реже стали посещать наш дом соболезнующие, которые, не здороваясь, входили в наш дом и, сев на почетное место без приглашения, прошептав слова молитвы, выражали сочувствие нашему горю – «Такова судьба человеческая», «Да произрастают её ветви, благоденствуйте, живущие»

Гостя обыкновенно поили чаем, и отец или дядя провожал, помогая ему влезть на своего коня.

Обычай запрещал появление кого-либо из нашего дома в общественном месте, во избежание встретить там знакомых, ещё не побывавших у нас «с долгом выражения соболезнования».

– Только недавно похоронили родного человека, что он разъезжает? – Так осуждали в народе тех, кому не терпелось сбросить траур по умершему.

– Ты до сих пор не посетил дом, который навсегда покинул человек, оставив в горе близких? – Укоряли тех, кто опаздывал с визитом соболезнования.

Мы сделались домоседами, а люди, появлявшиеся в районе нашего аула, спешили в наш дом, чтобы выполнить неотложный свой долг.

Да, казахи умели радоваться новорожденным, новобрачным, осыпая поздравлениями счастливых, и оплакивать смерть и чтить память умерших. Это входило в норму поведения, как общественный долг каждого и моральное обязательство для всех.

Это, видимо, так укоренилось и во мне, что сейчас, когда пишу эти строки, чувствую наплыв горячей крови, вспоминаю свою недавнюю оплошность в отношении памяти покойного профессора Габиба Гарлыбаева: я прилетел на несколько дней в Алма-Ата¹ и, загруженный делами, не навестил семью профессора. И когда через год, в фойе театра, встретились с его вдовой, я до того был растерян и почувствовал себя виновным перед нею, что не нашелся, что сказать – как будто бы я убил её мужа, и это меня мучает до сих пор.

¹ В то время название города Алма-Ата не склонялось по падежам.

Когда хлопоты исправлений поминок улеглись, и нашему дому были совершены визиты всех ближних, отец стал читать в свободное время и по вечерам Коран о покое души бабушки.

Этот своеобразный молебен им совершался так серьёзно и торжественно, что мы невольно были вовлечены в него всей семьёй:

Чтению Корана предшествовало омовение, как перед молитвой. Из сундука он доставал большую пожелтевшую книгу в кожаном переплете, нес её осторожно и, сев на середину разостланной чистой кошмы-текемета, отделанной орнаментами, прикладывал Коран ко лбу и бороде и, принимая молитвенно-торжественную позу, начинал читать.

Мы полукругом присаживались вокруг него и внимательно слушали слова Корана. Он читал медленно и нараспев, почти по слогам, неизвестные нам арабские слова, делая особенно протяжный нажим на последнем слоге каждой строки.

Нас увлекали поразительная певучесть, ритм строк и рифмы строф непонятного, но певуче благозвучного языка, слова пророка, любимца бога, как нам с малых лет было внушено о Мухаммеде – пророке правоверных мусульман.

Несмотря на то, что нам были непонятны ни слова, ни содержание чтения, но серьёзная и сосредоточенная поза отца при чтении и его взволнованно-дрожащий голос внушали нам серьёзность, и нам казалось, что он, действительно, разговаривает с богом через книгу, раскрыто лежащую перед ним на большой подушке.

Мы не разрешали себе во время чтения никакой детской шалости. Чтение продолжалось час, иногда два...

Отец, отрывая руки от перелистываемой книги, закрыв глаза, наизусть произносил строфы суры, подымал с раскрытыми ладонями руки, мы тоже вытягивали перед собою свои ручонки, слушая заключительные слова отца, произносимые им по-казахски, на нашем родном, понятном языке:

– О, всемилостивейший и всемогущий создатель восемнадцати тысяч тварей, летающих в небесах,двигающихся по земле, плавающих в водах. О, творец вселенной, священного солнца, серебристой луны, мерцающих звезд, неба и земли. О, мудрый создатель света того и другого, суши, бескрайней синевы океанов и морей, бурных потоков рек, покрытых узорами цветов просторов степей, гранитных скал зубчатых, величественных гор... Мы потомки твоей рабыни, одноутробные братья и сестры, внуки и внучки, склоняем перед тобою свои головы и обращаемся к тебе с молитвою, от чистого сердца, об упокое души родительницы нашей, покойной матери нашей... Да прости ты ей не по заслугам, а по милости твоей всевозможные земные грехи и прими ее душу в светлом уголке твоего небесного царства. Аминь! Да дойдет наша молитва до твоих ушей и будет принята тобой, – сказав это, отец троекратно гладил свою длинную бороду с проседью, а мы – свои безбородые детские щечки...

Я помню теперь, что заключительные слова отца на меня произвели особенное впечатление, на мой детский ум, чувства, и от них моё детское воображение стартовало в дальние, дальние пути-дороги:

Истины из архива

Когда он говорил о его всемогуществе, мне представлялся великан с громадным молотком, дробящий огромные глыбы камней...

О всемилости – в моём воображении великан останавливался и расплывался в широкой и доброй улыбке...

Создатель восемнадцати тысяч тварей – в моей памяти мелькали птички, жучки, жеребята, ягнята, козлята, верблюжата, бабочки...

Творец морей, рек, суши, просторов степей, гор – великан отпруживал громадные водоёмы, вода, хлынув, разливалась в моря и реки, огромной лопатой черпал он землю и запруживал, и эта куча образовала гору...

Слова «твоей рабыни» меня оскорбляли, я не хотел быть внуком рабыни и представлял бабушку униженной, нищенствующей, оборванной. В моем воображении образ моей властной бабушки никак не мирился с понятием рабыни.

«В светлом уголке твоего небесного царства» – я вспоминал вскрик дяди: «Ой, темно», когда стали засыпать могилу бабушки при её похоронах.

Мне было страшно и жалко бабушку, и я, искренне душась комком слез в горле, про себя произносил вместе с отцом: «Предоставь ей светлый уголок в твоём небесном царстве»...

Мне также было памятно, когда умер мой двоюродный брат Аруан, единственный сын моей тети Айса. Она, бледная, крючконосая старуха, обливаясь слезами и задыхаясь гневом, рвала в клочья всё на себе, с распущенными седыми волосами, в приступе неутешного горя проклинала бога, называя его с ума выжившим, глубоким старцем...

Я был потрясен, и это до сих пор остается в моей памяти, как предельное выражение материнского горя и протеста против смерти, обрывающей молодую жизнь.

Безупречная покорность старших ему и проклятие тети – не вмещались в моем детском уме.

Иногда я уходил из дома к роднику и в своем воображении искал бога, мне хотелось найти его, увидеть его – меня неудержимо влекло к нему детское любопытство, по сравнению с которым женское любопытство составляет ничто.

Перед моим взором навстречу моему воображению в самом центре небесного горизонта встало большое белое облако в форме громадной сидящей фигуры.

Нашел. Вот он. Я, не отрываясь, всматривался в облако и буквально в своем воображении «лепил» могучего сидящего «деда мороза» в просторном белом халате, с лохматыми седыми вьющимися волосами, длинной бородой. Облако растягивалось – я видел его профиль, нависшие брови, длинные ресницы. Мне казалось, что он поворачивается, он следит за всеми...

Приехавшая погостить Убианна, помнившая лучше всех нас нашу маму, попросила отца почитать Коран и по маме. Отец исполнил её просьбу.

Теперь читался Коран не только по одной бабушке, а по всем умершим нашим предкам, дедам, прадедам, бабкам и прабабкам, упоминались их имена с неизменными словами «твоего раба» или «твоей рабыни». Многие из них мы впервые слыша-

ли и, чувствуя, что мы к их именам равнодушны, отец после «Аминь» нам рассказывал, кем они нам приходится, как провели свою жизнь, их внешность и характер.

Воспоминания отца были для нас очень интересными. Отец умел рассказывать. Мы с удовольствием слушали его. И так, вечера стали не только молебными, но и литературно-художественными, биографически-этнографическими.

Как видите, все мои познания о нашем родословии и некоторые предания о наших предках мною почерпнуты из этой «вечерней школы» отца, о которой я пишу в самом начале записи.

В эти годы в своем жизненном пути отец отмеривал шестой десяток и был на пороге седьмого.

Как я начал помнить себя, я его знал с проседью в бороде, но при жизни бабушки мне и не приходило в голову, что он пожилой, так как он оставался дитем живой матери, и бабушка всегда проявляла над ним родительскую власть. При жизни бабушки он был в семье лишь старшим «дитем». Теперь он для нас заметно постарел и бабушкины морщины, излучающиеся от глаз, мы стали находить и на его лице.

Когда есть в доме старец, при нем все кажутся молодыми. Отец для нас теперь был не молодым.

– Мы семья, мы народ, – заключал отец свои рассказы, – в семье старики умирают, молодые рождаются, живут. Народ бессмертен. Вот от мамы нас в живых осталось два брата, шесть сестер, а ее внуков по всем линиям, слава богу, в живых 23, всего 31 из бабушкиных кореньев. И у вас будут дети, дети мои, – так он оптимистично завершал свое доказательство, что народ бессмертен.

Отец рассказывал о пророке Мухаммеде:

С неба опущено всего четыре книги:

- 1) Таурат (Тора) – книга Мусы Пайгамбара (Моисея);
- 2) Забур (Псалтырь) – книга Дауда Аляхисалам (Давида);
- 3) Инжил (Евангелия) – книга Исы Пайгамбара (Иисуса);
- 4) Кур'ан (Коран) – книга Мухаммеда Пайгамбара (пророка Мухаммеда).

Мухаммед – Ахри Пайгамбар, то есть последний пророк. Первым пророком был Хазрет Адам (Адам) Аляхисалам – продолжатель людского рода, который прожил 930 лет, имел до кончины своей 40 тысяч потомков.

От Адама до Мухаммеда прожили всего 124 тысячи пророков и аулие (святых).

Мы, мусульмане, признаем все четыре священные книги, спущенные с неба, и всех пророков. Они все были мусульманами – правоверными.

Только люди после их смерти исказили их учения.

Предшественником Мухаммеда был Иса (Иисус) Пайгамбар. Он родился от святой девы Марии на 500 лет раньше Мухаммеда. Иса был сыном бога. Однажды Муса (Моисей) спросил бога: «О, Аллах, если бы Вы захотели жениться, то на ком бы Вы женились?» Бог ответил, что он женился бы на деве Марии, которая была самой красивой девушкой на земле. Святой дух переселился в деву, и она родила Ису (Иисуса) – сына божьего... Иса проповедовал правоверным по святой книге Инжил (Евангелия),

Истины из архива

но люди не поверили ему и жугуды (евреи) заключили его в тюрьму из сорока толстых стен, сорока толстых крыш, на середине крыши они оставили маленькое, размером с кольцо, отверстие, оттуда узкой ленточкой пробивался в темницу луч солнца. Он томился там долго. Однажды он поднял голову и посмотрел в эту щелочку и увидел, что оттуда ангел ему делает знак: «Выходи, мол, сюда». Тогда Иса приложил указательный палец ко лбу: «Мол, голова не пройдет». Ангел дал знак: «Пройдет». Тогда Иса показал на плечи, ангел дал знак: «Пройдет». Он встал и через эту щелочку полетел к своему отцу. И он до сих пор живет там, у отца, и вернется только в судный день.

Неверные до того перепугались, что стали поклоняться ему, запомнив только его последние жесты. Вот почему орысы (русские) крестятся, тыча себя пальцем в лоб и в плечи перед образом.

Таков был, дословно, вступительный пролог к биографии Мухаммеда, рассказанный отцом, почерпнутый им из устных степных источников.

06.03.49 г.

КОНЧИЛИСЬ ЗИМНИЕ ВЕЧЕРА

Кончились зимние вечера...

Как бы вдруг мы заметили, что пришла настоящая весна.

На этот год месяц Наурыз, первый день которого считается новым годом магометанского летосчисления, пришелся в самый разгар доброй весны, когда она начала открываться во всей своей красе.

Стояли ясные мягкие весенние дни, зелень иглами пробивалась (вылезала) из-под земли, на ветвях посаженных дедом талов надулись почки, вершины Алатау ослепительно отражали солнце от своих ледников. Земля отдавала легким паром, от скотных дворов обдавало свежим навозом. Появились птички-певуньи на все лады: одни чирикали, другие щебетали. Высоко пролетали стаи журавлей, с которыми люди разговаривали, желали им доброго пути.

Коровы телились, бараны ягнились, козы козлились – и это было массовым.

Все радовались, сустились, как в родильном доме. Все принимали новорожденных.

Коровы нервничали в предотелных предчувствиях, становились какими-то бодрыми, блестели глаза, вздувались ноздри, наострив уши, они к чему-то прислушивались, рвались на волю. По этим признакам, которые казахи называют «бошалау», мы знали, что с часа на час корова отелится, и следили за ней...

Дядя принимал красного теленка и тут же, подув ему в лоснящиеся ноздри, осторожно клал его на солому. Тут мать, мыча и угрожая рогами, подходила к младенцу и шершавым языком лизала его мокрую короткую шерсть. Теленок на своих длинных кривых ножках, с хрящево-свежими копытцами, пытался встать на ноги и падал, еще попытка – уползал от соломенной подстилки. Мать оберегала его, не подпуская нас к нему. Наконец, теленочку удалось встать на ноги, шатаясь сделать первые шаги и падать, снова подыматься на сшибающихся, как прутья, тонких ногах и, сделав два шага, мордочкой утыкаться в брюхо матери, ища сосок вымени. Не находя, путаясь ногами, он снова падал... Дядя подходил к корове, строгим жестом заглушая ее ревливый протест, пальцем оттягивал соски, чтобы прочистить их отверстия, подносил теленка к вымени. Почувствовав, что теленок сосет, мать успокаивалась и стояла спокойно, предаваясь блаженству первого кормления своего детеныша...

Все эти милые сценки с появлением теленочка происходили при всеобщем умилении и восторге всех домочадцев. В это время на босых ножках, стремглав неслась с криком радости сестра Алиманна с новорожденным черным кудрявым ягненком, с другого конца загона, от нее не отставая, бежала жалобно блеющая мать...

Исхудавшие за зиму, еще не перелинявшие, жеребята паслись, щипая зеленую траву, резвились так смешно и забавно в своих, казалось, рваных, навыворот одетых шубенках...

Истины из архива

Тяжелые воспоминания зимы были сняты совместной радостью растений, животных и людей, принесенной прекрасной весной...

Дядя застучал топором, приводя примитивный сельхозинвентарь в порядок, готовясь к севу...

С другом юности

Женщины парили зерно пшеницы и колотили в «кели» для очищения от шелухи, ставили большие казаны – варили «наурыз коже» (новогодний перловый суп), заправляя его молоком. Началась новая встреча нового года – наурыза – весны.

Из аула в аул шли люди есть «наурыз коже», поздравить с весной соседей. Любой приходил в дом, поздравлял с «наурызом» и от хозяйки получал миску супа, садился, где попало, и приступал к еде приговаривая:

– Бисмилля. Жеткенде бар, жетбегенде бар, – что означало благодарение судьбе, что он встречает в своей жизни еще один новый год. Буквально: «есть дожившие и есть не дожившие».

Суп полагалось хвалить, как вкусный, и съесть все, как «несибе» – «Божье блюдо», посланное с неба, как первая порция новогодней харчи – пайка.

Некоторые коварные женщины специально берегли большую деревянную миску про запас и, когда входил тот, на кого они имели «зуб», до отказа наполняли миску супом и преподносили своей жертве. Тот суеверно, не смея отказаться, сидел в углу и дулся целый день, не справляясь с такой солидной порцией «Божьего пайка» на целый предстоящий год. Такие жертвы бывали почти в каждом доме, и бедный этот страдалец должен был через силу съесть суп, выдерживая хитрые насмешки хозяйки и издевательства намеками посетителей. Когда он, обессиленный, останавливался, чтобы передохнуть, его подгоняла хозяйка:

– Ешь, ешь, мужественный, я тебе желаю в этом году столько счастья, сколько зернышек в твоей миске.

– Спасибо, дорогая, ем же, – бурчал тот.

– Ешь, ешь, незабвенный, ешь, пока горячо, не давай своему счастью остыть.

– Ешь, дорогой, пусть вся твоя чаша желания будет такой же полной, – поддакивал другой гость хозяйке...

Пока тот мучался в пытках перед миской, остальные рассказывали анекдоты на тему весны, остряли, шутили, пели, декламировали стихи в честь весны.

Эти своеобразные торжественные «тосты» произносились вполне добровольно.

Отец рассказывал, что за «Жетысу», т.е. «семью реками», в роде «тобыкты» жил «Абай болыс» – волостной управитель, что этот умный человек не только был «болыс», но и сочинял хорошие стихи, был настоящим акыном и продекламировал тут же «Весну» Абая.

Все слушали внимательно и просили отца повторить...

Я впервые тогда услышал имя великого поэта Абая.

Когда весеннее солнце сходило с горизонта и, мигая косыми лучами, пряталось за горизонт, люди расходились, пожелав друг другу полного благополучия в этом новом году.

* * *

Почтовая станция – Бекет (пикет), в котором дядя в трудный год служил ямщиком, лежала на тракте Ташкент-Пишпек (Фрунзе). Этот тракт нашими был прозван «Қара жол» – «черной дорогой», видимо от того, что она в целине и среди посевных полей своей черноземной пылью действительно прорезала черной лентой поле.

Қара жол проходила по относительно возвышенной местности, откуда берут свое начало тысячи родников. Насколько я помню, дорога на всем своем протяжении не пересекает ни одного из этих ручейков, прорезавших себе путь в балках.

Қара жол для нас служила границей двух угодий: посевной и пастбищной. Возвышенные местности идут от дороги на юг к Ала-тау: почва усыпана мелким щебнем, поэтому ее не пахут, а пасется скот. Весной наш аул, чтобы не травить посевы и сенокос скотом, всегда откочевывал на джайлау – своеобразную дачу (буквально: от слова жаздау – летовка, как и қыстау – зимовка), проводил все лето по той стороне Қара жол, в верстах от нее, заселяя густыми белыми грибами юрт возвышенность.

Малоскотные земледельцы не уходили к самым подножьям Ала-тау, так как и здесь для скота было достаточно корма, и были привязаны все-таки к своим посевам и сенокосам в трудовое лето. К Ала-тау откочевывали к середине лета более зажиточные, когда летнее солнце с зенита прогревало этот суровый возвышенный район.

На этом маленьком клочке в радиусе 15 километров, с каждым километром к горам весна запаздывала на недели и месяцы, поэтому и климат, и растительный покров отличались, как по ступенькам. Эти особенности нашего района шутник Тохмырза приписывал рассеянности бога при сотворении мира:

– Сотворил Аллах мир этот грешный, – говорил шутник, – устал после трудов тяжелых и задремал старец. Очнулся – смотрит: он забыл создать наш район. Нахмурился, рассердился на себя, оторвал кусок ледника с Гималаев, поставил вот сюда, – указывая на Ала-тау, – пока он оглянулся, ледник начал таять и потекла тысяча ручейков, тогда он сорвал кусок с южных гор и вlepил вот сюда, – указывая на Каратау, – чтобы запрудить эти ручейки. Все впопыхах, торопливо делалось, неровно получалось, конечно, как видите: ручейки уперлись в Каратау, куда же им деваться, вот и потекли они по склону с запада на восток. Поэтому вон та речонка называется Терис – «обратная», то есть «левша». Наша земля, уважаемый, состоит из разных клочков мира, поэтому у

Истины из архива

нас один клочок не похож на другой, – заканчивал шутник. – А для того, чтобы и в людях разнообразие было, привел сначала он из жарких иранских сторон, с грудью нараспашку – сарта, потом с берегов Енисея – пухловеких киргизов, а вот недавно еще и рыжих русских – не то, что у вас там, в Арке, которая разостланным дастарханом ровно лежит под солнцем, где обитаете вы и только лишь вы. У нас, брат, все разнообразно: хочешь горы – вот тебе, хочешь воды – вот тебе, хочешь хлеба – вот тебе, хочешь фруктов – вот тебе, хочешь базар – вот тебе день каждый, а не то, что у вас: степь, скот, мясо и – все!

Приезд Садыка Албанова совпал с 1-м мая этого года. Уже несколько лет Бекет – почтовая станция, как единственное кирпичное здание в волости, стала местом больших собраний, куда съезжались несколько сот верховых со всей волости на сходку.

Албановых было трое. Старшего народ знал по имени Избасар, и о нем отзывались как о необузданном самодуре. На каком-то посту в уезде он долго не удержался и, когда стало известно о его провале, все не удержались от возгласа «так тебе и надо!». О Садыке Албанове народ отзывался как о степенном, прямом, неподкупном и честном человеке. Говорили, что он знающий, обходительный, умный человек, прекрасный оратор, благовоспитанный казах, доступный и обаятельный.

Первого боялись, но не уважали, второго не боялись, а уважали. Народ определял свое отношение к братьям, подчеркнуто произнося их имена – Избасар Албанов, Садык Албанов.

Избасар приезжал с шумом, громом, на собрание не подпускал никого, кроме «депутатов», и целыми днями «поштучно» называл их шантрапою, сатрапами, волами, верблюдами, ослами, не стеснялся приукрасить эти слова уличной бранью, порнографическими остротами, угрожал зачислением в «черные списки», ссылкой в Сибирь. Все возвращались с собрания Избасара избитыми и, после отъезда его, смеялись над ним, подражая его дурным жестам, походке и интонации.

Избасар в памяти народа долгое время оставался как образец необузданного самодура в период военного коммунизма.

Садыка украшали вежливость и скромность.

Его собрание всегда по многолюдности напоминало митинг. К нему спешили все: старые и малые, даже женщины. Было объявлено, что завтра Садык приедет в Бекет и просит собраться народ, желающий послушать его.

Стоял ясный день. Отец и дядя решили забрать и меня с собой, я с радостью оделся и ехал на одном коне с дядей, на крупе его коня.

По дороге мы догнали группу всадников, среди которых, как на шولاке, ехал Аккулы, он поздоровался с отцом своим обычным:

- Арма, Момыш.
- Барбол, Аккулы.
- Садыка слушать едешь?
- Да, Аккулы.

Аккулы, увидев меня сзади дяди, воскликнул:

- А, молодой джигит, ты куда?

Заметив, что я растерялся, дядя, почтительно приподнявшись на седле, ответил за меня.

– Садыка послушать, Ака.

– Да, – протянул старик, – хорошее слово услышать – это полсчастья. – Но тут, заметив, что один из его молодых спутников качнулся в седле, когда кони перепрыгнули канаву, Аккулы гневно обрушился на него.

– Ты что так коня мучаешь? Чай, не на качелях? Коня послал, а сам остался, так недолго животному хребет переломить.

– Он ведь нечаянно, Аккулы, – примирительно вмешался отец.

– Ах, оставь, Момыш, оставь ради Бога, он не только самому себе, но и коню нечаянности позволять не должен, – ответил Аккулы и, еще раз гневно посмотрев на доушей покрасневшего юношу, добавил, – какая нынче молодежь пошла, Момыш, прямо мешок, да еще какой мешок.... Ах, ах, как мне жаль под этими мешками видеть бедного коня.

И так, до самого Бекета, старик, педант и фанатик верховой езды, никому не давал разинуть рта, пичкая всех нас собственной теорией искусства верховой езды. Все почтительно слушали его и старались ехать, как можно ровнее, дабы не получить от него язвительно-колких замечаний.

Из дома я выехал в плохом настроении и злился на дядю за то, что он мне не разрешил оседлать коня. Сидя сзади него на крупе лошади, я презирал его широкую спину, но сопутствие со строгим и придирчивым Аккулы меня примирило с несамостоятельностью на спине коня.

Бекет был окружен забуртованными сотнями коней. Народ собрался у холмика и рассаживался на зеленой травке, подстелив полы халатов под себя. Народу было всякого и много: седобородые старики, мужчины, джигиты, юноши, в стороне в белых жаулыках сторонилась группа женщин из ближнего аула. Все в ожидании смотрели на Бекет.

– Идет, идет, – прошептали в рядах: в сопровождении усатого почтового начальника в форменном картузе старого покроя и нескольких человек казахов из волостного начальства, шел мужчина среднего роста, в серой бекеше нараспашку и без шапки.

Я, как и другие, впился в него глазами, как только увидел. Он шел, спокойно переговариваясь с одним из сопровождающих его. Лицо у него было бледно-желтым, нездоровым, широкий лоб, лысеющая круглая голова, коротко стриженные черные усы, усталые открытые глаза, с легкой припухлостью отеков. Он забрался на холмик, за руки поздоровался со стариками и, приложив руки к груди, поклонился обществу:

– Сәлем бердім, жамағат! (привет вам даю, общество), – произнес он чуть гортанным голосом, затем он обратился к старикам, – как поживаете, почтенные аксакалы, как здоровье...

– Бәрекезде, Садық! Как ты сам поживаешь?

– Как твое здоровье, Садық?

– Как твои дети растут? – Перебивали старика.

– Спасибо, ничего, – улыбаясь, показывая свои сплошные белые зубы, отвечал Садық, – пока здоров.

Истины из архива

– Как ваш шолак, Ака, – обратился он к великому шабандозу. Видимо, он раньше знал Аккулы.

– От твоих поштабаев-милиционеров прячу, – ответил старик. Садык Албанов ласково улыбнулся и сказал:

– Пусть ни один поштабай не смеет тронуть Вашего шолака, Ака, скажите, что я так велел.

– Благодарность тебе, Садык, а то от них русским подводам да нашим коням покоя нет. Все несутся, как угорелые, загонять только мастера...

– Аккулы, Садык сказал свое слово, – прервал его отец, – давай послушаем.

Аккулы зло посмотрел на отца, но промолчал.

Садык жестом извинился перед Аккулы, поднялся на самую макушку холмика и, осмотревшись вокруг, спокойно и уверенно начал:

– Почтение вам, аксакалы, если вы разрешите, я хочу слово сказать, – обратился он к старикам.

– Говори, Садык, говори, – хором ответили старцы.

– Почтенные аксакалы, сверстники, молодые джигиты, дорогие женщины, – обратился он ко всем собравшимся, – сегодня день весны. День радости всего земного. Вот подножье Ала-тау покрыто зеленью, вот простор степей коврами узорами цветов играет отливами перламутровым под солнцем, вот сияющее солнце теплом согревает нашу землю, наш скот, нас самих, птички поют, вся природа, животные, люди – ликуют. Этот весенний день, когда никто никого не трогает, кому не приносит радости? Именно в этот день обновления природы 33 года тому назад трудящиеся решили всему миру заявить, что этот день – праздник труда, солидарности, свободы...

Далее он красноречиво и подробно рассказывал про идею 1-го мая, кратко остановился на международном и внутреннем положении страны, почтительно упоминая Ленина, разъяснил, почему он вождь трудящихся. Говорил о равенстве и братстве народов, останавливался на значении революции для казахского народа. Говорил о некоторых неурядицах настоящего момента, которые скоро уладятся...

– Счастлив тот, кто свободен – именно этого хотят большевики всем народам, – закончил он свою речь. Все слушали его внимательно, не пропуская ни единого слова и жеста.

После паузы и одобрительных возгласов:

– Правильно сказал Садык!

– Хорошее время выбрали для праздника!

– Умно решили!

Садык еще раз оглядел народ и сказал:

– Я к вам по вашему делу приехал, об этом после, а сегодня давайте праздновать Первое мая.

– Козла будем драть! – крикнул Аккулы.

– Кокпар! Кокпар! – загудела молодежь.

Садык широко улыбнулся, сделал жест рукой, народ затих.

– Кокпар! – сказал он энергично, махнув рукой.

– Кокпар! – восторженно хором запела толпа.

Присутствие Садыка обязывало всех к простоте и вежливости. Даже грубияны-милиционеры и надменно-язвительный абсолютный чемпион по конному спорту, казалось, на вершок присели, уменьшились в росте и неестественно старались быть вежливыми.

Кокпар был многолюдным и назывался «май кокпар», то есть кокпар в честь мая. Аккулы, как всегда, лидерствовал, и его присутствие держало игру в рамках строгих правил.

Огромная конная масса носилась по ровному полю, как вихрь за тушою убитого козла. Старики, разумеется, кроме Аккулы, в том числе и мой отец, окружая Садыка, представляли собой и зрителей, и «судейскую коллегия». Садык ехал на вороном карабаире и с радостной улыбкой наблюдал за ходом игры.

– Мы, большевики, на отрицаем ничего благородного и лучшего, что есть в каждом народе. Мы хотим, чтобы всем было весело на душе. Мы хотим, чтобы молодость наших юношей и девушек была счастливой, задорной. Наши враги клеветают на нас, как будто мы хотим отобрать счастье у людей, да и, к сожалению, в наших рядах невежды на руку врагам нашим портят колею своими кривыми колесами, – он все это говорил, казалось, между прочим, а его глаз не отрывался от кокпара. Я сидел на крупе коня сзади отца, так как дяде надо было вдоволь набеситься на кокпаре. Приступ оскорбленного самолюбия душил меня. Единственным утешением для меня было, что я, как ни говори, все же находился в обществе Садыка Албанова.

Вдруг как клином рассеклась густая конная масса, из гущи стрелой вырвалась серая комета, мы не успели оглянуться, как Аккулы осадил серка в двух шагах от Садыка, швырнул ему кокпар и крикнул:

– На, Садык! – и, подымая на дыбы своего коня, отскочил в сторону. Кок шолак, удерживаемый короткой поводью, пружиня на тонких ногах, заплясал на месте, не справившись с инерцией еще не погашенного галопа. Конная толпа рассеклась надвое о нашу группу, как волна рассекается об утес.

Я казался себе таким ничтожным, обида точила мое сердце. Хотелось стать сразу двадцатилетним и поскакать напролом.

Садык позвал Аккулы.

– Ака, душа кокпара, я с тревогой жду того дня, когда один Ваш жест спортсмена станет легендой для молодежи.

– Я пока не собираюсь туда, – обиженно произнес Аккулы, – не извольте, Садык, торопить меня.

Садык и все засмеялись.

– Натте Вам, – улыбаясь, протянул Садык Аккулы красный шелковый майский платочек, – как лучшему джигиту!

Аккулы взволнованно поднялся на стремяна и принял подарок Садыка. Кок шолак, как бы аплодируя своему седоку, часто ударял оземь копытом правой передней ноги.

Истины из архива

– А теперь, Ака, будьте со мной, – сказал Садык, – пусть молодежь веселится. Аккулы покорно, до конца кокпара оставался в обществе Садыка.

Кокпар продолжался почти дотемна. Все смотрели на Садыка, ожидая, что он скажет. А он все ехал, не отрывая глаз от несущейся конной толпы. Казалось, он увлечен кокпаром, но спокойный его вид и сдержанные ответы на вопросы говорили о том, что он вдумчиво читал что-то в этой волнуемой толпе, в страсти азарта кокпара.

– Момеке, – не глядя, он обратился к отцу, – Я хочу у Вас найти покойной ночи.

– Рад, что ты осчастливил мой очаг, Садык, – ответил отец, – для себя за честь прииму. Ты найдешь покой под моим шанграком.

Все с завистью посмотрели на нас.

Я внутренне гордился, что выбор Садыка выпал на наш дом и забыл, что сию секунду сзади отца. Отец вызвал дядю. Тот бешеным галопом на взмыленном коне подлетел и резко осадил потемневшего от пота гнедого.

– Садык у нас будет покой иметь, – сказал отец своему брату. На последнем слове своего брата дядя, круто отвернув коня, поскакал в направлении нашего аула.

Кокпар кончился.

– Прошу вас поделить с Садыком хлеб, соль у моего очага, – обратился отец к окружающим людям Садыка.

– Ну, что Вы, Момеке, много народу приглашаете, – было, вступился Садык.

– Слава Богу, нас, Бахтияр, не мало, неподеленное у нас наследство, – перебил его отец...

Бахтияр, слава богу, было не мало: три дома наших и дома двоюродных, троюродных братьев, четыре дома Назаровцев, три дома Тасбаевцев, четыре дома Ниязовцев, всего четырнадцать юрт-очагов, с населением 70 человек могли принять гостей и дать угощение и приют двадцати всадникам, сопровождавшим Садыка Албанова.

Садык ехал в середине строя, по бокам шеренги ехали сопровождавшие его казахи.

Огромный красный шар солнца скрывался за горами горы Кулан-тау, степь постепенно покрывалась мягкой вуалью сумрака. Я, почти целый день сидя на крупе лошади сзади отца, преодолевал усталость и, когда конь, держась в строю, трусил мелкой рысью, чувствовал боль у самого копчика.

От наружных очагов нашего аула, в безветренный вечер, серыми столбами ввысь поднимались дымы. Кора копошился с прибывшим с пастбища скотом четырех пород. По полю, разбивая воздух гривой, несся вороной жеребец, загоняя в табун непослушных жен из своего гарема. Аул наш пахнул кухней: на масле жарились баурсаки, дымились трубы самоваров, взрослые мужчины в почтительной позе стояли группами у наших юрт, готовые разобрать коней гостей, женщины в белых жаулыках мелькали между юртами в суете приготовления к приему гостей...

Когда остановились, мои дяди, как по команде, бросились гостям навстречу, взяли за узды их коней, помогли сойти с коней, поддерживая их под левую подмышку, когда они соскакивали со стремени, вводили коней, а седоки делали медленные шаги, чуть покачиваясь, проминая ноги.

– Добро пожаловать, Садык, вот моя юрта, – обратился отец, указывая на приподнятую дверь.

– Да пребудет в благополучии гостеприимный Ваш дом, Момеке, – ответил Садык на приглашение войти в юрту и предложил войти первыми старшим его по возрасту, говоря каждому: «Жол сіздікі, ақсақал» (дорога Ваша, аксақал). Таким образом, пропустив пять-шесть человек старше себя, Садык сам перешагнул порог нашей юрты. Соблюдение им этой тонкости степной этики поведения на всех произвело весьма приятное впечатление и вызвало доброе расположение к нему в душе каждого, кто при этом присутствовал. Садык не был жупелом беснующегося военного коммунизма, как его предшественники, раньше посещавшие наш аул, как «адъютанты его величества» Арабина.

Остальных гостей развели по другим юртам. Разумеется, я вбежал в нашу юрту последним. И, к моему изумлению, не узнал внутренней обстановки нашей юрты. Мне казалось, что я попал в другой дом, видимо, от изумления мой вид с разбежавшимися глазами был до того глуп, что дядя цыкнул на меня, говоря:

– Эй, Баурджан, иди в большую юрту.

– Он Ваш, мурза Момеке? – спросил Садык отца, с улыбкой смотря на меня.

– Да, Садык, это мой сын, – ответил отец.

– Пусть остается здесь с нами, – мягко сказал Садык дяде, – ведь он был целый день с нами, было бы невежливо с моей стороны в его собственном доме отказывать молодому человеку в нашем обществе.

Так Садык оградил меня от дядиного преследования, и я имел возможность рассмотреть внутреннюю обстановку юрты, поразившую меня. На полу были разостланы ковры от самого порога, буквой «П» на коврах были разостланы атласные одеяла и расставлены большие подушки, на киреге блестела развешенная посуда, от центра шанграка, на подвесе, горела большая керосиновая лампа, ярко освещая юрту. По узорам и другим признакам я узнавал, какие вещи кому принадлежат. Честолюбивый дядя мобилизовал «на прокат» все лучшие вещи в нашем ауле и так украсил и обставил все в юрте, что наш дом производил впечатление самого богатого, даже с излишеством роскоши.

Гости расселись, подбирая ноги по-азиатски.

Хвастливый дядя подчеркнуто любовался созданным им уютom и удобствами для гостей, так и поглядывал на своего брата, говоря глазами: «Каково, а? Хорошо устроил?», явно напрашиваясь на его одобрение. Отец притворно не обращал внимания на него. Распорядительный дядя не только отдал необходимые указания для приема гостей, но и расставил наших людей так, что все действовали, как по расписанию, и точно: сначала разносили воду в кувшине, из которого в медном тазике гости мыли руки. Один расстилал большой дастархан, другой рассыпал баурсаки, третий принес саба с кумысом, четвертый принес пиалы, пятый разливал кумыс, шестой разносил пиалы, наполненные кумысом. Все свои обязанности выполняли строго последовательно, с тактом самого вышколенного слуги, не мешали друг другу и сразу же уходили, сделав то, что требовалось.

Истины из архива

Итак, ужин начался с утоления жажды прохладительным кумысом.

За питьем кумыса шла беседа о майском кокпаре – неофициальный разбор этого своеобразного матча. Садык Албанов с тактом и знанием дела вставлял свои замечания, предоставлял последнее слово «главному судье» Аккулы: «Так ли, Ака?». Старик-спортсмен восседал на «седьмом небе» и был очень добр и мудро немногословен. Дядя так и заискивал перед Аккулы, невпопад вставляя свои хвосты, и вышел из юрты. Он вернулся через полчаса, держа между ногами блеющего белого барана с черной головой, в позе просителя «Бата» (пожелания) и, молитвенно протянув руки вверх, произнес:

– Аумиин?

Все с нескрываемой тревогой посмотрели на Садыка, так как «Бата» связывался с религией и, как «старое», отвергался другими ранее гостившими уакилями (представителями властей).

Садык мягко улыбнулся в свои короткие черные усы, протянул руки молитвенно и сказал в тоне просьбы:

– Ака, Ваша дорога старше моей, доставьте нам удовольствие услышать Ваш «Бата» – благословенное пожелание гостеприимному дому.

Аккулы на миг был озадачен, но не растерялся, поднял руки и начал нараспев:

– О, создатель! Мое первое обращение к тебе. Пусть вечно сияет майское солнце над нашей страной, как тебе было угодно это сделать сегодня.

Пусть народы ликуют под этим солнцем, процветая в счастье, как полевые цветы. Пусть юность резвится, а старость пройдет в покое, довольствии прекрасной жизни.

Пусть равные перед тобою дети разных племен и народов рода человеческого будут равными и перед властями на земле. Всели в их сердца доброту и сердечную братскую любовь друг к другу. Изничтожь бесов, сеющих вражду между людьми. Наполни нашу степь сочными кормами, жирными стадами. Дай нам хороший урожай. Озелени подолы наших жен, наполни юрты нашими детьми. Нашим джигитам подари крылатых тулпаров-скакунов пыленедоступных.

Тут старик чуть замаялся, видимо не зная, как завершить свой «Бата», и под общий смех, что он именно запнулся на скакунах, сердито рявкнул: «Аллаху Акбар».

Барана увели на «казнь» – резать.

Садык, видимо, желал загладить негладкую концовку смущавшего Аккулы «Бата». Еще не успев погасить улыбку в углах губ, сказал

– Хорошее «Бата» дали, Ака. Самое лучшее пожелание Вы высказали, – сказал Садык и, как бы говоря про себя, добавил, – и мы, коммунисты, народу желаем то, что в Вашем «Бата» было сказано.

– А я за тобой, Аккулы, не подозревал поэтического образа мышления, – пошутил, было, кто-то.

– Поэтический дух больше живет в седле, чем в юбках, – отпарировал Аккулы, намекая, что тот известный бабник. Все засмеялись.

– У Ака не только поэтическое, но, главное, у него политическое мышление, – сказал Садык и опять про себя добавил, как бы между прочим, – наша политика – чаяние народа...

Надо сказать, что и проводы Садыка в нашем доме были самыми интересными и многолюдными из тех, что я помню.

Дядя аттестовал себя как страстный организатор, и с тех пор бразды правления перешли в его руки. Он был премьером, а отец президентом в нашей патриархальной семье Бахтияровцев...

Вечером во всех аулах, как стихийно возник Кокпар после митинга, так же стихийно возникла вечеринка и айтыс в честь мая. Два человека – Садык и Аккулы – впервые в нашей волости – превратили май во всенародный праздник, а в последующие годы он стал традиционным.

Вторым важным делом, по которому приехал Садык, было проведение в жизнь декрета о земельной реформе. Как помню, 5-го мая состоялось второе собрание в Бекет, где Садык выступил с тезисами о декрете.

/найти и изучить декрет о земле/

Собственническая тенденция на землю у казахов начала развиваться с появлением в наших краях русских переселенцев, за которыми русское правительство закрепило, изъяв у казахов, самые лучшие угодья. Была установлена межа. Русские крестьяне страдали от копыт вольно гулявших табунов и стад казахских, которые паслись без особого присмотра. Чтобы научить казахов присматривать за своей землей, объездчики угоняли скот, перешедший межу, и возвращали после оплаты (разумеется, натурой) штрафа. Размер штрафа устанавливали сами русские.

Казахи недоумевали: «Божья земля, божья трава, божий скот?!»

Русские тоже недоумевали: «Моя земля, мои травы, мой посев, их скот?! Как казахи не понимают, что это все мое?!»

Видя доходное место, русские объездчики стали злоупотреблять доверием общества и иногда угоняли скот, не бывший на территории русских земель. Эта несправедливость возмущала казахов. Казахи устраивали погони и отбивали силой свой скот от угонявшего их русского объездчика.

Русские объездчики стали ездить, вооруженные дробовиками. Взаимные протесты обострились, столкновение решалось боем, бывали случаи убийства. Казах в лице русских видел своего притеснителя на исконной его, отцовской земле, и, разумеется, любить их не мог. Русский мужик тоже в лице казаха видел своего обидчика, который своими бесчисленными стадами топчет его удел, его посевы, его труд: «Ведь хлеба сами не растут же».

У обеих сторон интересы были ущемлены. Обе они были правы по-своему.

В сознание казаха не вмещалось – как можно ограничивать свободный разгул скота по божьей земле, а русский возмущался неуважением к его тяжелому крестьянскому труду. Одному было невозможно держать на привязи множество скота, другому было невозможно самому сидеть у клочка посевов и все время караулить его, отгоняя нашествие табунов, стад.

Истины из архива

Русский считал казаха богатым бездельником, разъезжающим верхом только потому, что он, русский, не имел столько скота, как казах.

Казах считал русского богатым и тоже бездельником: разбросать зерно он не считал за труд, потому что он не имел того, что было у русских, и ему чисто побеленная хата казалась верхом удобства.

Земля была яблоком раздора между русскими и казахами. На стороне русских была колониальная политика царизма. И это главное довлело над всеми. На новой земле в переселенческих деревнях кулачество росло, как грибы. Как голодные волки, они бросались на «свободные» земли. Земельный удел казахов все сужался и сужался.

Чтобы земля была «не свободной», небогатые казахи начали полуоседать. По примеру русских, обрабатывать землю, косить травы для корма скота зимой. Так казах был привязан к земле, заражен собственнической тенденцией: «моя земля», «мой сенокос», «мои посевы». Я родился, когда уже у казахов утвердилось «мое» на землю.

Ішейін десем - сүті жоқ,
Мінейін десем - күші жоқ,
Теңге деген мал шықты.

Так огорчался Бухар Жырау, современник моего деда.

Земля давала зерно, фрукты, которые можно было не только есть, но и продавать за деньги. Деньги оказались волшебной силой, за которую можно было купить то, чего не имеешь.

Казахи робко попытались также эксплуатировать землю. Появились покупатели, арендаторы земли. Спрос-продажа.

Правда, на пастбища у казахов так и не распространилась частная собственность до самых последних дней. Объектом купли и продажи (аренды) была пахотная земля и сенокос. Казах долгое время не мог привыкнуть к этому и считал зазорным продавать землю и траву. Он считал ее божьей. Многие просто уступали безвозмездно, если кто нуждался. Наконец, время брало свое, и поводом на собственность на землю выступил своеобразный «мандат» – «ата қоныс жерім», то есть «стан моих предков».

«Стан моих предков» лежал полосой и тянулся по маршруту, некогда бывшему кочевьем предков. Итак, собственность на землю началась сперва, как общинно-родовая, а потом, постепенно, перешла от подродовой до лично-частной. Появились земельные банки, дававшие ссуды под этот недвижимый капитал.

Короче, борьба за землю, за собственность разразилась не только с русскими, но и между самими казахами, и земельно-водные конфликты все разрастались и тянулись до самой коллективизации. Ко дню революции и среди казахских дехкан появились безземельные и малоземельные, распродавшие за гроши когда-то полученные ими уделы от «стана предков», и землевладельцы, прибравшие к рукам земельные уделы первых.

Наш дом владел 50 десятинами пахотной земли из «стана предков», и отец, из-за суеверия бабушки и самого себя, не разрешал себе ни купли, ни продажи. Легкомысленный дядя, как-то в трудные годы при жизни бабушки, настаивал на продаже части нашей земли, на что бабушка гневно крикнула на него:

– В тебе злой дух сидит, щенок. От меня двое сыновей, от Вас, если по двое, то от них по трое, куда прикажешь правнукам моим деваться? Ты первый из нашего поколения заикаешься о продаже божьей земли. Типун тебе на язык.

После такого выговора больше я не слышал в семье о продаже или сдаче в аренду земли. И это завещание бабушки не нарушалось до земельной реформы.

На собрание, проведенное Садыком по земельной реформе, дядя не допустил меня, говоря «играй с детьми, да присматривай за ягнятами, как другие мальчики». На мой жалобный взгляд отец тоже ничего не ответил, тем самым подтвердив распоряжение дяди.

Земельная реформа или, как ее называли казахи «жер бөлу» – раздел земли, продолжалась всю первую половину мая, и это было второе крупное политическое мероприятие Советов после новой избирательной системы. То и дело, верховые носились из аула в аул, от собрания к собранию. Борьба развертывалась вокруг «ата қоныс» («стана моих предков»). Сначала была борьба между родами, потом между подродами, далее она перерастала в борьбу между отдельными семьями с общим дедом и прадедом. Разгорелось страстное пламя родовой распри, из-за этого яблока раздора – земли. Садык лавировал между хребтами волн, пожирающих друг друга и рождавших друг от друга волны средневековья, быть может, иногда и хлебал соленой воды. Но он был утесом на новом берегу, к которому спешили волны, подгоняя друг друга, споря друг с другом, разбивались об него и брызгами отскакивали от него, падая, снова бились об него, но уже пенистыми и слабыми.

Садык, как тактичный человек и неумолимый проводник своей линии, видимо, давал возможность казахам самим успокоиться от разыгравшейся в их жилах родовой крови и, когда, усталые, те обращались к нему, он говорил слово закона, как умный муж расхोдившейся жене сначала дает возможность перебеситься и, когда она, довольная перебесившись, отшлепав детей, швыряя вещи, пролив слезы, успокаивается и, наконец, виновато-ласковая, обращается к мужу: «Ты не сердись на меня?», «Нет, что ты, милая», – отвечает муж. Она с радостью начинает делать то, против чего так бурно протестовала и чему сопротивлялась всего лишь час тому назад.

Тактика государственного мужа в отношении народа часто ничем не отличается от тактики терпеливого мужа в отношении жены.

«Сабыр түбі сары алтын, сарғайған жетер мұратқа – асыққан қалар ұятқа (золото на дне терпения, терпеливый, вернее, терпение доведет до цели, поспешивший же пожнет стыд)». Садык не торопился – не загибал, не перегибал, не давал загибать или перегибать закон; советами, терпением заставляя сами пережитки плавно загибаться вокруг закона. Он, видимо, выбирал момент, чтобы его «так надо» никого не раздражало, и народ сам сказал бы «так и быть».

(продолжение следует)

Напишу, как только появится опять настроение...

01.05.49 г.

ТУМАН. ТЕМНАЯ НОЧЬ

Туман. Темная ночь. Скользкая тропинка. Где-то справа дальнобойные обмениваются приветствиями. Прохожу мимо хуторской бани. Вдруг хрипловатый баритон запел:

*Уа, Зауреш, сенің үшін елден келдім,
Баяғы өзің өскен жерден келдім.
Сен неге мен келгенде тебіренбейсің,
Иіскеп бір сүйейін деген едім?*

Насколько мне помнится, народная песня «Зауреш» исполнялась с подобными словами, но солдат, мне кажется, переделал на свой лад, сохранив лишь остов. Бог с ним – он изливает тоску о любимой – не стану ему мешать. Он мысленно с нею – я не хочу быть третьим... Он и так заразил меня. Через минуту преследовал меня вторым куплетом своей импровизации:

*Құланның жонда көрдім шоқырағын,
Қайыңның жаста көрдім жапырағын.
Қарамай кетіп қалып әкең сорға,
Бір уыс көп көрді ме топырағым.*

Я успел удалиться от певца, следующие слова проглотило расстояние – он продолжал петь...

Литовский дом из трех комнат. В прихожей среди домочадцев у печки сидел белый старик. На его лице, кроме морщин возраста, следов (оттисков) другой печати жизни не было. В полупрофиль он напоминал портрет Искендера Герцена. Сняв шапку-ушанку, я поклонился старику:

– Добрый вечер, Ваше высокопреподобие, – сказал я. Он отряхнулся, старчески внимательно посмотрел на меня, ответил:

– Добро пожаловать сын мой, – и, перекрестившись, – Христос с Вами, – предложил сесть.

– Вы меня, господин полковник, раньше знали? – спросил он

– Никак нет, батюшка, – ответил я

– А почему Вы тогда меня Ваше высокопреподобие...

– Бог подсказал мне Ваш духовный сан, – ответил я спокойно, – потому так обратился.

Старик был удивлен. Так я познакомился с Орловским протоиреем отцом Симеоном Соколовским. Трое суток я прожил в этой квартире. Отец Симеон все время просвещал меня в православных делах, постоянно цитируя (в подтверждение высказанного) из Евангелия ряд положений. Я ему сообщал о некоторых разногласиях

14.1.48

Шуман. Темная ночь. Скотская тропинка. Где-то
справа дабынебойтые взаимно обмениваются
приветствиями. Прямоту мимо кутарской
бани. Вдруг кричатой баритом замел.

оу боуа елиуи б елиуи рийи
оу боуа елиуи б елиуи б елиуи
елиуи б елиуи б елиуи б елиуи б елиуи
оу боуа елиуи б елиуи б елиуи б елиуи

Насколько мне помнится народная песня зауремь
исполнялась с подобными словами. Но солдаты мне
кажется переделали на свой лад сохранив лишь ос-
тав. Бог с ним — он удивляет тоску о мобилиции —
Не стану ему мешать. Он молотком с него — Я
не хочу быть третьим... Он и так заразил меня.

Через минуту преследовал меня вторым куплетом
своей или проводил:

рийи боуа о рийи б елиуи б елиуи
рийи б елиуи б елиуи б елиуи б елиуи
рийи б елиуи б елиуи б елиуи б елиуи
рийи б елиуи б елиуи б елиуи б елиуи (нерасслышал)

Я успел удалиться от певца, следующие слова,
которого проплатило расстояние — он про-
должал петь...

Литовский дом из трех комнат. В прихожей
среди домогадуе у печки сидел белый ста-
рик. На его лице кроме морщин возраста
следов (оттисков) др. негати жизни не было. В
полупрозрачн он напоминал портрет Искендер
Геруеца. Снял шапку — ушапку. Я поклонился
старичку.

Истины из архива

по этим вопросам из Корана. Так я провел три дня в ожидании, пока местные интенданты надлежащим образом перепишут мне предписание к Ивану Михайловичу...

Я был удивлен – старик хорошо знал историю и классиков литературы. Любил декламировать Пушкина, Лермонтова, Майкова, Державина. Цитировал Толстого, Гоголя, Помяловского... Очень много и толково рассказывал о проделках гитлеровцев и всегда заключал словами:

– Уму непостижимо, что они вытворяли, ужас... – и делал вывод, – прямо немецкий народ с ума спятил – это ненормальный народ, хотя и считаются христианами, – покачивая седой головой. – Ведь басурманы так никогда не поделывали ...

Сегодня получил предписание. Снова в путь.

Прочтите – я так плохо пишу и болтлив. Я хочу, чтобы мои письма были только Вашим личным достоянием, так как я намерен для многих моих друзей незаметно исчезнуть на некоторое время, поэтому надеюсь, что даже Ваши близкие не будут на этот раз нарушать установившиеся у Вас традиции в доме.

Как Ваше здоровье – здешняя пурга, метель, холод мне напоминают, что Вы имеете привычку очень легко одеваться, и я часто в тревоге, что Вы можете простудиться. Умоляю Вас беречься от холода со всех сторон, во всех отношениях.

Я сравнительно легко переношу все невзгоды – приходится ездить по-всякому – преимущественно на открытых машинах. Мой организм пока отважно справляется с холодом, иногда и с голодом. Иногда мне кажется очень странным, насколько я был хрупким в Москве. Там меня, как Вам известно, постоянно преследовали разные дрянь-болезни, а здесь, несмотря на тысячи раз худшие условия, они не подходят ко мне на расстояние пушечного выстрела.

Сегодня исполнился ровно год (19.01.44), когда Вы впервые ненавидели меня в зале Академии Наук – по этому случаю опускаю в почтовый ящик это плохо написанное-недописанное письмо.

Ждите через 2-5 дней третье письмо, где я, надеюсь, сообщу Вам свой адрес. Напишите, пожалуйста, подробно обо всех Ваших делах: что с Сагендыковым, как Каныш Имантаевич, что делает мой Верховенский, встречается ли с Тихоновым, чьи-ми устами теперь говорят такие ничтожества, как Лейтес и другие.

Между прочим, мне кажется, что все произошло к лучшему – если бы не случился мой «провал» на этом вечере, то не наши бы наши отношения с Беком отражение на бумаге.

Прошу учесть, что я Ваш почерк не всегда разбираю.

Привет Мае – Ваш Баурджан.

14.01.45

БАУРДЖАН, СЫН МОМЫША

1

Был у меня разговор с одним полковником, человеком весьма опытным и авторитетным в военных делах. Он сообщил мне много ярких и интересных фактов из боевой истории дивизии, в которой находится с первого дня формирования. По одному вопросу наши суждения разошлись. Разговор зашел о том, как изображают писатели людей Отечественной войны.

Полковник говорил:

– Если писатель пишет о герое-летчике, то вы всегда прочтете, что этот герой в детстве любовался небом и полетом птиц, что уже тогда мечтал, как бы самому полетать. Это не верно, Героический поступок не связан с прошлым человека, совершившего этот поступок.

Я не мог согласиться с полковником.

– Нельзя подходить одинаково к разным фактам. Бывают различные героические поступки. Различны и люди, совершающие их. Я знаю одного героя Советского Союза. В трудный день сражения за Москву в ноябре 1941 года он был среди тех воинов-патриотов, которые, действуя гранатами и пулеметами, остановили натиск большой танковой колонны. Подвиг этих товарищей стал образцом и мерилем героев для многих тысяч людей. Но когда я спросил моего собеседника – участника этого подвига, до войны рядового, ничем особенным не выдававшегося колхозника из далекого и глухого села:

– Что руководило людьми, совершившими этот подвиг? – он мне ответил скромно:

– Был приказ – не отступать! Ну, мы и не отступили.

Сознание воинского и гражданского долга было пробуждено у участников подвига необычайно сложной обстановкой сражения. И тогда люди совершили подвиг. Но бывают героические поступки другого типа. Комсомолец Сосновский в боях под Москвой, кажется, совершил такой подвиг: он закрыл своим телом амбразуру вражеского пулемета, пулемет захлебнулся, простреливая тело героя, в этот момент наша часть ринулась в атаку и захватила укрепления. Впоследствии подобный подвиг совершили и киргиз Чолпонбай Тулебердиев, и русский Александр Матросов и много, много других. Но несомненно, что перед глазами этих героев стоял тот первый подвиг Сосновского, о котором много писали и говорили. В этих случаях героизм одних был воспитан героическим примером других. Однако есть и другие герои, герои неодноактного, если так можно сказать, подвига, а герои постоянного примерного действия. Из дня в день они совершают, пусть небольшие, но весьма ценные для армии поступки, воспитывая воинское умение и глубокий советский патриотизм наших бойцов. Когда приходит критический момент сражения, подразделение, возглавляемое или воодушевляемое подобными героями, неизменно выигрывает бой, побеждая врага в любой

Истины из архива

обстановке. И я хочу убедить Вас, товарищ полковник, что человеческие воинские качества таких героев воспитываются в течение долгих лет жизни, даже с детства. Вот Вам рассказ о том, как некоторые люди становятся героями.

2

В героической истории Великой Отечественной войны советских народов с немецко-фашистскими захватчиками многие страницы посвящены подвигам бесстрашных сынов Казахстана.

Казахский народ, освобожденный Октябрьской революцией, получивший возможность свободно развивать свою национальную культуру, впервые за несколько столетий участвует в войне.

Высокие цели Великой Отечественной войны вдохновляют казахов – офицеров и солдат – на беспредельный героизм, на смелость и отвагу. «Герой умирает раз, трус – тысячу раз» – говорит казахская пословица. Казахи-воины знают, что они сражаются во имя жизни, что героям суждено бессмертие.

Эту мудрость хорошо понимает славный сын казахского народа Баурджан Момыш-улы.

Задолго до вероломного нападения немцев на советскую страну, Баурджан проявлял большой интерес к военному делу, любовь к военной науке. И это не случайно. Жизнь Момыш-улы сложилась так, что иначе не могло быть. Его детство протекало в суровых условиях, он рано привык к самостоятельности. Он родился в семье бедного крестьянина в ауле Кольбастау, Джувалинского района, Южно-Казахстанской области. Здесь впервые проявились способности мальчика, он учился на «отлично». В то время казахи впервые принимали фамилии, и Баурджан вместо фамилии назвал себя Момыш-улы – сын Момыша.

В 1924 году Момыш-улы стал комсомольцем. Его юношеские годы проходили в исторический период великого перелома – в период коллективизации сельского хозяйства.

Конфискация крупных земельных владений, захваченных баями, неизбежно была связана с ликвидацией очагов бандитизма, насажденных баями в глубинных районах Казахстана.

Баурджану было 17 лет, когда Окружной комитет комсомола мобилизовал его на учительскую работу и направил в Сары-Суйский район.

Время было тревожное. По району рыскали бандиты, поддерживаемые баями. И учителям, так же, как и другим советским работникам, пришлось взяться за оружие, защищать спокойную жизнь населения.

Момыш-улы взялся за военную подготовку, он хорошо изучил винтовку и показал, что умеет отлично стрелять.

Осенью 1928 года Баурджану поручили участвовать в разгроме банды баев – братьев Адиловых. Эти банды оказывали вооруженное сопротивление конфискации земельных владений, но, убедившись в недостаточности своих сил, банда бежала в

Голодную степь. Оттуда бандиты совершали налеты на населенные пункты, грабя жителей, убивая советских работников.

Крестьяне разузнали, где скрываются бандиты, и тогда отряд, в котором был и Момыш-улы, направился на разгром банды.

Баурджан ехал верхом. Внезапно в поле зрения бойцов появились два мчащихся всадника. Момыш-улы выстрелил. Тяжелая туша одного из всадников спала с седла. Метким был выстрел Баурджана: был убит один из главарей банды. Вскоре была разгромлена и вся банда. Баурджан вернулся к мирному труду: он стал преподавать в начальной школе аула.

В Джувалинском районе узнали: Момыш-улы – решительный и смелый человек. Его, активного, культурного комсомольца, часто направляли на хлебозаготовки, для проведения других различных кампаний, в помощь молодым колхозам. Но все же нередко приходилось Баурджану отправляться и на борьбу с бандами. Население полюбило молодого учителя. Вскоре он стал секретарем Джувалинского районного исполкома.

В районе был богатый бай Сопак. У него было много земли и сельскохозяйственного инвентаря. Много было и скота. Бай сильно обижал бедняков-крестьян. Момыш-улы добился лишения эксплуататора права голоса.

Близкий друг Баурджана, работавший с ним в то время в исполкоме, рассказывал впоследствии:

– Я был тогда уполномоченным в ауле, где жил этот бай. Сопак чуть не убил нас. К нам, в исполком, поступило заявление нескольких бедняков, что Сопак скрыл много скота и зерна, мы вызвали бая в аульный совет. Сопак пришел с камчой и набросился на нас, но крестьяне нас выручили...

Бая пришлось укротить. Через некоторое время Баурджана назначили начальником районной милиции... В такой обстановке закалялся характер Момыш-улы.

3

В 1932 году Баурджана призвали в Красную Армию. Он с интересом изучал трудную воинскую науку, старался получше овладеть оружием и за успешное участие в стрелковых состязаниях получил звание снайпера. После демобилизации Момыш-улы стал работать в Алма-Ата в качестве старшего экономиста республиканской конторы Промбанка. Но он не оставлял военного дела, изучал его. Много военных книг было в его библиотеке. Он говорил друзьям:

– Все это нам необходимо изучать. Это пригодится в недалеком будущем. Советую и вам изучать военное дело: для молодого человека это совсем не лишнее...

Юные годы

Истины из архива

В начале военной службы

Часто Баурджан руководил лагерными сборами Осоавиахима. За активную работу Общество вынесло ему благодарность.

В 1936 году Момыш-улы снова в рядах Красной Армии – на Дальнем Востоке он служит кадровым командиром. Когда гремели бои у озера Хасан, Баурджан командовал батареей, расположенной вблизи озера. С Дальнего Востока Баурджан уехал в 1940 году в чине старшего лейтенанта. Он отправился на Украину в город Житомир, где получил назначение на должность помощника начальника штаба полка.

1940 год. По указанию Наркомата Оборона Момыш-улы переводится в Алма-Ата, в распоряжение республиканского военного комиссариата.

Все же Баурджан считает, что настоящим военным он стал лишь во время войны:

– Военным меня сделала война, до войны я был не военным человеком, и у меня нет военного образования, кроме солдатского, которое я получил на

военной службе в 1932 году. Никакой академии, никакого нормального военного училища, даже краткосрочных командных курсов я не получил.

Война стала для Момыш-улы лучшей академией.

4

Коварное нападение фашистской Германии на нашу родину застало Баурджана в Алма-Ата в должности инструктора по боевой подготовке Республиканского военкомата Казахстана.

В начале июля в Алма-Ата прибыл из Фрунзе генерал Панфилов. Он приступил к формированию 316-й стрелковой дивизии, впоследствии завоевавшей славное имя 8-й гвардии.

Это было 13 июля. В этот день Панфилов вручил Баурджану предписание Средне-Азиатского военного округа: старший лейтенант Момыш-улы был назначен командиром одного из батальонов новой дивизии.

Опыта командования батальоном у Момыш-улы, конечно, не было. Как-то молодой комбат, погорячившись, сказал генералу:

– Умереть сумею с честью, товарищ генерал. Вместе с батальоном.

Панфилов разъяснил ему, что умереть дело пустое. Надо сражаться, принимать бои и сохранить батальон.

– Солдату умереть не хочется. Он идет в бой не умирать, а жить. И командиры ему нужны такие.

Полк, в который попал Баурджан, формировался в районном центре Алма-Атинской области Талгаре, и впоследствии войны стали называть его Талгарским.

Когда Момыш-улы прибыл в Талгар и ознакомился с личным составом батальона, он увидел, что его бойцы – люди, большею частью, пожилые, не обученные военному делу. Начальником штаба батальона был агроном Рахимов.

Молодой комбат поставил своей задачей обеспечить в батальоне дисциплину. Он не уставал разъяснять своим бойцам значение дисциплины, беспрекословной и твердой. На обучение дивизии были даны считанные дни. И эти дни надо было использовать с эффектом.

Панфилов учил бойцов совершать длительные переходы. И Момыш-улы прививал своим солдатам необходимые в походах навыки: он учил их носить противогазы, подсумки, шинели, учил маршировать – и маршировать не как-нибудь, а по пересеченной местности, учил их самим готовить себе пищу.

– На фронте тяжелее будет, – говорил Баурджан, – привыкать надо здесь.

Приходилось учить всех вместе и каждого в отдельности, разбирать ошибки одного, чтобы их не совершали остальные. И учить, и учиться было трудно. Но это надо делать, ибо для фронта нужно было хорошо обученное и стойкое пополнение.

Но как приятно было всем бойцам и командиру батальона, когда генерал Панфилов похвалил личный состав за хорошую учебу и отличные результаты ее.

– Служу Советскому Союзу! – отвечал батальон на благодарность командира дивизии...

...Не прошло месяца, как дивизия отправилась на фронт.

5

7 октября 1941 года 316-я дивизия прибыла в район Волоколамска на дальние подступы к Москве. Вечером того же дня батальон Момыш-улы направился к реке Рузе, где занял оборону на семикилометровом участке вдоль берега реки. Самым крупным населенным пунктом в этом районе было село Новлянское. Река Руза – мелкая, и поэтому оборонять ее побережье явилось нелегким делом.

Это было 12 октября.

Сквозь лесные чащи пробирались бежавшие от немцев жители и бойцы, вырвавшиеся из окружения. Рассказы о том, как им удалось спастись от немецкого плена, влияли на отдельных еще не обстрелянных бойцов.

Услышав, что паникеры рассказывают страшные истории о немцах, Момыш-улы решил проверить боевую выучку своего батальона. Неожиданно для бойцов он дал пулеметную очередь и тогда... Тогда некоторые бойцы, полагая, что стреляют неожиданно нагрянувшие немцы, побежали, побежали в лес, на восток.

Но когда бежавшие оглянулись и увидели спокойно стоявшего командира батальона, они стали возвращаться. Вернулись и украинец Блоха, и бывший упаковщик казах Баллиулин, и бывший аспирант консерватории, историк музыки Мурин, и пулеметчик Добряков. Не вернулся только один – командир отделения, сержант Барамбаев.

Истины из архива

Через некоторое время политрук пулеметной роты Джалмухамед Возжаков сообщил, что Барамбаев прострелил себе руку.

Впоследствии Момыш-улы рассказал, как трудно ему было принять решение о расстреле самострела. Но интересы дела, но дисциплина требовали такого решения. Выстроив батальон на поляне, Момыш-улы объявил бойцам о своем приказе, и перед строем всего батальона то самое отделение, которым ранее командовал Барамбаев, расстреляло труса.

На следующий день в батальон приехал генерал Панфилов. Как раз перед приездом генерала, вернувшийся из разведки Рахимов сообщил, что в 20-25 километрах от позиции в селе Середа и других появились немцы. Отвечая на вопрос генерала о чрезвычайных происшествиях, Момыш-улы рассказал о расстреле Барамбаева. Панфилов одобрил решение комбата.

– Трус, паникер – предатель, изменник родины, – сказал генерал. – Он неизбежно позорно гибнет сам, но может погубить и товарищей. Трусу и паникеру нигде нет и не будет пощады. А храбрость создает условия победы, условия, когда никто не поможет успеху врага...

Панфилов с любовью растил искусных военачальников, и в этот трудный момент войны он помогал своим командирам находить верные решения. Дивизии были приданы три артиллерийских противотанковых полка из резерва Главного командования. Эти полки были предназначены генералом для поддержки наших частей на том участке, куда могли ринуться немцы. В те дни немцы прорвались в районе Вязьмы и завязали бои вблизи Гжатска и Сычевки. Враги приближались к позиции дивизии.

Панфилов внимательно проверял состояние обороны своей дивизии, предусмотрев, что там, где попытаются прорваться немцы, нужно создавать сильные заслоны. Генерал подчеркивал, что главная задача в данный момент – перемалывать наступающие немецкие части. Но это не значило, что надо сидеть на месте в пассивной обороне. Поэтому, посетив батальон, Момыш-улы увидел сплошные минные поля на схеме обороны батальона и доложил генералу. На это генерал заметил, что и в таких-то местах надо бы оставить проходы для возможных контратак с нашей стороны.

– Не только перемалывать, но и изматывать врага – вот наша задача, – говорил Панфилов.

В начале десятых чисел октября уже выпал снег, но река Руза еще не замерзла.

– Почему не подготовлены переходные мостики? – спрашивал Панфилов у комбата Момыш-улы. – Почему нет плотов, лодок? Вы зарылись в землю, зарылись грамотно, толково... Теперь вы ждете, когда вас стукнет немец. Это уже бестолково. А что, если будет выгоден встречный удар? Что если вам самим представится возможность стукнуть врага? Вы к этому готовы? Противник сейчас обнаглел, самоуверен – этим и надо пользоваться. У вас, товарищ Момыш-улы, это не продумано.

И Панфилов учил молодого комбата современному военному искусству:

– Потщательнее водите разведку, почаще посылайте людей. Пусть повидают немцев перед боями. А боя не выжидайте пассивно. Не ждите, а ищите случая. Когда немец подвернется, рассчитайте и бейте, – наказывал генерал на прощанье.

И на следующий же день Момыш-улы посылал отделение за отделением в разведку в окрестности занятых немцами сел. Когда люди возвращались в батальон, они рассказывали о немцах уже не как о страшных зверях, а как о мишенях для наших винтовок и пулеметов. Некоторые бойцы, не испугавшись, что немцы их обнаружат, подстрелили отдельных фашистов. Бойцы узнали, что и немцы уязвимы. Вот тогда-то Момыш-улы решил совершить налет на село Середа, где немцы устроили склады боеприпасов, горючего и продовольствия.

Вечером 14 октября направилась в разведку группа командиров, руководимая Рахимовым. Они вернулись только на завтра в полдень, рассказывая, что немцы ведут себя довольно беспечно, не опасаясь нападения.

Момыш-улы решил в ближайшую же ночь напасть на село Середа, уничтожить, сколько можно, немцев, а склады поджечь.

В ночь на 16 октября отряд в сто человек под командованием Рахимова и Бозжанова совершил смелый налет на село Середа. В большинстве случаев наши бойцы напали на немцев неожиданно. Панфиловцы отважно врываются в дома, где прятались немцы. До двухсот врагов уничтожили наши бойцы. Удалось поджечь несколько складов, среди них и бензохранилище, а также много автомашин. Были заминированы дороги, ведущие к селу. Отряд вернулся утром, захватив трофеи и одного пленного немца. Жалкий и испуганный, стоял он перед бойцами и, коверкая русские слова, отвечал на вопросы политрука казаха Бозжанова. И тогда не только те, кто в дерзком ночном налете уничтожал врага, но и те, кто видел сейчас этого ничтожного представителя третьей империи, все бойцы батальона поняли, что немцев не только надо, но и можно бить, что, в конце концов, это дело не такое уж сложное.

В этой операции отличились Дикарев, Карпов, Масеяш, санитар Кравлива. Масеяш при налете погиб. Ефим Масеяш был первой потерей дивизии. Его хоронили с воинскими почестями. Друзья клялись отомстить немцам за павшего воина. К могиле тело Масеяша несли на руках. Во всех подразделениях полка чествовали подвиг командира дивизии.

– А на родину, а семье вы написали? – спросил генерал Панфилов. – Письмо, товарищ Логвиненко, должно быть таким, чтобы не только сыновья, но и внуки, и правнуки с гордостью показывали его. Бессмертие – вот награда тому, кто умирает смертью храбрых. Подумайте об этом, товарищ Логвиненко.

Так закончился этот первый бой батальона. А 22 октября уже весь Талгарский полк принял большой бой. Схватка завязалась за населенные пункты Красная Горка, Кусакино, Житаха.

6

15 ноября Момыш-улы писал в письме на родину: «Несмотря на все трудности, мой батальон не хуже других громит врага».

Никогда не забудется день 16 ноября, когда гитлеровцы попытались развернуть второе наступление на Москву. Это был день массового героизма панфиловцев.

Истины из архива

Тогда батальон под командованием Баурджана находился в резерве дивизии. В тот день, когда на одном участке 316-й дивизии отразили бешеную атаку 50-ти немецких танков 28 стрелков, а на другом фашистские танки встретили самоотверженный отпор со стороны 11 саперов; на третий участок, на позиции Талгарского полка немцы направили 20 танков, поддержанные пехотой.

Этим танкам был противопоставлен взвод истребителей во главе с лейтенантом Угрюмовым и политруком Георгиевым. 17 человек против 20 танков. Под селом Мыканино истребители танков, вооруженные гранатами и бутылками с горючей смесью, вышли навстречу немецким машинам. Во главе отряда истребителей шел политрук Георгиев. Он внимательно выслушал боевой приказ, а затем обратился к комиссару Логвиненко.

– Товарищ комиссар, разрешите мой партбилет оставить у Вас.

Георгиев подал партбилет комиссару. Логвиненко развернул маленькую книжечку, он запомнил, что номер партбилета Георгиева был 2691175.

– Вот что, Андрей Николаевич, – сказал Логвиненко, – эта красная книжка – знак твоей принадлежности к непобедимой большевицкой партии. Пусть она и в бою будет с тобой.

На прощание Логвиненко поцеловал Андрея, и Георгиев ушел в бой.

О подвиге 17-ти храбрецов Момыш-улы впоследствии рассказывал:

– Вооруженные противотанковыми гранатами и бутылками с горючей смесью, бойцы вступили в невиданное единоборство. Стойкость и мужество советских воинов победили. Подбив четыре головных танка, храбрецы заставили остальные немецкие машины повернуть обратно. Весть эта с быстротой молнии облетела весь полк. Танкобоязнь была преодолена. Сотни добровольцев вступили в группы истребителей танков.

В этот день, 16 ноября, вторая стрелковая рота батальона под командованием младшего лейтенанта Семена Краева провела бой у отметки 231,5. На роту Краева, имевшую 80 бойцов, напало 400 немецких солдат и 8 танков. Сильным был натиск врагов, но панфиловцы помнили приказ своего генерала:

– Во что бы то ни стало продержаться, не отступить!

Несколько часов кипел ожесточенный бой. Немцы, собрав ударный кулак, заняли высоту. Тогда Момыш-улы, оценив обстановку, приказал командиру роты Краеву отойти в овраг и приготовиться к решительной атаке. Измотанные упорными схватками, немцы стали устраиваться на захваченной высоте. Но панфиловцы, отступив в овраг, перегруппировались и затем, неожиданным рывком, бросились на гитлеровцев. В короткой стычке было убито полтора десятка немцев, захвачено три танка, четыреста станковых пулеметов, одно орудие и штабной автомобиль с документами. Маневр, задуманный Баурджаном, был осуществлен с успехом.

В тот же день, 16 ноября, у станции Матренино первая рота батальона, которой командовал лейтенант Филимонов, приняла бой с целым батальоном немцев. Против 120 панфиловцев выступило около 600 немцев. Вот тут-то панфиловцам пришлось действовать не числом, а умением.

Момыш-улы принял решение: незаметно перегруппировать роту и с флангов ударить по немцам. Для успеха Баурджан привлек военную хитрость. Операция протекала так: бойцы первой роты изобразили паническое бегство. Немцы ринулись за ними, ворвались в населенный пункт и... тут у немцев появилась типичная фашистская черта: они занялись грабежом. Этим обстоятельством и воспользовались панфиловцы.

Наступили сумерки. Бойцы первой роты с трех сторон ринулись в атаку и выбили немцев из населенного пункта. В ожесточенной уличной схватке немцы потеряли только убитыми свыше 300 человек.

В течение этой операции генерал Панфилов часто звонил Баурджану, справлялся об обстановке. После того, как командование дивизии узнало о результатах операции, командир батальона получил письмо от начальника штаба дивизии: «Старшему лейтенанту Момыш-улы. Ваше донесение получено. Мы все довольны вашей работой»

Между тем положение оставалось напряженным. Поредевшие в кровопролитных боях с превосходящими силами противника соседние подразделения заметно ослабли. Этим воспользовались немцы и, применив фланговые удары, окружили батальон Баурджана. Связь батальона с дивизией была нарушена и в штабе дивизии даже считали, что батальон погиб.

Момыш-улы сказал своим бойцам:

– Казахская пословица говорит: когда идет сражение, нужно лишиться глаз и ушей, не видеть числа врагов, не слышать свиста их стрел. Нужно только иметь руки, чтобы их бить.

Батальон выполнил план своего командира. Стремительным напором батальон прорвал кольцо окружения и, сохранив в основном бойцов и материальную часть, с боями направился к своей дивизии.

– Так была преодолена вторая боязнь – боязнь окружения, – рассказывает Момыш-улы. – Через некоторое время немцы бросили в бой крупные силы авиации. Против двухсот бойцов, возглавляемых лейтенантом Исламкуловым, действовали пехотный немецкий полк и танковый батальон. Стойко сдерживая натиск врага, сбивая все его атаки, красноармейцы не отошли ни на шаг. Тогда на участок Исламкулова налетели тридцать бомбардировщиков и истребителей. С бреющего полета они пытались подавить сопротивление обороняющихся. Но наши бойцы использовали всю мощь организованного пехотного огня против воздушной атаки. После первого же захода, два бомбардировщика были сбиты, а остальные набрали высоту. Атака с воздуха была отражена.

Так была преодолена третья боязнь – страх перед немецкими самолетами.

– Враг страшен до тех пор, пока не испробуешь вкус его крови, – повторяли бойцы казахскую поговорку.

316-я стрелковая дивизия показала в боях под Москвой непреклонную стойкость, беззаветный героизм, она не отступила и нанесла немцам немалые потери. Орден Красного Знамени и высокое звание 8-й гвардейской заслужила дивизия в суровых сражениях на подступах к Москве.

Истины из архива

– И с каким воодушевлением 7-го декабря, по приказу Сталина, дивизия перешла в контрнаступление. А затем штурмом взяла поселок и важную железнодорожную станцию Крюково. В этой контратаке Момыш-улы, исполнявший обязанности командира полка, был ранен.

За два месяца битвы за Москву 35 раз батальон Момыш-улы принимал участие в горячих боях. Некоторое время батальон был резервным подразделением у генерала Панфилова. Он вступал в бой в критическую минуту, стремительным ударом помогая панфиловцам выиграть сражение. Пришлось сражаться и под Волоколамском, и под Крюковым.

Пять раз немцы окружали батальон, но вдохновляемые своим командиром, бойцы выходили из окружения и примыкали к своей дивизии. 25 танков, свыше 2000 вражеских солдат и офицеров уничтожил батальон за первые месяцы боев. Много немецкой боевой техники было захвачено в плен.

7

В середине января 1942 года Баурджан писал своей жене: «Жамкеш! Я очень и очень люблю жизнь. Люблю родину свою, свободную и независимую. Люблю тебя, люблю сына Бахитжана – счастье наше. Люблю жизнь – шел туда за нее в бой. Моя жизнь принадлежит матери – моей родине. Будет жить она свободной, независимой жизнью, буду жить и я счастливо, родные мои. Иду и веду за нее в бой».

В феврале, Момыш-улы получил очередное воинское звание – звание капитана.

Вскоре в 8-ую гвардейскую дивизию из Казахстана прибыло пополнение. Капитан Момыш-улы принял активное участие в распределении прибывших по подразделениям. Он стал учить молодых бойцов суровому искусству войны.

– Признаться, они мне тогда не понравились, – писал впоследствии Баурджан на родину. – Отсутствовала достаточная строевая выправка. Были они мешковаты. Одним словом, я испытывал большую тревогу за новое пополнение.

Но учеба дала хорошие результаты. Когда 8-гвардейская пошла в новое наступление, в сорокаградусный мороз, совершая длительные переходы по глубоким тылам врага, по бездорожью, под сильным огнем противника, молодые бойцы капитана Момыш-улы проявили хорошие воинские качества.

– Молодое пополнение, – писал Баурджан, – оказалось достойным героической Красной Армии, высокого звания гвардейцев. Мои опасения не оправдались. Казахстанцы вели себя в бою очень мужественно. Они с исключительным порывом, стойко и смело шли на врага, нанося ему сокрушительные удары. Спасибо вам, товарищи казахстанцы! Спасибо комсомолу Казахстана, воспитавшему молодежь в коммунистическом духе, в духе преданности своей родине.

Воспитывая своих бойцов, Момыш-улы никогда не скрывал от них размеров опасности, но он всегда воодушевлял их своей непреодолимой верой в жизнь, в торжество жизни. Баурджан всегда говорит своим бойцам прямые и правдивые слова:

– Почему ты идешь в бой? Для того чтобы умереть? Нет, для того, чтобы жить. Если ты знаешь, что через час ты будешь убит, то зачем переживать эти тяготы, тогда

лучше самому себя убить. А вот желание жить толкает человека на подвиг. Солдат идет в бой не для того, чтобы умереть. Он любит жизнь и за нее сражается с врагом. У бойца бывает чувство страха, присущее всему живому перед лицом опасности, но это чувство подавляется глубоким сознанием долга и душевным благородством. Героизм – это не дар природы. Героизм бойцов и командиров нашего полка, так же как и во всех частях Красной армии, есть результат боевого опыта и сознательного воспитания.

И молодой боец верит своему командиру. Боец хочет стать и становится героем, он верен славным традициям своих однополчан.

8

8-ая гвардейская была переброшена на Северо-Западный фронт, в район Старой Руссы. За удачное проведение боя под деревней Бородино Момыш-улы получил награду – Орден Красного Знамени.

Дело было так. Генерал Чистяков вызвал Баурджана и, поручая ему выполнение военного задания, сказал:

– Если выполнишь, назову Суворовым.

Выполняя приказ командира дивизии, Момыш-улы ночью, по бездорожью, повел два батальона 23-го полка в атаку на немцев.

До 8 часов утра немцы отчаянно сопротивлялись, но панфиловцы наносили столь меткие удары, что немцы отступили, оставив на месте боя много автомашин с продовольствием.

Полки эсэсовцев, подтянутые немцами к переднему краю обороны, не спасли положения. Умелым маневром бойцы Баурджана предупредили вражеское нападение.

Генерал сказал:

– Момыш-улы своим мастерским ведением боя за Бородино спас не только дивизию, но и весь корпус от возможного нападения немцев...

Весной 1942 года на фронт, в 8-гвардейскую дивизию, приехала делегация Казахстана. Делегаты восхищались высокой боеспособностью панфиловцев. Момыш-улы отвечал им:

– Неиссякаемая бодрость духа, крепкая дружба бойцов всех национальностей, основанная на нерушимом братстве советских народов, удесятерит силы наших воинов.

Как раз во время встречи делегатов с гвардейцами, недалеко от командного пункта шел бой. Баурджан, приняв донесение, сообщил делегатам:

– Сейчас нашим батальоном, которым командует командир Суханов, отбита сильная атака немецких автоматчиков.

Об одном сражении Талгарского полка было рассказано в сообщении Советского Информбюро от 17 мая 1942 года:

«На одном из участков Калининского фронта, пехота противника атаковала одно наше подразделение. Наши бойцы, под командованием тов. Момыш-улы, встретили

Истины из архива

немцев огнем из минометов и пулеметов, затем перешли в контратаку и отбросили гитлеровцев. На поле боя осталось более 120 вражеских трупов. Выведены из строя 2 немецких танка».

9

В кровопролитных сражениях росла сила и слава гвардейцев. В годовщину вручения гвардейского знамени 8-й гвардейской дивизии Момыш-улы говорил:

– Силой и твердостью веет от слова «гвардия» и, когда произносишь его, мужество и отвага наполняют сердце воина. Он ожесточеннее становится в бою, как будто вместе с ним на одном рубеже незримо сражаются тени неустрашимых героев.

И рассказав о подвигах славных сынов Казахстана, совершенных под знаменем 8-й гвардейской дивизии, Баурджан заявил:

– Гвардейцы не кичатся прошлыми делами. Они знают: впереди еще много жарких схваток. Они оттачивают свое оружие для победных боев. Великая честь быть гвардейцем Отечественной войны. Но это звание связано с испытанием на поле боя. Это должен понимать каждый боец, пришедший в гвардейскую часть, он должен быть достоин своих предшественников, свято хранить традиции героев, приумножать их в боях за святую землю, политую нашей кровью.

И воспитывая своих бойцов в духе героических традиций дивизии, Момыш-улы неизменно добивался хороших результатов.

Зимой 1942-1943 года в дивизию прибыла делегация Монгольской Народной Республики. Ознакомившись с боевой историей дивизии и ее отдельных подразделений, делегаты решили вручить полку, которым командует Момыш-улы, знамя МНР.

Вручая знамя командиру полка гвардии подполковнику Момыш-улы, глава делегации – председатель президиума Малого Хурала, президент Монгольской Народной Республики Бума-Ценде сказал на митинге:

– Пусть это знамя будет символом нерушимой кровной дружбы между советским и монгольским народами. Пусть оно вдохновляет вас, гвардейцы, вас советские воины, на новые победы над германским фашизмом – врагом всего прогрессивного человечества. Мы будем всемерно содействовать этой победе.

И принимая знамя, Баурджан заверил делегатов:

– Гвардейцы будут беспощадно бить немцев, до полного разгрома гитлеровской грабь-армии.

10

Момыш-улы много внимания уделяет воинскому воспитанию. Он хорошо понимает, какое значение в современной войне имеет моральный фактор. Баурджан считает, что систематическое военное воспитание решает успех боя:

– Бой – это организованное воздействие на противника огнем, умом и психикой... В бою проверяются все качества человека. Психология войны многогранна. Нет ничего не задеваемого войной в человеческих качествах, в личной и общественной жизни. Бой срывает маску, ложь, напускную храбрость. Фальшь не держится под огнем. В

бою не скрыть уходящую в пятку душу. Мужество или совсем покидает человека, или проявляется со всей полнотой только в бою.

И Момыш-улы учит своих командиров и красноармейцев, никогда не скрывая от них размеров опасности. Ибо он знает:

– Вообще ложь никогда не выступает в своем собственном одеянии, а всегда в костюме правды. Но ложь торжествует временно, она кричит и орет о себе хотя бы пять минут, десять минут... И все же правда всегда восторжествует.

Момыш-улы учит солдат правде. Он учит смотреть правде в глаза. Он учит их всегда говорить правду своему командиру, своим товарищам.

Баурджан любит поговорить со своими солдатами. Вот стоит красноармеец. Погода отвратительная, но он стоит там, куда поставлен приказом командира. Мимо проходит Момыш-улы:

– Как дела, солдат?

– Хороши, товарищ полковник.

– Чудак, ты, солдат. Чем же твои дела хороши? Погода – дрянь, стоишь в воде. Зябнешь. Скажи: «Дела плохи. Но война. Что поделать? Надо терпеть». Вот как скажи.

Когда Момыш-улы заметит, что кто-нибудь скажет неправду, он вскипает:

– Что ты сказал? Ты советский человек? Советский? Так зачем же ты лжешь? Сегодня ты обманул его, а завтра ты обманешь меня...

Момыш-улы учит своих бойцов честно и добросовестно выполнять приказ командира.

Был такой случай. Боец выполнил задание – построить блиндаж, но выполнил его формально, плохо. Момыш-улы сразу заметил, что материал, из которого построен блиндаж, был недоброкачественен. Боец продолжал считать, что построенный им блиндаж был хорош.

Полковник сказал:

– Не петушись! Приказа ты не выполнил. Ты совершил преступление – и не одно, а несколько. Во-первых, ты не крепость построил, а могилу для себя и орудия. Во-вторых, сегодня ты обманываешь меня, а завтра тебя любой солдат может обмануть. В-третьих, ты обманываешь своих товарищей, уверяя их, что такой блиндаж защитит их от снарядов. Да эти бревна не только что от снарядов не защитят, я прострелю их из моего револьвера. Становись за бревно – я буду стрелять.

Побледневший «конструктор», подчиняясь приказу командира, стал за одной из подпорок. Момыш-улы выстрелил, но не в ту подпорку, за которой стоял боец. Пуля пробила рыхлое бревно насквозь. Полковник сказал:

– Разве я не говорил, что ты себе могилу строил?

И он подробно рассказал бойцу, как надо построить прочный блиндаж.

Момыш-улы завел в своей части практику созывать боевые активы для обмена опытом фронтовой учебы, для обмена опытом истребления врага.

В минуты затишья, тут же на переднем крае собралась большая группа бойцов. Гвардии старший сержант Иван Дергунов рассказывает о своем фронтовом пути.

Истины из архива

Дергунов получал письма от родных и знакомых. Ему писали, что тыл трудится и будет трудиться, не жалея сил для фронта. Родные и знакомые просили Ивана лишь об одном – уничтожить побольше проклятых немецких захватчиков.

Дергунов крепко взялся за учебу, хорошо изучил винтовку, когда почувствовал в себе не только силу, но и знания, убил семерых фашистов. Момыш-улы заметил успехи Дергунова, он обратил на них внимание политработников. Вскоре Дергунов пришел к нему за разрешением изучить пулемет. Момыш-улы поддержал Дергунова. Иван принялся за изучение пулемета и вскоре не только овладел им, но и стал конструировать приспособление для стрельбы из пулемета по самолетам. Момыш-улы всячески помогал Дергунову. И когда однажды над расположением полка появился немецкий «Хейнкель-125», Дергунов бросился к пулемету.

– Не торопись, спокойнее, – ободрял Ивана Момыш-улы.

Длинной очередью Дергунов сразил воздушного пирата. За короткий срок гвардии старший сержант подбил и уничтожил десять вражеских самолетов. И теперь на боевом активе Момыш-улы ставит Дергунова в пример другим гвардейцам. Так в повседневной учебе растет воинское мастерство бойцов полка.

И оглядываясь на боевой путь полка, его командир с гордостью говорит о том, как выросли люди:

– Бывший биолог Иван Данилович Курганский стал боевым начальником штаба, гвардии майором, орденосцем, командир одного из героических батальонов полка, гвардии майор, дважды орденосец Александр Александрович Суханов до войны был мирным агрономом и никогда в армии не служил. Смелыми волевыми командирами, удостоенными высоких правительственных наград, стали бывший педагог Павел Юрченко, бывший работник театра Шариф Хасанов, инженер-архитектор Атиф Нариманбеков и многие другие, ныне прославленные в боях гвардейские офицеры.

11

Воспитывая в своих бойцах смелость и бесстрашие, Момыш-улы помнит, что качества нужно именно воспитать.

– Бесстрашия, как такового, вообще не существует в природе, – говорит он. – Страх присущ всему живому. Бесстрашных людей нет на свете. Страх вездесущ, ни одно живое существо, ни одно животное не идет в опасность, не испытывая страха. Не идет! Но страх преодолевается. Чем? Принуждением. Каким? Внутренним, т.е. сам себя принуждаешь, и внешним – общественным. Добровольно страх никто не может преодолеть. Страх преодолевается только принуждением... Чувство страха постоянно сопровождает солдата в бою. Страх никогда не отстает от него. В борьбе со страхом рождается отвага. Если бы не было страха, не было бы и отваги.

И это свое убеждение Баурджан отстаивает со страстностью и горячностью. Был такой случай. В расположение полка приехал некий корреспондент. Приехал и, конечно, направился на командный пункт к командиру полка. Познакомившись, разговорились. Чай попили.

Корреспондент, видимо, еще только начинал свою боевую деятельность и войны по-настоящему не видел. Зашел разговор о храбрости и трусости, об отваге и страхе. Это любимая тема Баурджана.

Корреспондент, подыскивая высокопарные выражения, доказывал, что страха нет. Момыш-улы, ссылаясь на свой боевой опыт, отстаивал свои взгляды. Корреспондент оказался упрямым и ни за что не хотел согласиться с гостеприимным хозяином.

И хозяин возмутился. Надо знать, как умеет возмущаться Баурджан. Его обычно спокойное и невозмутимое лицо засветилось гневом. И в пылу он решил произвести эксперимент со своим гостем. Выскочив из-за стола, Момыш-улы выхватил из кобуры пистолет и шагнул к гостю, громко произнося достаточно резкие слова. Корреспондент безотлагательно побледнел. Что и требовалось доказать. Тогда хозяин, улыбаясь, торжествуя спросил:

– Ну что? Есть страх или нет?

С того момента, как Момыш-улы стал командиром, и всегда в дальнейшем принимая новое пополнение, он исходит из необходимости воспитать в бойце дремлющие в каждом человеке возможности стать героем:

– Помните, героизм не дар природы, а результат целесообразного воинского воспитания, не устают повторять Баурджан, – результат сознательного принуждения самого себя идти навстречу опасности для выполнения долга патриота. Человек идет, ограждая собственную честь и достоинство гражданина от чувства стыда, низости и позора, соревнуясь с подобными себе в благородстве, желая поделить с друзьями не только благо, но и угрозу, стремясь обезопасить себя и однополчан путем истребления врага.

Момыш-улы старается к каждому бойцу подойти индивидуально, учитывая его способности и особенности. В большинстве случаев, он, командир полка, знает не только фамилию и имя бойца, но и важнейшие биографические данные. Воспитывая отвагу и героизм в солдате, Момыш-улы убеждает каждого, когда можно, разъясняя, когда нужно – приказом.

– Инстинкт самосохранения, – говорит Баурджан, – имеет две стороны. Он может породить трусость, но в подавляющем большинстве случаев он порождает отвагу. Даже утопающий, как говорит пословица, хватается за соломинку, зная, что она все равно его не спасет...

И помня это, Момыш-улы старается найти в биографии каждого бойца факты, которые помогают этому бойцу стать стойким воином, уверенным в победе.

– Стойкость – щит смелых, – учит своих бойцов Момыш-улы. – Спасение не в бегстве, а в защите и нападении. Кто не защищается, тот погибает. Без риска нет победы. Легкой победы никто не может добиться. Жить хочешь – дерись до смерти. В бою жизнь никем не дарится. Бой не знает пощады, а завоевывается бойцом. Да, солдат идет в бой не умирать, а жить. Надежда на жизнь согревает сердце солдата. Жизнь – движущая сила в бою. Бесстрашие рождается в борьбе со страхом, в результате победы чувства долга над чувством страха.

12

Сам прошедший путь от рядового до командира полка, Момыш-улы неустанно воспитывает и своих командиров:

– Говорят, что в бою много случайностей. Я этого не признаю. В бою нет случайностей. Отвага командира заключается в его умении и непреклонной воле. Командир не должен быть только однозначным солдатом кулачного боя, он должен быть солдатом ума, памятуя казахскую народную поговорку: «Штыком убьешь одного, а умом – тысячи».

Умея организовать натиск, штурм в решающие минуты боя, Момыш-улы учит своих командиров маневру и расчету:

– Основное в искусстве ведения боя – огневое воздействие на противника, сохранение живой силы. Тот офицер, который говорит: «Вали валом, а потом разберемся» – это не офицер. Грудью пехоты ничего не возьмешь.

Известно, что созданная в июле 1941 года дивизия получила боевую закалку лишь в условиях войны и поэтому генерал Панфилов, закаляя своих бойцов в прифронтовой полосе, говорил тогда Баурджану:

– Мы – степной народ, нам нужно как можно скорее научиться не только ходить, но и воевать в лесу, в болотах. Дисциплина – мать военного обучения. Действуйте.

И Момыш-улы действовал. Воспитывая других, он неуклонно совершенствовал свое мастерство командира и воина.

– Тяжело, невыносимо тяжело дались мне первые месяцы в армии, – вспоминает Момыш-улы. – Мне казалось унижительным подходить к командиру бегом, стоять перед ним «смирно», выслушивать повелительное и краткое: «Без разговоров. Кругом». Внутри все бунтовало: почему без разговоров? Но скоро я понял, какой великий смысл заключен в дисциплине. Я узнал, что она – главная сила армии. Я понял и другое: чтобы приказывать, нужно уметь повиноваться.

Беспрекословно подчиняться и выполнять приказ вышестоящего командира – закон бойца.

– Боец должен быть красивым, – говорит Момыш-улы, – подтянутость и дисциплинированность – вот первые признаки солдатской красоты. Боец должен выполнять свои обязанности в строю и в бою рефлекторно, в силу привычки, и в то же время осмысленно, как натренированный гимнаст. Это будет высшей ступенью солдатской квалификации. Добиться таких качеств у своих красноармейцев может только командир, обладающий военной культурой и не лишенный способности постоянного анализа людей и событий. Командир должен быть строго справедливым и честным. Боец должен видеть в лице командира представителя государства, безжалостного судью, строгого обвинителя, горячего защитника и во всем доверять его совести без малейшего сомнения и колебания.

И основываясь на своем боевом опыте, Баурджан требует от командира:

– Нужно уметь действовать на чувства, на психику бойца и тем самым управлять им. Такое воздействие – целое искусство, к овладению которым обязан

стремиться каждый здравомыслящий командир. Офицер должен быть психологом, знатоком души. И, разумеется, его долг быть грамотным, всесторонне развитым, ибо в этом состоит суть офицерского достоинства. Нужно добиваться своего роста, прежде всего в области военной и иной культуры, а не в звании и должности. Это последнее приходит как справедливое воздаяние личным качествам офицера.

13

Под командованием Момыш-улы сражаются бойцы многих национальностей. И он, хорошо знающий историю литературы, сам – верный сын своего народа, развивает в каждом бойце любовь к своей нации.

– Все народы и все нации способны на все великое и прекрасное, – говорит Баурджан. – Если какой-нибудь человек совершил что-либо предосудительное, то это – порок человека, а не порок нации, к которой он принадлежит. Нет национальных традиций, мешающих воевать, а есть национальные традиции, помогающие воевать. Каждый должен любить свою нацию. И национальная гордость – закон и святыня для каждого. Тот, кто не уважает своей нации и не гордится ею (а гордиться есть чем у каждой нации), – тот безусловный подлец и бродяга. Гордый может уважать только гордого.

Момыш-улы считает, что в воспитании боевых качеств каждого человека, должен быть соблюден индивидуальный подход к военным и национальным традициям народа, к которому принадлежит этот человек. Баурджан придерживается того мнения, что национальные традиции помогают военному воспитанию и, говоря об историческом прошлом казахского народа, Момыш-улы отмечает, как национальные традиции этого народа воплощаются в боевых качествах казаха-воина:

«Основы воспитания юноши. Почитание старших, сознание долга и чести, безукоризненное соблюдение общественного порядка, покорность законам, суть качества, которые иначе носят название: любовь к родине, народу, семье. Человек, получивший такое благородное воспитание, владеет основой боевых качеств – преданностью, честностью, дисциплинированностью.

Национальные спортивные игры. Они вырабатывают в людях смелость, ловкость, разумный азарт, способность к риску, упорство и даже готовность к смерти ради чести. Я бы постыдился назвать казахом того из своих соплеменников, кто, например, боится горячего скакуна или вовсе не умеет ездить верхом. Национальные игры воспитывают в джигите благороднейшие рыцарские качества, столько необходимые бойцу».

Зная традиции народов, сыновья которых сражаются в рядах полка, Момыш-улы учит своих бойцов любить воинскую доблесть своих предков и соотечественников

Летом 1943 года полк посетила делегация киргизского народа. Делегаты были приятно поражены, когда услышали выражение «Батальон Манаса». Момыш-улы объяснил:

Истины из архива

– Ударный батальон автоматчиков в основном состоит из киргизов. Батальоном Манаса зовем мы его. Молодежь вся необстрелянная была, не ждавшая человеческой крови. Батальон имеет особое назначение: он бьет по тылам врага. Он должен бить по врагу так, чтобы тот опомниться не успел. В последних сражениях бойцы показали себя героями. Они проявили мужество, стойкость. Враг на нашем участке почувствовал действительно манасский удар. Народ, который родил и вырастил подобных джигитов и доверил им свою судьбу, непобедим.

Киргизы – бойцы полка Момыш-улы – крепят боевые традиции легендарного богатыря киргизского народа – Манаса, помня, что сам командир полка помогает укреплять и развивать эту любовь к родному народу.

Момыш-улы воспитывает в своих бойцах, принадлежащих к разным национальностям, преданность и любовь к своему народу, к своей родине.

– Без отважных – народа не бывает, без родины – отважных не бывает.

– Земле служи, не жалея пота, – плод пожнешь: народу служи, не жалея крови, – славу пожнешь.

– За родину лезь в огонь – не ожжешься. За жизнь до смерти дерись.

Так говорит бойцам Момыш-улы.

14

С малых лет полюбил Момыш-улы литературу. Он читал жадно, но вдумчиво книги, журналы, газеты. Он хорошо узнал и русскую, и иностранную литературу, но с особой любовью он относится к литературе на родном казахском языке. Он внимательно следит за ее успехами и неудачами, ибо он не равнодушный читатель, а человек, сам пишущий... Да-да, Баурджан Момыш-улы пишет не только статьи и книги, но и стихи. Он читал мне некоторые стихотворения и в оригинале – на казахском языке, и в своем собственном переводе на русский – иногда подстрочном, иногда сделанном по всем правилам поэтического искусства.

Стихи Баурджана – яркие стихи. В них чувствуется горячее дыхание поэзии Востока и суровые будни войны. Вот подстрочный перевод стихотворения Момыш-улы, которое может служить предисловием к остальным его произведениям:

*Когда рука моя освобождалась от меча,
я держал карандаш,
Душой переживая и подолгу думая о
прошедшем,
Со всем старанием, в меру сил своих и
Способностей,
О виденном и пережитом я написал открыто,
Не оглядываясь по сторонам и назад.
Не каждому человеку дано осмыслить
значение слова,*

*Но труд этот чистый, от сердца,
С добрым намерением я преподношу
тебе, мой народ.*

*Раз я существом не принадлежу к роду писателей,
Быть может, нехудожественно и неаконично мое письмо,
Но если найдется отважный, способный прочувствовать
Все, меру и смысл содержания,
Не может быть так, чтобы имя мое осталось
Не упомянутым.*

Темы стихов Момыш-улы очень разнообразны. Он пишет о том, кто о чем думает, что его волнует. Его стихи рождались во фронтовых блиндажах, в короткие минуты затишья и раздумья.

Сам поэт по природе, если не по профессии, Момыш-улы – требовательный читатель. В своих суждениях он проявляет тонкий критический вкус.

Так, в письме к одному казахскому писателю по поводу пьесы о гвардейцах, Момыш-улы писал: «Я вам говорил уже, что современная война не является войной мушкетеров и пикинеров. Офицеры Отечественной Войны – это вам не рыцари XVI века... Куда же вы дели полновластного офицера – повелителя, знатока военного дела? Неужели вы не понимаете, что такое тактика и стратегия? Нельзя же рассматривать всех только как солдат с винтовкой и штыком. Где же наша военная наука, оперативно-тактические замыслы и реальное положение сторон в обстановке. Куда вы дели честного, бравого, простого воина?»

Весьма интересным является письмо Момыш-улы писателям Казахстана, в котором он излагает требования читателей-фронтовиков к писателям и рассказывает об оценке, данной фронтовиками отдельным писателям.

В эпиграфе к этому письму мы встречаем казахскую народную поговорку: «Дос жылатып айтады, дұшпан күлдіріп айтады» (друг говорит от всей души, враг, кривя душой).

«На справедливый резкий тон никто не имеет права обижаться, если у него мозги не набекрень», предупреждает Момыш-улы. Он извиняется перед писателями, занятыми созданием объемистых, капитальных произведений, которых, вероятно, до конца войны читателям не удастся увидеть. Он не собирается передавать приветы или давать интервью, но он считает, что по долгу службы, как командир, вынужден им написать:

«Я пишу для того, чтобы вам всем заявить претензию бойцов, которую нахожу справедливой, лично с моей точки зрения. Надеюсь, что вы с достоинством литератора хладнокровно выслушаете эту маленькую неприятность, которую я преподношу на резком, грубом, не отшлифованном совсем, солдатском языке, рассчитывая на ваше снисхождение, рассчитывая, что вы благодушно простите меня, отвыкшего говорить изящно, деликатно и дипломатично.

Истины из архива

Момыш-улы считает, что изнашиваются не только оружие и обмундирование. Оружие ремонтируют, ремонтируют и обмундирование, чтобы они с предельной возможностью могли послужить бойцам. Но ведь и душа солдата изнашивается в условиях небывалой Отечественной войны.

«Солдат не камень, не сталь и не стекло, а человек, обыкновенный человек со всеми человеческими достоинствами и слабостями, присущими каждому. Он не только постоянно проявляет отвагу, мужество, героизм, но в минуты душевных невзгод проявляет и слабодушие, и слабоволие... Он грустит о жизни, о любви, он жаждет ласки и нежности любимой, жаждет услышать чудное лепетание маленького забавного карапузика-сына или кудрявой малюсенькой дочки. Он – муж, он – отец. Он трепещет от радости боевого подвига, радости любви, радости отцовского чувства. Восхищается красотой природы, нежно вдыхает приятный аромат цветов, приятно ощущает тепло яркого сияющего солнечного дня, он с любовью смотрит в безоблачное небо ночью. Он плачет, и плачет горько, опуская в могилу тело убитого боевого товарища. Он злится, нервничает, грустит, печалится, обижается на невнимательных близких людей, друзей и товарищей. Порой он устает физически и духовно, в голову лезут разные мысли, которые мешают, кусают, пристают, сверлят, точат, пилят и назойливо трут до крови, тяжело давят на тело и душу».

Весьма красочно описывает Момыш-улы, как в короткие минуты передышки, боец с жадностью читает книги и газеты. Фронтовики не любят, когда о войне пишут скучно и трафаретно. Они отбрасывают в сторону книжки, где о том, что сделано кровью, написано подкрашенной водой. Боец говорит:

– Ах, о войне! Как в окопе сыром и темном, как в мрачном блиндаже живется... – разговаривает он сам с собой, швыряет книгу в сторону, пустив по адресу автора настоящий мат. – Автор думает, что я не знаю, а ведь я только что оттуда.

Боец роется в мешке, вытаскивает маленькую книжку Чехова в потрепанной обложке и говорит, рассматривая ее:

– Дорогой Антон Павлович! Здравствуйтесь, добрый мой доктор, здравствуйтесь.

Его рука дрожит. Он жадно читает коротенькие рассказы Чехова. Его окаменевшие глаза постепенно, ласково пробегают строки за строками. Обветренное морщинистое лицо приятно вздрагивает, и в углах потрескавшихся губ появляется улыбка. Хлопнув ладонью по колену, он безумно хохочет, протягивая книгу товарищу, удивленному его неожиданным смехом:

– На, почитай вот это место.

Опять роется в мешке. Говорит:

– Дорогой Александр Сергеевич, генералиссимус русской поэзии и словесности. Очень и очень, от души рад с Вами встретиться в этом блиндаже. Пожалуйста, добро пожаловать. С нами вместе воевать пришли, землю русскую защищать. Пожалуйста, пожалуйста, рад иметь такого боевого друга, как Вы.

Момыш-улы рассказывает, как боец встречает некоторые газеты. Внимательно и жадно пробежав газету, боец тяжело вздыхает:

– Для души-то что-нибудь напечатали бы. Эх, редактор, редактор! Души у тебя, брат, нет... Сухарь ты ржаной, брат, хоть обижайся, но говорю – сухарь, без вкуса о войне пишешь. В военной кулинарии, к сожалению, мало разбираешься.

Но имеются газеты, любимые бойцами. Бойцы с нетерпением ждут получение очередного номера газеты. Развернув свеженький номер «Красной звезды», боец восклицает:

– А! Илюша, Илюшенька, Эренбургушка! О чем ты хочешь рассказать мне? Правильно, правильно, братец, говоришь...

Увидев на третьей странице стихи:

– Ах! Костя Симонов! Ты тоже здесь, солдат лирики. Хорошо о сердечных делах пишешь. Хорошо!

Момыш-улы рассказывает, что бойцы любят тех писателей, которые дают настоящую духовную пищу.

В одной своей статье Момыш-улы писал:

«Почему так жадно читают солдаты стихи Симонова, очерки Бориса Горбатова, статьи Эренбурга? Почему мои соотечественники – казахи с таким интересом читают роман Мухтара Ауэзова «Абай», роман Сабита Муканова «Балуан-Шолак», фронтовые рассказы Героя Советского Союза Малика Габдуллина? Потому, что они находят здесь ту духовную пищу, которая им необходима... На фронте знают и любят стихи Суркова, Твардовского, потому что в них главное – не описание внешних форм боя, а проникновение в чувства бойца, в его внутреннюю жизнь. Их любят и потому, что над ними можно погрузиться, и вспомнить о доме, и задуматься над собственными поступками, проверить их правильность».

В своем письме казахским писателям Момыш-улы изложил требования фронтовиков к художественным произведениям. Эти требования касаются и тематики, и характера, и стиля художественных произведений.

«Писатели – инженеры человеческой души. Но некоторые инженеры страдают самовлюбленностью, считая для себя унижением в нужный момент превратиться в слесаря и сделать какую-нибудь маленькую деталь для конструируемого ими большого, капитального агрегата. Сегодня нам нужен не агрегат в проекте... Нам нужны и настоящие слесаря, которые искусно делают напильники, хорошие напильники для оттачивания оружия для завтрашнего боя».

Так писал Баурджан в своем письме писателям. Но время идет, и растут требования фронтовиков к писателям. И поэтому Момыш-улы опубликовал статью о духовной пище солдата.

«До сих пор, к сожалению, многие наши писатели сооружают свои произведения по методу времянок полевого типа, забывая об одном из правил полевой фортификации, которое гласит, что всякая временка полевого типа недолговечна и имеет задачу обеспечения нужд только сегодняшнего дня, а завтра утилизируется как хлам. Настоящий писатель, инженер человеческой души, не может ограничиваться изготовлением времянок. Он должен изучить конструкцию души солдата, которая

Истины из архива

всесторонне выявила себя на войне, в бою, в час самого критического испытания всех качеств человека. Он должен далее «заболеть» своей темой, выносить ее, как женщина вынашивает своего ребенка, пережить родовые муки, и только тогда он подарит свету полноценного гражданина литературного мира».

Баурджан не только предъявляет требования к писателям, он и помогает им. В конце 1943 года после госпиталя он поехал на родину, в Алма-Ата. Момыш-улы собрал писателей и историков и в течение ряда вечеров рассказывал им о боевой истории своей части.

Так Момыш-улы помогает и писателям, и читателям. И эта сторона его деятельности, безусловно, заслуживает признания со стороны и тех, и других.

15

За время войны Баурджан Момыш-улы прошел славный боевой путь. От старшего лейтенанта до полковника (а мы уверены, что он заслуживает и генеральское звание) – таков его путь.

Вместе с дивизией он направился на фронт и свыше двух лет непрерывно воевал, утверждая славные традиции гвардейской дивизии имени генерала Панфилова.

Момыш-улы свою командирскую закалку получил под руководством Панфилова, верного продолжателя чапаевских традиций, разработавшего новые тактические приемы в условиях современной военной тактики.

Панфилов не любил рутины, он шел на риск, как подлинный новатор. И поэтому мы хорошо понимаем Момыш-улы, когда он говорит:

– Панфилов – мой военный отец. С ним, с мертвым, я и сейчас советуюсь перед боем, думаю о том, как бы он поступил на моем месте.

Свыше ста боев провел Момыш-улы за время войны. И если его полк стал героическим, если он воспитал сотни героев Великой Отечественной войны, в этом – большая заслуга, в этом подвиг Баурджана Момыш-улы.

– Итак, видите, товарищ полковник, – сказал я, закончив свой рассказ, – как весь жизненный опыт Момыш-улы – особенности воспитания, национальные традиции, боевой опыт юношеских лет, любовь к людям и высокой человеческой культуре, его личная дисциплина и выучка, усвоенная во время службы в армии, пытливость, инициатива, энергия и другие столь же важные, столь же необходимые качества сделали рядового гражданина Баурджана Момыш-улы образцовым советским офицером – героем дивизии, своего народа.

А. КРИВИЦКИЙ
военный корреспондент
в годы Великой Отечественной
войны

ВОЕННЫЕ ЗАПИСИ ПОЛКОВНИКА БАУРДЖАНА МОМЫШ-УЛЫ

Перед нами объемистая тетрадь в твердом синем переплете. На первой ее странице записаны различные адреса. Мелькают названия улиц, номера домов, и почти все эти адреса, словно незримые нити любви и дружбы, ведут к одному городу – Алма-Ата. Родственники, знакомые, друзья владельца тетради живут в Казахстане. Там и он сам родился и вырос.... Эта тетрадь – военные записи полковника-орденоносца Баурджана Момыш-улы. Все время войны он находился в знаменитой 8-й гвардейской дивизии имени Панфилова. Сейчас Момыш-улы в Алма-Ата в командировке.

Мы перелистываем синюю тетрадь, читаем фразы, чеканные и ясные, будто выбитые из меди:

Без отважных – народа не бывает, без родины – отважных не бывает.

За родину лезь в огонь – не обожжешься. За жизнь до смерти дерись.

Эти чистые слова служат казаху полковнику Баурджану Момыш-улы девизом. В синей тетради можно несколько раз встретить имя героя казахского народа, легендарного батыра гражданской войны Амангельды Иманова. «Его подвиги должны стать живой традицией современных джигитов», записывает Момыш-улы, и это замечание подводит нас к пониманию нравственного облика самого автора записей. И сама синяя тетрадь в какой-то степени является продолжением известного документа, связанного с именем Амангельды.

В начале 1914 года Иманову удалось побывать в Петербурге. В те дни формировалось мировоззрение будущего большевика-военкома. Бродя по улицам шумной столицы, наблюдая и размышляя, он многое понял и решил занести свои мысли и впечатления в особую тетрадь. Она дошла к нам под названием «Петербургский дневник». Она раскрывает душу Амангельды. Он думал в то время о злом самодержавии, безумной роскоши царского двора, о бесправии казахов, томившихся в «тюрьме народов», и о справедливой борьбе русского рабочего класса. Даже беглого сопоставления этих двух документов достаточно для того, чтобы видеть, как возмужали потомки Амангельды на преобразенной, свободной земле Казахстана, как они выросли, сколько в них идейной силы, военной зрелости и ничем не омраченного национального достоинства.

В декабре 1942 года Баурджан Момыш-улы записал: «Национальная гордость – святыня, нерушимый закон личности в нации. Тот, кто не уважает свою нацию и не гордится ею (а гордиться есть чем у каждой нации), тот безусловный подлец». О чем бы ни думал автор синей тетради, мысли его неизменно возвращаются к военному делу, к его профессии офицера. Составляя конспект не написанной еще им главы «Цели воинского воспитания», Момыш-улы выделяет тезис: «Национальный момент

Истины из архива

военной психологии». В другом месте он объясняет его так: «Я убедился на опыте своем, что в воспитании боевых качеств имеет колоссальное значение военное прошлое народа и национальные традиции». Далее Момыш-улы анализирует некоторые свойства и обычаи казахского народа, развитие которых может помочь делу воинского воспитания и обучения казахов-солдат. Вот две выдержки из этой записи:

«Основы воспитания юноши. Почитание старших, сознание долга и чести, безукоризненное соблюдение общественного порядка, покорность законам, суть качества, которые иначе носят название: любовь к родине, народу, семье. Человек, получивший такое благородное воспитание, владеет основой боевых качеств – преданностью, честностью, дисциплинированностью.

Национальные спортивные игры. Они вырабатывают в людях смелость, ловкость, разумный азарт, способность к риску, упорство и даже готовность к смерти ради чести. Я бы постыдился назвать казахом того из своих соплеменников, кто, например, боится горячего скакуна или вовсе не умеет ездить верхом. Национальные игры воспитывают в джигите благороднейшие рыцарские качества, столько необходимые бойцу».

Ясность этих мыслей подкупает. Читая заметки Момыш-улы о национальных традициях и формах их военного выражения, невольно вспоминаешь многовековую историю казахского народа. В глубокой древности Казахстан был ареной могучих передвижений народов. На его степных равнинах завязывались узлы крупнейших исторических событий. Боевые качества казахского народа складывались еще в седую старину. Заключая свои размышления о роли национальных традиций, Момыш-улы пишет: «Золотая казна народного опыта должна стать нашим достоянием и оказать услуги воинским делам нашим».

* * *

Впервые мы встретились с Баурджаном Момыш-улы зимой 1941 года. Он был тогда старшим лейтенантом. В те суровые дни 316 стрелковая дивизия, поставленная на почетный гвардейский пост, обороняла родную Москву. В холодную прокуренную избу, где разместился штаб полка, вошел высокий человек. Его строгое, словно окаменевшее лицо было покрыто тонкой сеткой льдистого снега, как серебряным забралом.

Тогда еще жил седой генерал – Иван Васильевич Панфилов, и его хрипловатый от стужи голос часто звучал в батальоне Момыш-улы. Дивизия была молодой. Она создавалась в Алма-Ата, где Момыш-улы работал инструктором военного комиссариата. Он познакомился с Панфиловым в пору формирования дивизии, когда этот железный воин, богатый на выдумку и щедрый на новизну в военном искусстве, готовил из хлипких колхозников Талгара будущих героев войны. Панфилов открыл молодому офицеру простые тайны обучения и воспитания солдат, вызвал в нем горячую любовь к военному делу. Момыш-улы перенял у своего учителя легкую и свободную «воинскую походку», тот офицерский стиль поведения, который вначале дается тяжелым

трудом, а потом, с течением времени, выглядит уже как бы органическим свойством человека.

Момыш-улы, сосредоточенный, почти угрюмый человек, замирал от восторга, когда Панфилов, прощаясь с ним, в знак ласки пожимал двумя руками, по-казахски, его руку. И, выслушав приказ русского генерала, Момыш-улы, нарушая уставную форму ответа, тихо и почтительно говорил.

– Будет исполнено, аксакал!

В точном переводе аксакал значит – «седая борода». Так называют казахи старшего в роду, главу семьи. «Иван Васильевич Панфилов – мой военный отец, – убежденно и твердо сказал Момыш-улы. – С ним, с мертвым, я и сейчас советуюсь перед боем, думаю о том, как бы он поступил на моем месте».

Так русская военная школа, обогащаясь борьбой поколений, вобрав в себя многовековой опыт – идеи Румянцева, суворовские походы, многочисленные издания генерального штаба в Петербурге, бои Ермолова, курсы, читанные в военных академиях, книги Драгомирова, брусиловское мастерство и битвы гражданской войны, – так эта школа через знания и опыт старика-воина Панфилова проникли в мозг и сердце офицера-казаха, чей отец был кочевником. Эта школа скрестилась в сознании и душе Момыш-улы с его природными национальными качествами жителя степей, служивших некогда театром гигантских сражений. И вот теперь он – полковник, советский офицер, стоящий на уровне современного военного искусства. За время войны он провел свыше ста боев с немцами, основанных на хитроумных маневрах, на знании самой природы военного дела.

...В прифронтовой полосе, в дремучих лесах, среди вязких болот, на берегу желтоводной реки Мста генерал Панфилов продолжал обучение казахской дивизии, начатое в окрестностях Алма-Ата.

– Мы – степной народ, – говорил генерал командиру батальона Момыш-улы, – нам нужно как можно скорее научиться не только ходить, но и воевать в лесу, в болотах. Дисциплина – мать военного обучения. Действуйте!

И казахи научились действовать в лесу, уроженцы Южного Казахстана привыкли к жестоким морозам, панфиловская дивизия стала первоклассной воинской силой и получила новое название – 8-ая гвардейская. Это было достигнуто не мановением волшебной палочки, а правильной системой военного обучения и воспитания, обращением к национальной гордости людей, к их советской чести.

Тогда не раз Момыш-улы вспоминал свои первые шаги на военном поприще, те дни, когда его, «вольного казаха, степного коня, не выносящего узды, делали солдатом». Эти размышления запечатлены в синей тетради: «Тяжело, невыносимо тяжело дались мне первые месяцы в армии. Мне казалось унижительным подходить к командиру бегом, стоять перед ним «смирно», выслушивать повелительное и краткое: «Без разговоров Кругом». Внутри все бунтовало: почему без разговоров? Но скоро я понял, какой великий смысл заключен в дисциплине. Я узнал, что она главная сила армии. Я понял и другое: чтобы приказывать, нужно уметь повиноваться».

Истины из архива

С тех пор мысли о содержании воинской дисциплины и о принципах воспитания солдат уже не покидают Баурджана Момыш-улы. Его синяя тетрадь испещрена заметками на эту тему. Одна из таких записей озаглавлена:

«О солдатской красоте».

Боец должен быть красивым. Подтянутость и дисциплинированность – вот первые признаки солдатской красоты. Боец должен выполнять свои обязанности в строю и в бою в силу привычки, и в то же время осмысленно, как натренированный гимнаст. Это будет высшей ступенью солдатской квалификации. Добиться таких качеств у своих красноармейцев может только командир, обладающий военной культурой и не лишенный способности постоянного анализа людей и событий. Командир должен быть строго справедливым и честным. Боец должен видеть в лице командира представителя государства, безжалостного судью, строгого обвинителя, горячего защитника и во всем доверять его совести без малейшего сомнения и колебания. В чем же состоит сила командира, что дает ему возможность создать настоящего бойца? Эта сила, прежде всего, в знании человеческой психологии. Момыш-улы пишет: «Нужно уметь действовать на чувства, на психику бойца и тем самым управлять им. Такое воздействие – целое искусство, к овладению которым обязан стремиться каждый здравомыслящий командир. Офицер должен быть психологом, знатоком души. И, разумеется, его долг быть грамотным, всесторонне развитым, ибо в этом состоит суть офицерского достоинства. Нужно добиваться своего роста, прежде всего в области военной и иной культуры, а не в звании, должности. Это последнее приходит как справедливое воздаяние личным качествам офицера».

Баурджан Момыш-улы хорошо разбирается в людях. Он – сердцевед. От него не ускользают ни жесты, ни интонация голоса, ни выражение глаз. У него репутация строгого командира. Но бойцы и офицеры – казахи зовут его так, как он когда-то сам звал Панфилова: аксакал. Иногда Момыш-улы отдает приказания на казахском языке – короткие, повелительные слова, произнесенные властно и жестко, – скуластый боец, повернувшись и щелкнув каблуками, бесшумно исчезает, пряча довольную улыбку.

Момыш-улы много думал над природой высоких воинских добродетелей, и его определения их лаконичны и выразительны: «Героизм – не дар природы, а результат целесообразного воинского воспитания, – не устает повторять Баурджан, – результат сознательного принуждения самого себя идти навстречу опасности для выполнения долга патриота. Человек идет, ограждая собственную честь и достоинство гражданина от чувства стыда, низости и позора, соревнуясь с подобными себе в благородстве, желая поделить с друзьями не только благо, но и угрозу, стремясь обезопасить себя и однополчан путем истребления врага».

Круг интересов автора военных записей необычайно широк. В его тетради мы находим наброски обширного письма, адресованного писателям, журналистам и издателям Казахстана. Это письмо заинтересовало многих писателей. Баурджан Момыш-улы упрекал некоторых литераторов, пишущих на родном ему языке, в незнании фронтовой жизни, в непонимании воинской психологии. Он напоминал

им об огромном спросе бойцов-казахов на литературу. Он призывал к изучению и распространению наследия великого поэта-классика Абая, обогатившего духовные ценности казахского народа благотворным влиянием русской культуры.

В частном письме к одному из писателей Казахстана Момыш-улы подробно разбирает его пьесу о восьмой гвардейской дивизии: «Я вам говорил уже, что современная война не является войной мушкетеров и пикинеров. Офицеры Отечественной Войны – это вам не рыцари XVI века... Куда же вы дели полномочного офицера – повелителя, знатока военного дела? Неужели вы не понимаете, что такое тактика и стратегия? Нельзя же рассматривать всех, только как солдат с винтовкой и штыком. Где же наша военная наука, оперативно-тактические замыслы и реальное положение сторон в обстановке. Куда вы дела честного, бравого, просто воина?»

* * *

Просматривая военные записи Баурджана Момыш-улы и видя в них какое-то отражение судьбы сыновей Казахстана, прильнувших к незамутненному роднику социалистической культуры, к источникам знания, в том числе и военного, мы невольно вспоминанием трагическую фигуру первого казахского ученого-просветителя Чокана Валиханова. Он был потомком знаменитого хана Аблая. Знатное происхождение открыло ему путь в русскую армию. Он окончил кадетский корпус и был произведен в корнеты. Друг Валиханова великий русский писатель Достоевский писал ему: «Вы первый казах, образованный по-европейски – вполне». Но положение казаха-офицера и ученого в русской армии было двойственным. Горячо любя свой народ, он не мог оставаться в среде царских колонизаторов. Он рассорился с генералом Черняевым, покинул его штаб и, поселившись в ауле, кончил свои дни затворником.

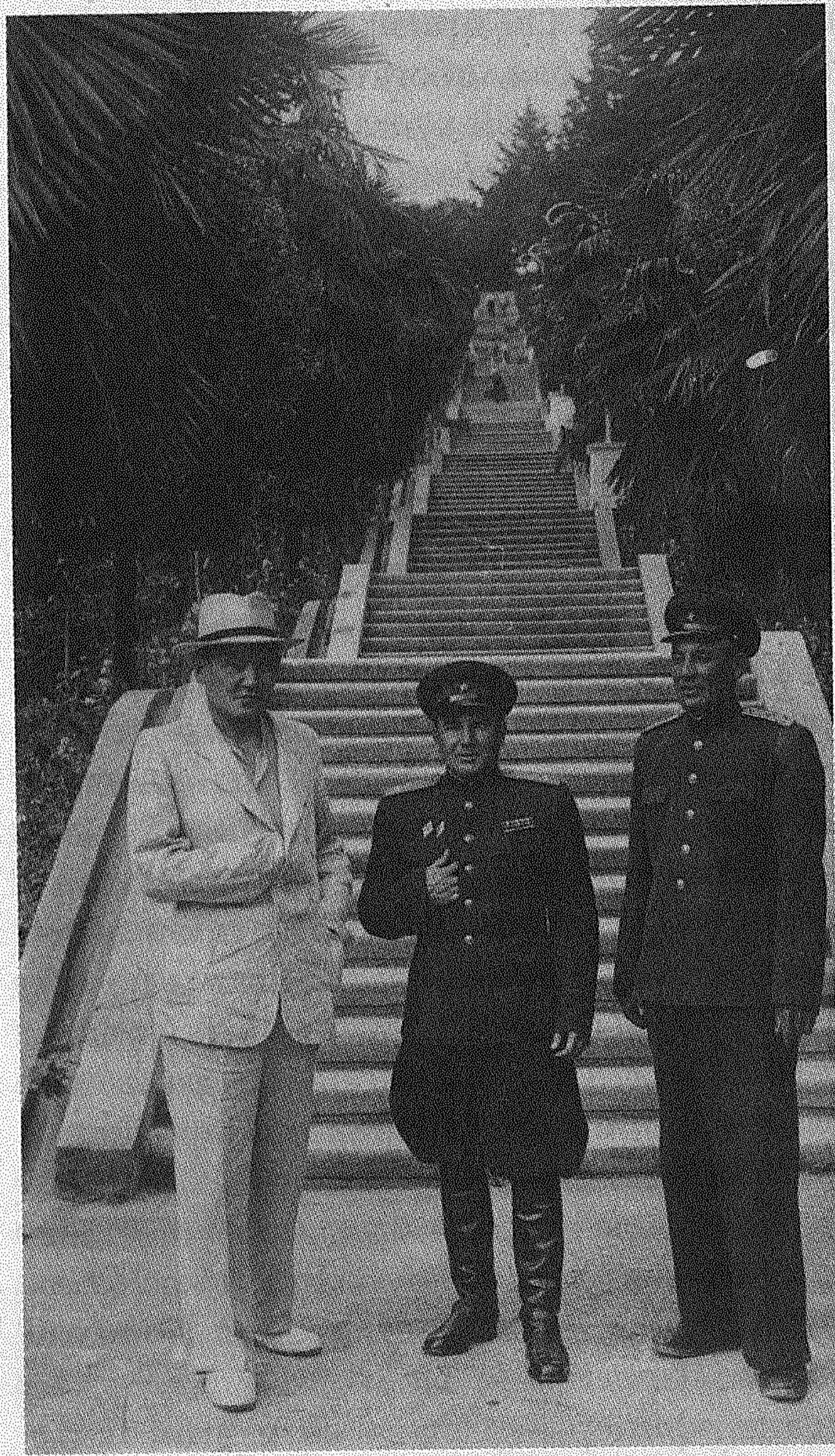
Спустя много лет бесстрашный Амангельды Иманов нашел путь для осуществления великой мечты Валиханова о братской дружбе народов – русского и казахского. Амангельды говорил своим бойцам в 1919 году, во время наступления Колчака: «Судьба казахского народа связана с победой большевиков». Полковник Баурджан Момыш-улы и люди его поколения – советские офицеры-казахи – дети этой победы. Таких, как они, имел в виду товарищ Молотов, сказав, что «во всех республиках имеются не только кадры рядовых бойцов, но и известные кадры командного состава, могущего руководить соответствующими воинскими частями».

Казахский народ, выйдя на широкую дорогу исторического развития, получил из рук Ленина и Сталина оружие. Он окропил свой меч вражьей кровью, и мы видим смуглое лицо одного из отважных сыновей Казахстана – полковника Баурджана Момыш-улы, перечитывающего свою запись в синей тетради:

– Земле служи, не жалея пота, – плод пожнешь, народу служи, не жалея крови, – славу пожнешь!

Газета «Красная звезда»
№ 53 от 3 марта 1944 г.

Истины из архива

На лечении и отдыхе в Грузии

МОЙ ДОРОГОЙ, ДОБРЫЙ ДРУГ

Разрешите мне так обратиться к Вам после нашей ссоры по некоторым принципиально организованным вопросам.

Я отказал себе в возможности личного свидания с людьми, которые интересуются мною, как только лишь до некоторой степени оригинальным материалом, так как необходимость быть добросовестным студентом требует от меня сосредоточения всех моих усилий и внимания к книгам, к кафедре, отрываясь на время (4-5 месяцев) от мира любопытных собеседников и мира записных книжек, куда я имел привычку записывать свои впечатления, соображения и прочее.

Вы как-то мне говорили о двух адресатах – внутреннем и официальном.

Моя школа – простые слова и простые дела. Я не искушен в обывательско-общественной, ведомственно-профессиональной дипломатии. Я совершенно не умею плавать в московском море, что обычно для рыбаков священного моря, которые отлично умеют ловить рыбу в мутной воде, а для меня – необычно. Меня, признаться, тошнит при виде плавающих на поверхности отходов нефти.

Быть может, нефть – маска прозрачной воды, но, увы, для того, чтобы увидеть живописные водоросли на дне, надо разгрести нефть, нужно уметь плавать, а я, повторяю, не умею, поэтому пусть не кажутся Вам страшными некоторые мои «странности» поведения, обороты речи, даже мысли, если таковых Вы от меня не ожидали.

Скажите сами, – могу ли я иметь уважение к человеку, погрязшему в тине личных, мелких забот и личных мелких интересов, приниженного повседневной (не гордой) борьбой за существование, а не за творческую жизнь, – конечно, нет!

Борьба за простые вещи, за свою жизнь, свою семью, свой народ, свою землю, свой язык, за жизнь частную, народную и государственную в безжалостной обстановке войны, боя многих и многих мыслящих людей из нас, солдат, сделала людьми простых слов и простых дел.

Война, бой для них оказали услугу зеркала, помогли пониманию ими самих себя и других. Бой открыл им глаза.

Я считал, что никто не вправе уходить в область абстрактной фантастики, имея под руками нашу реальную действительность. Но, увы, многие, кому это поручено по ремеслу, к сожалению, оказались глухими, немыми и, самое обидное, слепыми. Увидеть их, осознать их, знать и тем более понимать их во всю тактическую глубину вопроса (тогда, как им положено по штату познание в оперативном масштабе). Благодаря этой почти невежественной и жестокой действительности, прошедшее, прекрасные и жуткие факты часто делаются жертвами личной узости и ограниченности авторов, которые приглаживают, отполировывают до неузнаваемости их, и они уже ничего общего не имеют с подлинным оригиналом – истиной.

Истины из архива

Не мне Вам говорить, что описать или показать, как это было на самом деле – это не упрощенчество, а искусство автора. Раскрытие смысла борьбы есть великая задача и долг истинного художника, а люди этой безжалостной борьбы – есть материал. Их образ, их портрет – скульптурное изображение эпохи и народа, имеющее глубокий смысл навеки, так как они созданы (образы) в неповторимых условиях времени и обстановки. До боли жаль, когда эта драгоценность отмечается лишь одним характером и находит лишь боковое отражение в оформляемых литературных документах, подчиненных стандарт-шаблону, стилю заказа официального адресата, а не подчиненных здравому смыслу и логике.

В настоящее время образы создаются не авторами, а войной, суровой, трагической обстановкой времени. Будет большой заслугой автора, если он запечатлеет портрет описываемого с прилежностью, хотя бы, добропорядочного фотохудожника.

Мне кажется, что человек-образ делится в основном на две характерные группы:

1. Характер которых приблизительно определяется при первой же встрече, и достаточно нескольких служебно-деловых контактов и близости, чтобы их образ для интересующегося им стал совершенно ясным.

2. Характер которых как будто бы тоже во многом узнается сразу, но, дойдя до кажущейся вам вершины, вы замечаете следующий, удаленный от вас горизонт. Когда вы доходите до него, перед вами встает третий горизонт, и вы должны идти и идти вперед.

Этот образ многогранен, подобен бесконечному простору с резко-очерченным, пересеченным рельефом, как на поверхности, так и в глубине. Это значит, что вы имеете дело с быстро развивающимися, деятельными характерами, осмысленно, глубоко проникающими, в пределах интеллектуальных возможностей, в смысл борьбы, стихию испытания и опыта боя.

Последний для автора сложный и опасный образ – весьма трудный объект для описания и восприятия, так как часто чреват последствиями, множеством ошибок без умысла. Видимо, это поэт имел в виду, когда писал:

*Кейде өр, кейде сынық, кейде қатты
Мейрімді көңлі, түссе мархабатты,
Жалғанның жазы-қысы қабағында
Құдірет жаратыпсың перизатты.*

Құдірет нашел возможным создать такое существо, сочетая в нем сказанное поэтом, а автор не считает возможным вместить все это в одном образе и, подхлестываемый плеткой заказа спешного выполнения, не проникая в глубину, очень часто допускает верхоглядство, цепляясь за какую-нибудь деталь характера, беря его лишь в профиль. Вследствие этого образ получается однобоко-ограниченным, калеккой против действительности.

Я прощаю многим эти грехи, когда их совершают по неопытности или по незнанию, но непримирим с теми, которые совершают их по халатности или искусственно, с точки зрения личных интересов и личной выгоды...

Конкретно, их часто интересует приключенческий характер в действиях и деятельности, в частности, выпячивая твердость воли как жестокость, не желая понимать, что «преодоление препятствий», как Вы говорили: «Любой ценой, любыми способами для достижения цели, есть не жестокость, а деловая (служебная), необходимость». Они не хотят совмещать волю с добром, любовью, милосердием, без которых невозможно написать человеческий характер. У них выходит человек с перекаленным, каменным сердцем или мягкой жестянкой бутафора, а не с нормального закала упругостью стали, не поддающейся никакой деформации при испытании.

Пользуясь случаем, что сегодня с утра профессор читает скучную лекцию, – предпочел разговаривать с Вами на этом листе, чем слушать эту теоретическую терапию, приняв позу, будто я его внимательно слушаю и старательно записываю. Имея в виду, что я сейчас работаю на два фронта, надеюсь, что Вы будете не так строги к стилю письма.

Если так, продолжаю мысли. Разрешите приступить после перерыва, во время урока химии.

Некоторых из Ваших собеседников, из группы всплывших на поверхность московского моря, смущают якобы азбучно-элементарные трактовки уставных положений в произведениях под авторством Александра Бека, которые Вы намерены использовать, как один из основных материалов, для своей работы.

Так как я не располагаю временем лично беседовать с Вами, во избежание возможных недоразумений, в защиту далеко не глубокого в этом вопросе, не прилежно-старательного, но все же не лишеного многих элементов добросовестности в своем ремесле Александра Бека, ниже попытаюсь изложить Вашему вниманию следующее:

1. Устав есть обобщенный, сжатый, спрессованный сгусток опыта боев, – мышление в понятиях, введенное в сознание мыслящих военных руководителей ценою неоднократных, многих жертв, и написан он кровью; в него вложен, как ни в какой другой книге, здравый смысл (не всем доступный и при изучении требующий детальной расшифровки, трактовки применительно к обстановке). Основные отправные установки – данные закона, методы тактических и оперативных приемов и способов ведения боя и искусства войны, глубоко обоснованные на научно-теоретических и практических фундаментах многолетнего, много-жертвенного боевого опыта – истории войн.

Даже не каждому просвещенному военному профессионалу не вне параграфа устава доступны во всей глубине эти понятия – поэтому многотомные военные труды, написанные до нас и в наше время, имеют единственную задачу – растолковать устав, и армия военных профессоров прошлого и настоящего не может сказать, что ими это достигнуто.

Сложную проблему в нашей практике представляет знание устава, а понимание – тем более; следовательно, чтобы понять устав, нужно иметь большую теоретическую подготовку и громадный практический опыт, лично пережитый на поле боя,

Истины из архива

требовательного к себе, мыслящего военного работника, а не только быть штатским бумагомарателем, которому вовсе не доступны уставные понятия ни в азбучном, ни в элементарном смысле. Поэтому неоднократные заявления их, произносимые в позе понимающих устав, у вполне просвещенных в этом людей неволи, наравне с законно справедливым раздражением, вызывают горькую, но вместе с тем юмористическую улыбку.

Короче говоря – раз Александр Бек пишет на тему войны – боя, имея под руками документальный материал реальной действительности, ему не избежать устава ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах, хотя он, как Вы знаете, находясь в числе погрязших на мелкоте самолюбия, в последнее время сам пытается отказаться от трактовки устава, что означает, если не гибель, то, во всяком случае, нелёгкое ранение темы, за которую он так добросовестно взялся сначала. И не дай бог ему низко упасть впоследствии, т.к. избежать устава это значит избежать действительности – избежать жизни, избежать живой, жуткой, красочной действительности на поле боя войны. Встать на путь фальсификатора я не желал бы даже врагу своему.

Итак, устав – это жизнь (конечно, для того, кто понимает). Ценность книги (пока имею в виду только первую повесть) заключается именно в трактовке устава, т.е. передаче превращения мышления в понятия в мышление в образе художественной литературы. В этом суть темы, и в этом заключается военно-просветительный характер этой части произведения, делающий его доходчивым для массового читателя. Положения устава-жизни необходимы для наших соотечественников, как воздух, на данном этапе развития нашего поколения – поколения поголовных солдат, рожденных и обязанных сражаться на любом участке в эту эпоху непрерывных войн. Сплошной, жесткой борьбы, часто доходящей до грубой формы – драки.

Опираясь на свой скромный опыт, говорю, что корень зла всех военных недоразумений, беспорядков и неудач заключается, в основном, именно в не соблюдении уставных требований, (включая и оперативное искусство). Не так важно, по незнанию ли или по халатности, или по неопытности военнослужащего. Мне кажется, что любое литературно-художественное произведение обречено также на неудачи – неполноценность и неживучесть, если его автор игнорирует устав. Этим самым они губят для себя хорошую перспективу – самое идейное губят...

На многих это несчастье неизбежно обрушивается потому, что они «свято» соблюдают правило, что устава избежать гораздо легче, чем попытаться понять его.

1. Бой и роль родов войск в войне.
2. Образ в характере или характер образа.
3. Что такое коллективизм, боевое содружество, братство.
4. Тактика или техника.

20.05.44 г.

ПИСЬМО БАУРДЖАНУ МОМЫШ-УЛЫ

Я не знаю, дойдет ли моё письмо до Вас, но очень хотелось бы, чтоб дошло.

Сегодня я закончила читать книгу – «Волоколамское шоссе». Сколько волнений, читая её, я пережила. И радость побед Ваших и тяжесть потерь. Всё воспринимала я так, словно бы вместе с Вами прожила те дни.

Болела душой – откроете ли Вы мучивший Вас секрет войны. Волновалась за судьбу командира, лишённого права остаться в батальоне. И очень была рада за него после того, как Вы его простили. Вернее – когда он честно заслужил это прощение.

Вместе с Вами я переживала за Ваш батальон, оказавшийся в окружении.

Не понимаю я военных действий, но в тот момент, когда Вы по прорубленной Вами просеке вышли к дороге, где увидели немцев, мне хотелось сказать Вам: «Идите же прямо на них, не медлите. Не теряйте время, пока не обнаружены».

И когда Вы так и сделали, я горда была мыслью, что я так же думала, как и Вы.

Я много читала о Суворове. Я люблю Суворова. Люблю как героя, Великого полководца, как честного русского солдата.

Я просто была в восторге от того, что Вы тоже любите Суворова. Любите солдата.

Ваше скромное, правдивое описание жизни и борьбы батальона – просто и глубоко доходит в душу. Ярко показан образ Панфилова с Вашей обрисовки, невольно начинаешь проникаться к нему любовью. Чувствуешь, что это действительно отец. Отец, всей душой любящий свою семью – Родину.

Я не умею настолько остро и точно выразить того чувства, какое осталось у меня от этой книги, этого чувства восхищения Вашей простотой и героизмом. Преклонения перед вами, герои-панфиловцы, дорогие товарищи. Мне хочется много сказать о каждом из Вас. Но, вот горе, у меня на это не хватило слов. А всего сказанного так мало. Но утешаю себя тем, что Вы, делами своими боевыми, много сказали за себя.

Разрешите пожелать Вам успехов и в дальнейшем. И примите мой сердечный привет с Вашей родины.

Я сейчас живу здесь в Алма-Ата. У нас на заводе в июле были панфиловцы. Жалко, что я книгу-то прочла после. А то бы я узнала точнее, куда послать Вам письмо.

Мне хотелось бы ещё и ещё больше читать о панфиловцах. Но уж больно этим бедна наша библиотека. Да и в городской не разживешься. Просто даже обидно. Вот видите, я уже и жалуясь Вам. И у меня такое ощущение – вот скажу, и Вы прикажете: «Выдать ей все необходимое».

– Есть! Выдать!

Это только я мечтаю.

А вообще-то, не только это, а я даже не надеюсь, что письмо это до Вас дойдет.

Куда вот я его пошлю. Не знаю. В дивизию, не знаю где она.

Истины из архива

Я

Баурджан-
Момыш-Улы.

Я не знаю даждет ли мое письмо до Вас, но очень хотелось бы чтобы дошло.

Вспомнив я закончила читать книгу — «Волоколамское шоссе» Сколько волнений, читая ее, я пережила. И радость побед наших и тяжесть потерь. Все воспринималась так, словно бы вместе с Вами переживала те дни.

Богиня души, — открываете ли Вы любящий Вас свет войны. Возмущаетесь за судьбу командирамшениного права оставаться в батальоне. И очень было рад за нас после, как Вы его украсили.

Вернее — когда он гибельно за — мучил это ощущение.

Вместе с Вами я переживала за Вами батальон оказавшийся в окружении.

Не понимая я военных действий. Но в тот момент, когда Вы поспешно уходили в сторону, где увидели немцев — мне хотелось сказать Вам — «Идите же прямо на них, не медлите». Не теряйте время пока не обнаружатся!»

И когда Вы так и свлеклись я горда была мыслью, что я так же думаю как и Вы.

Я много читала о Суворове. Я люблю Суворова. Люблю как Героя, Великого полководца, как гениального русского солдата.

Я просто была в восторге от того, что Вы тоже любите

1863

683

Где Вы, не знаю тоже. Пошлю в редакцию «Красной звезды». Они должны знать. И уж в конце письма их очень попрошу — переслать по Вашему адресу. Или, если это невозможно, вернуть мне по адресу: г. Алма-Ата, Главпочтамт, до востребования, Голубевой Ал. Ив.

P.S. Только я должна извиниться перед Вами и сказать, что, если я обращаюсь к Вам просто Баурджан Момыш-улы, то не думайте, что я не знаю ни звания Вашего, ни положения. Я обращаюсь так к Вам не потому, что не уважаю, нет. Наоборот, очень уважаю. И обращаюсь так к Вам, как к воину, защитнику нашему и нашей Родины, не отдавшему нас в рабство черной силе.

Б.Б. БИРИМЖАНОВА
 ведущий научный сотрудник
 научного центра Национального университета обороны,
 служащая ВС РК

ЕСЛИ ЛУЧ СОЛНЦА ОСЧАСТЛИВИТ МЕНЯ СВОИМ СИЯНИЕМ...

Образ неистового Баурджана Момышулы уже при жизни был окружен ореолом легенд и преданий, из которых вырисовывался то воинственный «казахский Чапаев», то любвеобильный Казанова. И то и другое имеет право на существование.

Я понимаю, вопрос этот деликатный, и будет уместно напомнить читателю, что автор понимает всю ответственность за высказанное, поэтому приводит исключительно архивные данные. Образцы эпистолярного жанра (письма были официально выкуплены из московского городского Архива фондом Научного центра им. Б. Момышулы, г. Тараз) выходят в печать, и именно данная книга является первой, где публикуются эти материалы.

Баурджан Момышулы, человек необыкновенной, таинственной судьбы, который опережал свое время как в интеллектуальном плане, так и в обыденной жизни. Об этом говорят все те же письма. Он всегда останется в нашей памяти как честный, справедливый человек независимых суждений, а его богатый духовный внутренний мир остается загадкой. Этот на вид суровый и жесткий человек в душе был легко раним, а хорошему и доброму делу мог радоваться, как дитя.

У него был взрывной характер. Но резкость в его поведении была не проявлением бестактности, грубости, а искренней, нормальной реакцией человека Чести и высокой Добропорядочности на фальшь, ложь...

Известно, что личность настоящего мужчины формирует прекрасный пол. И чем крупнее и масштабнее эта личность, тем больший сонм прекрасных представительниц лучшей половины человечества его окружает. И в этом нет ничего удивительного, так как у них всегда более развито природное чутье на все неординарное и незаурядное.

Если мы обратимся к эпистолярному жанру, то узнаем, что каждую из встреченных им женщин он любил искренне и по-особенному честно, возвышенно и страстно. Каждая из этих записей имеет прекрасное продолжение, полное целомудрия и страстного влечения, разочарования и любви. Возможно, что именно это дало беззаветную волю – выстоять и победить в боях под Москвой осенью и зимой 1941 года.

Война закончилась. Легендарного воина окружали друзья, поклонники и поклонницы. Война закалила его, сделала требовательным не только к себе, но и к другим. Его высокую планку выдерживали не все, в том числе и женщины.

В 1944 г. Баурджан Момышулы познакомился с Верой Павловной Строевой, которая в его жизни занимала особое место, как друг, надежный товарищ, духовный наставник. Сам Момышулы их взаимоотношения считал творческим сотрудничеством, питанием мозга во взаимном познании. Мы о Баурджане Момышулы знаем

Истины из архива

очень мало, но благодаря письмам есть возможность познакомиться более глубоко с тем, чем он жил, какие были интересы. Узнать его как личность, как человека. Обратимся к письмам.

28.02.45 г. Он пишет: «Мой дорогой, чистый, наиболее благороднейший друг! Чистота в наших взаимоотношениях на веки и вечно вошла и наполнила мое сердце. Боже мой! Я, без оскорбления чувств моих, потрясен до мозга костей. Сознание безоговорочного признания этой истины – чистоты Ваших дружеских отношений ко мне – все глубже и глубже утверждается в моем сознании и сердце. Да сохранит Вас создатель такой же доброй, благородной, цветуще счастливой на радость Ваших близких и Вашего воина».

«Мой друг! Особенно последних пятнадцать дней, пятнадцать ночей ни сна, ни покоя – бой, бой, бой. Покой и сон – это значит на время отключиться (выключиться – как правильно по-русски, не знаю) от жизни, пассив времени. Как Вам известно, мы воюем не на оперативном просторе, результаты наших действий измеряются не километрами, а количеством уничтоженных – мы догрызаем, сверлим, рвем – наш километр равен иногда сотням верст, мы, как говорят казахи, табан тірескеннен тартып ал. Тяжела солдатская жизнь, слов нет, тяжела, но путь сей славный не всякий выдерживает, сохранив честь и достоинство. Итак, короче говоря, я себя чувствую счастливым, потому что получил от Вас письмо, и при виде на конверте Ваших каракулей, чуть не лопнуло мое сердце. Я никогда так близко не чувствовал Вас, как сегодня, когда адъютант протянул мне конверт. Куда ты делась, усталость. Я на секунду был грешен тем, что забыл всех и вся, не видел ни своих, не видел немцев, чего до сих пор никак не могу простить себе. Опомнился, оглянулся, подытожил нашу работу, сел и закурил папиросу, с чувством счастливец, измученного тяжелыми боями и вниманием друга своего. На судьбу я жалоб не имею. Я доволен противником, который неплохо дерется, доволен Вами, моей дорогой. Я Вас люблю больше, чем своего коня, больше, чем самого стойкого противника... ».

8.03.45 г. «Только что писал приказ о 8 марта и награждении воинов-женщин нашего коллектива и приказал, несмотря ни на что, праздновать этот день, так что Ваш истинный магометанин не заслуживает того упрека, который проскользнул в строках Вашего письма. Мы испокон веков высоко держали великое слово «мать», теперь я так же начинаю понимать величие слова «жена». Я хотел, очень хотел, чтобы Вы побывали на фронте. У Вас есть глаза, уши, сердце и ум. Я не люблю слепых, глухих представителей от искусства. Они только переводят пленку. Я соскучился о своей магометанской подруге, которой когда-то писал:

Алтыным, айналайын, как чувствуешь себя, сияет ли роза счастья на твоём лице? Я далек от тебя, но не жалея ног коней моих, готов мчаться к тебе, чтобы принести в жертву душу свою...

На войне мне приходится постоянно проводить в жизнь со всей беспощадностью: «айтқаным айтқан, дегенім деген».

Единственное, чем я располагаю, и мое богатство – это безумие и дикость мысли и поступков моих, и, самое главное, Ваша дружба и искренность ко мне. Поэтому я Вам никогда не прощу не только уклон, даже колебания. Я не хочу, чтобы мой единственный человек делил с кем-либо хоть один удар сердца и движение души. Вы знаете, что одинокие всегда обидчивы, и я Вам сказал, что я дерево низкорослое... Я не теряю надежды, что Создателю будет угодна наша встреча – тогда расскажу Вам, что такое одиночество в настоящем смысле этого слова.

Я прохожу суровую школу в беспощадно жестокой обстановке нашей действительности. Я неумолим к себе и другим: мой руководящий принцип – справедливость. Да, чуть не забыл сообщить Вам мою радость и удовлетворение. Помните, я Вам рассказывал свою теорию о немом обстреле; подобно тому, я всю дорогу был занят разработкой еще одной дикой мысли по тактике в условиях этого театра, так называемую теорию бесконечности и сползания. Мне приятно, что это удалось на практике и нашло свое применение в широком масштабе, что меня заставляет сейчас работать – думать над теорией «передержания», «растяжки», по «раскатполинии», «рассредоточению усилий» и т.д., очень интересные и заманчивые мысли.

15.03.45 г. Сейчас 2 ч. 45 минут. Только что со стола убрали ужин и Вашу салфетку, тарелку, ложки, вилку и нож – я другими здешними приборами не пользуюсь... Я очень благодарен Вам, что Вы навязали мне их – три раза в сутки чувствую себя дома – сколько приятных воспоминаний вызывают эти домашние «ничтожества»...

Под рубрикой «ОНА».

Вера Павловна пишет: «Он был властен и не терпел женских капризов». Ей казалось, что он не любит ее, но это не имело большого значения. Главное было в том, что он сумел ей внушить чувство, заполнявшее ее целиком, все время, пока они были вместе... Так и в жизни, он поглощал ее своей личностью, своими делами, заботами, планами, мыслями. Для нее это было самое высокое человеческое слияние – редчайший дар истинного счастья. Он причинял ей много страданий: не стеснялся грубить при посторонних. Осушая слезы, она вспоминала сказанное как-то Достоевским, что ослепительные мгновения одра стоят тяжелой болезнью!

Через 10 лет разлуки вспоминает Вера Павловна.

«Правда, я еще та же самая? – она мысленно обратилась к нему. – Ведь ты не терпел ни пудры, ни помады, ни крашенных ногтей, ни проведенных бровей и ресниц... Ты требовал жертвы и мучения... Ты многое понимал, и ты, видимо, многое до сих пор не понимаешь... И многое вообще тебе не понять.

Помнишь, как ты мне однажды сказал: «все вы, женщины не знаете, что вам идет и что не идет, а просто легкомысленно обезьянничаете друг перед другом... Бог лучше тебя знает – он не обидел тебя в косметических глупостях...» и, рассердившись, выбросил косметику из моей сумки. С тех пор я не покупаю ни пудры, ни помады. Зато душусь всегда тонкими любимыми духами, и это еще больше напоминает тебя...

Ну что ж! Когда-то мы друг друга любили, и нам было хорошо. Для наших сердец эти времена пролетели безумно, как пролетает короткая, но громкая слава... Потом –

Истины из архива

война... Она тогда пережила проводы без надежды на встречи... Ну что ж, он показал себя славным воином. Я была горда им. Я тогда напевала «...о таких в народе песню сочиняют, о таких мечтают черные глаза...» Я вырезала все статьи и стихи, что печатались в газетах о нем, я знала их все почти наизусть, я прятала их от мамы... К моей радости, он был среди уцелевших. С потоком серых шинелей и он возвращался с фронта...

Как это на него похоже!

Он приехал... Ему кто-то сказал, что я ему изменила... он не унизился до объяснения, даже не зашел – уехал немедля, потом он не отвечал на мои письма... какая жестокость, какая несправедливая жестокость. Она упала на постель и зарыдала.

Снова перед нею встал он – высокий, стройный, строгий, горячий, упрямый... Его большие черные глаза, которые в минуты радости пленяли ее сердце обворожительной лаской, а в секунды гнева пронзали молнией ненависти и презрения... Она вспомнила, что он был человеком крайностей – середины он не знал... Ей очень и очень захотелось увидеть его, посмотреть на него, поговорить с ним и узнать, как он жил эти десять лет...

В это самое время раздался стук. Она повернула ключ и открыла дверь. Он снял фуражку и, вытянувшись по-военному, улыбаясь, сказал:

– Как видишь, по твоему зову я примчался, не жалея пота своих коней и стою у порога твоей юрты.

Она, еще не придя в себя, протягивая руки, произнесла:

– Я рада видеть Вас, я ждала тебя... – Она рассматривала его, когда он, встав и прохаживаясь широкими шагами, продолжал говорить о самом себе, о своих волнениях, неудачах, досадных ошибках, о суровом военном быте, о бесконечных скитаниях, о времени, о среде... он спорил с самим собой, спорил с другими... Как раньше, она почувствовала, что ему тесно в этой комнате, ему тесно в этом мире. Ей, как и прежде, захотелось раздвинуть стены комнаты, раздвинуть стены мира...

Вот перед нею знакомая фигура, когда-то очень близкое лицо, лицо по-прежнему худощавое, то строгое, то доброе – динамичное, знакомые жесты...

Она слушала его, как и прежде, с большим вниманием, вместе с ним переживая все, о чем он рассказывал ей... Она смотрела на него с глубокой нежностью и грустью.. Она ласкала глазами его морщины вокруг глаз и появившуюся седину в его густых, упрямых волосах.. Она думала: «Он все так же нервный, горячий, упрямый, прямой, честный, потому и неуживчивый. Он недоволен ни собой, ни людьми. Он очень-очень одинок. Человек сам творец своего счастья или несчастья. Он не сумел построить себе ни дома, ни семьи... Он скиталец. Сам создал себе какую-то судьбу, понятную лишь ему и мне, но не другим... Кто же из нас в этом виноват? Почему другие люди, не зная его, сгущают краски: безмерно хвалят его, без вины терзают его? Кто когда увидит его в собственной краске? Кто же виноват в этом?..

Машина не спеша, плавно катила по Садовому кольцу. Мелькали дома, мелькали огни. Она пела, пела его любимые песни, как и раньше. В ее душе не было давней

обида и тех десяти лет разлуки, что проползли для нее так мучительно медленно. Она опять была с ним рядом, с самым дорогим и близким человеком, которого так хорошо понимала, которому все прощала...

Начало рассветать. Шофер спросил:

– Куда же все-таки вас везти, товарищи?

– «Grand Hotel», – коротко ответил он.

Они долго молчали, а потом в тишине раздался его тихий голос:

– Я дерево низкорослое, расту я в низине одиноко.

Я чудесен тем, что на мне нет привлекательных ягод.

Я до последней щепки твой!

О, любимая, прими меня как суровый дар судьбы твоей!

Она вспомнила эту первую его записку к ней и огромная волна любви, нежности захлестнула ее. Вот это самое большое чувство в ее жизни, неповторимо незабываемое... Ей хотелось прижаться к нему или заплакать, положив голову ему на грудь. Ей хотелось, чтобы он ее поцеловал... Чтобы в этом поцелуе была благодарность, раскаяние, любовь!..

Самая большая радость, счастье, боль и нежность в ее жизни были связаны вот с этим человеком, которого она сейчас готова была молить о ласке, об одном поцелуе. Он сидел рядом, совсем близко, но неподвижно...

– Ну, что ж, товарищи, – сказал шофер, тормозя машину, – вот и приехали...

Она больно закусил губы. Неужели приехали?!

Он взял ее под руку. У самого парадного он пожал ей руку, поклонился, пожелав ей счастливого пути, и... ушел. Опять ушел!

Слезы текли по ее щекам: ей казалось, что она снова теряет его. Поднимаясь по лестнице, она повторяла: «Я дерево низкорослое, расту я в низине одиноко... расту в низине одиноко!»

Расплетая свои косы, она подумала: «Он должен был так поступить. В этом весь он. Если бы он был иным, так, наверное, я его не любила бы». Тут же нахлынувшая обида начала душить ее:

– Даже не поцеловал! – вырвалось у нее из груди, и она с рыданием бросилась в постель...»

Во взаимоотношениях людей мы видим их принципы, нравственные нормы поведения, то, что составляет глубинный стержень человека. Герои живут среди нас, со своими переживаниями, мечтами, взлетами и всегда интересны своим жизненным опытом, но ясно одно, они умели любить и ценить человека, что является для нас уроком.

Использованы материалы Московского
городского архива
(из фонда Научного центра
им. Б. Момышулы, г. Тараз).

СТАТЬЯ В «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ»

от 18 февраля 1970 года

1. Я писатель-документалист. Вымышленных имен и вымышленных событий в моих произведениях нет.

Многие из моих товарищей погибли в боях, многие получили увечья, стали инвалидами войны. Они отдали свою молодость и здоровье Родине. Это истинные герои, поднявшиеся в трудный час на защиту Отечества. И я считаю своим гражданским долгом рассказать об их подвигах.

В годы войны я командовал батальоном, полком и дивизией. В наших боевых рядах сражались тысячи солдат и офицеров. Всех запомнить, конечно, невозможно. Но знаю, что все, кто остался в живых, выполнив свой воинский долг на полях сражений, ныне честно трудятся на мирном поприще. Объезжая республику, я встречаю некоторых из них. Вижу знакомые лица и, хотя не всегда, могу вспомнить имя и фамилию, узнаю прежних бойцов, закаленных, испытанных, стойких.

Главная тема моих книг – уже написанных и тех, над которыми я работаю, – процесс становления воинского характера. Я хочу рассказать подрастающему поколению о том, что сам видел, сам пережил вместе со своими сверстниками. Без ложной скромности хочу показать молодежи, что наше поколение было славным поколением. Оно многое пережило – как на трудовом, так и на боевом фронтах. Свой долг перед Родиной выполнило с честью. Хочу сказать молодым: «Будьте достойны славы ваших отцов, умножайте, продолжайте трудовые и боевые традиции нашего народа».

В Казахстане в годы войны было сформировано немало дивизий. Часть их удостоена гвардейского звания. 316-я стрелковая дивизия под командованием генерала И.В. Панфилова особо отличилась в самый критический период сражения под Москвой. В составе Панфиловской дивизии воевали представители 36 национальностей. В ожесточенных боях мы показали, что такое сплоченность, единство братских народов.

Подрастающее поколение должно воспринять военно-патриотические традиции старших поколений. Для этого мы, писатели – участники войны, и пишем свои книги. Казахская литература в общий фонд военно-художественной литературы внесла свой весомый вклад. Восемь романов, десять повестей, пятнадцать сборников рассказов, шесть пьес, восемь сценариев кинофильмов и шесть – телефильмов написали наши литераторы. С языков народов страны на казахский переведено более сорока книг на военно-патриотическую тему. Казахская писательская организация принимает активное участие в военно-шефской работе. Грамоты ЦК профсоюза работников культуры – тому свидетельство. Совсем недавно группа писателей Казахстана была награждена значками «Отличник культурного шефства над Вооруженными Силами СССР».

КОПИЯ
Российский государственный архив
литературных и рукописных документов

Фонд 692, опись 7

Баурджан МОМЫШ-УЛЫ

1. Я писатель-документалист. Вымышленных имен и вымышленных событий в моих произведениях нет.

Многие из моих товарищей погибли в боях, многие получили увечья, стали инвалидами войны. Они отдали свою молодость и здоровье Родине. Это истинные герои, поднявшиеся в трудный час на защиту Отечества. И я считаю своим гражданским долгом рассказать об их подвигах.

В годы войны я командовал батальоном, полком в дивизии. В наших боевых рядах сражались тысячи солдат и офицеров. Всех запомнить, конечно, невозможно. Но знаю, что все, кто остался в живых, выполнив свой воинский долг на полях сражений, ныне честно трудятся на мирном поприще. Обезьяная республика, я встречаю некоторых из них. Вижу знакомые лица и, хотя не всегда могу вспомнить имя и фамилию, узнаю прежних бойцов, закаленных, испытанных, стойких.

Главная тема моих книг — уже написанных и тех, над которыми я работаю, — процесс становления воина, формирования воинского характера. Я хочу рассказать подрастающему поколению о том, что сам видел, сам пережил вместе со своими сверстниками. Без ложной скромности хочу показать молодежи, что наше поколение было славным поколением. Оно многое пережило — как на трудовом, так и на боевом фронтах. Свой долг перед Родиной выполнило с честью. Хочу сказать молодым: «Будьте достойны славы ваших отцов, умножайте, продолжайте трудовые и боевые традиции нашего народа».

В Казахстане в годы войны было сформировано немало дивизий. Часть их удостоена гвардейского звания. 316-я стрелковая дивизия

под командованием генерала И. В. Панфилова особо отличилась в самый критический период сражения под Москвой. В составе панфиловской дивизии воевали представители 36 национальностей. В ожесточеннейших боях мы показали, что такое сплоченность, единство братских народов.

Подрастающее поколение должно воспринять военно-патриотические традиции старших поколений. Для этого мы, писатели — участники войны, пишем свои книги. Казахская литература в общий фонд военно-художественной литературы внесла свой весомый вклад. Восемь романов, десять повестей, пятнадцать сборников рассказов, шесть пьес, восемь сценариев кинофильмов и шесть — телефильмов написали наши литераторы. С языков народов страны на казахский переведено более сорока книг на военно-патриотическую тему. Казахская писательская организация принимает активное участие в военно-шефской работе. Грамоты ЦК профсоюза работников культуры — тому свидетельство. Совсем недавно группа писателей Казахстана была награждена знаками «Отличник культурного шефства над Вооруженными Силами СССР».

2. На вопрос о моих творческих планах отвечаю так: я полковник в отставке, но не гражданин в отставке. Несмотря на свой возраст, на состояние здоровья, я, как и прежде, считаю своим священным долгом до последнего дыхания верно служить Советскому Союзу. Это и творческая моя программа на будущее. Уверен, что так думаю не только я, но и мои боевые друзья, ветераны войны.

АЛМА-АТА

2. На вопрос о моих творческих планах отвечаю так: я полковник в отставке, но не гражданин в отставке. Несмотря на свой возраст, на состояние здоровья, я, как и прежде, считаю своим священным долгом до последнего дыхания верно служить Советскому Союзу. Это и творческая моя программа на будущее. Уверен, что так думаю не только я, но и мои боевые друзья, ветераны войны.

18 февр. 1970.
"Дух. кас." w 8

Четвертая часть
Защитник Отечества

Төртінші бөлім
Ел қорғаған қаһарман

Мекемтас Мырзахметұлы
«Бауыржантану» ғылыми-зерттеу
орталығының бас ғылыми қызметкері,
филология ғылымының докторы,
профессор

ОҚЫРМАНҒА АРНАУ

Екінші дүниежүзілік соғыста қайталанбас ерлігімен атағы бүкіл әлем халықтарына аңыз болып тараған гвардия полковнигі, Совет Одағының Батыры, даңқты жазушы Бауыржан Момышұлының қайталанбас сырға толы ғажайып өмір жолы мен көркем шығамалары жөнінде сан тарапты пікірлер айтылып, ол жайлы естеліктер көзінің тірісінде- ақ молынан жазылуы аса сирек ұшырайтын әдеби құбылыс.

Б. Момышұлының өзі жазған естеліктері мен күнделіктері оның өмір жолының айнасына айналып отыр. Атақты ақын, жазушы, ғалым, қоғам қайраткерімен жазысқан хаттары сол қоғамның болмысын шындық көзімен ашық та батыл сынауы-оқырман санасына рухани азық ретінде құйылып, жан азығына айналуымен де ерекшеленеді.

Б. Момышұлы қаламынан туған бірақ тоталитарлық жүйенің талабына сай келмеген ой-пікірлері, танымдары 18 жастағы жігіт шағынан-ақ қағаз бетіне түсіп, үй архивына айналған қолжазбалары 2010 жылы өтетін 100 жылдық мерей тойына байланысты шығармалар жинағы ретінде, 30 томдығы басылым көрмек.

Атақты ұлт батыры, жазушы, даңқты қолбасшы Б. Момышұлына арнап жазылған орыс –қазақ тілінде роман, повесть, поэма, арнау өлеңдердің өзі 12 томдықты құрап отыр. Бұл туған халқының ұлттық мақтанышына айналған шексіз махаббатының бір көрінісі болып табылады.

Б. Момышұлының қан майданда тізе қосып, ата жауымен айқасқан қанды көйлек достары мен ақын – жазушы, ғалымдар және өнер адамдарының естеліктері оның көзінің тірісінде-ақ жарияланып кеңінен таралып, насихатталынып жатты. Мысалы: А. Бектің «Волокаламск тас жолы» повесі мен қазақстан халық жазушысы Ә. Нұршайықовтың «Ақиқат пен аңыз» романы сан рет қайта басылып, әлем оқырманының айызын әліге дейін қандырып келеді. Немесе, туған келіні Зейнеп Ахметованың «Шуақты күндер» естелігі – қазақ оқырманының сүйікті кітабына айналып, қайталанбас рухани құбылысқа бергісіз туынды ретінде оқылуда.

Мәскеу қаласынан шығып, қалың оқырман қолына жетіп отырған «Легендарный батыр» деп аталатын көлемді кітапқа Б. Момышұлының бұрын жарық көрмеген өз естеліктері мен күнделіктері, Мәскеу архивтерінде сақталған соғыс жылдарындағы архив деректері мен батыр өмірден озған соң жазылған естеліктер іріктеліп, алғаш рет оқырман назарына ұсынылып отыр. Естеліктердің басым жағы Б. Момышұлының жан беріп, жан алысқан майдандағы ерлігімен соғыстан кейінгі жылдардағы жазушылық өнер жолы әр қырынан алынып, нақтылы деректі мағлұматтар негізінде оқырманын жаңаша тың ой-пікір қазыналарымен рухтандырып отырады. Бұл естеліктерді жазуға Момышұлының қандыкөйлек қарулас достары мен бейбіт өмірде батырмен

Защитник Отечества

қоян-қолтық араласқан өнер қайраткерлері, әскери шәкірттері, қаламдас достары мен туыстары қызу араласып, көптеген соны да тың деректі материалдар арқылы өріліп оқырманын соны танымдарға бөлеп отырады. Шын мәніндегі жан-жақты терең қамтылған әскери қолбасшының сұрапыл соғыс жылдарындағы жауынгерлік өмір жолы мен батырдың өз аузынан жазылып алынған күнделік, естеліктері қазірдің өзінде өндіре жазылып келеді. Бұл ізгілікті әрекетке жалғасқан шалқар дария айдынына құйылып жатқан мың бұлақты арнадан асып тасыған өзен ағысындай Баукеңмен қоғамдық өмірде түрлі жағдайда қарым-қатынасқа түскен сан қилы тағдыр иелерінің жүрек жарды естеліктері қосылып, уақыт өткен сайын еселей молығып келе жатқан қайталанбас тарихи оқиғаға толы адамдардың жан сыры ретінде сыр шертетін естеліктері қамтылған.

Қалың оқырман қауым, Б. Момышұлының бүгінге дейін жарияланбаған өз естеліктері мен күнделіктерін және ол туралы жазылған қалам қайраткерлерінің естеліктерін де алғаш рет сіздердің назарларыңызға ұсынуды «Бауыржантану» ғылыми-зерттеу орталығы, Мәскеудегі «Ескерткіш» қоры өзіне парыз санап, оқырман қауым ықыласпен қабылдап, жаңа ой, пікір танымына бөленеді деп үміттенеді.

1927

1928

1929

1930

1931

1932

1933

1934

1935

1936

1937

1938

1939

1940

1941

1942

1943

1944

1945

1946

МАҚАЛ-МӘТЕЛДЕР

1. Жауды өлтірсең – өлімнен құтылдың.
Өлтірмесең – өзің тұтылдың.
2. Біз басқыншы емеспіз, есінде болсын.
3. Ойраны шыққан елден олжа алма.
4. Дұшпаның қашса, сен жеңсең, оның әйел-қызына көз салма.
5. Ел үшін аянба, ерлігіңе сын.
Жұрт үшін аянба – жігіттігіңе сын.
6. Үміт өрге тартады, үмітсіздік көрге тартады.
7. Таяқтан тайсалмасаң, семсерден сескенбесең – жеңдім дей бер.
8. Намыс ерлікке жеткізеді,
Ерлік елдікке жеткізеді.

*(Бұл мақал-мәтелдерді Баукеңнің өз аузынан жазып алып, сақтаған, оқырманға жеткізген –
Ұлы Отан соғысының ардагері, панфиловшы, Бауыржан Момышұлының
19-полкінің барлаушысы Сейітхан Тұрсынқұлов).*

* * *

9. Отан үшін отқа түс – күймейсің.
10. Ел дегенде езіліп, жұрт дегенде жұмылып қызмет ет.
11. Ана тілін білмеген –
Ана сүтін татпаған.
12. Ана үшін аянба – ант ұрады,
Бала үшін аянба – бетің күйеді.
Ел үшін аянба – ерлігіңе сын,
Жұрт үшін аянба – жігіттігіңе сын.

Защитник Отечества

13. Жүрегі тазаның өрісі кең.

14. Бақаның бағынан,
Сұңқардың соры артық.

15. Именіп жүріп көрген игіліктен
Қарсыласып жүріп көрген қорлық артық.

16. Қой бастаған арыстан тобынан
Арыстан бастаған қой тобы артық.

17. Жағадан алған дұшпаннан
Етекпен алған ит қауіпті.

18. Сабырлының алдында дұшпан сасады,
Сабырсыздан береке қашады.

19. Жаманға бақыт қонса, қонғанын сезбей, ұшқанын бір-ақ біледі.

20. Тәртіп тән үшін, ынтымақ жан үшін керек.

21. Тәртіпке бас иген құл болмайды, тәртіпсіз ел болмайды.

22. Маған деген атақты
Міндет етсең өзің ал,
Әділдікке бас ұрып,
У берсең де маған бал.

23. Мақтанбағын мас болып
Абырой алсаң табысқа.
Қоян болма тығылып,
Жау көргенде қамысқа.
Арыстансынба ақырып,
Данышпансыма ақылдан,
Елемей көзге жалпыны,
Айрылып қалма жалпыдан.

24. Жанымда жатыр деп ойлап,
Қатынның тілін алмағын.
Бауырым екен деп ойлап,
Жақынның тілін алмағын.

Әділдікке құл болып,
 Кең толғанып, көп ойлап,
 Ақылыңмен билік ет
 Түсініп, сезіп тармағын.

25. Ерді ел үшін,
 Жігітті жұрт үшін мақта.

27. Ежелден ер тілегі – ел тілегі,
 Қол жайып шын ниетпен берген бата –
 Шаршаған жауынгерге бел тірегі.

БАУКЕҢНІҢ БАТАЛАРЫ

– Илһаһи құдая!

Тілегімізді қабыл ет, иманымызды кәміл ет,
 Дозақтың отынан сақта, қанғыған оқтан сақта, парақор соттан сақта,
 Кірлі сумен жуыстан сақта, ынтымақсыз туыстан сақта,
 Қара жүрек батылдан сақта, көк долы қатыннан сақта,
 Адамды қадірлемес есерден сақта, наңды басқан кесірден сақта,
 Кеудесін керген келіннен сақта, мезгілсіз келген өлімнен сақта,
 Татымсыз тұзыңнан сақта, ұятсыз қызыңнан сақта,
 Қайырымсыз жекжаттан сақта, жалқау бала - тексізден сақта,
 Түнере атқан таңнан сақта, жаңбырсыз шаңнан сақта,
 Жастарында әдеп жоқ, өлгеніне батуа жоқ, құр айғай, шат-шәлекей даңнан сақта!
 Аллаһуәкбар!

* * *

– Я, Алла тағалам !

Өмір берсең жайлы ғып бергін,
 Дәулет берсең сайлы ғып бергін,
 Еңбегіміз өністі болсын, қамбамыз астыққа толсын,
 Көсегеміз көгере түсіп, мыңғырған мал өріске толсын,
 Әйел берсең әдепті, жанға тыныш, жайлы ғып бергін.
 Келін берсең келісті ғып бер, ағаш берсең жемісті ғып бер,
 Тұлпар берсең шабысты ғып бер...
 Жомарт болсаң осы айтқандарымның барлығын үйіп-төгіп бір-ақ бер!
 Аллаһуәкбар!

Сәбит МҰҚАНОВ,
академик-жазушы,
Мемлекеттік сыйлықтың лауреаты

БАТЫР ІНІМ БАУЫРЖАНҒА

«Советтің саналы ер еркегі» деп,
«Жігіттің қыз қызығар көркемі» деп,
Бауыржан Момышұлы жер жүзінде
Тарапты барлық елге ертегі боп.

Барсам да қай құрылық, қай аралға,
Заманнан хабары аз бар адамда,
Білмейтін Бауыржанды жан көргем жоқ,
Мен бұған қуанам да, таңданам да!

Айтайын ең алдымен қуанышты:
Қазақта ұл туғанмен талай күшті,
Жер жүзін тамсандырып Бауыржандай
Есімі қайсысының хатқа түсті?!

Ауылдың қалды көбі аумағында...
Бауыржан «катюшадай» лаулады да,
Өртесті фашистерді, сондықтан да
Таниды досы түгіл жау жағы да.

Батыста, жүрген ғылым тереңінде,
Ақылын, өжеттігін, өнерін де,
Жыр етіп Бауыржанның батырлығын
Таниды, бір-ақ шындық көлемінде.

Ежелден ертегішіл Шығыс-кәрі,
Шындықтан шыға шырқап кетеді әрі;
Көреді қаһармандай тау көтерген,
Немесе жер тітіреткен Әзірет Әлі.

Білсе егер, екенімді менің қазақ,
«Сендерде ұл бар ғой, – деп, – сондай ғажап»,
Шуласып қамағанда қалың адам,
Жарылмай қуаныштан тұрам аз-ақ.

Айтайын таңданудың енді жайын,
Ұшқанын атақ-даңқы көрген сайын,
Келтірем көз алдыма Бауыржанды,
Кәдімгі жақсы адамды қарапайым.

Білемін бұл жігітті ерте күннен,
Қаттыны нелер керім, ерте білген.
Шықты бұл қылыш болып майрылмайтын
Советтік Армияның мартенінен.

Шықты да, жалаң қағып тұрды сапқа...
Отандық ұлы соғыс қызған шақта.
Ақылы, қимылымен, қайратымен
Өзіне ие болды берген атқа.

Сол үшін Отаны мен халқы сүйіп,
Даңқына барлық әлем басын иіп.
Тарихқа кірді бұл да дәл Зоядай,
Немесе секілденіп Мересьев.

Фашисті бұл батырлар қырып-жойды,
Азамат болды істері абыройлы.
Құрметтеп сондықтан да Бауыржанға
Жатырмыз алпыс жаста жасап тойды.

Шашуым осы-ақ болды тойға дайын,
Ел сүйген ерді мен де аймалайын!
Бауыржан, ата-анаңа алғыс айтып,
Советтен сені өсірген айналайын!

(1960)

БАУЫРЖАН

Бір дауыл сапырды кеп өрт теңізін,
Теңселтіп темір топан дүние жүзін.
Бетіне туған жердің өшпестей ғып,
Ер жазды өз қанымен жүрген ізін.

Нақ сол кез естідім мен ер дүбірін,
Атағы атын алып келді бұрын.
Үстінде туған елдің тұрды толқып,
«Бауыржан Момышұлы» деген бір үн!

Ақынның ақ сұңқардай жүрегі бар,
Алқындым бір көруге болып құмар.
Көктемде күркіреген күн дауысын,
Жер естіп, желкілдеген гүл ынтызар.

Қан майдан қаталатып шөлдегенде,
Кез болдым жалтылдаған екі көлге.
Көл емес, көздері ғой Бауыржанның
Елестеп мың көрінер бір көргенге.

Бойы бар бізден гөрі биігірек,
Тіп-тік боп абыройын тұрған тіреп.
Топ жара көрінсін деп екі иығы,
Туған ел жаратыпты оны ірірек.

Ойы бар бірде дауыл, бірде жалын,
Теңіздей тебіrentкен терең жанын.
Алғандай бойға жиып бар қуатын,
Кешегі өзі кешкен уақиғаның.

Кейде ол көк семсерлі генералдай,
Кейде ол күй көңілді ақын жандай.
Өмірдің ол шеті мен бұл шетіне,
Өресі өрен ойдың тартылғандай.

Жан ұқпас жұмбақ емес бір жасырын,
Айтады ол тіке қарап жұртқа сырын.

Жаратпас жамап-жасқап жұрт ескісін,
Соғады өз дүкені сөз асылын.

Ойы бар қиялының қанатында,
Адаспас апарып бір салсаң тыңға.
Бір дәурен ойнап-күліп отырғаны,
Жалтылдап екі көзі қарсы алдында.

«Батырым-Бауыржаным,» – дейді халқым,
Алып ұш, ақын жүрек, ердің даңқын.
Келешек келе жатыр көремін деп,
Тік басып туған жерде жүрген қалпын.

Ағамыз атағына асқар тау тең,
Жау келсе, жаубүйректтей етер жәукем.
Емендей ерегісер сұрапылмен,
Басымен бұлтты жайпап біздің Баукең!

(1948)

Сүйінбай ЕРАЛИЕВ,
Қырғызстанның халық ақыны,
мемлекеттік сыйлықтың лауреаты

АҚБОЗ АТ МІНГЕН КОМАНДИР

(Қазақ халқының қаһарман ұлы Бауыржан Момышұлына)

Княжин Клин селосы –
Жайлаудан жеткен төріміз.
Майданнан жырақ жер осы,
Бұл – бірақ күзет шебіміз!

Осында тоқсан жол торап,
Ұмытпа жалғыз міндетті:
«Мандатын тексер, тұр қарап,
Кім келді, бұдан кім кетті?»

Ойқастап, міне, ақбоз ат
Жарқ етіп алдан көрінді.
Аспаннан әлде нақ сол сәт
Ақша бұлт оқыс бөлінді.

Құйғытып келед адырдан.
Құрбыма айттым: «Бауыржан!
Тоқтатам, құдай болса да,
Уставқа бәрі бағынған!»

«Сол Момышұлы!» – есіттім
Аңыздай атын көптенгі:
«Полкпен жолын кесіпті,
Мәскеуге шапқан көп қолдың.»

Болсам да қанық даңқына,
Көрмеп ем өзін өмірі.
Ойнайды желмен шалқыма
Бурканың екі өңірі

Келеді зулап командир,
Майданда сондай ер екен!
Көрінді қазақ маған бұл,
Тоқтатсам, ол не дер екен?

Белгімді сезе қойды ма,
Тізгінін тежед атының .
Әлде не түсіп ойына,
Аяңға көшті ақырын.

Кексе ме десем, жас екен,
Жігіттің дәйі – бас екен!
Жалынан сипап боз аттың,
Аяулы тілде сөз қатты:
– «Құлыны болып жүрмегін
Қырғыздың әлде қазақтың?»

«Қай тілде айтар сөз кебін?» –
Қадала маған қарады.
О, неткен өткір көздері,
Өңменнен өтіп барады!

«Қырғызбын!», – дедім қымсынып,
(Тоқтатқан үшін қаймыға).
– «Бауырымсың, ортақ тіршілік!
Барғанмын талай айлыңа!..

Татитын ұл бол еліңе» –
Қолымды алды иіліп.
Атылды ақбоз еліре,
Айқасты тілеп, сүйініп.

Еріне жағар әрбір ат
Қасиетімен әр қандай.
Ал, мына ақбоз арғымақ
Ақ сүтке малып алғандай.

Арқырар ақбоз ұрыста,
Айқастың қызып дуынан.
Жарқылдар қиғаш қылыш та,
Сыңғырай шығып қынынан...

«Жақсы аттың көркі ерінен» –
Жарастық сондай бар мұнда.
Кинодан талай көріп ем,
Ер Чапай тұрды алдымда!

БАУКЕҢНЕН ТАЯҚ ЖЕГЕН СОЛДАТ

Алдымда елудің жуан ішіндегі мөлдір қара бұйра шашты, алып денелі адам отыр. Лауазымы жоғары қызметтерде ұзақ жылдар істегендіктен бе, ағынан жарылып, ашық сөйлемейді. Кісіге қарағанның өзінде ресми қарап, байыпты сөйлейді.

Біраз жылдан бері жақын жүргеніммен өмірбаянын жақсы білмейтін едім. Жауапты партия қызметтерінде жүрген соң, «соғысқа қатысты» деген де ойымда жоқ болатын. Ол да соғыс жайында сөз қозғамайтын.

Оның айбынды жүзін, алып тұлғасына қарап, «Соғысқа қатысса, ерен ерлік көрсетер азамат екен» деп іштей риза болып отырмын. Жасым үлкен болса да, өзім ондай қызметтерде еш уақытта істемеген соң, оның қазіргі істеп жүрген үлкен қызметіне қарап «Сіз» деп төменнен қарап сөйлеймін. Ол болса, маған әрқашан жоғарыдан қарап отыратындай сезінемін.

Бұл адам КПСС Орталық Комитетінің мүшесі, СССР Жоғарғы Советінің депутаты, Жамбыл облыстық партия комитетінің бірінші хатшысы Хасан Шаяхметұлы Бектұрғанов еді. Бұл адам қанша уақыт басшы қызметте орыс тілінде жұмыс істеп келе жатса да екі тілде бірдей таза сөйлейтініне риза болдым.

Маған түсін жылытып, біраз қарап отырды да:

– Қаске, Баукеңмен қалай, жақын жүресіз бе? – деді сынай қарап.

– Баукеңмен жақын жүру қайда, әйтеуір бір қалада тұрып, бір Одақта мүше болған соң кездесіп жүреміз. Оған «ассалаумағалейкум!», деп сәлем беремін. Ол «здравия желаю» деп қысқа жауап береді.

– Ендеше, ол кісі туралы бір әңгіме айтып берейін. Осы жуырда кабинетімде жалғыз отыр едім. Алдында “мен баяндамаға дайындалып жатырмын”, деп көмекшіме ескерткем. Ондағым қабылдауыма кісілер келмесін дегенім. Біреу тығыз-таяң жұмыспен келсе, ескертерсің деп те едім. Бір кезде:

– Встать! – деген дауыс саңқ ете түсті. Қарасам, Баукең. Орнымнан атып тұрып қарсы жүрдім де, «ассалаумағалейкум», – деп сәлем бердім. Сәлеміме жауап берудің орнына созған қолымды да алмай:

– Садись! – деді. Кейін шегініп ол кісіге орын ұсындым да, ол отырғаннан кейін қарсысына отырдым.

– Саған келген шаруам, – деп бастады да, ең алдымен өзімді жерден алып, жерге салды. Мен үндемей бақтым. Шаруасы өзі туған аудан қамы екен, қолма-қол ісін тындырып бердім. Бірақ келгенде де, кетерінде де орысша боқтап кетті. Мен сондай сөздерді аузыма алып көргенім жоқ, айтпай-ақ қояйын, – деп жымыып күлді.

– Ойбай-ау, өзіңіз СОКП Орталық Комитетінің мүшесі, ССРО Жоғарғы Советінің депутатысыз, бір облыстың бірінші басшысысыз, ол болса қазір қабылдауыңызға келген жай адам, былай тәртіпке шақырмайсыз ба? – дедім, “орысша боқтап кетті” деген соң. Ол добалдай қолын сермеп:

– Боқтаса, боқтай берсін, ол мені бір кезде сабаған да. Баукеңе қарсыласқан обал болады, қазақпыз ғой, жасы үлкен, боқтай берсін! – деді.

– Қалай сабап жүр! Онымен бірге мектепте оқып па едіңіз?

– Жоқ. Соғыста Баукеңнің полкінде болғанмын. “Е, бұл кісі соғыста да болған екен ғой” деп сонда ғана ойладым.

– Иә, не үшін сабады?

– Өзімізден де болды ғой! – деп бір ауыр жағдай есіне түскендей жүзіне өкініштің таңбасы түсіп мұңайып кетті де, төмен қарап ауыр күрсінді. Мен оны аяп кеттім. Бекер сұрап, сөз қозғап, жарасының аузын аштым-ау деп өзіме-өзім іштей ұрсып отырмын. Ол әлден уақытта:

– Оны айтайын. Баукең полкінде барлаушылар взводының саяси жетекшісі едім. Взвод командирі бір көсіз батыр аға лейтенант орыс жігіті еді. Бір күні Баукең біздің взводты сапқа тұрғызып, сәт сапар тіледі. Тапсырманы взвод командиріне жеке айтып түсіндірген болуы керек. Біз тапсырма орындауға шықтық. Біз “тіл” алып келуіміз керек екен. Түн қараңғы, бір-біріміздің соңымыздан тізіліп бара жатырмыз. Алда взвод командирі. Әрдәйім өзі бастап дағдыланған адам болатын. Әлі екі шептің арасындағы бейтарап жерден өткеніміз жоқ қой деп келе жатқанбыз. Бір кезде қарасақ, бастап бара жатқан командиріміз жоқ. Ары іздеп, бері іздеп таба алмадық. Енді не істерімізді білмей қалдық. Ақыры кері қайттық. Полк командирінің өзіне де, қол астындағыларға да қатал екенін білеміз. Полк штабына келдік. Ойымыз барлығымыз бірге тұрып жауап берсек дейміз. Оған болмады, жігіттер: “Командирден кейінгі басшы сізсіз” – деп маған бар десті. Үсті-басымды түзеп штабқа кірсем, ол кісі өте ашулы, бөлмеде арлы-берлі жүр екен. Тік тұра қалып болған оқиғаны айтып салдым. Оның өңі бұзылып, жаныма жақын келді де жақтан тартып жіберді. Қолы мұндай қатты болар ма, құлағым шың ете түсті.

– Соғыста командирлеріңнен айрылғаның үшін ату керек сендерді! Вон отсюда! - деп ақырды. Өзім әзер тұрған адам, кетпесем тағы пәле болар деп сыртқа атып шықтым. Түрім онша болмаса керек, мені жігіттер қоршап алып сұрады. Мен не болғанын айттым. Барлығы қорқып кетті. Сапқа тізіліп төмен қарап тұрмыз. Не заматта Баукең өзі келіп, барлығымызды оқты көзімен жағалай атып шықты да:

– Командирлерің қайда? – деп ақырды. Бізде үн жоқ. – Сендер тапсырма алып шыққанда жау да сондай тапсырмамен шыққан ғой. Сендер ауыздарыңды ашып аңқиып бара жатқанда жау барлаушылары сендерден бұрын қимылдап, командирлеріңді ұрлап кеткен. Сендердің барлықтарыңды соттау керек. Қазір қайта кетіңдер, командирлеріңді өлі болса өлідей, тірі болса тірідей тауып алып келіңдер, онсыз қайта оралмаңдар, – деп бұрылып кетіп қалды. Біз тағы түн жамылып майдан шебіне беттедік. Түн қараңғылығында жау шебінен өтіп, қалың орман ішімен біраз жер жүргеннен кейін, бір әйелге кездестік. Ол осы орман шетіндегі үлкен село тұрғыны екен. Селода немістердің үлкен әскери бөлімінің штабы бар екенін, олардың қолына бір советтің офицері түскенін, оны мықты күзет қоршап, басқа жаққа алып кеткенін хабарлады. Енді барлығы түсінікті болды. Командирімізді іздеу, оны табу – үмітіміз үзілді. Ақылдасып тым құрығанда есе қайтарып біз де “тіл” қолға түсіруге бел байладық. Сол күні жол

Защитник Отечества

торып жүріп, мотоциклімен келе жатқан екі немісті қолға түсірдік. Бірі байланысшы офицер болып шықты. Екеуін алып түн жамылып қайттық. Тұтқындарды алып жүретіндерді алға жіберіп, өзім бір топ солдаттармен артта, біздерге қуғыншылар шықса, тойтарыс беруге әзір келе жатқанбыз. Арамызда Елемес деген жігіт бар еді. Өзі ақтөбелік болатын, қазір де бар, туған жерінде тұрады. Сол Елемес артта келе жатқан. Өзі аласа бойлы, кішкентай-ақ жігіт болатын. Артыма қарасам – жоқ. Алдағы солдаттарға хабарлап, жаныма бір солдат ертіп кейін қарай жүгіріп келе жатсам, әлгі Елеместі бір еңгезердей неміс солдаты арқалап қашып барады. Қуып келеміз. Атайын десем, оқ Елемеске тиеді. Кісі арқалап әзер кетіп бара жатқан адамды қуып жетіп, автоматыммен неміс солдатын қос қолдап қарақұсынан ұрдым. Етбетінен құлап түсті. Артымнан жеткен солдат, Елеместе шаруасы болған жоқ неміс солдатының үстіне түлкіге түскен бүркітше қона түсті. Мен Елеместің артына қайырып байлаған қолын шешіп, басын бүркеп байлаған қапты сыпырып алғанымда мені көріп Елемес жылап, тізерлеп отыра кетіп менің аяғымнан құшақтай алды. Оны аяп кеттім. Аузына тыққан ауыз бастырығын да жұлып лақтырып жіберіп, қолынан жетектеп жүгіре жөнелдім. Осы кезде ана солдатым да кездігін шинелінің етегіне сүртіп, соңымыздан жан ұшырып жүгіріп келе жатыр екен. Сол күні түнімен жүріп, екі бірдей “тілді” полк штабына тапсырып, Баукең ашуын әзер қайтарып едік, – деп Хасан маған қарады.

– Баукең ашуы әлі де қайтпаған сияқты ғой Сізге, – деп “орысша боқтап кетті” дегеніне орай қалжың айтқан болдым.

– Баукең өзіне де, өзгеге де қатал ғой, қатал! – деп ол басын шайқады.

Отырғанымыз Хасан Шаяхметұлының үйі еді. Ол әңгімесін аяқтаған соң:

– Мен бүгін үйге дәрігерлер шақырған жоқ едім, укол алайын, – деп ыңғайлана бастады. «Сонда укол беретін үйде біреу бар ғой», деп отырмын. Бір кезде шприцін дайындап қойды да, жейдесін шешіп тастады. Орындыққа ыңғайлы отырды да қанталап кеткен жерлерді спиртке салынған мақтамен сүртіп өзіне-өзі укол салды.

– Хасеке-ау, мынауыңыз қиын ғой. Тым болмаса, өзіңізді өзіңіз қинамай, уколды дәрігерлерге салдырмайсыз ба? – дедім оны аяп кетіп.

– Дәрігерлер емдеуге менің бойымда мұнан басқа да аурулар баршылық. Денемде әлі күнге дейін, алынбай жүрген оқ жарықшақтары да бар. Оның үстіне біраз аурулардың түрі денемді дендеп алған. Пенсия жасына сүйретіліп жетсем деп жүрмін ғой.

– Қазір де пенсияға денсаулығыңызға қарап шығаратын шығар?

– Шығуға болады ғой. Өзім Ұлы Отан соғысының екінші дәрежелі мүгедегімін. Бірақ, өмірімді партия ісіне арнағаннан кейін, 28 жыл аудандық, облыстық партия комитеттерінің бірінші хатшылығында келе жатып аз уақыт қалғанда, қазақша айтқанда, “қырқына шыдап, қырқ біріне шыдамағаным” болмас деген ойдамын. Оның үстіне өмір бойы үзбей жұмыс істеп келемін. Жұмыссыз үйде отыру да азап шығар деп ойлаймын. Кейбіреулер орнынан түсіп қалса, әрі қарай ұзақ өмір сүре алмай дүние салып жатқан себептеріне ой жүгіртемін...

Осы соғыс және еңбек майдандарының қаһармандарының бірі көп кешікпей дүние салды.

Әзілхан НҰРШАЙЫҚОВ,
жазушы, Мемлекеттік
сыйлықтың лауреаты

ЕСКІРМЕГЕН ЕСТЕЛІК

немесе Л.И. Брежневке хат қалай жазылды?

1987 жылдың 5-февралында Гурьев облысының Ембі ауданында тұратын оқырман Ақсұлу Тілеуқұловаға былай деп жауап хат жазыппын:

«Сіздің биылғы 1-февральда жазған хатыңызды алдым...

Енді сұрақтарыңызға жауап берейін.

«Ақиқат пен аңыз» кітабының бас кейіпкері Бауыржан Момышұлы «тіріде тентек болса», өлгеннен кейін Совет Одағының Батыры атағын беруге болмай ма? Қазір халық пікірін ашық айтатын жариялылық заман ғой депсіз. Егер ондай ой, тілегіңіз болса, жоғары орындарға ұсыныс жасап, баспасөз бетінде пікір айтуыңызға болады. Ол - әр оқырманның өз еркіндегі іс. Ал сонау тоқырау тұстарында ондай ұсыныстар болған. Бірақ іске аспай қалған...

Сіз кітапхана қызметкері болғандықтан барлық оқырмандарыңызға сәлем жолдап, олардың жаңа жылда бақытты болуларына тілектестік білдіремін».

Ол жаңа жыл өтіп, келесі жаңа жыл кірді. Бірақ осы екі аралықта мен көп адамдардың аузынан жоғарыдағы оқырман қойған сұрақты сан рет қайталап естідім. Біреулер Бауыржанға немесе Рақымжанға Батыр атағын беруді сұрау керек қой дейді. Енді біреулер Қасым Қайсеновке де Батыр атағы берілмеуі әлеуметтік қиянат емес пе деп қиналады. Осыны сіздер – жазушылар көтерулеріңіз керек қой деп, маған итермелейді. Мен: ат төбеліндей азғана жазушылардың қолында не тұр? Бұл мәселені қалың нөпір халық көтеруі керек қой деймін оларға. Содан кейін Жеңістің 25 жылдығы қарсаңында Жазушылар Одағы Бауыржан Момышұлына Совет Одағының Батыры атағын беру туралы мәселе көтергенін, бірақ жоғары жақ оны аяқсыз қалдырғанын айтамын. Одан соң өзім тікелей ат салысып, Жеңістің 35 жылдығы қарсаңында Момышұлы, Қошқарбаев екеуі туралы жоғарыға жазылған хат жайында баяндаймын. Одан да нәтиже шықпады деймін.

Жұрт пікір айтар, айтпас одан қорытынды шығар, шықпас, оны білмеймін. Бірақ сол хатты тарихи дерек ретінде баспасөз бетінде жариялауды жөн көрдім.

Ол хат мынау:

«КПСС Орталық Комитетінің Бас секретары, СССР Жоғарғы Советі Президиумының Председателі, Совет Одағының Маршалы Леонид Ильич Брежнев жолдасқа.

Совет халқының гитлер фашизміне жеңгеніне 35 жыл толуы қарсаңында Сізге, қымбатты Леонид Ильич, қазақ жұмысшы, шаруа және интеллигенция өкілдерінің бір тобы өзінің жалынды сәлемін және ең жақсы тілегін жолдайды.

Көпұлтты советтік мемлекеттің қуатын арттыруға, бүкіл дүние жүзінде бейбітшілікті нығайтуға жасап отырған күнбе-күнгі қамқорлығыңыз және өзіңіздің «Тың» атты

Защитник Отечества

тамаша кітабыңызда біздің халқымызға берген биік бағаңыз үшін қазақ халқы Сізге шын жүректен алғыс айтады. Сіз ол кітапта: «Қазақ халқы тарих биігіне көтеріле білді, бүкіл елдің қажетін түсініп, өзінің революциялық, интернационалдық қасиетін танытты», – деп жаздыңыз.

Сонымен бірге Сіз біздің халқымыздың Ұлы Отан соғысы кезіндегі ерлігіне де жоғары баға бердіңіз. «Мен қазақтарды майданда жүрген кезде-ақ жақсы көріп қалып едім. Олар байыпты да қарапайым, іске елгезек, ержүрек жауынгерлер мен командирлер болды».

Бұл әкелік сөздеріңіз үшін Сізге шын жүректен рақмет! Ұлы Отан соғысы жылдан жылға тарихтың қойнауына кіріп, бірте-бірте алыстап барады. Жуықта Совет халқы гитлер фашизмін тас-талқан еткен Жеңістің 35 жылдығын тойламақ. Осы аса зор мерекеге байланысты біздің Сізге мынадай үлкен өтінішіміз бар.

Отанымыздың өзге халықтары сияқты жауды жеңуге аз еңбек сіңірмеген қазақ халқы өз ұлдары мен қыздарының Ұлы Отан соғысы майдандарында көрсеткен ерліктерін ерекше мақтаныш етеді. Көптеген ерлеріміздің еңбегін бағалап, Отан олардың кеуделеріне кезінде жұлдыздар тақты.

Сонымен бірге уақытында Совет Одағының Батыры атағына ұсынылғанымен, әртүрлі себептермен бұл жоғары атақты ала алмай қалған азаматтар да бар. Олар қазір біздің арамызда еңбек етеді, халық – батырым деп бағалайды, Совет Одағының Батырлары сияқты, бұлардың да есімін мақтаныш тұтады. Жұрт оларды алтын жұлдызсыз қаһарман деп біледі. Солар туралы Сізге толығырақ айтқымыз келеді, қымбатты Леонид Ильич.

1. Бауыржан Момышұлы. Ол осы мерекелі жылда 70 жасқа келеді. Ұлы Отан соғысын ол аға лейтенант, батальон командирі боп бастап, соғыста гвардия полковнигі, 9-гвардиялық дивизияның командирі болып, Совет Одағының Маршалы И. Х. Баграмяннің қол астында аяқтады. Момышұлы жолдас – 1941 жылы Москваны қаһармандықпен қорғағандардың бірі. Генерал Панфиловтың резерві ретінде Момышұлының батальоны бес рет қоршауда қалып, фашистермен қиян-кескі ұрыс жүргізді, өз алдына қойылған міндетті орындағаннан кейін жау қоршауының шеңберін бұзып өтіп, өз дивизиясына келіп қосылды. Момышұлы жолдас 207 рет ұрысқа қатысып, екі рет ауыр жаралы болды.

Момышұлы жолдас соғыс кезінде Совет Армиясының аты аңызға айналған жауынгерлерінің бірі болды. Оның ерліктері жыр болып тарап, А. Бектің «Волоколамск тас жолы», А. Кривицкийдің «Москва түбіндегі қарауыл», Совет Одағының Батыры М. Ғабдуллиннің «Сұрапыл жылдар», Совет Одағының Батыры, Армия генералы К. Н. Галицкийдің «Сұрапыл соғыс жылдары», Совет Одағының Батыры, генерал-полковник И. М. Чистяковтың «Отанға қызмет етеміз» кітаптарында және басқа еңбектерде аталып өтті. Генерал И. М. Чистяков өзінің жоғарыда аталған кітабында былай деп жазды:

«1073-ші атқыштар полкының командирі, майор Бауыржан Момышұлын мен соғыстан бұрын білетінмін. Біз Қиыр Шығыста бірге қызмет еткенбіз. Ол қазақ

ұлтынан шыққан, алған бетінен қайтпайтын, қатал мінезді, сымбатты келген жас командир болатын.

Оны ерекше ерлігі мен тапқырлығы үшін Панфиловтың өзгеше жақсы көргенін де білетінмін. Москва түбінде оның батальоны полктан хабар-ошарсыз күйде, бірнеше күн қоршауда қалып, қалың жаумен қиян-кескі ұрыс жүргізген. Екі тәулікке созылған қырғын соғыста гвардияшылар төрт жүзден астам фашистердің көзін жойып, олардың Волоколам тас жолы арқылы шабуылын тырп еткізбей бөгеп тастаған. Содан кейін орман ішінде маневр жасай отырып, өздерін қоршаған жау шеңберін тас-талқан етіп бұзып шығып, полкке келіп қосылған болатын.

Осы ұрыстан кейін Панфилов Момышұлының батальонын өзінің резерві етіп ұстап, оны ең қиын-қыстау жерлердегі ұрыстарға жіберіп отырды. Соның бәрінде де батальон үздіксіз жеңіске ие болды.

Бұлардан басқа Бауыржан Момышұлының маған ұнайтын тағы бір қасиеті болатын, ол оның шыншылдығы еді. Мен оның қанша қиын болса да, тіпті өзіне содан зиян келсе де тек қана шындықты айтатынын білуші едім. Өзінің бағыныштыларынан да ол осыны талап ететін». (70-бет).

Жамбыл, Сәбит Мұқанов, Қасым Аманжолов, Әбділда Тәжібаевтан бастап, Қазақстанның жүзден астам ақындары оған арнап өлең және жыр жазды. Қазір ақындарымыздың жас ұрпағы ол туралы жаңа жырлар шығаруда. Жақында республикамызда Ә. Нұршайықовтың Момышұлының өміріне арналған «Ақиқат пен аңыз» атты романы жарияланды.

Момышұлы жолдас Қарулы Күштер қатарында 25 жыл қызмет етті. Қатардағы жауынгерден дивизия командиріне дейін көтеріліп, қарапайым банк қызметкерінен әскери академия оқытушысына дейін өсті.

Қырық бес жасында ол отставкаға шықты. Содан бері қарай қол үзбестен әдебиет майданында еңбек етіп келеді. Көптеген кітаптар жазды. Олардың ішінде «Москва үшін шайқас» және «Ұшқан ұя» кітаптары жоғары бағаға ие болды. Әдеби қызметі үшін Момышұлы Еңбек Қызыл Ту орденімен наградталды. Абай атындағы республикалық сыйлықтың лауреаты болды. Момышұлы – қос тілді жазушы. Оның орыс және қазақ тілдерінде жазылған кітаптары миллион данадан аса тиражбен көпшілікке тарады. Бұл кітаптар СССР халықтарының, сол сияқты шетелдердің көптеген тілдеріне аударылды. Ұлы Отан соғысының қаһарманы, Москваны қорғаушы және әскери жазушы ретінде Момышұлының есімі Отанымыздан тысқары жерлерде де кеңінен мәлім. Момышұлының кітаптары жас ұрпаққа патриоттық және интернационалдық тәрбие беруде қуатты қару болып табылады. Жеңістің 35 жылдығын және өзінің жетпіс жасқа толуын Ұлы Отан соғысының аты аңызға айналған қаһарманы, Москваны қорғаушы, жазушы Бауыржан Момышұлы осылай қарсы алып отыр.

2. Рақымжан Қошқарбаев. Ол – рейхстагқа штурм жасаған ересен ерлердің бірі, 150-Идрицк атқыштар дивизиясы 674-полкындағы өзінің жауынгер досы Григорий Булатов екеуі рейхстагқа кіретін негізгі есіктің үстіне бірінші болып Жеңіс жалауын қадаған қаһарман.

Защитник Отечества

Мұны мынадай тарихи документтер дәлелдейді. 150-Идрицк атқыштар дивизиясының органы «Отан жауынгері» газеті ерлік ізі суымай тұрған кезде «Ұмытылмас сәттер» деген мақаласында былай деп жазды: «Лейтенант Қошқарбаев пен қызыләскер Булатов рейхстагқа бірінші боп жетіп, оның маңдайшасына жалау қадады. Рейхстаг төбесіне Егоров пен Кантария Жеңіс туын тікті!»..

Ол кезде әскери тілші боп жүрген белгілі жазушы Борис Горбатов пен белгілі кино-оператор Роман Кармен Қошқарбаевтың керемет ерлігіне ерекше сүйсініп, қайран қалды. Мәселен, Борис Горбатов өзінің 1948 жылы 18 декабрьде «Литературная газетада» жарияланған мақаласында былай деп жазды: «Шынтуайтқа келгенде біздің армиямыздың жауынгерлерін бүркіт пен қыранға теңеуді тоқтатуымыз керек. Менің көз алдымда өзге жолдастарымен бірге рейхстагқа ту тіккен Қошқарбаевқа қандай бүркіт тең келе алады. Мұндай қаһарманды көрсету үшін басқа поэтикалық құрылым, өзгеше образ, басқаша поэзия – социалистік реализм поэзиясы қажет».

«Казахстанская правда» газетінің 1949 жылғы 9 майда жарияланған тілшімен тілдесуінде Р. Кармен былай дейді: «Біз қазір бұрынғы майдангерлердің еңбек өнегесіне ерекше мән беруге тиіспіз. Солардың бірімен, атап айтқанда, Қошқарбаев жолдаспен менің қалайда қайта жүздескім келді. Сол батыр қайда екен қазір? Осы ержүрек жауынгердің рейхстагқа қызыл жалау тіккен сәтін мен киноға түсірген едім. Сол кадрларды күні бүгінге дейін құрметпен сақтап келемін. Ол 1945 жылдың ерекше есте қалған күні болатын».

Дивизиялық газеттің тілшісі, жазушы Василий Субботин Қошқарбаевтың ерлігі жайында зор сүйіспеншілікпен сан рет жазған болатын. Бұл тақырыпқа ол соғыстан кейінгі жылдарда да бірнеше рет оралды. Өзге авторлар сияқты В. Субботин де рейхстагқа тігілген алғашқы жалаудың мәнін, оның тарихи шешуші шайқасқа шыққан біздің әскерлерге қандайлық рух бергенін ерекше атап көрсетеді. Өз естеліктерінің бірінде ол өкіне былай деп баяндайды: «Соңғы он бес жыл бойына жас Рақымжан мен бозбала Булатовтың сол ерлігі атаусыз қалғанына қатты қиналумен болдым. Ешкімнің атағы, мейлі ол қалай шықса солай шықсын, бірақ соншама орасан зор ерлік көрсеткен өзгелердің есімін көлегейлемей керек-ақ».

Бұл сол кешегі ұлы Жеңістің бір сәтін көзімен көріп, көкірегінде сақтаған, өзі тікелей сол шайқастың ішінде болған куәгер адамның жан сыры, әділет үшін күйзелісі.

Жеңістің қалай туғанын көзімен көрген екінші бір адам армиялық «Майдангер» газетінің суретшісі П. Кричевский «Комсомольская правда» газетінде жарияланған «Ерекше тапсырма» деген мақаласында мынадай тарихи дерек айтты. «1 майда (1945 жылы), – деп жазды ол, – мені редактор шақырды. Рейхстагтан материал әкелуге міндеттеді. Газет суретшісі ретінде менің алғы шепте сан рет болып, ең таңдаулы жауынгерлердің суретін салып алып қайтуыма тура келген болатын. Ал бұл тапсырма солардың бәрінен де әрі құрметті, әрі маңызды еді... Мен рейхстаг қаһармандары Зинченконың, Неустроевтың, Самсоновтың, Кантарияның, Егоровтың, Қошқарбаевтың суреттерін салдым. Бұл сәттерде мен ерекше сезімде болдым. Ол

осындай тамаша адамдарды тәрбиелеген біздің ұлы советтік Отанымызға деген мақтаныш сезімі еді».

Бір сөзбен айтқанда, Рақымжан Қошқарбаев туралы аз жазылған жоқ. «Правда», «Советская Россия», «Красная звезда» және «Комсомольская правда» сияқты газеттерде, бірсыпыра қалың әдеби журналдарда жарияланған материалдарда, ТАСС хабарларында ұлы штурмның қаһарманы ретінде оның есімі сүйіспеншілікпен аталып отырды. Ол туралы поэмалар жазылды. Кәкімжан Қазыбаевтың «Кернеген кек» атты документті повесі жарияланды.

Оның есімі «1941–1945 жылдардағы Ұлы Отан соғысының тарихына» кіруі ерекше естен кетпес оқиға болды. Ал бұл кітапқа документтердің, фактылардың және жеке естеліктердің ішіндегі мұқият зерттелуден, талдаудан және салыстыру-лардан өткен ең лайықты есімдер ғана іріктеліп алынғаны аян. Солардың бірі – Рақымжан Қошқарбаев. Совет Одағының Маршалы, төрт мәрте Совет Одағының Батыры Г. К. Жуковтың естеліктерінде рейхстаг штурмының ерекше көзге түскен қаһармандарының бірі ретінде оның есімі құрметпен аталып өтеді.

Бұл айтылғандардың үстіне кезінде Рақымжан Қошқарбаев Совет Одағының Батыры атағына ұсынылса керек. Мұны КПСС Орталық Комитетінің жанындағы марксизм-ленинизм институтының Ұлы Отан соғысы тарихы бөлімі 1961 жылы декабрьде өткізілген тарихи штурмға қатысушылар кеңесінде 150 – атқыштар дивизиясының командирі, қазір генерал-лейтенант В. М. Шатиловтың сөйлеген сөзі дәлелдейді. Ол документ күні бүгінге дейін Совет Армиясы Бас штабының архивында сақтаулы тұр. (Тегі Р. Қошқарбаевқа Совет Одағы Батыры атағын беру туралы әскери командованиенің ұсынысы оның әкесі 1937 жылы репрессияға ұшырауына байланысты аяқсыз қалдырылған болу керек).

Рейхстаг штурмының қаһарманы ретінде Рақымжан Қошқарбаев есімі біздің республикамызда және Совет елінде ғана емес, сонымен бірге Герман Демократиялық Республикасында да әйгілі. Неміс достары 1965 және 1970 жылдарда оны екі рет Берлинге шақырды. Оның аты кеме жасау верфінің бір таңдаулы бригадасына және Берлин іргесіндегі Кепениктегі № 5 мектептің пионер дружинасына берілген. Жарқын болашақ үшін қаһармандық ерлік жасаған жауынгерге біздің достарымыздың мұндай көзқарасы біздің жүрегімізде жеңімпаз совет солдаттына деген мақтаныш сезімін тудырады.

Қазір Рақымжан Қошқарбаев Алматыда тұрады. Ол өзінің қаһармандық ерлігін жасаған кезде 21 жаста еді.

Қымбатты Леонид Ильич!

Қазақ халқының атынан Сізге өтініш айтып, оның осы ересен екі ұлына әкелік қамқорлық көрсетуіңізді, сөйтіп олардың ерлік еңбегіне лайықты баға берулеріңізді сұраймыз. Біздің халқымыз ұзақ жылдар бойына бұл екі ұлына Совет Одағы Батыры атағын берілуін арман етіп келеді.

Сізді келе жатқан Ұлы Жеңістің 35 жылдығымен тағы да құттықтап, халықтар мен Отан игілігі үшін өзіңіздің ұзақ өмір сүруіңізді тілейміз.

Защитник Отечества

Ы. ЖАҚАЕВ – Екі мәрте Социалистік Еңбек Ері, СССР Мемлекеттік сыйлығының лауреаты, Қазақстанның атақты күріш өсірушісі, Қызылорда облысы.

Ж. ҚУАНЫШБАЕВ – екі мәрте Социалистік Еңбек Ері, Қазақстанның атақты шопаны, Жамбыл облысы.

Т. БИГЕЛДИНОВ – екі мәрте Совет Одағының Батыры, авиация полковнигі, Ұлы Отан соғысының ардагері, Алматы қаласы.

Ғ. МҮСІРЕПОВ – Социалистік Еңбек Ері, жазушы – академик, Қазақ ССР Жоғарғы Советінің депутаты, Алматы қаласы.

Ұ. АЛТАЙБАЕВА – Социалистік Еңбек Ері, Ардақты Ана, «Коммунизм» колхозының звено жетекшісі, Қызылорда облысы.

З. КҮДЕРБЕКОВА – Социалистік Еңбек Ері, «Жетісу» өндірістік бірлестігі аяқ киім пішушілерінің бригадирі, Алматы қаласы.

Ә. ШӘРІПОВ – жазушы, филология ғылымының докторы, Ұлы Отан соғысының партизаны, Алматы қаласы.

Ә. МӘМЕТОВА – Совет Одағының Батыры Мәншүк Мәметованың анасы. профессор.

Брежневке бұл хат қалай жазылды?

1980 жылы март айының бас кезінде маған ҚазТАГ директоры Кәкімжан Қазыбаев телефон соқты.

– Сізге бір өтініш болып тұр, – деді ол. – Жалғыз өз атымнан емес, әрі Ғабекеңнің тілегі.

– Кімнің? – дедім маған ҚазТАГ директоры арқылы өтініш айтқан кісінің кім екенін жөпелдемеде ұға алмай қалып.

– Ғабеңнің – Ғабит Мүсірепов ағамыздың атынан, – деді ол.

Ғабең де, Кәкімжан да маған өмірі өтініш айтып көрмеген кісілер болатын.

– Айтыңыз онда, орындаймын, – дедім ықыласымды бірден білдіріп.

Әңгіме былай болып шықты, Москваға Брежневтың атына қазақтың көрнекті адамдарының атынан хат жазылмақ екен. Ол хатта Бауыржан Момышұлы, Рақымжан Қошқарбаевқа Совет Одағының Батыры атағын беру туралы халық атынан өтініш айтылмақ.

– Сол хаттың Баукең туралы тарауын сіз жазып берсеңіз. Бұл бір, – деді Кәкімжан.

– Жазайын. Екінші тілек қандай?

– Бұл хат жазылып біткеннен кейін елдегі қадірлі адамдарға қол қойдырып әкелсеңіз.

– Жарайды. Кімге?

– Ұлбала Алтайбаеваға, Ыбырай Жақаевқа, Жазылбек Қуанышбаевқа. Қуанышбаев Жамбыл облысында, Жақаев пен Алтайбаева Қызылорда облысының Шиелі ауданында тұрады. Үшеуін де білемін. Олар мені, бәлкім, білер, бәлкім, білмес, бірақ үшеуі де Москваны қорғаған Момышұлын, рейхстагқа ту тіккен Қошқарбаевты жақсы біледі. Осы бір аға, бір інім үшін (Қошқарбаевтың жасы менен кіші) тез елге барып келуді әрі азаматтық, әрі солдаттық парызым деп білдім.

– Жөн, барайын, – дедім бірден.

Мен хаттың Бауыржан туралы тарауын жазып бергеннен кейін үш-төрт күн өткен соң Брежневке хаттың толық нұсқасы қолыма тиді. Оқып шықсам, қол қоятын адамдардың ішінен жалғыз Ғабит Мүсіреповтың ғана көк сиямен қойылған қолы тұр екен. Елдегі адамдар менің қолымды көрсін деп Ғабен ең алдымен өзі қолын қойып беріпті. Қалғандарына Әзілхан қайтып келген соң қол қойдырарсыңдар депті.

Сөйтіп, мен ертеңгі сәскеде поезбен елге аттанбақшы боп билет алдым.

18 март күні кешкі сағат 8-де Шу станциясына жетіп, № 103 Алматы-Свердлов поезынан түстім де, түнделетіп, Жамбыл облысы, Мойынқұм ауданының орталығы Фурмановка селосына жеттім. Қонақ үйге жайғасып, ертеңінде аупарткомның ол кездегі бірінші секретары Айтбай Назарбековке шаруа жайын айттым. Жазекен аман-есен, аулында екен. Аупартком секретары маған машинасын мінгізіп, қасыма аупарткомның насихат және үгіт бөлімінің меңгерушісі Жиенқұл Кемелқұловты қосып, Жамбыл атындағы совхозға жөнелтті. Жазылбек Қуанышбаев ол кезде сол совхозда тұратын.

Жазекеннің үйіне біз барып түскеннен кейін, ауыл азаматтары жиналды. Совхоз директоры Қожахмет Төлегенов, партия ұйымының секретары Сенбай Әбдіқадыров, селолық Совет төрағасы, жұмысшылар комитетінің председателі және басқалар келді. Бәріміз ас ішіп, әңгіме-дүкен құрып болғаннан кейін, аттанар алдында Жазекен бізден бұйымтай сұрады.

– Осылай да осылай, – деп бұйымтайымды айттым. – Брежневке халық атынан жазған хат бар. Соған Сіз де қол қойсаңыз деген тілекпен келдім.

Мен хатты алып, аупарткомның насихат және үгіт бөлімі меңгерушісінің қолына бердім. Қазақша мен орысшаға бірдей жүйрік Жиенқұл орыс тілінде жазылған хатты мәнерлеп, тез оқып шықты. Үй толы жұрт тегіс бас изесіп қалды.

– Өте жақсы жазылған екен, – деді отырғандардың бірі.

Ауыл азаматтары біртіндеп пікірлерін ортаға салды.

– Отан үшін от кешкен сабаздар бағы жанып, кеуделеріне алтын жұлдыз қадалса, абырой-ақ болар еді.

– Оған екеуі де лайық! – деді олар.

– Солайы солай, бұл екеуі білікті азаматтар, – деді Жазылбек сақалын тағы да уыстай бір сипап қойып, әлде бірдеңені ойына түсіре алмай отырғандай ойлана толғанып. Содан кейін қасында отырған Қожахметтің тізесінен қақты. – Осы анада біздің ауданға келіп, жұртқа әңгіме айтқан ноян партизан дәу қара бар емес пе? Соның аты кім еді?

– Ол Қасым ғой, – деді Қожахмет жұлып алғандай.

– Қайсенов!

– Қасым Қайсенов! – деді басқалар Қожахметке қосыла жауап беріп.

– Сол дәу қараның түр-тұлғасы істеген ісі нағыз батырға тең еді ғой. Осы хатқа оны неге қоспағансыңдар? – деп қарт шопан маған қарады.

– Үш жұлдыз сұрасақ көп боп кетеме деп қорықтық, – дедім мен.

– Бәле, «досынан түйе сұраса, сасқанынан бие береді» деген сөз бар емес пе? Ендеше үшеуіне де сұрау керек. Өзі майданда болған кісі. Отан соғысында еңбегі сіңген біздің үш азаматқа үш жұлдыз тауып бере алмайды деп ойлайсыңдар ма?

Защитник Отечества

Осылай деп Жазылбек бір бөгелді де, әңгімесін қайта жалғады.

– Ал, енді Дәу қараның әнеу күні осында айтқан жаланып тұрған жау лагерін талқандап, ондағы қаншама әскери тұтқынды босатып алуы – ерліктің ерлігі ғой! Ол екінің бірінің қолынан келе бермейтін жұмыс. Жазылбек осыны айтқанда Совет Одағының Маршалы А. А. Гречконың «Карпаттан асқанда» деген кітабында Қасым Қайсенов ерлігі баяндалатын мына жолдар еріксіз есіме түсті. Маршал өз кітабында былай деп жазған болатын:

«А. Тканконың партизандары «Ақ Таня» тұтқын лагеріне батыл шабуыл жасады. Гитлершілдер 700-дей украин, словак және венгр коммунистерін тұтқындап, Ровная бұйраттарының оңтүстік батысындағы таудың адам аяғы баспас қиын қуысындағы лагерьге әкеп қамаған екен. Фашистер лагерьге ұрымтал тұстарды тегіс миналап, егер шегінерлік жағдай болса, оны талқандап кетуге әзірлеп қояды.

Партизан құрамасының штабы лагерьдегі жау гарнизонын жойып, тұтқындарды босатып алу жөніндегі жауынгерлік операцияның нақты жоспарын жасады.

Сағат 19-да Қ. Қайсенов бастаған партизандар отряды осы жауынгерлік тапсырманы орындауға аттанды. Лагерьге жеткеннен кейін партизандар тұтқындармен байланыс жасады. Жағдайдың бәрін байыптап болғаннан кейін Қайсенов жауынгерлік тапсырманы орындаудың уақытын өзгертуге ұйғарды, операцияны жоспарда көрсетілген 23 сағатта емес, 21 сағатта бастауды жөн деп тапты. Бұл уақытқа дейін партизандардың бір бөлігі үстеріне тұтқын киімдерін, басқалары венгр солдаттарының формасын киіп үлгерді. Сөйтіп топ лагерьдің іргесіне тоқтады. Лагерь сақшылары бұл топты тұтқындардың жаңа толықтыруы екен деп ұқты. Осы кезде партизандар күзетшілерге кенеттен тап берді. Күзетшілердің кейбіреулері ғана қаруға қол созып үлгерді. Партизандар жаудың 34 солдаты мен офицерін тұтқынға алды. Қапасқа қамалған коммунистер тегіс азат етілді. Олардың көпшілігі партизандар отрядына қосылды...

Партизандарға жаңа адамдар үсті-үстіне келіп қосыла бастады. Енді олар құр қол емес, қару да ұстап келетін болды. Құрама штабы жаңа партизан отрядтарын жасақтады. Партизандар да жігерлі қимылдады. Олардың көбі ордендермен, медальдармен наградталды, ал құрама командирі А. В. Тканкоға Совет Одағының Батыры атағы берілді».

Жазылбек үстелінің басында жиналып отырғандарға мен осыны айтып бердім. Олар Қайсенов ерлігін өздері істегендей, өркештеніп қалды.

– Апырмау, біздің Қасекең маршалдың кітабына кірген екен-ау.

– Сол жалғыз «Ақ Таня» операциясы үшін ғана оған Совет Одағының Батыры атағын беру керек екен! Әттең, не керек?! – Ауыл жігіттері бармақтарын тістегендей болды.

– Қайсеновтың одан басқа да батыр атағын аларлық кездері болған. Бірақ сәті келмеген, – дедім мен.

– Қалай?

– 1943 жылы 22–30 сентябрь аралығында төрт майдан. – Орталық, Воронеж, Далалық және Оңтүстік-Батыс майдандары қанаттасып, неміс фашистерін тықсырып әкеп Днепрге құлатты да, оның оң жағына шығып, бекініс алды. Қызыл Армияның бір құрамасын Қасым Қайсенов өз отрядының партизан жігіттерімен бастап барып, оң

жағаға өтті. Екі күн бекіністі бермей жаумен шайқасты. Үшінші күні Қайсенов ауыр жараланып, сол жақ жағаға өткізілді. Ол бірнеше күн есін білмей дала госпиталында өлі мен тірінің арасында жатты. Ал Қызыл Армияның Днепрден арғы жағаға аман өткен барлық жауынгерлеріне – 2438 адамға Совет Одағының Батыры атағы берілді. Қасым Қайсенов Қызыл Армия бөлімдерінің тізімінде жоқ, жетекші-партизан болғандықтан оны ешкім білмеді де, ерлігі елеусіз қалды.

«Қап!» десіп, отырғандар бастарын қайта-қайта шайқасты. (Осы естелікті жазып бітірген кезімде Украинадан менің бұл сөзімді дәлелдейтін жаңа деректер келді. Украина Компартиясы Киев обкомының партия архивынан алынған 15/1037 номерлі көшірмеде былай делінген: Днепрден Қызыл Армия бөлімдерін бастап өтуге «Құрамында 120 адамы бар 3-ші отряд жіберілді, командирі Қайсенов жолдас, комиссары Гриненко. Бұл отряд оң жақ жағалаудағы Григорьевка, Луковицы және Зарубунцы селоларын фашистерден тартып алып, Қызыл Армияның ірі күштері келгенше ұстап тұрды. Днепр өзенінің оң жақ жағалауындағы плацдарымды қолдан шығармай ұстап тұру шайқасында отряд 18 адамынан өлідей айрылды. № 8 Чапаев атындағы біріккен отрядтің командирі Примақ, № 8 Чапаев атындағы біріккен отрядтің комиссары Ломака».

Украин ССР «Білім» қоғамы 1984 жылы басып шығарған тарих ғылымының кандидаты Д. Ф. Григоровичтың «Советтік Украинаны неміс-фашист басқыншыларынан азат ету» деген кітапшасының 13-бетінде осы деректер және келтірілген.

Ал, республикалық «Правда Украины» газетінің 1988 жылғы 5 октябрьдегі 254 (1421) номерінде В. Соколовтың «Ерлікпен шайқасқан ерен ер» деген Қ. Қайсеновке арналған мақаласы басылған. Бұл мақалада ол ұзақ жылдар бойына Қасым Қайсеновке жасалып келген әділетсіздік жайында айтады. Оның 120 партизанды бастап, 1943 жылы Днепрдің оң жағасына өткені бүркемеленіп, көп кітаптарда батыр партизанның ол еңбегі А. В. Тканкоға таңылып келгені, ал автор Тканко жолдаспен биыл сөйлескенде оның Григорьевка селосы тұсынан Днепрдің оң жағасына өткен партизандардың басшысы Қ. Қайсенов екенін мойындағанын жазады. Сонымен бірге мақала авторы таяуда Украина саяси әдебиет баспасы «Украин ССР-і Ұлы Отан соғысы жылдарында. Оқиғалар хроникасы» деген кітап шығарып, бұрын кеткен қателерді түзеткенін, сол кітаптың 346-бетінде Днепрдің оң жағындағы Григорьевка селосын Қ. Қайсенов бастаған партизан отряды жаудан азат етті деп жазылғанын көрсетеді. Осы ерлігі үшін алдақашан Алтын жұлдызға ие болатын адам қазақ батыры Қасым Қайсенов осындай азамат деген мақтанышпен мақала аяқталады).

– Бауыржан Рақымжан Қошқарбаев пен Қасым Қайсеновты жанындай жақсы көрді, – дедім мен сөзімді аяқтай келіп. – Ол кісі бұл екі інісі туралы былай дейді: «Жұлдызын көрмесең жүзіне қарап батыр екенін айыру қиын кісілер болады. Бұл екеуі өздері жұлдыздай жарқырап тұрған жігіттер. Бұлардың соғыста ересен ерлік жасағанына айтпай-ақ сенесің. Халық үшін қасықтай қанын аямаған қаһармандардың бірі ғой бұлар».

– Ендеше, жаңағы Жазекеңнің сөзі жөн: Қасымды да қосу керек бұл хатқа, – деді Қожахмет жігерлі үнмен. – Жазекең және халық осылай тілек етіп отыр деп, сіз

Защитник Отечества

Алматыдағы азаматтарға айта барыңыз. Осылай ғой, Жазеке? Осылай емес пе жігіттер?

– Осылай!– деп ауыл азаматтары бірауыздан үн қатты.

Аз сөзді, бірақ жіті қимылдайтын, аса сыпайы жігіт совхоз парторгы Сенбай тез қалтасынан қарындашын алып, Жазылбектің қолына ұстатты. Быртық жуан саусақтарымен жіңішке қарындашты қолайсыздау ұстап, Қуанышбаев алдындағы қағазға төнді.

– Мынау кімнің қолы? – деді ол хаттың 9-бетінің қақ ортасындағы көк қарындашпен қойылған қолды нұсқап.

– Жазушы Ғабит Мүсіреповтың қолы, – дедім мен.

Жазылбек мол денесімен алдындағы қағазға еңкейгенде, өзге жұрт та құрақтай жапырылып, үстел ортасында бастары түйісіп қалды. Жазекең кеудесін сәл кейін шалқайтып, екі білегін мал соятын кісідей сыбанып алды. Сол сәтте жұрт та үстелден бастарын көтеріп, сәл кейін шалқайысты. Жазекең қуақылау, кінәлі жымыспен жерлестерінің бетіне бір-бір қарап алды.

Жазушы Б. Момышұлы оқырмандар арасында.

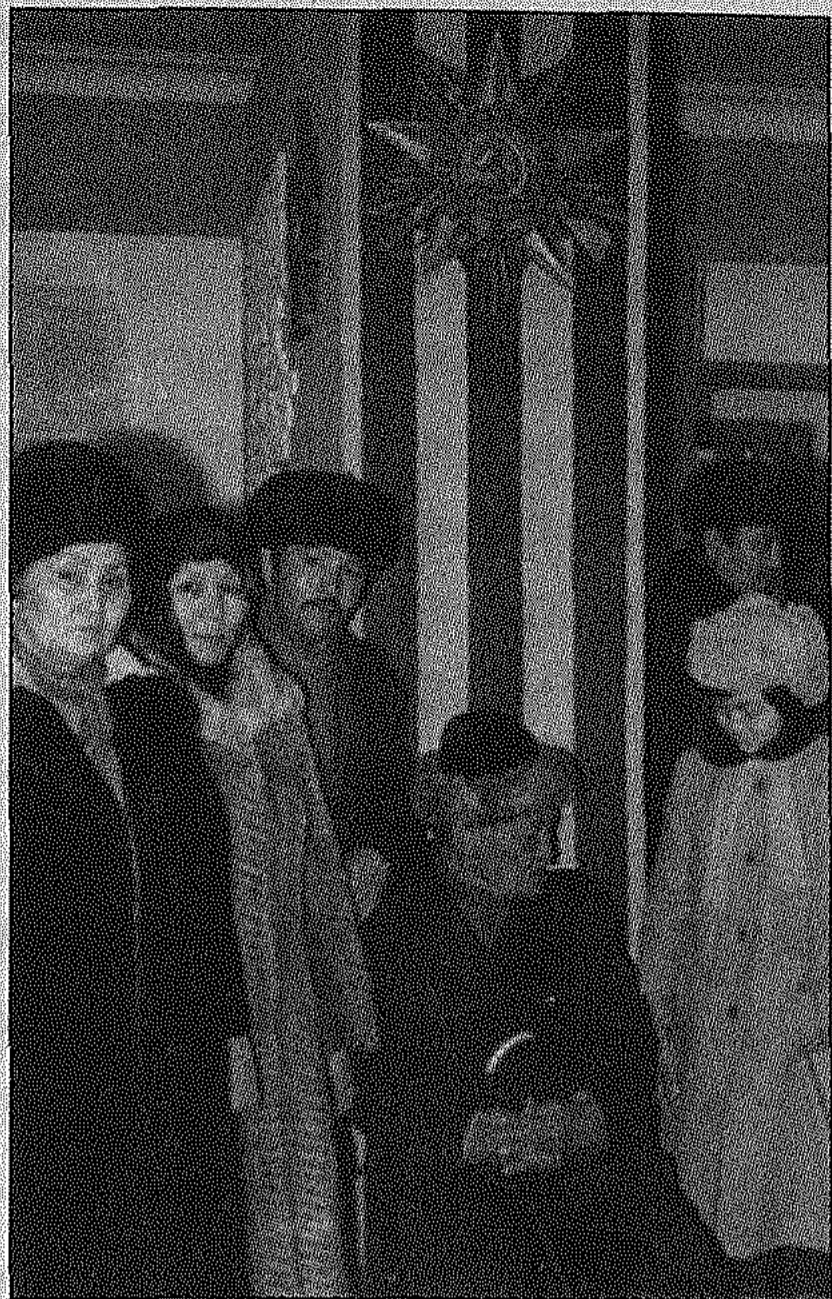
– Маған қой союдан қол қою қиын екенін өздерің де білесіңдер ғой. – Осылай деп ол сыбанулы екі білегін үстел шетіне қойып, кеңкілдеп күліп қойды. Жазылбек күлгенде екі өркеші екі баладай жампоз атан желкілдеп көлденең өтіп бара жатқандай көрінеді. – Сендер мені асықтырмаңдар, өздерің де асықпаңдар.

Жазылбек өз фамилиясының тұсындағы Жиенқұл сұқ саусағымен көрсете ұстап тұрған ақ жеріне алдымен қисықтау біртүтік таяқ тартты. Қасындағылар «Дұрыс» дегендей боп, бастарын изеп қалды. Содан кейін бөгеліп отырып, сол қисық таяққа

қарай көлденең және қисық таяқ тартып, оның шетін алғашқы таяқтың ортасына әкелтіреді. Бұл «Қ»-ның жоғарғы сербегі шықты деген сөз. Енді оның төменгі сербегін және «Қ»-ні «Қ»-ға айналдыратын құйрығын шығару керек. Осы қиын жерден қалай шығар екен деп шүбәланғандай, жұрт шопан атаның құж-құж жуан саусақтарының арасында бір тал шидей ғана боп көрінген қарындаштың ұшына телміреді. Ол қарындаштың ұшын жаңағы жоғарыдан түскен қисық таяққа көлбей тартылған екінші сызық тірелген жерге тигізіп, енді жаңа бұтақты төмен соза бастаған кезде жігіттер демін ішіне тартып, тас боп қатып қалды. Жазекең осы бір қиын әріптің төменгі тармағын шығарғанымен, енді оған құйрық қоса алмай әлектенді. Әрең дегенде қойға еділбай қойының құйрығын жапсырғандай етіп, батпандай құйрық қондырды.

– «Қ» шықты, – деді біреу сыбыр ете түсіп.

– Тс-с-с! – деді екінші біреу саусағын шошайтып.

Б. Момышұлын ауылдастары шығарып салу сәті.

Осы кезде Жазылбек қағаздан басын көтерді де, тізесінде жатқан көлдей үлкен сұлгімен тер басып кеткен нарттай қызыл екі бетін, маңдайын сүртті.

– Айттым ғой қой сойғаннан қиын деп, – деді де ол алдындағы қағазға қайта еңкейді. Алғашында Жазылбек бетін сүрткен кезде қоғадай жапырылып, кейін қарай серпілген жұрт, енді бір аяқтан су ішкен тауықтың балапандарындай шүпірлесіп, қайтадан үстел үстіне бастарын түйістірді. Шопан «Қ»-ның қасынан сондай кесек етіп «У» әрпін орналастырғанда, қасындағылар тегіс «У» деп, еріндерін шүршитті. Енді ол едәуір еңбекпен «У»-ға итіс-тартыстау етіп «А» әрпін қосқанда, өзгелер де «А» деп ауыздарын ашты. Осы кезде менің есіме ауыл жастарының ауызға күміс теңге салып ойнайтын «мырсым құрсын» ойыны есіме түсті. Содан соң сәл ойға кеттім. Совет өкіметін 21 жасында қарсы алып, өмір бойы қолы қой бағудан босамаған, жасы биыл тура 84-ке толған қария жылдамдатып қол қоя алмаса несі айып. Біз ойымыз бен ісімізді қағаздың бетіне жазсақ, бұл кісі өнері мен еңбегін қазақ даласының бетіне жазып келді емес пе? Осы ауданда, осы өңірде шопан таяғының ұшымен жазылған алтын әріптер түспеген тоқымдай жер бар ма екен, сірә?!

Мен осылай ойлап отырған кезде «Н» әрпін шығара алмай қиналып жатқан Жазылбектің қолынан қарындашты жұлып, өзі тездете жазып жібергісі келгендей, шапшаң қимылды Қожахмет шопанның қарындашына қолын созып қалды. Сол сәтте «Бөгет болмаңыз» дегендей, Жиенқұл совхоз директорына қарап, алақанын жайды. Ақыры Жазекен таныр-танымастай етіп, «Н»-ді қонжитты да, ар жағын үйреншікті шимайына басып, иректете салды. Сонда ғана жұрт «Үһ!» деп демін бір-ақ алды. Әрі күлкілілеу, әрі салтанатты түрде өткен хатқа қол қою рәсімі аяқталды.

Поезбен Шиелі станциясына келіп түскеннен кейін, алдымен аудан орталығындағы қонақ үйге орналастым. Содан кейін аяңдап, аупарткомға бардым.

Защитник Отечества

Шиелі аудандық партия комитетінің бірінші секретары, Социалистік Еңбек Ері Орынбасар Бәйімбетовты де, Мойынқұм аупарткомының бірінші секретары Айтбай Назарбеков сияқты, бұрын бір рет көрген түс таныстығым болатын. Бірақ сол күні ауданда бірыңғай саяси күн екен де, бірінші секретарь сабақ өткізуге совхоздардың біріне кетіп қалыпты. Екінші секретарь кабинетінің алды ығы-жығы кісі екен. Біреу кіріп, біреу шығып жатты. Іште де адам көп десті. Сөйтсем осы аудандағы негізін Ыбырай Жақаев қалаған «Қызыл ту» колхозының құрылғанына ертең 50 жыл толады екен. Облыстан адамдар келіп, аудан сол тойға әзірленіп жатса керек.

Мұны естігеннен кейін мен өз шаруамды ертеңге қалдырмай, бүгін бітіріп алуды жөн көрдім. Өйткені ертең ырду-дырдумен ешкімнің қолы тимейді. Ыбекең де, Ұлбалаға да қолым жете алмай қалуы мүмкін.

Сонымен қасыма ертеңгі тойға келген облыстық «Ленин жолы» газетінің редакторы Қалқабай Әбенбетовты, Шиелі аудандық газетінің редакторы Зәкім Жайлыбаевты ертіп, мен бірден «Қызыл ту» колхозына тарттым.

Колхоз председателі Қазбек Оспановпен қысқаша ғана шүйіркелестім. Алдымен ертең өтетін колхоз тойымен құттықтадым. Содан кейін, әзіл - шыны аралас: «Сіздердің тойларыңызға әдейі келдім» дедім. Председатель разылық білдіріп, бас шұлғығаннан кейін сөзімді қайта жалғадым.

– Алдымен Ыбекең ризалығын берсе, сол кісіге қол қойдырып алатын бір қағазым бар еді, – деп оған Брежневке жазылған хаттың қысқаша мазмұнын айтып бердім.

Колхоз кеңсесінен шығып, Ыбырай Жақаевтың үйіне бардық. Бірсыпыра әңгіме-дүкен құрдық. Әңгіме ол кісіні «Қызыл ту» колхозының құрылғанына 50 жыл толуына байланысты құттықтауымнан басталды.

– Колхоз құрғанымыз кеше ғана сияқты еді, оған да елу жыл боп қалыпты. Онда мен 39-да едім, биыл 89-ға келдім, – деп Ыбекең өз өмірінің жеке жайларын есіне алды. Оған өзгелердің әңгімесі жалғасты.

Әңгіме арасында Қазбек маған қарап қолын созды. Мен оған Брежневке жазылған хатты ұсындым. Қазбек алдымен оны парақтап қарап шықты. Кімдер қол қойғанына мұқият зер салды. Әңгіме бір толастаған тұста Қазбек сөз бастады.

– Ыбеке, – деді ашық қоңыр дауыспен. – Ертеңгі тойдан өзге біздің ауылға тағы бір үлкен шаруа кеп қалды.

– Не шаруа? – деді Ыбырай председателге құлағын тосып.

– Республикамыздың бір топ атақты адамдары жоғарыға хат жазыпты.

– Кімге? Не деп?

– Хат Москвадағы Брежнев жолдастың тікелей өзіне арналған. Онда кешегі Ұлы Отан соғысында өшпес ерлік жасаған, Москваны қорғаған атақты ұлыңыз Бауыржан Момышұлы, рейхстагқа ту тіккен көзсіз батыр Қошқарбаев екеуіне Совет Одағының Батыры атағы берілуі сұралыпты. Ана жолдағы Жамбыл облысының елі ондай атақты қаһарман партизан Қасым Қайсеновке де беруді қоса өтіну қажет депті. Осы хатқа сіздің де қолыңыз керек екен.

Ыбырай басын изеді. Содан соң кімдер қол қойыпты деп сұрады.

– Өзіңіздің тетелес ініңіз Жазылбек бар, соғыстан екі рет ер боп қайтқан балаңыз Талғат пен сүйікті жазушы ініңіз Ғабит қол қойған. Енді осы жақтан өзіңіздің Ұлбала шәкіртіңіз, Алматыдан Батыр қызыңыз Мәншүктің шешесі Әмина апай және басқалар қол қоятын көрінеді, – деді Қазбек. – Бұл үшеуіне Батыр атағы берілсе, қазақ халқы бір жетісіп қалатын болды деңіз.

Ыбырай тағы да басын изеді. Содан кейін жайлап үн қатты.

– Біздің халық бауырмал ғой, – деді ол содан соң. Осыны айтты да сәл мүдіріп барып, сөзін жалғады. – Бірақ сол адалдықты дұрыс бағаламайтындар да бар ғой. Адал дәм-тұзыңды татып, артынан сөге жамандап кететіндерді қайтерсің. – Ыбырай тағы да ойланып қалды. – Ал Брежнев қазақ дәмін көп татқан кісі ғой. Бәлкім, бір қайырымдылық жасар біздің батырларға. Мен қол қоямын. Бірақ жаңағы партизан баламды да қалдырмаңдар. Елге ердің көптігі болмайды.

Осыдан кейін ол хатқа қол қою үшін алдына дөңгелек үстел қойдырды. Сол тұста сырқаттанып, Ұлбала Алтайбаева Шиелі ауруханасында жатыр екен. Ыбырай ақсақал үйінен шыққаннан кейін, өзгелермен қош айтыстық та, Зәкім екеуіміз ауруханаға тарттық.

– Ертеңгі жиналысқа келесіз ғой? – деді Қазбек машинаға мінерде.

– Келемін, – дедім мен.

Аудандық аурухананың бөлімшелерін қуалап жүріп, Алтайбаеваны таптық. Мен ол кісінің көңілін сұрап тұрып, ауруханаға келіп мазалағаным үшін кешірім өтіндім. Келген шаруамның толықтап жайын айттым. Егер қарсы болмасаңыз, қол қойып берсеңіз екен деген тілек айттым. Ұлбала ер көңіл кісі екен. Менің сөзімді тыңдап, болғаннан кейін:

– Хатыңызды әкеліңіз, – деді.

Мен хатты ашып қолына ұстаттым. Ұлбала хаттың Брежневке арналған адресін оқыды да, парақтап отырып, өзінің фамилиясы жазулы тұрған 9-бетке барып бір-ақ тоқтады. Содан соң:

– Зәкім, қарындашыңды әкел, – деді қасымдағы жолдасыма.

Редактор қалтасына қол сұғып, қарындашын іздеп жатқанда мен Ұлбалаға:

– Толық оқып шықпайсыз ба? дедім.

– Ардақты ағалар жазып, сіз әкеліп тұрсаңыз, оның несін оқимын. Кешегі соғыс кезінде майдандағы ағалар аман болып, ерлікпен жауды жеңіп келсе екен, солар үшін жаным пида деп елде еңіреп жүріп, еңбек еткен қыздардың бірі мен емеспін бе. Бүкіл халқым ардақтап отырған ол үш ағамның ғажайып ерліктерін мен жатқа білемін. Ендеше оның несін оқимын. Мен ол ағаларыма кеудемдегі өз жұлдызымды жұлып-ақ берер едім. Бірақ үшеуінің қайсысына жетеді жалғыз жұлдыз. Осылай деді де Ұлбала Брежневке жазылған хатқа тез қол қойып берді.

– Ардагер ағаларыңызға деген жылы лебіз, жақсы пиғылыңызға рахмет, Ұлеке, – дедім мен разылық білдіріп.

Ертеңінде мен «Қызыл ту» колхозының 50 жылдығына арналған салтанатты жиналысқа қатыстым. Колхозшыларды құттықтап, сөз сөйледім. Соғыстағы солдат

Защитник Отечества

кезімде 1944 жылы осы ауданға келіп, «Қызыл ту» колхозының бригадирі Ыбырай Жақаевтың үйінен дәм татқанымды айттым. Артынан фотограф Ыбырай Жақаев, Шиелі аупарткомының бірінші секретары Орынбасар Бәйімбетов үшеумізді суретке түсірді. Сол күнгі түнгі поезбен мен Алматыға кеттім.

Келгеннен кейін хатты Қазыбаевтың қолына тапсырдым.

Хатқа мен үш адамға: Алтайбаеваға, Жақаевқа және Қуанышбаевқа қол қойдырып әкелдім. Ал қаладағыларға кімнің қол қойдыратынын білмеймін. Сұрағаным жоқ. Бірақ тегіс қол қойылып болғаннан кейін осы хаттың бір данасын маған берерсіз дедім. Кәкімжан уәде етті.

Содан кейін Ғабит Мүсіреповке телефон соқтым.

– Ғабеке, тапсырмаңызды орындадым, елге барып, Брежневке жазылған хатқа қол қойдырып әкелдім, деп олардың аттарын атадым.

– Ел не деп жатыр? – деді Ғабит әдетінше асықпай, әр сөзін жібектей созып.

– Ел қуана құптап жатыр. Ал Алтайбаева деген қарындасыңыз жан тебіренерлік сөз айтты. Ардақты ағаларым жазған, кезінде ересен ерліктері тиісінше бағаланбай қалған қаһарман ағаларым туралы хатқа мен оқымай-ақ қол қоямын, – деді.

– Қойды ма?

– Қойды, оқымастан қойды, Ғабеке. – Қол қойғандардың бәрі де, олар қол қойғанда қастарында отырған, хаттың сөзін тыңдаған қарапайым халық тегіс осыған үшінші етіп, Қасым Қайсеновты қосу керек деп талап етті. Мен олардың өтінішін сіздерге жеткіземін деп уәде бердім.

Ғабит ойланып қалды.

– Көп боп кетеді ғой, – деді біраздан соң. – «Тоқал ешкі мүйіз сұраймын деп жүріп, құлақтан айрылыпты» дегендей, үшеу сұраймыз деп, екеуден айрылып қалармыз онда.

– Менің міндетім ел тілегін жеткізу, Ғабеке.

– Дұрыс. Сенің бұл шаруаны тыңдырып қайтқаныңа рахмет.

Осыдан кейін бұл оқиғаны Бауыржанға айтсам ба екен, айтпасам ба екен деп көп ойландым. Айтсам, ертең оған Батыр атағы берілмей қалса, мен ұятты боп жүрмеймін бе? Содан кейін Баукең болтун деп мені жазғырмай ма? Ал, атақ берілмей қалса, оған мен кінәлімін бе? Қайта халықтың сүйіспеншілігін айтып, елдің осындай әрекет жасап жатқанын білдірсем, батырдың көңіліне медеу болмай ма?

Мен соңғы ойға бекідім де, ертеңінде таңертең Бауыржанның үйіне бардым. Дәлізде Жәмила жеңгей қарсы алды. Баукеңе барып айтайын деп жатын бөлмеге кіріп кетті. Біраздан кейін қайта шығып:

– Кірсін деп жатыр, – деді.

«Деп жатыр» дегеніне қарағанда Баукең төсектен тұрмаған-ау деп ойлады. Бөлмеге кірсем, Баукең расында да баяғыда, алпыс жылдығында, қазақ энциклопедиясының коллективі сыйлаған шапанды киіп, төсекте шалқасынан жатыр екен. Энциклопедияда қызмет істеп жүрген кезімде ол шапанды таңдап, магазиннен сатып алған мен едім.

Баукеңнің осы шапанды үстінен тастамай киіп отырғанын бұрын да бірнеше рет көргенмін. Қасына барып сәлемдестім де:

– Бауке, жай жатырсыз ба? – дедім.

– Жетпістегі адам жай жатушы ма еді?– деп ол өзіме дүрсе қоя берді. – Соны да білмейсің бе?

Мен күлдім де, басымды шайқадым.

– Әй, неге күлесің?

– 84-тегі, тіпті 89 жастағы кісілердің тік отырғанын көргеннен кейін күлемін, Бауке.

– Оларың кім? – деп ол бажырая бетіме қарады.

– Жазылбек Қуанышбаев пен Ыбырай Жақаев.

– Олардың да үйіне барып тексеріп пе едің?

– Иә, Бауке.

Бұдан кейін мен Бауыржанға соңғы күндері қайда барып, кіммен кездескенімді, не бітіргенімді айттым.

– Осылай да осылай, Бауке.

Бауыржан шалқасынан жатқан күйінен қозғалмады.

– Ым-м-м! – деп бір ыңыранды да қойды. Барғаның теріс, не дұрыс бопты деген жоқ.

– Кімдер қол қойды дейсің? – деді аз үнсіздіктен кейін.

Мен ретімен айтып шықтым: Жақаев, Қуанышбаев, Бигелдинов, Алтайбаева, Мүсірепов...

– Жоқ, Мүсірепов қол қоймаған болар...

Бауыржан жатқан жерінен тұрып, екі аяғын еденге тіреп, төсек үстіне тіктеліп отырды.

– Хатқа алдымен сол кісі қол қойып берді. Оны неге сұрадыңыз, Бауке?

Баукең бірден жауап бермеді. Алдымен:

– Ым-м-м! – деп тағы бір рет ыңыранып алды. Содан кейін есік жаққа мойын созды.

– Әй, қатын!

– О, не, Бауке? – деп Жәмилә бөлмеге бас сұқты.

– Бізге шай әкел.

Шай келгенше Бауыржан темекі тұтатып, құныға сорып, аузынан паровоздай бұрқырата көк түтін шығарды. Төсектің аяқ жағындағы журнал үстелінің үстіне шай жасалып болғаннан кейін де, ол темекі соруын тоқтатпай, ұзақ ойланды. Содан кейін темекі тұқылын өшірді де журнал үстелінің қасындағы екінші бос креслоға келіп отырды.

– Ана есікті бері қарай жапқын, – деді ол иегімен бөлменің ашық тұрған есігін нұсқап. – Бұл екеуміздің арамызда ғана қалатын әңгіме.

Мен орнымнан тұрып, есікті жауып келдім. Бауыржан алдындағы шайды бір ұрттады да, маған қарады.

– Мен ол кісінің алдында кінәлі едім, қарағым, – деді бәсең дауыспен.

Защитник Отечества

– Ол қандай кінә еді, Бауке? – дедім мен де шайдан бір ұрттап қойып. Өйткені Баукең «Ақиқат пен аңыз» кітабым шыққаннан кейін маған барлық сырын бүкпей айта бастаған. «Қандай сұрағың болса да сұрай бер» деп бірнеше рет және ескерткен.

Баукеңнің көңіл күйі бірден өзгеріп сала берді.

– Қандай кінә? Қандай кінә? – деді ол бетін тыржитып, дауысын қатайта шығарып.
– Онда сенің не жұмысың бар?

Осылай деп ол мойнын сыртқа қарай бұрып әкетті. Мен үн-түнсіз отырып жауап күттім.

Бір кезде Бауыржан маған қайта бұрылды да аузын ашып, сорайған ұзын арық сұқ саусағымен тілін нұсқады. Мен оның не белгі екенін ұқпадым.

– Мынау немене? – деді ол менің ұқпай отырғанымға ыза болғандай тілін салақтата шығарып, нығырлай сөйлеп.

– Ол өзіңіздің тіліңіз ғой, Бауке.

– Ендеше осы кінәлі, – деді Бауыржан тілінің үстіңгі жағын саусағымен түртіп қалып.

– Ол қалай кінәлі боп жүр, Бауке?

– Бір кезде қатты тілім тиген Ғабитке.

Осыны айтты да тағы да ойланып қалды. Алдындағы шайдан бір-екі рет ұрттады да, сөзін жалғады. Осыдан он-он бес жыл бұрын бір жерде қонақта отырғанда Ғабитке қалай тілі тигенін қынжыла отырып айтты.

– Оны өмір бойы кешпес деп ойлаушы едім. Кешкен екен ғой, сабаз ағам, – деп Бауыржан басын еңкейтіп, сөзін аяқтады.

Мен «рас, солай болар» деп құптағандай басымды изедім. Бауыржан енді иегін жоғарырақ көтерді. Бағанадан бері булыға шығып отырған дауысы қалыпты, қатаң да ашық күйге көшті.

– Сендердің ол хаттарыңнан бірдеңе шығар, шықпас, онда менің жұмысым жоқ. Менің білетінім Ғабиттің ол хатқа қол қоюы – мына жерге қадалған Алтын Жұлдызбен тең, – деп Бауыржан жаңа тілін көрсеткен ұзын саусақтарымен енді кеудесінің оң жағын түртті.

Бауыржанның үйінен мен өз үйіме қанаттанып қайттым. Ең алдымен, Баукеңе жасырмастан өзім барып қайтқан сапар сырын айтқанымға қуандым. Соның нәтижесінде Ғабит ақсақалдың бойындағы жасырын жаңа бір парасат биігінің басына шыққанымға шаттандым. Ол кісінің ұсақ-түйек кикілжіңді кек тұтпай, «бас араздық» деген қазақ басынан кетпей келе жатқан ала ноқтаны лақтырып тастап, ер қадірін бағалай білген ұлылығына тағы да тәнті болдым. Өзге біреу болса, ағат айтылған бір ауыз сөз үшін өмір бойы өштесіп кетер еді. Сол үшін жұрт сүйген жақсысын жарға жығудан тайынбасы аян.

Жігіт жинап, жік құрып, сол жақсының соңынан сойыл-шоқпарлы сотқарларын андыздатып қоя беріп, өмір бойы онымен бітіспес жау боп кетуі хақ. Ал Ғабиттің Бауыржанның бір рет көрсеткен тіл тентектігіне кешірім жасап, өзі басшы боп оны

мынадай зор сыйлыққа ұсынып отырғаны адамдықтың, азаматтықтың, елдіктің ересен үлгісі, кейінгілерге ғибрат болар өшпес өнеге деп таныдым.

Осыған орай Бауыржанның өзі айтқан мына бір сөздері қайтадан күмбірлеп құлағыма келді.

– Біздің қазақ интеллигенциясы араздықтың ашытқысы болмай, ұйымшылдықтың ұйтқысы бола білуі керек. Интеллигент татулығы – ел ырысы. Интеллигенті ұйымшыл ел – ең қуатты да құдіретті ел.

Баукең қайтадан темекі тұтатып, аузынан будақтатып түтін шығарды да, сөзін жалғады.

– Біздің кейбір жігіттеріміз салпыауыз бульдогше сіресіп, тістеген жерінде тісі қатып қалады. Оны өлсең де ажырата алмайсың. Мен солардан қорқамын. Интеллигенция ұйтқысын, ел бірлігін бұзатын солар. Солардан шошимын. Ғабиттің мына қылығы соларға соққы екеніне қуанамын, қарағым.

Осы сөздерді естіп, мен Бауыржанның Алтын Жұлдызды арман етпей, ағайын бірлігін, азаматтар достығын ойлап, соны уайым етіп отырған кемеңгерлігіне сүйсіндім.

«Күн артынан күн қуып» дегендей, зымырап март айы да өтті. Оның соңғы күндерінде Брежневке жазылған хаттың қысқаша мазмұны баяндалып, оны Брежневтің қолына тапсыруды өтініп, Қонаевқа қысқаша тілек жазу керек болды. Хатқа қол қоюшылар Брежневке жазып, Қонаевты аттап кетуіміз дұрыс болмас. Алдымен сол кісіге айтып, сол арқылы хатты Москваға жөнелткеніміз жөн деп шешіпті. Дереу Қонаев атына екі бет жаңадан хат жазылды. Сол күні кешке оның бір данасы және өзім ел адамдарына қол қойдырып әкелген Брежневке хаттың Алматыдағылар қол қойған екінші данасы (мен екі данаға қол қойдырып әкелген болатынмын) қолыма тиді. Ертең осы екі хатты алып, Ғабит Мүсірепов Қонаевқа кірмек хабарын естідім.

Сонымен күндердің күнінде Брежневке жазылған хат Москваға жөнелтілді. Ол былай. Қонаев «қолы тимей», Мүсіреповты бірнеше күн қабылдамай жүрді. Ақыры бір күні сәті түсті, қабылдауға кіреді де хатты кабинет иесінің алдына ұсынып, осылай да осылай деп жайды түсіндіреді. Қонаев оған:

– Үлкен кісіге өздерің жібере берсеңдерші. Мен қарсы емеспін ғой, – деп селқос жауап береді.

– Брежнев жолдастың өз атына жазылған бұл хат Москваға біздің Орталық Комитет арқылы жіберілгені жөн ғой, – дейді Мүсірепов.

– Жоқ. Онда ресми боп кетеді. Өз аттарыңнан жібере беріңдер, – деп Қонаев хатты алудан ат-тонын ала қашқандай болады.

Сөйтіп, ол хат Орталық Комитет арқылы емес, почтамен жіберіледі. Конверттің қайтарма әдіресіне Алматыда тұратын Ғ. Мүсірепов үйінің номері, пәтері көрсетіледі.

Жеңістің 35 жылдығына одан нәтиже шыға қояды-ау деп ойлағанмыз жоқ. Өйткені хат өте кеш жіберілді. Алайда Қазақстанның 60 жылдығына бір жақсылық болар деп үміттендік. Өйткені ол жолы Қонаев: «Леонид Ильич Қазақстанның алпыс

Защитник Отечества

жылдық мерекесіне келгенде мен оған осы екі адамдарың туралы міндетті түрде айтамын» деп Мүсіреповке уәде беріпті. Біз бір жағынан соған малдандық. Ал ол кісі неге Брежнев Қазақстанға келгенде ғана айтады, оған дейін неге айтпайды деген ой ешқайсымыздың кәперімізге келмепті. Бәлкім, бұл «Қонаев халық қамқоры. Халық талап етіп отырған бұл өтінішті Брежневке айтып, сөзсіз орындатады» деп шексіз сенгендігімізден болар.

Таудан құлаған тасқын судай гүрілдеп Қазақстанның 60 жылдығы да өтті. Брежнев қалың нөкермен қотарыла келіп, салтанат құрды. Неше түрлі шырын сөздер сөйледі. Бірнеше күннен кейін күзде қайтатын қаздай тізіліп, мәртебелі қонақтар мекендеріне тарады.

Артынан сары сабан, сарғайған жапырақтан сансыз із қалдырып, қоңыр күз өтті. Алатау басына әдемілеп ақ сәлде орады. Қазақ жеріне қыс келді.

Бір күні маған Ғабит Мүсірепов телефон соқты. Баяғы жер қозғалса қозғалмас, маңғаз қалпы. Өзгеше ырғақпен әндете сөйлейтін сол сабырлы дауыс.

– Әзілхан, біздің анадағы Бауыржан мен Рақымжанға Батыр атағын сұраған қағазымыздан ештеңе шықпады, – деді ол сәлемдескеннен кейін.

– Бүгін ғана жауап алдым.

– Не депті, Ғабеке?

– Біз енді ешқашан Отан соғысы оқиғасына оралмаймыз. Ол ескірген дүние, – дейді.

– Анада Қонаевтың тойға келгенде Брежневке айтамын деп Сізге берген уәдесі бар емес пе еді? Айтып па, Ғабеке?

– Уәде бар да оны орындау бар ғой, – деді Ғабит салмақтап. – Айтпаған, айтқысы келмеген болар тегі.

Бұл хабарға менің жүрегім сыздап, жаным ауырды. Өйткені бұл менің бір жылға жуық жүректі кернеген жақсы үмітім еді. Жалғыз менің ғана емес, бүкіл қазақ халқының дерлік сарыла күткен үміті болатын. Сол халықты жақсы көрдім деп жария салған адамның оның бір тілегін бермеуі мүмкін бе? Мен Ғабиттің анық айтқан сөзіне бір сәт сенбегендей де боп қалдым.

Сондықтан болар:

– Жауап дәудің өзінен бе? – деп қайта сұрадым.

– Ол қолына қағаз ұстап, өз көзімен оқымайтын, тек құлағымен ғана жұмыс істейтін кісі ғой. Бер жағындағылардың айтқан сөзі. Шефтің өз жауабы осы депті.

Өкініш пен қапа қайтадан көкіректі кернеді. Ойдан ой туындады. Брежневтің өзі соғыс біткеннен 21 жыл кейін (1966) Совет Одағының Батыры атағын алды. 31 жылдан соң (1976) тағы Совет Одағының Батыры болды. Жас баланың туған күніне сыйлайтын сылдырмақ ойыншық сияқтандырып, ол алпысқа толғанда да, жетпіске жеткенде де Алтын жұлдыз алды. Қартайған сайын қайраты артып, жапырып жау жайратып отырғандай, Батыр атағына ие болды. Ал содан екі жыл кейін (1978), майданда жауынгерлер қып-қызыл қан төгіп, шыбын жанын пида етіп алатын Алтын Жұлдыздың үшіншісін Кремль кабинетінде отырып, ұялмай кеудесіне тақты. Отан соғысы ескіріп

кетсе, ол Алтын Жұлдыздарды өзі неге алады? О заманда, бұ заман ерлік ескіруші ме еді? Ол кісінің өзіне келгенде Отан соғысы ескірмейді де, өзгелер үшін оның ескіріп қалатыны қалай? Ел бастаған басшың өзіміңшіл болса, өзгеге не жорық? Ол кезде мұндай сөздерді тістен шығармай, тек іштей ғана айтатын едік қой.

Мен трубканы құлағыма тосып тұрып, осылай деп ойладым. Бәлкім, осы ойды менен бұрын Ғабит та ойлаған болар. Олай дейтінім, сөзінің соңында Ғабекең менің көкейімдегі пікірдің дәл төбесінен түскендей болды.

– Солай, Әзілхан. Тарихта мұндай парадокстар бола береді. Бұл хабарды саған жеткізген мен де жетісіп тұрған жоқпын. – Ғабит сәл бөгеліс жасады да, сөзін қайта жалғады. – Ал, сау бол. Келінге сәлем айт.

Біз осындай өкінішпен трубка жабыстық.

Өкінішті өмір ғой. Өкіндік те қалдық.

– Қазақстан жыл сайын бір миллиард пұт астық беруі, 50 миллион қой өсіруі керек, – деді Брежнев.

– Бәрі болады, – деді Қонаев.

Қонаев досына берген уәдесін орындауға тырысты. Халық аянбай еңбек етіп жатты. Ал Брежнев келесі жылы (1981) төртінші рет Совет Одағының Батыры атағына ие болып, кеудесіне жаңа жұлдыз тақты. Момышұлы мен Қошқарбаевқа бермеген жұлдызға ол оп- оңай ие болды. Ұлы Отан соғысының жеңісін өз қолымен жасаған Совет Одағының Маршалы Г. К. Жуковпен теңесті. Ол да төрт мәрте Совет Одағының Батыры. Бұл да сондай. Жоқ. Бірдей емес. Одан асып түсті. Жуковтың Социалистік Еңбек Ері атағына қолы жетпеген еді. Ал Брежнев Батырдың төрт жұлдызынан бұрын (1961) Социалистік Еңбек Ерінің «Орақ пен балға» алтын медалін көкірегіне жапсырып алған болатын.

Атақ пен наградаға тойымсыз бұл адам «ұялмаған бұйырмағаннан алады» дегендей, өзіне тиісті емес «Жеңіс» орденіне де ие болды. Ол аз болғандай, бірнеше социалистік елдердің Батыры деген атақты және алды.

1980 жылы, Ұлы жеңістің 35 жылдығы мен Қазақстанның 60 жылдығы тәрізді екі мерекеге байланысты реті келіп тұрғанда Бауыржан Момышұлы мен Рақымжан Қошқарбаевқа лайықты еңбектері үшін досынан Батыр атағын алып бермегені үшін біз Қонаевқа қатты ренжіген едік. Неге елдің ең ардақты адамдары жазған ол хатты қабылдамады, тым болмаса 60 жылдыққа Брежнев келгенде оған неге айтпады, өтініш жасамады екен деп өкінгенбіз. Сол хаттың Қонаевқа арналған нұсқасының да екі данасы менің алдымда жатыр. Онда былай деп жазылған екен.

«КПСС Орталық Комитеті Саяси Бюросының мүшесі, СССР Жоғарғы Советі Президиумының мүшесі, Қазақстан Компартиясы Орталық Комитетінің бірінші секретары, екі мәрте Социалистік Еңбек Ері Дінмұхамет Ахметұлы Қонаев жолдасқа:

Қымбатты Дінмұхамет Ахметұлы!

Биыл совет халқының фашизмді жеңуіне 35 жыл толуы мен Қазақ ССР-і мен Қазақстан Компартиясы құрылғанының 60 жылдығы атап өтілетіндігі өзіңізге мәлім.

Защитник Отечества

Осы мерекелер алдында және сол мейрамдарға байланысты еңбек және Ұлы Отан соғысы ардагерлерінің атынан, Өзіңіздің туған халқыңыздың атынан біз Сізге тілек етіп, КПСС Орталық Комитетінің Бас секретары, СССР Жоғарғы Советі Президиумының Председатели, Совет Одағының Маршалы Леонид Ильич Брежнев жолдастың атына жазылған қазақ халқының лайықты екі ұлы Бауыржан Момышұлы мен Рақымжан Қошқарбаевқа Совет Одағының Батыры деген мәртебелі атақты беру туралы біздің өтінішімізді қолдап, КПСС Орталық Комитеті Саяси бюросының, СССР Жоғарғы Советі Президиумының алдына және Леонид Ильич Брежневтің жеке өзінің алдына мәселе қойып, қуаттауыңызды өте өтінеміз.

Қазақтардың еңбектеген баласынан еңкейген кәрісіне дейін Бауыржан Момышұлы мен Рақымжан Қошқарбаевты батыр деп бағалайтыны, біздің халқымыздың жүрегінен ол екеуі Совет Одағының Батырлары Панфилов, Клочков, Төлеген Тоқтаров және басқалар сияқты орын алғаны, ол екеуінің де есімі ел көкейінен ешқашан өшпейтіні өзіңізге аян.

Момышұлы мінез жағынан қиын кісі екені белгілі, осы мінез оған кезінде көп кесел келтіргенін болжау да қиын емес. Бірақ біз бұл адамның Отан үшін, адамзатты фашизм бұғауынан азат ету жолында сіңірген ерлік еңбегі мінез кемшілігінің тасасында қалған деп білеміз. Ал, Қошқарбаевтың мінез-құлқы өмір бойы кіршіксіз қалпында келеді.

Біз, өз халқымыздың аға ұрпағының өкілдері, фашизммен соғыстың барлық сұмдықтарын көрген және майдан мен елдегі ерлік дегеннің не екенін жан-тәнімен түсінген адамдармыз. Сондықтан да біз осы екі ер азаматтың Совет Одағының Батыры атағына ие болғанын өз көзімізбен көріп кеткіміз келеді. Бізден кейін бұл мәселені ешкім де көтермейді. Ал біз бұл екі ер Совет Одағының Батырлары қатарында болашақта да қажет әрі пайдалы болатынына кәміл сенеміз.

Қымбатты Димаш Ахметұлы, біздің осы өтінішімізді Леонид Ильичке жеткізіп, оның ойдағыдай шешілуіне көмектесуіңізді тағы да Сізден өтіне сұраймыз.

Леонид Ильичтің атына жазған хатымызды осы өтініштің соңына тіркедік. Зор құрметпен...»

Бұдан төмен Брежневке арналған хатқа қол қойғандардың аты-жөндері, лауазымдары жазылған. Ең төменнен «5 апрель 1980 жыл» деп күні көрсетілген.

Мінеки, қазақ халқының атақты адамдары Брежневке хатты осылай жазып, ол дәл осылай нәтижесіз қалған болатын. Оқырман А. Тілеуқұловадан алған хатқа жазған жауабымда Бауыржан бұрын да Батырлыққа ұсынылған, бірақ ол ұсыныс аяқсыз қалған деуімнің себебі осы еді.

Брежневке жазған бұл хатқа қазір жұртшылық не дейді, халық қалай ойлайды – оны өздері айтар деп сенемін.

Шерхан МҰРТАЗА
Қазақстанның Халық жазушысы,
Мемлекеттік сыйлықтың лауреаты

БАУЫРЖАН, РАХЫМЖАН, КӘКІМЖАН

Бұл үшеуі үш тараптан. Ә, дегенде бәрі де «Жан» болғандықтан үшеуі ағайынды екен деп қаласың. Тіпті де олай емес. Үшеуі үш жақта туған.

Ал, өмірде үшеуі кіндіктес екені рас.

Ол былай.

1956 жылы Батыр Бауыржан армиядан біржолата босап, Алматыға келді. Қазіргі Қабанбай көшесі мен Фурманов көшесінің қиылысында, үш қабат үйдің екінші қабатында Бәукеңнің екі-ақ бөлмелі, құрқылтайдың ұясындай ғана пәтері бар. Бәйбішесі Жамал ханым «Лениншіл жас» («Жас Алаш») газетінің редакциясында қызметкер.

«Лениншіл жастың» бас редакторы Абай Бейсенбаевтан басқа қызметкерлерде үй жоқ. Сонда жас журналистер Кәкімжан Қазыбаев, Саттар Бөлдекбаев, Хайдолла Тілемісов, т.б. осы ұядай үйге келіп паналайды.

Бауыржан Момышұлы келген соң олардың саны көбейе түседі. Әлгілерге үй-жайы жоқ мен де келіп қосыламын. Бәріміз осы үйдің балаларындаймыз.

Шіркін, көңіл кең болса, үйдің тарлығы ештеңе емес екен ғой.

Сонда бәрімізден гөрі естиярлы, байсалды, әрі қаламы ұшқыр Кәкімжанға Бәукең мынандай талап айтады.

– Араларыңда Ұлы Отан соғысының нағыз батыры жүр. Ешқайсың көрмейсіңдер, сезбейсіңдер. Неғылған журналиссіңдер?! Журналист жұрт білмегенді ең алдымен білетін, соны көпшілікке алдымен жария ететін жаршылар емес пе? Есінде болсын, қасқыр мен журналисті аяғы асырайды. Ал, сендер жүрмейсіңдер, көрмейсіңдер, кеңсеқұмарлар!

Ә, дегенде Кәкімжан Қазыбай баласы ішінен: «Бәукең өзін айтып отыр ма? Қай батырды айтып отыр?» – деп қалады.

Кісінің не ойлап отырғанын қандай бір қасиетімен біліп қоятын Бауыржан Кәкімжанға:

– Жоқ! Сен ойлағандай емес. Менің атым әлдеқашан әлемге әйгілі. Мен Рақымжан Қошқарбаевты айтып отырмын. Рейхстагқа бірінші болып ту тіккендердің бірі сол! Тап соны! Жаз соны! – дейді.

Кәкімжан Қазыбай баласы батыр ағасының бұл тапсырмасын (бұйрығы десе де болады) мүлтіксіз орындап шықты. Қошқарбаевты тапты. Ешкім білмейтін, қатардағы қарапайым жұмысшы болып жүрген Қошқарбаев.

Журналист өз геройын тапты. Бірақ геройдың өз айтқаны әлі жеткіліксіз. Майдангерлердің ішінде де асыра сілтеп айтатындары болады. Енді Кәкімжан шындық материалдарын іздеудің қиын жолына түседі.

Защитник Отечества

Нәтижесінде «Лениншіл жас» газетінде Рахымжан Қошқарбаев туралы үлкен очерк жарияланады.

Әне, сөйтіп туған халқы өз Батырымен табысады.

Бірақ Сталин мен партияның «сценарийі» бойынша Рейхстагқа тұңғыш ту тіккендер әлдеқашан белгілі болып, оларға Совет Одағының Батыры атағы баяғыда беріліп қойған. Біреуі орыс Егоров, екіншісі грузин Кантария. Солай болуға тиіс. Неге екенін ішің білсін.

Ал, сол екеуінен де бұрын, бас көтертпес сұрапыл, нәсерлеткен оқтың арасындағы ысырат көпірінен өтіп барып, Рейхстагқа ту тіккен қазақ Қошқарбаев пен Булатов есепке алынбайды. Өйткені олар «сценарийге» ілінбеген.

Кәкімжан Қазыбай баласы «алтын шыққан жерді белден қаз» деген қағидаға жүгініп, алғашқы очеркін тың деректермен, фактілермен толықтырып, Қошқарбаев туралы кітап та жазды.

Бірақ Мәскеу селт етпеді.

Бауыржан бастаған ел азаматтары ЦК-ға хат та жазды. Республика басшылары Мәскеуге жазды.

Мәскеу былқ етпеді.

Рейхстагқа ту тігілген Жеңіс күнінен бері елу төрт жыл өтті. Сонда барып, Президент Нұрсұлтан Назарбаевтың Жарлығымен Рақымжан Қошқарбаевқа Халық Қаһарманы атағы берілді. Бұл да болса, Тәуелсіздіктің арқасы.

Әйтпесе Мәскеу көнбейді.

Қуанышқа қол жетті.

Бірақ бұл күнді Бауыржан да, Рақымжан да, Кәкімжан да көрмеді. Бұл Жарлықты оқымады.

Жарлық хабарын біз алыста-алыста, сонау Талдықорғанның ар жағында, Ақсу ауылында, Мамания мектебінің алдында тұрғанда, бір кезде осы мектепте оқыған Кәкімжан Қазыбай баласына арналып мектеп қабырғасына ескерткіш тақта қағылып жатқан кезде естідік.

Ел болып, жұрт болып қуанышқа бөленді. Той үстіне той болды. «Бұл әйгілі мектептің қабырғасына не үшін Кәкімжанға тақта ашылып жатыр?» деген кейбір күдікшілерге аспан өзі аян берді. Қошқарбаев атын алғаш рет алты алашқа танытқаны үшін, жалынды журналист болғаны үшін, журналистердің ұстазы болғаны үшін, кейіннен белгілі жазушы болғаны үшін, адамгершіл, азаматтығы биік болғаны үшін екеніне көпшіліктің көзі жетті.

Мамания мектебін бітірген белгілі қоғам қайраткері жалғыз Кәкімжан ғана емес, әрине. Бұл мектепте Алаш көсемдерінің бірі Мұхамеджан Тынышбаев, үлкен ағартушы Біләл Сүлеев, ақиық ақын Ілияс Жансүгіров оқыған.

Сірә, олар тұрғанда Кәкімжан тақтасы жалғызсырамас. Жаңағы жайсаңдар мен жақсыларға арналған тақталармен қатар тұрса, тым жарасар. Басшы азаматтар мұны да ойласар.

Ал, Кәкімжан Қазыбайұлы олардың алдына түсіп кету себебі – әдеп сақтамағандықтан емес, дәл кәзір оның туғанына жетпіс жыл болып тұр ғой.

Кәкімжан журналистік аса ауыр жұмыстардан, партиялық, мемлекеттік қызметтерден сәл мойны босаған шақта көркем шығармалар жазды. «Ызғар», «Сұрапыл», «Аманат», «Құпия құты», т.б. роман, повестері оны жазушылар қатарына қосты. Құлашы енді-енді кеңінен жайылып келе жатқан шақта оқыстан дүние салды.

Ертеде Сырымға бір би айтыпты дейді:

– Қарадан – хан,
– Айырдан – нар,
Жоқтан – бар болдың.
Сыры неде? – деп.
Сонда Сырым батыр:
– Қарадан хан болсам,
Халқым қалаған шығар.
Айырдан нар болсам,
Атам жараған шығар.
Жоқтан бар болсам,
Тәңірім қараған шығар,
– деп жауап қайтарыпты.

Бақалы деген кішкентай ауылдан шыққан қара бала кейін ЦК-ның секретарлығына дейін өссе, өлермен еңбегімен, таудай талабымен, жайсаң мінезімен жұртқа ұнаған шығар.

Туған жерінде, қарапайым халық өз ұлының жетпіс жылдығын атап өткенде, Мамания мектебінің алдында тұрғанда маған осындай ойлар келді.

Қазақ халқынан шыққан ірі тұлғалардың бірі – Ұзақбай Құлымбетов еді. «Халық жауы» атанып, атылып кетті. Сол «халық жауы» деген қаһарлы сөзден сескенбей, шынайы махаббат сезіммен Кәкімжан сол «халық жауының» қызы Орыншаға үйленеді. Әр азаматқа тағдыр осындай адал жар бұйыртсын. Орынша да осы Маманиядан түлеп ұшқан. Мамания – шын махаббат мекені. Білім ордасы.

Маманияны жұрттың бәрі біле бермес. Әсіресе кейінгі буын. Бұл өлкеде Маман деген бай өткен екен. Осыдан жүз жыл бұрын сол бай мектеп салдырыпты. Қазақта байлар аз болмаған. Бірақ оларды кәзір кім біледі? Өтті-кетті. Мыңғырған малды, байлықты о дүниеге бірге ала кеткен жоқ. Ешкім олардың басына алтыннан ескерткіш соққан жоқ.

Ал, Маман байдың аты қайта тірілді.

Бізде кәзір байлар бар ма? Бар ғой. Бар болса, мектеп салдырғаны бар ма? Естімедім. Оқымадым.

Ендеше Маман байдың ісі соларға сабақ. Дүние өткінші. Бірақ Маман сияқты өлмеймін десең, жүдеу тартқан ауылға қол ұшыңды бер. Тозған мектебін жөндеуге көмектес. Анаң ғой. Өзің бай бола тұра, Анаңның көйлегі жамау-жамау жыртық болса, байлығыңмен батпаққа батып қаларсың.

Мамания мектебінің алдында Кәкімжан Қазыбайұлына ескерткіш тақта қағылғанда осындай да ойлар шарпып өтті.

Мырзатай ЖОЛДАСБЕКОВ
Көрнекті мемлекет және қоғам қайраткері,
филология ғылымдарының докторы,
профессор

БАУЫРЖАН ТУРАЛЫ СӨЗ

Ұзақ тарихымыздың қай белесінде де халқымыздың абыройын өсіріп, ұлттың мақтанышына айналған даналар да аз болмаған. Ел шетіне жау тиіп, сүттей ұйып отырған бейбіт қауымның басына қатер төнгенде халық ұранын байрағындай желбіретіп, елім деп еңіреген түкті жүрек, мықты білек ұлдардың да, елдің, жердің амандығын, бауырдың бүтіндігін көксеген басалқалы билердің де, жалын атқан жырымен, жүрекжарды сырымен алыс-жақынды бірдей баураған от ауызды, орақ тілді абыз ақындардың да талайының атын атай аламыз. Ұлттың мерейін, рухани асқақтатып өсірген, келер ұрпақты күнес биік, мұзарт шыңдарға шақырып тұратын халықтың жақсысы мен жайсаңын біз қашан да мақтаныш тұтамыз.

Ал енді осыншама қымбат қасиет, сирек сипаттың бәрі жиналып келіп бір адамның бойына бітсе қалай болмақшы? Сондай бола ма өзі? Болғанда қандай! Оның дәлелі – Бауыржан Момышұлының өнегелі, отты өмірі.

Тарихымыздың тап осындай шын мәніндегі жұлдызды сәтінде жүрегіміз жарыла жаппай қуансақ, еш әбестік бола қоймас. Біз осы күнді, осы сағатты жарты ғасыр бойына асыға күттік. Өйткені, көп ұлтты мемлекетіміздің елдігі сынға түскен екі талай кезеңде ерлігімен даңқы асқан жас қазақ офицерінің атын жеңістер шежіресінің алғашқы беті жазылмай жатып-ақ, жалпақ далаға жария қылған еді. Сөйтіп оның батырлығы мен батылдығына жұрт түгел таңқалған-ды. Қай майданда қайсар сарбаз да, қайсар сардар да аз болмас. Бірақ, қатардағы батальон командирінің қайсар ақылына көрген де, естіген де бірдей таңдай қақты. Оның шын мәніндегі жұлдызды сағаты сонда туған еді. Содан бері ондай абырой биігі бір сәт те аласарып көрген жоқ. Бауыржанның жұлдызды сағаты нағыз жұлдызды ғұмырға, жұлдызды дәуренге, тек бір кісі үшін ғана емес, бүкіл ұлт үшін жұлдызды дәуір, жұлдызды ғасырға ұласты. Содан бері қазақ деген сөз Бауыржан атымен қосақтаса айтылып, Бауыржан деген сөз қазақ деген сөздің ең ұлы, ең терең, ең асқақ баламасына айналды.

Сол жылдары жас қазақ ақынының жан жүректі жарып шыққан:

*Жатса да алыс
алабұртып қан майдан,
Есіміңді есітеміз
шалғайдан.
Сен сүйетін
Сарыарқадан самалды,
Жетісудан
Сені тосып сарғайған.
Құлдық! – дейміз*

батыр деген даңқыңа,
сені туған
Қалың қазақ халқына,
қуанамыз
ерлігіңе, агажан.

Дақ салмаған дана баба даңқына, –

деген жалынды шумақтары көптеген ұлттар мен мемлекеттердің ең дуалы ауыздары алуан тілде шын көңілден қостаған ерлік дастанына жалғасты. Дүниенің түкпір-түкпіріндегі оқырмандар Александр Бектің әлемнің негізгі тілдерінің бәріне дерлік аударылып, миллиондаған тиражбен басылып шыққан «Арпалыс» кітабын оқу арқылы бір Бауыржанды танып қана қоймай, бүкіл қазақ халқының ерлік сипатын, дархан мінезін тани түсті. Оқып қана қойған жоқ, екі көзі оттай жанған, алмас қылыштай жарқылдаған жас құдіреттің – жас қазақ офицерінің сымбатына да қызыға қарады. Сондай күллі әлем түгел білген, түгел сүйсінген асыл азаматтың еңбегі мен ерлігі еленбегені, ескерілмегені әділеттен хабардар әрбір жүректі жаралары, әрбір сананы шамырықтырары айтпаса да түсінікті еді. Бауыржан арғы-бергіде талай мерейленген халқымыздың биік мерейі, нұрлы шырағы еді. Сонымен қоса оның тәкаппар басын бір сәт те игізбегенмен, ет жүрегін талай сыздатқан көпе-көрінеу әділетсіздік – талай жерде у жұтқан қасіреті мол халқымыздың жүрегіне мықтап байланған шер-шемен еді ғой.

Бұлай ойлайтын тек біз ғана емес екенбіз. «Да и кто мог подумать, что легендарный комбат-панфиловец, державший оборону у стен Москвы, на Волоколамском шоссе, Бауыржан Момыш-улы, чей колоритный образ так ярко выписан Александром Беком, уничтоживший вместе со своим батальоном в боях у деревни Горюны и железнодорожной станции Матренино около 600 фашистов, – никогда не носил такого высокого звания. В народной молве – и не только у казахов – у русских, украинцев, других – он всегда был и оставался Героем. Жил, воевал, умер Героем. Непризнанным при жизни, но настоящим», – деп жазылды «Известия» газетіндегі «Неторопливое признание» атты мақалада.

Айтса айтқандай емес пе, бұлай деп кім ойлаған...

Зады, көрмегені жоқ көнбіс халқымыздың ұзына-ұзақ тарихи жолында «бұлай болады деп кім ойлаған» дегізбей қоймайтын өкінішті нәрселер көп-ақ қой. Арғы тарихты қойып, осы ғасырды-ақ алайықшы. Жаңа заманға енді жетіп, ел қатарлы еңсе көтереміз, гүлденеміз, көркейеміз деп отырған бейбіт күнде, айдың-күннің аманында алапат ашаршылыққа ұрынып, халықтың жартысына жуығы қырылып қалады деп кім ойлаған... Халқым деп зар илеген асыл ағаларымыз сол өз халқының жауы аталады деп кім ойлаған... Қиын қыстау кезеңде қиыр-қиырдан көшіп келгендердің қайсы бірінің ес жиып, етек жапқан соң «жер де менікі, төр де менікі» деп шыға келетінін кім болжаған... Сол сияқты ерлігі бүкіл елге мәлім болып, аты аңызға айналған Бауыржан Момышұлының батырлығы ресми түрде мойындалмауы мүмкін-ау деп те кезінде кім ойлаған?! Себебі де көп шығар, дәл бүгін соның жауабын іздеп несіне

Защитник Отечества

дал болып шаршайық. Туралығы, тіктілігі, тектілігі қасиетімен қатар қасіреті де болған Баукеңнің біртуар бітімі, мәрт те морт мінезі өзіне кедергі де болмады деп те айта алмаймыз. Қалай дегенде де мұның өзі күні кешеге дейін қазақ халқының асыл перзенттеріне жасалған сан қилы әділетсіздіктердің бірі боп келді деп ашыныңқырап айтпасқа амал қалмай тұр. Сонау сұрапыл соғыз кезінде-ақ құлай сүйіп, құдіреттей қадір тұтқан Бауыржандай батырының өзіне лайықты атағын ала алмай қалғаны тұтас бір халықтың көңіліне келіп, мың-мыңдаған жандардың жүрегінде әділетке деген күмәнді күшейте түскенін жасырып-жабудың да реті жоқ шығар.

Ерлікті жасау да, ер болып өлу де талай азаматтың қолынан келген. Ал ер болып өмір сүре білу, ұзақ ғұмырдың бір сәт, бір сағатында ерлік ғұрпынан айнамай өмір сүре білу, қашан да алдыңда тұрғандай қайсар өмір сүре білу – біз көрген жанның ішінде тек Баукеңнің ғана қолынан келді. Бұл тек кез келген жұмыр басты пенденің тағдырынан ғана емес, кез келген ұлттық тарихтан табыла бермес аса сирек рухани құбылыс еді.

Ендеше біз Баукеңнің омырауына бәрібір қадалмайтын Алтын Жұлдызды әділеттің бәрібір жеңбей қоймайтындығының даусыз дәлеліндей көріп қуанамыз.

Баукең жайында үзбей жазып келе жатқан қаламгер Әзілхан Нұршайықов таяуда республикалық газет бетінде: «Қазақ халқы Бауыржанға Совет Одағының батыры атағы берілуін 45 жыл арман етті. Қырық жыл үкімет басында отырған өзімшіл, әкімшіл, шеншіл, шекпеншіл, жылтыр басшылар халықтың бұл арманын іске асырмады. Нұрсұлтан Әбішұлы Назарбаевтың Қазақ ССР Президенті болғанына бір жыл толған жоқ, сегіз ай ғана болды. Қазақ халқының нағыз бел баласы осы азамат сегіз айдың ішінде халқымыздың бұл асыл арманын жүзеге асырды. Бүгін Бауыржанның 80 жылдығына және оған Батыр атағы берілуіне арналған осы салтанатты күндерде Нұрсұлтан Әбішұлын кезінде арманына жеткен, жетпей кеткен Бауыржан сияқты асыл ағалардың әруағы қолдай берсін», – деп жазыпты.

Осындай қуанышты күні біз Әділет туралы толғанбай тұра аламыз ба?

...Анамыздың ақ сүтіндей қасиетті осы бір ұғымды қиялдан шындыққа, мақсаттан нәтижеге айналдыру дегенде Бауыржандай азаматтық, Бауыржандай күрескерлік керек екен.

Олай дейтініміз Бауыржанның сонау қан майдандағы алғашқы ерліктері де халыққа жасалған қиянатты, адамзатқа жасалған қиянатты жоққа шығаруға бағышталған-ды.

Бұнымыз бүгінгідей мереке-думанда көп айтыла беретін көтерме сөз, көпірме сөз емес екенін көпшілік дұрыс түсінеді деп білемін.

Бір сәт ойланып көрейікші, Бауыржанды Бауыржан еткен қандай күш? Ең алдымен, өзінің елі, алтын бесігі. Өйткені даналарды тарих толғатып, аналар босанады. Ал тарих дегеніміз – ел тағдыры. Ол тағдыр ерлер тағдырынан түзіледі. Ерлер тағдыры – ел тағдырын тұйықтан шығаруға бағытталған табанды күрес.

Ер қадірі ел қысылғанда білінеді. Елін қысылтпай, қиямет-қайымға өзі бас тігу ердің ғана қолынан келеді...

Тағдырдан да, алыс-жақын, дос-жараннан да көл-көсір жақсылықты көп көре бермеген біздің жұртымыз басына іс түскен қай тұста да медетті өз қарымынан, көсемді өз бауырынан тапқан. Халқының басына түскен қарлы қаратау тауқыметті қайыспай көтеріп әкете барар нар тұлғалы азаматтардан ешқашан құр алақан қалып көрген емес.

Өйткені ел мүддесін жақтай білмей, ер танылмайды. Ер танылмай тұрып, елі танылмайды. Елінің мерейі өспей тұрып, ерінің мейманасы тасығаны бақ емес – сор. Нағыз азамат халқы қайғыдан қан жұтып отырғанда қағанағы қарқ, сағанағы сарқ болып жүре алмайды.

Күні кеше ғана көз алдымыздан кеткенімен, көңілімізден ешқашан кетпейтін асыл Баукеңнің інгәләп дүниеге келген сәтінен уһілеп дүниеден өткен сәтіне дейінгі бар ғұмырын ойша сараптар болсақ, санамыздың алдымен аңғарары, алдымен ұғары осы болар еді.

Бүгінгі сіздер мен біздерге, болашақ ұрпаққа Баукең қалдырған асыл аманаттың бірі – ұлттық мақтаныш сезімін үкілеп ұстау, ұлт намысын аяққа басқызбау. Сонау 1942 жылдың өзінде қойын дәптеріне: «Ұлттық мақтаныш – ұлт азаматының мызғымас заңы, қасиетті ісі. Кімде-кім өз ұлтын құрметтеп, оны мақтаныш етпесе (ал әр ұлтта да мақтан тұтарлық жайлар бар) ол барып тұрған азғын...» деп жазған ағамыз көз жұмғанша өзінің халқын емірене сүйіп, туған елінің намыс туын желбіретіп өтті, ойдан шығарылған «ұлтшылдықтан» құтыламыз деп жүріп ұлтсыздыққа тұтылған кешегі жасық жылдарымызда жұрттың жігерін шарықтай жанитын шамырқанған асыл сөздерін айтып өтті. Интернационалист болудан бұрын интернационалист атануды көбірек көздеп, ұлтын тезірек ұмытуға ұмтылған қайсыбіреулердің жапқан жаласына, жаққан күйесіне, жазған арызына жасымай, дегенінен танбай өтті.

Сонымен Бауыржанды Бауыржан еткен ең алдымен, елі екен. Елі болғанда да талай ықылым заманның талай өткелегінен өте жүре өз бойындағы жігер мен қайратты, алыс-жақынға бірдей мейірбан елдік пен кеңдікті, төрге жеткен соң басымды оздырам деп, есікте тұрып сағын сындыртпайтын, ар мен намысты ауылының шабылған, малының қырылған, бағының ұшқан, туының жығылған жеріне тастап кетпей, жүрегіннің түбіне түйіп, жүйкесінің тінімен тігіп, ұрпақтан ұрпаққа, ғасырдан ғасырға жеткізе білген асыл сүйек абзал рухты туған халқы қазақ халқы екен. Сол халықтың бойындағы бар мінез, бар құлық, бар қасиеті, бар көрік қапысыз тоғысып қанға сіңген, бір тұлға болса ол – Бауыржан. Бауыржан – тек бір ұлыстың, бір шаңырақтың сағына күткен перзенті, қуанып көрген қызығы емес, бүкіл бір халықтың жетер мерейі, табар абыройы болды. Ол тарихтың адам айтқысыз қиянатын көріп, төрдегі басы есікке шығып қала жаздаған халқының осымен екінші рет әлгіндей есікке жеткен басын қайтадан төрге шығарып беріп отыр. Бауыржан Момышұлының туған халқы алдындағы еңбегінің ұлылығының өзі де, міне, осында.

Өздеріңіз ойлаңыздаршы. Қиянаттың қақ-соғын көрудей көріп, әбден жүйкелеген халық әбден төзімді тастап, жігердің, сабырды тастап намыстың айтқанымен әрекетке көшті. Ұйытқымалы дәуірдің қым-қуыт шытырманьында өмірдегі өз орнын, болашаққа

Защитник Отечества

ұмтылар жолын іздеді. Бұл – Бауыржанның жарық дүниеге алғаш көз ашқандағы көрген шындығы. Сол сергелдең бір сәт тыншып, арпалысқан арман дегеніне жетіп, көздеген мақсат көз көрімге енді келді ме деп тұрғанда, сергелдең ізденісте жол бастаған, серпінді күресте көш бастаған көзі ашық, құлағы түрік, саналылар санаты әуелі бір-бірімен алжасты, артынан қай жағы да қиянаттың қанжығасына байланып, баршаның көз алдындағы тарих сахнасынан әркімнің көңіліне күдік қалдырған беймағлұм тұңғыққа сүңгіді. Ай тумай солған, таң ағармай сөнген жұлдыздардай сол бір тұлғалармен бірге ел үміті де әлсіреп, келешекке деген сенімді де қалжыратты. Тапқан-таянғанынан әп сәтте таланып, өзгелердің өзіне деген сенімінен де айырылып, құлазып қалған халқының қуарыңқы тіршілігі – азамат болып, ат жалын тартып мінген Бауыржанды есейткені шындық. Алыстағы ауылдың, қияндағы жұртының осы бір жұпыны ахуалы тайга арасындағы казарма тұрмысында дойыр ұстап додаға түскен бабалар қақтығысының әрі ұқсап, әрі ұқсамайтын әскери өнердің соңына түскен жас маманның қиялын қандай саққа жүгірткенін кім білсін?!

Сонымен Бауыржанды Бауыржан еткен және бір шешуші күш – оның тартысқа толы шытырман заманы болды. Тек тартыстың тұсында туып, ағаның ағаға, бауырдың бауырға қол көтергенін көріп, кейде адалдық орнына арам, арамның орнына адал жүріп кететіндігін аңғарған ақынжанды жас сардар Москва түбінің қалың қарына малтыға жүріп, бес рет қоршауды бұзып, жалпы саны 207 рет қос бастап, ұрысқа кіріп, әскери ғалымдардың айтуынша 27 рет соғыс тарихында болмаған тактикалық жаңалық жасағанда неге сенді? Әділеттің барына сенді. Адамгершіліктің жеңетініне сенді. Жүріп жатқан қанды шайқасты екі сипатты мемлекеттің, екі сипатты әскери техниканың, екі сипатты әскери өнердің тайталасы деп емес, бағзыдан бақиға созыла беретін әділет пен қиянаттың, зұлымдық пен ізгіліктің, айуандық пен адамгершіліктің арасындағы бітіспес күрестің әбден шегіне шыға асқынған бір тұсы деп ұқты. Ондай тайталаста қаруы мықтыны сенімі мықты, үсті бүтінді намысы бүтін жеңеді деп сенді.

Командир Момышұлы жетік стратег, асқан тактик болуымен қоса, сұңғыла психолог та еді. Ол жауынгердің жан дүниесін ұрыс даласының диспозициясынан да гөрі үңіле зерттеді. Сол арқылы өзіне сендірді, өзіне сендіру арқылы халқына сендірді. Көшпелі жұрттың орашолақтығы жайындағы, көшпелі сананың тайыздығы мен пәтуасыздығы жайындағы көптен жүрген көлденең ұғымдарды жоққа шығарды. Өз халқыңды танытудың, мойындатудың бірден бір жолы – оның парасат биігін, сарабдал санасын, баянды мақсат-мүддесін айқын да терең білу деп ұқты.

Мұндай ерлік білекті ғана емес, білікті ердің ғана қолынан келеді. Мұндай жүйелілік өз ісін ел ісімен, өз тағдырын ел тағдырымен, өз құлығын халқының құлқымен терең тоғыстыра алатын, тарихи жауапкершілікті терең сезінетін тұлғаның ғана қолынан келеді.

Біздіңше, әскери қызметтен мезгілсіз босаған офицерге араға уақыт салдырмай қалам ұстатқан да сол тарихи жауапкершілік еді. Кеше өзі көрген, өзі бастан кешкен, өзін тебіrentкен кез келген ұрпақтың басында болмауға тиісті, бірақ кез келген ұрпақтың

білуге тиісті ащы шындықты, айбынды шындықты, жеңіліске, ұтылысқа, қорлық пен зорлыққа арналмаған адам тіршілігінің күрделі шындығын, намысқа сүйенсе ғана көркейтп, намыстан қол үзсе, күйрей бастайтын адам рухының асқақшылдығын дәл өзі секілді қаз-қалпында жеткізе алатын қапысыз куәнің жоқтығын сезінген шынайы азаматтық жауапкершілік еді.

Бауыржан бұл жолы жалғандық, әлеуметтік бөспелік, даңғаза мақтан сынды рухани дұшпанның қырық бұлақ айла-шарғысының жолын кесіп, соны ұрпақтың сезімі мен парасатын айдай ақиқаттың өзімен бетпе-бет жолықтыруды мақсат етті. Ол мақсатына жетті. Оның кітаптары – екінші дүниежүзілік соғыстың қазақ әдебиетіндегі көркем шежіресінің арлы да нәрлі беттері.

Халқымыздың бағзыдан ақыны – батыр, батыры – ақын болып келетін дәстүрінің осы ғасырдағы үздік үлгісі – Бауыржан Момышұлы. Баукеңнің көркем туындыларын оқып, мақал-мәтелге айналып кеткен қанатты сөздерін естіген адам оның қан майданда қол бастаған ерлігінің де, бейбіт күнде халқына еркелеп өткен серілігінің де, мынау ноқталы заманда ештеңеге мойын ілдірмей кеткен ерлігінің де бастау-бұлағы халықтық тәрбиеде, өзі жасынан жаттап өскен батырлық дастандарда, бабалардан қалған бата-тілектерде жатқанына көз жеткізе түседі.

Бауыржан Момышұлының азаматтық белсенділігіне, перзенттік парызға адалдығына дәлел ретінде мына бір мысалды келтіруге болар еді. 1944 жылы Қазақстан Компартиясы Орталық Комитетінің сол кездегі хатшысына хат жазады. Майданнан аз уақытқа демалысқа келген Баукең бұл хатта Алматыда көрген-білгенін баяндап, қазақ тіліне төне бастаған қатерге дабыл қағады. Хаттан үзінді келтірейік:

«Осы таңда қазақ тілін «дөрекі, икемсіз, топас, кедей тіл... Онымен айтайын деген ойыңды, пікіріңді еркін айта алмайсың...» деп дұрыс бағаламай, жала жауып, теріс зиянды жағдайдың құлдығында жүрген ұғымсыз, жалқау, «дүмше молда дін бұзардың» кебін киіп, сәлдесін орап, тіл бұзушы азамат, азаматшалар да, жүгенсіз, арсыз топастар да қазақ арасында молайып келе жатқанға ұқсайды.

Қазақ тілінің байлығы жетпегендіктен деген дәлелсіз былжыр өзінің ана тілінің үдесінен шыға алмай – құр қалған, оған көңіл бөлмеген сормаңдайлардың, ұлт мақтанышы сезімінен, ұлт намысынан ажырап, «шөре-шөре» болып артта қалған надандықтан туған сылтау ғана болуы керек», – дейді Баукең өзінің хатында. Ойын дәлелдей келіп, нақты ұсыныстарын айтады. Баукеңнің: «Аяқ асты елеусіз болып кеткен қазақыландыру мәселесі алдымен қазақтардың өздерін тіл жөнінен тәртіптеуден басталып, барлық үкімет, кеңсе, ғылым, оқу, өндіріс, өнеркәсіп орындарында қайтадан әділдікпен көтеріліп қолға алынуы жөн» дегені қазіргі мемлекеттік тіл мәртебесінің талабындай емес пе? Дәл бүгін айтылғандай ғой.

Бауыржан Момышұлы тек майдан даласында ғана емес, жазу столының басында ғана емес, аттап басқан әр қадамында, береке мен берекесіздік, пәтуа мен пәтуасыздық ию-қию араласып жататын күнделікті қарабайыр тұрмыстың кез келген сәтінде өзіне тән рухани жауапкершіліктен бір сәт ажырап көрген емес. Бұл Баукең тірі кезінде-ақ мәрмәр ма, гранит па – тас тұғырға мініп ап, содан түспей қойған екен деген сөз

Защитник Отечества

емес. Жоқ. Ол кәдімгі жұмыр басты пенделердің ешқайсысынан артық дәулет те, дәреже де жиған жоқ. Қажет десеңіз, олардың көбіне қарағанда, өмірден өз ұпайын алып қалу жағынан әлдеқайда кем соғып, кенде қалып жатты. Бірақ Баукең өзінің ең басты қасиеті – ел жолында басын, шындық жолында барын пидаға шалатын рухани қайсарлығынан бір сәт айнып көрген емес. Оны әкім де алдай алмады, жағымпаз да арбай алмады. Ағайын оны күлдікөмеш күйкі есепке көсеу қып сала алмады. Бейбіт күндердің қан майданға бергісіз шытырман шырғалаңдарында қашан да саяқ жүріп, сара сөйледі. Қол бастап, шайқасқа кіруден аулақ тұрды. Бұл реттен қарағанда, ол ғылымдағы, өнердегі, әдебиеттегі, әкімшіліктегі қай аға, қай іні, қай қатарлас замандасына да атымен ұқсаған жоқ.

Бауыржандай дара тұлғаларды табиғат ана қай заманда да, қай халыққа да сирек сыйлайды. Сондықтан да Баукең өмір бойы ел махаббатына бөленіп, халқының қадірлісі, аяулысы, еркесі болып өтті. Халқы Баукеңді алақанында аялап, ол жөнінде неше түрлі аңыз-әңгімелер де шығарды, абзал атын ардақтап, Бауыржан есімін мың-мыңдаған нәрестелеріне ырым етіп қойды. Соғыстан оралғаннан кейінгі қырық жылдың ішінде халықтың Баукеңе деген ыстық сүйіспеншілігі бір сәт те суымай, соған сай батырдың биік бейнесінің сынық сүйем аласармай өткені қалай дегенде де қызыға қарайтын ғажап жай. Бүкіл бір ұлттың мұрат тұтар арман-бейнесіне айналған Бауыржандай аңыз-адамның жиырмамыншы ғасырдың екінші жартысында жүрек дүрсілін мотор гүрілі естіртпей кеткен ызу-қиқу уақытта өмір сүргені, расында да, таң қаларлық құбылыс.

Момышұлы феноменінің тағы бір сыры – біздің қоғамдық организмiмiздiң тамыр-тамырын қуалай сiңiп кеткен дерттерде, социализмнiң әу бастағы асыл мұраттарын бұрмалап, бұтарлап жиберген әмiршiл-әкiмшiл жүйенiң табиғатында жатқандай. «Жұрт айтса болды, көп айтса көндiнiң» заманында, еркiн ой тұмшаланып, ең батыл байламдар әрi кеткенде ас үйде айтылған кешегi кезеңде халық көлгiрсудi, жалтақтауды, жарамсақтануды бiлмейтiн, мән-мансап, шен-шекпен iздеп шаршаймайтын, ойындағысын қай жерде де iрiкпей айтып, қасқайып жүре беретiн Баукеңдi көрiп, көрмесе алыстан атына тойып, туралықтың туы жығыла қоймағанына көз жеткiзетiн, соны дәтке қуат ететiн.

*Қадiрiн бiлмеппiз зой тiрi кезде, –
Деп жылар сорлы қазақ мен өлгенде.
Ұрпақ атар сексен мен жүздiегiмдi,
Тарихтың түкпiрiнен сөз келгенде, –*

деген шумақты Бауыржан Момышұлы 1947 жылғы желтоқсанның 6-сы күні жазған екен. Сонда ғой Баукең отыздың жетісінде ғана. Бұл атақтан басы айналған жас полковниктің астамшылығы емес, өз бағасын білген азаматтың сөзі екенін уақыт көрсетіп берді. Біз бүгін, міне, сол сексенін атап отырмыз. Ертең тоқсаны, жүзі келеді, ұрпақ алмасады. Баукеңнің көзін көргендер дүниеден өтіп, бейтаныс буын келеді өмірге. Бірақ қаншама аумалы-төкпелі күн туса да, өзі жанын сала қорғаған көп ұлтты Отаны барда, перзенттік жүрекпен сүйіп өткен туған халқы барда Бауыржан

Момышұлының аты ұмытылмай, даңқы ғасырлардан ғасырларға жететініне, ерлігі елге аңыз болған күйі ұрпақтан ұрпаққа кететініне еш күмән жоқ.

Баукең дүниеден озғалы да, міне, тоғыз жылға кетіп барады. Уақыт не нәрсеге де әділ қазы, қатал төреші дейтін болсақ, осы жылдардың өзі Бауыржан Момышұлының атақ-абыройын арттыртып, зарықтырып жеткен Алтын Жұлдыз. Бұл баршамыздың жұлдызымыз. Елдің махаббатына бөленіп, аты аңызға айналған асыл ағамыздың Отан алдындағы еңбегі кеш те болса әділ бағасын алғаны бүкіл республика жұртшылығын, исі қазақ баласын ерекше қуанышқа кенелтіп отыр.

Баукең Жұлдызды болған күн – халықтың жұлдызы жанған күн.

Бауыржанның аты ел басына күн туған қандай сын сағатта да халқының аузына алдымен түсті. «Шіркін, осындайда Бауыржан болар ма еді!», «Шіркін, осындайда Бауыржан сөйлер ме еді», – деген сөз ол кеткен соң, әсіресе көп айтылды. Әсіресе бүтін елдің іргесін сөгіп, сағын сындыруды мақсат еткен кешегі бір күндері көп айтылды ғой. Ондайдың өкінішсіз өтпейтіні, сірә, белгілі. Бірақ Бауыржанды берген халық бұл жолы да халық екенін таныта білді. Беделін түсірем деп, беттен алғандарға бола, белін жықпады. Биікте жатып, Бауыржан ерлігін естіп өскен ұрпақ уақыт биігінен табылардай ақыл, парасат, тәуекел таба алды. Тәңірден де, тағдырдан да көл-көсір рахым көре қоймаған, алыс-жақынға бірдей аңқылдап, бірдей құшақ ашқан пейіліне сай пейіл таба бермеген халқымыз тарихтың қай уақтысының тұсында да ел жүгін қайыспай көтеріп әкете берер қатепті қара нардай азаматтарға ешқашан кенде болып көрген жоқ. Шүкір, қазір де кенде емес, Осындай асыл азаматтар, ел перзенттері мен көсемдері көш бастап алдымызда да жүр, білек қосысып, тілек қосысып қатарымызда да жүр, лек-легімен соңымыздан да ілесіп келеді. Біздің қауымның елемей, ескермей жүргендері әлі де аз болмас. Ендігі жерде өз санатымызға мұқият үңіліп, халық үшін айтары бар, істері бар әр азаматтың жанына қосшы қосып, қарымына қанат байлап отыру – баршамыздың ортақ парызымыз.

Өйткені тарих тағы да өрге сілтеп отыр. Тағдыр тағы да қиын-қиын сындар тосуда. Оның бәрінен абыройлы өту үшін Бауыржанның тәуекелі мен қайсарлығы, намысқойлығы мен жауапкершілігі керек. Заманның алдында ұрпақтың, әлемнің алдында халықтың сағын сындырмайтындай арлылық, табандылық, ұстамдылық керек. Баукең таға алмай кеткен Алтын Жұлдыз асқақ армандарға бастаған асқаралы шеруіміздің жолына нұр құйсын!

(24 желтоқсан 1990)

ПОЛКОВНИК

Кездесіп көп отырдым полковникпен,
Бұлдырап еске түсті өткен-кеткен.
Қадалып қабағына көп қарадым,
Тұрғандай тұлғасында қазақ біткен.

Кейде өр, кейде сынық, кейде қатты,
Жайдары көңілі түссе, мархабатты.
Жалғанның жазы, қысы қабағында,
Батырын кім сүймейді бұл сымбатты?!

Қоштасып, құрмет етіп полковникпен,
Еліңнің бір ұлысың үміт еткен.
«Бауыржан» десе, барлық үлкен-кіші
Елеңдеп, құлақ түріп, көзін тіккен.

(1943)

Ғафу ҚАЙЫРБЕКОВ
Қазақстанның халық жазушысы,
Мемлекеттік сыйлықтың лауреаты

БАУЫРЖАН

Қиялдың қылышын бер сітелмеген,
Кеуденің тынысын бер бітелмеген,
Көңілдің аспанын бер бұлт шалмаған,
Қаламның қайсарын бер бүктелмеген!

Мен сонда шабытымның мың қабатын
Ақтарып, таппасам да жылдам алтын,
Баукеңнің тостағандай көзіндегі
Бір отты түсірермін жырға, бәлкім!

Сол оттың сәулесінде бұлаң қағып,
Кешегі өтіп жатса жылдар ағып,
Көрінсе қоршаудағы батальон,
Көк түгін төбесінде шудаланып.

Ыс басқан, күйе құсқан әрбір солдат,
Найзалар түнді тесіп, өтсе самғап,
Саңқ етіп, бір мезетте оқтай бұйрық,
Көрінсе іле-шала сонда комбат.

Жарқ беріп, сарт дегізіп, жауға бас сап,
Құйындай үйіріп кеп, отап тастап,
Атып қап жоқ болатын найзағайдай
Бұлт етіп, орап өтіп, оңнан бастап.

Пәлен ай, пәлен күндер пәлесінен,
Ажалдың секунд-секунд елесінен,
Секіріп, қарғып, ытқып, ыршып түсіп,
Қаз-қатар оттың ошақ кермесінен,

Оралса аман-есен қатарымен,
Жол басып жолбарыстай жоталы жон,
Кешегі жап-жас ерлер сақалы аппақ,
Кешегі «бітті» деген батальон!

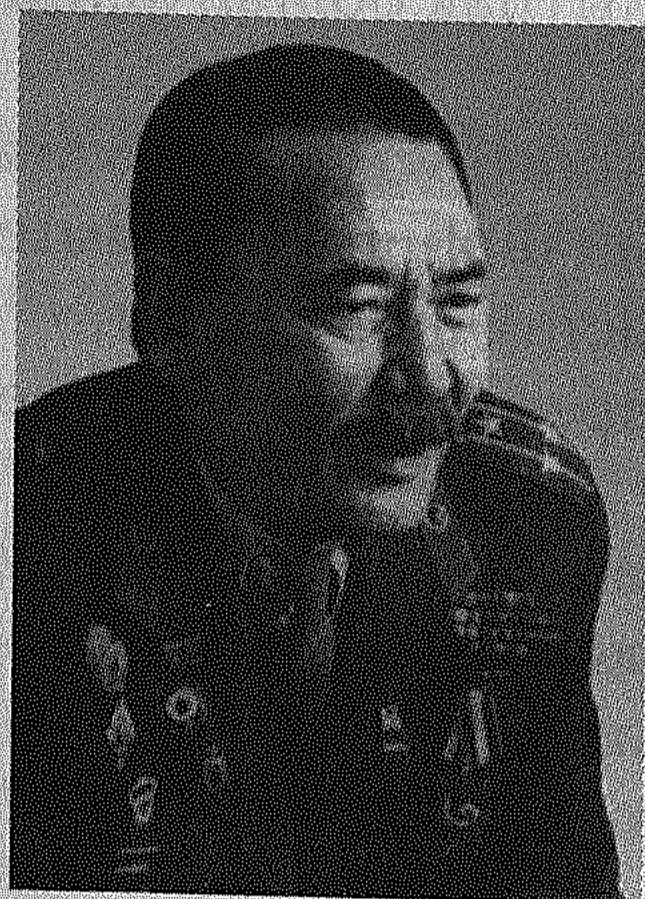
Защитник Отечества

О, сонда бар маңайды жаңғыртып қап,
 Генерал берсе бұйрық сап тұйықтан,
 Комбаттың баданадай қос көзінен
 Еңіреп сүйіп тұрса Панфилов қарт!

Міне, сол бар арманым от сұраған.
 Алатын одан артық жоқ сыбағам.
 Халықтың қасиетін шын көтерген
 Жүзге де жүлде бермей келсін ағам!

(1971)

Тұманбай МОЛДАҒАЛИЕВ
«Абай» атындағы Мемлекеттік сыйлықтың,
«Физули» атындағы халықаралық сыйлықтың лауреаты

БАУЫРЖАН АҒАҒА

(«Ұшқан ұя» кітабы
Абай атындағы Мемлекеттік сыйлықты алғанда)

Тұратын шаттық түрінде
Көздерін саған қыз қадап,
Жағдайың қалай бүгінде?
Дауылға құштар мұзбалақ.

Жаныңды беріп, жан алып,
Жетіпсің осы шамаға.
Сақал мен шашың ағарып,
Тартыпсың Сәбит ағаңа.

Ұқсапсың Жамбыл тәтеңе,
Жасына мүмкін жетерсің!
Тұрғанда халқың мәпелеп,
Тұғырдан қайда кетерсің.

Қалай да көнбе кәрілікке,
Түлкіге түсер құстайсың.
Шалдық па, әлде сәндік пе,
Қолыңа таяқ ұстайсың.

Защитник Отечества

Арманға тұрсың қол артып,
Сені елдің «қартсың» дейтіні-ай...
Көзіңді бізге алартып,
Қорқытпақ болған кейпің-ай?!

Шаттанып тұрмын, жанарым
Толып бір нұрлы сезімге.
Соғыста өлген ағаның
Айтарсың соңғы сөзін де.

Махаббатымды мен бердім,
«Жақсы ағам менің осы» деп.
Оралмай кеткен ерлердің
Ең жақсы Отандасы деп!

Шуақ боп алыс-жақынға
Атандың халық батыры.
Бәйгеден сенің атың да
Келді-ау бір озып ақыры!

Мақтанушы еді сыртыңнан,
Масайрап қалды бұл шақта ел!
Құшақтап тұрып мұртыңнан
Сүйейін аға, мұрсат бер!

(1977)

Қайрат ЖҰМАҒАЛИЕВ
белгілі ақын, аудармашы,
«Молодая гвардия» журналының,
«Қазақ әдебиеті» газетінің лауреаты

БАУЫРЖАН МОМЫШҰЛЫ

Көзіңде отты жасын бар,
Сан жырлар оны жас ұрпақ.
Келешек ұлы ғасырлар
Баукеңе қарар таңырқап!

Жеңілден безіп әманда,
Үлесін алған ауырдан,
Күрделі біздің заманға
Ұқсайды қайсар Бауыржан!

Аялап оны алыста
Тербеген Дала - бесігі.
Бауыржан болып соғыста
Жарқ етті қазақ есімі!

Өрт кешкен отты жылдарда
Шынығып өсті өр тұлға!
Сүйеу боп сұрапылдарда
Даласы тұрды артында!

Аға боп майдан өрінде
Сан ұлттың ұлын баураған!
Жүргенде Ол туған жерінде
Жеңілмес Антей аумаған?

Жауына тізе бүккен бе,
Ел үшін шығып жекпе-жек,
Өмірді сүйгендіктен де
Өлімге барған бетпе-бет!

Болса да бірі жалпының,
Көрмеді оған дарып оқ!
Өзінің туған халқының
Қалды ол аппақ ары боп!

Защитник Отечества

Қазақстан
Тарихы

Ақиқат естен танары –
Жүрегі жаудың шайлыққан,
Қадалса шоқты жанары
Ажал да одан қаймыққан!

Ыза-кек өртеп өзегін,
Майданда жалын құшқанда,
Шын сүйгендіктен өз елін
Қаһарлы болды дұшпанға!

Жықпастан туын елдіктің
«Жеткіз, деп, келер таңдарға!»
Тапсырды Өрлік, Ерлікті –
Болашақ Бауыржандарға!

Кеңшілік МЫРЗАБЕКОВ
 белгілі ақын, І.Жансүгіров атындағы
 әдеби сыйлықтың лауреаты

БАТЫРДЫ ЕСКЕ АЛУ

Айтшы халқым, қайысты ма қабырған,
 Қалай екен хас батырдан айрылған?!
 Қайысты ма қабырған,
 Қалай екен айрылған –
 Дауылдаған дабылдан,
 Дәуірлеген айбыннан?!
 Еркелесе еліне,
 Құлашын кең жайдырған.
 Намыстанса, найзағай
 Жарқылынан жай бұққан.
 Дұшпанына найзадай
 Сесінен-ақ қаймыққан.

Қара нөсер дауылдан
 Құйып-құйып алатын.
 Сары алтындай сабырдан
 Шарт түйіліп қалатын.
 Отаны үшін от кешіп,
 Күйдірсе де қанатын,
 Одан аман қалатын.
 Тағы да қатты қағатын,
 Қайсар қыран болатын.
 Ол – солдатты сананың,
 Ол – солдаттың серісі.
 Тәрк етіліп келісім –
 Жау шапқанда қаптаған,
 Туған жерді таптаған,
 Болды қалқан ел үшін!
 Ол сен үшін, мен үшін
 Оққа төсеп кеудесін,
 Сыйлады ұлы Жеңісін!
 Жанарында жанып бітпей,
 Сөніп кеткен мұңы бар.
 Ақ қағазға жазып бітпей,
 Алып кеткен сыры бар,

Защитник Отечества

Арманы зор Ер үшін –
Айтшы, халқым,
қайысты ма қабырғаң,
Қалай екен

хас батырдан айрылған?!!

Айтшы, халқым,
Айтшы, халқым, жарылшы бір ағыңнан!
Батыр туған халықпыз ғой
Тұлпардың жалында.

Батыр туған халықпыз ғой
Отта, суда, дауылда!

Кеше, кеше!
Бүгін, бүгін... бейбіт заман бабында!
Айтшы, халқым, Бауыржаның,
Бауыр етің, батырың еді ол қандай?!
Жүрегіңнің төрінде ме,
Қарсы ала таңданбай.

Қайсар комбат, өр тұлға ол
Аңыз болып қалғандай.

Соғыс – шындық кешегі өткен,
Жеңіс – шындық он есе!
Ерлік жасау мүмкін емес,
Ер еліне сенбесе!..
Олай болса, ешбір ұрпақ ұмытпайды Баукеңді!
Ерлік – шындық,
Елдік – шындық,
Тұр екеуі теңдесе!

(1984)

БАУКЕҢМЕН СЫРЛАСУ КЕШТЕРІ

I

Баукеңмен алғаш рет бетпе-бет кездесіп, әңгімелесуім 1959 жылдың көкек айының басында Сарыағаш санаторийінде өтті. Ол кезде мен Ташкенттің Низами атындағы пединститутында қазақ тілі мен әдебиеті кафедрасында оқытушы едім. Кафедраға студенттер келіп, кафедра меңгерушісі доцент Әлменбет Төлеуовке:

Ағай, Сарыағашқа Бауыржан Момышұлы келіпті! Сол кісімен кездесу өткізейік, – деп екпіндеп алып ұшып тұрды. Әлекең дереу кафедра мүшелерін жиып жіберіп, таңдауды маған сала:

Біздің атымыздан сен барып әңгімелес, сен ғана ол кісінің тілін таба аласың. Саған жерлес қой, сен бармағанда кім барады? – деп отырып алды.

– Ой, ағатай, мен бара алмаймын. Баукеңмен туыстығым бары рас, бірақ өмірімде ұшырасып көрген кісім емес, – деп азар да безер болдым.

– Барғын, көп болса, жекіріп ұрсып алар. Шыда! Жастардың тілегімен келіп тұрмын ғой, деп салмақ сала сөйлес, зерек кісі ғой, уақыты болмаса да келісіп қалар, – деп ақыры мені көндірді. Жазған құлда жазық бар ма, жаныма тарихтан сабақ беретін жолдасым Сейдуалы Тілеуқұловты ертіп алып, жолдан қосылған бір аудандық оқу бөлімінің бастығымен Сарыағаш қайдасың деп жолға шықтық. Санаторийге келіп Баукеңнің қайда жатқанын сұрастырып біліп алдық. Өз алдына жеке коттеждіге орналасқан екен. Барсақ, үй ішінен машинканың тық-тық етіп басылып жатқан дыбысы шығады. Шамасы, жұмыс істеп жатқан тәрізді. Есіктің қоңырауын басуға батылымыз жетпей, ұйлығып тұрып қалдық. Қоңырауды сен бас, сен бас дегендей бір бірімізге жалтақтап қараудамыз. Бір кезде машинканың дыбысы тына қалды да, еденде ары бері адымдап жүрген кісі қадамының сықыры естілді. Осы сәтті пайдаланып қоңырауды басып қалып ем:

– Кто там? – деген өктем қатқыл дауыс гүж ете түсті де, есікке қарай батыл қадам басып келе жатты. Баукең есікті ашып жіберіп бізді көрді де:

Қайдан адасып жүрсіңдер? – деп әр қайсымызға қадала қарап өтті. Көз жанары өткір екен. Біздер жасқанып сасып қалдық та:

– Тәшкент пединститутынанбыз. Сізді, студенттердің тілегі бойынша кездесуге шақыра келіп едік, деп сасқалақтап ойымызды шала-пұла жеткізгендей болдық. Қол беріп амандаспастан өктем дауыспен: – “Кіріңдер!” деп өзі алға түсіп, үлкен жұмыс кабинетіне бастап жүре берді. Кірсек, залдың ішінде екі стол екі бөлек тұр. Бірінде бұрқыраған қолжазба қағаздары мен немістің портатипті машинкасы тұр да, екінші столда ашылған бір бөтелке арақ пен қол тимеген коньягі, туралған ет пен әртүрлі шай жабдықтары сығылысып тұр.

Защитник Отечества

Өзі арақтан бір рюмка құйып алды да, маған иегімен коньякті аш дегендей иегімен нұсқап белгі берді. Біздер бәріміз бірдей “Бауке, біз ішпеуші едік” деп жамырай сөйлеп ек, “Молчать!” деп өктем дауыспен бізді тиып тастады да, “үйдің қожасы мен, сендер шақырылмаған қонақсындар, сонда да қуыс үйден құр шықпаңдар, понятно! –деп мен ашқан коньякті өз қолымен үш стаканға тең бөліп құя салды да “Алыңдар” деп өзі құйған арақты қағып салды да, бізге неғып тұрсындар дегендей тесірейе қарады. Біздер, “арақ ішпейтін батырлар”, сасқанымыздан алды артымызға қарамай, коньякті жарыса төңкеріп салдық. Баукең столдағы толып тұрған ет пен көкөністен еш нәрсе алмаған соң, біздер де тартынып қол соза қоймадық. Коньяк бірден басымызға шауып масайып қалдық. Қысылғаннан тезірек кетсек екен деп тұрмыз ішімізден. Біздің мүшкіл халімізді Баукең білді ғой деймін

– Ресми шақыру хаттарың бар ма? – деп қатқыл үнмен әу баста сөз бастаған маған сынап қарады.

– Бауке, бұрындары кездесуге шақырылған кісіге ресми хат апармаушы едік, – деп сыпайылап едім

– Әй, жігіттер, мен сарттарды жақсы білемін, шүнаққа–мұнақа деп жалтарып жүрмеуі үшін олардан ресми хат әкелмесеңдер мән кездесуге бармаймын, – деп сөзін шорт кесті.

– Бауке, хат әкелу қиын емес, тек уақытыңызды айтыңызшы, – деп жәутеңдеп тұрмыз. Баукең бірден шешімге келді ғой деймін.

– Хатты қашан әкелсеңдер, сол уақытқа мен дайынмын, – деді де сөз бітті дегендей жазу столына барып отыра кетті. Біз де алды артымызға қарауға шамамыз келмей:

– Хатты ертең сағат онға жеткіземіз, – деп асыға қоштасып, сыртқа жарыса ұмтылды.

Уәде еткен мерзімде келіп, Баукеңді “Волганың” алдыңғы жағына отырғызып, Ташкент қайдасың деп тартып келеміз. Машина іші жым–жырт. Баукең тіл қатпай, сыртқа барлай қарап ойға батып келе жатты. Біздің тыныштықты бұзуға батылымыз жетпеді.

Бірден институттың үлкен залына тарттық. Алдымыздан институт басшылары мен кафедра меңгерушісі Әлекең қарсы алып, амандасып жатты. Басшыларды таныстырып, президумға қарай бастап ала жөнелді. Бұл неткен асығыс қимыл дегендей Баукең үнсіз бір қалыпта солардың ортасында президумға барып жайғасты. Әлменбет ағай сөз алып, Баукең туралы қысқаша мағлұмат беріп, институт, ондағы қазақ тілі мен әдебиеті кафедрасымен қонақты таныстырып өтті де:

– Бауке, залда симап тұрған мына студент жастардың тілегі бойынша Сізбен кездесу кешін ашық деп жариялауға рұқсат етіңіз, – дей беріп еді, Баукең:

– Рұқсатты менен сұрама, мына бастықтарыңнан сұра, – деп еді, студент жастар ду ете түсіп, қол шапалақтап жіберді. Әлекең де, бастықтар да сасып қалып:

– Сіз қонақсыз, сіздің жолыңыз, – деп бәрі де Баукеңе жабыла құрмет көрсетіп, ізет білдіріп жатысты. Әлменбет аға кездесудің мақсаты мен студенттердің тілегі жөнінде баяндай келіп:

– Бауке, өзіңіздің жазушылық жолыңыз бен Қазақстандағы Ұлы Отан соғысы жайындағы көркем әдебиет туралы ойыңызды ортаға салып, жастардың сұрағына да көңіл бөле отырсаңыз, – деп сөзін бір қайырды да Баукеңе бұрыла қарап:

– Бауке, ендігі сөзді Сізге берейік, білімгерлермен ой бөлісіңіз, – деп тоқтады. Баукең аспай-саспай жайлап мінберге шықты да залда отырғандарды қырағы көзімен шолып өтіп, біраз кідірістен кейін:

*Қарап тұрсам түрі бір,
Сұрастырсам тегі бір,
Сөйлескенде тілі бір,
Таудан шықса күні бір,
Ән салғанда үні бір,
Алла десе діні бір,*

бауырларым, сәлем бердік сендерге, – деп қолын көтергенде орындарынан тұра дуылдай қол соққан жастарға сынай қарап тұрғандай көрінді бізге.

– Ұлы Отан соғысы адамзат баласы бұрын-соңды бастан кешіп көрмеген қанды майдан төріне айналды. Бұрын ата-бабаларымыз бойына асынған бес қаруымен соғысса, оны ғылым тілінде «мануфактурный период ведения войны» деп атайды. Мұнда соғысушы екі жақ бір бірімен бетпе-бет келіп, немесе қолбасшылары жекпе-жекке шығып, күші мен айласы асқандары жеңіске жетіп отыратын, ал, біздер, қазақтар, қатысқан Ұлы Отан соғысы ғылым тілінде «машинный период ведения войны» деп аталады. Соғыстың бұл түріне біздің көшпелі халықтың ұлдары алғаш рет араласып, соғысса да Отан үшін, ел үшін намысты қолдан бермей, майданның ең қиын қырқысында көзсіз ерліктер көрсете білді. Еш халықтан кем түскен жоқ. Мәскеу түбіндегі шешуші шайқаста жаппай ерліктің үлгісін түркістандық солдаттар көрсетіп жатты. Жаңа айттым ғой, біздің халқымыз бұрынсоңды болмаған соғысты жүргізудің машиналық дәуіріне төселіп, жауды жеңуге өз үлесін қоса білді. Енді соғыс болмасын, бола қалса, әрине, оның түрі «термоядерное ведение войны»-дың өзі болып шықпақ.

Әскери әдебиеттің алдындағы басты мақсат майданда қан кешкен қарапайым жауынгердің образын шыншылдықпен сомдауда жатыр. Әскери әдебиет саласында Қазақстан Ресей мен украинадан кейінгі үшінші орында тұр, – деп, өзінің әскери әдебиет жасау жолындағы теориялық ойларын көктей шолып, бұрын-соңды есітпеген соны да тың ой толғаныстарымен таныстырып, ойын қорытты.

Баукең сөзін аяқтасымен-ақ залдан сұрақтар түсе бастады. Алдыңғы қатарда отырған студент алдымен сұрақ беріп үлгерді. Оның сұрауы қазақ тілінің тағдырына арналып:

– Бауке, ана тіліміз өміршең болып жасай бере ме, әлде, өмір ағысында сыртқа тебіліп, болашақта өлі тілге айналып кетпес пе екен? – деген қауіпін ортаға салды. Баукең бұл сұраққа айрықша мән берді ғой деймін, біраз ойланып тұрды да:

Защитник Отечества

– Сендер мына өзбек сарттармен жақсы араласасындар ғой. Олар үй жанындағы бау–бақшасына айнала қара тал егіп қоршайды. Олар өте үнемшіл халық, жоқтан бар жасап отыратын диқан халық. Оларға қиналмай өмір сүру керек. Ол үшін жылда жаңағы талдарды бұтап отын етіп алады. Ол отыны келесі жылға дейін жетеді. Дәніккен өзбек келесі жылы тағы да қара талды аямай бұтап отын етеді. Қара тал ерегіскендей, жыл өткен сайын күшейіп бұтағын молынан жаяды. Бірақ қанша бұтаса да қара тал жоғалып кетпейді. Өйткені оның тамыры аман. Тамыры аман болған соң қанша бұтасаң да ол өлмейді, өмір сүре береді. Қазақ тілі де сол қара тал сияқты қанша кедергіге ұшырап, бұталып жатса да жайқалып бұтағын жая береді. Ана тіліміздің тамыры осы қара тал сияқты тамыры тереңге кеткен дін аман. Тамыры аман болған соң ол қандай қысымға түсіп, аяусыз бұталса да, мәңгілік ғұмыр кеше бермек, – деп тапқыр жауап беріп еді зал ду қол шапалақтап тұрып алды

– Бауке, бүгінгі ақындар айтысына қалай қарайсыз, ол тоқтаусыз дами бере ме, әлде тежеліп тоқырауға ұшырай ма? – деп сұрау тасталды.

– Ақындар айтысы бізде түрлі саяси–әлеуметтік жағдайларға байланысты тежеліп қалған еді. Ол соғыс кезінде арнайы ақындар айтысы ұйымдастырылды да, біраз тежеліп барып қайтадан жандана түсті. Айтыс өнері біздің көшпелі тұрмыс-салтымызбен сабақтасып жатқан дәстүрлі құбылыс. Біз көшпелі тұрмыс-салтымыздан қол үзе бастадық, айтыстың біршама тежеліп барып жандануы сол болмысымызды аңсау мен қазіргі ұрпақтың рухани қажеттілігі талабынан туындап жатқан болар. Қоғамның бүгінгі рухани қажеттілігі өзгеріске ұшыраса, айтыстың да тағдыры осыған байланысты болса керек, – деп сөзін аяқтады.

Сұрақтар, әсіресе, студенттер тарапынан көп қойылып, уақыттың өткенін сезбей қалдық. Кездесу соңында кафедра меңгерушісі доцент Әлмембет Төлеуов Баукеңе осы кездесуге себеп болған студенттер атынан рахмет айтып

– Бауке, “Орамал тон болмайды жөн болады” деген халқымыздың сөзі бар.. Сіз екі сағаттан астам сұрақтарға жауап беріп, бізді рухани жағынан байытып тастаудың үстіне рухымызды көтеріп мақтанышқа бөледіңіз. Сіз елу – ердің жасына толғалы отырсыз. Алматыда мерейтойыңыз өтер. Оған осы отырған қауымның бәрі, әрине, қатыса алмайды. Рұқсат етсеңіз, мерейтойды біздер бүгін бастап кетпекпіз, – деп өзбекше шапан жауып, ала тақиясын кигізіп, беліне орамал белбауын буғанда Баукең өзі сөз басында айтқандай өзбек сарттың өзі болып шыға келді. Жұрт мәз болып орындарынан тұрып қызу қол шапалақтап ризашылығын білдіріп жатты.

II

Кездесу соңынан Баукеңді қонаққа шақырдық. Оңаша әрі тыныш болсын деп оншақты ғана адаммен бас қостық. Өзімізше қошеметімізді жасап, кездесуде айтқан пікірін жабыла мақтап, бірімізден соң біріміз Баукеңнің құрметіне тост көтеріп жаттық. Ақындарымыз өлең оқып, әншілеріміз ән салып, әркім өз әлінше өнер көрсетіп жатыр. Баукең неге екенін білмедім, көңілсіз отырды. Біздің Ташкенттік ортамыздың ой танымының төмендігіне ренжіді ме, мен кетейін, сау болындар деп

орнынан көтерілді. Бәріміз бірге болыңыз деп жалпаңдасып жатырмыз. Баукең үйден шыға бастады. Мен жолдасым екеуміз есік алдындағы машинаға қарай тұра жүгірдік. Үйдегілерге сәлем-сауқат салындар деп белгі беріп те үлгердік.

Баукеңе білдірмей сәлем-сауқатты алысымен Сарыағашқа қарай бағыт алдық. Баукең алда үнсіз отыр. Әңгіме қозғауға батылымыз жетпеді. Қаладан шыға бере Баукең маған:

– Әй, сен бала бұл жерде не істеп жүрсің? – деп бұрыла үн қатты. Мен сасып қалдым да:

– Пединститутта оқытушымын. Ташкенттегі оқу орнына Қазақстанның Түлкібас деген ауданынан келгемін, – деп аузыма түскен сөзді асығыс айта салдым.

– Түлкібастың қай жеріненсің, әке–шешен бар ма? – деп қайырыла сұрады.

– Түлкібастың Майтөбе деген ауылынанмын. Оны қазір Мичурин совхозы деп атайды. Әкә–шешем ерте қайтыс болып кеткен. Ағайындардың айтып, бағалауы бойынша, ауылға, ағайынға сыйлы болған Мырзахмет деген зергер әрі молда кісінің баласымын, әкем мен үш жасқа қарағанда қайтыс болып кетіпті, әкемді көз алдыма елестете алмаймын – деп жауап бере бастап едім, Баукең ұзақ үнсіз ой құшағында қалды. Қайтадан тыныштық орнады. Ағайын-туыстарым Баукең біздің туысқанамыз, ол жас кезінде ауылға соғып, сендердің үйлеріңе қонақ болып жүретін деген сөзді естігенім бар. Бірақ Баукең біздің үйді, тіпті, ауылды біледі деген ой өңім түгіл түсіме де кірген емес. Ұзақ ой үстінде үнсіз отырған Баукең бір кезе өткен-кеткенін ойдан өткізгендей қалыппен:

– 1928 жылы мен сенің аулыңда, сенің әкеңнің үйінде қонақта болып, кейіннен оқта текте қызмет үстінде қонып кетіп жүрдім. Әкең аппақ киім киініп жүретін, дене пішімі сұлу әрі сөзге шешен, сол өңірде зергерлік өнерге жетік кішіпейіл бауырмал кісі еді. Ағайын арасында менің әкеммен қатты сыйласатын. Әкем Түктібайдағы Мырзахмет атаңа барып сәлем бер, менен сәлем айт! деген соң барып жүрмін ғой. Онда сен әлі дүниеге кемеген едің, сен сол кісінің ұлы болдың ғой, – деп бауырына тарта сөйледі. Мен мұндай жағдайды күтпеген едім. Жолдасымның алдында марқайып қалдым. Баукең менің тыныс-тіршілігімді білейін деендей:

– Енді не істемексің, Ташкентте сарт болып жүре бересің бе? – деп әзілдей үн қатты. Мен осы жағдайды пайдаланып қалмақ ниетіммен:

– Былтыр Алматыға барып аспирантураға түсейін деп құжат тапсырып едім. Олар: “Біз сырттан (басқа республикадан) аспирант алмаймыз” деп сыпайылап шығарып салды. “Мен қазақстандықпын, Өзбекстанға Оқу министрлігінің жолдамасы бойынша барғанмын», деп датымды айтып едім, “Аспирантураға берілген орын өте аз, өзімізге де орын жетпей жатыр” деп бетімді қайтарып тастады” дедім. Баукең қайтып үн қатқан жоқ. Санаторийдегі үйіне келіп түстік. Әкелген түйіншегімізді қойып, енді қоштасқалы жатыр едік, отырындар дегендей қалып танытып, бірден Алматыға телефон соқты. Арғы жақтан “Алло” деген жұмсақтау ер кісінің жауап қатқан үні естіліп еді, Баукең жұлып алғандай:

– Мәлік, бұл сен бе? – деп еді,

Защитник Отечества

– Ассалаумағалейкум, Бауке, -деп қуана үн қатты. Баукең Мәліктің сәлемін хош алды да:

Мәлік, менің саған сеніп тапсыратын жұмысым бар дей беріп еді,

– Бауке, айтыңыз, орындауға мен даяр, – деген Мәліктің жұмсақ қоңыр даусы нық есітіліп ұрды.

– Мәлік, менің осында Мекемтас деген інім бар,-дей беріп еді, арғы жақтан Мәліктің:

Бауке, мен Мекемтасты жақсы білемін ғой, ол менің шәкіртім, оның нендей тілегі бар екен? – дей беріп еді, Баукең мәселені созбай бұйыра сөйледі:

– Мәлік, сол Мекемтасты қалай болса да биыл аспирантураға түсіресің, нәтижесін хабарла, – деп бұйрық бергендей дауыспен телефон құлағын орнына қойды да маған бұрыла қарап:

– Есіттің ғой, арғысы сенің ісің, – деді де бізбен хош айтысып қала берді..

III

Тәжікстан республикасының әдебиеті мен өнерінің кезекті онкүндігі Қазақстанда өтіп жатты. Декаданың ашылу салтанатына қатысуға Баукеңе ресми түрде шақыру қағазы келді. Баукең бұл кезде сырқаттанып, аяғы ауырып, таяқ ұстай бастаған еді. “Бұған бармасақ болмас, тәжік достарым өкпелер” деп қамдана бастады. “”Сен маған сүйеніш боларсың деп, мені ертіп алды. Абай атындағы опера және балет театрына сәл кешігіп кірдік. Онкүндік ресми түрде ашылып, енді басталып жатыр екен. Баукең көрсетілген орнына бармай, республиканың басшысы Д.Қонаев отырған арнаулы орынға қарай тіке тартты. Мен қалып кеттім. Кетіп бара жатып, «Меке, мені сыртқа шыққанда күтіп аларсың» деп ескертті. Тәжік жазушылары мен ақындары, өнер саңлақтары сахнада бірінен соң бірі өлең оқып, ән салып, әсіресе, мың бұралып би билеп, аққудай қалқыған арулардың әсем қимылдары көрермен қауымды баурап алды. Үзіліс жарияланып көпшілік театр вестюбилінің айналмасында екеуара қызу пікір алысып жаты. Осы тұста Баукең де директордың кабинетінен шығып, айналмаға бет алғанда алдынан шығып күтіп алдым. Сүйемелдеп келе жатырмын. Баукең көңілді келе жатты. Жұрт жамырай сәлемдесіп жатыр. Баукең оларға бас изеп амандасу ишратын жасап келе жатыр еді, кенет қарсы алдымыздан ҚКП ОК–нің бұрынғы үшінші хатшысы Нұрымбек Жанділдин “Ассалаумағалайкум, Бауке!” деп алдымыздан шыға келді. Баукең оның ұсынған қолын алмай бірден шет тілінде сұрақтар қоя бастады. Немісшелеп сұрақ беріп еді, жауап қайтара алмай:

– Бауке, бұл тіліңізді мен білмеймін ғой, –деп жалтара жауап берді. Баукең қабағын қарс жауып алып даусын қатайта ағылшын тілінде қайыра сұрақ қойып еді, хатшы екі қолын жайып жіберіп бей-жай күйде тұрып қалды. Баукең үшінші рет француздардың машығына салып, жентельмендерше тағы да қадала қарап сұрақ беріп еді, хатшы қатты қысылып, ұсынған қолын түсіруді де ұмытып сасқалақтап терлеп кетті. Баукең бірден артқа бұрылды да директордың кабинетіне қарай асықпай баяу басып бара жатты. Осыны тікелей көріп тұрған менің арқама шейін тершіп, өзімнен өзім қатты

қысылып орнымда тұрып қалыппын. Өйткені, айналманы қыдырып жүрген жұрттың бәрі бізге қарап аңтарылып тұрып қалған екен.

Он күндіктің қорытынды концерті аяқталып, Баукеңмен бірге үйге жаяу тарттық. Жолда келе жатып

– Бауке, жаңа ана кісіге неге сонша қатты шүйліктіңіз, себебін мен түсіне алмадым, – деп сыпайылап сұрадым. Баукең бірден ойланбастан:

– Оған сол керек, сен түсіну үшін ол ұзақ әңгіме, – деп маған сол жетеді дегендей тиып тастады. Баукеңнің көңіл күйін байқаған соң ертеде бір есіткен жұрт аузындағы әңгіме есіме түсе кетті.

Ақиық ақын атақты Әбділда Тәжібаевқа көшеде келе жатса Н.Әбділдин ұшыраса кетіп, інілік ізетпен кішірейіп сәләм беріпті. Әбекең сәлемін көңілдене алып, оның қолын ұстап тұрып:

– Әй, Нұрымбет, сен мұндай іші-бауырға кіріп кететін жұғымды іні болғанда, сені әлдеқашан ертерек хатшылықтан түсіруіміз керек екен, білмей қалыппыз ғой, – деп күле қарап жүріп кетіпті. Баукеңнің кекесіні де Әбекеңнің осы қылығымен тамырлас екен-ау деген ойға келдім.

IV

Филология ғылымдарының докторы, профессор, Қазақ ССР ҒА мүше-корреспонденті Ғайниддин Мұсабаев пен Зейнелғабиден Ибн һамре әл-Жауһари әл-Омскауий еңбегі жайында пікірлесіп, ол мені өзіне жақын тартып жүрді. Өйткені Зейнелғабиден ол кісіге ағайын туыс болып келеді екен, екеуі де Көкшетаудағы Сиыршы деген ауылдан әрі Зейналғабиден ашқан орысша мектепте тәрбие алыпты. Егер қорғай қалсаң, маған айтқын, келемін, еңбегіңмен таныспын, жақсы жаңалықтар ашып жүрсін. Зейнелғабиденді тауып, ғылыми айналымға түсірдің деп рухани туыс болып жүрдім. Ғайнекеңмен мені іштей таныстырған бірге оқыған жолдасым Аймаған Данияров.

Бірде Ғайнекеңе Академия ішінде кездесіп қалып, Абай туралы жасалған толық библиографиялық көрсеткішімді баспаға бастыра алмай жүрмін. Реті келсе, “Ғылым” баспасынан шығарсам деген ойдамын, – деп сыр тартып едім, Ғайнекең бірден:

– Әй, бауырым-ау, әлем таныған айбарлы ағаң бар емес пе? Бауыржан есігі жоқ жерден есік шығарады, тесігі жоқ жерден тесік шығарады, әуре болмай, сол ағаңа салмақ сал, – деп кеңес берді. Ғайнекеңнің ақылы желік берді де, Баукеңе ойымды айтуға именіп, Камаш жеңешеммен ақылдасып едім, жеңешем:

– Оның несіне қысыласың, Баукеңнің көңіл күйі жақсы болып отырғанда, шай ішіп отырып өзім-ақ айтайын, – деп мені жеңешем ұшпаққа шығарып тастады. Сәтті күнді асыға күтіп жүрдім. Баукеңнің бір мақаласы жарық көріп, бәріміз оқып қуанып жатқанда Баукең де шай үстінде көңілденіп отырғанда, жеңешем ретін тауып Баукеңе күлімдей қарап, шайын құйып, аса бір ықыласпен ұсына беріп еді. Баукең бір нәрсені сезгендей:

Защитник Отечества

– Әй, қатын (Баукең жеңгелерімнің бәрін де «ей,қатын!» деп айтатын), не айтқын келіп отыр? – деп сырымызды біліп қойғандай төбемізден түсті. Мен сасып қалдым, жеңешем үйренген жау атыспаққа жақсы дегендей:

– Я, Бауке, қайнымыз екеуміздің өзіңе айтсақ деген бір тілегіміз бар еді, – деп Баукең еркелей қарап айтар тілегін жеткізбек болды. Баукең ішіп отырған шайын орындық үстіне нығарлап қойды да:

– Ал, айт, қайның екеуіңнің айтпағың не еді?, – деп жеңешеме қарай мән бере бұрылды. Жеңешем сөздің майын тамыза отырып:

Інің журналға бір жақсы ғылыми мақала даярлапты, аспиранттарға мақала жариялау керек екен ғой. “Жұлдыз” журналындағыларға құлақ қағыс етсең жетіп жатыр емес пе? – деп мәселемді оп-оңай шеше салғандай болды. Мен ішімнен «е, құдайлап» отырмын. Баукең ешнәрсеге мән бермегендей басқа бір әңгімені бастап, “Қызым саған айтамын, келінім сен тыңда” дегендей:

Осы өздерің білетін Семей облыстық атқару комитетінің төрағасы Қашағанов бар емес пе? Сол жастардың қой бағатын бригада құрып, барлық тұрмыстық хал жағдайларын жасап, үлкен шаруа атқарып, жаңалық ендіріп жатыр екен. Қарағым, сен қолыңнан аспиранттық жұмыс келмесе, сонда барсаң қайтеді. Құр көкіректеніп ұрынғаннан гөрі сонда барып, қой баққаның қоғам үшін пайдалырақ болар еді, – деп міз бақпай жайбарақат отыра берді.

Жеңешем, әсіресе, мен жер шұқылап үндей алмай қалдық. Мен намыстан жарылып кете жаздадым. Жеңешеме не бетіммен айттырдым деп іштей ызалана өкіндім. Осыдан бастап Баукең бұл мәселеде тіс жармай кеттім. Қайта көрсін дегендей үсті-үстіне мақалалар жариялай бастадым. Маған берген Баукеңнің ашы сабағы өз жемісін бере бастады.

Өзіңе сен өзіңді алып шығар,

Ақылың мен еңбегің екі жақтап, – деген Абай сөзінің басыма аумай түскеніне өзім де іштей разы болып, Баукеңе рахметімді айта жүрдім. Сөйтсем Баукең жақсылығын айтпай, сырттан жасайды екен. Мысалы, Баукеңнің мен туралы С.Толыбековке, Мәлік Ғабдуллин мен М. Базарбаевқа, Мұхтар Жанғалинге, Қажым Жұмалиевке, С. Қирабаевқа жазған хаттары мен айтқан тілек сөздерін соңынан біліп жүрмін.

V

Аспирантураға түсу үшін Алматыға келдім. Ташкентте кездесіп танысқан соң Баукең: “Алматыға келсең, үйге кел, біздің үйде тұрасың”, – деп қадай тапсырған. Осы уәде бойынша Держинский көшесіндегі Баукең пәтеріне келдім. Есікті Баукеңнің жиені Мартай ашты. Сәлемдестік. Үй іші бір түрлі көшіп кеткен үйге ұқсап, үй шаруасы келіспей тұрғаны көрініп тұр. Біз сөйлесіп жатқанда ішкі бөлмеден Баукең шығып келе жатты. Мені көрді де сәлеміме қарамай:

– Келдің бе, жақсы болды. Мартай жатқан бөлмеге орналас. Үйдің жағдайына көңіл бөлмей-ақ қой. Жата-жастана жатып артынан түсінесің, шай қойыңдар, – деп өзі бөлмесіне қайта кіріп кетті. Жеңгеміздің үйден керек-жарағын алып біржола кетіп

қалған жағдайын Мартай айтып берді. Біраз күн өтіп, үйдің жағдайына бейімделіп қалдым. Бір аптадан кейін Баукең менің қолыма бір уыс ақшаны ұстата салды да, осы ақшаға үйге не керек соның бәрін ал деп бұйырды. Ертеңіне—ақ ол ақшаның жартысынан көбіне үйге қажетті заттардың бәрін алып, тоңазытқышты керекті азық-ауқат, қымыз, май, көкөніс т.б. сықа толтырдым. Өзбектерден үйренген қайнатпа сорпаны баптап даяр болған соң Баукеңді асқа шақырдым. Жүз грамын құйып қойдым. Стол басына келген Баукең:

– О, сенің мұндай өнерің де бар екен ғой,— деп жүз грамын алып жіберді де, алдына ыстық қайнатпа сорпадан құйып бердім. Ағаш қасықпен бір екі ұрттап ішті де:

– Меке, мынаны өзің жасадың ба, әлде мен ұйықтап жатқанда көлденең бір келін келіп жасап кетті ме?—деп қалжың араластыра сөйлеп, маған сынай қарады .

– Меке, маған мына жасаған қайнатпа сорпаң ұнады, мені үнемі осымен ауқаттандыратын бол,—деп тілегін білдіре беріп еді, телефон шар ете қалды. Телефон трубкасын Баукеңе бере салдым. Баукең біршама сөйлесіп тұрды да

– Ертең қай сағатта, қай жерге барайық,—деп сұрастырып жатты. Телефонды орнына қойды да:

– Ертең кешкі сағат жетіде профессор Серік Қирабаевтың үйіне қонаққа барамыз. Ол сенің бастығың ғой, сен де менімен бірге барасың, ұмытпа, ертерек есіме сал, кешікпей уақытыңда бару керек. Онда атақты жазушылар мен ғалымдар да болады,— деп бірден жазу столына қарай кетіп қалды.

Қонақтан тым кеш тарқадық. Баукең жолдан түсіп қалу үшін Сәбеңнің (Сәбит Мұқанов) машинасына отыратын болды. Машинаға жайғастық. Алдына жүргізуші мен Сәбең отырды. Артқы орындықта Сәбеңнің бәйбішесі. Ортада Баукең, шетіне мен отырдым. Үй иесімен қоштасып, машинада кетіп бара жатырмыз. Мәриям жеңгей Баукең қайнысына қалжыңдап отырды да артынан:

– Батыр қайным—ау, сүрбойдақ болып жүре бересің бе? Жасың болса елуден асты. Бұрынғы ұр да жық мінезіңді тастап, бір қалыпқа түсетін кезің жетті ғой. Серілікті тастап үйлі-баранды болсаңшы, – дей беріп еді, бағанадан бері сигаретін түтіндете тартып сұлқ отырған Баукең сұқ саусағымен Сәбеңнің желкесіне қарай нұсқап еді, қопиып отырған Сәбең бірден басы мойнына түсіп тұқырайып кетті. Дәл осы кезде үйдің тұсына келіп қалдық та машинадан түсіп, Сәбеңдерге рахмет айтып, үйге қарай жаяулап келе жаттық. Бірақ Баукең бірден үйге кірмей жүре тұрайық деп қыдырыстадық. Мен Баукеңе қарап:

– Бауке, жаңағы машина үстіндегі соңғы жағдайға түсінбей қалдым. Неге Сіз сұқ саусағыңызды Сәбеңе қарай нұсқағанда, ол кісінің берекесі кетіп шөгіп кетті, оның себебі неде? —деп сұраған едім, Баукең:

– Е...е... байқаған екенсің ғой, – деп езуімен күлді де, Мария жеңгем ғой, менің жыныма тиіп, насихат айтып қояр емес. Ұрсып тастауға болмайды, алдымда ағам отыр. Содан соң ішімнен “Әй, қатын, маған ақыл айтқанша.әуелі өз байыңды тиып алсаңшы” деп Сәбеңе сұқ саусағымды шошайттым. Оны жеңгем түсіне алмаса да, Сәбең бірден сезіп қалды... Мен ақымақпын, бірақ круглый ақымақ емеспін ғой.

Защитник Отечества

Халқымызда “бөрік кигеннің намысы бір” деген сөз бар емес пе? Неге мен көкемді жеңгеме жығып беруім керек. Көкем соны түсінді, бірақ оны жеңгем аңғара алмай қалды, – деп күле жауап берді.

VI

Баукең әскери ұстазы генерал Панфилов туралы кітап жазбақ болып Мәскеуге сапар шекті. Бірақ жолда суық тиіп ауырып Мәскеуге жетісімен ауруханаға түсіп қалды. Телефон соғып дұрысталғанын хабарлады да, маған бірнеше тапсырмалар берді. Мәскеуден Баукең үйге көңілді оралды. Орталық әскери архивтен мол дерек-мағлұматтар тауып, Панфилов туралы ара-тұра өзі туралы жазылған рапорттарды да кездестіріпті.

Әсіресе, өзінің политругі Логвиенконың рапортын оқып, Баукеңді ұлтшылдық мінез-құлықтағы, яғни басқа ойдағы командир деп сипаттағанына таңқалып отырды. “Қан майданда қанды көйлек киіскен, жауға бірге тиіскен, бір табақтан ас ішіп, бір палатада жатқан политругімді танымай қалдым. Қазақ “мал аласы сыртында, адам аласы ішінде,” деп осыдан айтады екен-ау”, – деп бір тоқтады. Сен ол политрукті білесің, менің жетпіс жылдығыма келіп, құттықтау сөз сөйлеп, қоладан құйылған Кремльдің бейнесі бар табақ пен Мәскеудің символдық кілтін берген еді ғой. Мен оны сол арада саған бердім емес пе? Логвиненко деген сол деді. Сонда бәріміз үй ішімізбен суретке де түскен едік. Ол сурет сенде сақталса керек, деді. Ол суретті Баукең қайтыс болған соң басылым көрген “Психология войны” деген кітабына кіргізген едім.

– Ұмытып барады екенмін. Мен саған Мәскеуде Д. Қонаевпен ойламаған жерден ұшырасқанымды да айтып берейін деп әңгімесін бастады. Мен ықылас қоя тыңдауға тырыстым. Тегінде Баукең әңгімесін бұзбай, шын пейлімен тыңдауды жақсы көруші еді. Сәл белгі беріп қалсаң, қатты ашуланып зекіп тастайтын. Сол сырын білген соң мүлт жібермей тыңдауға тырысатынымын. Сұрағың болса, әңгіме аяқталған соң сұрасаң, разы болып қалатын.

– Мәскеуге келе қатты ауырып, кеселханаға түстім. Орын болмай мені коридордың ең түпкіріндегі дәрігерлердің бірінің кабинетіне орналастырды. Аурудың беті қайтып, түзеліп келе жатыр едім, бір күні дәрігерлер кеп мен жатқан кабинетті тілімен жалағандай тазалап, төсек орынды ауыстырып жаңартып жатты. Ішімнен ойладым, бұларға не болды екен деп. Тазарған үйде түнде жақсы ұйықтап, таңертек асымды ішіп жатыр едім, коридордың бас жағындағы есіктен бір топ адам сау етіп кіріп келді. Олар мен жатқан бөлмеге қарай жылжып келеді. Байқап әрі танып қалдым, политбюро мүшесі Д.Қонаев бәрінен бойы ұзын алда келеді. Олар келгенше ойланып бұлармен кездесе бермеймін, сөйлесуге уақыт болады. Не болса да осы Димекенді бір сынап көрейінші деген ойға бекідім. Есікті ашып “Ассалаумағалайкум, Бауке”, – деп иіліп сәлем берді. Бәрімен қол алысып амандық – саулық сұрасып жатырмын, Ауырып қалғанымды есітіп, Димекен өзінің свиталарымен келген екен. Бәрі жалтақтап Димекеннің аузына қарайды, көбінесе Димекен сөйлеп, жауап қатысып отырдым. Сөздің реті келгенде Димекеннің бетіне қадала қарап:

– Димеке, Сіз осы қазақтың қайсы тобына жатасыз? – деп ойламаған жерден әтейі көлденеңнен сұрақ қойдым. Димекең ойланбастан аспай-саспай баяу қалыппен:

– Бауке, мен Ысты деген елден боламын, Ысты тайпасының Таздар деп аталатын тобына жатамыз, – деді.

– Бәсе, Таздар руын біздің елдің шалдары көлденең көк аттыдан қалған ұрпақ деп шежіре таратқанда таласып отырушы еді, Сіз сол Таздардан тарайды екенсіз ғой, – деп шымбайына батырып көрейін деп іштей сынай қарап едім, Димекең маған қарай шалт бұрылып, екі қолын көтеріп мәз–мәйрам боп күліп, ыза болып тулаудың орнына:

– Ойбай, Бауке, мына сөзіңізді мен ешкімнен есітіп білмеген сөзім екен, – деп мені сөзден ұтып кетті. Мен ішімнен мына ұзын тұраң оңайлықпен алдырмайтын сезгір жігіт болып шықты ғой деп іштей разы болып қалдым. Ол менің қалжыңымды тез аңғарып сөзден жалтарып, жол тауып кетті.

– Бойы бір тұтам, ойы қырық тұтам мына сарыңыз кім? – деп едім, Димекең жалма жан:

– Бауке, сіз білмейді екенсіз ғой, бұл жігіт біздің Министрлер кеңесінің төрағасы... танысып қойыңыз, – деп мақтай ала жөнелді. Мен білсем де білмегенсіп тыңдап отырмын. Ол болса, қызарып сұрланып, беті дірілдей тіксініп мені жақтырмай тұр. Қалжыңыма қалжыңмен жауап берудің орнына орынсыз тәкаппарлығы ұстағанын іштен сезіп, үкіметіміздің жеткен жері осы болса, жарыған екенбіз деген ой түйдім. Д. Қонаев бастаған топтың ішінде Қазақстан поспредствосының бастығы, орта бойлы қарашұбар жігітті нұсқап әрі әлгі төрағаны жалғыз қалдырмайын деп Димекеңнен:

– Мына қара шұбар жігітіңіз кім болды? – деп ойламаған жерден сұрап қалып едім, Димекең менің ойнақы әзілімді тез сезді де:

– Бұл жігіт біздің Мәскеудегі Қазақстан поспредствосының төрағасы болады. Ол сізді сырттан жақсы білетін жігіт болуы керек, – деп күле отырып таныстыра бастады. Мен болсам, менің әзілімді көтере алмай, ызадан беті қабыршақтанып сұрлана түскенін көріп, сен сабаз да алдыңғыдан алыс жатқан жоқ екенсің деген іштей ой қорытып та үлгердім. Келген жігіттер біздің сөзімізге томсырайып сөзге араласпай әдеп сақтап тұрды.

– Димеке, бәріңізбен таныстым, енді дәм тата отырыңыздар, деп дастарханға шақырдым.

– Бәрі сыпайы сызылып қалған елгезек жігіттер екен, дастархан мәзіріне көңілі толмай тұр ма, Димеке! – деп әзіл тастап едім, бәрінің атынан Димекең рахметін айтып тез сауығып кетуіме тілектестік білдіріп, қоштаса бастады. Мен төсектен тұрмай бәріне қолымды көтеріп ризашылдық сезімімді білдірдім. Олар шығып кеткен соң ойға түсіп әрқайсысының сөзі мен қимылына, психологиялық қалыптарына іштей талдау жасап, өзімше бағалап жаттым.

Әрине, біразы мені ұнатпай кетті. Мәселе ұнату, ұнатпауда емес, менің оларды жақыннан іштей танып білуімде жатыр.

VII

Аспирантураға түскен соң мен Баукеңнің үйінде жаттым. Жеңеміз кетіп қалған екен. Үйде үшеуміз: Баукең, мен. Баукеңнің үлкен апасы Мүзей апаның ұлы Мартай. Ол – студент, мен аспирантпын. Тұрған пәтеріміз Дзержинский мен Чайковский көшесінің қиылысқан жерінде, үшінші қабаттағы үш бөлмелі үй. Баукең ішкі үйде жатады. Мартай екеуміз кабинетте жатамыз. Баукең сыртқа көп шыға бермейді. Машинасын тықылдатып жазып жатқаны. Газет, журналдарды да көп қарастырады. Тамаққа шақырмасаң келмейді.

Үйдің ваннасы мен туалеті бір жерде. Ыстық суы жоқ, бірақ су жылытатын титан бар. Оның иесі Мартай, оқудан келісімен титанды жағып, су ысытып шомылып жатқаны. Күнде солай. Бір күні Мартай шомылып жуынып жатыр еді, Баукең тысқа шыққысы келді ғой деймін:

– Ваннада кім бар, – деп қалыпты дауыспен сұрады, мен – Мартай ғой тарс-тұрс етіп жуынып жатқан, көп болды, шығып қалар, – деп жауап бердім. Баукең үндеместен артына бұрылды да жұмыс кабинетіне кіріп кетті. Шамасы бір сағатқа жуық уақыттан кейін Баукең қайта айналып келді де сұқ саусағымен ваннаның есігін нұсқады. Мен Баукеңнің ымын түсіне қалдым да:

– Мартай әлі шықпады, – дей беріп едім ваннаның есігін тақылдатып Мартайға айқай салды:

– Оңбаған Мартай, білесің бе, сенің әкең - менің жездем Аюбайды туғанда бір, өлгенде бір рет шомылдырған болатын, немене, әкеңнің ақысын менен алайын деп пе едің, – деп қуып шықты. Оған сасқан Мартай ма, есікті ашты да кабинетке кіріп кетті. Мен болсам не істерімді білмей күліп жатырмын жиені мен нағашысының сөзіне.

VIII

Баукеңнің туған күні желтоқсан айының жиырма төртінші күні. Жолаушылап жүріп кетпесе, жылда тойлап құттықтап жатамыз. Биыл да құттықтау үшін телефон шалмай-ақ бірден үйіне кіріп бардық. Мен, жұбайым Бағаш. Оның немере інісі Алтынбек пен келіні Жанар. Төртеуміз де Баукеңнің іш тартып сыйлайтын жанашырларымыз. Баукең төсегінде жатыр екен. біз сәлем беріп кіріп келгенде орнынан тұрып “Қатын, шай қой”, деп жеңгейге бұйыра сөйледі.

Көптен бері көрмей сағынысып қалғанбыз. Амандық-саулықтан соң әңгіме бірден қызып жүре берді. Оған себеп Жуалыға барып аулына соққандағы көрген-білген әңгімесін айтып отырып, сөз ертеде Жуалы ауданында учаскелік милиционер болып қызмет еткен жылдарын еске алудан туып кетті.

– Жасым он тоғыздан асып еліріп жүрген кезім. Ол кезде қазіргі Жуалы мен Түлкібас бір аудан болатын. Орталығы Ванновка селосы. Ұжымдастыру саясатының қызып келе жатқан тұсы. Орталықтан “отыз мыңшылардың” алды келе бастады. Ауыл кеңес төрағасы жасы қырықтардағы Зейнеп деген кісі. Біздің ауыл кеңесіне Мәскеуден Гудхарс деген еврей әйел келді. Ол кісіні мен соғыстан кейінгі жылдары Мәскәуде кездестіріп, өткен-кеткенді еске алып, кейбір қылықтарымызға күлісіп те алдық.

Гудхарсты Зейнеп және сельхозартелдің бастығы үшеуміз станциядан күтіп алдық. Арнайы жуастау ер тұрманы жарасқан мініс атын алып бардық. Пойыздан түсісімен танысып, хал-ахуалымызды сұрасып жатырмыз. Сөйтсек, мейманымыз апарған атымызға міне алмай, тіпті аттан қорқып маңайына бара алмай есімізді шығарды. Өмірінде атқа мініп көрмепті. Мінуге оңай болсын деп атты арықтың ішіне түсіріп әупірімдеп жүріп мінгіздік-ау. Тізгін ұстауға шамасы келмей, ердің басынан ұстап қатып қалыпты. Көзі алақтап сасып келеді, біртіндеп атқа бойы үйрене бастады. Бір қолымен ерді ұстап, бір қолымен тізгінді ұстауға жарап қалды. Жалпақтау сайлы жерге келгенде Зейнеп мейманды тысқа шығарып алайық деп аттан түсті. Зейнеп шапанын жамылып сай жағалап түзге отыруға кетті. Сельхозартелдің бастығы аттан түсіп Гудхарстың атын ұстап тұрып:

– Слезай!

– Зачем слезать, куда слезать, – десе, ол:

– Уада пускат! Слезай, слезай! деп, – қайталай берген соң Гудхарс:

– Что пускать, куда пускать, – деп аңтарылады. Сырттан екеуінің шарпысуына күле қарап тұрған Баукең:

– Хандар жаяу баратын жерге бару керек, ауылда туалет болмайды, Зейнепті көрдіңіз ғой, қажеттілігіңізді орындаңыз, – дегенде ол шек-сілесі қатқанша күліп, аттан түскен...

Бәріміз басымызды қосып, Гудхарсты атқа қондырып ауыл жаққа жақындай бастап едік, Гудхарс қатар тігілген ақтылы, қаралы киіз үйлерді көрді де:

– Бауыржан, мен бұлардың тілін білмеймін, ұғынысу қиын болар. Мені жақын арадағы орыс деревнясына орналастыра салшы, – деп шын ниетімен өтінді. Бурно-октябрскідегі қалың орыс отырған деревняға қалдырып, атын қосаққа алып, ауыл жаққа жүріп кеттік..

Арада екі-үш күн өткен соң келсем, Гудхарстың халі тым жаман. Аштан бұралып, ерні кезеріп, көзі шүңірейіп ішіне кіріп кетіпті.

– Эти не люди, хуже зверя. Даже стакан воды не давала, мы сами голодаем, – деп өмірімде көрмеген қорлығымды осы арадан көрдім деп салы суға кеткендей түңіліп отыр.

Атына міндіріп, жай аяңмен қазақ аулына келдік.

– Ойбай, Шошқабай Көтіқарыс (тілдері келмегеннен осылай атап кеткен - М.М.) дейтін Мәскеуден келген бір дөкеймен келіп қапты, – деп ауыл адамдары шайын қойып, төрге көрпе салып, шөлін баса тұрсын деп айранын ұсынып зыр жүгіріп мейманын шын ниетімен күтіп жүр. Ауыл адамдарының өздерінде жоқ болса да өзгелерден құрастырып барын аузына тосып тұрып төсек, жатып жастық болған ақжарқын ниетін көрген Гудхарс риза болып кетіп:

– Қазақтарды бұлай меймандос, өздері аш отырса да қонағынан барын аямайтын тәрбиелі халық деп ойламаушы едім. Дикие, полудикие азиаты деген танымның шеңберінде жүр екенмін, – деп ағынан жарылып сөйлеп кетті. Ауыл адамдары не айтып

Защитник Отечества

жатыр дегендей менің бетіме қараған соң сөзін қолма-қол аударып бердім. Риза болысып жатыр. Жақсылықты білген дегеннің өзі жақсылық қой деп мәз болысып жатыр.

Ауыл қазақтары менің учасковой деген қызметіме тілдері келмей, Федорды Шодыр, Егорды Жагор деп қиыстыра салатыны сияқты, мені көрсе Шошқабай келе жатыр деп, Гудхарсты көргенде Көтіқарыс кеп қапты деп сескеніп тұратын. Сөйтіп мен Бауыржан атымнан айрылып сол жылдары Шошқабай атанып кеткенім бар деп әңгімесін аяқтады. Біз мәз болып күліп жатсақ Баукең:

– Сендер несіне күлесіңдер, мен Шошқабай атанып, ана байғұстың Көтіқарыс атанып кеткені есіме түсіп күйініп отырсам, – деп одан бетер күлкіге батыра түскені бар.

IX

Мен аспирантураны бітірген жылы Баукең мені Ғылым академиясына ертіп барды. Мақсат “Абай Құнанбаев” деп аталатын көлемі жиырма баспа табақтай библиографиялық көрсеткіштің қолжазба нұсқасын “Ғылым” баспасынан шығару туралы мәселені Қазақ ССР Ғылым академиясының вице-президенті академик Сақтаған Бәйішовке айту екен. Бірақ мен Баукеңнің бұл мақсатынан бейхабар едім. Баукең мұндай нәрсені алдын ала айта бермейтін. С. Бәйішовке айтуға бір ыңғайы келіп қалды ғой деймін...

Академия ғимаратына кіріп бардық. Барсақ, өңкей академиктер жиналып отыр екен. Баукең ағаларына шын пейілмен сәлем беріп, қолдарын алып амандық-есендік сұрасып жатты. Жоғарырақта жеке отырған Сәбеңе (Сәбит Мұқановқа) арнайы барып сәлемдесіп, төмен түсіп келе жатып:

– Сәбе, осы Сіз қазақтың қай руынансыз,– деп сұрап қалып еді, Сәбең шапшаң жауап беріп:

– Мен қазақтың Уақ деген руынан боламын, – деп арғы жағын шұбыртып айта бастап еді, Баукең Сәбеңнің көзіне қадала қарап тұрып:

– Бәсе, Сәбе, Сіздің іс әрекетіңіздің бәрі де ұсақ болып жатуы уақ болуыңыздан екен ғой,– деп ойламаған жерден ағасын ренжітіп алғаны бар. Ал Сәбең болса сасып қалып:

– Е, Бауыржанның мұндай сөздеріне бойымыз үйреніп қалды ғой,– деп түк білмегендей тігісін жатқызып, қаптап тұрған академиктерге қарата қалжың сөзбен тіл қатып, жеңіл әзілмен жағдайдан шығып кеткені бар.

Әшейінде үй ішінде әдебиет әлемінде болып жатқан жағдайлар туралы пікір алысып отырғанда сөз арасында Сәбеңді: «қазақтың үлкен жазушысы, қалың қазақ арасында өте танымал, беделді, қарлыққан даусымен-ақ қырылдай сөйлесе де сөзімен тыңдаушысын үйіріп әкететін бойына біткен табиғи шешендік өнері бар қаламгер», деп мақтап отыратын.

Бұл жолы екеуінің арасынан қандай қара мысық өткенін аңғара алмай қалғаным бар.

X

Мәлікпен екі арасы суыңқырап жүрді. Мәлік Ғабдуллин менің ұстазым деп мақтан тұтып жүретінмін. Өйткені Мәкең бізге қазақ ауыз әдебиетінен дәріс берді. Студент, аспирант кезімде жатақхананы аралай келіп, шахмат ойнап, отырып қалатын, Ойын үстінде жақсы жүріс тауып, басым түсіп кетсең “ой, собаковод, не істеп кеттің” деп еркелетіп қоятыны бар еді. Оңашада шешіліп әңгіме айта бермейтін, өзін тұйықтау ұстайтын сырбаз ұстаз еді. Ал, дәріс үстінде шәкірттерімен қазақы қалжың айтып күлдіріп отыратын. Өзі Совет Одағының Батыры, академик әрі ректор болса да, студенттерден бойын алыс ұстаған емес. Ректордың кеңсесіне жұмысымыз болса тіке кіріп бара беретінбіз, кәдімгі өзіміздің жора-жолдасымыздай өзімсінетінбіз. Мәкең де бізді сыртқа қақпай, ішке тартып отыратын. Мен үшінші курста жүргенімде үйленіп қалдым да, тұрақ-жайдан қысылған соң Мәкеңе барып жеке бөлме бөлуін өтіндім. Мәкең өтінішімді зейін қоя тыңдап отырды да:

– Неге ерте үйлендің, жағдайыңа қарамадың ба? Өзің болсаң тас жетімсің, артыңда қарасатын кісің де жоқ, – деп еді, мен қысыла отырып:

– Мәке, менен басқа курстастарымның бәрі үйленіп қойды. Оқу бітіріп ауылға кетсем, өз теңімді таба алмай қаламын ғой, – деп сырымды айтып едім Мәкең ішек-сілесі қата күліп алды да:

– Әуелі отауыңды сайламай... асыққаның жөн болмаған екен, – деп комендантқа телефон соқты да, Комсомол көшесіндегі жатаққанадан 53-ші бөлмені босаттырып берді. Тұңғышымыз осы бөлмеде дүниеге келді.

Аспирантурада жүрген кезде де Мәкеңмен жақсы қатынаста болдым. Бұл кезде Баукең Камаш жеңгей екеуі Қара теңізге демалуға кетті де, үйде Мақпал екеуміз ғана қалдық. Баукең кетерінде телефоннан бізді сұраса, үйде жоқ деп айт та, біз жөнінде ешқандай хабар берме деп тапсырып кетті. Баукең мен жеңгей жайында өсек, сыпсың сөздің күшейіп тұрған шағы. Бір айдан соң Баукеңдер демалыстан оралды. Ойламаған жерден көшеде Мәкең кездесіп қалды. Көңіл күйі жоқ ренжулі екені бет әлпетінен аңғарылып тұрды.

– Меке, мына газет Баукең туралы ыңғайсыз мақала жариялапты, – деп қолындағы “Қазақ әдебиеті” газетін маған ұсынды да, алған бағытымен артына бұрылмастан жылдамдай басып кете берді. Газетті ала салып бас мақаланы оқысам, Сафуан Шаймерденовтің Баукең туралы жазылған мақаласы екен. Газеттің соңғы бетін қарасам тағы да Баукең туралы бір ақсақалдардың қол қойған мақаласы болып шықты. Сең соққан балықтай күй кештім, не істерсің... Асығып үйге келсем жеңешем екеуі жайбарақат шай ішіп отыр екен. Баукең ұнжырғасы түсіп кеткен мені көрді де:

– Не болды саған! -деп жеки тіл қатты.

– Ешнәрсе де болған жоқ, – деп жалтарып едім.

– Шыныңды айт, жасырма? – деп зеки сөйледі.

Амалым таусылған мен үндеместен қолымдағы газетті сасқанымнан қол созып ұсына беріп едім.

Защитник Отечества

– Немене мен туралы жазылған мақала ма? – деп газетті қарастыра бастады. Бірінші беттегі мақаланы оқып бітіре беріп еді:

– Соңғы бетте тағы да бар, – дедім.

Баукең аспай-саспай жазу столына отырды да екі мақаланы да бастан-аяқ зер сала оқи бастады. Шылымын тұтатып алып, құшырлана сорып, үй ішінде ары-бері ойланып жүре бастады. Бір кезде маған қарай назар аударды да:

Жаны аяулы жақсыға қосамын деп,

Әркім бір ит сақтап жүр ырылдатып,- деген Абай сөзін білесің бе? – деп маған шүйіле қарады. – Бұлар үріп жатқан күшіктері ғой, бұларды үрдіріп отырған егесі кім екенін табу керек, деп ойланып қалды...

Арада көп күндер өтті. Баукеңнің көңіл-күйі де жақсара бастады. Осы сәтті пайдаланып Баукеңнен Мәлік Ғабдуллинмен ара қатынасы жайлы сұрап қалдым.

– Мәлік текті жігіт, майданда сұрапыл ерліктер жасады. Совет Одағының Батырлығына да ұсынған өзім. Ол мен туралы мақала, естеліктер де жазды. Сені де аспирантураға түсіруді Мәлікке тапсырғанмын. Оны білесің ғой, сен,-деп маған ойлы жүзбен сынап қарады.

– Мәлікпен де араласпай кеттіңіз ғой, – деп күмілжи сұрадым.

– Е, мұның да себебі бар. Мәлік ЦК-ның носовой платогы болып кетті ғой, – деп іштей ауыр күрсінгендей болды. Мен ішімнен Мәлік Ғабдуллиннің қазақ фольклоры жайында баяндама жасағанда Мұхтар Әуезовті қатты сынға алғанын меңзеп отыр-ау деп ұғындым. Осы ойымның дұрыстығын Қадыр Мырзалиевтің 2004 жылы басылған көрген “Иірім” деп аталатын кітабын оқығанда бір-ақ білдім Оқырмандарға түсінікті болу үшін сол кітаптан үзінді келтіре кетейін: “...ол кезде батырдың өзіне өмір сүру оңай болмайтын. Рас, менің қолымда былай деп, былай деп дәлелдейтін тарихи құжаттарым жоқ. Сөйте тұра, сол дәуірдің мінезіне үңіле отырып, кейбір нәрселер туралы түрлі болжамдар жасауға болады. Жиырмамыншы-отызыншы жылдардан бастап, алпысыншы жылдарға шейін Қазақстан үшін үлкен проблема болған адамдардың бірі Мұхтар Әуезов. Оны көп нәрседен құтқарған Сталиндік, Лениндік сыйлықтар ғана. Ал басқа жылдары Мұхтар Әуезовтің тірлігі тыныш өтті деу қиын. Ол үнемі бір жақты сынның астында өмір сүрді. Ондай-ондай ауыр сындарды екінің бірі айта да алмайды. Сондай аласапыран кезеңдерде Кеңес өкіметі Мәлік Ғабдуллин сияқты ресми батыр адамдарды өз пайдасына жұмсамай отыра алмайды... Дәл сол кезең туралы бір өлеңімде мен былай жазған едім

*Тауысып барлық амалды,
Күрсініп дала дем алды.
Мақалдың көбі сотталып,
Эпостың көбі қамалды.*

*Күресіп өткен хандармен
Хандарға жақын жандармен
Қалдық та бардық бір ғана
Қара қасқа атты Қамбармен.*

Сақалын сипап шалдарым,
Колхозға берді малдарын.
Қалжыңсыз және күлкісіз
Қанша жыл жүрді Алдарым!?

Ақтарып көне көріңді,
Аруақтан ұрпақ жерінді.
Алыпқа тұсау салынды,
Халыққа сөгіс берілді.

Көз алдымызда
Апырмай,
Тарихым болды тақырдай!
Сұлмиіп қалды фольклор
Сүзектен тұрған батырдай!

Міне, осындай ауыр кезеңде Мұхтар Әуезовтің сөз майданының бір жағында, Мәлік Ғабдуллиннің екінші жағында жүргені халықтық қасірет.

Олардың екеуі де халықтың ұлдары. Бірақ екеуін екі бөліп жіберген идеология! Сайқал саясат. Бұлар оны түсінбеді дейсің бе? Түсінді, әрине! Бірақ олар “Өмір” атты тарихи сценарийдің бар болғаны кейіпкерлері ғана! Ал қойылымның Бас режиссері - Тағдыр! Отаршылдық саясат! Қазақтың бір қошқарына екінші бір қошқарын қарсы қою отаршылдық саясат үшін жаңалық емес! Абырой болғанда зиялы қауым өкілдері бәрі болмағанымен, бірен -сарандап оны жақсы түсінді. Кеш те болса, соны ұққан ақылды азаматтардың бірі Мәлік Ғабдуллин еді. Ол осы мәселелерде Мұхаңа ашық хат жазып, көптеген мәселелердің төңірегінде ұлы жазушыдан кешірім сұрады. Бұл ашық хат Мәлік ағамыздың соңғы ерлігі еді!” деп жазғаны менің ойымды айғақтап отыр.

Ханбибі ЕСЕНҚАРАҚЫЗЫ
 белгілі ақын,
 Қазақстан Республикасының
 еңбек сіңірген мәдениет қызметкері

АЙБАРЛЫ АТАМ ЕДІ...

1972 жылдың қарашасы қапырық болды. Күйдірсе де, жандырса да, ара-тұра бетті желпіп өтер желі бар ауыл өмірі де өмір екен-ау! Жаз бойы шаң-тозаңды жапырағына тұндырған зәулім ағаштар селт етер емес. Қала тұрмысына өндігіп, еті өліп кеткен сияқты. Жап-жасыл жапырақтары қарақошқылданып, теңбіл дақтар түскен осы ағаштардың жанынан ары-бері өткен сайын табиғаттан жаңбыр сұраймын. Шіркін – ай, ағыл-тегіл ақ нәсер төтеп берсе, мына талдардың шаң-тозаң басқан кіреукелі кейпі бір серпіліп, мұңлы жанары жарқ етпесіне кім кепіл! Бірақ, менің жан тілеуімді елеп-ескеріп жатқан кім бар дейсің? Меңіреу табиғат түгілі, жылағаныңды жүрегімен сезініп, құлағымен қармар жан бар ма өзі?! Жарайды, оған кейінірек келейік...

Қабат-қабат тас үйдің текпішектеріне тыным бермей, тіршілік қамымен жүргеніме айдың жүзі толған. Үлкен қала жатсынған сыңай танытпады. Тұрып жатқан жамағайынның пәтері де өзімдікіндей болып кеткен. Балқып, билей жөнелгені тұрған ыстық асфальттың бетке ұрар демінен бас сауғалар жер іздегендейсің. Тас үй іші салқындау сияқты. Подъезге енген бойда дермантинмен қапталған қара есіктерден көз тұнады. Бұл есіктердің бір қасиеті дәлізге шыққан заматта-ақ өздігінен құлыптана қояды.

Кезекті лекциядан соң үйге асыға еніп, ауыз бөлменің жарығын жаққаным сол еді, қара телефон безектеп қоя берді.

– Алло, – деді, аржақтан қарлығыңқы үн.

– Алло, аға, тыңдап тұрмын!

Қырық құбылып, түрлі мақамға салып мәнерлемейтін, қоспасы жоқ осы бір табиғи үн құлағыма жылы тиетін.

– Бүгін сағат бесте, қаладағы Пушкин атындағы кітапханада Мұхтар Әуезовтің 75-жылдығына арналған тақырыптық кеш өтеді. Жергілікті ақын- жазушылар оқырмандармен кездеспекші. Уақыттың болса, кел. Әуезовке арналған «дүниелерің» болса, ала шық.

– Жарайды, аға!

Телефон трубкасын орнына қойдым. Қуанып кеттім. Он жыл бойы талай дәптердің тысына маржан әріптер болып төгілген Әуезов есімі жаныма жақын еді! Тіптен мен оқыған мектепте ұлы Абайдың немересі Мәкен апаймен бірнеше рет кездесу де өткізгенбіз. Әдемі де аққұба апайдың әсем даусымен әуелете салған Абай әндерін талай тамсана тыңдағанмын.

Сағат төрт жарым. Алып-ұшып аталмыш кітапханаға келсем, бәрі жиналып қалыпты. Маған телефон соққан кісі, облысаралық жазушылар бөлімшесінің сол кездегі жауапты секретары Нәсіреддин Сералиев аға да осында екен. Кеш тартымды

өтті. Ақындар дүрілдеп өлеңдерін оқыды, әуесқой композиторлар өздері шығарған әндерін орындады. Ол кезде кештің қызғылықты өтуін тыңдармандар тарапынан соғылған шапалақтың көптігіне қарап өлшейтінбіз. Құшағымыз гүлге толып, далаға шықтық. Сағат алтыдан асқан, уақыт дегенмен амалсыздан батысқа беттеген алтын күннің көз қиығы әлі де өртеп барады. Үйді-үйімізге тармақ болған біздерге қарап, Нәсіреддин аға:

– Бүгін Шымкентке Бауыржан Момышұлы ағаларың келіпті. Емделмекке Сарыағаш өтіп бара жатқан көрінеді. Қаласаңдар, сәлем беріп шығалық, – деді. Бәріміз бір ауыздан қостай кеттік. Ол кісі «Восход» қонақүйінде екен.

Бізге мұрындық болып жүрген Нәсіреддин аға ешкімнің көңілін жыққысы келмейтін, табиғатынан мінезге бай, талантты жазушы еді. Іштарлық, күншілдік мінездері ол кісіге жат. Талантты жастарға қамқор. Бір жас автордың жақсы туындысынан көрсе, жаңа киім киген баладай қуанатын. Менің де әдебиетке келуіме көп септігі тиді. Сол бір кездегі балауса шимайыма үлкен үмітпен қарап, жіті көңіл бөлген. Әдетте қолына қалам алып, әдебиет әлеміне қадам басушылардың көбі жігіттер еді де, қыз-балалар некен-саяқ көрінетін. Алғашқы өлеңдерімнен-ақ аяқалысымды қуана құптап «арпа ішінде бір бидай» немесе «көктемде көрінген бәйшешек» деп замандастар алдында мерейімді көтеріп қоятын-ды. Жақсы адамның ақылын ұйып тыңдайтын, орынды жасалған сын ескертпелерден табанда қорытынды шығарып отыратын мен оған әрбір жаңа туындымды жеткізгенше асығатынмын. Бұл бір ғана маған емес, қолына қалам ұстаған әрбір талапкерге тән қасиет еді.

«Сырдың суы сирағынан келмейтін» лапылдақ ақындар Бауыржан аға бөлмесінің алдына келгенде пәпігі басылып қалды. Есікті жайлап қақтық.

– Войдите! – деген өктем үн естілді. Ұстаз алдында емтихан тапсыратын баладай асқан бір жауапкершілікпен ішке ендік.

Кереуетте отырған Буденныйдың мұртындай мұрты бар, тік қабақ, отты көз иесі біздерге барлай қарап алды да:

– Кімсіңдер? – деп сұрады.

Бәріміз үшін Нәсіреддин аға жауап берді:

— Сәлемшілер, Бауке, өзіңізді осында деген соң...

Сәлемші болсаңдар төрлетіңдер, ал мені көруге келген болсаңдар, зытыңдар, мен сендерге зоопарк емеспін!

Бас-аяғымыз бес-алты адам қатар қойылған орындықтарға жайғастық.

– Халіңіз қалай, Бауке? – деп, Нәсіреддин аға сыпайы тіл қатты.

– Қартайған адамда не хал болады дейсіңдер, – деп ағынан жарылып келе жатқан Баукең, кенет өзінің дәрменсіз жаңдай сөз сабақтауын байқап қалды ма, лезде өзгерді. Онысын өзімізге қарсы сұрақ қоюмен тасаға ысырды.

– Мына батырлар кімдер?

Осыны күткендей жолбасшымыз бізді шетімізден тізіп таныстыра бастады. Ешқайсымыздың пәлендей тындырып тастаған ештеңеміз болмаса да, көпшілікке таныстырса әжептеуір өсіп қалатынымыз бар. Жылт етер жақсы қасиетің болса,

Защитник Отечества

соны шегелей көрсеткісі келетін аға жігіттерді жылы таныстырып өтті. Сосын маған қарап:

– Мына бала Ханбибі деген қарындасыңыз, – дей беруі мұң екен, Баукең оқты көзімен мені бір шолып өтті де:

– Сен пұшық не деп отырсың, қайдағы қарындас, бұл менің балам, тіпті немерем қатарлы ғой, – деп ағаға айқайлап жіберді.

Нәсіреддин аға намыстанып қалды ма, жоқ әлде ақталғысы келді ме:

– Қайдам, Асқар Тоқмағамбетовке қызыңыз дегенімде, ол кісі қызым емес, қарындасым ғой деген соң сізге де солай таныстырғаным еді, – деді.

– Ол – Асқар, мен – Бауыржанмын! Екеуміздің арамызда айырмашылық бар ма, жоқ па? – деп тағы да арқаланып келе жатқан Баукеңнен жылдам құтылайын деді ме, Нәсір аға «өзіңіз біліңіз» деп тез көне кетті.

Қатты қысылып жерге қарадым. Мен үшін жақсы көретін ағам біраз сыбаға алды-ау! Өзімді сол сәтте басы артық жандай санап, кетіп қалудың тағы ретін таппадым. Осындайдағы әдетім қаным бетіме теуіп лауламайды, тек шекемнің жан-жағынан сансыз ине қадалғандай әсерде боламын. Әңгіменің маған келіп тіреліп қалғанын көрмейсің бе, тезірек біреу сөйлеп, мына дәрменсіздік қалыптан құтқарып алса екен деп тіледім. Бірақ бәрі керісінше болды. «Құдай ұрғанды пайғамбар асасымен түртеді» демекші, онсыз да кірерге тесік таппай отырған мені бір замандасымның орынсыз қойған сұрауы бір жола тұралатып тастады.

Қыз балаға тағылар сын көп. Оның ішінде өнерлі балаға. Әншейін көздер қатардағы адамға бір қарап қойса, өнер адамына он рет қарайды. Жәй қарамайды, барлай, сынай, қарайды. Қай жерінен кемшілік табамын деп тімсінге қарайды. Өзіңді сәл еркіндеу ұстағаныңды көрсе «тәлпіш», ұяң қалып танытсаң «бір ширауы кем – жүні шығып тұр», дұрыстау киінсең – «жанындағылардың қайсысына жағайын деп жүр», жұпыны болсаң – «сөлбірейіп, соның қай жерінен өлең шығады» деп ішінен сөйлейтін мың – сан ауызға қалай қақпақ қоярсың? Осыншалықты көзқарасты жаныңа дарытпай қабылдау тағы да мүмкін емес. Сол себептен де ақын қыздар сезімталдау келер. Көлденең көзді былай қойшы, өз әріптестеріңнің ішінен де ондайлар табылар. Әсершіл ақындар қызыл көрсе – менікі болса екен деп армандайды. Ол ақындықтың ғана емес, жастықтың да өркеуделігі болар. Армандамаса – ақын бола ма?

Мені арылдаған ажалдың аузына турамай тастағалы отырған да сондай замандастарымның бірі. Бұйра шашты, жалпақ бет сары жігіт, аңқылдақтау болса да, арынды ақындығымен танылып келе жатқандардан еді. Қайран балалық-ай, мен оны дәл сол жолғыдай жек көрген жоқ шығармын.

– Бауке, – деді, маған бір қарап алып, – қазақ қыздарының шашын қиып, тырнағын бояғанына қалай қарайсыз?

Мені айтып отыр. Үстімде ақ сұрыптан етек – жеңі мол пішілген көйлегім, оның сыртында қара барқыттан тігілген желеткем бар болатын. Киім жағынан көңілім тоқ болғанымен, жігіт таққан міннің бәрі бойымнан айғайлап көрініп тұр. «Өлген жерім

осы шығар... Қазір мені қуып шығады...» деген ойлар сапырылысып, санама мың кіріп шықты.

– Әй! – деді, – атам біраз уақыттан соң. – Сен танып отырсың? Бұл сенің ойнап айтқаның ба, жоқ әлде ойлап айтқаның ба?

Қашып бара жатып жұдырық көрсеткендей, жанарында дүмәмәл, әрі әлсіз жалын пайда болған әріптесім: – Сізді ондай қасиеттерді жек көреді деп есітіп едік, – деп сөзінің соңын жұтып қойды.

– Қазақтың қызы... дейді, – деді, атам әлгі жігітке оқты көзін қадап, – қазақтың жігіті сендей болса – жетістік! Қарының қабақтай, бетің табақтай болып, жасыңа жетпей жал байлаған ақмақ! Сен қашан көрдің, қазақ қызының паранжы жамылғанын? Білгің келсе айтайын, қазақ өз қыздарын о бастан еркін ұстаған! Ал тырнақ жағына келсек, шығыс қыздары бұрыннан – ақ тырнақтарын қынамен бояған. Және ең әдемі опа-далап шығыс халқынан тараған. Оны былай қойғанда, күні кешегі ел басына күн туған қиын шақта, сол шығыс халықтарының ішінде, Әлия мен Мәншүктей қазақ қыздары шашын ғана емес, басын да құрбандыққа шалды. Сен соғыста болған жоқсың. Болғаныңда өз көзіңмен көрер едің. Ақ қар, қызыл қанда теңізге бауырын төсей шарық ұрған шағалалардай, жаралы солдаттарға қарай қанатсыз ұшқан қыздарымызды көрдім. Қылдырықтай болып, жаралы апайтөс жігіттерді оқ астынан алып шыққанына да куәміз. Ер басына күн туғанда – етігімен су кешетін, қайраттарына қарап таң қалғанмын! Сондықтан біздің қыз балалар үшін айтылған беталды сынға мен төзе алмаймын! – деп еңтігіп барып, бір-ақ тыныстанды.

Біз сөз осымен бітті ғой деп ойлай бергенімізде, ата сөзін қайта жалғастырып әкетті.

– Сөйткен қыздар бүгінгідей шат заманда түрленсе де өздеріне жарасады. Ал сен болсаң, жасың жетпей басың жерге тиіп, өткен заманды аңсайсың. Сол заман болғанда көрер едім, мына бұйра жабағыңның бөстекке айналып, әлдекімнің малын бағып жүргенінді, – деп қолындағы таяғымен ақын жігіттің шашын нұсқап қойды. Сәлемшілердің ішінен бірлі-жарымы мырсылдап күлгендері байқалды.

«Орынсыз айтылған сөз – орға жығады» деген осы шығар. Басқа пәле-тілден. Осы сөздердің шындық екендігіне өмірімде бірінші рет көзім жеткендей болды. Әріптесімнің үні шықпай қалды.

Жастығымыз ба – қуанышты да, ренішті де қазіргідей бет пердемен тұмшалап алмайтынбыз, не де болса жүзімізге шыға келетін, әріптесімнің бозарған реңін көрген сайын, менде оған деген аяныш сезімі ояна бастады.

Атам мені бір жола арашалап алғысы келгендей, әріптесіме қарап: – Ұқтың ба? – деп айғайлап жіберді.

– Ұқтым! – деген әріптесімнің үні талып естілді.

Атам енді жанарын тіктеп:

– Сені ақын деді ғой, ақын болсаң Мағжанның бір өлеңін жатқа айтып жіберші, – деді.

Мен үнсізбін.

Защитник Отечества

– Немене, қазақта Мағжан деген ақынның барын білмейсің бе? – Сұсты жанарымен жеп жіберердей қадалды.

– Атын естігенмен, творчествосынан онша хабарым жоқ. Себебі, оны мектеп программасында да, институт қабырғасында да өтпедік. – Өзімнің ақталуымнан өзім қорқа тіл қаттым.

– Әкең бар ма?

– Бар.

– Көзі ашық адам ба? Жасы қаншада?

– Иә, мұғалім. Жасы Сізден жасырақ.

Бауыржан ата мырс етіп күліп жіберді. Теңеуімнің орынсыз шыққанына өзім де ыңғайсызданып қалдым. Онымды жуып-шаймақ ниетпен:

– Әкем сіздің аяғыңызды алып келе жатқан кісі. Өлеңді жақсы көреді. Бірақ, маған Мағжан туралы айтқаны есімде жоқ.

– Кімнің өлеңдерін айтады.

– Абайды пірі санайды. Әкемнің айтуы бойынша Абай өлеңдері көкірегімде қатталып қалған сияқты.

– Қайсы өлеңін көбірек айтады?

Жасымнан құлағымда қалған, кейіннен кітаптан оқыған мына бір өлеңін әкемнің әуенімен айта бастадым:

*Өзгеге көңлім тоярсың,
Өлеңді қайтып қоярсың?
Оны айтқанда толғанып,
Іштегі дертті жоярсың.
Жыласын, көзден ақсын жас,
Омырауым боялсын...*

– Жарайды. Түсінікті! – деді атам біртүрлі жуас қалыпқа еніп. Қолын темекісіне созды. Бір сәт үнсіздік орнады. Ешкімнің де әңгіме қозғауға батылы бармайтын сияқты. Не ойлап кеткенін қайдам, ызғарлы кейіпте ойға шома отырып, темекісін бір-екі сорғаны болмаса, дереу күлсалғышға салып жанши өшірді. Кенет ұмыт болып қалған бізге қайта көз тастады. Тағы да маған қарап:

– Балам, маған қоятын сұрағың бар ма? – деді. Сол бір сәтте автомат оғы сияқты көкейімдегі бір сұрақтың атыла шығып кеткеніне өзім күні бүгінге дейін таңданамын.

– Ата, Мағжанды ұлтшыл ақын дейді ғой, сол рас па?

– Мен сенің сұрауыңа Маркстің сөзімен жауап қайырайын, - деді атам, – «Кто не любит свою нацию и не гордится ее достоинством, тот безумный дурак и подлец» деген. Түсінікті ме?

– Түсінікті.

– Тағы не бар?

– Сізге бір үлкен кезекті шайқастан кейін ерлігіңізді бағалап, Армия генералы шенін ұсынғанда саптан алға шықпаған деседі ғой. Не үшін шықпадыңыз?

– Ондай оқиғаның болғаны рас. Бірақ өзің айтып отырған генерал менің азан шақырып қойылған, паспортыма жазылған Момышұлы деудің орнына «Шылымылы» деп шақырса, маған қайт дейсің? Жоқ, әлде шен үшін фамилиямды өзгертуім керек пе?

Бәрімізге арналып айтылған бұл сөзге қалай жауап берерімізді білмей, іштей толқыдық. Оған жауап беру бізге мүмкін де емес еді. Осын байқаған сезімтал жан әңгіме арнасын бұрды.

Бауыржан атам батыр, жазушы болғанымен қатар, әр адамның көзінен – ақ танитын және ол пікірі дәл келтін психолог кісі еді. Мана кірген бетте айтылған біраз әңгімеден кейін, әншейінде біртоға Нәсіреддин аға, көпті ұйып тыңдағанымен өзі әңгімеге бел шеше араласпай, сыпайы отырған болатын. Оның мұнысын «ренжіп қалдыға балаған» батыр аға оған қарап:

– Немене, «пұшық» дегенді көңіліңе алып қалдың ба? – деп жадырай сұрады да, онысына жауапты өзі қайырды.

– «Қарға баласын аппағым дейді», мен сені адалдығың үшін ұнатам, – деп, ағаға жымия қарады. Нәсіреддин аға «жоға» дегеннен өзге ештеңе айтпады. Осы кез қалтасынан шынжыр баулы сағатын алып қараған Бауыржан ата бәрімізге барлай қарады да: «Қуыс үйден құр шықпа» деген бар, менің сендерге беретін шәйім төменде, жүріңдер тамақтанайық», – деп ресторанды меңзеді.

Бұл сөзді күтпегендіктен бе, әлде батыр атаның ыстық ілтипатты мырзалығы мен кішіпейілдігі риза етті ме, отырғандар «не дер екен» дегендей Нәсіреддин ағаға қарады. Ағада кет әрі еместігін аңғартты.

Мен оларға ілесуді жөн көрмедім де, қоштаспақ ниет білдірдім. Атам маған түксиіп бір қарап алды да:

– Балам, менің адам танитындығым рас десек, сенде бір алаңдаушылық, жолыңның болмай жүргені бар сияқты, реніш табын байқағандаймын, мүмкін көмегім тиер, айт, – деді.

Батыр атаның көріпкелі бар ма деп таңданбауға амалым жоқ. Сол жылы Шымкент педагогикалық институтының соңғы курсында оқитынмын. Санаулы күндерден соң мемлекеттік емтихан тапсыруымыз керек. Жасыратыны жоқ, алғашында менің шығармашылық болашағымнан үлкен үміті бар, кезінде қолдап, қолпаштап жүретін бір мұғалім екеуміздің арамыздан ала мысық жүгіріп өткен шақ болатын. Ол кісінің маған қырын қарауына ешбір негіз жоқ-ты, аузы жеңіл әлдебіреудің жазықсыз жала-сынан жаппа шеккен жайым бар. Және де өзімнің адалдығымды, ол шүбәланып жүрген іске ешқандай қатысым жоқтығын дәлелдеп бере алмаған дәрменсіз күйде едім. Бірақ, мені түсінгісі келмеген ұстазымның «сені емтиханнан құлатамын» деп түсін суытқанын күндіз ойымнан, түнде түсімнен шығара алмай әлекке түскен шағым. Осы арада әлгі мән-жайды атама түсіндіріп айтсам ба екен, жоқ әлде ыңғайсыз ба деген оймен кідіріңкіреп қалдым. Бұл өзі айтуға тұратын сөз бе, ал сөйткен күнде пайғамбар көріп отырған атам өзіме кейіп берсе қайтейін, ал, бүгін бүркеген күнде онысыз да ауыр өмір жолым онан сайын шилығып кетпесіне кім кепіл? Елкілі-

Защитник Отечества

толқылы ой құшағында едәуір тұрдым. Атам менің іштей толқулы екенімді тап басты. «Балам, мен сені «гениальный» дей алмаймын, дегенмен ақылсыз да бала емес көрінесің, сондықтан көңіліңдегі түйіткілді жасырма сыртқа шығарсаң өзіңе де жеңіл болады, қазақта «көңіл кірі айтса кетеді» деген сөз бар.

Мен жайлап отырып, жалпы жағдайды, ұстазымның «құлатамын» дегенін қинала жеткіздім.

«Жыртық үйдің құдайы бар» дегендей, менің балаң көңіліме үңіле қарап, өз әкемдей жағдайымды сұраған асыл атадан немді жасырайын. Үндемейін-ақ деп едім ғой, жанарыма лыпып шығып қалған жасты қалай бүркермін? Жабығып жүргеніңдегі жылы сөз, жылы шырай адамға қанат бітірсе, ал тумысынан жылы сөзге қат мені керісінше дәрменсіздікке жетелегеніне таңым бар.

– Ол адамның ныспысы кім?

– Аты-жөнін атадым. Бұл фамилия оған таныс болса керек, ол қарқылдап күліп алды да қағаз беруімді сұрады. Мен ұсынған кішкене параққа ұстазымның фамилиясын бұрмаланқырап жазды. Әрі қарай араб әріптерімен әлдене деп жазғанын көзім шалып қалды. «Апарып бер» деп қағазды қолыма ұстатты.

Рахметімді айтып, қоштасып шығып кеттім. Ертеңіне ертелетіп сабаққа келдім. Аудиторияға студентер жиналып қалыпты, ұстазым да сонда екен. Маған әлі де қырын қарап жүргенін партама өтіп бара жатып көз қиығымен сездім. Ұстазымның салқын көзқарасы барша курстас достарымның да жүзіне көшкен бе қалай, маған бәрі біртүрлі көңілсіз көрінді сол бір кез. Қайран, достарым түгілі мына өзім ойладым ба екен, араға біраз уақыт салып, сол ұстазымның менің кінәлі емес екендігіме көзі жетіп, арадағы бірнеше мың шақырым қашықтыққа қарамай, әдейі іздеп келіп, кешірім сұрайтынын.

Жасандылық жанымға жат қылық. Бүлдірген ештеңем жоқ. Оған өзім сенімдімін. Ендеше әлі қанша уақыт жапа шегуім керек? Сөмкемде жатқан «сәлем қағазды» бір оңашалау ретін тауып беремін деп ойлаған едім, уақыт өткен сайынғы өлі тыныштық жанымды жегідей жеп барады. Не де болса, тезірек шешілсе екен... Орнымнан қалай көтерілгенімді білмей қалдым. Арбасқан жандардай көзіне тіке қарап, өзіне қарай келе жатқан менің мына жүрісімді неге жорырын білмей, алғашында таңырқай қарады. Қолына қағазды бердім. Қағаздағы бұрмаланып жазылған өз фамилиясына аздап кідіргенімен, әрі қарай тездете оқыды. Сосын маған қарап:

– Мұнда не жазылғанын түсіндің бе? – деді.

– Жоқ, – деп шынымды айттым. Қаншалықты білгім келіп тырысқанымен араб әріптеріне тісім батпай қалғаны рас еді. Оныма өкініп, қобалжығанмын да. Әрі жанымды біртүрлі үрей билеген. Себебі ұзынқұлақтан естігенмін, қолтаңба қалдыруын өтініп сұраған біреулерге араб әріпімен сыбап жазып беріпті деп. Бұл да соның кері болмағай...

– Оқып берейін бе? – деді ұстазым аудиториядағы студентердің көзінше.

– Өзіңіз біліңіз...

– Ендеше, тыңда! Фамилиямды болса да түсіндің ғой. Араб әріптері былай депті: «Баламды саған тапсырдым, сені құдайға тапсырдым, құлатсаң -атыласың!» Соңынан өзінің атын жазыпты. Тыңдаушылар біртүрлі үрпиіп қалды. Бұл тығырықтан ұстазымның өзі құтқарды.

– Әйтпесе Бауыржан бола ма!

Ұстазымның жылы жүзі менің де, тілеулес қатар-құрбылардың да иығындағы ауыр батпанды сырғытып түсіргендей болды.

* * *

1973 жылдың январь айы. Алматыда жапалақтап қар жауып тұрған. Үсітерге қара таппаған суық ызғар бар күшін қиылыстарға орнатылған автоматты телефондарға салған. Тастаған тиының әрі қарай жылжымай мұздай темірге магнит тартқандай жабысып қалады. Тоқпақтап жүріп, телефон нөмерін асығыс тере бастадым. Аржақтан гүрілдеген дауыс естілді.

– Слушаю вас!

– Алло, ата, бұл мен ғой, Ханбибімін.

– Құлағым сенде!

– Ата, саулығыңызды білейін деп телефон соққанмын...

– Сен қайда тұрсың?

– Осында, Алматыда.

– Біздің үйдің есігін біреулер шегелеп кеткен бе екен? Сәлемді олай бермес болар...

Аржақтан бипілдеген қысқа дыбыс бірқалыпты үздік-үздік қайталана береді. Амалсыз телефон трубкасын орнына қойдым. Жаңағы қара суықтың қайда кеткенін қайдам, оттай жанып барамын. Шынында да өз қателігімді түсінгендеймін. Бірақ

Защитник Отечества

үлкен кісінің үйіне баса-көктеп рұқсатсыз жетіп баруды жөн санамаған болуым да керек. Сонымен қойын дәптерімді алдым да Бауыржан атаның адресін іздестіре бастадым.

Ленин проспектісі бойындағы бірінші қабаты шаштараз, тоғыз қабат үйді оңай тауып алдым. Есікті Қамаш апай ашты. Жылы шырай білдіріп, ілгері бастады.

– Балам, келдің бе? – деп, атам төсегінен тұрып отырды.

– Қалай ел -жұрт, әке-шешен аман ба?

– Аман, – деп жүгірте жауап қаттым. Себебі біраз уақыттан бері, шынымды айтсам, олардың жағдайларынан хабарым жоқ-тын. Амаңдық саулықтан соң атам төсегіне қайта қисайды.

– Балам, кешірерсің, осы тұмау-сұмаудың айналдырып мазамды алғаны, мен сенімен осылай жатып-ақ сөйлесе берейін. – Сосын манадан тұрған апайға қарап «ас дайында» деді.

– Ата, қажеті жоқ, мен қазір қайтамын, – деп айтып үлгергенше атамның баяғы құлаққа таныс көтеріңкі даусы естілді:

– «Жаман үйді қонағы билейді» деген бар, сен кетсең, біз қаламыз. Бізге тамақ ішуге рұқсат етпейсің бе?

Бетімнің шанышқақ инелері тағы бір ду еткізді. Кейде тым сыпайгершілік те қажетсіз екендігін аңғардым.

– Иә, балам, шаруа қалай? Оқуыңды бітірдің бе?

Япыр-ай! Осыдан бір жыл бұрын кездескенін ұмытпапты. Ойлап ем, жол ұзақ, сол ұзақ сапарларда кімдермен кездесіп, кімдермен таныспайды, мүмкін ұмытып та кеткен болар деп. Жоқ, жадынан шығармапты. Бірақ бірден не дерімді білмей дағдырдым.

– Айтпақшы сен ақын емессің бе? Қандай өлеңдер жазып жүрсің? Бір топ өлеңдерім жасақындардың коллективтік жинағында жарық көргені болмаса, тындырғаным шамалы. Және де өзімнің өлең жазуымды алдыма үлкен жауапкершілік міндеттемегенімді де есіме алдым. Үш ұйқтасам ойымда болды ма, менің жазып жүрген шатпағыма біреулер көңіл бөледі екен-ау деп, оның үстіне дәл осындай аты аңызға айналған батыр атам мән беріп, «қандай өлең жазып жүрсің?» деп сұрайды деген. Дәл бұлай болатынын білгенімде, барымды сол өнерге төкпеспін бе? Мүмкін, осының өзі менің болашағыма үлкен сабақ болар. Анда-санда ойыма келіп қалған көңіл-күй жырларын төгіп тастап, соның өзіне риза жанның пиғылын танытқан тоқмейілсушілігіме қатты ұялдым. Тағдыр қабілет-дарын берген соң оны өзің үшін ғана емес, өзгелер үшін де, оларға қуаныш, мұң сыйлау үшін де жазу керек екен-ау! Жиырмадан асқан шағымда айбарлы атам басын ашып айтпаса да, іштей бір асқан жауапкершілік жүктегенін және оның маған мәңгілік аманат екендігі көңіліме түйіп қойдым.

– Мұнда жайша жүрсің бе? – деді атам, алдындағы сұрақтарына қонымды жауап айтылмаған соң.

– Алматыға жәй келіп едім, – дедім шынымды айтуға қорқып. Қорыққаным – тұрмысқа шықтым десем ұрса ма дегендік.

Дәл сол кездегі атамның ашуланғанын көрсең. Төсегінен атып тұрып тіктеле отырды.

– Саған осы Алматыда не бар? Романтика ауылда емес пе? Көшеге шықсаң не көп, қыз көп. Бәрі де ауылдан келгендер. Оларға қызық керек, думан керек. Сен де соларға қосылып «тря-ля-ля-лап» жүрмекшісің ғой, көше кезіп. Жетпегені сол еді! – Атам ақырып бергенде бейнесі тура арыстанға ұқсап кетеді екен. Қазір жұтып жіберердей. Әсіресе, көшеде жүретін қыздардың жүрісін салып, ірі денесін ары-бері қозғалтқанда жазықсыз ағаш кереует ойбай салғандай сырқырап кетті. Үрейім ұшты. Қайран балалық - ай, күйеуге шыққанымды айтуға ұялып, қанша ыңғайсыздықты басыма сұрап алдым. Менің үрейлі жанарымды байқап, атам аздап сабасына түсті.

– Балам, кейде ақыл шатасып, ой алдайды екен. Менің сен туралы пікірім басқашалау еді. Екі өлеңі жарық көрер-көрмес Алматыға қарай жөнкілетін ақындардың қатарынан көремін деп ойламаппын. Астанада жоқ талантты дарытып, ақын ғып шығаратындай. Онан да есің барда қайт аулыңа. Өмір де, өлең де сонда, – деп қолына темекі тартатын мүштегін алды.

– Ата, мен ауылға қайта алмаймын.

– Онда жүр «тря-ля-ля-лап»!

– Ата, мен осында күйеуге шықтым. Жолдасым консерваторияның соңғы курсында студент.

– Ай, балам-ай! Бағанадан бері солай демейсің бе? – Темекісін тұтатып

болып. – Онда саған қызмет қажет екені рас, күйеу баланы асырау керек, – деп мырс етіп күліп алды да, асүйге қарап:

– Әй, ханыша! – деп айғайлады.

– О не, батыр? – деп қолын алдындағы алжапқышына жүре сүртіп Қамаш апай жақындады.

– Маған «Лениншіл жастағы» Бердіқұловтің нөмерін алып бер!

– Мақұл батыр! – Қолын телефонға соза беріп. – Шамада бұл балаға қызмет сұрамақсың ғой? – деді.

– Дәл солай!

Қамаш апай телефон нөмерін жылдамдата тере бастады. Аржақтағы хатшы қыз бастығының командировкаға кеткенін хабарлаған болу керек, апай солай деді. Сөйтті де:

– Бұл бала қаланың пропискасында бар ма екен? Қазір қызметке тұру үшін керек ететін көрінеді ғой, – деп өз ойын қосып қойды.

Атам сұраулы жанарын маған аударды.

– Мен пропискада жоқпын.

– Тұру керек!

Үш-төрт айдан соң кететінімізді, жолдасымды бір облыс орталығына жолдамамен жіберетіндігін айттым.

Защитник Отечества

– Балам, -деді атам тағы ойлы қалыпқа түсіп, – бұл жерде тұрақтап қалмайтын болсаң, ол жерді қояйық. Онда да өлеңді көбірек жаз. Көбігін қалқып тастап жаз, алатын қаламақың тамағыңа жетер, – деп ақыл қосты.

Осы кезде тағы да өзімнің жоспарымның орынсыз екендігіне көзімді жеткіздім. Шіркін-ай, қысылғанда қол ұшын беретін, шалыс бассаң жол сілтейтін, адасқанға ақыл қосатын осындай адамдар неге көбірек болмайды екен деп ойладым.

– Сіздің айтқаныңызды құп аламын, ата!

Қамаш апай дәмге шақырды.

Түпкі бөлмеден дәліз арқылы кең де жарық ас үйге келдік. Әрбір сөзі саф алтынға тең атам мұнда да жаңа бір ойдың ұшығына аңғартты. Әңгіме менің тұрмысыма байланысты еді, мен шыққан семьяны жақсы білетін болды.

– Енең, – деді, атам маған күлімсірей қарап, – қазақтың атқа мінер әйелдерінің бірі болған. Мінезі еркекшоралау, оның үстіне аздап билігі бар қызмет әйелді өзгертеді. Қазіргі әйел жолдастар көп нәрсеге қол жеткізді. Жан-жақты өсті. Олардың өсуіне Ұлы Октябрь революциясының көп септігі тиді. Керемет еңбек сүйгіштігінің арқасында олар араласпаған шаруашылық жоқ. Мына цивилизация дәуірінде аспанға да ұшып жатыр. Мұның бәрі қолдайтын нәрсе. Бірақ балам, – деп атам маған тігіле қарап алды да, – жоғалтқаны да аз емес, – деп әңгімесін бітірді.

Ол не нәрсе екен? Әлі күнге ойланып жүрмін ...

(1973)

Жорабек МӘМБЕТӘЛИЕВ
жазушы, эссеист

АЛТЫ АЛАШТЫҢ ҚАС БАТЫРЫ

Үш жыл болды... Жарықтық Баукең жылда бір рет таңға жуық түсіме кіретінді шығарды. Қол берісіп амандаспаймыз. 20 қадамдай жерде жасыл кителін желегей жамылып, сәл еңкейе үлкен арықтың көкмайса, дөңес жиегінде маған қырын қарай езу тартып бас изейді де, ақ дамбалын тізеге дейін жиыра көтеріп, сол қолындағы қаз мойын зерлі шойын құмғаннан екі сирағына алма кезек су ағызып дәрет алып отырады.

Шарбы бұлттан сығалаған шуақты күн пешін намазы уақытын көрсетіп тұрады. Сол кезде оянам да, дұға оқып, Алладан: «Баукеңнің руһын жәннәтті ете гөр» деп тіленемін...

Жарықтықты көзі тірісінде-ақ қазақ түгілі, күллі түркі қауымына өрлігі мен ерлігі аңызға айналған, жанама өсек-аяңға да толы ұлы тұлғамен етене танысудың жөні 1969 жылғы шілде айының алғашқы 10 күндігінде келді.

Баукең сол жылдары қатты науқастанып, елге келіп, Жуалының К. Маркс совхозында парторг болып істеп жүрген немере інісі Момынкұлұлы Әбділдәнің үйінде дем алып жатыр екен дегенді естігенбіз.

Жексенбі күні автокөлікке бір қазақы қара тоқтыны артып, бір торсық қымыз алып, қасыма келіншегім мен көрші тұратын Алексеевка орта мектебінің деректірі – Сыдығалиев Тұрсынбекті жұбайымен ертіп, Баукеңе сәлемдесуге сәскеде келдік. Ол кісі ауладағы қос қара талдың көлеңкесіне орнатылған сәкіге салынған төсектегі биік жастыққа шалқалап жатыр екен. Үстіне қызыл ала жұқа жамылғы жабылған. Кеудесі ашық.

Әбекеңнің әйелі алдымызды орағытып абысындарымен шүйіркелескен соң:

– Иә, деректір қайным, қал қалай? – деп Тұрсекеңнің қолына жармасып жатқанында мен қиыс алға озып, сәкіге тақайласып:

– Ассалау-ма-ғалейкү-ү-м, көке! – деп едім, Баукең кеудесін көтере бұрылып, салалы сұқ саусағын шошайтып:

– Кімсің?! – дегенде,

– Ер Байтана! Жорабек Мәмбетәліұлымын – Саржан болыстың немересі! – деп честь бердім.

– Әй, кім берді сендерге «ерлікті»?! – деп сұстанғанында:

– «Түп нағашым да, өз нағашым да – Өр Байтана, Ер Байтана!» деп екілене өзіңіз жазбап па едіңіз? – деп дүңк ете бұртиып едім, қарқылдап жіберді де:

– Соқырдан емес екенсің ғой (Байтананың тоқалының бір көзіне ақ түсіп «соқыр қатын» аталып кетіпті. Ел арасында, әсіресе құлилар, тоқал балалары деудің орнына соқырлар атағы таралып кетсе керек. Жуалыдағы екі елдің 90 пайызы бір-біріне жезде, жиенді болып келеді).

Защитник Отечества

– Кел бері, әкел қолды! – деп, ұсынған оң қолымды арбиған тарамыс алақанымен мытып-мытып жіберді де:

– Жоғары шық. Мына бас жағыма жайғас, – деп ізет жасап, көтеріліп отырды.

Осы кезде арсалаңдай көкелеп Тұрсекең қол ұсынып еді:

– Бар! Руки мой! – деп сұқ саусағын шошайта, зірк етті.

Тұрсынбек аға қол шайып келіп амандасқан соң, қатын-қалаш жабылып сәкіге кең дастархан жайды. Менен кейін молдас құрған Тұрсекең:

– Көке, мені танымадыңыз ба? – деп еді, Баукең:

– Ты из рода Құли же! – деп кеудесін көтере, оң жамбастап жөткірінді де, өсіңкіреп быт-шыты шыққан қалың мұртын бір сипап қойып:

– Жаңа саған неге қол жуып кел дедім? – дегенде:

– Тазалық қой, көке...

– Жағымпа-а-з... Міне (мені сұқ саусағымен нұсқап), тектілігін көрсетті... Маған сәлем бере келсең, неге жол-жөнекей қатындармен әмпейлесесің!

Баукең енді дастарханға бет бұра, көп жастыққа шірене арқа сүйей көтеріліп отырды да, бәрімізді барлай қарап шығып:

– Қалай, ел-жұрт аман ба? – дегенде:

– Ел аман, жұрт тыныш, – дестік.

Келіншектерімізбен танысқан соң, маған бұрылып:

– Бабаң Саржан болыс Жампоз датқаның көп жыл найыбы болып қартайғанда, Шымырдың төбе биі болған деседі. Ойы-қыры Байтананың одан асқаны жоқ деп білем. Білесің бе оны?

– Білемін...

– Жампоз датқа – атақты Керімбай болыстың бабасы болады. Кстати..., Майкөт ақынның мына бір шумағы есте қалыпты:

Саркем – сары тонның ескісіндей,

Керімбай – көрер көзге бес кісідей.

Текебай – селтеңдейді байыз таппай,

Бапанның шыбындаған ешкісіндей.

деген екен Әулие-Ата уезінің болыс, билеріне арнаған жырында. Саркең- «салмақты сары алтын» аталған. Ал менің түп нағашым Текебай би жеңілтек, ашушаң кісі болса керек.

– Білдіңдер ме! – деп жөткіріне трубкасын тұтатып, барлай қарады бәрімізге.

Мен өзімше мәз болып, дүңкие қомданып, қозғалақтап қойдым. Баукең маған сұқтана қарап отыр екен (Қандай сұс! Өңменіңнен өтеді. Сақтай гөр). Тұла бойым дүр-р-р етіп, маңдайымнан мұздай тер бұрқ ете қалды. Жалма-жан терімді сүртіп, желпінуге тура келді. (Бұрын көзіміз үйренген папахалы түскен сұлу суреттеріндегі айбарлы, сұсты да өткір көздер – мына қарастың жанында мәйменкөлеу екен ғой!... Жарықтықтың қос ұрты солыңқы. Аласы мол жанары шүңірейген ұясына әрең қонақтағандай. Қою қара мұртын қырау шала бастаған ба, бастырылмағандықтан болар, быт-шыт боп қоңырлана түсіпті... Неге мұрт бастырмайсыз деуге қайда?...).

– Сихым Батырбек датқа Жампоздың үзеңгісіне у жақтырып өлтірген соң, Қоқан ханы орнына баласы Бұралқыны сайлайды. Сенің атаң дәметкен екен датқалықтан. Көп жыл найыб болған соң орынды да ғой ...

– 22 жыл найыб болыпты ғой атам.

– Дұрыс. Еңбегім бағаланбады деп атаң араз боп жатып қалады. Кейін Бұралқы датқа кешірім сұрап, Айша-биден «Аса» дөңгелек болыстығын ашып береді. Қазіргі Жамбыл ауданының аумағы ғой.

– Иә, 4 жылдан 7 рет қатарынан болыстыққа сайланып, әрі жасы ұлғайып, әрі семіздіктен атқа қонуы қиындаған соң соңғы 6 жылын Шымырдың төбе биі боп өтіпті ғой. Шамада 1904 не 1909 жылы дүниеден озса керек.

– Ол кісінің әділдігін айтсайшы, Дулаттың 4 баласының біреуіне де бұрмай, қалыстан Бектөбедегі қаңлы Әбдрахман байды өз орнына сайлаттырып кеткен. Кейін, төңкерістің алдында, ол кісі тізгінді сенің әкеңе ұстатқан...

Естеріңде болсын, Жуалыда – Ыса датқа (Батырбектің немересі), Әулие-Ата төңірегінде – Саржан болыс көрегендіктен, қара шекпенділерге жер бөлінерде тегін емес, сатып берген алтын ақшаға. Олардың бәрі-бір ол жерлерді тартып алатынын білген ол кісілер...

Иә, 10 жасымда бір жаз әкеңнің іс қағаздарын реттеп бергенмін. Орысшасы жоқ болғандықтан мен ол кісіні кітабымда «сауатсыз» деп көрсеткенімді қырғызшалағанда: «кешіріп еле қойғылар» деп, езу кере жымыды да:

– Мен көргенде әкеңнің 2-3 қатыны бар еді, қайсысынансың? – деп түксие қарады.

– Жаңақорғандық қожа қызы – 5-ші тоқалынан қалған жалғыз да, бары да менмін. Бір әпкем ғана бар.

– Өзіңде ше?

– (Өтірік мақтанмен) Төртеу-ақ, – деп бөстім.

– Дұр-ы-ыс... Шыда балдыз келін, ештеңең кетпейді. Кең пейілді бол. 30 қатын алсам да отыр ғой мына апайың, табанымды сипалап... (онысы – Ғайникамал жеңгеміз. Бала мысықша қылымси жымып, Баукеңнің аяғын қымтап жатыр. Көп ыржалақтайды екен. Өртіс неме ғой...)

– Көп деп естимін, аға. Бірақ үйдегісі – жалғыз мен. Сізге ұқсап жасында жүрсін, көрсін. Ақырында «мягкий посадкамен» менің айлағыма келіп қонады ғой, – деп жұбайым елді қыран жапқан қылды. Баукең де біраз қарқылдап алды. Осы сәтте реңі бір түрлі шырайланып кетті.

Жарықтықтың өтірік аңғалданғанын сезіп отырмыз. Ішімнен өзімді: «атаңның басы, төртеу түгілі біреумен ашына болғаныңды көрсе, компартия тік қойып өртеп жіберер!» деп сыбап алдым.

...Түс ауа Жуалының самал желі үдейтін әдеті. Шаң көтеріле бастаған соң, үйге кіруге жиналды. Баукеңді сәкіден қолтықтап түсірмекші болып едік:

– Сам! – деп саңқ етті де, жарықтық сырғи түсіп, жоңылған ақ сырық таяғына сүйене кәдімгі офицерский адымдағысы келеді. Аяқ сілтеуі келіңкірегенмен, табаны құрғыр көніңкіремейтін секілді. Біз мырс-мырс етіп соңында келеміз. Табалдырық

Защитник Отечества

биік екен. Сол қолын есік жақтауына тіреп екі рет талпынып еді, болмады. Табаны табалдырыққа ілікпеді. Сонан соң барып, мойын бұрып:

– Демеп жіберсейші! Не получается, паразит! – деген соң қауғалап, үнемделген фин үйдің қушиған есігіне әрең сиғызып, еңгіздім-ау, әйтеуір. Қолтығынан жебеп төргі қалың көрпешеге жайлап жайғастырдым. Екеуміз де «үһ» дестік.

Тфә, тфә! Салмақты-ы... Жарықтықтың тұла бойы тарамыстанғанмен жотасы қақпақтай екен ғой.

... Баукең ет жемейді десе де болады. Жұқаналап кесілген қазымен (Түрсекең қатырып турайды қазы мен құйрықты. Қылғыта саласың). Шницельше жалпақтау қуырылған котлетті ұнатады екен. Тамақпен 100 граммдатқан соң-ақ жарқын сөйлеп, пейілдене бастады. Рюмкаға ерін тигізіп отырған келіндеріне:

– Түкіріп қоя салғанша, алып қоймайсыңдар ма! – деп еді, олар жапа-тармағай қағып салысты.

– Дұры-ы-с... (Бір мырс етіп алды да трубкасын күлсалғышқа жантайтып). Кеше әлгі исполкомдарың мен екінші, үшінші хатшыларың сәлемдесе келіпті. Біріншілерің орыс... Қайдан білсін қадір-қасиетті...

Исполкомдарың ардың-гүрдің ашықтау көрінді. Ал ана екі жұқаларың – ыздиған немелер екен. Ал, алыңдар деп стакан түйістіріп едім, исполкомың менен бұрын қағып салды да, ана екеуі коньяк толы рюмкаларын соншалықты ілтипаттап, алдарына қызша қылымсып, әсем жайғастырды. Әлгі исполкомыңа (қадірлі інім – Төребай Ақбозовтың інісі екен ғой). – Немене, шөлден өліп жетіп пе ең?! – деп едім, маңдайынан тер бұрқ ете қалды да:

– Кешіріңіз, сізден бұйрық болған соң, – деп ырсылдады.

Ана екеуі:

– Бауке, кешіріңіз, денсаулық жоқ еді, – деп жамырасты. Сайтаным ұстады...

– Әй, денсаулығы жоқ осындай мүсәпірлерге ел басқартып қойған қандай иттер! – деп ақырып қалып едім, екеуі ләм деспей қағып-қағып салды.

Біздің сыпсың езу тартысымыз шулы күлкіге айналып барып тиылды.

– Келе сап – «пәленбайдан астық алып, шөп жинап, сенаж салып тастадық» – деп рапорт бере бастайды. Кещелер... Маған керегі не оларының?

– Бауке, ұзын құлақтан естуімізше біздің обкомның бірінші хатшысы болған Садуақасовқа да мат қойыпсыз, – деп едім, қоңыр мүштегін сорып, біраз ойлы пішінмен отырды да, мырс етіп:

– Кейде қызбалықпен оспадарсыз сөз шығып кететініне өкінемін...

Бірде Мәскеуге пойызбен кетіп бара жатқанмын. Таңертең купенің дәлізінде темекі тартып тұр едім, «Ассалаумағалейкүм, Бауке аға!» деп саңқ еткенде, жалт қарасам облисполкомдарың екен. Қасында бір тапал жігіт. Қолдарын алдым. Мәскеуге кетіп бара жатқан беттері екен.

– Мына ініңіз обкомның бірінші хатшысы Бименде Садуақасов – дегенінде, көзіме оның қораш көрінгені соншалық: «Естігемін.. Бірақ, дардай атағы бар облысты кім

басқарады дегенде, көрсететін келбеті келіскен еңселі кісі табылмады ма» – деп едім, ол бір бозарып, бір қызарып барып:

– Бауке, көсеміміз Ленин – бәкене бойлының өзі емес пе еді?... Көсем болмасақ та, бірдеңеміз болғанынан шығар, елге елпелектеп қызмет жасап жатқан жағдай бар, аға, – деп, құшақтай алып, мат қойып кетті қуың.

«Жаман адам таз бола ма» деген осындайдан шықса керек, – деп күлімдеп шай ұрттады.

Осы кезде Тұрсекең:

– Көке, сіз үш рет Советтер Одағының Батыры атағына ұсынылыпсыз ғой, неге бермеді? – деп еді:

– Солай дейді ғой Әзілхан мен зерттеушілер... Сені ұсындық деп маған ешкім айтқан емес. Мені құртқан – бездарный, сауатсыз – Баграмян мен шовинист – Василевский ғой! Осы екеуі дивизиямда қонақта болғанда лыпыл қағып жарамсақтанбадым. Почему то, суханым сүймеді. Ана көрші қанаттағы Рахимов бауырым өзбекшелеп, асты-үстіне түсіп жатып генерал да болды, Батыр да атанды...

– Бауке, сол Рахимов өзбек емес екен деп жүр ғой, – деп едім:

– Жастайынан жетім қалып, Тәшкенде нағашысының тәрбиесінде өскен жас түлек – өзбек емей кім болмақ. Ана Мұхитдиновың да сондай. Бірде Кремльдегі бір концертте сұхбаттасқанмын. – Кремльден кетіп барам, аға. Бізден ана сарттанған тәжіктер асып тұр ғой, – деп мұңайған еді... (Баукең күрсіне темекі сорып сазарғандай болды.)

...Рас, Сталиннің ставкасына үш рет шақырылдым майданнан. Үшеуінде де, почему-то, приемныйда Василевский отырады. Үш ретте де прием болмайды деп қайтарып жіберді... Иә, менің сорыма Панфиловтың ерте өліп кеткендігі ғой...

Бірақ, шовинистерден «Батыр» атағын алмадым деп өкінбеймін... Халқымнан – қазағымнан айналайын! «Батырым», «Батырым» деп жүріп, күллі түркі жұрты Қаһарманым дейтін болды. Атымды аңызға айналдырды. Бұдан артық атақтың, абыройдың не керегі бар маған?!...

– Дұрыс айтасыз, – деп жамырастық.

– Да-а... Қай ауылға барсаң да, қаптаған Бауыржандар. Құдайға шүкір!...

Кейде, шен емес, шекпен емес, кейбіреулердің көшеде, той-томалақтарда кеуделеріне жылтырақтарын тағып жүргендерін көргенде, сайтаным қозып, порша-поршасын шығарғым келіп кетеді. Құдды мойнында алқасы бар жетектегі төбеттер секілді елестейді!...

...Иә. Осы күні белгілі болғаны: И.В. Панфилов тірі кезінде Баукеңді Ленин орденімен марапаттауға ұсынған екен. Ал генерал Серебряков Кеңес Одағының Батыры атағын беруді өтініп, бес машиналық бет толтырып, Жоғарғы Кеңеске жіберген екен. Бұл екі награда да Баукеңе бұйырмапты. Себебі, жоғарғы әскери басшылар Баукеңнің өздерінен бұрын әскери романға бас кейіпкер болғанына ыза болған. Демек, «қайдағы бір киргиз – кіші офицер бізден бұрын тарихи кітаптың қаһарманы боп кетті» деген көпе-көрнеу көре алмаушылық еді. Александр Бекке де Сталиндік сыйлықты бергізбеді. Тіпті Баукеңді дивизия командирлігіне тағайындау кезінде Г.К. Жуков та:

Защитник Отечества

«Мен полковникті соғыстың қаһарманы екен десем, кітаптың қаһарманы екен ғой» – деп кекеткенін, бірақ Баукеңнің қаһарлы жауабынан кейін кешірім сұрағанын да білеміз.

16 армияның қолбасшысы болған маршал К. К. Рокоссовский былай естелік береді: «...Әрине, сіздерге Панфилов дивизиясы, сөз жоқ, Бауыржан Момышұлының батальоны туралы деректер қажет қой. Қиын қыстауда аға лейтенант шенінде полк басқарған кіші офицердің алғашқысы Момышұлы еді. Тек қана Мәскеу түбінде отызға жуық шайқасқа қатысып, бірнеше дүркін жау қоршауын ұйымдасқан түрде бұзып шықты. Мәскеуге ұмтылған неміс әскерінің екпінін баяулатып, шығынға ұшыратты. Бұған қоса әр жерде шашырап қалған өз бөлімшелерімізді қоршаудан құтқарып, алғы шепке әкеліп қосты. Момышұлының бұл тапқырлығы – «Бой в окружении», «Выход из боя» деген тактика ретінде соғыс кезіндегі жаппай тәжірибеге айналды.

Осы Мәскеу түбіндегі жаңқиярлық қызметі үшін 1942 жылдың басында-ақ Бауыржан Момышұлын Кеңес Одағының Батыры деген атаққа ұсынған едік. Командование толтырған «Наградной лист» әлде бір суық қолдың жымысқылығымен жоқ болды. Жалпы, Панфилов дивизиясына деген бармақ басты, көз қысты қиянат та болмай қалған жоқ. Бұған қызғаныштың қызыл иті де араласты. Соның бір мысалы Бауыржан Момышұлының тағдыры. Елде, билік басындағылармен сыйыса алмай, тентектік жасап жүр дегенді естідім. Бұл да заңды. Кешегі қан майданда қайратын да, ақылын да аямай салған сирек кездесетін талантты тұлға бейбіт тірлікте керексіз боп қалғанына қатты қапаланады. Бұл қашанда ірі тұлғалардың трагедиясы», – деп жазды.

Сол шовинизм Рейхстагқа жеңіс туын бірінші болып тіккен Рахымжан Қошқарбаев пен Григорий Булатовтарды да атақсыз қалдырды. Бұларды 150-ші дивизия командирі – Шаталов құшақтап сүйіп, қуанышпен жоғарғы жақтағы командирге баяндайды. Ол жақ – жеңіс туын екінші рет қайта тіктіруге бұйрық беріп, бірінші – орыс, екіншісі «Ұлы көсемнің» жерлесі болуы керектігін айтады. Бұдан соң, орыс – Егоровты, грузин Кантария дегендерді жіберіп, 1 мамыр күні екінші жеңіс туын тіктірді. Ал Қошқарбаевтар ол туды 30 көкекте түс қайта тіккен болатын.

Мінеки, шовинизмнің шырқау шегі!!!

– Ел ішінде: «Ойбай, не дейсің, Баукең Сталинге нағыз ұлтшыл сенсің – «князенок» деп масқаралапты деп гулейді ғой», – деп едім:

– Ыы, «князенок»! ...Бұлай деп оған айтқан Сұлтан Қожанов болатын кезінде... Е-е... Мен туралы бір вагон мақтау жүрсе, соңына бір эшелон өсек тіркеледі, қарағым. Осындай мылжың сұрақтарды орынсыз жаудырған соң сенің екі ағанды, ана жылы Қыршындыдағы нағашым Құлжабайдың үйіне мына Кәмиланы алып қашып барғанымда, бөлек үйге қаматып қойғанмын, – деп мырс етті.

– Естігенмін. Шәріп пен Жапар ғой.

– Иә... (Маған сұсты шүңірейген ала көзбен қарап), – Сен өзің әжәптәуір жігіт көрінесің. Ойланшы өзің, соншама ұлан асыр дүниені дүр сілкіндірген қырғын соғыс жүріп жатқанда полк, құрама, дивизия басқарған мен сияқты подполковник, полковник тұрмақ, генералдармен мылжыңдасып отыруға Сталин уақытты қайдан табады?!

– деп, біраз үнсіздіктен соң жүздетті де, трубкасын тұтатып ыңырана тербетілгендей болды.

– Сол жолы, бала кезімде ала тайға тулақ сала салып, шапқылайтын көк майса Қыршындыға 40 жылдан кейін аусарым ауып, түп нағашым Текебай бидің баласы Құлжабайды іздедім. Сүйтсем, сол саздың Бозжотасындағы сиыр базда отыр екен. Кличкасы «Чапай» атты жалғыз ұлы бар екен. Не істеп жүр ол? – дегенде:

– Статтехникумды бітіріп, финагент болып жүрсе керек. Менің елден шеткері жүргеніме 9 жылдай болды. Ауылмен көп араласа алмай жүрген жағдай бар, – дедім.

– Ы-ым... Жуалы төріндегі Батырбек датқаның ұрпағы ортасындамын деп едің ғой...

– Иә.

– Текебайдың Еркебайынан Ізтілеу дегені бар екен. Қайсыбір жылы «Лениншіл жаста» Брест қамалын қорғауда мерт болғандар тізімінде соның аты-жөні қашалып жазылғанын оқығаным бар еді, сүйтсек, тірі екен ғой. Құлжабайдыкінде тоқайласып, төс түйістірдік...

– Сол жылы «Қазақ әдебиеті» газетінде сіздің қылығыңыз жөнінде фельетон шықты ғой. Немен тынды, аға?

– ...Ұзын сөздің қысқасы – ЦК-ға бардым да: «Мен соғыста үйленгемін. Қатынымды елге қайтарып жоғалтып алып едім, тірі екен. Таптым. Қайтып алдым. Мен тірі кезімде қатынымды ешкімге бермеймін. Сол үшін партиядан, жазушы одағынан шығарсаңдар шығара беріңдер. Учтите, партбилетті сендер берген жоқсыңдар. Ал қаламымды тартып ала алмайсыңдар. Подумаешь! Абай ешқандай одақтың мүшесі болмай-ақ өлең жазған. Ақыл, нақыл айтқан!» деп шығып кеткенмін. Сол талқылаумен бітіпті ғой, – деп тоқалына қарап еді, жеңгеміз езу кере сиықсыз ыржиды. Қызып қалған сияқты...

Баукең сәл ыңыранып алды да, қымыз ұрттаған соң:

– Қай жерге келіп тоқтап едік әлгінде? – деп сұрағанда, Түрсекең:

– Нағашыңызбен... – деп күмілжіп еді,

– Өй-й, сен... – деп, трубкасын соры-ы-п-сорып будақтатты.

– Сталинге келіп тоқтағансыз, – деп едім:

– Иә, – деді де, – Баграмян, Чистяков, Жуковтар туралы қызықты естеліктер айтып шешілді дейсің бір...

Ол айтқан ұзақ әңгімелерді қайталағым жоқ. Өйткені олар Ә.Нұршайықовтың «Аңыз бен Ақиқат» романында екінші толықтырылып, қайта басылуында баяндалды және Баукең «Жұлдыз» журналында, газеттерде өзі мақала етіп те жариялады.

...Сол жолы менің зердеме түйгенім – ол кісі ағытыла сөйлегенде ың-шыңсыз берілетін тандау керек екен. Сөз бөлмеу керек екен. Ел жалыққан жоқ па дегендей, күрт үзіп тастап, басқа бір әңгіменің шетін қылтитып қояды екен де, біраздан кейін, шын тыңдап отыр ма, әлде ақпа құлақ неме ме дегендей:

– Қай жерде тоқтап едік, – деп тесіле қарайды екен.

– Былай деп едіңіз ғой, – десең болды:

Защитник Отечества

– Иә, – деп алып, зерделі сөздермен әңгімесін төгіп-төгіп жібереді, жарықтық.

«Ойбай, Баукең грубиян, мінезі шатақ, өте кінәмшіл де қатал адам» дейтіндер – Былшылдапты! Ондай лақап кездейсоқ ел тұтқасын «ұстаған» сымақтардан өрбіген өсектер деп білемін...

– ...Сталинді тірі кезінде бір-ақ рет көрдім. Ол 1945 жылғы жеңіс парадынан кейін Кремльдің Георгиев залында болған қабылдауда. Ұзыннан-ұзақ түзілген дастарханды столдың екі жағында өкімет басшылары араларында бір-бір маршалдар мен генералдармен аралас түзіліпті. Қақшиып тұрмыз. Бір уақытта СССР-дің Гимні ойнап, төрдегі есіктен Сталин мен Жуков кірді. Шампандар атылып, бокалдар толтырылды. Сталин:

– Барлығыңызды Ұлы Жеңістеріңізбен құттықтаймын, жолдастар! – деп саңқ етті де, столдың оң капталындағы кісілермен бокал тиістіріп жүріп келеді. Алдында Жуков. Ол менің желке тұсыма келіп тұрып:

– Легендарный комбат 28-й панфиловцев, сражавшихся на Волоколамском шоссе зимой 1941 года, ныне командир гвардейской дивизии – полковник Бауыржан Момышулы – сын Великого казахского народа! – дегенінде сарт-сұрт айналып честь бердім.

– Поздравляю с Великой Победой, полковник Бауырджан Момышев! – деп бокал тиістіргенде :

– Служу Советскому Союзу! Полковник Бауыржан Момышұлы! – деп түзетіп танауды жарса дағы шампанды қылғытып салдым. Олар басын ие күлімсірей өте берді. Сол кезде біз жақ қатардың бас жағына көз қиығымды салып едім, 11-ші болып тұр екенмін. Неше бір генерал, салалық маршалдар менен кейін көз ұшында. Ішімнен «құдайға шүкір!» деп тәубә келтірдім... Міне, бар шындық осы! – деп трубкасын будақтатты.

– Осы керемет әңгімеңіз үшін, аға, сізге құдайым әр дайым қуат берсін! – деп Түрсекең тост көтерді. Баукең соншалық ризашылықпен қабыл алды бұл тосты...

– Еліңде тарих, шежіре білетін қарттарың бар ма? – деп бір түрлі қуақы рай танытып маған бұрылды.

– Шүкір, баршылық...

– Менің «Ұшқан ұям» және басқа жазбаларым жөнінде не дейді олар?

– Немерелеріне оқытып, мадақтап гуїлдесіп отырғандарын талай көрдім. Ренжімесейіз, әкемнің немере інісі – Еңбек ері Сейдуалы көкем бір сәлем айтып еді.

– А-а, анау қауға сақал қызыл шырайлы сұлу қария ғой.

– Иә.

– Не сәлем?

– Әй, Жорабек қарағым, Алматыға көп барасың ғой, Бауыржан Батырды тауып айтқын: Біріншіден, «Мыңбұлақтың Құлиымыз» дегені дұрыс емес. Мыңбұлақ – Байтананың жері. Жотадағыларды – Мыңбұлақтың Байтанасы дейді өзге жұрт. Ал Құлиларды Ақсайдың ауалаған Құлилары дейді. Екіншіден, апайларын алып қашқан Нұрлыбай, Нұртай ауылына қуып келіп, жігіттерді жапыра ұрып сұлататындай

Момынқұлға қайдан жігер бітіп қапты?! Бала Бауыржанға қуғыншылардың сырық көтере шауып барғаны – елді қиратқандай болып көрінген ғой. Қазақта ондай саба-ласу салты бар. «Ойбай күдеке, кешір, кешіріңіз» деп сұлай кетеді қыз алып қашқан айыпты жақ... Күйеу түскенде, құда шақырыста «кемпір өлді» деп ырым-жырым алады ғой. Сол секілді тірлік ол. Әйтпесе, Ақсайдың Құлилары Мыңбұлақтың базарынан боза ішу үшін әлгі Нұрлыбай, Нұртай балаларынан рұқсат сұрап өтетін! – деген еді көкем.

– Здорово! Шалдар пәле-е... Дұрыс айтқан! Колхоздар іріленгеннен кейін ғана Мыңбұлаққа жайғасқанымыз рас. «Орақ балғадағы» менің ауылым сенің атаң «Саржанбұлағына» келіп қоныстанды ғой... (біраз түксигендей болды да, ала көзін жарқ еткізіп, екілене), – Немене, Тайекеңдермен аралас қоныстанған соң мыңбұлақтық емей кім боламыз! Өздерің Мыңбұлақ туралы жаза алмайсыңдар. Кстати, бұл жерді вавилондықтар жер жәннәтіне теңеп жазған ғой...

Жарайды, азар болса бір тентектігім өткен шығар. Әйтпесе Батыр болам ба?! – деп қуақы жымиып барлап қойды, бәрімізге көз қадап. Мен енді еркінси:

– Дұрыс айтасыз. Батыр деген тентек сүрейлеу, әрі әумесерлеу болуы керек қой, – дегенімде:

– Вот енді келдің жөнге! – деп кеуде көтере қолымды қысып қарқылдасын кеп Баукең. Сайтанын шығарып алам ба деп үрей қуып отыр едім, жәйбарақат сезімге бөлендім де:

– Бауке, Құлидың ұраны – Ақментей екенін білеміз. Сол атақты қалай алғанын білесіз бе? дегенімде, сұқ саусағын маған қадап, Түрсекеңе бұрылып:

– Көрдің бе... мынауың нағыз сұңғыла! – деп бас шайқады да: – Қой, шындығын айтпасақ мына қызыл көзің тағы да жармаса кетер. Кеудесін көтере, биік жастықтарға ыңғайлы жайғасқан соң:

– Өздерің білесіңдер, ілгергі кезде қазақ-қырғыз арасында барымташылық өршіп тұрған. Бірде, Ақсайдағы мол жылқыны қырғыздар ақшам намазынан ертерек қуа жөнеледі ғой. Ел аттандап атқа қонғанда, бір бақанды ала сап әумесерлеу 14-15 жастағы Ақментей бөрте тайға жайдақ қарғып мініп шаба жөнеледі. Онысы жүйрік екен. Топтан озып барымташыларға жақындағанда, шоқытып бара жатқан бір алыпты көргенде зәресі ұшқаннан «Ақменте-е-ей!» деп шыңғырып жіберіпті. Сонда қырғыздың шолақ Жантайы: «Ей, қазақтың Ақментей деген батыры жоқ еді ғой?» деп бұрылып қараған қырғызға алакеуімдегі қаптап келе жатқан қара құрым топ үрей туғызып, жетегіндегі жүйрігіне қарғып міне бергенде, шолақ Жантайдың оң аяғы шолтаң етіп ерге іліге алмай, топ ете қалады. Лезде жетіп келген бала Ақментей бақанның айыр ұшымен қырғыздың алқымын жанши тіреп: «Ақменте-е-ей!» – деп шыңғырып тұрғанда, Жантай батыр:

– Ей, балақай, мені өлтірме. Даңқынды бүкіл қазақ, қырғызға паш етемін! – деп жалбарына қырылдап жатқанында, арттағы қара құрым қуып жетіп:

– Ойбай, мына қырғыз атақты Жантай батыр ғой! Айналайын, дәу түсірген боқмұрыным! Шешеннің жатырынан айналдық сені тапқан! – деп ересектер қау-

Защитник Отечества

қаулап, аунап жатқан қырғызды шылбырмен шандып, тізерлете отырғызады. Сонда Жантай батыр:

– Атаңның аузын еле, маңқа қассақтар, қайсың маған мұрын (бұрын) бетпе-бет келіп едің?! Міне, бастан бағым ұшып еле тұрбойбы. Мына балаң шоң еле тұрбойбы! Бақанмен ұрып сұлатты. Ой атаңның көрі!.. Мен біттім... Ошондой шоң батырды бұрын көрсем, жанарым ағып түссін! Қазақ жеңдің! Жеңдің қазақ! Ендігәрі «Көксайдан» – «Ақсай» аспасқа ант етем! Енді қырғыз баспайды қазақ жерін. Ант етіп, қасам ішемін! Жан-сауға, жан-сауға? – деп өкіре, етбетінен құлаған екен. Содан кейін қазаққа ұзақ уақыт тыныштық орнаса керек. Сол ерліктен соң Құлилар Ақментейді ұран тұтқан. Ол кісіге Мойынқұм ба, Балқаш жақ па, кесене тұрғызылды дейтін. Білдің бе, өр Байтана! Батыр бабалар әруағы бәрімізді жебей жүрсін, әумин! – деп саңқ етті де, рюмканы босатты...

Үлкен бесінде тамақ желініп болған соң, тысқа шықтық. Әуелгідей қиналыспен қайта кіргенде, Баукең Тұрсекеңе ақ таяқты ұстатты да:

– Мынаны жөнге келтірші. Слишком грубовато. Алақанға батады, – деді.

Тұрсекең ана бұрышта сынып жатқан Баукеңнің әдемі аса таяғының басын шығарып ап, сыртта ақ таяққа иләләп қиюластыра орнықтырыпты. (Ауылдық жерде асатаяқ қайдан табыла қойсын). Жылтыр сары жез сыммен әбден шандып тастаған. Баукең қызыға ұстап көрді де:

– Пока пойдет вроде... (Ғайникамалдың ыржия жымиғанын ұнатпады ма). Кеше түскі асты берген соң мына «Соқыр Байтаналарың» (жеңгей мен келіні екеуі де Байтана елінің қыздары болатын. «Соқыр» деп отырғаны – Байтана Батыр бабамыздың тоқалы. Егде тартқанында көзіне ақ түссе керек, құрдастары әзілдеп «соқыр қатын» атап кетіпті. Сол сөз дуалы боп, өзге аймаққа «соқыр кемпір» аталып кетіпті. Сол тоқалдың үш ұрпағы Жуалыда 1000 түтіннен астамды құрайды және бір баласы Қожамбердіден – Жолдықара, Тұрымбет ұрпақтары «Жиделі Байсын» жерінде өсіп-өніп отыр деп естиміз...) менің мына ыржақайыммен далада ма, жоқ басқа бөлмеде ме, білмеймін, сықылықтасып даусымды естімейді түге! Түзге шығайын десем, дәрмен жоқ. Қатты бір жан айқайға басқанымда барып, ушеуі үрпиісіп кіріп келгенде, асатаяқпен мына столды салып қалғанымда екі айрылып түсті.

Баукеңнің түсі түнеріп кетті де, әлгінде ғана жұмыстан оралған Әбділдә інісін нұсқап:

– Басқа ел құрып қалғандай, әкелі-балалы бірдей Байтанадан алғанын айтсайшы! Ещә соқырынан, – деп шығыңқы жалпақ шықшыттарын бүлкідетті. (Қызық, табан астында күркірейді. Лезде жайдары бола қалады. Құдды Жуалының құбылмалы табиғаты).

– Бабам Имаш, атам Момыш, әкем Момынқұлдар бірдеңе білген шығар деп Байтананы жағаламағанда не істеуім керек еді, көке? – деп күлімдеді Әбділдә.

– Жалпы, біздің почти, тегін қыздарымыз болмаса, Құлидың түтіні түтемес еді ғой, – деп мен наздана қалып едім, Баукең қарқылдап жіберді де:

– Таптың! Таптың! Сдаюсь! деп, шоқпардай арбиған қолымен саусақтарымды және бір сығымдады. Мәз болған мен одан әрі:

– Қайрат аулындағы Арзымбет, Жүнше аталарымның балалары – келініңіз қыз тапты, шүйінші, десе, сіздің ағаңыз Сағымбекке жұмсап: «Болашақ келініңіздің бауы берік болсын» деп шүйінші сұратады, – деп едім, үй-іші жаппай қырғын күлкіге көмілді.

...Жарықтық, жатқан ділмәр адам екен ғой. Тек сөзін бөлмей, ыждаһатпен тыңдасан тіл майын ағызады-ақ. Сөз қайталамайды. Мылжындыққа баспайды. Нақ па нақ айтады. Шежіре мен тарихтың көкесі осы кісінде.

Әлде шаршады ма, әлде сөз бұйданы созғысы келмеді ме, кейбір шежірелерді сұрағанымда:

– Есінде болсын, жергілікті тарихи шежірелерді дерегі мол, бұл төңіректегі мықты этнограф – Сиқымның Қу сирағы Сауранбаев деген ағаңнан қаныққаның дұрыс. Танысың ба оны?

– Танимын...

– Ол дағы сен сияқты «шынжыр балақ, шұбар төстің» ұрпағы. Ақтарылмаған сыр көп онда.

Мен және бір жоталанып қалдым. (Бұрын Қалихан Ысқақтың мені бейтаныстарға таныстырғанда: «Әл-Дулати, Әл-Шымыри Саржан болыстың «отпрыскысы» дегеніне мәз болушы едім). Енді тіптен арқаланып:

– Көке, мына педагог, ақын – Тұрсынбек ағам – Құли, Шілменбет ағайындымыз деп бой бермейді...

– Сен не дейсің?

– Мен, Құли – Шілменбеттің баласы! – деймін. Шын аты – Жиеш. Көзі сәл қылилау болған соң жеңгелері «қыли бала» атап кетіпті.

– Дұрыс!... Оның рас енді. Сен өзің талайды білетін пәле көрінесің. Білсең, айтшы, неге Шілменбеттің Құлиы емей, «Құли – Шілменбет» аталдық біз?

– Білем! – екілене жөнелдім. – Шымыр атамның Бекболатының кілең батыр ұрпақтары Қоқан хандығында мал-жан жағынан көзірлі болған көрінеді. Алымсалықтан мол үлесі бар ұлыс бегі – Шілменбетті бірде Қоқан ханы:

– Туған-туыс, бала-шағаларыңды түгел ертіп, қонақ бол деп шақырады ғой.

– Иә.

– Ол кісі барлық ағайындары мен ересек балаларын ертіп қонаққа аттанады. Ертесіне бала Жиеш («қыли бала») ауылдың тым-тырыстығына таң қалып, шешесінен: «Әкем мен ағалар көшіп кеткен бе?» деп сұрағанда, тоқал шешесі өксігін шығарып Қоқан ханына қонаққа кеткендерін айтады.

– Үлкен апаны ертіп, сені мен мені неге ертпеген? – деп қыли бала бұлқан-талқаны шығып, бәсіре атына міне сап шаба жөнеледі. Жол-жөнекей елден жөн сұрап, үшінші күні хан сарайының қақпасын қағып тұрады. Кімсің дегендерге:

– Датқа Шілменбеттің баласымын, – дейді.

Защитник Отечества

– Оу, Шілменбет бүкіл бала-шағалары, туыстарымен бірге мана таңертең Сарайдан еліне аттанып кетіп еді ғой, – дейді қақпа күзетшілері.

– Менің ханның өзіне «Датым» бар, – деп қақсап тұрып алады «қыли бала».

Арғы жақтан келген уәзір ханға хабарлаған соң, баланы хан алдына ертіп келеді.

– Сен кімсің? – деген ханға, бала осылай да осылай деп мән жайды айтқан соң, хан Шілменбетке дереу шапқыншы жіберіп шақыртып алады да, сұраққа алады.

– Иә, менің балам, тақсыр. Кәмелетке толмаған соң кісі қатарына қоспаған едім, – деп күмілжіпті атамыз. Хан:

– Мен күллі бала-шағанды ертіп келіп, сый-сияпатымды көр дегенім қайда? деп ренжіпті де: – Қане, балақайым, қазынадан не тілейсің? – дегенінде, «қыли бала» атып тұрып:

– Тақсыр, маған дүние-мүліктің керегі жоқ. Әкемнің шіріген бай екенін білетін шығарсыз. Менің Сізден сұранатыным: «еруліге-қарулы» дейді ғой, бес қаруымды түгендеп беріп, біздің елді – «Шілменбет елі» дейді екенсіздер. Ендігі жерде менің «Қыли» атым әкемнен бұрын аталса екен! Бар сұрағым осы! – деп «қыли бала» еңіреп жіберіпті.

Бала сөзіне елжіреп кеткен хан, табанда Жарлық шығарып: «Қазығұрттан әрмен Қаратау өңірін жайлаған «Шілменбет елі» бұдан былай «Құли-Шілменбет елі» аталатын болсын» – деп қол қойыпты, – дейтін әкеміз...

– Мұның – шындық! Сол жарлық – хан архивінде сақтаулы деп маған да айтқан еді оқымыстылар. Өркенің өссін! Қане, мына семіз бала үшін ап қойындар, – деп, тост көтерді Баукең.

Баукеңнің әбден іші пысып қалса керек. Әлгінде:

– Шекем істемейтін секілді. Қалам да жүрмейді. Отупел я, здесь!... Тек қарынның қамын жеп жатқандаймын, – деген еді.

Міне, енді жадыраған секілді. Көп көсілді. Олардың біразы сол жылы «Жұлдызда», тағы басқаларда жарияланғандықтан, оларды тәптіштемей, сол күнгі әңгімеден бірерін айта кетейін:

– Сізді Шаяхметов қонаққа шақырғанда, столға отырмаймын! – деп дастарханын теуіп жіберіпсіз дейді. Соныңыз рас па?

– Тәйт! – атырыла қозғалып, жастықты жұмырлай шынтақтап, – қандай ит шығарды екен, мұны?! – біраз түнере салбырап отырды да, – Жоқ! ... Мен қаншалық тентектік жасағанмен, дастарханды теппек түгілі, аттаған емеспін! – деп басын қақшаң еткізді. – Ол кісінің үйінде болғаным рас. Өте мәдениетті кісі. Мен туралы талай өсек-аянға қанық екен. Сыр шерткен соң, түсіністікпен хош айтысқанбыз...

– Әлгінде Мағжан ақынның өлеңдерін жатқа соқтыңыз. Ол кісіні біле бермейміз. Көрдіңіз бе? Неге әлі ақталмайды?

– Е-е... Ол әзірше ақталмайды. Оның жыр шумақтары кәзіргі «классиктердің» дастандары мен поэмаларына сіңіріліп кеткен. Екіншіден – доносчиктердің көбісі әлі тірі. Бәлені ақтатар!...

Ол кісіні Сібірге жаяу айдалып бара жатқанында бір-ақ рет көрдім. Ол кезде Новосибирскідегі атақты «Волочаевск» дивизиясының атты әскери полкінің рота командирі едім. Учениеде жүргенбіз. Кездейсоқ кездестірдім. Әбден жүдеген. Суретінен таныс отты көздері сөніп бара жатқандай. Бұйра шашын шұлықпен орап алыпты. Екінші шұлығы етік тұмсығынан салаңдап тұр. Айдауыл командирімен келісіп, 20 шақты тұтқындарды тамақтандырып, Мағжан ағаға офицерлік етігімді шешіп кигіздім. Планшетімнен блокнот пен қалам бердім. Кеме айлағында бір күн боламыз деген соң, ертесіне жылы киім, тағамдар алып барсам, түнде оларды аттандырып жіберіпті. Қайтесің, қолдан келер шара жоқ. Қатты өкіндім...

Иә... Зиялы Алаш азаматтарын құртуда еңбек сіңірген «классиктер» туралы нашар пікірлер естіген соң, мен оларды иттің етінен жек көріп кеттім. Біраз тұнжырап алған соң, сейілтейін деп:

– Көке, күн кешкіріп барады. Ертең қойдың кезегі дегендей... Рұқсат болса, біз аттансақ дейміз.

– Ә, иә. Рұқсат, рұқсат, қарақтарым.

– Көке, кетер аяққа бір әзіл сұрақ қояйын деп едім.

– Сұра.

– Ана Қалихан Ысқақ айтып еді...

– Ә, Шерханның досы – ана кетік қара тапал ма. Оның да білмейтіні жер астында болар...

– Дәл өзі. Сіз, Сәбит Мұқанов екеуіңіз ұрланып барып Каргалинкадағы саябақтың бір будкасында бочковый шарап ішіп отырғандарыңызда, Ғабит пен Мәлік үстеріңізден түсіпті дейді. Сонда Сәбит көзі ана екеуін шалып қалып:

– Әй, Бауыржан, мен – алғашқы екі жолын, сен – соңғы екі жолын айтып, бір шумаққа сыйғызайық ана екеуін депті. Сол кезде бастарында ақ шетен қалпақ, үстерінде ақ көйлек, ала галстук, қара костюмді екеуі:

– Ассалау-ма ғалей – кө-өм! – деп табалдырық аттағанда, Сәбит:

– Әй, Бауыржан, мыналарды қарашы:

Кигендері шетеннен,

Келгендей-ақ шет елден, – десе,

Сіз: Шікіреюін қарашы,

Тебер ме еді көтеннен! – депсіз зой.

– Рас! Рас! – алақанын сарт еткізіп, Баукең қарқылдап кеп күлсін. Бәріміз де...

– Әй семіз бала, сен бір керекті бала екенсің. Қайтып кел. Шүйіркелесейік біраз. Шекем шуылдаушы еді, істей бастады.

– Обязательно келем, көке! Ертең жарты жылдық отчетты ауданға өткізіп, түс ауа жетіп келем, Құдай қаласа!

– Ал, жолдарың болсын. Айтпақшы, келіндер, сендерге бір құлақ қағыс... Менің цыганкадан туған қызым бар, Лена деген. Садақа сұраған құдағи-құдашаларыңа тауық-пауық беріп тұрғайсыздар, – деп, бәрімізді және бір күлдіріп, хош айтысты Баукең...

Защитник Отечества

... Керемет дем алдым. Өзімше күмпіп келем, қонжиып...

Кешегі уәде бойынша – дүйсенбіде түс қайта Күзембаев Сүлеймен деген досымның мәшинесіне мінгесіп Баукеңе 2-ші кездесуге келдім, қалың папкамды қолтықтап.

Таныс сәкіде Баукең бір қызыл кітапты шалқалаған күйінде айқасқан тізесіне тірей қарнына қойып алып, парақтап жатыр екен. Мәшине есіктері сартылдаған соң, кітапты жанына қойып, кеудесін түймелеп, түрегеп отыруға ыңғайлана берді. Дауыстай ұсынған қолымызды:

– Келіп қалдың ба? – деп қатты сығымдады.

– Келіп қалдық... Қалайсыз көке, жақсы дем алдыңыз ба?

– Прекрасно! Таза ауада жұлдыз қағып жатқан қандай! «Ауасы – қайқы, белі – дөң» қайран Жуалы ғой бұл!...

– Мына кітабыңыз – жаңа шыққан томдығыңыз екен ғой.

– Иә. Келе жатқан 60 жылдығыма, орысша, қазақша 1-ші томдығымды дайындапты ғой. 10 данасын беріп жіберіпті. Кеше ызың-уыт, қым-шуытпен көрсетпеппін де ғой... Кел, отырыңдар. Саған қолтаңба қалдырдым. Мә! – деп қып-қызыл мұқабалы қазақша томдықты ұстатты.

– Рахмет, көке! – деп алдым да, алдыңғы бетін, одан кейінгісін парақтадым. Ештеңе таппаған соң, қолтаңбаңыз жоқ қой, – деп едім:

– Құрандағы арабша жазу қай жақтан бастап жазылады? – деді.

– Оңнан солға қарай.

– Ендеше біліп қой. Менің кітабым – менің құраным! Өзің арабша хат танысың ба?

– Жоқ.

– Какая ирония?! Бұрын әкеңді орысша оқи алмағандықтан – «сауатсыз» деп едім, енді арабша әліпбиді білмегендіктен, баласын – «сауатсыз» дейтін болдық қой! – деп, Баукең қарқылдап жіберді.

– Кешіріңіз, оған біз кінәлі емеспіз ғой.

– Дұрыс айтасың. Сендер емес, оған – Заман кінәлі!... Кел, жайғасыңдар. (Кейін ауыл молдасына оқытып едім, кітап соңына жазып қол қойған сөз – мынау екен: «Қалихан дұрыс айтқан: «Саржан болыстың отпрыскасына» ескерткіш ретінде ұсындым». Шілде 1969 жыл. Бауыржан Момышұлы).

Бұл томдық және «Совершенно секретно! Только для командования» – деген қалың қара мұқабалы кітап (Гитлердің 1932-1945 жылдары жасырын жүргізген келісімдері мен телефонмен сөйлескен сөздерінің айы, күні, сағат, минуттарына дейін тіркелген стенографиялық жазбалар еді – екеуі үйден қолды болып кетті).

Осы кезде ши қалпақты Әбділдә аға да қаңғалақтап кеп қалды. Үйден жарты кострюль сары қымызды ала келіп, сапыр-ы-ып-сапырып кеселерге толтыра құйып таратты да, өзі бірінші болып сіміріп жіберіп,

– О-ох! – маңдайын сүртініп, – Аспан айналып, жерге түсіп тұр. Түскі үзілістен комбайындарды өргіздік те, шөл басуға зытып келіп едім, – деді де, – Көке, мына қара бала – Сүлеймен деген інізің, аудандық халықтық бақылау комитетінің төрағасы. Член бюро райкома – деп таныстырды.

– Дұр-ы-ыс... Баяғыда мына Байтананың бір шойын қара ағасы бар еді, ел оны «КәКә» атап кеткен. Аудандық «Контрольный Комитет» деген мекеме болған. Бірде мастықпен көрші ауылдағы бір келіншекпен ашына болыпты. «Сізге «КәКә» туғызам» дегені елге тарап кетіп еді. Айнымайды екенсің содан. Тұқым бұзар болып жүрген жоқсың ба, қара бала?... – деп мырс етті.

Сүлеймен орысша оқыған. Хохолша да жақсы сайрайтын. Қазақшасы шамалы еді. Біраз тұтығып тұрды да:

– Ол жағын шешем біледі ғой, Бауке. (Өзінің жарқын күлкісіне салып). Әкем – Қоралас. Момын кісі. Шешеміз енді... белсендой была. Көп жыл сельсовет болған, – деп, алтын тістерін жарқылдатып ыржиды. Шешесінің атын айтып еді:

– Білем, білем. Иә, геноцисткадан кейін – Байтанадан біреу, «Бірліктегі» қожалардан – біреу... Жуалыда 3-4 қатын сельсовет болған-ды...

Әбекең келіншегін шақырып: – Тамақ ас. Шәй келтір, – деп тапсырма берді де, – Мен кеттім. Бүгін қырманға да кезекші едім, – деп алды да, асығыс кетіп қалды. Баукең – Иә, бұғалтыр жолдас, колхозыңда қанша адам бар? Жан басына шаққанда – қанша табыс табасыңдар? – деді.

– Бала-шағамызбен 4100 адам. Жалпы табыс жан басына 2000 сомға жете қабыл.

– Ал таза пайда?

– Үш-төрт жүз сомнан.

– Вот оно! Көрдің бе, мен жалғыз өзім мына бір томдығымның өзінен Мемлекетке 12,5 миллион жалпы табыс (орысшасы 150 мың тираж, қазақшасы 100 мың тираж. Екеуі 250 мың – 50 сомнан дегеннің өзінде), ал таза пайда 6-7 миллион сом келтіріп отырмын!

Мен – пәлі, Сүлеймен – вот это да-а! – дестік.

– Гонорарға қанша алдыңыз?

– Білмеймін... Түнеу күні аванс деп 100 мың сом берген болатын. Соны сорып жатырмыз ғой. Мына үйге бұзаулы сиыр, құлынды бие, 10 шақты қозылы қой әпердім. Жалаң аяқ парторгтың ағарғандары да жоқ екен.

– Нағыз капиталист болыпсыз ғой.

– Құдай қаласа болармыз...

...Шәй ішіліп болған соң Баукең біраз ыңылдап отырды да, дәрет ұшыратып келген соң:

– Кешегі Мағжан туралы әңгімеден шер тарқатылды ма, түні бойы сәкіде дөңбекшіп жата алсамшы. Құлағыма патриот, ұлы ақынның: «Тұран», «Түркістан» атты жырлары уілдеді де тұрды.

«Тұранды мақтамаймын тіпті текке,

Онсыз да Тұран таныс талай шетке» – деп бекер айтпаған ғой...

Күллі түркі ұлыстарының түп қазығы, жан жүрегі болған, әлемге әйгілі Тұранның қайда екенін, қазір қалай аталатынын білесіңдер ме?

– Білмейміз.

Защитник Отечества

– Вот, білмейсіңдер! Кейінгі ұрпақ нағыз мәңгүрт болады ғой деп жүрегім жылайды. Бауырым езіледі...

Сол Тұранды жапондар да, қытайлар да, Иранның да (Иран-Тұран соғысы мың жылдыққа созылған ғой), Түркиялықтар да, арабтар мен вавилондықтар да, готтар да, тағы басқалары да жақсы біледі.

Сол екінші Мекке атанған Тұран қаласы – қазіргі Түркістан екенін білмейсіңдер. Сендер мен қазіргі жастарымызды кінәлауға да болмайды... Өйткені, біздерге өз тарихымыз оқытылмады. Еліміздің тұрмыс-тіршілігі, тарихымыз қисық айнадан көрінгендей етіп көрсетілді.

Біздің қазіргі академик-тарихшы сымақтарымыз: «Біздің жазу-сызуымыз болмаған. Көшерін – жел, қонарын – сай білген қаңбақ халық болғанбыз. Ұлы орыстың ағалық қамқорлығы арқасында көсегеміз көгеріп, отырықшы елге айналып, басқа елдермен тереземіз теңесіп, бақытты өмір сүрудеміз», – деп Кеңес өкіметіне мінәжат етіп отырған жоқ па?!

Иә... Шымбайына батып, шырылдап халқымыздың қамын жеп, жан азабын көрмек түгілі, жанын пида еткендер қаншама. Соның бірі – Мағжан еді ғой. Қазақтың арыстары түрмеге түскенде:

*Қараңғы басса қанша түн,
Жұлдыз сонша жарқырар.
Бұлт басса да алтын күн
Бір шығар, жерді жарық қылар.*

*Келешек күнде қағазға
Алтынмен жазар атыңды!*

Құшып сүйер қағазда

Көрсен жазған хатыңды – деп, оларды жігерлендірген де Мағжан ғой...

...Бұл кісі сөз арасында «Мен тарихшы емеспін, бірақ...» – деп қояды да, әңгімені төгеді бір дейсің. Шынында да әбден іші пысқан болу керек, талай шерін ақтарды-ау бір...

Намаздігерден ертерек түзге шығып келген соң:

– Карта ойнайықшы бір, – деді Баукең (Іздегенге – сұраған).

– Сызамыз ба? – деп едім:

– Жоқ. Мен преферанс ойнай алмаймын. Дамскийін білем.

– Кинго ғой.

– Иә.

Қалтаға жаңа колодка салып жүрем. Өзімді Жуалыдағы мықты преферансист санаймын. Мына Сүлейменді май шелпек ретінде алып жүремін, ылғи ұтылады. Ақ қағазға атымызды жазып, кингоны бастадық. Ставкасы 10 сом болды. Бірінші ойында Баукең 100 сом, Сүлеймен 40 сом ұтылды. Баукең трикосының жан қалтасынан сықырлатып 100 сомдықты тастай салды. Керегі жоқ, көке, – деп едім: – Как это так! Выиграл – бери. Это – закон картежной игры!

...Үшінші ойынды бастарда Әбекең де келіп қосылды. Бұл ойында да Баукең қызбалыққа салынып және 400 сом беріп шықты. Әп – сәтте мың сомнан асыра ұтып едім, ырымға 100 сомды өзіме қалдырып, тамақ әкелген жеңге мен Әбекеңнің жұбайына – сатал (шотал) – деп ұсынып едім, Әбекең қағып алды.

– Шіркін, Әбекеңдей қаққыш болмайсыңдар ма? – деп жұртты бір күлдірдім де, тамақ жеуге кірістік. Бүгінгі отырыста ыздиыңқырап кеттік пе, тым-тырыстық жайлап алғандай. Камал жеңгеміз кешегі ырду-дырдудан шаршаған болу керек, көзі кіртііп, реңі пәс көрінді.

– Көке, рұқсат етсеңіз – мен осы тосты сіздің нақ сүйеріңіз – Кәмәш жеңгеміздің көңіл-күйі үшін алып қоюларыңызды сұранамын? (Жағалай рюмка тиістіріп шықтым да) – Өстіп жарамсақтанып қоймасақ, жеңгеміздің ұнжырғасы түсіп кетіпті. Қиын ғой бұл деген – дегенімде, Баукең:

– Жалпы Мұхаң дәстүрінен (Әуезовты айтамын) – сабақ алу керек. Ол кісі үйіне шақырғанда біздер, сіздерге ұсап: «Тост айтып, алдырып қойыңыз» демейтін. Қонақтарды жөн-жөнімен, жеке дара майын ағыза таныстырып алып: «Қане, осы кісіге денсаулық, табыс тілейік» – деп, өзі жұртты жағалай рюмка тиістіріп шығушы еді. Жұрт түгел қылғытқан соң – «бәлі» деп рахаттанушы еді. Содан соң өзі ұрттайтын...

Қазір тойға бара қалсаң, бір отар қой қамағандай елді жиып алады да, Асабасы – мына парторгқа ұсап, тізбесіне қарап: «Пәленшеге, одан кейін түгеншеге сөз беріледі» – деп жұртты алалап шығады, өзінше мәз боп, клоуншалап жын-ойнаққа басады.

– Ағайын, туыс, жекжат-жұрағаттарды түгел шақырмасаң – ел араз болады ғой, көке, – Әбекең араласып еді:

– Бәрін жидың, ал... Түгеліне сөз жетпейді ғой. Маған сөз тимеді деп, боқтап кеткендерін де көріп жүрсіңдер ғой.

– Иә, ондайы тағы бар – дестік.

– Бұл үрдіс – мәдениеттілік емес. Дарақылық! Қазақтың ертегілері мен эпостары неге: «Әлқисса, сонымен – сүйтіп, 30 күн – ойын, 40 күн – тойын өткізді» – деп аяқталады. Оның мәнісі – қыз жасауын көрсету рәсімі бір айға дейін созылады деген сөз. Әр туысы жасауға үлес қосып, көрімдігін беріп кетіп жатады. Бәрі бір күнде емес әрине...

Ал сүйінші сұраушыдан естіген құда-жекжаттары – пәленше келін түсіріпті деп, әр қайсысы әр қиырдан сырнайлатып, өз тобымен тарту-жоралғысын ала келіп, сауынымен өз үйін тігіп тойлап қайтатын. Бейсәубет қызық көре келгендер – келін түсірген үй егесінің үйіне түскен.

Ана «Айман-Шолпандағы» Көтібар батыр аңғалдықпен сәулетті үйді үй егесенікі екен деп ұғып, «Мені неге сол үйге түсірмедіні» желеу етіп – дау шығарып, ауылды шабуы – көтензорлықтың көкесі емес пе? Ол әлім жеттілік – нағыз надандық қой! – деп алдында Көтібар батыр тұрғандай ақырып жіберді. Біз селк еттік. – Жарайды, біздің мәуетектің денсаулығы үшін алсаңдар – алып қойыңдар – деп рюмка түйістірді жеңшемізбен...

Защитник Отечества

Тамақтан соң аяқ соза көсіліп, біз де жастықтарға жантайыстық. Баукең темекі тұтатып алды да:

– Сендер осы кемеңің якорін қазақтар не деп атайтынын білесіңдер ме?

– Жоқ.

– Оның аты – «іліңгір». Нұһ пайғамбардың кемесі Қазығұртқа тірелгенде, іліңгір тастап тоқтаған. Бұл дерек Арыс тайпасы сақтарының ұрпағына атадан жетіп отырған. Кейін сақтар батысқа қоныс аударғанда ғұлама Арыс бабамыз (Анахарис) б.д.д. VI ғасырда осы әдісті Элладалықтарға үйреткен.

Сол Қазығұртымызда қала салынып, аты – Іліңгір аталған. Сүйтіп Леңгір деп жүргеніміз – Якорь болады.

– Мән бермеппіз-ау..

– Ал, мына «Түлкібас» деп жүргендерің «Түркібасы» болатын. Бұл атау Батыс Түрік қағандығының басы болған Естемес ханға байланысты. Сол Естемес хан 556 жылы екі тауға алтын шатырын тігіп, етегіне Орда орналасқан қала салған. 558 жылы сол алтын шатырда Византиялық елші – Земархты қабылдаған...

Қытайлықтардың дерегі бойынша да жаз айларында Естемес ханнан бастап, кейінгі түркі басшылары Түркібасыдан бері біздің Жуалыға – Арыс өзені бастау алатын қоңыр-салқын Шақпақ Ата жотасы мен Мыңбұлаққа келіп қоныстанып отырған.

846 жылы ғой деймін, араб геологы Түлкібасты – Тамтадж деп атап, оның шығысында 25 шақырым жердегі Мыңбұлақта – Абарджадж (біздің Ақсай аузындағы ескі аулымызда) қаласы бар деп жазып кеткен. Түркібасыдағы ежелден белгілі киелі жерлерге ел келіп, тәңірге табынған. Сарытөр мен Құлантау жоталарының етегіндегі «Әулие сай» шатқалындағы Ұзынбұлақта б.д.д. IV ғасырда Ұлы жүз мемлекетін құрған Үйсін бабамыз дүниеге келген. Ұқтыңдар ма?

Б.д.д. 178 жылы Дәубабада (кейбіреулер Даугава деп жүр) Үйсін мемлекетінің күнбиі – Дәуби жерленген. Ал «Кременевка» селосы деп жүрген жерде б.д.д. I ғасырда өмір сүрген Шақпақ Ата Әулиенің Жер асты ғибадатханасы жатыр. «Үстіндегі жолды бұрып, қайта салу керек. Жол ойылып, үлкен апат болумен бірге, теңдесі жоқ ерте дүние гауһары – ғибадатхана қирап, жойылып кетеді» – деген газеттердегі ойбайға селт еткен жан жоқ...

Біздің ата жұртымыздың атаулары мен бабалар тарихын ұрпақтың жадынан аластауды: қытайың бар, парсың бар, эллинің бар, вавилоның бар, арабың мен орысың бар – бәрі мақсат етті. Жауынгер бабаларымызды тізе бүктіріп, ұлан-ғайыр жерімізді иемдене алмаған соң, неше алуан құйтырқы саясатпен ішке еніп, жаулап алды. Мәңгірттендірген жоқ па?!... – деп Баукең ауыр күрсіне дем алды...

– Сендерге бір тың жаңалық айтайын. Шымкент қаласын білесіңдер... Қазір ойымда жоқ. Көне тарихта бұл қаланың орнында үлке-ен шахар болған дейді. Ал кейінгі атауы – Шымқала. Оны осыдан 4-5 жыл бұрын ғана білдім... Иә, Сарыағашта жатқанымда Ташкенде тұратын – менің дивизиямда интендант-аспазшы болған отставкадағы майор-өзбек жігіті естіп келіп, үйіне қонаққа шақырды. Бардым. Біздің Сайрамда

тұратын 90-ды алқымдап қалған әкесін де алдырыпты. Біраз әңгімелескен соң әлгі қария:

– Қазақтың қайсысынан боласыз, – деп сұрады. Мен:

– Үйсіннің – Дулатының Шымырымын. Оның ішінде Бекболаттың – Құли – Шілменбетімін деп едім,

– Және тарата беріңіз, – деді. Мен одан ары:

– Шілменбеттен Жиеш (қыли көз), Жиеналы; Жиештен – Жарбол, Ербол, Амалдық; Амалдықтан – Шақаман, Алдаберген, Құдайберді – дей беріп едім, әлгі қария оң қолыма шап етіп жармасты да:

– Хұп, хұп. Болады қу, – деп маңдайымды иіскеді де, – Мінәнки, біз иям Құдайберді оғлағынымыз. Туыспыз. Дәумен, Киікбай деп кита берамыз...

Оның жөнін сұрағанда ол кісі былай деп түсіндірді:

– Оңтүстік қазақтары Бұхар, Қоқан хандықтарына бағынған ғой. Хандар әр елдің шонжарлары мен байларының ұрпақтарынан бір-бір адамды – сарай кеңесшісі ретінде аманатта ұстаған. Сондықтан да ел іші еріксіз тыныштықта болған... Біздің әлгі Құдайберді бабамыз хан сарайында 30 жылдай қызмет етсе керек. Сарай кеңесшілерінің ең қарты да, қадірлісі де сол кісі екен.

Бірде хан кеңес жүргізіп отырғанда, бір сақалы быт-шыт алпамса адам зіл батпан аяқтарын әнтек тастап кіріп келгенде, Құдайберді бабамыз орнынан атып тұрады да, қол қусырып, тағзым қылады. Сонда Қоқан ханы:

– Уәзір түгілі, хан келсе де селт етпейтін Құдайберді неден шошып атып тұрды екен? – дегенде:

– Сіз бен біздің елдегі мал-жан егесі – Қырғызалы дәдәм келгенде, неге атып тұрмаймын, хан ием?! – деп немере ағасына жетіп барып, құшағына сүңгіп, солқылдаған екен. Қырғызалы Жиештің Жиеналы деген ағасының ұлы еді...

Сол келісте Қырғызалы – Ноғай атты інісі мен бір баласын аманатқа қалдырып, Құдайбердіні елге алып қайтады. Хан оған жемісті еңбек еткеніне алғыс жаудырып, қазынадан не қалайсыз дегенінде:

– Рахмет. Сізге 30 жыл ізгі қызмет жасағанымның өтеуіне – 30 бойдақ жігіт, 30 нарға артқан құрылыс ағаштары мен кетпен, күрек сайманын берсеңіз, Алла жарылқасын Сізді дер едім! – депті. Хан хұп алып, тілегін бұлжытпай орындайды. Атамыздың сондағы ойы: қара мойын 30 сартты әбден құлдықта ұстап, қала салдырып алу! Сүйтіп сол 30 сартқа шым ойдырып, оны 30 түйемен тасытып шым қала орнатқан екен. Отызы – отыз көше салыпты. Ырза болған Құдайберді отызын қазақтың 30 қызына үйлендіріп, ұрпағымен Құли-Шілменбетті көбейтемін десе керек. Олардан тараған ұрпақты – Дәулен, Киікбай деген балаларының ұрпақтары деп атаса да, олар өздерін Құдайбердінің «Өз бектеріміз» – деп кетіпті. Әлгіндей кәрікөздері түп атасын Құли-Құдайберді балаларымыз десе ұрпақтары ұлтын «өзбекпіз» деп шіренеді осы күні. Бірақ, Сайрамдағы сарттарды біздің «өзбектерімізбен» шатастырмандар. Түсіндіңдер ме? – деп Баукең сөзін аяқтағанда,

– Апырмай-ә, – деп гуілдеп кеттік...

Защитник Отечества

Күн кешкіріп, сәкідегі дастарханға электр жарығы түскен соң, шыбын-шіркейлер қаптап кетті. Баукеңді илалап ішкі залға жайғастырдық та, рұқсат сұрап кетуге ыңғайланғанда:

– Әй, семіз бала, сен өзің бірдеңе жазатын құсайсың ғой деймін. Шыққан нең бар, – деді. Мен күмілжіп:

– Жаңа талаппыз. Көктемде бір повесімді Қалихан алып қалып еді. Шақырып жатыр. Бес тапал (өзі, Рамазан, Қабдеш, Әкім, Бек) түгел оқыдық; енді сәл корректировать етіп, тез машинкаға бастырып өткіз. Жастарға арналған «Жалын» альманағы 2 айда бір шыққалы жатыр. Соған ұсынатын шығармыз деп кеше звондады. Құдай қаласа, отпускамды алып, Алматыға тартам, аға. Тезірек сауығып, тік тұрып кетуіңізге тілектеспіз! – деп хош айтысып, шығып кеттім.

* * *

Үшінші кездесудің жөні 1971 – жылдың желтоқсаны ма, әлде 1972 – жылдың басы ма еді (ойымда жоқ) – жас жазушылардың II слетіне барғанда, ертеңгі сағат 9 болмай Одақтың алдында Бақытжанға кездесіп, үй адресі мен телефонын сұрап алдым. Ол – Баукеңнің үйде екенін, жүріп-тұруы қиындап кеткенін айтты. Шалқалап алып, тізеге қойылған приставкада қалам тартып жатыр, – деді.

Осы кезде Мұқағали Мақатаев ағамыз күркірей келіп сәлемдесті. Денесі зор екен. Екеуміз ескі таныстай құшақ айқастырып амандастық.

Бақытжан:

– Бұл – Жорабек деген дядям, – деп таныстыра беріп еді,
– Білем, білем! Жуалыдағы бухгалтер – жазушы ғой, – деп ақсия күліп, екіге жарыла атырылып тұрған қара шашын бір сипап алып, – екеуміз 70-жылғы «Жалынның» бірінші номеріне суретімізбен шықтық қой. Бізге танысудың қажеті жоқ. Жүріңдер, мына Кировтың подвалынан қызыл шарап жұтайық, – деп алға түсті.

Ертесіне слет секцияларға бөлініп жұмыс істеді. Түс қайта Қалиханнан сұранып, Ленин даңғылындағы Баукеңнің үйіне келдім. Жол-жөнекей әшекей дүкенінен ұзындығы екі қарыстай келетін, керегеленіп әдемі оюлармен өрнектелген бір әппақ сүйектен жасалған мүштек сатып алдым. Мұндай сымбатталған затты ешкімнен көрген емеспін. Соны мұнтаздай етіп оратып алдым да, пальтомның қос қойын қалтасына бір армян коньягі мен ахаңның біреуін жалаңаш сүңгітіп жіберіп (ол кезде қазіргідей солофан деген жоқ), Баукеңнің есігін қоңыраулатып біраз тұрдым. Бір әйел даусы – кімсіз? – деп әбден тергеп алды да, есік ашты. Көкшіл косынкасын түзеп, секпіл бет, жұқа келін сәлімімді ауыз жыбырлата алды да, дәліздің оң қапталындағы есіксіз бөлмеде лағман созуын жалғастырып кетті. Мен сырт киімдерімді іліп болған соң:

– Көкем үйде ме? – деп едім:

– Ата үйде. Осы уақытта көз шырынын алатын кезі еді. Ол кісі қазіргі кезде тұрып отыра да алмайды. Алты ай болды, осы кісі үшін жұмысымды тастап, бағып-қағып отырмын. Басқа адам жоқ. Бақытжан да жұмыссыз... Ол да жамбасын ауырсынып

жүр. Жағдай осындай аға, – деп күрсініп алды да, – Дем алып жатқан режимін бұзасыз ғой деп қорқам. Мазаламай-ақ қойсаңыз қайтеді, аға? – деп мүләйімсінген соң, ыза болдым ба, білмеймін, даусым қатты шығып кетті-ау деймін:

– Жарайды, келін! Көкеме мына бір сюрприз бар еді, менің атымнан тапсырыңыз. Бақытжанға – дядя Жорабектен – сәлем! деңіз, – деп ораулы трубканы жәйлеп стол шетіне қойып, әлгі қалтадағыларды стол астына жайғастырып, манадан бері тік тұрған бойымда сырт киімімді кие беріп едім, ішкі жақтан:

– Турчанка, пропусти его сюда! – деген Баукеңнің қарлығыңқы үні естілді.

– Ой, оянып кетті-ау! – деп, маған сондай бір жек көрінішті көз қадап, зілдене, – Кіріңіз енді! Тек – ішкізбейсіз! – деді.

Қайта шешініп, жайлап басып келіп, ішкі бөлменің есігін қағып едім:

– Кіре бер! – Баукеңнің гүрілді даусы шықты. Кіре берістің сол жақ қабырғасындағы кереуетте Баукең шалқалап жатыр екен.

– Ассалаумағалейкум, көке, – деп ұсынған оң қолымды сығымдай өзіне тартты да, маңдайымды иіскеп:

– Ә, Байтана-а... Ел-жұрт аман ба? Отыр, – деп кереуеттің бас жағын ала қойылған орындықты нұсқады.

– Барлығы дерлік амандықта. Денсаулығыңыз қалай, көке? Жатып қалыпсыз...

– Иә... ескі жарақаттар сазайымды тартқызып жатыр. Госпитальда жағдай болмаған соң, ем-домды үйде қабылдап жатырмын. Ары-бері жүру түгілі, орындықта отырып жұмыс істеуге де мұршам жоқ, – деп қабақ шыта күрсініп, шынтақ тірей кеудесін көтеруге талпынып еді, демеп жібердім де, жастығын ыңғайлы биіктетіп жайғастырдым. Кейде бір жарақатты көрсем, дірілдеп, іші-бауырым езіліп кетуші еді, Баукеңнің оқ тескен жерлерін көрмей-ақ, сондай халге түстім. Буын-буыным дірілдеп кетті. Баукең трубкасына қол созғанда,

– Көке, мен бір керемет трубка әкелдім сізге, – деп орауын шешіп, сюрпризді ұсындым. Ол кісі: – Рахмет, – деп алды да, ары-бері аударып, төңкере үңіліп қарап шыққан соң:

– Керемет жасалған екен. Очень оригинально! – темекі салып тұтатты да, сораптап сорып көрді. – Здорово!... Мұндайды ешкімнен көрген емеспін. Қайдан таптың? (Есіме сатушының «Жалғыз экземпляр. Бір ісмердің өткізгені еді» – дегені сарт ете қалды да):

– Әдейі Сізге арнап жасаттым. Басқа біреуде болуы мүмкін емес! Ерекше тұлғаға – ерекше сюрприз! – деп масаттандым. Ол кісі мейірлене езу тартып:

– Елден қашан келдің? – деді.

– Кеше. Жас жазушылардың слетына шақырған екен...

– Ә, иә. Сондай мероприятия бар деп айтқан. Айтпақшы, поздравляю! Былтырғы «Жалынның» 1-номеріндегі «Ұмытпаймын» повесіңді оқып шықтым, ұнады. Шынайы жазыпсың. Ана Асқар Тоқпанов ағаң әкеліп: «Бауке, қазақтың – өзіміздің Шыңғыс Айтматовын тауып келдім! Оқыңыз. Сіздің нағашыларыңыз болып келеді екен өзі» – деп, қызулана – 69-дың декабрінде сенің аулына Әкім мен Бек екеуі заране

Защитник Отечества

«Жалынға» шығуынмен деп құттықтап, шүйіншіге барыпты ғой. Қызығы – сенің бір жапырақ қағазға жазған сәлеміңді қалтасынан шығарып оқып берді. Онда сен:

– «Ардақты Асқар аға! Біздікіне Алматыдағы Әкім мен Бек інілеріңіз келіп жатыр еді. Олар Сізді қатты сағынса керек, дидарыңызды көргісі келеді. Мен дағы... Мына колхоз бастығы – Шардарбек ініңіз Сізді алып келеді. Сәлеммен – Жорабек деген ініңіз» – деп жазыпсың. Интересно, жадымда түгел сақталыпты... – «Вот идиот, а! Какой-то незнакомый бухгалтерчик мені шақыруға колхоздың дырдай бастығын жұмсайды, а! – деп артист ағаң бұлқан-талқан болып, маған осында орындап берді де :

– Сүйтсе-ем, бұл идиотыңыз – нағыз талант екен. Ана екі идиот дәл тапқан!

– Ол семіз бала бізге таеке, нағашы болып келеді, – деп едім:

– Иә, иә! Бұл төңіректегі қаймақ бетіне қалқып шыққанның бәрі – біздің жиен!» – деп бөскені бар – деп қарқылдай жалтылдап сені сырттай жуғаны бар.

– Көп-көп рахмет Сіздерге! Көке, енді Сіздің трубкаңызды жусақ қайтеді?

– Вообще то... можно! – деді де, – Зейнеп... а, турчанка! – қаттырақ дауыстағанда келін келді. – Қарағым-ау, үйге қонақ келген жоқ па? – деп ала көзденіп еді, келін үнсіз шығып кетіп, легенге демделген шәйнек, нан, қант, конфеттер салып, тұтқалы шәй ішетін ыдысты әкеліп шағын столға жайғастырып шыға бергенде, Баукең – Турчанка, ағаңның базарлығын неге қоймайсың, – деп еді, Зейнеп оларды рюмкалармен жеткізді де:

– Ата, лағман дайын еді, – деп күбір етті.

– Әкеле ғой, қарағым.

Баукең жарты кесе лағманды ішіп алды. Мен де орталандырған кезде:

– Бір күні Құрманбек Жандарбеков ағаң звондайды: «Сенің інің дей ме, бір жүгермек менің әкемді повесінде әжуалапты деп жүр жұрт» – деп. Мен оған – алжыған соң жөнімен алжу керек қой дедім де, тыңда:

*Кигені Жандарбектің ала ішік,
Болысы Түлкібастың «Алакүшік»!
Жеңеше сақ болғайсың айраныңа,
Кетпесін ала күшік жалап ішік –*

деп бұл бала – қайта көп ел біле бермейтін сиқымның – «Алакүшігін» дәріптеп, сенің де, жұрттан жасырып келген әкеңнің де дәрежесін арттырып тұрған жоқ па?! – деп дүрсе қойғанмын. Мен мырс етіп:

– Есіме түсті, Бауке... 61-жылы 12-сәуірде Москва-Алматы пойызына ымыртта Бурныйдан отырғанмын. Қалың бұйра шашымды су-су ғып купеге кіріп едім, бірі – қасқалау, екеуі – жалтыр бас егде кісілер сәлемімді ала:

– Қай жер, бұл? – деп жамырай сұрасты.

– Бурный станцасы ғой, – деп едім, әлгі қасқалау кісі терезені нұсқап:

– Көрдің бе? Бұл Бауыржанның ауылы. Қарашы, тура Бауыржанның буырқасын мінезі. Бағана көрдіндер ғой, біздің Түлкібастың мамыражай ауа райын? Бір істі тындырғандай кейіппен алдында жатқан «Правдадағы» суреттерге қарап алды да:

– Інішек, ертелі бері космосқа Гагариннен бұрын біз, Сиқым ұшқанбыз десем, мына екі кешелер мені ақымақ санайды.

– Енді... дұрыс қой ол кісілердікі, – дедім.

– Бәстесесің бе?

– Бәстесем!

– Әкел қолды. Бір қорап шампанға!

– Келістік! – деп, қол алыстық. Содан кейін ол кісі сұрақтың астына алды.

– Шежіре білесің бе?

– Білемін.

– Білсең – Сиқымның ұрпақтарын ата-атаға бөліп, таратып берші?

Мен бәрін түгелдеп шыққандаймын. Бірақ ол кісі – білмейсің деді де, газеттегі алғаш космосқа ұшырылған Лайка атты итті нұқып:

– Мына күшіктің түрі қандай? – деді.

– Ала күшік! А-а... иә, иә енді түсіндім! Сиқымның бір ұрпағы «Алакүшік» – деп күліп жіберіп едім, ана кісі алақан түйістіре шартылдатты да, рахаттана қарқылдап алған соң:

– Бар бала, шампандарыңды келтір! Ал сендерді Алматыда үлкен топтың ортасында түтіп жеймін! – деп, шиқылдады кеп.

– Сөз жоқ! Кеттім аға келтіруге, – деп күпеден атырыла шығып, келесі вагон-рестораннан бір қорап шампанды сығымдай қолтықтап, жетіп келдім. Чемоданнан сап-сары сүр қазылар мен шөлмектерді шығарғанымда:

– Міне жігіт! – десті купедегілер. Сөйтіп танысқам Құрманбек ағаммен... Біраздан соң:

– Енді не жазып жатырсың? – деді Баукең.

– Осы жолы «Дода» деген повесімді ала келіп, бүгін секцияда талқыға салдым. Қалихан Оралханға біраз жерін оқып берді. Екеуі «Жұлдыз» журналына ұсынамыз деді.

– Дода-а... Көп адам көкпар туралы шығар деп оқымай қоймай ма?

– Бұл енді өмірдің тартыс – додасы ғой... Жалпы көтеріңкі көңіл-күймен кетіп барамын. Кешегі жиында Әзілхан Нұршайықов 5 минуттан астам мені мақтап:

– Жазған соң осылай жазу керек, жастар! Жорабектің «Ұмытпаймын» повесі менің құлағымда әлі күнге – шыңылдап тұр! – деп күмпитіп тастады.

– Что же..., оно стоит похвалы! Жақсы, қарағым. Сәлем айт елге, – деп, рұқсат етті жүруге.

* * *

1974 жылдың 17-19 желтоқсанында Кентау қаласында түстік, батыс облыстары жас жазушыларының аймақтық кеңесіне Жамбыл облысы делегациясын басқарып барған едім...

Алматыдан келген бір топ аға жазушыларға сәлемдескенімде, Амантай Сатаев:

Защитник Отечества

– Әй, Жорабек, сені Рамазан ағаң өз үйінде өтетін 40 жылдық мерейтойына шақырды. Сені қалдырмай алып кел деп, маған қатты тапсырып еді. Барасың ба? – деді.

– Барамын! Сол кезде Сәуірбек Бақбергенов ағамыз:

– Тоба – а! Жұрт 50, 60, 70, 80 жылдығын тойлаушы еді, Тоқтаровтың тоқтамы қызық екен! – деп саңқылдай күлді.

– Бұл бір жаңалық екен, – деді Қуандық Шаңғытбаев та...

20 желтоқсанда Рамазан ағаның үйінде тойына қатыстым. Өңшең ығай мен сығайдың ортасында түні бойы гуілdestік. Ертесіне дем алып, 22-і күні өз туған күнімді екі этажды Алматы мейрамханасында – «Бес тапал», Асқар, Әміртайларға жуып бердім. Түн бойы тек қана қазақша ән, күй тындадық.

Таңертең Қалихан бөлмеге келіп, шәй-пәйіштік. Бүгін кешкі пойызбен қайтатынымды айтып едім, Қалихан:

– Жүр онда. Одаққа барып біраз бильярд қуып, бел жазайық – деді де, жолдан Рамазанды ертіп келсек, Баламер Сахариев жалғыз өзі шар қуып тұр екен. Төртеуіміз бір партия ойнадық та, мен:

– Айтпақшы, ертең Баукеңнің туған күні ғой. Сәлем беріп кетуім керек, – деп едім, Қалихан:

– Бетің домбығып, көзің қызарып тұр. Таяқ жеп қалмайсың ба? – дегенінде, ана екі кісі де:

– Мінезі қиын кісі ғой, абайла... – десті.

– Бекер айтасыздар. Ол кісі – нағыз мәдениетті кісі! Менімен жүріңіздер – көресіздер! – деп едім, Қалихан:

– Сені – нағашы болғандығыңнан қабылдар. Ойда жоқта сау ете қалған бізді – «марш!» – деп қуып шығар, – деп ыржиып еді.

– Шыннан сен нағашысың ба? – деген Рамазанға – Иә! – дедім.

Рамазан «Біздің Қалихан елдің түп-тұқиянының бәрін біледі. Жүр онда, мен ілесемін» – деген соң, таксилетіп келіп, Баукеңнің үйін қоңыраулаттық. Бұл Баукеңмен 4-рет кездесуге келуім. Кешікпей баяғы таныс үнді естіп:

– Жуалыдағы Жорабекпін ғой, – деп едім, бұл жолы лезде есік ашылып, – Сәлеметсіз бе? Кіріңіз – деп келініміз жылы ілтипат білдірді.

Ішім жылып:

– Көкем үйде ме? – деп сұрағанымда:

– Кто там? – жөткірініп Баукеңнің өзі шықты дәлізге. Қолымдағы ораманы келінге ұстата салып:

– Ассалаумаалейкум, Бауке! – деп жарыса ұмтылып қол ұсындық.

– Уағалейкум ассалам! – Жайдары қол қысып – Кіріңдер, – деп ішке жол бастады. Баяғы таныс төсек. Кең залдың ортасында біраз кітап жерде шашылып жатыр. Ортадағы стол үстіндегі вазаға гүл толтырылған. Жеміс-жидектер жайнап тұр. Ілесе кірген Зейнеп келін – ыңғайсыз жатқан кітаптарды жинауға кірісе беріп еді, Баукең:

– Не надо! Өзім реттемесем, кейін таппай қалам, – деген соң келін сытылып шығып кетті. – Бағана телестудиядан келіп түсіріп кетіп еді. Бір кітапты іздеп ақтарғамын. Қане, отырыңдар. Иә, ел-жұрт, мал-жан аман ба?

– Тегіс амандықтамыз. Бүгін кешкі пойызбен қайтатын едім... ертең Сіздің туған күніңіз ғой. Құттықтай кетейін деп келдім. Денсаулығыңыз мықты болсын. Мерейлі, мерекелі күндеріңіз таусылмасын. 100-ден асып, алдымызда асқар Алатауымыз боп тұра беріңіз, көке! – деп қолын алып, құттықтадым. Рамазан да орнынан тұрып, қол ұсынып еді, Баукең қаттырақ мыжып жіберсе керек:

– Жездеке, қолды үгіп тастадыңыз ғой! – деп, ыржалақтай қарқылдап сілкіледі.

– Бұл жігіт – Баянауылский Рамазан Тоқтаров деген жазушы ініңіз болады, – дей беріп едім:

– Білемін. Мұхитқа құйылмай бір жаққа бұрылып кететіндей, атойлатып жар салғаны несі? – деп «Ертіс мұхитқа құядысын» оқып шыққанмын. Тәуір дүние екен. Батылдық бар.

– Декабрьский қозылар мықты боп тез жетіледі ғой. Сол секілді декабрьде ылғи батыр, батыл, мықтылар дүниеге келіпті: Сталин, Брежнев, Баукең, Рамазан, Жорабек дегендер! – деп көкірек қағып едім:

– Рас-ей! Брежнев – 19-ында, мен – 20-сында, Сталин 21-інде, сен – 22-нде, Баукең – 24-де.

– Шешем – 3 күн толғатып, 4-ші күні өліп қала жаздап, күн шыға зорға босанғанмын деп айтып отыратын. Сонда шешеме – қызықсыз апа, өзі 37-жыл болса, Сталиннен ерте тусам басымды шауып тастар деп қорқып жаттым ғой, – деп күлдіретінмін. Баукең де қосыла қарқылдап:

– Сенің түнеукүнгі «Жұлдызға» шыққан «Додаңды» да оқып шықтым. Ұнаттым. Но, оның – Шерхан мен Оралханның батырлығымен (олар да қу ғой – журналдық варианты деп қойыпты) шыққан ғой. Қазіргі кезде «Литодан» өте қоюы екіталай... – деп мүштегін тұтатты да, – Сенің сыйлаған әдемі мүштегінді сол жылы көңіл сұрай келген Сапарғали Бегалин ағам көрді де, жата жабысып, қоймай қалап алды. Өзін жақсы сыйлаймын. Көңілін жықпадым. Керемет ақылды кісі. Қазақ тілінің көмбесі ғой жарықтық...

– Қап! Атыңызды жаздырайын деп едім, оюлардан бос жер жоқ болып еді... – деп өкіндім де, – Кітап шықпаса одан ары, за то, 280 мың данамен «Жұлдыз» тарап кетті ғой. Ол дегеніңіз – құрығанда миллион адам оқыды деген сөз! – деп едім, Баукең:

– Оның дұрыс. Бірақ газет, журнал дегендерің библиотекалар мен әр үйдің сөресінде ұзақ сақталмайды. Кітап етіп шығар...(Періште аумин деді ме «Додам» – қара бояуы қалың деп, сигналдық экземпляры шыққанда, 1976 жылдың жазында өртетіп жіберді...).

Осы кезде, Баукеңнің желке тұсында үлкен қалың кілемге ілінген Сталин мен Гитлердің шағын рамалы портреттерін нұсқап, Рамазан:

– Мына екі кәззапты қадірлеп, қатар іліп қойғаныңызды түсінбей отырғаным, – деп жымия сұрақ қойып еді,

Защитник Отечества

– Эти двое – великие личности 20-го века, расшатавшие весь мир! Только они и Чингисхан (суретін тапсам, іліп қояр едім) до последней минуты своей жизни – держали людей в крепких кулаках! Люди жили в страхе, зато в дружбе! – Деп атып тұрды Баукең. Біраз үнсіздіктен соң, – Генерал Де Гольдың қызы келгенде де, осы сұрақты қойды. Ол қызға да осылай жауап бере келіп: «Ваш Наполеон – по сравнению с ними – не правитель и не полководец, а всего лишь – командир соединений!» дегенімде, қонақ қыздың көзі шарасынан шығып кете жаздады, – деп, Баукең қарқылдап алды. Біз де бас шайқап, езу тартыстық. Одақтан келген парторгтарың аракідік қазақша: «Бауке, абайлаңызшы, саясатқа жоламаңызшы», – деп жалбарынып мазамды алумен болды, байғұс... Қыз аудармашысы арқылы:

– Что он говорит? – деген сайын,

– Он на казахском языке – восхищается мною! – деп құтқардым бейшараны...

– Сол жолы мені коммунист емессің деп, аудармашыға қоспай қойып еді...

– Сен французша білетін бе едің?

– Мен шет тілдер институтында француз тілі мамандығын алып шыққамын. Еркін сөйлеймін. Гюгоның, Стендаль, Мопассан, Верн, Стиль, Барбюстердің шығармаларын өз оригиналында оқыған адаммын.

– Вот оно... онда мен саған Де Гольдың хатын тексертіп алады екенмін.

– Беріңіз. Қазір-ақ қолма-қол аударып беремін.

– Кейін. Тапқан соң..., мына үйді ремонттаймыз деп, бәрін ортаға үйіп қойды ғой.

Рамазан бір алманы қыршып жеп отырды да:

– Бауке, бір сұрақ қоюға батылым жетпей отырғаны...

– Айта бер.

– Әз басыңыз әлі еңкіс тартқан жоқ деп есептейміз... Жесірлік өмір Сізге бір түрлі жараспайтын секілді. Әрине, бірден жатқа үйренісе кету де қиын шығар. Сондықтан, екінші жеңгеміз тірі емес пе? Неге қайта қосылмасқа? – деп жақауратып еді, мен де:

– Ат айналып қазығын табар дегендей, еш оғаштығы жоқ шығар оның? – деп араласып едім,

– Оның жөні келмейді ғой, балақандар, бүкіл республика халқына әйгілеп, байғұсты жерге қаратып, орта жолда тастап кеткен жоқпын ба? Енді күш-қайрат кеміген кезде, айдалада сандалып қалған бомжы-мұжықтарға ұқсап: «Если можешь простить, ради бога прости все?» – деп, алдына бас иіп, жата қалуға азаматтық арым жібермейді! Өксік запыранын шығару – енді мүмкін емес! Осылай, мои коллеги, – деп мұңды үнмен ыңылдады...

...Жазушылар Одағының фoэcіне көтеріле бергенде бізді көрген Қалихан мен Асқар Сүлейменов ауыздағы темекілерін суырып, бізге қарсы жүрді де, төменге түстік.

– Ішті көгерттіңдер ғой. Не болды? Тыныштық па? – деп Қаллеки (мен Ысқақовты солай атаймын. Әкім мен Рамазан «қалхауын» – дейді. Өздері бір-бірін: «Әкім аға», «Рамзан» дейтіндері бар) жеделдете сұраққа алуда.

– Асықпа, бәрін айтып берем! Алғаш Жорабекке билет алалық та вокзалға барып. Қайсыңда Одақтың куәлігі бар, кезексіз билет алуға? – Рамазан қалталарын сүзгілеп, таппады.

– Как всегда, при себе имею! – деп танауын бүрістіре ақсиды Асқар. Таксиде де Қаллеки сұрап қоймаған соң, Рамазан:

– Сенсация! Мен бүгін ғажап әлемді аштым, жігіттер! Мұзды мұхиттағы айсбергтің дене түршіктірер ешқандай салқындығының жоқ екенін сезіндім... Білесіңдер ме, мен бүгін жұмбақ Бауыржанды аштым! Біздің Жорждың шіренуінің тегін еместігіне де енді көзім жетті, жігіттер! – деп, аха-халап арқамды қаққылағанда.

– Біздің қазақтағы жиендер әрқашанда зор болған! – деп желкемдегі бұйра шашымды бипаз сипап қойды Асқар.

Таксист те маған көз қиығымен сұқтанғандай болды...

* * *

1976 жылы күзге салым Асадағы (Жамбыл ауданының орталығы) Жігітеков Рахметхан ағамыз өз үйінің ауласында үлкен ұлы – Тұрғынның үйлену тойын өткізетін болды. Дайындықты ағайын-туыстар жабыла атқарып, екі күн бұрын бір ақ киіз үйді де тігіп, тап-түйнектей етіп қойғанбыз. Үлкен бесін кезінде жұмыс орныма Рекең қоңырау шалып:

– Жорабек, Бауыржан ағаң келіп қалды үйге. Семьясы кешкі пойызбен келеді екен. Әңгімелесіп отыратын ешкім жоқ қой. Келе ғой тез, – деген соң: «Түрсекең (Мүсірәлиев совхоз директоры болатын) іздеп қалса, осындай да, осындай деп айтарсыңдар» – деп, бухгалтериядағыларға айттым да, тез жетіп келдім.

Төргі кең залда шәй ішіліп жатыр екен.

– Ассалаумағалейкум! – деп оң алақанымды жүрек тұсыма басып, басымды идім.

– Оу, жуалылық Байтана, келіп қалдың ба? Кел, мұнда шық, – деп оң жағындағы орындыққа шақырды. Жайғасарда қол алыстық та, – келуіңізбен, көке! – дедім, – Отауларың құтты болсын? Екі жас армандарына жетсін!.. Қалай, Жуалыдағы ел-жұрт аман ба? – дегенінде, Рекең тамаған қырнай екпін алып:

– Жорекеңді Жуалыдан биыл көктемде елге қалап алдырғанбыз... Совхоздың бас бұғалтыры, – деп күлімсірей жауап берді. (Қалмахан деген құрдасым ішіп алғанда: «Көкемнің ыздыып ап, осы бір күлкісіне ғашықпын» – деумен дүниеден өтті).

– Дұры-ыс. Бірде – басбух, бірде – ревизор және басбух, неге болмайсың бастық?! – деп Баукең тақпақтағанда,

– Ақ үйде «көке» жоқ қой, көке! Оның үстіне тік сөйлесек, Сізге ұсап...

– Ауданды кімдер басқарады?

– Аудан аудан болғалы жергілікті елдің өкілі басқарып көрген емес. Америка үндістерінің кебін кигенбіз. Ара-тұра бірінші басшы қазақ болғанына да шүкір дейміз. Бірақ оның айналасын таз қара құсша «ұлы орыс аға» өкілдерінің екі-үшеуі мүлгімей аңдып отырады. Кең балақтан төбеге өрмелеген қосаяқ тышқанды тұмсығына тоссаң

Защитник Отечества

да, ол таз қаралар оныға пысқырмайды. Одан гөрі сенің желкенді қиып түскенді ұнатады! – деп қалып едім, Баукең толқып кетті білем:

– Оригинально. Шындық-ей! Көкпарды додадан суырып алып шыққан шабандозды қақпақылдап, адымын ұзартпай, титықта-ты-ып барып, жерге тастауға мәжбүрлегендей ғой бұл! Иә... Басқа түгілі, член политбюро деп мақтанатынымыз – Димаштың да көрген күні осындай ғой... – бір күрсінді де, темекі тұтатып, – сыртқа шығайықшы, – деп құндыз бөркін киіп, тысқа шықты. (Әлгіндегі тақыр басы кинодағы Амангелдінің басынан аумайды екен). Әрең шыдап отыр едім, темекі шегіп менің де жаным кіріп қалды.

Таза ауа дегеніміз – ыстық самал. Күн күйіп тұр.

– Көке, киіз үйге қалың мамық төсетіп қойғамын. Жантайып дем алғанға ыңғайлы. Көлеңке жағы түрулі. Баудан салқын самал соғып тұр. Жүріңіз, – деп Рекең жол бастады.

– Жүр, семіз бала, – деп Баукең ішке кірді. Бөркі мен костюмін керегеге іліп, төрге отырған соң, үй әбзелдерін барлай қарап шықты. Ілулі қасқыр, түлкі, қарсақ терілеріне үңілді де:

– Өзің нағыз аңшы екенсің ғой, а! – деп Рекеңе қарап еді, қылымси күліп:

– Сыйға келгендер ғой... – деді.

Ортадағы аласа қазақы столға түрлі-түсті тағамға толы дастархан жасалыпты. Терістік керегеден соққан самал рахатқа бөледі-ау деймін.

– Мынау үй пейіштей болды ғой, – деп Рекеңнің үйіндегі сары келіні – Қалдыкүлдің сызыла ұсынған сары қымызын сіміріп салды Баукең.

Бір-бір кесе қотарып, біз де рахаттанып қалдық. Рекеңнің Мұхаметжан деген соғыста хабарсыз кеткен ағасының әйелі – Зейтана жеңгеміз мана ішкі үйде де, қазір мына киіз үйдегі столда да Баукеңе қарама-қарсы жағын таянып қойып, көз алмай сығырайып қарап отыр. Неге екені белгісіз, жақ ашпайды. Әшейінде сөзге араласып, әзілдесуші еді, бүгін көзіне мұң ұялап, мүләйімсіп қалыпты...

Біраздан соң Рекең келіп:

– Көке, қазір тойдың жылқысын жығамыз. Сойылатын қойлар да бар. Кешкі пойызбен құдалар да келуі керек. Қарбалас болып тұрғаны. Мына ініңізбен әңгімелесіп отыра тұрасыз. Жореке, ағаңа бастаңғы жасай бер. Жеңешем қымыз сапыруға жарайды, – деп еді, Баукең:

– Келін екеуің бара беріңдер! Мына кемпіріңнің де керегі жоқ. Семіз байтана жетеді маған, – деді.

Ернін бір сылп еткізіп, Зейтана жеңешем үн-түнсіз столға қол тірей, әрең бөксесін көтеріп айнала бұрылды да, қазша байпаңдап шығып кетті. Сол кезде Баукең маған бір құпия сыр ақтаратындай жақындай түсіп:

– Байқадың ба? Мына кемпір манадан бері өте жаман көзқараспен өңменімнен өткізе, мені ішіп-жеп барады! Сұрастырған жоқпын. Мен білсем, ол – Мұхаметжан нағашымның әйелі.

– Дұрыс таптыңыз.

– Бәсе, сол ғой деп едім... 1941 жылы Алматыда Панфилов дивизиясы жаттығып жатқанда менің қарамағымда служит етіп жүрген Мұхаметжанның артынан іздеп келген .

– «Екі қабатпын, әскерден қалдырыңыз» деп бір апта күндіз-түні жылап біздің үйде жатып алған. Мен кішкентай ғана командирмін. Қолымнан келмейді десем, сенбейді. Ақыры ашуға басып:

– Немене, саған ғана бай керек те, менің Жамалыма бай керек емес пе? Әлде басқа елден сенің байың ардақты ма? Көппен бірге көреміз. Ажал жетсе – өлеміз! Ажалсыз болсақ – келеміз. Миды қатырмай, қайт ауылға! – деп зекіген соң, жаман ырым жасап, жылай-жылай кеткен болатын...

Қайтейін, ең құрығанда әдеби геройым арқылы мәңгілік есте қалдырайын деп, политрук Мұхаметжанды біраз айшықтадым ғой деймін... – деп Баукең мұңая түнерді.

Мұндайда не айтуға болады. Алдымен өз ағам Сұлтанмахмұд, әкемнің ағасының екі баласы – Шәріпхан, Әзейімхан, ауылдан аттанған қыршын кеткен 100-ден астам ағаларымның бейнесі таныс болмаса да, көз алдымда сағым-елес бейнесінде жүйткіп өткендей болды. Сонан соң біраз есеңгірей сазарып отырдым да, екі қырлы стаканға ақанды толтырып алып:

– Бауке-е... – жұтқыншағыма өксік құйылды да, булығып әрең дегенде, – Алайықшы, – деп қалтырап ұсынып едім, ол кісі ләм деп сөзге келмей қылғытты да, ыдысты табалдырықтың оң жағына ытқытты.

Мен де сақ еткізіп, ыдысымды стол астына домалаттым. Арыстанның қимылын аңдыған мысықша аңқиып қалыппын. Баукең туралған алманы қарпып қыршып еді, мен дағы алманы бас салып тістелеп өш алдым.

...Мен өзі жетім өскен жоқпын. Кемпір-шалдың нағыз еркетотайы болдым. Ашаршылықтың дәмін татқан жоқпын. Сонда да әлі күнге жетім-жесірлерді көрсем, біреуден нақақтан нақақ зорлық-зомбылық көргендерді көрсем, ішім қан жылайды. Бейшараларға көмектескім келеді де тұрады. Шамамда, бұл менің ауылдағы соғыс жылдары жетім қалған ұл-қыздармен, жер аударылып келген қарашай, немістермен бірге мұңайып, бірге жылап, бірге сықтап, бірге оқып, бірге күліп-ойнап өскенімнен және де олардың аналарының үнсіз тамшылатқан көз жасын көп аңдығаннан болар...

Баукең менің жан күйзелісімді ұққандай. Өз ойы да шартарапты кезіп кетсе керек. Бос мүштігін тістелеп, тістелеп ыңылдап, қазақтың бейтаныс ескі мұңды әуенін салды да, Жамбылдың «Алғадайына» ауысып:

Қаратауды айналсам – қарағымды табам ба?

Алатауды айналсам – алтынымды табам ба?.. –

деп қарлыға гүрілдеп өксігін басты. Бет орамалымен көзін сүрткілеп алған соң, трубкасына темекі толтырып тұтатты да, сораптап жұтты түтінін.

Әңгіменің әуенін басқа жаққа аударғым келді де:

Защитник Отечества

– Бауке, бағана Сізді көрген кезде-ақ құттықтаймын деп отыр едім, қара басып басқа ауанға ауып кеткенімді кешіргейсіз? Мемлекеттік сыйлыққа ұсынылғаныңыз баянды болсын! – орнымнан атып тұрып қолын алдым. Ол кісі:

– Таласушы көп. Прозадан атақ – біреу-ақ. Кім біледі.

– Қай жағынан қараса да, жол – Сіздікі ғой! Түсінген адамға Сіздің әр сөзіңіз – сөйлемге, сөйлеміңіз – тарауға, тарауыңыз – бір кітапқа бара-бар емес пе?! «Алатауға ексең де, екі Кенен тумайды» – дегендейін, әрі – батыр; әрі – сал; әрі – әулие; әрі – әлім адамды бұл қазақ қайдан таппақшы?! – ақиланып кетсем керек.

– Өй, қызыл көз!... Алдын ала шала бүлінбе, семіз бала. Бұйырса бола жатар, бол-маса нем кетеді менің? Естеріңде болсын, мен 80-ге жетпей аттанам ана жаққа. Ел – еңіреп, жұртым – боздап орнымды сипап қалған соң барып, халқым аңсайды мені! 80 жылдығымда рухымды биік тұғырға қондырады! Құдай қаласа, кейінгі ұрпақтың қастерлеп, сиынар бабалары сапында болатын шығармыз... – деп қымыз ұрттап сілкіне көтерілді.

Кешкісін Баукеңнің соңғы жұбайы – Жәмила мен Зейнеп келінін және сол пойыздан түскен өскемендік жаңа құда-құдағилардың оншақтысын да тосып алып келді Рекеңнің балалары.

У-шуға бармаймын деген соң, мен барып қонақтармен амандасып келдім киіз үйге. Келін иіліп сәлем етті де, Рекеңнің үлкен қызы екеуі сытылып тысқа шықты. Жеңгеміз бас изеп амандасып, төрге отырыңыз деп ишара білдірді.

– Ал, Таеке, мына сұлу менің ең соңғы жарым – Жәмила болады. Көрімдік. Почему-то, маған ылғи аттастар бұйырған екен: Жамал, Нұржамила, Кәмила, Жәмила – дегендер боп.

– Көрімдік беру – парыз ғой, көке. Мінекиіңіз, – деп бес жүз сомдықты суырып қолына ұстатып тұрып, – қондырған құсыңыздың бауы берік болсын. Алла ажалға сабыр беріп, қалған өмірлеріңізді жұбыңызбен жазылмай, халқымыздың көгіндегі бағдаршамы болғайсыздар, – деп көсемсіп кетіп едім,

– Думаешь – я женился что ли? Я вышел же – за нее! – деп күлімдеп, жеңгемізді тартыншақтағанына қарамай, құшағына сүңгітіп жіберіп, кеудесіне басты. Жеңгеміз наздана:

– Батыр... Мұныңыз ұят емес пе? – деп, құшақтан әрең сытылып, басындағы бір байлам ақ орамалын түзетіп, жинақыланып отырды.

– Мен жауынгер-жазушы болсам, мына қайның – бухгалтер-жазушы. Ал жеңгең – филолог. Орталық кітапханада істейді. Бұрын жиен қарындас еді. Енді екі жесір бірігіп кеттік... – Баукең бізді осылай таныстырды.

«Бірлесу-Еңбек» деген совхоз бөлімшесінде тұратын Рекеңнің жақын туыстары – соғыс ардагерлері: Жапарбек бидің баласы Алақан, ауылдық совет исполкомның төрағасы Мырхалықов Үшкөмпір ағаларымыз жұбайларымен келіп, сәлем беріп танысты. Кеуделері орден-медальға толы. Ішім қып ете қалды. Баукеңның осындайларды көргенде сайтаны қозатынын білем ғой.

Ыстық тамақ желініп болған соң, әйелдер табақ-аяқты жиыстырып кеткенде, ашу шақырмай-ақ екі ағамды мақтамен бауыздады:

– Көріп отырмын. Мына би баласының кеудесіне Даңқ орденінің үш дәрежесі түгел тағылыпты. Честь отдаю! Ал сельсовет қарағым, саған жол болсын. Немене аналарыңды тақпасаң елің сені танымай қалады дедің бе? Ертең Жеңіс күні болса – бір сәрі, парадта жүреміз ғой дейтін. Жоқ әлде маған қыр көрсетуге келдіңдер ме?!

– Жо-оқ, олай ойлай көрмеңіз, Бауке... – десіп еді,

– Ана өскемендік құда-құдағиларың да мана келіп түскенде кеуделерін кере жарқылдатқан секілді еді, солармен кеуде қағысыңдар. Дем аламын... Всем Байтановцам – марш! – дегенде кирелеңдей тұрдық та шығып кеттік...

...Ертесіне сенбі күні кеңсеге бір көрініп шықтым да, жұбайым екеуміз сәскеге таман келсек, ішкі зал жаңа құдалар, құдағи, құдашаларға лық толы екен. Тік тұрып таныс аяқты қол жеткенше тиістіріп:

– Келген қадамдарыңызға гүл бітсін. Жаңа отаумен мың жылдығымыз құтты болсын, – деп шегініп аулаға шықтық. Баукеңді сұрап едім, Алақан көкеміз:

– Киіз үйде жатыр қатынымен. Бағана шай берейік десек, – «Не мешайте!» – деп қуып шықты. Қайтіп кіруге ешқайсымыз батпай тұрмыз. Түнде жаңа құдалармен таныссын деп бірге отырғызып едік, талқанымызды шығара жаздады.

– Немісті қырған жалғыз сен бе? – деп құданың кеудесіндегі ордендердің планкасын жұлып алды. Қорыққанымыздан сылдырмақтарымызды қалтамызға ұрдық. Ұят болды, костюмдегі орны опырылып тұр – деп айтып тұр еді, намысшыл Рекең:

– Көрген-білгендеріңді табан астында өсекке айналдырудың керегі не осы?! Бүлінген ештеңе жоқ. Қалаған костюмін киіндіріп қойдық. Баукеңді өзің оятып, шай кіргіздірмесең, мына байтаналар зоопаркке келгендей, үй есігін ашып-жауып үркіп жүр ғой, – деп бұртия таза ауаға шыққан жаңа құдаларды бауды аралатуға алып кетті.

Мен киіз үйге дауыстай сәлем бере кіріп едім, Баукең трикосын киіп алған соң қол беріп:

– Мына ой Байтанасының ойында не бар. Мені клеткадағы арыстан деп жүр ме, ертелі бері есіктен сығалайды да жоқ болып кетеді! Шайға тұрыңыз деп біреуі ишарат қылған жоқ! – деп гүрілдеп тысқа шығып келіп, есік алдында мұздай суға беті-қол жуып, ішке кіргенше, біздің әйел бастаған 2-3 келіншек үйге самауыр кіргізіп, дастарханды жайнатып қойды.

Иіліп сәлем еткен келіндерге: Көп жасаңдар, рахмет! – деп кіре берісте біздің үйдегіні шырамытып қалып:

– Балдыз келін, кешелі бері көрінбедің ғой, – деді.

– Ініңіз бізді күндіз ертіп, кешке үйге тастап кететіні бар, аға, – деп жұртты бір күлдірді.

– Қой, мына бұйра бас семіз бала келіп еді, шай берілетін болды, қате-ен, – деп, Баукең ішке енді. Салқын сыра, басқасы бар дегендей бас жазылып көңілдене бастадық. Бір кезде, іштегілерге естірте Аятай жеңешем:

Защитник Отечества

– Әшейінде батырмын деп кеуіп пісесің. Бұл не тұрысың, үйді қорағыштап? «Жақсыны көрмек үшін» – деген. Батырға сәлем ету – парыз! Жүр ілесіп маған! – деп, кіріп келіп иіліп сәлем етті. Артындағы Алақан көкеміз жарыса:

– Қалай дем алдыңыз, Бауке? – арсалаңдап алға озып, қол бере амандасып, мен ысырылған орынға жайғасты.

– Жақсы дем алдым. Жас қатыныңды аймалап, киіз үйде жалғыз жатқан рахат емес пе?! – деп алды да, – Әй, бидің баласы, өтірік қоспай шыныңды айтшы, алғашқы «Даңқ» атағын не үшін алдың?

– Бауке, мен өзі өтірік құрастыра алмайтын адаммын. Бірақ бір сөйлеп кетсем, біраз салдырлап кетемін... Онда мен ойламаған жерден ерлік жасадым.

– Иә.

– Курскі қырғыны басталмай тұрғанда, бір күні тіл алып келуге 5 адамды жұмсады. Жолымыз болмады. Түнде төртеуі оққа ұшып, жалғыз қалдым. Таң қылаң бере күн шығысты бағдарлап алдым да, орман ішімен жүріп келем. Басымды бинтпен шаңдып алғамын. Неміс формасын киіндіріп, қаруландырған. Немісше «хайл, Гитлер, хонда кохтан» өзгесін білмеймін. Түнде немістің штабын іздейміз деп, ішке ұзақ кіріп кетсек керек. Біздің алдыңғы шепке жететін түрім жоқ. Әр жер, әр жерден неміс сөздері шалынады. Түс әлетінде күн шыжып берді. Орман іші қапырық. Бір кезде саздың сасық иісі келді. Біраз жүріп едім, қамысты көлге тап болдым. Карта бойынша осы шағын көлдің шығысында біздің шеп. Сығалап едім, көл айдыны көрінді. Шомылып алғым келді. Құлағым немістің ауыз сырнайының үні шалынды. 20-30 қадам жерде. Ақырын жақындасам, бір неміс тыр жалаңаш мотоциклдің люлькасына екіншісін асып қойып киімін іліп, көлеңке жасап алып, сыбызғыны сарнаты-ып отыр. Автоматтың дүмімен шүйдеден пердім де сұлайттым. 4 мотоциклдің жанында үйілген киімдер жатыр. Егелері тыр жалаңаш шомылып жатыр екен. Сыбызғының үні өшкен соң олар дүрліге жағаға шықты. Мен әлгінің автоматын сол иыққа іліп алып, өз автоматымды кезеніп – «Хонди кох!» – деп команда бердім де, бастарынан асыра ты-ыр еткізіп едім, қолдарын көтеріп состиып қалды. Автоматпен шығысты нұсқап – «шагом марш» – деп едім, дірдектеген 11-і алдыма түсті. Қамысты жапыра айдап келем. Көлдің арғы беті 3-4 шақырымдай ғой деймін, «быстро-быстро» деп желе жортып айдап, алдыңғы шепке таянғанда қамыстан шығара тізілтіп жүргіздім. Өзіміз деген белгімен көк ракета атып едім, алдымыздан полуторка мінгендер келіп қарсы алды. Мен бір лейтенантқа батальон, ротамды айтып, «рядовой Жапарбеков Алахан» – деп честь бердім. Олар мына тыр жалаңаштарды көріп, түртіп-түртіп қыран жаппай күліп жүр.

– Их одежда там, – деп артты нұсқап, көл жағасын қағазға сызып бердім. 4 мотоцикл бар, – деп едім, 5-6 солдатқа мыналардың біреуін қосып, келген ізімізбен қайта аттандырды. Полуторкаға сығылыса жайғасып, батальон штабына келдік. Сөйтсем, менің тыр жалаңаштарым – мықты офицерлер екен ғой. Сол ерлігім – ерлік емей немене?! – деп Әлекең күдірейіп қойды.

– Да-а... Ерлік! Чудо, фантастический ерлік! – деп, Баукең – честь имею! – деп рюмка соғыстырды Әлекеңмен.

– Служу Советскому Союзу, товарищ гвардии полковник! – деп Әлекең атып тұрып қағып салды ақанды.

Баукеңді жібітіп, құданың наградалар планкасын апарып беріп алғысын алдым.

– Кешкі тойға дайындалайық. Дем алыңыз, – деп тарадық.

Ауылдағы қазақтың тойы (қазіргі кезде қалада да сондай) 2 сағат кешігіп басталатын әдеті. Күн батып, салқын леп соқпаса, қалайша елді аулаға иіріп қоясыз. Қас қарая елді столға шақырдық. Той басталардың алдында Тұрсекең жұбайы Тәжікүл екеуі киіз үйдегі Баукеңе сәлем берді.

– Оу, қара пәле, амансыңдар ма? – деп Тұрсекеңнің бетінен, Тәжікүлдің маңдайынан иіскеп амандасты. Марқұм Тәжікүл Баукеңнің Сүлеймен деген немере ағасының қызы болатын...

Тойдың басталар алдында той егесі Рекеңмен сәл келіспеушілік туды. Мен тойды ашып беруді батыр Баукеңе тапсырайық деп едім, ол кісі:

– Болмайды. Байтананың тойын неге жиен ашады? Ол кісі жекжатқа жатады ғой, – деп бой бермеді. Мен долданып:

– Мен көрген тойларда тойды Батыр ашады! – десем,

– Ол той бастар ғой! – деп көнбеді. Қайтесін, көнбеске амал жоқ. Онда өзіңіз басқарыңыз деп кетіп қала жаздадым... Ауылдық жерде көбінесе жақын туыстан жасы үлкен қария немесе ауылдық совет төрағасы ашып беруі қағидаға айналып кетсе керек. Тойды бастау үшін елді орын-орындарына отырғызған соң:

– Қымбатты ағайын, туыс, жекжаттар! Ағамыз Рахметхан мен жеңгеміз Қалдықүлдің тігіп отырған тұңғыш отауының шаңырақ көтеру тойына келген қадамдарыңызға гүл бітсін! Осынау отаудың егелерінің – Жігітеков Тұрғын мен келіннің қолтықтаса ену рәсіміне – көзі тірісінде аты аңызға айналған қазақтың халық қаһарманы – батыр Бауыржан Момышұлы ағамыз астанамыз Алматыдан семьясымен арнайы келіп, құрметті қонағы болып отыр! (орация), – деп едім, Баукең ортаға шығуға ыңғайлана беріп еді, – Жо-жо-жоқ, Бауке! Пока сол жерден төбе көрсетсеңіз жетеді. Той әлі бастала қойған жоқ. Тойдың бірінші тосты – Сіздікі, – деп едім, ол кісі жан-жаққа бас изеп, қайта отырды. (Жұрт дүрліге қол соғып, орацияға айналып кетті. Музыканттар да туш ойнап жіберді). Бой шымырлап, дух алдым да, сценарийге табан астында:

– Сонау Алтайдың Зайсан көлін жайлаған Қабанбай ұранды Найман елінен келген құда мен құдағиды ортаға шығарып, жаңа құдасы, құдағиымен төс тиістіргендерінің куәсі болайық. Онан соң тойды бастаймыз – деген өзгертуді енгізіп жібердім де, ортада екі жақты айқастыра құшақтастырдым.

– Енді міне, мың жылдық құдалардың қуаныштарына құттықтау сөздің бірінші егесі – Алатаудың Ақиығы, адуынынан адам түгілі, аң патшасы Арыстан үркіп зытатын, осы заманның Авестасы, қазақ түгілі, бүкіл түркі жұртының Батыр Басы, Ер Байтананың ішіндегі тура осы шаңырақтың жиені – Бауыржан Момышұлына ду қол соғып, ортаға шақырамыз! – деп өзгерту енгізіп едім, қылт еткіш Рекең арқамнан

Защитник Отечества

қақты. Ол кісі түкпірден ортаға келгенше марш ойналды. «Құда да, құдағи да тыныш» – деген осы болар...

Баукең жаңа құдаға қарап:

– Қаптаған қара қытайға асу бермес қасиетті өр Алтайдан келген құрметті құда-құдағи! «Құдасын құдайындай күткен» қазағымның құдалығы кем дегенде 10 ұрпаққа арылмаған. Яғни, нағашылы-жиендіктері сүйек жаңғырту арқылы созыла берген. Сондықтан жаңа құдалықты – мың жылдық деп атаған. Үрім-бұтақ жалғастығын – «қарға тамырлы қазақпыз» – дейтініміз сода-ан! Менің түп нағашым да, өз нағашым да Ер Байтананың өр ұрпақтары. Кемсіту деп ұқпаңдар. Тарихқа алтын әріппен жазылған Қабанбай батыр – Абылайдың бас батыры болса, менің нағашы жұртым – Садыбай – Байтана батырлар мен бірге өз бабам «Құли батыр, – Еңсегей бойлы Ер Есім ханның және оның ұлы – Салқам Жәңгір ханның бас Батырлары» батыр басы болған. Үйсін, қаңлы, найман қолын бастап, мәңжүрлерді Амур бойына дейін қуып тықсырған! Көрдіндер ғой, екі жақ та мықты екенбіз! (Ду шапалақ, туш орындалды.) Ал ендеше, мың жылдықтарың баянды болсын! Екі баламның қол ұстасып, адамгершілік биікке самғап, қадірлі, бақытты, қасиетті семья болуын тілеймін! Үбірлі-шүбірлі ұрпақтарының қызығын көріңдер! Аумин! – дегенде, жұрт түгел орындарынан тұрып, қол шапалақтап, овацияға ұластырды. Сыбанқұлов деген жолы болмаған арқалы ақын: «Жасасын шымырлар!» – деп ұран тастап, жеңілтек биге арналған музыкаға қосылып, ән салып, өлең оқып думандатып кеп жіберді. Қос құданы қолтығына қысып тұрған Баукеңнің делебесі қозып, жеңгейді ортаға шақырып, билей жөнеліп еді, жастар жағы түгел көтеріліп, думанға сүрең қосылды. Тойымыз осылайша тамашадан басталды. Бұл да бір сенсация болды...

* * *

Баукеңе 1977 жылғы жаңа жылға қарай әдебиет саласы бойынша Қазақ ССР Мемлекеттік сыйлығын беру туралы қаулысын жаңа жылғы газеттерден оқып, қуанып қалдық. 4-қаңтар күні түс қайта Шерағаға телефон шалып құттықтап едім, ол кісі:

– Ұйқыдан енді ояндыңдар ма? Намыс жоқ екен ғой! Қазақстанның барлық облыстары мен аудан, ауылдарына дейін құттықтаулар жіберіп жатыр. Ал сендер... Жамбыл облысы тым-тырыс! – деп реніш білдірді.

– Ол кісінің жаңа адресі жоқ еді менде...

– Онда тұрған не бар? Басқа басқа – сен Жазушылар Одағының адресін білесің ғой! – деп зірк етті.

– Шераға, мен келініміз екеуміз бүгін кешкі пойызға отырып, таңертең түсеміз. Қонақ үйге бронь бере аласыз ба? – деп мүләйімсіп едім,

– Жарайды, «Жетісу» қонақ үйіне келе бер. Сүлеев деген жігіт сол жерде қарсы алып орналастырады. Алдымда отыр өзі. Менде бір сенің суретің бар екен, қолына бердім. Бұл да сені тани кетті ғой. Сен дәуді жарты Алматы таниды ғой, – деп қарқылдай күліп қоштасты.

Ертесіне Сүлеев деген сары жігіт вокзалға кіре берісте-ақ тауып алып, қонақ үйге орналастырды. Түс әлетінде Шераға келіп, біраз әңгіме шерттік.

– Баукеңе бір әдемі костюм алайын, размерін біліп беріңіз, – дедім. Ол кісі телефон шалып:

– Жамбылдан нағашыңыз – сіз айтатын семіз бала келін екеуі Сіздің лауреат атағыңызға құтты болсын айтуға келіпті. Костюмініздің размері керек. Иә... ростысы... 5-6. Дұрыс. Жұмыс аяғында өзім ертіп келем. Тұтқабай да келеміз деп отыр еді... иә. Жақсы, көке, – деп келісіп алдық.

Құдайым-ау, бірнеше ЦУМ, ГУМ-дарды аралап, ұзын жеңдісін тапсақшы. Ақыры Тастақтағы бір ГУМ-нан таптық, әдемі қара костюм екен...

Кешкісін – Шераға, Тұтқабай жұбайымен, біз болып бесеуміз Жәмила жеңгеміздің үйіне сау ете қалдық. Кіре берісте жылқы еті мұңк етті. Біз кіре бергенде Баукеңнің Жамбылдағы архитектор жиені – Байтана Аюбаев Мартай жұбайымен шығып келеді екен. Салқын амандасты. Ынжық па, бір түрлі жігіт...

Баукең құшағын жайып қарсы алды. Жүзі – жарқын. Залға кірмей тұрып қолға ұстаған пакетті ұсынып:

– Көке, ардақты атағыңыздың көрімдігін қабылдауыңызды сұранамын? – деп қолына бердім.

– Рахмет, қарағым! – деп ашып көрді. Костюмді кигізіп едік, құйып қойғандай шақ болды. Айнаға қарап керіле қутыңдап. – Жәмила, шалбарын кигізіші, – дегенінде, – Арғы бөлмеге кіре беріңіз. Мына кісілерді орналастырып келемін қазір, – деп, жеңгеміз бізді залдағы жасаулы тұрған дастарханға шақырды.

Баукең киініп келіп, екі қолын созып:

– Шақ екен... Шерхан, сен түрікмендерше төрге жайғасып алыпсың ғой! – деп еді, Шераға қопалақтап:

– Келін екеуі бірдей қолқалап отырғызды ғой, – деді.

– Смотри, онда жөн басқа... Тұтқабай, құйдың ба? Мұнда таныстырудың да қажеті жоқ екен ғой өзі, мына апайымыз болмаса... Бұл кісі – жеңгелеріңнің шешесі. Біздің Шілменбет. Осы кісінің қолында тұрып жатырмыз... Құрметпен құттықтап келгендеріңе рахмет, қарақтарым! Бізді сыйласаңдар, құдай сендерді сыйласың! Алғыс айтам, басшыларға да. Алдыңғы күні Димаш пен Байкен үйге келіп, құттықтап шықты. Аға тұтып сыйлағандары болар, мерейімді өсіріп кетті. Алла оларға нұр жаудырсын! – деп, сыңғырлата рюмка соғыстырды бәрімізбен.

Мен тост көтерген соң, домбыра іздеп едім, жоқ екен:

– Бір жақсы-ақ домбыра бар еді. Былтыр ана Жақсылық деген пәле, соны қалап отырып алды. Қадалған жерден қан алмай қоймайды өзі, – дегенінде,

– Ана жылы қылышыңызды да бердіңіз... Домбыраңызды былтыр-ақ жоғалтып қойған, – деп едім,

– Вот ақымақ! Қылышты да құртар ол.

– Музейге тапсырудың орнына... Неге тайраңдата бересіз оны? – деп қалды Шераға да.

Защитник Отечества

– Қазір домбыра болады, – деп Баукең біреуге телефонмен домбыранды алып төмен түс. Қонағыңды ерте кел! – деп бұйрық беріп еді, кешікпей қасында бір подругасы бар Гүлсім Сейілжанова ақын келіншек домбыра ұстап жетіп келді. Үй-ішімен сәлемдесіп болған соң:

– О-о, Жорабек келіпті ғой. Қалай, бала-шағаң аман ба? Ағаңның лауреаттығы құтты болсын! – деп қолымды сілкілегенде, Баукең:

– Таныс екенсіңдер ғой, – деп еді, Шераға:

– Е-е, бұл нағашыңызды Алматының қыз-келіншектерінің жартысы біледі десем, артықтық етпейді, – деп бір ыңыранып қойды.

– Оның несі айып, жұрт бұқшималарға емес, кеудесін кере шалқып жүретіндерге көз салады ғой, – деп Гүлсім қағып тастап еді, біздің көк жеңдет (Шераға «Көкшенің көк жеңдеті» – дейтін біздің үйдегіні), санымды бір шым еткізіп үлгерді. Той, жиындарда ылғи көретінім осы. Бүлдірдің ғой, Шераға – деп ішімнен тындым...

Домбыра шертіп, ән салып дегендей, жымын білдірмей, жақсы отырдық. Шераға да татарша боздатып, әндер салды. Сөйтіп Баукеңді түн ауа жадыратып тарастық. Бұл – Баукеңмен алтыншы кездесуім еді...

Алматыдағы Б. Момышұлы жерленген Кеңсай қалалық зиратындағы ескерткіші жанында

* * *

Соңғы жетінші рет кездесуім 1981 жылғы Жоғарғы Советтің залында өткен Жазушылар одағының съезінде болды. Түскі үзілісте Одақтың асханасына келіп, Қалихан, Рамазан, Әміртай Бөриев (жуалылық жазушы еді), Жарылқасын Аманов болып бөлектеніп жайғаса бергенде, залдың ортасында столда отырған Баукең мен Дмитрий Снегинге көзім түсіп еді, Баукең қол көтеріп бас изеді. Мен қасымдағыларға:

– Менің есебімнен заказ бере беріңдер, – дедім де, жылдам басып, әлгі екі кісіге келіп сәлем бердім.

Отыр, – деді Баукең. Қастарына жайғастым. Қолын көтеріп еді, даяшы келіншек жетіп келді.

– Мынаған да тамақ. Жарты кило арақ, – деді де, графиндегі арақты үшке бөліп құйып, Снегинді таныстырды. Бұл кісіні сырттай танитынымды, шығармаларымен жақсы таныс екенімді айтып едім, Баукең:

– Этому гордому человеку я довожусь племянником по матери. Он – периферийный писатель. Отпрыск Саржан болыса – волостного управителя «Асинский» Аулие-Атинского уезда! – деп мені әбден дәріптеп таныстырды да, – Давай за знакомство, – деп соғыстырып алып тастасты. Мен қалам ба, қағып салдым.

Снегин ақсақал:

– Я иногда в этом доме встречаюсь с ним. Здороваемся. Я думал, что он наверное – уйгурский писатель из Китая. Теперь будем знакомы! – деп жылы шыраймен қол берді.

...Сол отырыс ол кісілермен – соңғы отырыс екен. Қайта көрісуге құдай жазбады. Баукең ол дүниелікке аттанғанда бара алмадым. Аяғым сынып, жүре алмай қалған едім...

...Құдай аузына салған шығар, бақилық болған соң Баукеңнің 80 жылдығы қарсаңында Нұрсұлтан інісі рухына Советтер Одағының Батыры атағын бағыштатты. Бүкіл қазақ дүр сілкінді! 80 жылдық мерейтойы Жуалыда – «Мыңбұлақтың» дәл басы – Борандыда (қазір бұл ауыл – Бауыржан Момышұлы ауылы аталады) тойланды.

90 жылдығына орай қоладан құйылған биік тұғырдағы мүсіні театр алаңында бой көтеріп тұр. Өкініштісі, білмейтіндер үшін театр сақшысы іспетті көрінуі мүмкін.

Қадірменді Баукеңнің рухына айтарым: – Сіз әулиелер қатарына қосылдыңыз! Мұны өз атыңыздағы ауылдың Тараз жақтан кіре берісіндегі «Садыбай-Байтана» күмбезінің шырақшысы – Бекібайұлы растайды. Бұрнағы жылы бұл жігіт әулиелерді аралап, Арыстан баб әулиеге түнегенінде: «Бәйдібек бабаң мен Бауыржан атаң біздің санатымызға кірді», – деп аян беріпті. Алла жарылқап, айтқаны келсін, әумин!» Рухыңыз жәннәтта болсын, Бауке! Алла мұрсат берсе, ұрпақтарыңды жебей жүр! – дегеннен басқа не айтамыз...

Тұрсынай ОРАЗБАЕВА
«Алаш» және А.Фадеев атындағы халықаралық
әдеби сыйлықтардың лауреаты,
Саха (Якутия) Республикасының
еңбек сіңірген мәдениет қызметкері

БАТЫР РУХЫМЕН СЫРЛАСУ

Совет Одағының Батыры
Бауыржан Момышұлының рухына

Келгендейсіз аңыздан, ертегіден,
Сұңқар мінез, сом тұлға, көркем рең.
Отан үшін от кештің қан майданда,
Жаралыпсыз намыс пен ел кегінен.

Өзің жайлы өлмес жыр құрап ақын,
Аңыз емес, шындық боп тұрады атың!
Бір ғана емес, әлемнің бар халқына,
Жететіндей ғибратың, ұлағатың.

Соғыссыз да өмірде майдан барын,
Тура жолдан талайдың тайғандарын,
«Адал, арлы» болғанға не жетсін! - деп,
Айтып ең данышпаным, пайғамбарым.

Сіз қорғаған жер аман, ел аманда,
Күн туды аруақ безген моладан да.
Сіз қорғаған Отанды, ел-жұртыңды,
«Жаза» жоқ талан-тараж тонағанға.

Ел ырысын қарпып ап, шайқап ішіп,
Надандықтың жолына қайта түсіп,
Өздері әкеп бергендей бостандықты,
Кей мықтылар жеңісін айтады ісіп.

Қатар көріп қуаныш-қайғыны біз,
Шындықты аңсап, қанатын жайды үніміз.
Қанағатсыз пенделер сескенетін,
Қазір бізге жетпей тұр айбыныңыз.

Ханға сәлем бермейтін өр едіңіз,
 Оқтан, оттан қайтпаған ер едіңіз.
 Қыран даусың саңқ етіп, қайран Бауке,
 «Тоқтат, бұл бассыздықты!» - дер едіңіз...

Әлемде әлі өршіп тұр соғыс үні,
 Ушықтырмау ұрпақтың борышы бұл.
 Адалдыққа, ерлікке шақыра бер,
 Батыр аға - Бауыржан Момышұлы!

БАУКЕҢНІҢ БАУЫРЛАРЫ

(эсседен үзінді)

Көне атшабардың жанымен қала алаңын бетке алып келе жатып, Тараз Мемлекеттік Университетнің бас ғимаратының алдында бір-екі жігітпен шүйіркелесе әңгімелесіп тұрған, профессор Мекемтас Мырзахметұлын көзім сонадайдан шалды. Профессормен бұрын бір-екі рет жай сұхбаттасқаным болмаса, жақын таныстығым жоқ. Әйтсе де, осы жолы уақыт болса, жақынырақ танысып, кеңірек әңгімелескім келіп, аяғымды жылдамдата бастым. Ілбіп мен жеткенше бір жаққа бұрылып кете ме деп, мейлінше тездете бастым.

Бұл кісі туралы Алматыда жүргенде біраз жақсы пікірлер естіп жүргенім бар-ды. Алайда, өзімен қарама-қарсы отырып, жайбарақат әңгімелескенге не жетсін.

Жақындап келе – Ассалаумағалейкум, – деп сәлем бердім.

– Уағалейкум ассалам, – деп менің сәлемімді қабыл алып – осы сен Пушкинді қызметке қабылдар ма едің – деп маған тосыннан сауал қойды.

– Ағатай-ау, ол кісіні бүкіл әлемде қызметке қабылдамайтын басшы жоқ шығар, сірә, – дедім.

– Асықпа, Пушкинді математикадан екі алғаны үшін оқуға қабылдамаған. Ол кісі келе қалса, қызметке қабылдамайтындар табылар-ау. Осында кафедраға, өзім оқытып, өзім тәрбиелеген бір баланы дипломыңда бір-екі пәннен үшін бар деп қызметке қабылдағыра алмай отырмын. Ол бала қазақ тілі мен әдебиетінен тек қана беске оқыған. Әдебиет туралы ойлары өте жақсы, келешекте ортан қолдай әдебиетші шығуы әбден мүмкін. Оның есесіне дипломы кілең беске бітірген, бірақ тамыр-таныстың арқасында оқыған баланы аламыз деп қарап отыр. Бұл баладан ештеңе де шықпайды. Екеуін де мен оқытқам – деп кейіс білдіріп тұрды.

Мекеңнің университет басшыларына ренжіген сыңайы байқалады.

– Е, аға қазір бәрі де таныс-тамыр деген індетке бой алдырып алды ғой, оған ренжігенмен ештеңе де істей алмайсыз-ау, – деп басу айтқан болдым.

Жаздың жайма-шуақ күні тал түске таянып, әжептеуір шыжғырып барады. Екеуіміздің де жарқыраған маңдайымызға күннің қызуы әдейі дәлдеп ұрғандай, амалсыздан көлеңкені паналауға, көлеңкесі едәуір қомақты үлкен талдың қасындағы орындыққа келіп жайғастық. Орындыққа әбден жайғасып отырып алған екеуіміздің әңгімеміз, қазіргі әдебиет жайынан ары асқан жоқ. Мекеңді бұрын турашыл, әділ пікірдің адамы, мүмкіндігі болғанша маңына әдебиеттің шын жанашырларын жинайды деп естігенмін. Ағамыздың осысы рас па дегендей мен әрі сынап, әрі бағдарлай қарап, жәймен әңгімеге тартып отырдым.

– Жақында ғана Иассауи университетінің жанынан «Түркі тілдес халықтар әдебиетінің» ғылыми орталығын аштым. Қызметке алатын кісілерді іріктеп алып жатырмын. Қалай келесің бе? – деді.

Ойда жоқта мұндай шақыруды күтпеген маған бұл сауал алғашқыда әжептеуір ой тастады. Сонда да сыпайылық танытып – рахмет, аға, бұрын айналыспап едім, қолымнан келмейді деп – ұсынысын қабыл алмадым.

– Онда «Бауыржантану» ғылыми-зерттеу орталығын ашқалы жатырмыз, соған қызметке кел, мен сені бірден аға ғылыми қызметкер етіп қабылдаймын, – деді. – Батыр ағамыздың 30 томдық толық шығармалар жинағы мен энциклопедиясын дайындау міндетін бірігіп атқарайық. Біле білсең, бұл – үлкен шаруа, сен көп ойланба, келісіміңді бергін, екеуіміз осы арада келісіп алайық, әкел қолыңды, – деді.

Мен қолымды беріп, бірден келіскендігімді білдірдім.

– Түркі тілдес халықтар әдебиеті дегеніміз түсінікті, ал Бауыржан Момышұлына қандай жақындығыңыз бар, – аға дедім.

– Е, бұл ұзақ әңгіме ғой, қаласаң айтып берейін.

– Айтыңыз, тыңдайық.

Мен ол кезде Ташкенттегі педагогикалық институтта оқытушы болып қызмет істеймін. Институтта қазақ бөлімі бар болатын. Соның қазақ тілі мен әдебиеті кафедрасында оқытушылық қызмет атқарып жүргенмін. Сарыағаштағы курортқа Баукең дем алуға келіпті дегенді бүкіл қазақ бөлімінің тыңдаушылары естіп алып, кездесу ұйымдастырайық деп қолқаның астына алмасы бар емес пе. Жарайды кездесу ұйымдастыралық, ал оны кім барып шақырып келеді. Сонымен, сен бар, мен бар басталды да кетті. Не керек шақыртуға бару мені мен кафедраның тағы бір оқытушысы екеуіміздің үлесімізге тиді. Мінезі шатақ, ұнатпай қалса сөйлеспейді дегенді талай естіп құлағымыз жауыр болған.

Институт басшылары бізге көлік беріп, қалайда бітіріп қайтыңдар деп қатаң тапсырды. Тәшкен мен Сарыағаштың арасы таяқ тастам жер әп-сәтте жетіп келдік. Келуін келіп алып, сен кір, мен кір басталып Баукеңнің бөлмесінің есігін қаға алмай тағы біраз тұрдық. Әсілі, біздің даусымыз қаттырақ шықты ғой деймін.

– Ә, бұ қайсың? – деп гүр еткен есік жақтан Бәукеңнің қатқыл үні естілді.

Іштегі дауысты естіген біз жым болып тым-тырыс тұра қалдық. Бізден жауап болмағаннан кейін, еденді гүрсідете басып келіп, Баукең есікті өзі ашты. Біз сәлемдесіп, Бәукеңнің шақыруымен ішке ендік. Жөн сұраса бастадық. Біз келген шаруамызды айтып, тезірек шығып кетсек екен деп тықырши бастадық.

– Е, мен сендердің сарттарыңа сенбеймін Жуан даусымен гүж етіп, маған қарай сұқ саусағын шошайтып, қайтсеңдер де бүгін бармаймын, ертең дұрыстап дайындалып келіп, мені алып кетіңдер, – деп уақытын айтты.

Уәделі уақытта біз келсек, Бәукең дайын отыр екен, уақытты көп созбай бізге ілесіп жүре берді.

Кездесу өте қызықты өтті, кездесуге жиналғандардың да, Бәукеңнің де ризашылығымен аяқталды. Қайтар жолда үн-түнсіз келе жатыр едік,

Защитник Отечества

- Сен қай жақтың баласысың, мұнда не істеп жүрсің? – деп маған сауал қойды.
 - Мен Түлкібастанмын, әкемнің аты Мырзахмет, – деп өзімді таныстырдым.
- Бәукең маған жалт бұрылып:

– Сенің әкең ұста ғой, менің әкеммен дос-жаран, әрі туысқан еді. Әкеңнің ұста дүкені бар еді. Әр зат өз орнында тап-тұйнақтай жиналып тұратын, сондай ұқыпты жан еді. Сен маған хабарласып тұр, мынау менің Алматыдағы мекен-жайымның адресі, – деп, қалтасына қолын салып, бірталай ақша алып, менің қайтар жолыма самолетке билет алып, қалғанына жеңген сәлем-сауқат аларсың деді де, мәшинеден түсіп бөлмесіне кетті. Мен Бәукеңнің аяқ астынан бізді билетініне әжептәуір желпініп қалдым.

Уәделі уақытта, билет пен базарлықтарды алып Бәукеңе келдім. Біз күткен самолет екі сағаттай кешігетін болғаннан кейін, ресторанға барып отырып, екеуміз едәуір әңгімелестік.

Алматыдағы орталық мұрағатта Бауыржан Момышұлының мұрағат қорын ақтарып отырғанымда, «Сәлематсыз ба, Бәуке» деп басталып, ініңіз Мекемтас деп қол қойған хатқа еріксіз көз тастап, басынан аяғына дейін оқып шығуыма тура келді. Хатта, мен Алматыдағы аспирантураға барып түсейін десем, сырттан келгенсің деп алмайды, осыған көмек берсеңіз екен деп өтінген екен.

Бәукең көп ойланып жатпай-ақ інісін жедел түрде шақыртып алып, сол кездегі ҚазПИ-дің ректоры Кеңестер Одағының батыры әрі майдандас досы Мәлік Ғабдуллинге:

– Сен менің інімді аспирантураға қабылдап, маған тез арада баяндағын деп тапсырма береді. Көп ұзамай-ақ Мекемтас Мырзахметұлы аспирантураға қабылданып, жетекшілікке Қажым Жұмалиевті бекітілді деген жауап Бәукеңе жетеді.

Содан бастап Мекең, ұлы ғұлама, ойшыл ақын Абайдың шығармашылығын зерттеумен шұғылданып келеді.

Тұратын жері Бәукеңнің үйі, ғылыми, шығармашылықпен айналысамын деген адамға бұдан артық қолайлы жағдай бола бермесе керек. Анда-санда Бәукеңнің жұмсаған жағына барып қайтатыны болмаса, ұзақ күнді кітап оқумен өткізеді. Сөйтіп жүріп Бәукеңмен араласып оны біртіндеп тани бастайды. Б. Момышұлы айтатын төрт құлиының біріне айналады.

Бауке және жазушы Мамытбек Қалдыбаев

Құлидың біріншісі – Момышұлының өзі, екіншісі – баласы Бақытжан, үшіншісі – қазақтың белгілі жазушысы Шерхан Мұртаза болса, төртіншісі – осы өзіміз сөз етіп отырған Мекемтас Мырзахметұлы.

Мінездері ұқсас осы төртеуінің байланысу себебі неде десеңіз, біріншіден -творчестволық байланыс болса, екіншісі – туыстық жақындығы.

Мұрағаттағы хаттардың арасынан Шерағаңның Бәукеңе жазған хатында: «Мен сіздің «Москва үшін шайқас» кітабыңыздың қолжазбасын әлі толық қарап біткен жоқпын, толық оқып, редакциялап біткеннен кейін апарып беремін», деп жазыпты. Шерағаң ол кезде Мәскеу университетінде оқитын кезі.

Турасын айтып, туғанына жақпайтын, қара қылды қақ жарып, шындықты айтатын ұқсас мінез осы төртеуіне де ортақ. Атаққұмарлық пен мансапқорлық, байлық, қулық дегеннен де ада екендігі жұрттың барлығына аян.

Алайда, «Бауыржантану» ғылыми-зерттеу орталығы ашылғалы бері ағамызда бір тыным жоқ. Үнемі терең ойдың құшағына беріліп, үлкен қобалжушылықтың барлығын байқау қиын емес.

Әрине, Бауыржан Момышұлының 30 томдық шығармалар жинағын баспаға әзірлеп беру айтуға ғана оңай. Жеме-жемге келгенде бұл іс үлкен ұқыптылықты, тиянақтылықты, редакторлардың творчестволық іскерлігін, ынта, жігерін талап ететіні сөзсіз. Мекеңнің қабырғасына бататын жері де осы болуы керек.

Бірәңгіменің кезі келгенде менағамыздан Баукеңнің зиялы қауыммен арақатынастары жайлы сұраған едім. Ол кісі өзінің қоңыр да биязы үніменен маған Б. Момышұлының С. Мұқанов, Ғ. Мүсірепов, Ә. Әбішев, Ә. Тәжібаев секілді тағы басқа да толып жатқан қазақтың ақын жазушыларымен қоса, қазақтың фольклорист ғалымы М. Ғабдуллинменен қарым-қатынастары жайлы аздап сыр шертті.

Бауыржан Момышұлының қазақ зиялы қауымы өкілдерімен сонау соғыс жылдарында хат арқылы танысып байланысса, соғыстан кейінгі жылдары олармен етене жақындасып, қоян-қолтық творчестволық байланыс орнатты. Осы біраз жазысқан хаттардың сыры да, жыры да мол. Бұл өз алдына жеке зерттеуді талап ететін мол қазына. Бұған кейінірек кеңінен тоқталармыз.

Бірде көңіл күйі жадыраңқы отырған ағамызға:

– Аға, осы Мәлік Ғабдуллиннің соғыстан кейінгі жылдары Б. Момышұлымен ара қатынастары қалай болды? – деген сауалды көлденең тастадым.

– Ара қатынастары жаман болған жоқ.

– Әйтседе, ренжісіп, бір-біріне көңіл қалған жері болған шығар?

– Ол жағын байқамадым. Бәукең – ағасы, Мәлік – інісі секілді жүретін. Ол кезде Мәкең қазақтың жоғарғы оқу орындарының қара шаңырағы атанған, талай қазақтың мен деген зиялы қауым өкілдерін дайындаған, қазақтың педагогикалық институтының ректоры болатын. Бәукең жұмсаса қыңқ етпей жүре беретін.

Бұл сұрақты ағаға кездейсоқ қойған жоқ едім. 1941 жылы Москва түбіндегі шайқаста көрсеткен ерлігіне сүйсінген Бәукең Мәлік Ғабдуллин мен Төлеген Тоқтаровты, өз қолымен Кеңестер Одағының батырлығына ұсынғаны белгілі.

Защитник Отечества

М. Ғабдуллин ағасына осы еңбегінің қарымтасы ма, әлде басқа ойы болды ма Б. Момышұлы туралы повесть жазды. Жарыққа шыққан, шықпағанын білмеймін, орталық мұрағатта осы повестің бір нұсқасы қолжазба күйінде, үш нұсқасы машинкамен басылған күйінде сақтаулы тұр.

Б. Момышұлы мен М. Ғабдуллиннің арасындағы жазысқан хаттар да соғыста өткен өмірлерінен толық мағлұмат беріп сыр шерткендей. Сұрапыл соғыс табыстырған осы екі батырдың арасында құпия сыр жатқан секілді. Мекенде осы құпия сырдың шет жағынан толық болмаса да аздаған мәліметі бар секілді көрінді.

Мәлік Ғабдуллин жазушы емес. Қазақтың үлкен фольклорист ғалымы. Бұл кісінің көркем шығармаға баруы таңқаларлық жайт. Б.Момышұлы туралы қолына қалам ұстаған қазақтың барлық жазушылары шама-шарқынша шығарма жазды. М. Ғабдуллин де осы науқанға ат салысқанға ұқсайды.

Соғыста бір майданда болып, етене жақын жүрген ағасы жайлы бір шығарма неге жазбасқа...

Б. Момышұлы ұстазы И.В. Панфилов жайлы шығарма жазды. Онда М.Ғабдуллиннің Б.Момышұлы туралы шығарма жазуы заңды құбылыс емес пе?

Жастайынан қазақтың ірі-ірі тұлғаларымен көп араласып өскен Мекен компьютердің алдында отырғанда осылар туралы ой толғап жүр-ау, сірә.

2000 жылдың желтоқсан айында Б. Момышұлының 90 жылдық мерейтойы қазақ өнерінің қара шаңырағы М. Әуезов театрында өткені қазақ зиялы қауымының есінде болар. Осы мерейтойда батыр ағамыздың қаламдас достары әртүрлі естеліктер айтып, жиналған жұрттың айызын бір қандырғаны белгілі.

Менің көзім алдыңғы қатардың орта шенінде отырған, басын ақ қырау шалған, қолында әдемі таяғы бар, еңгезердей кісіге қайта-қайта түсе берді. Менің бар есілдертім мінбеде сөйлеп тұрған шешенге емес, әлгі кісіге толық ауған. Қараймын да қайран қаламын. Апырау мына кісі де әбден шөгіп кетіпті-ау, – деп бір қынжылып алдым. Бұл кісі - Халық қаһарманы, қазақтың қас батырларының бірі, халық жазушысы Қасым Қайсенов еді. Қасекең жетпіс беске толған кезде, екеуміз осы Тараз жеріне қарай сапар шеккеніміз бар-ды. Одан бұрын да таныстығымыз бар қариямен талай сырласып та, талай айызымыз қанғанша префаранс та ойнағанбыз. Қасекең осы жасында боз жигулидің руліне отырып алып, ызғытып бара жатқанын талай көріп таң қалғанмын. Сөйткен Қасекең сексен беске келген шағында қатты жүдеп, шөгіп қалғанына, қынжылып отырмын.

Ойпырым-ай, мына кісіге қазір сөздің кезегі келсе, мінбеге шығатын қауқары бар ма екен деп ойымды жинап алғанша мерейтой төрағасы Қасекеңді мінбеге шақырып та үлгерді. Апыр-ау, қалай болар екен, мүмкін микрофонды отырған жеріне алып келер ме екен дегенше болған жоқ, Қасекеңді екі жігіт екі жағынан қолтықтап, мінбеге қарай беттеді. Зал сілтідей тынып, Қасекеңнің әдемі айтқан естелігін құлақ құрышын қандыра тыңдады.

– Мен Бәукең сыйлап, құрметтеп, жақсы көрген інісінің, әрі майдандас досының бірімін. Одан әрі сөзін сабақтаған Қасекең Баукеңнің батырлығы туралы былай деді:

– Мендесе соғысқа барып партизан болып, жау менталай бетпе-бет келіп шайқасқанмын. Сөйтіп батыр атанғандардың бірімін. Бірақ, Бәукеңдей батырды көргенім де, естігенім де жоқ. Бізді де жұрт батыр дейді, бірақ Бәукеңнің батырлығының қасында түк емес. Жаудың темірдей құрсалған бес қоршауын бұзып, орыстың шовинист генералдарымен тайталасып, өз дегенін өткізу – екінің бірінің қолынан келе бермейді. Соғыстан қайтып келгеннен кейін, Бәукеңді Алматыға келіпті дегенді естіп, барып сәлем бергім келді, бірақ сескеніп бір түрлі жүрегім дауламады. Бәукең жүретін көшеге шығып, оның жүретін жолын аңдып, сыртынан талай қарап тұрған күндерім де болған.

Әйтеуір, сәті түсіп, сәлем де бердім, таныстым да. Ұзақ уақыт сыйластық қарым-қатынаста да болдым. Сол әдемі күндерім есімнен кетпейді менің. Мен ол кезде Бәукеңнің жазушылығын білмейтінмін. Әйтсе де, шамалы уақыттан кейін, мені Жамбыл облысы Жуалы ауданының бас зоотехнигі қызметіне жіберді. Осы ауданға келгеннен кейін, Жуалының әсем табиғатын көріп, қатты қайран қалдым. Мынадай табиғаты әсем жерде батыр да, ақын да туатын табиғат екеніне көзім әбден жетті. Жуалының талай жерін атпен, арбамен аралап, сап-сары болып исі бұрқыраған, бал татыған балдай қымызынан ішіп, осындай аялы жердің барына шүкіршілік еткенмін.

Осында отырған кейбір ағаларымыз бен інілеріміз Бәукеңді дөрекі деп жек көргенін талай өз құлағымменен естігенмін. Олар әрине қателеседі. Бәукең дөрекі емес – батыр! Бәукең дөрекі емес – дарынды жазушы! Бәукең дөрекі емес – парасатты ақылгөй аға!

Бәукең талай маған да айғай салып, балағаттап боқтаған. Менің де талай апшымды қуырған. Мен соған шыдағанмын. Өйткені, ол – дарынды қолбасшы, батыр.

Бәукеңнің «молчать» деп ақырып, апшымды қуырғанын дәл қазір аңсаймын, сағынамын. Өйткені, маған оның бұл қылығы майдай жағатын, – деп сөзін аяқтап, мінбеден ілбіп басып, баяу түсіп бара жатқанын көзбен көріп, құлағыммен естідім де, көзіме жас алдым.

Қасым Қайсенов соғысқа алғашқы күннен бастап партизан ретінде қатынасты. Соғыс басталғаннан кейін жау тылында соғыс жүргізу үшін партизан жасақтарын құруға Батыс Украинаның Карпат тауына бірнеше топ түсірген еді. Сол топтың арасында Қасым Қайсенов те болатын.

Қасекең өзіне жүктеген тапсырманы ойдағыдай орындап, өзі жасақтаған партизан құрамасының командирі болды. Сөйтіп, бес жыл бойы жау тылында қарқынды ұрыстар жүргізді. Батыр партизан атанды. Қасекең басқарған партизан құрамасы

Б. Момышұлы және халық ақыны Кенен Әзірбаевтың қызы Төрткен

Защитник Отечества

Кеңестер одағының екі дүркін батыры, бірнеше партизан құрамаларының командирі, генерал Ковпактың қарамағында болатын. Соғыс аяқталғаннан кейін генерал Ковпак, Қасекеңнің барлық жағдайын жасап, Украинаға, Украина азаматы етіп алып қалғысы келген. Бірақ, Қасекең оның бұл ұсынысын қабыл алмай, елге оралды.

1988 жылы Қазақстан мәдениеті мен әдебиетінің Украинадағы күндері өтті. Мәдени іс-шаралар Украинаның орталығы Киев қаласында басталып, Украинаның көрікті жерлерін аралаумен аяқталды. Қазақстаннан барған делегация құрамындағыларды үлкен-үлкен үш топқа бөлді. Қазақстан Жазушылар одағының сол кездегі бірінші хатшысы Олжас Омарұлы Сүлейменов бастаған топ Украинаның Днепропетровск облысын, Жазушылар одағының екінші хатшысы Әбіш Кекілбаев бастаған топ Брест қамалына қарай, Жазушылар одағының хатшысы Қалаубек Тұрсынқұлов бастаған топ Украинаның Ужград облысына қарай бет алды. Қасекең осы Ужград тобында еді. Бізді топқа бөліп жатқан кезде, мені қасына шақырып алды да, сен мына Ужград тобына қосылғын, бізбен бірге жүргін деді де, мені сол топқа сұрап өзі жаздырып алды. Мен Қасекеңнің бұл қылығына аса көп мән бере қойғаным жоқ. Жай ұзақ жолда карта ойнап, ермек етіп баратын адам керек болған шығар дедім де қойдым.

Олай емес екен. Қасекең соғыс жорығын осы қаладан бастаған екен. Барғаннан кейін, облыс басшылары тарапынан жасалған қонақ кәде, ресми шаралар арасында бір толастаған сәтте бір сағаттай үзіліс болып қалды. Осы үзілісті пайдаланған Қасекең Жазушылар одағының фото корреспонденті Оңғар Исаев екеуімізге, екеуіңе бір қызық жерді көрсеткім келіп тұр, барасыңдар ма деді. Қасекеңнің тегін жүрмейтінін білемін, ойланбастан келісе кеттік.

Бізді ары-бері алып жүретін мәшиненің біріне мініп, Ужградта Мукачева поселкасына қарай біздің көлігіміз зымырап келеді. Мукачева таудың етегіне орналасқан табиғаты өте көркем әдемі жер екен. Біз мінген көлік поселокты қақ жарып өтіп, таудың арасындағы асфальт жолменен биік жартасқа қарай тігінен салды. Көлігіміз ыңыранып әзер жүріп келеді.

Мен отыз жылдай машинаның рөлінде отырған адаммын, бірақ мынадай жолда машинаны жүргізе алмас едім. Өте тәжірибелі жүргізуші болмаса, мына жолда машинаны игеру мүмкін емес. Ауыр жолды көтере алмай, суы қайнап, жолда сәл аялдаған машина шамалыдан кейін әрі қарай жылжыды. Біз мінген көлік ыңырана-қақала жарты сағаттан кейін межелі жерімізге жеткізді-ау, әйтеуір. Бұл жерге келетін басқа жол жоқ екен. Осы бір-ақ жол. Оның өзінің екі жағы – құз жартас. Бір көлік әрең сиып жүретін тас жол. Бір километрдей биіктіктегі жартастың басына салынған үлкен үш қабатты ғимаратты көргенде таң қалдық. Өйткені, ғимарат үш жағынан да, терең құз жартастың басында тұр екен. Алдында кең аула. Келетін жол біреу ғана, әлгінде біз келген жол.

Соғыс жылдары бұл ғимаратты немістер концлагер ретінде пайдаланған екен және бұл лагерьге аса қауіпті деген тұтқындарды ұстаған көрінеді. Бір қызығы тұтқындардың қашып кетуіне қолайсыздау жер екен. Сонда да бір орыс тұтқын жігіті

қашып шығады. Кейіннен қолға түскенде оның бұл еңбегін немістер аса құрметтеп, мүлдем тұтқыннан босатып жібереді. Бұл кезде ғимарат әскери музейге айналыпты.

Қасекең аула ішіндегі бір орындыққа жайғаса отырып, өзінің басынан өткізген осы лагер туралы қысқа әңгімесін айтып берді.

1944 жылдың басында мен қапыда немістердің қолына түсіп, осы лагерьде жаттым. Ол кезде немістер күйрей жеңіліп, шегініп келе жатып, жол-жөнекей жолындағылардың барлығын тегіс қиратып, өртеп, тып-типыл етіп келе жатыр еді. Олар өте ашулы. Қолға түскен совет адамдары мен партизандарға қатты өшігіп, қолға түскен сәтте-ақ атып тастай беретін. Мен осындай қатал кезде қолға түстім. Бізді бір-екі күн ұрып, соғып, әбден жазалап алды да, поселкенің оңтүстік жағындағы бір алаңға апарып, өзімізге ор қаздырып, қазылған ордың жиегіне қатар тұрғызып, атып, содан соң жақсылап көміп, үстімізден танкісін жүргізіп, өздері, совет әскерінің шабуылына төтеп бере алмай зыта жөнелген.

Сыртымыздан бақылап жүрген бір жергілікті тұрғын, ордың қасына келіп, қимылдап жатқан топырақты байқайды. Сөйтіп мына жерде тірі адам бар екен деп, топырақты қазып, мені шығарып алды, сөйтіп өз адамдарымыздың қолына табыстады. Көрер жарығым бар екен, мен осыдан аман қалдым, – деп Қасекең бір күрсініп алды. Біз ол жерді суретке түсіріп алдық.

Иә, осындай ауыр азапты көрген Қасекең батыр ағасының алдында кісімсімей кішірейіп, өзінің дәрежесінен ағасының батырлығын жоғары ұстауы үлкен құрметтің белгісі болса керек.

Жау тылында соғыста жүрген партизан Қасым Қайсенов ағамыздың да батырлығы ешкімнен кем емес. Бұл жерден байқап қараған адамға қазақтың үлкенді сыйлау дәстүрін осы жерден анық көруге болады. Мұның тәрбиелік мәні келер ұрпақ үшін үлкен деп ойлаймын. Иә, батырдың қадірін батыр білсе осындай-ақ болар. Қасекеңнің сөзінің жаны бар-ау, сірә.

Жуалы мен Түлкібастың арасы ат шаптырымдай ғана жер. Осы елді мекенде тұратын халық ежелден төсекте бастары, төскейде малдары қосылған ағайындас, кейде құдандалы болған шымырдың белді-белді рулары.

Шілмембеттен туылған қазақтың біртуар ұлы Тұрар Рысқұлов ағамыз Бәукеңнің жақын ағайын ағасы екені өтірік емес. Бәукең мен Шерхан ағамыз Жуалы жерінде дүниеге келсе, Тұрар ағамыз бен Мекемтас ағамыз Түлкібас өңірінде дүниеге келген.

Бұлардың барлығы да, шымырдың белді руынан тарайтын құли-шілмембеттер.

Бұлардың барлығы да қазақтың мәдениеті мен әдебиетіне көп еңбек сіңірген ірі тұлғалы қоғам қайраткерлері мен жазушы азаматтар.

Тұрар Рысқұлов жайлы қазақтың халық жазушысы Шерхан Мұртаза «Қызыл жебе» деп аталатын бес роман, «Бесеудің хаты», «Сталинге хат» деген бес сахналық қойылымды дүниеге әкеліп, аға алдындағы парызын өтеді. Осы арада Шераған аға алдындағы парызын оңайлықпен өтеді ме? деген заңды сұрақ туындайды. Алматы мен Мәскеу арасында талай сапарларға шығып, мұрағаттардың шаң басып сарғайып кеткен қағаздарының арасынан Тұрар Рысқұловқа қатысты деректерді іздеп, табылған

Защитник Отечества

қажетті деректерді сараптап, жинақтап, әжетке жарату үшін күнді-күнге, таңды-таңға ұра отырып, талмай еңбектенудің арқасында жазып шықты. Т. Рысқұловқа қатысты деректер жай мұрағаттарда емес, КГБ мен прокуратураның аса құпия сақталатын мұрағаттарында сақталынған. Бұл құпия деректер кез-келген зерттеушінің қолына тие бермейді. Бұл мұрағаттарға жол тауып кіру екінің бірінің қолынан келе бермейді. Ал қолынан келіп осындай құжаттарды жинақтағанымен кез-келген жазушы көркем шығарма жазып қалдыра берген жоқ. Осы орайдан келгенде Шерағанның еңбегі – ұшан теңіз.

Шерағанның осы шығармасы жазылып біткеннен кейін Жазушылар Одағында екі ұдай айтыс-тартыс пікірлер болды. Оның бірінші жағы: «Шерхан, сен осындай үлкен шығарма жазып, оқырман қауымға бердің, рахмет», – десе, екінші жағы іштарлық көрсетіп, қызғаныштан: «Тұрар Рысқұлов деген пантюркист, ол Кеңес өкіметіне қарсы әрекетте болған және ол туралы шығарма жазған Шерхан Мұртаза неопантюркист, яғни жаңа пантюркист» - деп қарсы пікір айтқандар да болды.

Шерхан Мұртаза коммунист бола тұра, коммунизмге қарсы әрекетте болған Тұрар Рысқұлов секілді Кеңестік өкіметке қарсы кісілерді дәріптеп жүр деп те айыптады.

Жаңылмасам, мұндай пікірді жазушы Жаппар Өмірбеков ағамыздың бастағанын көзіммен көріп, құлағыммен естігенмін. Алайда, бұл пікір көпшіліктен қолдау тапқан жоқ. Қайта өзі қарсы пікірлерге ұрынып қалды.

Шерхан Мұртазаның «Қызыл жебе» деген романдары бес кітаптан тұратын жай ғана жазыла салған шығарма емес, қазақ әдебиетінде «Абай жолынан» кейінгі эпопея деп атауға тұратын үлкен көркем туынды.

Шераға осы бес кітапты жазып біткеннен кейін пьеса жазуды бастады. «Қызыл жебе» деп аталатын пьесаны қазақтың белгілі жазушысы драматург Қалихан Ысқақов екеуі бірігіп жазып, сахнаға ұсынды. Бұл қойылымды Алматыдағы Ғ. Мүсірепов атындағы Жасөспірімдер театрының режиссері Райымбек Сейтметов сахналап, көрермен қауымның ыстық ықыласына бөленді. Пьеса бірінші күні қойылғанда театрда ине шаншитын орын болған жоқ. Бұл жағдай бір ай бойы жалғасын тауып отырды. Орын жетпегендер тікесінен тік тұрып тамашалады.

Шераға мен Қалихан Ысқақов тізе қоса отырып, үлкен творчестволық байланыс жасай отырып, осындай үлкен шығарма жазып жатыр дегенді естігенде біз іштей де, сырттай да қатты қуандық. Көп ұзамай жарыққа «Сталинге хат» деген екінші қойылым шығып, көрермен қауымға бұрынғыдан да зор әсерін қалдырды. Бұл пьесаны Шераға жалғыз өзі жазды. Сөйтіп Шераға өзі бастаған ұлы жұмысын өзі аяқтап шықты. Шерағанның бұл шығарманы жазуда көрмеген құқайы, тартпаған азабы жоқ. Сондай қиыншылықтарға төзе отырып жазылған шығарма көпшілік оқырман қауымның ыстық ықыласына бөленіп, жүректерінен жылы орын тапты.

Бәукең жайлы қазақта қалам тартпаған жазушы жоқтың қасы. Әлі де жазып келе жатыр, жаза да бермек. Бәукеңнің қолында тәрбиеленген ағалық ілтипатын көрген Мекемтас Мырзахметұлы жоғарыдағы жәйіттерді ескере келіп, әрі аға алдындағы парызын өтемек ниетпен Тараз қаласында «Бауыржантану» ғылыми-

зерттеу орталығын ашқанда ойы мен мақсаты – әлі де болса батыр ағамыздың зерттелмей жатқан тұстары болса, қалың жұртшылыққа ұсыну болуы керек.

Несі бар, жолыңыз болсын, қадамыңызға нұр жаусын дей отырып, осы ғылыми-зерттеу орталығының болашақтағы жемісін күтелік. Әрине, бұл оңай шаруа емес. Отыз том шығармалар жинағы, бір энциклопедия қажырлылық пен талмай еңбек етуді талап ететін қиындығы да, азабы да көп жұмыс. Осы ауыр жүкті иығына артып алған профессор Мекемтас Мырзахметұлы қазір үлкен ғылыми ізденістер үстінде.

Бәукеңнің мұраларын жинауға аса мән беріп, қызметкерлерінен де осыны талап етуде.

* * *

Бауыржантану ғылыми-зерттеу орталығының ашылғанына да едәуір уақыт болып қалды. Көктемнің жайма шуақ күндерінің бірінде мереке қарсаңында, ұжымымызбен арнайы шайға дастархан жайдық. Дастархан мәзірі шама-шарқымызша әзірленіп, жай ғана өзімізбен-өзіміз әдебиет жайлы ойларымызды ортаға салып пікір алысып отырдық. Мекең қазақ әдебиеті жайында қызықты әңгімелер айта келіп, Бауыржан Момышұлының төрт құли жайында жазбақшы болып, шығарманы жазуға арнайы деректер жинағаны туралы қысқаша әңгіме айтып берді. Кейіннен мұрағатты ақтарып отырғанда, Бәукеңнің сөз етіп отырған төрт құли жайлы арнайы шығарма жазбақшы болғанын растайтын құжаттарды көрген кезде менің таң қалмасқа шарам қалмады. Бәукең бұл шығарманы жазған жоқ. Оны қандай себептермен жазбағаны белгісіз жағдайда.

Бауыржан Момышұлының төрт құли жайлы шығарма жазамын деуі тегіннен-тегін болмаса керек. Ол кісі шығармаға арқау ету үшін құлидың қысқаша шежіресін жасап, жоспар да құрып қойған екен.

Бәукеңнің сөзімен алғанда «Біздің руымыз құли деп аталады. Олар Өреке, Маутан, Түктібай, Байдәулет, Үсен, Киікбай деп алты атаға бөлінеді».

1970 жылдардың басында Бауыржан Момышұлы төрт құли туралы қомақты, ауқымы кең шығарма жазбақшы болғаны да оқырман қауымның көпшілігіне белгісіз болуы керек.

1973 жылдары Бәукең осы төрт құлидың қысқаша шежіресін жасап, шығарманы жазуға жан-жақты дайындалған көрінеді. Сол жылғы Бәукең жасаған төрт құлидың шежіресі мынадай:

Біздің руымыз Құли аталады. Құлилар алты атаға бөлінеді: Өреке, Маутан, Түктібай; Байдәулет, Үсен, Киікбай.

Өрекеден: Ақментай батыр (атақты батыр, аты ұранға айналған.), Жәрімбет қажы (бұл кісі туралы жазғанбыз), Белгібай ақын (белгілі әнші), Өмірбай есепші (астроном, бюро погоды).

Маутаннан: Сәмет молда (мешіт ұстаған), Шоңғар (білімді, қадірлі кісі болған), Мұртаза: Мұртазадан – Шерхан.

Защитник Отечества

Шерхан МГУ-ді бітірген, 1956 жылдан журналист, «Лениншіл жас» газетінің тілшісі, көп жылдар редакторы, көп мақалалардың, үш-төрт кітаптың авторлығынан аты жұртшылыққа белгілі жазушы. Биылдан бастап, «Жұлдыз» журналының редакторы, Қазақстан Жазушылар одағының секретары. Жасы да, ісі де «Жігіт ағасының» дәрежесінде.

Менің «Мәскеу үшін шайқас» кітабымның алғашқы әдеби редакторы.

Ой, пікір, тіл тұжырымдары бар жазушы қатарына енді.

Түктібайдан: Есімбет Қажы, Мырзахмет, Мырзахметтен – Мекемтас.

Мекемтас – филология ғылымының кандидаты, доцент. Негізгі тақырыбы - Абайды зерттеу. Ұқыпты, іздене білуші ғалым. Көптеген бағалы ғылыми еңбектері мен лекцияларында, күрделі мақалаларында танылып келеді. Архивтардың қара бұрыштарынан, шаң-тозаңдарынан, күңгірт тартқан ескі жазуларынан, арнасы «суалып» бара жатқан «архаизмдерден» бас тарта білмейтін зерттеуші, жазушы. Полковник емес, ал полковниктің бауыры екені рас.

Төрт Құли біздерміз.

Шерхан екеуміз Жуалыда (ауданның аты) туып өскенбіз.

Мекемтас Түлкібаста туып өскен.

Бахытжан болса – нағыз алматылық. Басқа үшеуіміз – келгендерміз, жергілікті (коренной) алматылықтар емеспіз.

Үсеннен: Батырбек батыр, Ереш би, Момыш (Момыналы), Аққұлы шабандоз, Қасқа Қабаш.

Момыштан – Бауыржан, Бауыржаннан – Бақытжан.

Киікбайдан: Шымкентті тұрғызған Құдайберген датқа.

Мен – менмін. Мен – автормын. Менің кім екенімде әр оқырман өз пікірлерінде болуы олардың толық, даусыз праволары. Жазып отырған менмін.

Бақытжан болса менің ұлым, оның да фамилиясы Момышұлы. Ол биыл отыз екіде. Өзі аудармашы, журналист.

Қолымыздағы Бауыржан Момышұлының қысқаша жасаған шежіресі біраз нәрсені аңғартқандай. Қарап отырсаң төртеуінің де ата тектері үлкен қасиетті жандар екенін аңғару қиын емес. Молда, қажы, батыр, ақын, әнші, датқа, шабандоздарға қоса, кейінгі ұрпақтары қайталанып келгенде батыр, жазушы, ғалымдар дүниеге келген. Әсіресе соңғы ұрпақтары аттары дүние жүзіне паш еткен үлкен дарын иелері.

Мекемтас Мырзахметұлы бір әңгіменің кезі келгенде аталарының 1925-30 жылдар аралығында болған кәмпескеге ұшырап, жазықсыз қуғын-сүргін көргендігі туралы аздап сыр шерткен еді. Соған қарағанда бұл кісілердің аталары ешкімге алақан жаймаған, бай, ауқатты кісілер болған көрінеді. Көпшілігі көзі ашық, сауатты кісілер болғандығын жоғарыдағы шежіреден аңғару қиын емес.

Дегенмен, 1925-30 жылдар аралығында және 1937 жылғы саяси қуғын-сүргін нәубеті бұлардың отбасын да айналып өткен жоқ. Керісінше, бұларға да кесірін тигізіп өтті. 1932 жылғы аштық кезеңінде Мекемтас Мырзахметұлы не бәрі екі жастағы балғын-сәби періште еді. Бір үзім нан іздеген аш халық ел аралап, алақан жайып, қайтсем

жан сақтаймын, қайтсем осы аштықтан аман қаламын деп сенделіп кеткен жоқ па еді.

Оның үстіне 1928 жылғы бай-құлақтарды конфескелеу кезінде безбүйрек ағайындардың көрсетуімен әкесі Мырзахметті қамауға алып кетеді. Тегінде, Мырзахмет бай емес, бірақ ауқатты кісі еді. Өзінің шағын ұстахана-дүкені бар, соған сай тіршілігі де бар отбасын асырауға шама-шарқысы жететін кісі болатын. Ол кездің ауқаттылары ақша емес, алтын жинайтын заман. Мырзахметтің де өзінің адал еңбегімен жинаған азды-көпті алтыны болатын. Сол алтынды сылтауратып, кеңестік белсенді атқамінерлер бай деп көрсетіп, Мырзахметті де қамауға алғызады. Әйтседе, ол кісі қамауда ұзақ жатқан жоқ. Ол кезде түрмеде отырған кісінің жанашыр жақындары жауапты кісіні кепілге босатып алатын заң бар болатын. Сол заңға сүйенген Мырзахметтің үлкен баласы әкесін кепілге босатып, өзі орнына барып отырады.

«Әке – балаға сыншы» демекші түрмеден оралған Мырзахмет бесіктегі кішкентай сәбиге үңіле қарап тұрып, әйеліне: «Менің ұл балаларымнан ештеңе шықпайды, – дейді көңілі толықырамай – бар үмітім мына бесіктегі жатқан қызыл шақалақта».

Осыдан көп ұзамай-ақ түрмеде пайда болған кеселдің кесірінен 1933 жылы Мырзахмет дүниеден өтеді. Ол кісі дүниеден өткеннен кейін, бұл үйді жоқшылықтың тауқыметі басып, азын-аулақ жинап-тергендерін өкімет тартып алып, онсыз да азып-тозып отырған шаңырақты одан ары құрдымға жібереді. Осыдан бастап ағайын арасын аралап, алақан жаю басталады.

Кішкентай сәбиін арқалап, қалғандарын жетектеп Мекеннің анасының бармаған жері, баспаған тауы қалмады десе де болғандай.

1932 жылғы аштық жылының қысы қатты, әрі боранды болды. Оның үстіне «жығылған үстіне – жұдырық» дегендей Голощекиннің солақай саясатының арқасында тігерге тұяғы қалмаған қазақтар аштықтан қырыла бастады. Сөйтіп, 1933 жылғы көктем кеш шықты. Міне осы кезде қайтсем бүлдіршіндерімді аштықтан аман алып қаламын, төніп тұрған ажалдың тор шеңберінен қалай құтыламын деген ниетпен Мекеннің анасы көрші ауылда тұратын ағайынына жан сақтау мақсатымен жолға шығады. Ауылдан едәуір ұзаған кезде, жолда келе жатып бұлар ұйыққан аш қасқырлардың тобына кез болады. Өздері әзер шаршап-шалдығып, ілбіп келе жатып, қоршаған қасқырлардан қашып құтыла алмасына көзі жеткен ана ұл баласын бауырына басып, кішкентай қыз баланы жетіп қалған қорқау қасқырлардың жемтігіне тастайды. Сөйтіп баласы екеуі тосыннан келген ажалдың құрығынан құдай сақтап, әзер құтылады.

Төтенше келген ажалға бермей, аман алып қалған сәби өсе келе үлкен дарын иесі ғұлама ғалым болып, Мырзахмет әулетінің атағын жер-жаханға шығаратынын бейшара ана сол кезде сезді ме екен.

Сол кішкентай сәби – қазіргі профессор Мекемтас Мырзахметұлы.

1937 жылдың ылаңы соғыстан кейін өрши түсті. Қазақтың алдыңғы қатарлы зиялы қауым өкілдерін қудалау қайтадан жалғасын тауып, жазықтыны да жазықсызды да жазалау кең етек алды. Солардың арасында қазақтың белгілі ғалымдары: М. Әуезов,

Защитник Отечества

Е. Ысмайылов, Қ. Жұмалиевтермен қоса таяқтың бір ұшы Мекемтас Мырзахметұлына да келіп тиді. Сабағына ұқыпты, алғыр жас жігітті профессор Қ. Жұмалиев ерекше жақсы көретін. Осыны көре алмаған кейбіреулер Қ. Жұмалиевті қамап қойғаннан кейін, Горком партияның бюросына Мекеңді шақырып, арнайы талқылау болады. Мекемтас Мырзахметұлын профессор Қ. Жұмалиев өте жақсы көрген деп көрсетіп, оны тергеуге алғызады.

Өйтіп-бүйтіп жүріп тергеуден зорға аман құтылған М. Мырзахметұлы қаншама қиыншылықтарға мойымастан, оқуын ары қарай жалғастырып, оны ойдағыдай бітіріп шығады.

1937 жылдары Шерханның әкесі Мұртазаның мініп жүрген жақсы аты болған екен. Бүкіл уезде оған жететін ат болмаған. Сол атқа уездің прокурорының көзі түсіп, сұрап жүретін көрінеді. Мұртаза астындағы атын қимай бермей қояды. Соған ашуланған прокурор Мұртазаны 1937 жылдың құрбаны етіп айдап жіберіп, өзі атты иемденген көрінеді.

1937 жыл қазақ зиялы қауымына келген үлкен зобалаң. Осы зобалаң кезінде жазықты да жазықсыз да жапа шекті. Соның бірі сенің әкең Мұртаза еді. Прокурорға атын бере салса аман қалатын еді ғой. Бір атты қимай сенің әкең айдалды да кетті деп Баукең бір әңгіменің кезі келген кезде Шерағаңа айтқан көрінеді.

Алайда, бұл зобалаңнан Бауыржан Момышұлы аман қалды. Кім біледі әскерге кетпей елде жүрсе мүмкін ілініп те кетуі. Баукең ол кезде Қиыр Шығыста әскер қатарында жүрген. Әйтпесе, баяғы бастықты бақаға теңегені, милицияны басқармай бас тартқаны, сол зобалаң жылдары алдынан шығуы әбден мүмкін еді. Әйтседе, құдай сақтап аман қалды.

– Сен мына мінезіңмен 1937 жылдың ылаңынан қалай аман қалдың, – деген Ғабит Мүсіреповтің сұрағына Баукең былай деп жауап берген:

– Мен ол жылдары Сібірде Владивостокта әскери қызметте едім. Бұл ылаң бізге де келген. Біздің полктің командирін еріксіз қамап, полктағы штаб офицерлерінің барлығын шетінен біртіндеп шақырып, тергеу жүргізген. Мен тек қана шындықты айттым. Өзіме қатысты да, командиріме қатысты да. Бір емес бірнеше рет тергеу болды. НКВД-ның тергеушілері бар күш жігерін бізді алдай-арбай отырып, полк командирін жамандауға бейімдеді, бірақ мен оған көнбедім. Кейіннен полк командирі босап шыққаннан кейін маған келіп, рахмет айтты. Сонда менің ең қауіптенген адамым сен едің. Сен әділін айттың. Мәселенің бәрі осы жерде, сенің берген жауабыңа байланысты болды. Соның арқасында ғана мен құтылып шықтым деп ризашылығын білдірді.

* * *

Қазіргі көпшілік оқырман қауым Бауыржан Момышұлын жазушылық өмірге 1950 жылдардың аяғы, 1960 жылдардың басында келді деп біледі. Тіптен олай емес екен. Ол кісі жазушылық өмірін 1928 жылдары бастаған. Баукеңінің сол жылдарғы қаламынан

туындаған, қалта кітапшасына маржандай тізіліп жазылған жыр шумақтары осыны растайды.

Қазақтың кез-келген жазушысы қолына қалам алған сәтте, әдебиетке келер шағында, әдебиетіміздегі поэзия жанрына соқпай кеткені кемде-кем. Бәукең де сол секілді. Жазушылықты поэзиядан бастаған көрінеді. Поэзиядан бастауының тағы бір себебі қазақтың бай ауыз әдебиеті үлгілерімен сусындап, Абай мен Мағжан өлеңдерін көп оқығанының әсері болуы керек. Сондай-ақ Жуалының әсем табиғаты да оны өлең жазуға итермелегені сөзсіз секілді. Өлең-жырларының көбі ауыз әдебиетінің үлгісімен жазылған. 1930 жылдардың басынан үнемі әскери жорықтарда болған Бәукең қалта кітапшасына көрген-білгендерін тізіп жаза отырып, осы күнге мұра етіп қалдырыпты. Бұл қалта кітапшалары Алматыдағы орталық мұрағатта сақтаулы.

[Faint, illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the page]

Гүлзина ШЕРІМБЕТОВА
ақын, әдебиетші,
Шымкент қаласындағы Бауыржан Момышұлы
оқыған №7 мектептің ұстазы.

ЕРДІҢ ЕРІ

Сағынғанда өр тұлғанды-қайталанбас тау сынды.
Жылдар өтіп бүгін қайта естігендей даусыңды.
Шашасына шаң жұқпаған тұяғысың тұлпардың,
Қанаттары ұшқан сайын қатаятын сұңқардың.

Шежіредей қаттап келген мұрасы ма ең бабамның,
Ал пейілің сыңарындай ұлан байтақ даламның.
Қасиетті жермен егіз,киелі құс ұлардай,
Салт- дәстүрді қадірлеп ең қасиетті тұмардай.

Әуелден-ақ хас батырдың солай еді үрдісі,
Бар болмысың қарапайым қазағымның үлгісі
Естен тана таңдандырып, дұшпаныңды жатыңды,
Қанды соғыс мәшһүр етті сын сағатта атыңды.

Намыс оты жанығанда кір шалмаған арыңды,
Отты күндер ұштап берген қаламыңды қарымды.
Суық Сібір, бораған оқ бола алмады тосқауыл,
Аңыз болды отаныма өшпес даңқ қосқаның.

Қан майданнан келіп жатқан жан тербетер хаттарың,
Білдің бе, Аға, бүгін ұрпақ құрандай ғып жаттарың.
Әр сөзіңнің салмағы бар алмастырмас асылға,
Тіліп түсер өткірлігі тең келетін жасынға.

Елге дана жас баламен бала бола білетін,
Қай істің де орныменен таба білер ретін.
Байлық қумай, мансап қумай адамилық інкәрі,
Әділдіктің туын жықпай шындық ән боп шырқары.

Есіміңнен естілгендей жеңіс үні жақындап,
Қалың орман Сібірдегі сыбдырлайды мақұлдап,
Басып өткен жолдарыңнан естілгендей қазақы үн,
Ол да сенің жаныңдай боп кірпияз да таза тым.

Ала таудай биіктігің аласармас ел барда,
Қарапайым батыр ұлы әрбір сөзі тең нарға.
Қаныңдағы ерлігіңмен жаздың ерлік дастанын,
Өшпес даңқың кетті шарлап бүгін әлем аспанын.

ФОНД ПАМЯТИ ПАВШИХ СОВЕТСКИХ ВОИНОВ В ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ «ПАМЯТЬ» («ЕСКЕРТКІШ» ҚОРЫ)

Некоммерческая организация «Фонд памяти павших советских воинов в Восточной Пруссии «Память» («Ескерткіш» Қоры) образована в 2006 году. Председателем Совета Фонда является Гульзифа Джумановна Смирнова. Главной задачей организации является увековечение памяти воинов-казахстанцев, погибших в годы Великой Отечественной войны на территории Восточной Пруссии. По официальным данным, в этом районе за 103 дня ожесточенных боев потери советской стороны составили около 600 тысяч человек, из них установлены и увековечены имена только 145 тысяч.

С этой целью Фонд проводит ежегодные акции «Вахта памяти» в Калининградской области по обнаружению и захоронению останков, совместно с Военно-мемориальным центром Министерства обороны РФ ведет электронную базу данных погибших, реализует проект «Дорога к Храму Покаяния и Памяти».

Благодаря усилиям Фонда в честь павших солдат установлен памятник, включенный в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.

По инициативе Фонда и при поддержке Посольства Казахстана в РФ в канун 65-летия битвы за Москву в российской столице побывали и были награждены юбилейными медалями ветераны 8-ой (316-й) Гвардейской (Панфиловской) стрелковой дивизии. В целях патриотического воспитания молодежи Фонд также содействует созданию школьных музеев, уголков боевой славы и т.д.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «БАУЫРЖАНТАНУ»

30 января 2004 года при департаменте внутренней политики Жамбылского областного акимата Республики Казахстан была организована рабочая группа, осуществляющая научный проект под названием «Наследие Бауыржана Момышулы на вершине XXI века» и создан центр «Бауыржантану».

Основной задачей центра является поиск и собрание материалов из наследия Бауыржана Момышулы в архивах ближнего и дальнего зарубежья.

В 2009 году центр выпустил 30-томное академическое собрание сочинений Б. Момышулы и посвященных ему произведений, а также энциклопедию-фотоальбом «Бауыржан Момышулы».

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная часть	5
<i>Заутбек Турисбеков. Вступительное слово</i>	5
<i>Мекемтас Мырзахметулы. К читателям</i>	8
От составителей	10
Первая часть. Мы помним, чтим, гордимся!	11
Бірінші бөлім. Біз ұмытпаймыз, құрметтейміз, мақтан етеміз!	11
Личное дело К-39456. Автобиография Баурджана Момыш-улы	13
Учетно-послужная карта (УПК)	15
Боевая характеристика	16
<i>Н. Назарбаев. Президенту СССР тов. Горбачеву М.С. О присвоении звания Героя Советского Союза Момышулы Баурджану</i>	17
Наградной лист	21
Указ Президента СССР о присвоении звания Героя Советского Союза активным участникам Великой Отечественной войны 1941–1945 годов	25
<i>В.И. Долгих. К 100-летию со дня рождения участника Битвы за Москву, Героя Советского Союза Баурджана Момыш-улы</i>	26
<i>Сабит Муканов. Славному брату Баурджану</i>	28
<i>А.И. Сорокин. Дружба народов – залог Победы</i>	30
<i>Суюнбай Ералиев. Командир на белом коне</i>	31
<i>М.И. Панфилова. Баурджан Момыш-улы</i>	33
<i>Абдильда Тажибаев. Великан. Гвардии капитану Баурджану Момыш-улы</i>	35
<i>М.Р. Сагдиев. Навечно в гвардейском строю</i>	37
<i>Мартай Аюбаев. Ер-Бауке</i>	43
<i>Какимбек Салыков. Поются песни о батыре</i>	52
<i>Алмат Аманбаев. Пять эпизодов из жизни героя: к 100-летию Бауыржана Момыш-улы</i>	53
<i>Турсунай Оразбаева. Общение с духом героя</i>	56
<i>Хайырлы Муханбеткалиев. Воспитание чести</i>	57
<i>Г.Д. Смирнова. Панфиловская дивизия</i>	68
<i>Р.И. Федченко. Музей Героев-панфиловцев</i>	87
<i>Б. Шереметьев, Г. Онанян. Вечер Баурджана Момышулы в Москве</i>	89
Вторая часть. Воспоминания друзей-однополчан	91
Екінші бөлім. Қарулас достардың естеліктері	91
<i>Малик Габдуллин. О Баурджане Момыш-улы</i>	93
<i>Дмитрий Снегин. Открытый всем: Беседы с Баурджаном Момыш-улы</i>	164

Третья часть. Истины из архива	199
Үшінші бөлім. Мұрағат ақиқаттары	199
<i>Баурджан Момыш-ұлы. О воинском воспитании</i>	201
<i>Баурджан Момыш-ұлы. После смерти бабушки</i>	208
<i>Баурджан Момыш-ұлы. Кончились зимние вечера</i>	215
<i>Баурджан Момыш-ұлы. Туман. Темная ночь</i>	228
<i>Исидор Санович. Баурджан, сын Момыша</i>	231
<i>А. Кривицкий. Военные записи полковника Баурджана Момыш-ұлы</i>	253
<i>Баурджан Момыш-ұлы. Мой дорогой, добрый друг</i>	259
<i>А.И. Голубева. Письмо Баурджану Момыш-ұлы</i>	263
<i>Б.Б. Биримжанова. Если луч солнца осчастливит меня своим сиянием...</i>	265
<i>Баурджан Момыш-ұлы. Статья в «Литературной газете» от 18 февраля 1970 года</i>	270
Четвертая часть. Защитник Отечества	273
Төртінші бөлім. Ел қорғаған қаһарман	273
<i>Мекемтас Мырзахметұлы. Оқырманға арнау</i>	275
<i>Бауыржан Момышұлы. Мақал-мәтелдер</i>	277
<i>Баукеңнің баталары</i>	279
<i>Сәбит Мұқанов. Батыр інім Бауыржанға</i>	280
<i>Қасым Аманжолов. Бауыржан</i>	282
<i>Сүйінбай Ералиев. Ақбоз ат мінген командир</i>	284
<i>Қасым Қайсенов. Баукеңнен таяқ жеген солдат</i>	286
<i>Әзілхан Нұршайықов. Ескірмеген естелік, немесе Л.И. Брежневке хат қалай жазылды?</i>	289
<i>Шерхан Мұртаза. Бауыржан, Рахымжан, Кәкімжан</i>	309
<i>Мырзатай Жолдасбеков. Бауыржан туралы сөз</i>	312
<i>Ғали Орманов. Полковник</i>	320
<i>Ғафу Қайырбеков. Бауыржан</i>	321
<i>Тұманбай Молдағалиев. Бауыржан ағаға</i>	323
<i>Қайрат Жұмағалиев. Бауыржан Момышұлы</i>	325
<i>Кеңшілік Мырзабеков. Батырды еске алу</i>	327
<i>Мекемтас Мырзахметұлы. Баукеңмен сырласу кештері</i>	329
<i>Ханбибі Есенқарақызы. Айбарлы атам еді</i>	346
<i>Жорабек Мәмбетәлиев. Алты алаштылты алаштың қас батыры</i>	357
<i>Тұрсынай Оразбаева. Батыр рухымен сырласу</i>	394
<i>Мұхамеджан Кәтімхан. Баукеңнің бауырлары</i>	396
<i>Гүлзина Шерімбетова. Ердің ері</i>	410
Фонд памяти павших советских воинов в восточной Пруссии «Память» («Ескерткіш» Қоры)	412
Научно-исследовательский центр «Бауыржантану»	413
Содержание	414

ЛЕГЕНДАРНЫЙ БАТЫР

**К столетию со дня рождения Героя Советского Союза
Бауыржана Момышулы**

Документы. Архивные материалы. Воспоминания

Корректор
Н.А. Замыслова

Технический редактор
М.В. Антонов

Художественное оформление
С.И. Евдокимов

**Подписано в печать 30.11.2009. Формат 84×108^{1/16}.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Объем 26 п.л.
Тираж 1000 экз. Заказ 2641.**

**Отпечатано в ОАО «Типография «Новости»».
105005, г. Москва ул. Ф. Энгельса, 46.**